„ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ФОНДЪ Н. О. ЭМИНА“
при Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ.
ВЫПУСКЪ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и СТАТЬИ

Н. О. ЭМИНА

по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы (за 1858—1884 гг.).

Съ приложеніемъ переводовъ изъ армянскихъ историковъ.

МОСКВА.
1896.

На основанiи Высочайше утвержденнаго Устава Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, Совѣтъ спецiальныхъ классовъ Института печатать разрѣшилъ.

22-го Марта 1895 г.

Директоръ *Г. Канановъ.*

Типографiя Варвары Гатцукъ, Москва, Болотная площадь, д. Бахрушиныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

IV. По исторіи армянской литературы:

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Переводы армянскихъ историковъ:

Отъ Редакціи.

Настоящее изданіе, предпринятое по волѣ учредителя „Этнографическаго фонда Н. О. Эмина“ [1]), заключаетъ въ себѣ изслѣдованія и статьи самого Эмина по армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы, напечатанныя покойнымъ арменистомъ въ промежуткѣ отъ 1858—1884 гг.—по большей части, какъ предисловія и приложенія къ капитальнымъ и научно обставленнымъ переводамъ своимъ, или же статьями въ Трудахъ Императорскаго Московскаго и Русскаго Археологическаго Обществъ, а также отдѣльными изданіями.

Редактируя настоящій сборникъ, въ качествѣ уполномоченнаго на то члена Комиссіи по изданіямъ „Этнографическаго фонда Н. О. Эмина“, мы буквально придерживались перваго изданія каждой статьи, за исключеніемъ тѣхъ, правда, немногихъ случаевъ, когда мы находили въ ручныхъ экземплярахъ Эмина, хранящихся въ библіотекѣ Лазаревскаго Института, сдѣланныя его рукою какія-нб. помѣтки—исправленія или дополненія: послѣднія съ возможной точностью внесены въ это изданіе, съ указаніемъ

[1]) См. Предисловіе къ I выпуску „Этнографическаго фонда Н. Эмина“, новый переводъ „Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго“, М. 1893, стр. V. и слѣд. и Высочайше утвержденныя Положенія этого фонда, также, стр. IX—X.

этихъ измѣненій. Кромѣ того, при перепечаткѣ статьи о Фавстѣ Византійскомъ (на французскомъ языкѣ) изъ „Собранія армянскихъ историковъ“ В. Ланглоа, мы позволили себѣ возстановить ту транскрипцію собственныхъ именъ, которая была первоначально въ рукописи автора и которую потомъ измѣнилъ редакторъ французскаго сборника, согласно т. наз. западно-армянскому произношенію, принятому послѣднимъ въ своемъ изданіи [1]).—Къ числу болѣе пространныхъ дополненій нашего автора относится его замѣтка: „къ Династическому списку Хайкидовъ“ (стр. 194—196). Какъ новинку, появляющуюся въ печати въ первый разъ, слѣдуетъ отмѣтить статью объ императорѣ Цимисхіи (стр. 165—172).

Сверхъ изслѣдованій Н. О. Эмина, редакція сочла нелишнимъ включить въ настоящее изданіе, въ видѣ *Приложеній*, также нѣкоторые его переводы отдѣльныхъ эпизодовъ изъ армянскихъ историческихъ сочиненій, представляющіе интересъ по исторіи Магомета, Грузіи, Монголовъ и Византіи. Изъ четырехъ Приложеній три послѣднія напечатаны съ рукописей и такимъ образомъ впервые появляются въ свѣтъ.

Всѣ изслѣдованія, статьи и приложенія снабжены отъ редакціи пояснительными примѣчаніями въ выноскѣ—о времени и мѣстѣ ихъ перваго появленія, объ объемѣ ихъ и форматѣ, объ измѣненіяхъ, дополненіяхъ и проч. Въ отличіе отъ примѣчаній самого Эмина, подобныя поясненія помѣщены въ прямыхъ скобахъ [ ] и обозначены

---

[1]) О транскрипціи собственныхъ именъ, принятой Н. О. Эминымъ, см., между прочимъ, его Предисловіе къ нов. пер. „Ист. Арм. М. Хор.,“ стр. XXII—XXIII, также стр. 263—264 настоящаго сборника.

иниціалами редактора. Для удобства пользованія одновременно первыми изданіями статей и настоящимъ въ одномъ сборникѣ, мы сохранили на поляхъ прежнюю ихъ пагинацію; въ произведеніяхъ же, печатаемыхъ здѣсь въ первый разъ, страницы отмѣтили по рукописямъ.

Редакціи же принадлежитъ составленіе Указателя собственныхъ именъ къ настоящему изданію, въ качествѣ необходимаго пособія для справокъ.

Помянутыя здѣсь рукописи Н. О. Эмина, доставшіяся по завѣщанію ихъ автора въ собственность редактору, его ученику, будутъ переданы владѣльцемъ ихъ въ даръ библіотекѣ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ, въ которой хранятся другіе рукописные матеріалы покойнаго армениста, относящіеся къ напечатанному уже первому выпуску „Этнографическаго фонда“ его имени—новому изданію русскаго перевода „Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго“.

Г. Халатьянцъ.

Апрѣль, 1896 г.
Москва.
Лазаревскій Институтъ
восточныхъ языковъ.

I.

Объ Арѣ Прекрасномъ *).

Разсказъ объ Арѣ Прекрасномъ (М. Хоренскій; I, 15), по нашему мнѣнію, достоинъ вниманія ученыхъ, на судъ которыхъ представляемъ нѣкоторыя наши предположенія. Дабы читатель могъ однимъ 252
взглядомъ обнять вопросъ, приведемъ вкратцѣ разсказъ нашего автора объ Арѣ.

Войнолюбивая ассирійская царица—Семирамида, говоритъ историкъ, прельщенная молвою о красотѣ Ары, отправляетъ къ нему пословъ и предлагаетъ ему руку свою и престолъ. Ара съ презрѣніемъ отвергаетъ предложеніе любострастной царицы, которая, оскорбленная отказомъ Ары, собираетъ войско и нападаетъ на Арменію въ надеждѣ покорить ее и взять въ полонъ Ару. Но послѣдній встрѣчаетъ ее съ оружіемъ въ рукахъ и, защищая свое государство, падаетъ отъ руки непріятеля во время жаркой сѣчи. Семирамида, уз-

---

*) [Настоящая статья была напечатана Н. О. Эминымъ, въ 1858 г., въ первомъ русскомъ переводѣ „Исторія Арменіи“ Моисея Хоренскаго, въ отдѣлѣ Примѣчаній (57-е), стр. 251 — 256. Мы внесли въ ней нѣкоторыя незначительныя поправки, сдѣланныя покойнымъ арменистомъ въ его ручномъ экземплярѣ „Ист. Арменіи“, вѣроятно, въ концѣ 80-ыхъ годовъ, т. е. незадолго до его кончины, что доказывается дрожащимъ почеркомъ руки автора. *Г. Х.*].

навъ о его смерти, отправляетъ людей на поле сраженія отыскать тѣло убитаго между падшими. Трупъ его, отысканный такимъ образомъ между падшими героями, представленъ царицѣ, которая приказываетъ выставить его въ верхней свѣтлицѣ дворца. Между тѣмъ Армяне, несмотря на смерть любимаго своего вождя, не признаютъ надъ собою власти Ассирійской завоевательницы, которая, желая привлечь къ себѣ сердца ихъ, распускаетъ слухъ въ народѣ, что она «Приказала богамъ лизать раны Ары и что поэтому онъ оживетъ». Но когда разложился трупъ, она велѣла бросить его въ глубокій ровъ, и одного изъ своихъ любовниковъ вывела въ царскомъ облаченіи и пустила про него молву, что «Боги, облизавъ Ару, оживили его»; и тѣмъ успокоила народъ.

Обратимъ вниманіе читателя на слѣдующія обстоятельства сего разсказа: 1) Ара—лице благочестивое (pius, въ смыслѣ древнихъ); онъ не соблазняется ни воинскою славою, ни красотою Семирамиды, ни обаяніемъ видѣть себя на Ассирійскомъ престолѣ. 2) Онъ падаетъ въ сраженіи, защищая свое государство. 3) Тѣло его послѣ сраженія находятъ между трупами падшихъ съ нимъ героевъ. 4) Отысканный его трупъ ставятъ въ верхней свѣтлицѣ. 5) Боги лижутъ его раны, и Ара возвращается къ жизни.

Вотъ остовъ этого разсказа, подъ которымъ Армяне языческихъ временъ скрывали высокую религіозную идею, а именно—идею о безсмертіи души и о воскресеніи мертвыхъ. Что дѣйствительно это ученіе существовало у древнихъ Армянъ, тому доказательство также находимъ, вопервыхъ, и у другихъ армянскихъ историковъ, разсказывающихъ событія, скрывающія подъ внѣшнею своей оболочкою туже идею, которую замѣчаемъ въ разсказѣ Хоренскаго объ Арѣ; а вовторыхъ, въ названіи боговъ Армянъ-язычниковъ, которымъ эти послѣдніе приписывали способность лизаніемъ ранъ падшихъ въ бою возвращать ихъ къ жизни. — Остановимся на минуту и на томъ и на другомъ.

253 Одинъ изъ древнѣйшихъ Армянскихъ историковъ IV вѣка, а именно, Фавстъ византійскій, говоря о Мушéхѣ — Армянскомъ главнокомандующемъ, жившемъ въ 384 году по Р. Х. въ царствованіе Вараздата Аршакуни́, повѣствуетъ слѣдующее: Батъ Сахаруни́, кормилецъ царя

Вараздата, завидуя славѣ и обширной власти Мушéха, безпрестанными своими навѣтами возстановилъ государя противъ него до такой степени, что послѣдній рѣшился наконецъ приказать убить Мушéха: злодѣйство это было совершено за царскимъ столомъ по данному условному знаку. (См. Ист. Арм. Фавста византійскаго кн. V, гл. 35). «И когда понесли тѣло главнокомандующаго Мушéха домой къ его родственникамъ, родственники не хотѣли вѣрить его смерти, хотя и видѣли голову его, отсѣченную отъ тѣла. И говорили: онъ бывалъ въ безчисленныхъ сраженіяхъ и никогда не былъ раненъ: стрѣла никогда не коснулась его, нижé кто-нибудь нанесъ ему рану оружіемъ. Другіе же надѣялись, что онъ воскреснетъ; и потому приставили, пришили голову къ туловищу и возвели на кровлю одной башни. И такъ какъ онъ (Мушéхъ) былъ мужъ храбрый, то говорили: «Арлезы сойдутъ и воскресятъ его».— Стояли и сторожили въ ожиданіи его воскресенія, пока наконецъ сгнилъ трупъ его. Послѣ того снесли его съ той башни, оплакали и погребли, какъ надлежало». (Тамъ же кн. V, гл. 36).

Другой армянскій писатель V вѣка, а именно, епископъ Езникъ, также упоминаетъ о существованіи у древнихъ Армянъ ученія о воскресеніи падшихъ въ бою, чтó онъ равнымъ образомъ приписываетъ содѣйствію боговъ-аралезовъ. (См. Езникъ кн. I, § 24—25).

Изъ этого явствуетъ, что дѣйствительно у языческихъ Армянъ существовало ученіе о безсмертіи души, слѣдовательно и о воскресеніи мертвыхъ (по преданію, падшихъ на сраженіи) посредствомъ боговъ, называемыхъ Аралезами. Изъ послѣднихъ двухъ мѣстъ древнихъ армянскихъ писателей: Фавста византійскаго и ученаго Езника, видимъ, что вѣрованіе въ воскресеніе убитыхъ въ бою черезъ посредство боговъ-аралезовъ существовало въ Арменіи долго спустя послѣ введенія христіанской вѣры. Простой историческій разсказъ Фавста о ожиданіи родственниковъ Мушéха при видѣ обезглавленнаго его тѣла, и критическій взглядъ на это повѣріе и его опроверженіе епископомъ Езникомъ показываютъ намъ упорное продолженіе существованія этого языческаго ученія между Армянами первыхъ христіанскихъ вѣковъ. Въ противномъ случаѣ ни тотъ, ни другой писатель не сталъ бы говорить о немъ.

Мы сказали, что воскресенье падшихъ въ бою совершалось при содѣйствіи Аралезовъ. Эти боги «сходили», по выраженію армянскихъ писателей, и начинали лизать раны убитаго на полѣ сраже-
254 нія и тѣмъ возвращали его къ жизни. Этимологія слова Аралез вполнѣ подтверждаетъ назначеніе этого божества. Ибо оно состоитъ изъ словъ: іар, յար (безпрерывно, вѣчно, всегда) и лэз, լէզ (отъ гл. лезул, լեզուլ, лизать), и потому Аралез значитъ безпрерывно лижущій. Мнѣніе ученыхъ Мхитаристовъ, производящихъ это слово отъ Ары, царя Армянскаго и отъ лизать, лишено всякаго основанія (см. Академическій ихъ словарь); ибо тогда нужно было бы приписать и происхожденіе этого повѣрія смерти Ары и выдумкѣ Семирамиды. Между тѣмъ какъ мы видимъ, что Ассирійская царица прибѣгаетъ къ этому повѣрію, какъ къ туземному, народному, еще до нея существовавшему въ Арменіи для того, чтобы успокоить возставшій народъ. Понятная вещь, что Армяне вняли голосу царицы потому, что по ихъ ученію воскресенье Ары было вещь возможная. Ни Фавстъ, ни Моисей Хоренскій не даютъ намъ понятія о томъ, какъ изображалось это божество. Изъ словъ ихъ мы только узнаемъ, что это—боги неземные, ибо они сходятъ сверху. Одинъ только Езникъ въ упомянутомъ своемъ сочиненіи, говоря объ этомъ божествѣ, производитъ его отъ собаки. Онъ, какъ лице духовное и ревнитель христіанской религіи, желая нанести рѣшительный ударъ языческому повѣрію своихъ соотечественниковъ, указываетъ на происхожденіе Аралеза отъ собаки, оставивъ въ сторонѣ символическое значеніе такого изображенія. Не смотря на неопредѣленность этой характеристики, мы все таки можемъ заключить, что Аралезъ былъ божество съ человѣческимъ туловищемъ и съ собачьей головой. Трудно сказать — какое мѣсто занимало оно въ іерархіи боговъ языческихъ Армянъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ по возможности значеніе Аралеза и существованіе у древнихъ Армянъ ученія о воскресеніи мертвыхъ, перейдемъ къ Платону, который въ концѣ своей Республики приводитъ любопытный и знаменательный миѳъ о Эрѣ Армянинѣ, и посмотримъ—кто такой этотъ Эръ?

Греческій философъ въ концѣ упомянутаго своего сочиненія, го-

воря о воздаяніяхъ, ожидающихъ человѣка за гробомъ, и о безсмертіи души, заключаетъ высокое свое ученіе величественнымъ миѳомъ о Эрѣ Армянинѣ. Приступая къ изложенію этого миѳа, Платонъ старается прежде всего поставить его въ выгодномъ свѣтѣ и потому говоритъ: «То, чтó онъ намѣренъ приводить, не есть разсказъ объ Алкиноѣ, но о человѣкѣ мужественномъ—Эрѣ Армянинѣ». Затѣмъ приступаетъ къ самому миѳу: «Эръ былъ убитъ на сраженіи; десять дней спустя, когда стали собирать обезображенные уже трупы вмѣстѣ съ нимъ падшихъ, нашли тѣло его (Эра) цѣлымъ и неповрежденнымъ. Понесли его къ нему на домъ, дабы совершить надъ нимъ погребальный обрядъ. На двѣнадцатый день, когда онъ еще лежалъ на кострѣ, ожилъ и разсказалъ все, чтó видѣлъ на томъ свѣтѣ».

Содержаніе этого миѳа объ Эрѣ извѣстно ученымъ; оно безъ со- 255
мнѣнія принадлежитъ Платону, по крайней-мѣрѣ его развитіе въ мельчайшихъ подробностяхъ. Основа же миѳа и самый миѳъ заимствованы греческимъ мудрецомъ изъ современныхъ сказаній, бывшихъ въ его время въ ходу. И вѣроятно, какъ и Кузенъ думаетъ, Платонъ познакомился съ этимъ миѳомъ во время своего путешествія по Востоку. Хотя французскій ученый и не берется доказать — на какомъ именно данномъ основываетъ Платонъ свой миѳъ, однако и не отвергаетъ существованія этого первоначальнаго даннаго. По его мнѣнію, «Обстоятельства времени и мѣста такъ неопредѣленны здѣсь, что невозможно дѣлать сколько-нибудь разумное предположеніе по этому предмету. Я не допускаю, говорить онъ далѣе, толкованій позднѣйшихъ писателей, каковы Климентъ (Strom. V) и Евсевій (Praepar. evang. XIII), которые видятъ въ Эрѣ Армянинѣ Зороастра, и въ подтвержденіе своихъ предположеній приводятъ начало одной книги этого мудреца (Зороастра), очевидно апокрифической, для которой безъ сомнѣнія источникомъ служило это же самое мѣсто Платона». (См. Oeuvres complètes de Platon, trad. par. V. Cousin, Paris, 1834, t. X. p. 377—78).

Французскій философъ не ошибается, допуская существованіе первоначальнаго даннаго для этого миѳа. И это данное, какъ намъ кажется, есть то самое Армянское сказаніе о Арѣ, которое изложили

мы выше. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните всѣ подробности этого сказанія, которыя удивительнымъ образомъ совпадаютъ съ подробностями миѳа Платонова: a) Ара и Эръ—лица въ высшей степени благочестивыя; b) оба они воины, павшіе въ бою; c) тѣла обоихъ послѣ сраженія находятъ на полѣ брани между убитыми, и находятъ ихъ, нѣсколько дней спустя, неповрежденными; d) отысканныя тѣла обоихъ возводятъ: одного на высокій костеръ, другаго въ верхнюю свѣтлицу; e) оба они оживаютъ: одинъ на кострѣ, другой отъ лизанія боговъ; наконецъ f) оба они — Армяне по происхожденію и носятъ почти одно и то же имя.

Если ко всему этому прибавить и то, что языческіе Армяне учили воскресенію душъ и потому—безсмертію, какъ мы доказали выше; тогда не трудно будетъ допустить предположеніе, что Платоновъ миѳъ ничто иное, какъ Армянское сказаніе объ Арѣ, которое обратило на себя вниманіе греческаго философа во время путешествія его по Востоку, потому въ особенности, что это сказаніе по духу своего содержанія совершенно согласно было съ убѣжденіями Платона.

Предоставляемъ нашимъ ученымъ судить—на сколько основательно это краткое объясненіе происхожденія Платонова миѳа о Эрѣ, здѣсь нами предлагаемое. Съ своей стороны мы только скажемъ, что по случаю посланнаго въ Парижское Азіатское общество экземпляра нашего «Разсужденія объ эпическихъ пѣсняхъ древнихъ Армянъ», въ которомъ подробно развитъ вопросъ о миѳѣ Платона — одному изъ
256 членовъ этого ученаго сословія угодно было взять на себя трудъ сообщить Кузену наше объясненіе миѳа о Эрѣ, которое получило совершенное одобреніе французскаго философа. Знакомые съ армянскимъ языкомъ найдутъ подробное изслѣдованіе этого любопытнаго вопроса на стр. 81 — 93 упомянутаго нашего Разсужденія.

II.

Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ армянъ *).

СОДЕРЖАНІЕ.

*) [Появился сначала въ 1864 г. въ русскомъ переводѣ «Всеобщей Исторіи Асохика», сдѣланномъ покойнымъ арменистомъ, въ отдѣлѣ Приложеній (14-ое), стр. 258—303, in 8°, а потомъ и отдѣльной книгой, въ томъ же 1864 г., стр. 1—72, in 8°, *Г. Х.*].

6 т. е. Венера; храмы ея.—4. *Нанê*,—дочь Арамазда: тожественность ея съ „Нана, Нанаіа, Нанеа.“—По Іосифу она—Артемида, по армянскимъ извѣстіямъ она тоже что *Астх'икъ;* ея храмъ.—5. *Баршимніа;* его храмъ; его эпитетъ.—„Баршаминъ“ Моисея Хоренскаго; „Баршамъ ассирійскій“ Ананіи ширакскаго.—Легенда о Вахагнѣ и Баршаминѣ.—Его изображеніе, принесенное изъ Месопотаміи въ Арменію.—Храмъ его.—Объясненіе имени: „Баршаминъ, Баршимніа;“—*Нин* или *Бар*—Геркулесъ, покровитель ассирійскихъ царей.—6. *Тир*—Гермесъ армянскій, „учитель жреческой мудрости, писецъ, scriba, дебир Арамазда, учитель всѣхъ художествъ, внушитель и толкователь сновъ, проводникъ душъ;“ онъ тоже что *Небó* или *Небу* ассирійскій.—7. Михр—сынъ Арамазда; храмъ его.—Михр—„Meher, Mithra или Mithras“ древнихъ.—Значеніе его имени на парсійскомъ языкѣ. У Армянъ онъ—богъ невидимаго огня.—Его видимыя проявленія; а) *Арег—акн*—символъ *огня мужескаго пола;* в) *Лусин*—символъ *огня женскаго пола.*—Храмъ ихъ.—8. *Вода:* источникъ-братъ—*Ардви-зур:* источникъ живой воды.—9. *Аманор*—покровитель плодовъ и богъ пріютодатель (—ванатур дик').—Храмъ его,—праздникъ его въ мѣсяцѣ *Навасард'ѣ.* —Почему онъ названъ „Ванатур“?—*Нев—руз* Парсовъ; время празднованія праздника Михра у послѣднихъ.—Значеніе слова: „аманор“ возстановленное.—10. *Арев*—видимое проявленіе невидимаго свѣта.—Его эпитетъ. —Чему поклонялись въ немъ Армяне?—*Арев—ордик':* сыны Арева.—Мнѣніе объ нихъ Нерсеса Благодатнаго.—11. Ахриманъ не названъ по имени у армянскихъ писателей, хотя онъ и чествовался у языческихъ Армянъ. —*Драконъ*—его символъ; человѣческія жертвы, приносимыя дракону.—*Дэвы*—служители Ахримана.—*Джохк'*—царство Ахримана.—12. *Сандарамéт* или *Сандарапет*—духъ подземнаго царства.

II. *Индійскіе боги* въ армянскомъ пантеонѣ.—Они не названы по имени у Зеноба Глака. Произвольное толкованіе, данное разсказу Зеноба учеными: Авдаломъ, Лассеномъ, К. Риттеромъ и Нейманомъ.—Храмъ этихъ боговъ.

III. *Греческіе боги* въ армянскомъ пантеонѣ; когда они являются?—Изображенія Артемиды, Геракла, Аполлона, Дія олимпійскаго, Аѳины, Гефеста, Афродиты въ Арменіи.—Храмы, по которымъ они были размѣщены.

IV. *Сирійскіе боги* въ армянскомъ пантеонѣ; 1. *Набог*—ассирійскій „Небó или Небу,“ сирійскій „Набук“.—Набог—Тир армянскій т. е. Гермесъ, богъ ученія.—2. *Бел;* его эпитеты въ Вавилоніи, въ Сиріи, гдѣ въ немъ видѣли „великаго отца боговъ“ и „творца всего сущаго“.—3. *Бат никах'.*—Неопредѣленность его значенія и роли.—4. *Т'арат'а* тоже что

„Таргата," „prodigiosa Atargatis" Плинія, „Деркето" Грековъ.—Какъ она 7
изображалась?—Отожествленіе ея съ Астарте.—Храмы всѣхъ этихъ четырехъ боговъ.

V. *Дэвы* и вообще *духи низшаго разряда:* 1. *Іушкапарик;* 2. *хамбару;* 3. *пай;* 4. *парик*; что разумѣютъ подъ ними Мхитаристы? неосновательность ихъ толкованій.—5. *Аралез;* значеніе этого слова возстановленное. —Онъ—духъ воздушный.—Какимъ его представляли древніе Армяне?—6. *Кадж*—духъ добраго свойства: обитаетъ въ горахъ.—Армянскіе Аршакиды величаютъ себя „*кадж*—ами".—Въ какомъ значеніи употребляется теперь это слово?

VI. *Дюц-азн'ы*—полубоги.—*Вахагнъ;* легенда о немъ армянскихъ рапсодовъ.—Его эпитетъ.—Онъ причисленъ къ лику боговъ.—Храмъ его.—*Хайкъ*, родоначальникъ Армянъ, въ созвѣздіи *Оріонъ*.—Аршакиды причислены къ лику боговъ въ Арменіи—*Отечественные боги*.—*Изображенія предковъ* ставились Аршакидами въ храмахъ.—Ими же ставились жертвенники надъ могилами своихъ родственниковъ аршакидскаго происхожденія.

VII. *Священная роща;*—древнѣйшая священная роща въ Армавирѣ.—*Священныя деревья:* а) *сосй*—„сребристый тополь".—*Гаданія*, которымъ предавались въ этой рощѣ жрецы.—в) *Бартй*—„видъ тополя", которому поклонялись въ Самосатѣ, въ Месопотаміи; въ нихъ входили духи.—*Священная смоковница* въ Индіи, *сосна* во Фригіи и Римѣ, *кипарисъ* въ Финикіи, *тиссовое дерево* въ Скандинавіи, *дубъ*, *ясень*, *сосна*, *букъ* и *орѣховое дерево* у Германскихъ племенъ.

VIII. *Религіозная пляска* вокругъ зажженнаго костра; какъ и при какихъ условіяхъ она совершается теперь?—Огню приписывалась очистительная сила.—*Обряды,* совершаемые вокругъ огня въ Ирландіи и у великорусскихъ и бѣлорусскихъ Славянъ.—Праздникъ *Купалы.*

IX. Храмы языческихъ Армянъ: *Мехьян'ы*; происхожденіе и значеніе этого слова.—Жертвенникъ: *багин*; значеніе этого слова возстановленное. —Гдѣ они воздвигались?—Происхожденіе слова.

X. Священные города, деревни и селенія.

XI. Жрецы: *К'урмы;*—жрицы—*кёрмухи;* происхожденіе этого слова 8
необъясненное до сихъ поръ.—Происхожденіе сословія жрецовъ.—Араманіакъ, сынъ Хайка, первый жрецъ.—Анушаванъ—*Сосаневер*; потомки Вахагна; преемственность жречества въ родѣ Вахагна.—Достоинство *Кёрмапета* или „великаго жреца" сначала въ родѣ Хайкидовъ, въ по-

слѣдствіи въ родѣ Аршакидовъ.—Отношеніе жречества къ государю.—Жреческое войско; земли и владѣнія жрецовъ.—Богатство жрецовъ и великихъ жрецовъ въ особенности.—Жречество—хранитель таинственной мудрости.—Школы при храмахъ.—Храмовая Исторія.—Архивы при храмахъ подъ надзоромъ жрецовъ.—Главный архивъ памятниковъ Храмовой Исторіи при храмѣ Арамазда, въ крѣпости Ани.—Гностикъ Бардезанъ въ Арменіи; его сочиненія: а) о Судьбѣ и культѣ идоловъ и в) Исторія армянскихъ царей.—Заключеніе.

На религію языческихъ Армянъ, какъ на ѳеогонію одного изъ 9
древнѣйшихъ народовъ западной Азіи, ученые сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не обратили серьезнаго вниманія. При случаѣ говорили объ отдѣльныхъ божествахъ армянскаго пантеона или даже о нѣкоторыхъ вмѣстѣ, но все это безъ критики, скажу болѣе, безъ яснаго понятія о дѣлѣ, котораго они касались. Западные ученые на этотъ счетъ или ограничивались скудными извѣстіями греческихъ и римскихъ писателей, или же безъ разбора принимали, какъ конечный результатъ, все что по этому интересному предмету выходило изъ-подъ пера венеціанскихъ Мхитаристовъ, не смотря на то что изслѣдованія этихъ почтенныхъ тружениковъ по части вопроса, о которомъ мы намѣрены говорить здѣсь, даютъ читателю о миѳологіи древнихъ Армянъ самое превратное понятіе. Съ одной стороны Мхитаристы не поняли идеи, лежавшей въ основаніи религіи ихъ предковъ, а съ другой не могли или не хотѣли классифицировать божества армянскаго пантеона и показать связь и соотношеніе ихъ съ божествами народовъ западной Азіи. Они ограничивались
только сопоставленіемъ боговъ своего отечества съ божествами древ- 10
ней Греціи. Поверхностность подобнаго взгляда тотчасъ бросается въ глаза; ибо немногіе обломки древней армянской религіи, для насъ уцѣлѣвшіе, указываютъ между прочимъ и на такую эпоху, когда между Греціей и Арменіей не установилось еще никакихъ сношеній. Знакомство съ греческими богами относится къ позднѣйшему періоду армянскаго язычества, какъ будетъ показано ниже. Словомъ, Мхитаристы, отъ которыхъ западные ученые въ правѣ были бы ожидать болѣе удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о религіи

армянской, ничего не сказали о ней связнаго и опредѣленнаго. Мало того, они, какъ мы замѣтили, не поняли даже идеи, лежавшей въ армянской ѳеогоніи; ибо изъ нихъ главнѣйшіе, болѣе другихъ заслуживающіе вниманія, а именно отцы: Лука Инчичіанъ *) и Арсенъ Багратуни, **) въ до-христіанской Арменіи во что бы то ни стало хотѣли видѣть *моноѳеизмъ* или *поклоненіе единому истинному богу*, завѣщанное, по ихъ мнѣнію, древнимъ ихъ соотечественни-
11 комъ Ноемъ и его непосредственнымъ потомствомъ, вышедшими изъ ковчега послѣ потопа и поселившимися у подошвы Арарата. Мнѣніе это, основанное на одномъ только предположеніи, не имѣющемъ за собою ни историческихъ данныхъ, ни даже мѣстнаго преданія, есть плодъ наивнаго благочестиваго почтенія, которымъ эти ученые монахи желали окружить своихъ послѣпотопныхъ предковъ: мнѣніе похвальное, но къ сожалѣнію ни на чемъ не основанное. Мы не хотѣли пройти его молчаніемъ, потому что оно явилось подъ перомъ людей, пользующихся въ ученомъ мірѣ заслуженнымъ уваженіемъ по трудамъ своимъ на поприщѣ критической разработки многихъ вопросовъ, относящихся къ древней армянской письменности.

Затѣмъ замѣтимъ, что древнѣйшія народныя сказанія, заимствованныя Моисеемъ Хоренскимъ у сирянина Мар-Абаса Катины, жив-

---

*) См. Археологію на арм. яз. Венеція, 1835, Ч. III, гл. XX, стр. 148 и далѣе. Въ началѣ этой главы авторъ касается и армянской миѳологіи. Мы уже охарактеризовали немногими словами взглядъ какъ его, такъ и вообще Мхитаристовъ на этотъ предметъ. Въ предлагаемомъ Очеркѣ мы по возможности избѣгали всего того, что могло придать ему характеръ полемическій; въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы написать не краткій этотъ Очеркъ, но цѣлую книгу, ибо мы совершенно расходимся съ ученымъ Инчичіаномъ во взглядѣ на армянскую Ѳеогонію не только въ главномъ, т. е. въ идеѣ, но и въ частностяхъ.

**) Арсенъ Багратуни—человѣкъ съ громадной ученостью, но къ сожалѣнію не всегда руководствующійся здравой критикой. Мысль о моноѳеизмѣ древнихъ Армянъ онъ проводитъ въ обширной эпической своей Поэмѣ: *Хайкъ*, въ XX пѣсняхъ (Венеція, 1858). Со временемъ мы познакомимъ русскую публику съ содержаніемъ этого искуственнаго Эпоса и вообще съ народной поэзіей Армянъ.

шаго за 150 лѣтъ до Р. Х., и переданныя намъ отцемъ армянской исторіи, перенося насъ ко временамъ столпотворенія и Нимврода, представляютъ родоначальника Армянъ—Хайка, выходцемъ изъ Вавилоніи. Съ другой стороны внимательное изученіе древне-армянскаго языка, по крайней мѣрѣ того, который уцѣлѣлъ въ книгахъ и называется классическимъ книжнымъ языкомъ, указываетъ на сродство его съ санскритомъ и въ особенности съ зендомъ или, употребляя общепринятый терминъ, съ индо-европейскими языками. Такимъ образомъ на основаніи народныхъ преданій и языка мы видимъ, что народъ армянскій находится въ непосредственной связи съ одной стороны съ древней Вавилоніей, съ другой—съ зендскими племенами. Тѣ немногія извѣстія о древней армянской религіи, которыя дошли до насъ въ твореніяхъ Агаѳангела, Зеноба Глака, Фавста византійскаго и Моисея Хоренскаго, дѣйствительно указы- 12
ваютъ на эту связь, къ которой привели насъ и наши изслѣдованія. Чтобы не вдаваться въ область безплодныхъ предположеній, которыя ровно ни къ чему не ведутъ, приступимъ прямо къ дѣлу и посмотримъ—что именно сообщаютъ намъ вышеприведенные писатели о древней армянской религіи. Просимъ читателя смотрѣть на то, что будетъ сказано нами объ этомъ вопросѣ, какъ на первую сколько-нибудь полную попытку, какая до сихъ поръ была сдѣлана по этому интересному предмету. Въ ней читатель, смѣемъ думать, найдетъ все, что сказано армянскими писателями о древней ихъ религіи. Мы не оставили безъ вниманія также указаній греческихъ и римскихъ историковъ, равно какъ и послѣдніе результаты, до которыхъ дошла европейская наука въ своихъ изысканіяхъ по части исторіи и археологіи древняго Востока и преимущественно западной Азіи.—На этотъ разъ мы беремъ на себя роль простаго докладчика, и только.

I.

Религія древнихъ Армянъ имѣла въ своемъ основаніи *дуализмъ*. Съ такимъ по крайней мѣрѣ характеромъ представляется она въ тѣхъ отрывочныхъ извѣстіяхъ, которыя уцѣлѣли до насъ. Въ нихъ имя

верховнаго божества—*Арамазд*'а встрѣчается на каждомъ шагу; и хотя имя его антагониста, *Ахриман*'а, какъ божества армянской миѳологіи, нигдѣ не является, тѣмъ не менѣе однакоже, Архмнъ, Харамани, какъ называютъ его армянскіе писатели V вѣка, говоря о парсійской религіи (см. *Ех'ише*, Истор. Венеція, 1859, стр. 20—
13 22;—*Езникъ*. Опроверженіе ересей, Венеція, 1826, стр. 113—117), не послѣднюю роль игралъ у древнихъ Армянъ. Это мы увидимъ ниже, когда рѣчь зайдетъ о служителяхъ его, *дэв*ахъ. Впрочемъ необходимо замѣтить, что и въ древнѣйшихъ зендскихъ религіозныхъ гимнахъ владыка мрака, антагонистъ Ahurô mazdâo, не имѣетъ еще особеннаго имени: онъ называется просто Angro mainyus (—„malus spiritus"), Ахриманъ же—позднѣйшее его названіе (см. Max Müller, Vorlesungen über die Wissenshaft der Sprache, bearbeitet von C. Böttger, Leipzig, 1863, p. 172 и слѣд.). Въ Бисутунской и Нахши—рустемской надписяхъ, гдѣ безпрестанно повторяется названіе Ahura mazda, тоже нигдѣ Ахриманъ не названъ по имени *). Отсутствіе имени антагониста Арамазда въ извѣстіяхъ армянскихъ писателей, быть можетъ, слѣдовало бы приписать той же самой причинѣ, по которой умалчивается о немъ въ древнѣйшихъ зендскихъ гимнахъ и въ вышеупомянутыхъ надписяхъ.

Замѣтивъ это, обратимся къ тѣмъ изъ божествъ, имена которыхъ дошли до насъ и которымъ поклонялись древніе Армяне.

При взглядѣ на немногія данныя относительно религіи Армянъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на существованіе *туземной*, *національной* религіи въ Арменіи періода Хайкидовъ. Это доказывается присутствіемъ чисто-армянскихъ божествъ въ кругу боговъ различнаго происхожденія, встрѣчаемыхъ въ армянскомъ пан-
14 теонѣ. Такъ какъ здѣсь армянскія божества представляются *второстепенными*, то можемъ смѣло предположить, что *верховные* армянскіе боги были, вѣроятно, впослѣдствіи вынуждены уступить

---

*) Въ § IX. 4 колонны Бисутунской надписи одинъ только разъ приводится эпитетъ Ахримана, а именно: «богъ лжи» — the god of lies. — См. The great Inscription of Darius at Behistun въ переводѣ Henry Rawlinson'a съ парсійской транскрипціей самой надписи.

мѣсто такимъ же богамъ ассирійскихъ и парсійскихъ завоевателей. И потому не смотря на различные разряды божествъ различныхъ происхожденій, которыя чествовались въ Арменіи, первое мѣсто принадлежитъ божествамъ парсійскимъ и ассирійскимъ, за которыми въ исторической послѣдовательности являются уже послѣ боги индійскіе, греческіе и сирійскіе.

Начнемъ съ верховнаго божества, которое въ сонмѣ армянскихъ боговъ занимаетъ главное мѣсто.

1. **Арамаздъ**, *Արամազդ*,—*Ахура-Мазда* *) Зендавесты, *Оромазесъ*, *Ормуздъ* или *Ормиздъ* древнихъ западныхъ писателей. Какъ верховное божество, Арамаздъ у Армянъ назывался: «отцемъ всѣхъ боговъ“ (Агаѳ. Венеція, 1835, стр. 586). Кромѣ того, постоянными его эпитетами были: „великій и мужественный“ (тамъ же, стр. 47. 48, 57, 102), „творецъ неба и земли“ (стр. 57), „производитель обилія и плодородія“ (тамъ же стр. 102).

Храмъ его находился въ провинціи Бардцер-Хайкѣ въ округѣ Даранхи въ крѣпости Ани — мѣстѣ погребенія армянскихъ царей-аршакидовъ (Агаѳ. стр. 586;—Моис. Хорен. кн. II, гл. 53). Вотъ все, что знаемъ о Арамаздѣ.

2. **Анахитъ**, *Անահիտ*. — Объ этомъ божествѣ армянскаго пантеона западные ученые составили себѣ понятіе неточное вслѣдствіе поверхностныхъ толкованій, которыя даютъ ему армянскіе ученые. По мнѣнію послѣднихъ, въ божествѣ Анахитъ слѣдуетъ видѣть *Діану* на томъ основаніи, что при обратномъ чтеніи имени *Анахит* они получали *Діана* (почему не *Тихана*?): выдумка дѣтски-остроумная и обличающая совершенное непониманіе значенія этого божества армянской миѳологіи. Ибо свѣдѣнія, сообщаемыя армянскими писателями о Анахитѣ, діаметрально противоположны поня-

*) *Ахура*, санскрит. *Асу-ра*—«существующій, живой»; *мазда*—постоянный эпитетъ главнаго божества зороастрова ученія, значитъ: «sapiens» или, какъ Ев. Бюрнуфъ объясняетъ, «multa sciens». Корень этого слова встрѣчается и въ армянскомъ: и-*маст*, *իմաստ* — «смыслъ, мысль»; отсюда «и-*маст*-утьюн», *իմաստութիւն*—«мудрость». По этому *Ахура—мазда* можетъ значить: «Существо многовѣдущее».

тію, которое имѣемъ о Діанѣ, не говоря уже о томъ, что названіе божества римскаго пантеона было совершенно неизвѣстно древнимъ Армянамъ. Ниже мы увидимъ, въ чемъ именно заключается сущность этихъ свѣдѣній; но теперь обратимся къ нетуземнымъ источникамъ и постараемся опредѣлить значеніе и мѣсто, занимаемое этимъ божествомъ въ кругу армянскихъ боговъ.

Выше было замѣчено, что армянскія божества—различныхъ происхожденій. Мы видѣли, что Арамаздъ не что иное какъ арійскій Ахура-мазда; Анахитъ же, какъ божество вавилоно-ассирійскаго происхожденія, есть просто *Бельтисъ* (или Билатъ—«госпожа») Ассирійцевъ и *Милита* Вавилонянъ (см. у Геродота кн. I. 131), которую и тотъ и другой народъ называли то „матерью боговъ", представляя ее женою Нина—ассирійскаго Геркулеса, то—„царицею земель". Послѣдній эпитетъ скорѣе наводитъ насъ на сравненіе ее съ Деметрою или Геметрою Грековъ, нежели съ Діаною или Артемидой. Такою по крайней мѣрѣ представляютъ намъ богиню Анахитъ ассирійскія надписи. Ей поклонялись не только въ Вавилоніи
16 и Финикіи, но и въ Парсіи, гдѣ мы видимъ ее подъ тѣмъ же именемъ *Анахидъ* (она же *Таната*, см. у Hyde'а въ его De relig. vet. Pers. Oxford. 1700, p. 98;—также у Плутарха въ его *Артаксерксѣ*) или *Митры*. Судя по числу храмовъ, въ честь ея воздвигнутыхъ въ Арменіи, должно полагать, что нигдѣ она не чествовалась такъ, какъ въ этой странѣ. О богатствѣ храмовъ этой богини говорятъ писатели не только армянскіе, но и древне-западные. Плиній въ своей Натуральной Исторіи (кн. XXXIII, 24) говоритъ что *первая статуя изъ цѣльнаго золота* была воздвигнута въ Арменіи въ храмѣ богини Анахитъ, которая (статуя) была взята въ добычу Маркомъ Антоніемъ во время войны съ Парѳянами. По его увѣренію, она пользовалась большимъ уваженіемъ у жителей страны. Страбонъ же говоритъ (Геогр. кн. XI, гл. XIX), что Армяне преимущественно поклонялись Анахитъ; что во многихъ мѣстахъ въ честь ея возвышались храмы, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій находился въ провинціи Акилисине (Екехіац), что при послѣднемъ были не только лица обоего пола, посвятившія себя служенію богинѣ, но и дочери знатнѣйшихъ семействъ, имѣвшія право выходить замужъ

не иначе какъ послѣ долговременнаго распутства, которому онѣ предавались въ храмѣ Анахитъ.—Понятіе, которое даютъ намъ древне-западные писатели объ армянской Анахитъ, скорѣе рисуетъ передъ нами „Dea Syria“ —„великую богиню сирійскую“, нежели божество, которому поклонялись Армяне. Ибо немногія свѣдѣнія, которыя находимъ у писателей послѣдняго народа, представляютъ эту богиню въ совершенно противоположномъ свѣтѣ. Агаѳангелъ изображаетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „великая царица (и госпожа, *тикин — տիկին*) Анахитъ; слава нашего народа, поддерживающая 17
жизнь его; *мать всякаго цѣломудрія*; благотворительница всего рода человѣческаго, чествуемая царями и преимущественно царемъ греческимъ; рожденіе великаго и мужественнаго Арамазда (стр. 47—48); великая Анахитъ, отъ которой получаетъ жизнь и которою живетъ земля армянская“ (стр. 57). Эти эпитеты, придаваемые Анахитъ, ясно указываютъ на огромное пространство, раздѣлявшее *„мать всякаго цѣломудрія“* отъ *„великой богини сирійской“*. Нѣтъ сомнѣнія, что греческіе и римскіе писатели, имѣвшіе вообще поверхностное понятіе о религіи восточныхъ народовъ, и въ этомъ случаѣ увлеклись скорѣе мнимымъ, нежели существеннымъ сходствомъ Анахитъ съ „сирійской богиней“ и не задумались отожествлять ее съ послѣдней. Ибо ни одинъ изъ древнихъ армянскихъ писателей не представляетъ культа Анахитъ въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ видимъ его въ Вавилоніи, Финикіи и Фригіи, гдѣ при звукахъ барабана и флейты изступленныя женщины съ еще болѣе изступленными мущинами предавались омерзительнымъ пляскамъ и совершали чудовищныя мерзости. Еслибъ дѣйствительно что-нибудь подобное сопровождало поклоненіе Анахитъ у языческихъ Армянъ, то христіанскіе писатели этого народа въ религіозной своей ревности не преминули-бъ упомянуть о томъ съ цѣлью внушить возможно большее отвращеніе къ вѣрѣ въ ложныхъ боговъ. Но такъ какъ они этого не дѣлаютъ, то мы имѣемъ полное право заключить, что поклоненіе богинѣ Анахитъ въ Арменіи, сопровождавшееся съ торжественной простотой, какая подобала „матери всякаго цѣломудрія“, по мѣрѣ того какъ выходило изъ 18
предѣловъ этой страны и отдалялось отъ нея, болѣе и болѣе полу-

чало новый характеръ и наконецъ являлось окруженнымъ тѣми сценами изступленія и сладострастія, при которыхъ совершалось поклоненіе Афродитѣ въ западной Азіи вообще. Даже жертвоприношенія, съ которыми армянскіе цари являлись въ храмъ Анахитъ, указываютъ на чистоту понятія, какую соединяли Армяне съ своей богиней. Агаѳангелъ, жившій въ началѣ IV вѣка по Р. Х. и бывшій секретаремъ царя Тердата, описывая мученичество св. Григорія Просвѣтителя, говоритъ, что царь Тердатъ прежде нежели подвергнуть послѣдняго пыткамъ, приказалъ ему нести въ даръ на жертвенникъ богини Анахитъ „вѣнки и густыя вѣтви деревъ“ (тамъ же, стр. 45—46) Эти „вѣнки и густыя вѣтви“ не указываютъ ли на простоту чествованія, которою окружено было въ Арменіи поклоненіе великой Анахитъ? Агаѳангелъ не умолчалъ бы объ оргіяхъ и мерзостяхъ, о которыхъ говоритъ Страбонъ, еслибъ онѣ дѣйствительно происходили при храмѣ богини. Это простое безхитростное указаніе христіанскаго писателя имѣетъ важное въ нашихъ глазахъ значеніе; ибо по немъ можетъ безошибочно дѣлать заключеніе, что армянская Анахитъ, не смотря на одинаковость ея происхожденія съ Бельтисъ Ассирійцевъ, Милиттою Вавилонянъ и съ Митрой или Анаидъ Парсовъ—является съ особеннымъ характеромъ цѣломудренности, который рѣзко отличаетъ ее отъ такихъ же однородныхъ богинь упомянутыхъ народовъ. На этомъ мы и остановимся и не скажемъ даже съ Крейцеромъ, чтобы армянская Анахитъ была прототипомъ прочихъ Анахитъ западной Азіи и чтобы Арменія была колыбелью по-
19 клоненія этого божества. Для доказательства подобной мысли нужно было-бъ имѣть немного больше данныхъ, нежели сколько мы ихъ имѣемъ; ибо немногихъ словъ Агаѳангела, съ которыми впрочемъ не былъ знакомъ Крейцеръ, и немногихъ сбивчивыхъ свѣдѣній, мимоходомъ набросанныхъ Страбономъ, конечно недостаточно, чтобы можно было сдѣлать положительное заключеніе о мѣстѣ рожденія поклоненія богинѣ Анахитъ, не смотря на чистоту и простоту которыми оно окружено было въ Арменіи даже въ позднѣйшую эпоху, а именно въ началѣ IV вѣка по Р. Х. Но оставимъ предположенія и снова обратимся къ фактамъ.

Поклоненіе богинѣ Анахитъ въ Арменіи было въ особенности ра-

«распространено. Тому доказательствомъ служатъ многіе храмы, въ честь ея воздвигнутые въ разныхъ мѣстахъ этой страны.

Главнѣйшій изъ нихъ находился въ деревнѣ Ериэѣ округа Екехіацъ, провинціи Бардцер-Хайкъ. Храмъ этотъ назывался «великимъ и кореннымъ», *մեծ և բուն*, и въ немъ преимущественно армянскіе цари поклонялись великой богинѣ (Агаѳ. стр. 45—46, 586—588). Онъ былъ знакомъ Плинію (Nat. Hist. I. V, 20; XXXIII, 24), Страбону (кн. XI, 12), Прокопію (Ист. воин. Римл. съ Перс. кн. I, 17) и другимъ изъ древнихъ.

Второй ея храмъ находился въ городѣ Арташатѣ (Artaxta греческихъ и римскихъ писателей) въ айраратской провинціи (Агаѳ. стр. 580).

Наконецъ третій храмъ былъ въ Аштишатѣ таронскаго округа, туруберанской провинціи. Деревня, или селеніе Аштишатъ находилось на возвышенномъ мѣстѣ недалеко отъ Евфрата за горою Карке насупротивъ Тавра (Агаѳ. стр. 602—603;—Фавстъ визан. кн. III, 20 гл. XIV, стр. 37—38; кн. V, гл. 25, стр. 218—219). По увѣренію Фавста, Аштишатъ назывался «престоломъ Анахитъ», *աթոռ Անահտայ* (см. тамъ же).

Хотя мы уже и указали на свидѣтельство Плинія о статуѣ богини Анахитъ изъ цѣльнаго золота, однако не лишнимъ считаемъ привести здѣсь изъ него это любопытное мѣсто, которое, какъ увидимъ ниже, находитъ себѣ полное подтвержденіе у армянскихъ писателей: Aurea statua prima omnium nulla inanitate, et antequam ex aere aliqua illo modo fieret, quam vocant holosphyraton, in templo Anaitidis posita dicitur... numine gentibus illis sacratissimo. Direpta est Antonii Parthicis rebus: scitumque narratur dictum unius veteranorum Bononiae, hospitali divi Augusti coena, quum interrogaretur, essetne verum, cum qui primus violasset hoc numen, oculis membrisque captum exspirasse? Respondit enim, tum maxime Augustum de crure ejus caenare, seque illum esse, tutumque sibi censum ex ea rapina».

Эти слова подтверждаются, какъ мы замѣтили, армянскими писателями; ибо послѣдніе, описывая изображеніе богини Анахитъ, придаютъ ему слѣдующіе эпитеты: *оске-тицин*, *ոսկեծին* — „рожденная, т. е. сдѣланная изъ золота“; *оскі-а-майр*, *ոսկիամայր* —„золотая

мать", т. е. мать-богиня, сдѣланная изъ золота; *оске-хат*, ոսկեհատ — „рѣзанная, т. е. сдѣланная изъ золота»*) (Агаѳанг. стр. 602—603). Далѣе тотъ же авторъ статую Анахитъ называетъ: „золотое изображеніе" (стр. 586—588).

21 Этотъ третій храмъ славился своимъ богатствомъ по всей Арменіи. Агаѳангелъ говоритъ: „онъ обладалъ огромными сокровищами, «былъ наполненъ золотомъ и серебромъ и множествомъ приношеній, «сдѣланныхъ величайшими царями» (тамъ же). Чтобы имѣть сколько-нибудь приблизительное понятіе объ этихъ приношеніяхъ, вспомнимъ, что Тердатъ по возвращеніи изъ похода, предпринятаго противъ Арташира стахрскаго, послалъ въ этотъ храмъ „бѣлыхъ быковъ, бѣлыхъ козловъ, бѣлыхъ коней, бѣлыхъ муловъ, золотыя и серебряныя убранства (для коней) съ блестящими кистями; шелковыя попоны съ вышитыми узорами, золотые вѣнки; серебряныя умывальницы (для закланія жертвъ), усыпанныя драгоцѣнными каменьями; золото и серебро; великолѣпныя одежды и чудесныя украшенія" (стр. 29—30). Если при этомъ вспомнимъ, что по существовавшему въ древней Арменіи обычаю послѣ счастливаго похода цари обязаны были *пятую часть добычи отдавать въ пользу этого храма*, то намъ легко будетъ составить понятіе о несмѣтномъ его богатствѣ (см. тамъ же, стр. 30).

Рядомъ съ богиней Анахитъ мы видимъ еще двухъ богинь, равнымъ образомъ встрѣчаемыхъ какъ въ Ассиріи, такъ и въ Парсіи; это — **Астх'икъ** и **Нане**, Աստղիկ, Նանէ.

3. Агаѳангелъ, говоря объ *Астх'икѣ*, прямо называетъ ее *Афродитою* и тѣмъ положительно опредѣляетъ ея значеніе. И дѣйствительно, если обратимся къ самому имени этого божества, то найдемъ, что слово *Астх'ик*, образовавшееся отъ *астх'*, աստղ — „звѣзда" и ласкательнаго *ик*, իկ, означаетъ просто „звѣздочка":

22 слово, имѣющее одинаковое происхожденіе съ санскритскимъ *тара*,

---

*) Ученый Интчитчіанъ въ вышеприведен. хх гл. своей Археол. стр. 179, совершенно произвольно толкуетъ эти эпитеты, что безусловно принимаетъ и г. Дюлорье въ своемъ Recherches sur la Chronalog. armén. ch. II, et note 110, p. 148—149.

съ зендскимъ *астар* и *старе*—«звѣзда» и наконецъ съ *тистрія таштер* Парсовъ и *иштар* Ассиріянъ, подъ которымъ послѣдніе разумѣли *Венеру*. Такимъ образомъ самое имя божества, не смотря на совершенный объ немъ недостатокъ свѣдѣній у армянскихъ писателей, даетъ нѣкоторую возможность опредѣлить его значеніе. Если предположеніе наше относительно тожественности названій: *Астх'ик*, *Таштер* и *Иштар* имѣетъ основаніе, въ чемъ кажется нельзя сомнѣваться, то мы смѣло можемъ видѣть въ немъ *Венеру*, которой поклонялись не только древніе Парсы какъ источнику чистѣйшаго огня, но и Ассирійцы въ великолѣпныхъ храмахъ, воздвигнутыхъ въ честь ея въ Ниневіи и Арбелѣ. George Rawlinson полагаетъ, что *Иштаръ* и *Нана* различныя названія одной и той же Венеры, которая въ Ассиріи называлась *Нана*, а въ Вавилоніи—*Иштаръ*.

Главный храмъ ея находился въ Аштишатѣ, таронской провинціи, за горою Карке насупротивъ Тавра на берегу рѣки Евфрата, гдѣ цари Великой Арменіи преимущественно любили совершать жертвоприношенія (Агаѳ. стр. 602—603).

Другой храмъ ея стоялъ на вершинѣ горы Пахатъ въ округѣ Андцавацикъ, васпураканской провинціи, вмѣстѣ съ храмомъ Арамазда, какъ повѣствуетъ Моисей Хоренскій (Ист. святыхъ дѣвъ, сопутницъ Рипсиме въ Полн. Сочин. стр. 301;—Письмо его къ Сааку Артцруни, тамъ же, стр. 294—295). Изъ словъ Агаѳангела замѣчаемъ, что древніе Армяне смотрѣли на богиню Астхикъ, какъ на *жену Вахагна*, армянскаго Геркулеса, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

4. Мы уже упомянули о богинѣ Нане. Армянскіе писатели называютъ ея «дочерью Арамазда». Вотъ все, что говорится объ ней! Тожество ея съ *Нана*, *Нанаіа* болѣе чѣмъ очевидно. У Евреевъ это имя является подъ формою *Нанеа* (втор. кн. Маккав. гл. I, 13, 15), которое Іосифъ передаетъ черезъ греческое имя: *Артемида* (Antiq. XII, 13), между тѣмъ какъ армянскіе писатели, сколько можно судить по скуднымъ ихъ извѣстіямъ, отожествляютъ ее съ Астхикъ. 23

Армяне поклонялись ей въ селеніи Т'илѣ округа Екехіацъ, провинціи Бардцер-Хайкъ, недалеко отъ рѣки Гайль (Ликосъ). Изобра-

женія ея Агаѳангелъ характеризуетъ словами: «литыя, изваянныя, изсѣченныя».

Что Анахитъ, Астхикъ и Нане принадлежатъ къ одной и той же группѣ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; но что онѣ, и въ особенности Анахитъ, въ Арменіи являются съ характеромъ, отличающимъ ихъ отъ такихъ же одноименныхъ божествъ вавилоно-ассирійскихъ, парсійскихъ и сиро-финикійскихъ, это можно было видѣть изъ того, что сказано нами о каждомъ изъ нихъ выше.

5. Къ ряду этихъ боговъ отнесемъ также другое армянское божество, названіе котораго равнымъ образомъ указываетъ на ассирійское его происхожденіе; это—**Баршимніа**, *Բարշիմնիա*. — Храмъ его находился въ деревнѣ Т'орданѣ округа Даранахи, провинціи Бардцеръ — Хайкъ. Историкъ даетъ этому божеству эпитетъ: «спитакапар», *սպիտակափառ*, «славный, т. е. блестящій, «бѣлизной» (Агаѳ. стр. 585). У Моисея Хоренскаго имя его пишется *Баршаминъ*, *Բարշամին*; Ананія ширакскій называетъ его: *Баршамъ ассирійскій*, *Բարշամ Ասորեստանեայց*. Легенда говоритъ, что ар-
24 мянскій Геркулесъ, Вахагнъ, какъ-то разъ во время жестокой зимы, укравъ у него солому, несъ ее по небу. Оброненныя дорогою соломенки образовали «Млечный путь», который вслѣдствіе того, у древнихъ Армянъ и назывался «Слѣдомъ соломокрада», *Հետ յարդգողի**). Отецъ армянской Исторіи пишетъ, что изображеніе Баршамина перенесено изъ Месопотаміи въ селеніе Т'орданъ Тиграномъ II, сыномъ Арташеса. Онъ описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: «оно состояло изъ слоновой кости и хрусталя и было обдѣлано серебромъ» (кн. II, гл. XIV). Вѣроятно, по этой самой причинѣ Армяне и дали Баршамину или Баршимніѣ эпитетъ: «блестящій бѣлизной».

Указаніе Моисея Хоренскаго и Ананіи ширакскаго не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно происхожденія этого божества, что еще болѣе подтверждается самымъ его названіемъ. Имя *Баршамин*, или *Баршимніа* или вѣрнѣе *Баршамнин*, не имѣя въ ар-

---

*) Jac. Grimm (Deutsche Mythologie, erster Band, Göttingen, 1854, p. 331) невѣрно передаетъ армянское названіе Млечнаго Пути черезъ «palea fur»; ибо «хет іард-гохи», «Հետ յարդգողի» значитъ „Слѣдъ соломокрада“ какъ мы и перевели.

мянскомъ никакого значенія, находитъ себѣ толкованіе въ языкѣ ассирійскомъ. Это божество не что иное какъ *Нин* или *Нин-ин*, иначе называемый *Бар*—«богъ войны у Ассирійцевъ». Слово *Нин* объясняютъ черезъ «владыка, господинъ», *ин* же означаетъ просто *имя*. *Бар* имѣетъ тоже значеніе, что и *нин*, т. е. «владыка, господинъ»; а *шем*, или какъ оно является въ армянскихъ названіяхъ этого бога, *шам*, *шим*, тожественно съ *ин*—«имя». И потому *Бар-Шам-Нин* (Бар-шим-ніа) есть не что иное какъ *Нин*, который иначе назывался *Бар-шем*, или *Бар-Шам*. *Нин* или *Бар* чествовался у Ассирійцевъ, какъ «Геркулесъ, покровитель ассирійскихъ 25 царей». Таковы по крайней мѣрѣ результаты, до которыхъ привели ученыхъ ихъ изслѣдованія ассирійскихъ памятниковъ, недавно открытыхъ.

6. Въ армянскомъ пантеонѣ встрѣчаемъ божество, въ происхожденіи котораго ученые, сколько намъ извѣстно, еще не дали себѣ яснаго отчета; это—Тир, Տիր*), о которомъ упоминаетъ опять таки Агаѳангелъ въ одномъ только мѣстѣ. Приведемъ здѣсь это мѣсто цѣликомъ, которое впрочемъ, будучи сильно искажено переписчиками представляетъ немало трудности при переводѣ.—Вотъ оно:.. «самъ же царь (Тердатъ) отправился... въ городъ Арташатъ, чтобы разрушить жертвенники богини Анахитъ на мѣстѣ, называемомъ *Еразмуйн* **). По дорогѣ (въ Арташатъ) сначала (царь) встрѣтилъ (храмъ) бога Тир'а, гдѣ (божество это) внушало сны, (а жрецы) давали имъ толкованіе: (храмъ) учителя жреческой мудрости, который назывался училищемъ *Писца (дебира)* Ормизда и въ которомъ

---

*) Въ варіантахъ, приложенныхъ къ венеціанскому изданію Агаѳангела (см. стр. 662) вмѣсто *Тюр*, Տիւր, принятаго учеными Мхитаристами и внесеннаго въ текстъ, ими изданный, стоитъ болѣе правильное чтеніе *Тир*, Տիր, которое отвергнуто ими, вѣроятно, по неразумѣнію смысла и значенія этого слова.

**) *Еразмуйн*, Երազմոյն—сложное армянское слово, состоящее изъ *ераз*—„сонъ, сновидѣніе" и изъ *муйн*; մոյն — „врожденное свойство или способность"; и потому *еразмуйн* значитъ: „имѣющій способность толковать сны", а въ примѣненіи къ нашему тексту: „мѣсто, гдѣ умѣли толковать сны".

учили всѣмъ художествамъ. Сначала взялись (за тотъ храмъ), который разрушивъ, предали огню» (стр. 580) *).

26 Изъ этихъ немногихъ строкъ мы выводимъ: 1) что древніе Армяне вмѣстѣ съ прочими своими богами поклонялись также божеству *Тиру*; 2) что Тиръ назывался *учителемъ жреческой мудрости*; 3) что онъ былъ въ то же время «*Писецъ*, scriba, *Ормизда*; 4) что онъ *учитель всѣхъ художествъ*, *ուսուցիչ ճարտարութեան*; 5) что онъ желающимъ *внушалъ сны* и тѣмъ открывалъ имъ будущее въ свѣтломъ или мрачномъ свѣтѣ и что наконецъ 6) при его храмѣ предлагалось толкованіе какъ снамъ, внушеннымъ этимъ богомъ, такъ и снамъ вообще.—Эти качества достаточно характеризуютъ Тира и даютъ возможность съ одной стороны опредѣлить его собственное значеніе, а съ другой — добраться до его происхожденія.

Тиръ армянскій есть Гермесъ или Меркурій. Подобно божествамъ Тету или Тоту Египтянъ, Тауту Финикіянъ, Гермесу Грековъ и Меркурію Римлянъ—бывшимъ учителями таинственнаго ученія жрецовъ, изобрѣтателями языка, письма и всѣхъ наукъ и искусствъ, проводниками душъ по различнымъ сферамъ неба, земли и ада — и Тиръ армянскій, какъ могъ уже видѣть читатель, является передъ нами со всѣми этими аттрибутами. Онъ также «учитель жреческой мудрости и всѣхъ художествъ, писецъ Ормизда или Арамазда, внушитель сновъ добрыхъ и зловѣщихъ, проводникъ душъ въ подземное царство, подобно Гермесу Психопомпу или Некропомпу **). Въ Арменіи

---

*) *Ինքն Թագաւորն խաղայր երթալ... յԱրտաշատ քաղաք աւերել անդ զբագինս Անահտական դիցն և որ յԵրազմոյն տեղին անուանեալ կարդայր։ Նախ դիպեալ 'ի ճանապարհի երազացոյց երազընդհան պաշտաման տիւր դից դպրի գիտութիւն քրմացն՝ անուանեալ դիւան դրչի Որմզդի ուսման ճարտարութեան մեհեան, նախ 'ի նա արկեա ձեռն՝ քակեալ այրեալ աւերեալ քանդեցին։* Страшно искажено!

**) См. P. F. Stuhr, Die Religions—Systeme der Hellenen, Berlin, 1838,
27 p. 315—316 и далѣе. –Горацій, Ода Меркурію.—Гермеса представляли богомъ изворотливымъ, художникомъ въ дѣлѣ обмана, ему приписывались разбои, ночное соглядатайство, угоны быковъ и вообще всякія продѣлки. Эти качества его прекрасно изображены въ вышеуказанной Одѣ Горація, которую нелишнимъ считаемъ привести здѣсь цѣликомъ:

до сихъ поръ въ языкѣ ея жителей уцѣлѣла брань, хотя и поте- 27
рявшая для нихъ свой первоначальный смыслъ, однако все еще ука-
зывающая на свое двадцативѣковое происхожденіе: она стала выра-
женіемъ недобрыхъ пожеланій на устахъ нынѣшняго Армянина;
это—*Գրողն քեզ տանի*, т. е. «пусть возьметъ тебя *герох*'». Послѣ-
днее слово, какъ причастіе настоящаго времени отъ глагола *герем*,
գրեմ, значитъ: «пишущій, писецъ» и совершенно тожественно и
однозначуще съ словомъ: *герич*, *գրիչ*, употребленное Агаѳангеломъ
въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Это—одинъ изъ эпитетовъ, прида-
ваемыхъ древними Армянами Тиру, котораго они считали также «про- 28
водникомъ душъ» въ подземное царство, какъ было сказано выше.
Такъ по крайней мѣрѣ я себѣ объясняю это загадочное выраженіе,
которое, какъ обломокъ языческихъ понятій, до сихъ поръ безсо-
знательно употребляется Армянами, не подозрѣвающими, что, упо-
требляя его, они говорятъ и мыслятъ какъ до-христіанскіе ихъ со-
отечественники.

Mercuri, facunde nepos Atlantis,
Qui feros cultus hominum recentum
Voce formasti catus, et decorae
　　More palaestrae;
Te canam, magni Jovis et deorum
Nuntium, curvaeque lyrae parentem,
Callidum, quidquid placuit, jocoso
　　Condere furto.
Te, boves olim nisi reddidisses
Per dolum amotas, puerum minaci
Voce dum terret, viduus pharetra
　　Risit Apollo.
Quin et Atridas, duce te, superbos,
Ilio dives Priamus relicto,
Thessalosque ignes et iniqua Trojae
　　Castra fefellit.
Tu pias laetis animas reponis
Sedibus, virgaque levem coerces
Aurea turbam, superis deorum
　　Gratus et imis.

Тиръ былъ ассирійскаго происхожденія. Въ Ассиріи онъ является сыномъ *Небó*, *Небу*—«бога и покровителя ученія», ассирійскаго Гермеса. Въ Бирс-и-Нимрудѣ въ послѣднее время открыта комната, нѣчто въ родѣ молельни, гдѣ на всѣхъ кирпичахъ отпечатано треугольное изображеніе клина или остроконечной стрѣлы—одной изъ божественныхъ вообще эмблемъ у Ассирійцевъ. Это изображеніе стрѣлы, входившее, какъ извѣстно, въ клинообразное письмо элементомъ существеннымъ и служившее символомъ бога Небо, есть именно *Тир*, что съ одной стороны означало «стрѣла», а съ другой—служило названіемъ планетѣ Меркурію у древнихъ Парсовъ. У послѣднихъ, по увѣренію Hyde'a (De Relig. vet. Pers. p. 242)
29 *планета Меркурій* назывался *Тир* *) (=стрѣла) по причинѣ быстраго своего вращенія. Въ ассирійскихъ надписяхъ Небó называется «владыкою Борсиппы», гдѣ вѣроятно при его храмѣ находились школы, въ которыхъ воспитывались извѣстные *борсиппскіе халдеи*, упоминаемые Страбономъ (Géorg. Paris, 1805—1819, t. V, I. XVI, § 5, p. 169).

Тир'омъ заключается рядъ боговъ, общихъ Ассиріи и Арменіи.

7. **Михр**, Միհր. На парсійское его происхожденіе указываетъ самое его имя. Агаѳангелъ называетъ его «сыномъ Арамазда», котораго храмъ находился въ деревнѣ Багаринджѣ дерджанскаго округа,

---

*) Имя царя *Тердата*, Տրդատ, представляетъ собой сложное слово, состоящее изъ *Тир* и *дад*: *Тир*—извѣстное уже нашимъ читателямъ божество; *дад* отъ парсійскаго *даден*, что можетъ значить: „дать“ и „посвятить“. И потому имя *Тир—дад* можетъ быть переведено или черезъ „Даръ Тира“, или черезъ „Посвященный Тиру“.—Такимъ же образомъ образовалось и имя *Михр—дад*, которое у Тацита является подъ двоякою формою Meherdates и Mithridates (см. Annal. lib. XII, 13, 15), у Геродота—*Митрадатесъ* (кн. I, 110), у Николая же Дамаскина подъ формою *Атрадатесъ*, подъ которой можно узнать предыдущую форму *Митрадатесъ*.—Здѣсь оба эти слова синонимы; ибо если первое изъ нихъ значитъ: „данный, посвященный Митрѣ“, т. е. солнцу, то второе, происходя отъ *Атра* или *Адар*—эпитета свѣтила дня (или огня, всегдашней эмблемы его поклоненія), также значитъ: „данный или посвященный Атрѣ или Адару“, т. е. эмблемѣ солнца—огню.

провинціи Бадцер-Хайкъ, и славился своимъ богатствомъ (стр. 586—588). Впослѣдствіи царь Тигранъ приказалъ поставить здѣсь взятую Арташесомъ I въ добычу и принесенную имъ въ Арменію статую Гефеста, «бога огня» (кн. II, гл. XIV). Имя этого божества, извѣстнаго у Грековъ и Римлянъ подъ названіемъ «Митра» или «Митрасъ», на древне-парсійскомъ языкѣ означало «солнце», что подтверждается свидѣтельствомъ зендскихъ книгъ. Михръ былъ богомъ невидимаго огня, что доказывается происшедшимъ отъ этого имени словомъ *хур*, *Հուր*, которое до сихъ поръ у Армянъ служитъ выраженіемъ понятія: «невидимый, невещественный огонь»; между тѣмъ какъ видимымъ проявленіемъ Михра были:

а) *Арег-акн*, *Արեգ-ակն* „око Арéга"—*) видимое солнце, которое Зендавеста равнымъ образомъ называетъ «Окомъ Ормузда», бле- 30
стящимъ героемъ, мощно протекающимъ свое поприще, оплодотворяющимъ пустыни, возвышеннѣйшимъ изъ Изедовъ, никогда недремлющимъ, покровителемъ страны». — *Арег-акн* служилъ въ то же время символомъ «огня мужескаго пола».

в) *Лус-ин*, *Լուսին* **)— «Луна» была символомъ «огня женскаго пола», который у Моисея Хоренскаго называется «огонь-сестра»,

---

*) Не у однихъ Армянъ солнце называлось „окомъ Арéга". Замѣтимъ мимоходомъ, что это одно изъ древнѣйшихъ и самыхъ распространенныхъ представленій, которое обыкновенно соединялось съ понятіемъ: *солнце*. Какъ выше было замѣчено, не одни Парсы называли его „*окомъ* Ахура-Мазды"; ибо у Египтянъ оно называлось „*правымъ глазомъ* Деміурга", у Грековъ—„*окомъ* Зевса", у предковъ нынѣшнихъ Германцевъ—„*окомъ* Вуотана", Wuotan. Какъ древне-германскіе сѣверные поэты иногда придавали солнцу эпитетъ 'gimsteinn himins'—*gemma coeli*, такъ точно и Нерсесъ Благодатный (жив. въ XII в.) описывая его, называетъ „блестящимъ карбункуломъ" (см. J. Grimm, Deutsche Mythologie, II Band, p. 665;— Сочин. Нерсеса Благодат. Венеція, 1830, стр. 285. въ Стихотв. „Небо и его украшенія".

**) Латинское *luna*, luciana (—отъ lucere) этрусское *losna* имѣютъ вѣроятно общій корень съ армянскимъ *луйс*—„свѣтъ", латин. *lux*, русск. *лучъ;* и потому *лус—ин* должно значить „свѣтящій". Замѣтимъ кстати, что въ ассирійскомъ пантеонѣ встрѣчается божество *Син* (*Лус-син*), означающее „Луна".

կրակ քոյր*) (см. Ист. св. дѣвъ сопутницъ Рипсиме, Полн. собр. сочин. стр. 301).

Главный храмъ Арег-акн'а и Лусин'а находился въ Армавирѣ, древнѣйшей армянской столицѣ. Изображенія этихъ божествъ были поставлены здѣсь Вах'аршакомъ, родоначальникомъ армянскихъ Аршакидовъ (Моис. Хорен. кн. II, гл. VIII).—Другой храмъ, гдѣ поддерживался неугасимый огонь, называвшійся «огнемъ Ормизда», Հուր Որմզդական, находился въ *Баг*-аванѣ, въ нынѣшнемъ *Баку* (М. Хорен. кн. II. гл. 75). Наконецъ есть вѣроятіе думать, что храмы этихъ боговъ были и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ округѣ
31 Андцавацикъ, васпураканской провинціи. (см. Письмо Моис. Хорен. къ Сааку Артцруни, Полн. Сочин. стр. 294—295) и на востокѣ отъ Пахатской горы на мѣстѣ, называвшемся *Бут*', Բութ**) Моис. Хорен. Ист. св. дѣвъ сопутницъ Рипсиме, Полн. Сочин. стр. 301). Въ этихъ храмахъ на алтаряхъ Михра поддерживался неугасимый огонь, что подтверждается словами Моисея Хоренскаго: «ненасытимый огонь», «непрерывное гореніе», հուր անյագ, անդադար պյրումն.

8) Наравнѣ съ огнемъ Армяне поклонялись и **Водѣ*****), которую они называли: «источникъ—братъ», աղբիւր եղբայր. Въ Зендавестѣ

---

*) Въ противоположность этому понятію Армянъ о *полѣ* солнца и луны у древнихъ Германцевъ солнце называлось „*frau Sonne*“, а луна—„*herr mond*“ (J Grimm, loco cit. p. 666).

**) *Бут*' или *Пут*' на парсійскомъ языкѣ значитъ „идолъ, кумиръ“. Такъ названо это мѣсто вѣроятно потому, что здѣсь возвышались храмы съ изображеніями кумировъ. Вспомните *Баг*-аван, *Баг*-аран, и пр.

***) Замѣтимъ, что у древнихъ Армянъ, (какъ и у Парсовъ, см. у Герод. кн. 1, 139) рѣки также имѣли священный характеръ. Между ними въ особенности пользовался уваженіемъ Евфратъ. Это доказывается съ одной стороны священными городами, преимущественно расположенными по его берегамъ, какъ напр. Ани, Т'иль, Ериза, Багаіаринджъ, Аштишатъ; съ другой—свидѣтельствомъ Тацита. Если точенъ разсказъ послѣдняго, то жители береговъ Евфрата вѣрили, что въ предзнаменованіе чего-нибудь хорошаго или счастливаго рѣка эта безъ дождя иногда сильно наполнялась, и что по бѣлой пѣнѣ, которая въ подобномъ случаѣ являлась на ея поверхности, предсказывали счастливый исходъ данному предпрія-

въ числѣ двадцати восьми Изедовъ мы встрѣчаемъ *Ардви-зур* — «источникъ небесной воды», *Дѣву*, дочь Ормузда. Вторая половина имени: Ардви-*зур* имѣетъ общее происхожденіе съ армянскимъ словомъ: *джур*, *ջուր*—„вода"; и нѣтъ сомнѣнія, что Армяне въ „источникѣ-братѣ" поклонялись, какъ древніе Парсы, „источнику небесной 32
воды", т. е. Ардви-зуру. По Моисею Хоренскому, поклоненіе „огню-сестрѣ" и „источнику брату" происходило у подошвы горы, (мѣстоположеніе которой онъ къ сожалѣнію не опредѣляетъ) въ пещерѣ въ мѣстности *Бут'*, какъ уже замѣчено выше.

9. Въ связи съ этими божествами находился и богъ **Аманор**, *Ամանորայ դից*. Это—слово сложное, состоящее изъ *ам*, *ամ*— „годъ" и *нор*, *նոր*— „новый"; слѣдовательно, *Аманор* значитъ: „новый годъ". Агаѳангелъ увѣряетъ, что онъ былъ „покровителемъ плодовъ" и въ тоже время назывался „Ванатур дик', *Վանատուր դից*, т. е. „богъ пріютодатель".

Храмъ его находился въ Баг-аванѣ багревандскаго округа, айраратской провинціи, гдѣ *въ началѣ новаго года* въ мѣсяцѣ *Навасард'ѣ*, *) соотвѣтствующемъ 11-му августа, древніе Армяне, собравшись со всѣхъ концевъ Великой Арменіи, съ большимъ торжествомъ праздновали праздникъ Аманора, продолжавшійся *шесть дней*. Въ продолженіи этого времени они въ Баг-аванѣ около храма полу-

---

тію.—Изъ словъ Тацита узнаемъ также, что Евфрату приносили въ жертву *коня*.

Кромѣ гаданія по *водѣ*, римскій историкъ увѣряетъ, въ чемъ нельзя усомниться, что Армяне гадали также по предзнаменованіямъ *неба* и *земли*. (Tacit. Annal. vi. 37).

*) Толкованіе, даваемое этому слову Мхитаристами, наивно до невѣроятія. По ихъ мнѣнію, слово: *навасард*, *նաւասարդ*, трехсложное: *нав ехас ард*, *նաւ եհաս արդ*, и значитъ: „корабль достигъ теперь", получившее начало во время Ноя, который, видя ковчегъ приставшимъ къ Арарату, какъ-будто воскликнулъ. *нав хас ард*, т. е. „*корабль достигъ теперь*" мѣста своего назначенія.

Навасард просто слово арійскаго происхожденія, состоящее изъ парсійскаго *нев* — „новый" и санскритскаго *сарт* — „годъ". Такъ назывался у древнихъ Армянъ мѣсяцъ, которымъ начинался „*новый годъ*".

чали не только „пріютъ и ночлегъ“ (отсюда эпитетъ *ванатур* „пріютодатель“), но даже „пользовались отъ жертвоприношеній“ (см.
33 Ист. Агаθ. стр. 619—620;—Моис. Хорен. кн. II, гл. 66).

У Парсовъ *новый годъ* также назывался *Нев-руз*: слово, которое значитъ собственно—„новый день“; но онъ начинался и праздновался не въ началѣ августа, какъ у Армянъ, а въ мѣсяцѣ *фервадинъ* около весенняго равноденствія; между тѣмъ какъ во время осенняго равноденствія они праздновали въ мѣсяцѣ *михрıанъ* праздникъ Михра или Митры. Ясно, что источникъ поклоненія съ одной стороны Аманору, съ другой—Михру, первоначально былъ одинъ и тотъ же; но что у Армянъ и Парсовъ оно видоизмѣнялось по тѣмъ понятіямъ, которыя тотъ или другой народъ имѣлъ о божествѣ, имъ чествуемомъ.

Читатели не должны удивляться, что мы, основываясь на словахъ Агаθангела, Аманора назвали *богомъ*, а не приняли его имени просто какъ выраженіе понятія: *годъ*. Мы знаемъ, что до сихъ поръ въ этомъ послѣднемъ только значеніи и принималось указаніе армянскаго историка *). Что не въ одной Арменіи смотрѣли на *годъ*, какъ на извѣстный періодъ времени, и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ на
34 божество, которому приносили жертвы, тому доказательствомъ служатъ алтари, воздвигнутые жителями Тира въ честь не только *Года*, но и *Мѣсяца*, какъ символовъ самаго долгаго и самаго короткаго времени, т. е. двухъ періодовъ, изъ которыхъ большой измѣрялся Солнцемъ, а малый—Луною, т. е. мѣсяцемъ (см. Religions de Гап-

---

*) Мхитаристы не поняли, и теперь не понимаютъ, значенія боговъ армянскаго пантеона вообще и *Аманора* въ особенности. Вѣрный послѣдователь ихъ, г. Дюлорье, съ ними вмѣстѣ впадаетъ въ ошибку, когда онъ, переводя упомянутый отрывокъ изъ Агаθангела, выраженіе этого послѣдняго: *դից Ամանորայ*—„богъ Аманор“, передаетъ черезъ „le dieu de la nouvelle année“. Значитъ, онъ не подозрѣваетъ существованія бога, именно *Аманора*, у Армянъ. Въ томъ же отрывкѣ ученый французъ даетъ непростительный промахъ, принимая *ванатур*—эпитетъ Аманора, за собственное имя отдѣльнаго божества, которому въ свою очередь придаетъ эпитетъ Hospitalier, производя его въ какой-то „dieu Vanadour Hospitalier“ (см. его Recherches sur la Chronol. armén. t. I, p. 10).

tiquité par F. Creuzer, trad. J—D. Guigniaut, t. 2, troisième partie, note 8 du livre IV, p. 964—965).

10. Нераздѣльно съ Арег-акн'омъ — Окомъ невидимаго Арамазда, было и божество Арев*), *Արև*—видимое проявленіе невидимаго свѣта, живительнаго начала всего существующаго. Эпитетъ его—„податель жизни". Въ немъ Армяне поклонялись невидимому Арамазду и, какъ въ языческія времена, такъ и теперь нерѣдко они клянутся именемъ этого божества, говоря: *քո Արևը վկայ*—„свидѣтель твой Арев", или *քո արևը գիտէ*—„знаетъ твой Арев": выраженія, соотвѣтствующія теперешнимъ: «свидѣтель Богъ, что"... знаетъ Богъ, что»... 35

---

*) Въ Харранѣ подъ именемъ *Арев*'а или *Уру* разумѣли бога-солнце (см. D. Chwolsohn, die Ssabier... B. II, p. 288—290). Замѣтимъ кстати, что въ классическомъ армянскомъ языкѣ слово: *арев*, значитъ „видимый свѣтъ солнца". Корень его, безъ сомнѣнія, *ар*, *ար*, который замѣчаемъ во многихъ арм. словахъ, какъ напр. a) въ *ар*-ег *ար-եգ*—солнце"; b) въ *ер*-кин, *եր-կին*—„небо", состоящемъ изъ *ер*, *եռ*, „кипѣніе, жаръ", и *кин*, *կին*—„жизнь" (отсюда *кин*—„жена" и *кьянк'*, *կեանք*—«жизнь»), и потому *ер-кин* вѣроятно первоначально значило „мѣсто, гдѣ кипитъ жизнь, мѣстопребываніе Арега, „солнца"—*небо*; c) въ *ер*-кир, *եր-կիր*—„земля", состоящемъ, какъ и предыдущее слово, изъ *ер*, уже намъ извѣстнаго, и изъ *кир*, *կիր* корня глагола *кр*-ем, *կր-ել*—„носить въ себѣ"; и потому *ер-кир* первоначально должно было значить: «мѣсто, которое носитъ въ себѣ жаръ, теплоту Арега—*земля*; b) въ глаголѣ *айр*-ем, *այր-ել*—„жечь", сохранившемъ въ простонародномъ языкѣ, гдѣ онъ теперь произносится *ер*-ем, *եր-ել*—свой первоначальный характеръ; e) въ существительныхъ: *ер*-д, *եր-դ*—«дымовая труба въ печи» (въ англійскомъ «hearth» значитъ *очагъ*); *ер*, *եռ*—„кипѣніе, кипящій"; *ер*-андн, *եռ-անդն*—„пылъ", въ переносномъ смыслѣ „восторгъ," гнѣвъ; въ гл. *ер*-ам, *եռ-ալ*—„кипѣть, пылать" и пр.

Къ семейству вышеприведенныхъ словъ, вѣроятно, принадлежитъ и слово: *авр*, *աւր*—„день", которое теперь вокализируется *ор*, между тѣмъ какъ первоначально оно произносилось *авр*, чему доказательствомъ служатъ косвенные отъ него падежи: *авур*, *աւուր*—„дня"; *авурб*, *աւուրբ*—„днемъ"; *авурк'*, *աւուրք*—„дни".

У Мендаитовъ оно вокализировалось *Aur* (гречес. *Уранос* = Aur-an, богъ *Ur*) и означало „божество, пребывающее надъ небесной твердью".

Судя по живучести, которую замѣчаемъ въ ученіи о поклоненіи Арамазду, должно полагать, что это послѣднее было повсемѣстно распространено между жителями древней Арменіи. Драгоцѣнныя, хотя и весьма краткія, извѣстія о поклоненіи Арев'у находимъ у Нерсеса Благодатнаго (жив. въ XII в.) въ его граматѣ къ месопотамійскому армянскому духовенству, изъ которой узнаемъ, что въ городѣ Самосатѣ, восемь вѣковъ спустя послѣ принятія Армянами христіанской вѣры, продолжало еще существовать поклоненіе Арев'у у жителей упомянутаго города, называвшихъ себя *Арев-ордик'ъ*, т. е. „Сынами Арев'а“. Нерсесъ называетъ ихъ ученіе: „ересью, проповѣдующую поклоненіе дэвамъ“ *դիւապաշտ աղանդ*, присовокупляя, что Арев-ордик'ъ, любя мракъ, отказались отъ принятія ученія свѣта и со времени Григорія Просвѣтителя не переставали пребывать въ языческой вѣрѣ отцевъ своихъ. Изъ немногихъ словъ армянскаго іерарха узнаемъ, что эти Армяне-язычники поклонялись: I. Арег-акн'у; 2. Лусин'у; 3. звѣздамъ; 4. дереву *барти* (видъ тополя), къ которому мы возвратимся ниже и въ которое вселяясь, требовали себѣ поклоненія дэвы; и что наконецъ 5. женщины у нихъ занимались ворожбой, колдовствомъ, приготовленіемъ различныхъ зелій, посредствомъ которыхъ онѣ разжигали преступную любовь между лицами обоего пола, предлагая ихъ въ напиткахъ или въ пищѣ.

36 Изъ словъ Нерсеса видно, что Арев-ордик'ъ, слѣдовательно и предки ихъ, поклонялись, кромѣ Арег-акн'а, Лусин'а, Арев'а, также *Звѣздамъ* вообще *) (см. упомян. Грам. Нерсеса въ Полн. Сочин. послѣдняго, Венеція, 1838, стр. 238—253).

---

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что Григорій Магистросъ еще въ XI вѣкѣ въ одномъ изъ своихъ Посланій упоминаетъ объ *Арев-ордик'ъ*. Г. Дюлорье въ своемъ переводѣ Лѣтописи Маттеоса едесскаго впадаетъ въ странную ошибку, называя ихъ «*поклонниками огня, которому*, говоритъ онъ, народъ армянскій *поклонялся* до обращенія своего въ христіанство» (стр. 464, примѣч. 3). Странно видѣть подобное смѣшеніе понятій у г. Дюлорье, который поклоненіе *солнцу* принимаетъ за поклоненіе *огню*! Ибо въ послѣднее время доказано учеными, что *дуализмъ* и *поклоненіе стихіямъ* суть двѣ совершенно отличныя одна отъ другой религіозныя системы.

Хотя, какъ выше было замѣчено, Ахриманъ, антагонистъ Арамазда, и не называется по *имени* у армянскихъ писателей, тѣмъ не менѣе однако въ нѣкоторыхъ словахъ, которыми послѣдніе его характеризуютъ, мы узнаемъ *эпитетъ*, 'придаваемый ему древними Парсами. Моисей Хоренскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что въ началѣ IV вѣка Армяне поклонялись „двумъ почернѣвшимъ *вишап*'амъ (=драконамъ), въ которыхъ вселялись *дэвы* (см. въ его Полн. 37
Сочин. Ист. св. дѣвъ, сопутницъ Рипсиме, стр. 301—302); а мы знаемъ изъ сказаній Парсовъ, что послѣ неудачнаго нападенія на царство Ормузда, совершеннаго Ахриманомъ въ главѣ всѣхъ своихъ *дэв*овъ, послѣдній долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ и въ видѣ *дракона* бросился съ неба на землю (см. Rhode, Heil. Sage, p. 174 и далѣе 376). Замѣчательно, что этимъ *вишап*'амъ (=драконамъ), какъ увѣряетъ тотъ же Моисей Хоренскій, приносили *человѣческія жертвы*: „цѣломудренныхъ дѣвъ и невинныхъ юношей". При этомъ онъ замѣчаетъ, что «дэвы, обрадованные видомъ крови, жертвенниковъ, огня и источника, являли какія то видѣнія, сопровождаемыя блескомъ, стукомъ и пляской". Историкъ заключаетъ свой интересный разсказъ словами: «вокругъ скалы, гдѣ это происходило, были глубокія ущелья, наполненныя *змѣями* и *скорпіонами* съ смертоносным ядомъ" (тамъ же). Кажется, слова: *змѣи* и *скорпіоны* не требуютъ здѣсь объясненія; ибо читатель конечно

Дуализмъ составлялъ древнѣйшее ученіе Парсовъ, вмѣстѣ съ которыми языческіе Армяне исповѣдывали его; *поклоненіе* же *стихіямъ* составляло основу *магизма*, т. е. ученія Маговъ, народа скиѳскаго происхожденія. Только въ послѣдствіи времени магизмъ былъ внесенъ въ Парсію, гдѣ ему не мало стоило труда амальгамироваться съ чистымъ дуалистическимъ ученіемъ, которое, не смотря на это сліяніе, не переставало пребывать здѣсь религіею двора и высшаго сословія, между тѣмъ какъ первый былъ распространенъ по селеніямъ и составлялъ религію низшаго сословія или простаго народа.—Когда Геродотъ говоритъ, что Парсы поклонялись *землѣ, водѣ, огню* и *вѣтрамъ* (кн. I, 131), онъ конечно описываетъ религію Маговъ, распространенную, какъ мы сказали, въ массѣ парсійскаго народа; ибо, какъ видно изъ его же разсказа, онъ не имѣлъ понятія о арійскомъ вѣрованіи Ахеменидовъ.

знаетъ, что эти гадины, будучи *твореніемъ* Ахримана, служили ему въ тоже время *символомъ*.

11. Кажется, не будетъ натяжки, если изъ вышесказаннаго заключимъ, что Армяне, покланяясь началу добра—Арамазду, чествовали въ тоже время начало зла—Ахримана. И это тѣмъ болѣе, что мы находимъ у нихъ *дэв*овъ *), служителей Ахримана, созданныхъ

---

*) Парсійская форма этого слова: *даэва*, санскр.—*дэва*. У брахмановъ оно значитъ: «богъ», а у Парсовъ—„злой духъ“ (Eug. Burnouf, Yaçna, t. I, p. 8). Въ санскритѣ djaus (род. divas, дат. divê, винит. divam, зват. djaus) значитъ „coelum“—*небо*, и по звуку своему близко подходитъ къ греческому *Zeus*, къ германскому *Tius*. Древней формѣ косвенныхъ па-
38 дежей слова *Zeus* (diós, dií, dia) соотвѣтствуетъ латинское *Iovis*, *Iovi*, *Iovem*, изъ которыхъ дѣлаетъ исключеніе именит. *Iu*, *Ius*, сохранившееся только въ сложномъ *Iupiter*, *Iuspiter*; а это Ius, Iovis не что иное какъ смягченіе полной формы *Djus*. *Djovis*. Какъ греческое *Zeus*, такъ и латинское *djus*, выражаютъ одно и то же понятіе: «небесное божество», «олицетвореніе неба», *Dium, divum* — «сводообразное небо», а *Zeus* — „сынъ неба“.

Кромѣ *djaus*, *zeus* и *Iupiter* мы находимъ еще слова: *devas*, *theós* и *deus*, которыя выражаютъ отвлеченное представленіе: „божество“. Къ латинскому *deus* близко подходитъ германское *Tîus*, *Zio*. Въ Эддѣ встрѣчается множественная форма *tivar*, означающая *боги*, *герои*.—Новоперсидское *див*, русское *дивъ* и *диво* имѣютъ своимъ корнемъ *див*—«небо», собственно означающее: „блестящій“ (въ этой первоначальной формѣ оно сохранилось и въ армянскомъ *тив*, *տիւ*—*день*; отъ него же происходитъ лат. *dies*, вѣроятно и русское *день*), отъ котораго *дэва*—«небесный» (см. Jacob Grimm, Deutsche Mythologie cap. IX, p. 175–176;—W. Mannhardt, Die Goetterweit der deutschen und nordischen Voelker, I Band, Berlin 1860, p. 57;—Max Mueller, Wissenschaft der Sprache, erste Vorlesung, p. 10). Не смотря на это небесное свое происхожденіе, *даэва* въ ученіи Зороастра представляетъ собою *начало зла*, слѣд. *служителей Ахримана*. Бюрнуфъ объясняетъ это превращеніе добраго духа въ духа зла антагонизмомъ, возникшимъ между поклонниками Брамы и послѣдователями Зороастра вслѣдствіе отдѣленія этихъ послѣднихъ отъ Индѣйцевъ и оставленія древняго своего отечества. Послѣдствія этого антагонизма отразились на религіозномъ вѣрованіи Парсовъ: *добрыя божества* Индѣйцевъ въ ученіи Зороастра являются *злыми*, и наоборотъ *злыя божества* браманистовъ въ Вендидадѣ изображаются *добрыми*.

послѣднимъ. Если наконецъ вспомнимъ, что подземное царство называется у Армянъ *джохк'*, *դժոխք*, напоминающее собою парсійское *дузах*—первоначальное мѣсто пребыванія Ахримана, противоположное *Горотману*, жилищу блаженныхъ, соединившемуся съ первымъ посредствомъ *Чинвад*-моста, то нетрудно будетъ въ *царѣ* этой бездны узнать *Ахримана*.

12. Въ древне-армянскомъ языкѣ сохранилось слово **Сандарамет**, *Սանդարամետ*, или **Сандарапет**, *Սանդարապետ*, парсійское происхо- 39
жденіе котораго кидается въ глаза съ перваго же разу. Армянское *сандарамет* или *сандарапет* есть безъ сомнѣнія *Сапандомат* или *Еспендармат* древнихъ Парсовъ, подъ которыми послѣдніе разумѣли „духа земли", одного изъ Изедовъ, созданныхъ Ормуздомъ. Неріозенгъ называетъ его «la maîtresse de la terre (Eug. Burnouf, Yaçna, ch. I, p. 157—158). Это слово, перенесенное армянскими писателями IV и V вѣковъ изъ языческаго міра въ міръ христіанскій и служившее для древнихъ Армянъ, какъ и Парсовъ, названіемъ „духа земнаго, святаго и покорнаго", у первыхъ стало выраженіемъ понятія совершенно противоположнаго: подъ нимъ стали разумѣть, правда, *духа* же, но „не святаго и покорнаго", а *злаго—духа подземнаго царства*, *бездны*, *ада* (см. также 515 примѣч. къ моему перев. Ист. Моис. Хорен. стр. 327). Въ такой по крайней мѣрѣ метаморфозѣ своего значенія является оно въ переводѣ армянской Библіи (Іезек. гл. XXXI, 16), Моисея Хоренскаго (кн. II, гл. LXII) и у другихъ послѣдующихъ писателей армянскихъ.

II.

За 150 лѣтъ до Р. Х., а именно въ царствованіе Вахаршака два брата индійца, **Гисане и Деметръ**, *Գիսանէ*, *Դեմետր*, являясь къ нему, просятъ у него убѣжища. То были индійскіе князья, навлекшіе на себя гнѣвъ царя своего. Вахаршакъ приказалъ отвести имъ таронскую землю, гдѣ они, построивъ себѣ городъ *Вишапъ*, поселились. Вскорѣ они отправились въ сосѣдній Аштишатъ, гдѣ поставили изображенія идоловъ, которымъ поклонялись въ Индіи.

40 По прошествіи 15 лѣтъ, по неизвѣстной причинѣ, армянскій царь приказалъ убить ихъ и земли, которыми они владѣли, передать тремъ ихъ сыновьямъ. Послѣдніе удалились на гору Карке, выбрали тамъ красивое и прохладное мѣсто, богатое дичью, травой и лѣсомъ, и поставили тамъ мѣдныя изображенія двухъ идоловъ: одно въ 12, а другое въ 15 локтей вышиною. Зенобъ Глакъ, ученикъ св. Григорія, въ первыхъ годахъ IV столѣтія какъ очевидецъ описываетъ потомковъ этихъ индійскихъ переселенцевъ. По его словамъ, „они были чернаго цвѣта, отвратительнаго вида и съ длинными волосами“. По этой картинѣ безъ особеннаго труда мы узнаемъ выходцевъ съ съ береговъ Ганга; но къ сожалѣнію она не даетъ никакого понятія о томъ, что это были за изображенія и какихъ именно божествъ? Зенобъ съ увѣренностью утверждаетъ только одно, что „тамъ, гдѣ стояли идолы, столько же было *дэвовъ* (злыхъ духовъ), сколько и въ безднѣ *Сандарамета*“ (т. е. ада).

Не смотря на полнѣйшую неопредѣленность извѣстія нашего автора о индійскихъ идолахъ, нѣкоторые ученые во что бы то ни стало хотѣли уяснить себѣ—какія именно индійскія божества слѣдуетъ видѣть въ упомянутыхъ двухъ кумирахъ?

Армянскій ученый, Авдалъ, живущій въ Калькуттѣ, нимало не затрудняясь отсутствіемъ данныхъ, отожествляетъ этихъ идоловъ съ индійскимъ *Яганнат*'омъ и *Кали Гат*'омъ (Memoir of hindoo colony in ancient Armenia въ Journal of the asiatic society of Bengal, Calcutta, 1836, vol. V, p. 332). Извѣстный нѣмецкій ученый Лассенъ, силится видѣть въ Гисане *Кришну*, а въ Деметрѣ — *Ха-*
41 *бад'ару* или *Балераму* (см. у Риттера въ его Erdkunde, Berlin, 1843, zehnter Theil, drittes Buch, West-Asien p. 557). Усиліе, которое онъ дѣлаетъ для отожествленія Гисане съ Кришною и Деметра съ Балерамою, совершенно напрасно и безплодно потому, что изъ разсказа Зеноба никакъ не видно, чтобы два индійскія божества назывались Гисанé и Деметр'омъ. Это были *просто имена двухъ братьевъ*, первыхъ индійскихъ выходцевъ, и ничего болѣе. Послѣ того какъ они были умерщвлены по приказанію армянскаго царя, сыновья ихъ изъ Аштишата перенесли изображенія отечественныхъ боговъ своихъ на гору Карке́, которыя съ той поры и стали извѣ-

стны у жителей таронской провинціи подъ общимъ наименованіемъ *«боговъ братьевъ Гисане и Деметра* (см. Зен. Глакъ, Ист. Таронской Провинц. Венеція, 1832, гл. I. стр. 8; 25—39). Таковъ точный смыслъ повѣствованія армянскаго лѣтописца! Авдалъ, Нейманнъ и другіе, къ сожалѣнію, не могли уловить этого смысла разсказа Зеноба, который, скажемъ мимоходомъ, довольно запутанъ, и невѣрнымъ толкованіемъ текста ввели ученыхъ Риттера и Лассена въ заблужденіе и произвольное объясненіе именъ: Гисане́ и Деметръ (Die Erdkunde, тамъ же стр. 554—557;—Uebersicht der neuesten Erscheinungen der armenischen Litteratur, eine Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1837, 8, B. I, p. 253).

Фактъ неоспоримый, что въ таронской провинціи въ теченіи 450 лѣтъ (съ 150 г. до Р. Х. до 302 по Р. Х.) стояли изображенія индійскихъ боговъ, чествуемыхъ ея жителями, но что это были за боги? въ чемъ состоялъ ихъ культъ? — на эти вопросы текстъ Зеноба рѣшительно не даетъ никакого отвѣта. Несовмѣстимо съ поня- 42
тіемъ о достоинствѣ науки желаніе во что бы то ни стало строить на воображаемой почвѣ зданіе, которое при первомъ прикосновеніи критики разлетается какъ дымъ.

III.

Въ позднѣйшую уже эпоху армянской исторіи, а именно, въ 114 году до Р. Х. впервые мы встрѣчаемъ извѣстія о *греческихъ богахъ*, внесенныхъ въ армянскій пантеонъ. По Моисею Хоренскому, великій воитель, царь Арташесъ I, внукъ Вахаршака, во время счастливаго своего похода въ Малую Азію вывезъ оттуда, какъ трофеи, изображенія греческихъ боговъ съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ въ своей столицѣ Армавирѣ. Это были, какъ онъ говоритъ, вылитыя изъ мѣди, золоченыя изображенія Артемиды, Геракла и Аполлона, которыя были встрѣчены главными жрецами и поставлены въ Армавирѣ. Изъ нихъ статую Геракла послѣ смерти Арташеса I тѣ же жрецы перенесли и поставили въ деревнѣ Аштишатѣ таронскаго округа. Тотъ же историкъ увѣряетъ, что Арташесъ къ этимъ трофеямъ присовокупилъ еще изображенія: Діа (Dios) олимпійскаго, Аѳины,

Гефеста, Афродиты и другое изображеніе Артемиды, которыя всѣ, какъ военная добыча, были вывезены изъ Еллады и отправлены въ Арменію. Жрецы поставили ихъ въ крѣпости Ани даранахійскаго округа, провинціи Бардцер-Хайкъ (М. Хорен. кн. II, гл. XII). Когда воцарился Тигранъ II (89—55 до Р. Х.) первою его заботой было размѣстить бывшія въ Ани упомянутыя изображенія греческихъ
43 боговъ. При этомъ мы замѣчаемъ, что армянскіе жрецы размѣщаютъ ихъ по тѣмъ туземнымъ храмамъ, въ которыхъ находились соотвѣтствовавшія имъ, по ихъ понятіямъ, божества армянскія. Такъ напр. олимпійскаго Дія они поставили въ анійскомъ храмѣ, посвященномъ Арамазду, отцу боговъ (Агаѳ. стр. 586;—М. Хорен. кн. II, гл. 14 и 53); Аѳину въ Т'илѣ, селеніи округа Екехіацъ, провинціи Бардцер-Хайкъ, гдѣ былъ храмъ богини Нанé (М. Хорен. кн. II, гл. 14;—Агаѳ. стр. 586—88); Артемиду въ Еризѣ, деревнѣ того же округа той же провинціи, гдѣ находился храмъ богини Анахитъ (Агаѳ. стр. 45—46;—Моис. Хорен. кн. II гл. 14 и 60); Гефеста въ Багаринджѣ, деревнѣ дерджанскаго округа, провинціи Бардцер-Хайк'ъ, гдѣ стоялъ храмъ бога Михр'а (М. Хорен. кн. II, гл. 14;—Агаѳ. ст. 590); Афродиту въ Аштишатѣ, таронской провинціи, гдѣ былъ храмъ богини Астхикъ (М. Хорен. кн, II. гл. 14;—Агаѳан. стр. 602—603). Моисей Хоренскій говоритъ, что эти боги и богини были внесены въ Арменію въ сопровожденіи греческихъ жрецовъ (кн. II, гл. XIV).

Въ древнемъ языческомъ мірѣ явленіе очень обыкновенное — заимствованіе чужеземныхъ боговъ и введеніе ихъ въ кругъ божествъ того или другаго народа. Не говоря уже о народахъ западной Азіи, мы замѣчаемъ это и въ Римѣ, гдѣ въ особенности въ послѣднее время его существованія пантеонъ его завоевали, можно сказать, боги всего восточнаго міра. Это же самое замѣчаемъ и въ Арменіи за сто слишкомъ лѣтъ до Р. Х., когда греческіе боги являются въ этой странѣ и чествуются ея жителями наравнѣ съ божествами туземными.

IV.

44 О *сирійскихъ богахъ* Моисей Хоренскій упоминаетъ мимоходомъ. Говоря о царѣ Абгарѣ, жившемъ во время Христа Спасителя и пе-

ренесшемъ свою столицу изъ Мецбина въ Едессу, онъ по обычной своей сжатости замѣчаетъ только слѣдующее: „(царь) переноситъ туда (въ Едессу) свой дворъ изъ Мецбина и всѣхъ своихъ идоловъ— *Набог*'а, *Бэл*'а, *Батниках*'а и *Т'арат'у*... (кн. II, гл. XXVII). Одной этой номенклатурою и ограничивается историкъ; затѣмъ мы узнаемъ изъ его немногихъ словъ, что изображенія этихъ боговъ прежде стояли въ Мецбинѣ (Низибисѣ) и что Абгарь перенесъ ихъ въ Едессу. Стало быть, онѣ не переходили за предѣлы армянской Месопотаміи и чествовались тамъ какъ туземныя, т. е. сирійскія, божества, получившія гражданство въ армянскомъ пантеонѣ.

Посмотримъ, что это были за боги?

1. Первый изъ нихъ, Набэг, есть не что иное какъ ассирійскій *Небо* или *Небу*, который въ Сиріи является подъ формою *Набук*. Въ древней Ассиріи, какъ мы видѣли выше (см. стр. 26), это былъ богъ ученія; въ Сиріи же и въ армянской Месопотаміи подъ *Набог*'омъ или *Набук*'омъ разумѣли *Меркурія* (см. Chwolsohn, Die Ssabier und der Ssabismus, B. II. p. 22, 164). Это божество въ Великой Арменіи извѣстно было подъ именемъ *Тир*'а (см. выше, стр. 23). Его эпитеты были: scriba, sapiens, т. е. „писецъ“, „мудрый или грозорлнвый“, у Армянъ и Парсовъ: *депир*, *դպիր*—«писецъ» (см. выше, стр. 24), у раввиновъ же «der Schreiber der Sonne», какъ увѣряетъ г. Хвольсонъ (тамъ же, стр. 685). Приведенные эпи- 45
теты ясно указываютъ на значеніе божества, которое въ древней Ассиріи чествовалось подъ формою *Небо́* или *Небу*, въ Сиріи *Набу* или *Набук*, а въ армянской Месопотаміи подъ формою *Набог*, *Նաբոգ*: это былъ *богъ ученія*.

2. За нимъ у Моисея Хоренскаго слѣдуетъ Бэл, *Բէլ*. Въ Вавилоніи ему придавали эпитеты; the suprime, the father of the gods, the procreator, the lord, the king of all the spirits, lord of the countries», т. е. «верховный, отецъ боговъ, первосоздатель, владыка, царь всѣхъ духовъ, владыка странъ»; слѣдовательно, говоритъ полковн. Henry Rawlinson, *Бэл* соотвѣтствуетъ «великому отцу Юпитеру Римлянъ—he answers to the great father Jupiter of the Romans» (см. его ст. «On the Religion of the Babylonians and Assyrians» въ перев. Геродота, Ч. I, стр. 594—598). Этотъ характеръ

верховнаго существа *Бэл* сохранилъ и въ Сиріи. Здѣсь онъ извѣстенъ былъ подъ эпитетомъ „der ernste Greis“, подъ которымъ разумѣли Хроноса, и означалъ, какъ и въ Ассиріи, „первоначальное существо, творца всего сущаго“ (Chwolsohn, тамъ же, стр. 39, 165, 171). Нѣтъ сомнѣнія, что *Бэл* Моисея Аоренскаго есть то *верховное существо*, *творецъ всего сущаго*, которому поклонялись какъ въ древней Ассиріи, такъ впослѣдствіи и въ Сиріи.

3. **Бат'никах'**, Բաթնիքաղ — третій изъ боговъ, перенесенныхъ Абгаремъ изъ Мецбина въ Едессу, остается до сихъ поръ загадкой. Что это было за божество, не знаемъ. Профессоръ Хвольсонъ, какъ спеціалистъ во всемъ, касающемся сабейскаго міра, могъ бы разрѣшить эту загадку; но, къ сожалѣнію, онъ въ вышеприведенномъ ученомъ своемъ трудѣ, говоря о божествахъ Абгаря, молчаніемъ проходитъ о *Бат'никах'*ѣ.

46 Позволяю себѣ предложить здѣсь вопросы по поводу *Бат'никах'*а, которые могутъ разрѣшить посвященные въ древности Харрана.

Не есть ли *Бат'никах'* слово сложное, состоящее изъ *Батни* (=Батне, Батна, древній Саруджъ, или Серутчъ, какъ пишетъ Вар-данъ?), названія города въ сѣверной Месопотаміи, и изъ армянскаго *ках'* քաղ—«козелъ»?

Не было ли въ Сиріи бога, которому жители этой страны поклонялись бы подъ изображеніемъ *козла*?

4. Наконецъ четвертое божество месопотамійскихъ Армянъ была **Т'арат'а**, Թարաթայ. Подъ этимъ названіемъ является здѣсь божество, извѣстное въ Сиріи подъ именемъ *Тарıата*, prodigiosa Atargatis Плинія По мнѣнію послѣдняго, Греки изъ Atargatis образовали *Деркето* (Hist. nat. lib. V, 23). Ее представляли женщиной, у которой нижняя половина туловища оканчивалась рыбой (Diod. Sic. Bibl. hist. lib. II, 4). Въ этой богинѣ ученые видятъ *Астарте*, которая подъ различными наименованіями чествовалась не только въ западной Азіи, но и въ отдаленномъ западѣ (см. Creuzer, Religions de l'antiquité. t. II, 3-me partie, note 4, p. 910; note 6, p. 945.— Chwolsohn, Die Ssabier... B. II, p. 159.—G. Wilkinson, „On the worship of Venua Urania throughout the East“, in the History of Herod vol. II, p. 537—547). Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальная

форма названія этой богини—*Тарıата,* изъ котораго съ опущеніемъ буквы *ı* образовалась армянская *Т'арат'а*; греческое же *Деркето* или *Деркет* непосредственно происходитъ отъ первой изъ двухъ вышеприведенныхъ формъ. У Плинія и Страбона это имя, принимая въ началѣ *a* и на концѣ *is,* является въ формѣ A-targat-is.

V.

Мы уже упомянули о дэвахъ, служителяхъ Ахримана. Само со- 47
бою разумѣется, что не ими одними были окружены армянскія божества высшаго разряда, но что вмѣстѣ съ *дэвами* дѣлили эту честь и другіе *духи* низшаго порядка. Судя по немногимъ наименованіямъ уцѣлѣвшимъ въ древне-армянскомъ языкѣ, можно полагать, что это только обломки отъ языческаго вѣрованія древнихъ Армянъ, которое нѣкогда составляло нѣчто цѣлое и стройное. Таковы напр. юшкапарик, յուշկապարիկ; хамбару, համբարու; пай, պայ; парик,, պարիկ и др., значеніе и роль которыхъ мы не беремся опредѣлить, не имѣя для того достаточно данныхъ. Толкованія, даваемыя этимъ словамъ Мхитаристами въ ихъ Большомъ Словарѣ, не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ лишенныя логическаго основанія; ибо эти ученые объясняютъ ихъ, опираясь на древніе переводы съ греческаго, гдѣ армянскіе писатели передаютъ имена извѣстныхъ существъ греческой миѳологіи словами, заимствованными изъ языческаго міра армянскаго. Извѣстно, какъ мало можно положиться на вѣрность перевода или передачи христіанскими писателями первыхъ вѣковъ названій языческихъ боговъ вообще и ихъ характеристики въ особенности. Армяне не дѣлаютъ изъ этого исключенія; такъ напр. греческое *ıиппокентавр* они переводили черезъ *юшкапарик*, тогда какъ въ этомъ армянскомъ словѣ не слышно и духу ни *ıиппос*, ни *кентаврос*. Ясно, что переводчики для выраженія греческаго *ıиппокентавр* употребили первое попавшее имъ подъ перо слово изъ армянскаго язычества не потому, чтобы послѣднее означало именно *гиппокентавра*, но потому что слово: *юшкапарик* существовало уже 48
и служило наименованіемъ одного изъ духовъ армянской миѳологіи. Тоже самое можно сказать и объ остальныхъ словахъ, уже приве-

денныхъ нами выше. Мхитаристы безъ малѣйшей критики приняли за чистую монету значеніе, въ которомъ употреблялись означенныя слова первыми армяно-христіанскими писателями и впали такимъ образомъ въ непростительную ошибку, въ которую они вовлекли за собой какъ армянскихъ, такъ и западныхъ ученыхъ. Мы удерживаемся отъ толкованія этихъ словъ, которыя безъ сомнѣнія нѣкогда служили выраженіемъ понятія о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ существъ армянскаго пантеона, но которыя за недостаткомъ точныхъ извѣстій и точнаго ихъ употребленія у писателей этого народа совершенно утратили для насъ и смыслъ и первоначальное свое значеніе.

За то съ другой стороны мы можемъ обратить вниманіе ученыхъ на названія двухъ духовъ, роль и значеніе которыхъ намъ удалось опредѣлить еще прежде, благодаря на этотъ разъ довольно удовлетворительнымъ свѣдѣніямъ, оставленнымъ объ нихъ древнѣйшими армянскими писателями. Мы разумѣемъ аралез'овъ, *արալէզ*, и к'ә̀ждовъ, *քաջ*. Мхитаристы, венеціанскіе и вѣнскіе, и нѣкоторые изъ европейскихъ оріенталистовъ приняли наше толкованіе значенія *аралез*'овъ и *к'адж*'овъ, какъ не лишенное основанія. Оно было предложено нами въ нашемъ „Изслѣдованіи объ Эпосѣ древнихъ Армянъ", стр. 80—92, и въ переводѣ «Исторіи» Моисея Хоренскаго, стр. 251—256 примѣч. 57. Для полноты этого Очерка приведемъ здѣсь въ немногихъ словахъ результатъ нашихъ излѣдованій по значенію словъ: *Аралез* и *К'адж*.

49 Начнемъ съ *Аралез*'а. — За 150 л. до Р. Х. Мар-Абасъ Катина, современникъ Вахаршака, родоначальника армянскихъ Аршакидовъ, первый употребляетъ это слово, разсказывая, на основаніи народныхъ легендъ, исторію борьбы Семирамиды съ Арою, армянскимъ царемъ изъ династіи Хайка жившимъ за 1767 л. до Р. Х. Знакомымъ съ Моисеемъ Хоренскимъ (кн. I, гл. XV) извѣстно, что смерть этого царя, павшаго на войнѣ противъ ассирійской царицы, вмѣсто того чтобы положить конецъ бою, еще сильнѣе раздражила Армянъ, рѣшившихся во что бы то ни стало отомстить за любимаго своего государя; извѣстно также что Семирамида, чтобы успокоить армянское войско распустила слухъ, что „она приказала *богамъ лизать*

раны царя Ары, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній оживетъ"; и что когда разложился трупъ, она велѣла бросить его въ глубокую яму, вывела одного изъ своихъ любовниковъ въ царской одеждѣ и распустила про него молву, что «*боги, облизавъ Ару, оживили его*», и тѣмъ успокоила народъ. Такъ говоритъ народная легенда.

Другой писатель IV вѣка, а именно Фавстъ византійскій по случаю убіенія армянскаго главнокомандующаго Мушеха, жившаго въ 384 г. по Р. Х. въ царствованіе Вараздата-аршакуни, разсказываетъ слѣдующее: Батъ Сахаруни, кормилецъ царя Вараздата, завидуя славѣ Мушеха, своими безпрестанными навѣтами возстановилъ государя противъ него до такой степени, что тотъ рѣшился наконецъ приказать умертвить Мушеха. Злодѣйство было совершено за царскимъ столомъ по данному условному знаку (кн. V, гл. 35). Историкъ продолжаетъ: „когда понесли тѣло главнокомандующаго Мушеха на домъ къ его родственникамъ, то они не хотѣли вѣрить его 50
смерти, хотя и видѣли его голову отсѣченною отъ тѣла. Они говорили: онъ бывалъ въ безчисленныхъ сраженіяхъ и ни разу не былъ раненъ; никогда стрѣла не касалась его, ниже кто-нибудь наносилъ ему рану оружіемъ.—Другіе, не надѣясь на то, чтобы онъ воскресъ, приставивъ пришили голову къ туловищу и возвели на кровлю одной башни. Такъ какъ Мушехъ былъ мужъ храбрый, то они говорили: „*Арлезы сойдутъ и воскресятъ его*". Стояли, сторожили въ ожиданіи его воскресенія до тѣхъ поръ, пока наконецъ не сгнилъ трупъ его. Тогда снесли его съ башни и, совершивъ надъ нимъ тризну, погребли, какъ подобало" (кн. V, гл. 36).

Наконецъ Езникъ—жив. въ V вѣкѣ—въ своемъ «Опроверженіи лжеученій» также упоминаетъ о существованіи *Аралез*'овъ, *оживлявшихъ мужей, павшихъ въ бою* (кн. I, §§ 24—25).

Изъ этихъ указаній видно, что языческіе Армяне вѣрили въ существованіе *духовъ-аралезовъ*, содѣйствовавшихъ воскресенію павшихъ въ бою. Эти *духи*, по выраженію Фавста, *сходили* и лизаніемъ ранъ убитаго на полѣ сраженія возвращали ему жизнь.

Этимологія слова *аралез* или *арлез*, какъ пишетъ его Езникъ, вполнѣ опредѣляетъ роль этихъ духовъ. Оно состоитъ изъ *іар*, յար—«безпрестанно» и изъ *лез*, լեզ, корня гл. *лез*-ум, լեզում=

«лизать»; и потому *аралез* значитъ: «*безпрестанно лижущій*». Мнѣніе Мхитаристовъ, производящихъ это слово отъ *имени Ары* и отъ *лез*-ум=«лизать», лишено всякаго основанія (см. въ ихъ Больш. Словарѣ); ибо тогда слѣдовало-бъ приписывать смерти Ары и вы-
51 думкѣ Семирамиды также и происхожденіе этого повѣрія. Но мы видимъ изъ Моисея Хоренскаго, что ассирійская царица прибѣгаетъ къ этому повѣрію, какъ къ туземному, *еще до нея существовавшему* въ Арменіи съ тѣмъ, чтобы успокоить взволнованные умы Армянъ. Понятно, что если Армяне-язычники вняли голосу царицы, то это единственно потому, что по ихъ ученію воскресеніе Ары была вещь возможная при содѣйствіи *Аралез*'овъ.

Ни Фавстъ византійскій, ни Моисей Хоренскій не говорятъ—въ *какомъ видѣ* представляли себѣ *аралез*'а древніе ихъ соотечественники. Изъ ихъ словъ мы узнаемъ только, что *аралезы пребывали въ воздушномъ пространствѣ*, ибо *сходили сверху*; слѣдовательно они—*не подземные духи*. Одинъ только Езникъ въ упомянутомъ своемъ сочиненіи, говоря объ *аралез*'ѣ, производитъ его отъ *собаки*. Не смотря на неопредѣленность этой характеристики, мы изъ нея все-таки можемъ заключить, что древніе Армяне изображали *его съ собачьей головой* (см. также 57 прим. къ нашему переводу Ист. Арм. Моисея Хорен. стр. 251—256).

Что же касается до слова *к'адж*, քաջ, то, какъ мы уже замѣтили, архаическое значеніе его до нынѣшняго времени оставалось непонятнымъ. Мхитаристы объясняли и переводили его черезъ *храбрый*; за ними и прочіе арменисты повторяли тоже самое. Правда, у позднѣйшихъ писателей оно только въ этомъ смыслѣ и употребляется; но не таково было его значеніе во времена языческія и не таково оно даже у Моисея Хоренскаго, хотя и христіанскаго писателя V вѣка. Обратимся къ нему: онъ дастъ намъ нить, при помощи которой можемъ добраться до точнаго разумѣнія первоначальнаго значенія этого слова.

52 Въ своей Исторіи этотъ писатель приводитъ изъ народнаго Эпоса отрывокъ, въ которомъ царь армянскій Артаваздъ IV (120 л. по Р. Х.) съ упрекомъ обращается къ тѣни умершаго своего отца Арташеса III, говоря: ты умеръ и унесъ съ собою всѣхъ и все; какъ

же мнѣ теперь царствовать надъ развалинами? За подобный упрекъ Арташесъ изъ могилы проклинаетъ неблагодарнаго сына въ слѣдующихъ словахъ: «Если ты выѣдешь на охоту на свободный Масисъ (Араратъ), тебя захватятъ *к'аджи*, повлекутъ на свободный Масисъ: тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе» (кн. II, гл. LXI). Въ предложеніи: „тебя захватятъ *к'аджи*", послѣднее слово по понятіямъ языческихъ Армянъ означало: *духъ* *), что и подтверждается смысломъ послѣдующихъ за нимъ словъ «повлекутъ (тебя) на свободный Масисъ: тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе». Въ доказательство нашего толкованія приведемъ еще объясненіе слова *к'адж*, встрѣчаемое въ одномъ древнемъ рукописномъ словарѣ нашей библіотеки, гдѣ оно объясняется такъ: *к'адж* есть *духъ* по сущности своей *добрый*», *քաջ է ոգի ըստ բնութեան բարի*.

По этому *к'аджи* были духи добрые въ противоположность *дэвамъ*—„духамъ злымъ". Что *к'аджи* дѣйствительно были *духи* по сущности *добрые*, это мы видимъ изъ того еще, что армянскіе цари—аршакиды именовали себя *к'аджами*, разумѣя подъ ними существа, стоявшія выше обыкновенныхъ смертныхъ, *существа небеснаго происхожденія* (Моис. Хорен. кн. I, гл. XI;—кн. III, гл. 53
XVII, XXVI, LI). Въ этомъ случаѣ слово *к'адж* по значенію своему тожественно съ словомъ *четре*, которое находимъ въ надписяхъ на сасанидскихъ медаляхъ съ прилагательнымъ *іездани* — «небесный»; и потому *четре іездани* значитъ: «сѣмя небеснаго происхожденія» (*Маздасн бех Арташетр малкан малка Иран миночетри мен іездан*» т. е. «Поклонникъ Ормузда, превосходный Арташетръ, царь царей Ирана, изъ небеснаго поколѣнія боговъ»; см. Silvestre de Sacy, Mémoire sur diverses antiquités de la Perse, p. 177—178), какими себя представляли парсійскіе цари-Сасаниды **).

---

*) Франц. переводчикъ М. Хоренскаго, Левайльянъ де Флорпваль, совершившій свой трудъ подъ руководствомъ Мхитаристовъ, мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, перевелъ такъ: „Si tu vas à cheval chasser sur le noble (?) Massis, *les braves habitans* (?!) *te prendront*, te méneront sur le noble (!) Massis; tu restera lá, es tu ne veras plus la lumière" (Histoire d'Arménie, Paris, liv. II, p. 291).

**) Замѣтимъ кстати, что слово *Четре*, употребленное въ этой надписи,

VI.

Какъ во всемъ греко римскомъ и восточномъ мірѣ, такъ и въ языческой Арменіи мы находимъ между божествами и смертными вообще рядъ посредствующихъ существъ, служащихъ связью, постоянно указывающею на постепеность перехода, по понятіямъ древнихъ, отъ міра видимаго къ міру невидимому; я разумѣю *полубоговъ*, называвшихся у древнихъ Армянъ дюц-азн'ами, *դիւցազն*, т. е. „мужами божественнаго происхожденія". Между такими *дюц-азн'*ами первое мѣсто занимаетъ *Вахагнъ*, *Վահագն*, сынъ, какъ говоритъ армянскій Эпосъ, Тиграна I Хайкида, современника Кира и Креза. Память о немъ сохранилась въ пѣсняхъ рапсодовъ, въ которыхъ рож-
54 деніе Вахагна представлялось въ поэтическихъ краскахъ, изобличающихъ необузданность фантазіи послѣднихъ. Моисей Хоренскій сохранилъ въ своей Исторіи отрывокъ, въ которомъ воспѣвалось рожденіе этого полубога и который начинался слѣдующими стихами:

«въ мукахъ рожденія находились небо и земля;
въ мукахъ рожденія лежало и пурпуровое море;
море разрѣшилось красненькимъ тростникомъ;
изъ горлышка тростника выходилъ дымъ;
изъ горлышка тростника выходило пламя;
изъ пламени выбѣгалъ юноша:
у него были огонь-волосы,
борода была изъ пламени,
а очи – словно два солнышка» (кн. I, гл. XXXI).

Къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный отрывокъ, по причинѣ совершеннаго недостатка цѣльныхъ свѣдѣній о вѣрованіяхъ языческихъ Ар-

---

существуетъ также въ древне-армянскомъ языкѣ подъ формою *тчет*, *ծնա*, и значитъ „племя, поколѣніе" (см. арм. текстъ Моис. Хоренск. кн. I, гл. XII).

мянъ, остается непонятнымъ для насъ и мы не можемъ уяснить себѣ чудеснаго рожденія армянскаго полубога, этого юноши съ огненными волосами, съ пламенной бородой и съ очами, горящими какъ два солнца, появленію котораго на свѣтъ содѣйствуютъ и небо и земля и пурпуровое море и этотъ дивный тростникъ, извергающій дымъ и пламя, которые какъ бы пеленами охватываютъ рождающагося юношу. Моисей Хоренскій во второй половинѣ V вѣка собственными ушами слышалъ эту пѣснь, воспѣваемую рапсодами при сопровожденіи музыкальнаго инструмента, назывaвшагося *бамбирн'*омъ,
բամբռին *). Онъ говоритъ, что въ этой пѣсни воспѣвались также 55
борьба Вахагн'а съ драконами и его побѣда надъ ними; что все воспѣваемое въ честь его имѣло большое сходство съ подвигами Геракла и что наконецъ онъ былъ причисленъ къ сонму боговъ **) (кн. 1, гл. XXXI). Подобно Меркурію, художнику въ дѣлѣ воровства ***), армянскій полубогъ крадетъ у ассирійскаго Баршама солому, и вслѣдствіе бѣгства его съ этой добычей по небу образуется Млечный Путь, какъ мы замѣтили выше (см. стр. 22). Древнѣйшему армянскому писателю, Агаѳангелу, небезъизвѣстенъ былъ миѳъ о Вахагн'ѣ: въ своей Исторіи онъ ему придаетъ эпитетъ *вишапак'ах'*, *վիշապաքաղ*, т. е. «истребитель драконовъ», что вполнѣ согласно съ представленіемъ древнихъ рапсодовъ, какъ замѣчено выше на основаніи словъ Моисея Хоренскаго. Вахагнъ былъ въ большомъ по-

---

*) Знаменитый К. Риттеръ, введенный въ заблужденіе Нейманномъ, увѣряетъ, основываясь на сообщенныхъ ему мюнхенскимъ профессоромъ свѣдѣніяхъ, что *бамбирн* значитъ *„кастаньеты“*, которое *бамбирн* братья Whiston'ы—первые переводчики М. Хоренскаго передали черезъ *„кимвалъ“* (Die Erdkunde, B. VII, p. 547). Мы имѣли случай возстановить настоящее значеніе *бамбирн*'а въ нашемъ „Изслѣд. о Эпосѣ древн. Армянъ, стр. 97—98. Съ тѣхъ поръ армянскіе и европейскіе ученые подъ словомъ: *бамбирн* разумѣютъ „музыкальный инструментъ со струнами“, а не „кастаньеты“, ниже кимвалъ.

**) По увѣренію того же историка, статуя Вахагн'а была воздвигнута въ сосѣдней Иверіи, гдѣ онъ былъ обоготворенъ и гдѣ чествовали его жертвоприношеніями (см. тамъ же).

***) См. выше на стр. примѣч.

четѣ у Армянъ за то, что онъ оказалъ имъ великую услугу, очищая ихъ страну отъ зловредныхъ хищныхъ звѣрей.—Храмъ его находился на берегу Евфрата въ Аштишатѣ, таронской провинціи, и былъ однимъ изъ богатѣйшихъ храмовъ въ Арменіи, наполненнымъ золотомъ и серебромъ, множествомъ приношеній отъ великихъ царей и любимымъ мѣстомъ жертвоприношеній царей Великой Арменіи
56 (Агаѳ. стр. 602—603). Къ сожалѣнію, Вахагн'омъ открывается и имъ же замыкается для насъ рядъ армянскихъ *полубоговъ*, о которыхъ христіанскіе писатели поскупились оставить болѣе подробныя свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что ихъ было не одинъ, ибо мужи въ родѣ *Торк*'а, Տորք, жившаго во время Вахаршака (150 л. до Р. Х.), существовали безъ сомнѣнія и въ древнѣйшемъ періодѣ Хайкидовъ, которые за свои необыкновенныя умственныя, нравственныя или физическія качества причислялись вѣроятно къ сонму боговъ. Помѣстили же языческіе Армяне на небо родоначальника своего въ созвѣздіи Оріонѣ, которое у переводчиковъ Библіи называется Хайкомъ (прор. Исаія, XIII, 10;—Іовъ, XVIII, 31). Но остановимся, ибо безполезно пускаться въ область предположеній.

Выше было замѣчено, что армянскіе цари-аршакиды считали себя происхожденія божественнаго, т. е. *полубогами*. Такъ напр. Вах'аршакъ I письмо свое къ Аршаку Великому заключаетъ словами: «здравствуй, знаменитый *сожительствомъ между богами*» (кн. I, гл. IX;) послѣ построенія храма въ столицѣ своей Армавирѣ тотъ же Вах'аршакъ рядомъ съ изображеніемъ Арег-акн'а и Лусин'а ставитъ въ немъ и *статуи своихъ предковъ* (М. Хорен. кн. II, гл. VIII), которыя извѣстны были въ жреческомъ мірѣ подъ названіемъ: «отечественныхъ боговъ», Հայրենի կուռք или «изображеній предковъ», պատկերք նախնեաց (Моис. Хор. кн. II, гл. 49 и 77); Тигранъ послѣдній VI, по увѣренію Бардезана-гностика, воздвигаетъ жертвенники на могилѣ брата своего великаго жреца Мажана въ Багаванѣ, багревандскаго округа (М. Хор. кн. II, гл. 66); Тердатъ Великій въ циркулярной своей граматѣ, обращенной ко всѣмъ подданнымъ, начиная отъ вельможи до послѣдняго простолюдина, называетъ себя
57 *дюцахарн Парт'ев*, դիւցախառն Պարթև т. е. „Парѳяниномъ божественнаго происхожденія“ (Агаѳ. стр. 102) и пр. и пр. Такимъ об-

разомъ армянскіе цари-аршакиды при жизни чествовались наравнѣ съ 57
богами, послѣ же смерти причислялись къ сонму боговъ *).

VII.

У Моисея Хоренскаго мы читаемъ, что древніе Армяне, подобно многимъ восточнымъ и древне-западнымъ народамъ, имѣли священныя рощи, гдѣ поклонялись священнымъ деревьямъ. Древнѣйшая роща въ этомъ родѣ была насаждена Араманіакомъ, сыномъ Хайка, за 2000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. въ айраратской провинціи на берегу рѣки Ерасха (Аракса) недалеко отъ холма, на которомъ впослѣдствіи сынъ его, Армаисъ, построилъ городъ Армавиръ **), первую и древнѣйшую изъ армянскихъ столицъ. Деревья, насажденныя 58
Араманіакомъ, Моисей Хоренскій называетъ *соси*, սօսի—„родъ серебристыхъ тополей“. Въ таинства поклоненія этой рощи первоначально посвящались только избранные мужи, какъ напр. Анушаванъ, сынъ Ары,—„мужъ, богато одаренный отъ природы и многоумный“,

---

*) Въ подтвержденіе нашего мнѣнія приведемъ одно мѣсто изъ Амміана Марцеллина, гдѣ онъ, говоря объ основателѣ аршакидской династіи, Аршакѣ, увѣряетъ что послѣдній за великіе воинскіе подвиги былъ обоготворенъ пареянскими вельможами и народомъ, и по обычаямъ страны, основаннымъ на вѣрованіяхъ народныхъ, помѣщенъ былъ между небесными свѣтилами. Отсюда, говоритъ Амміанъ, и происхожденіе титла: „братъ Солнца и Луны“, которое придаютъ себѣ гордые властители Пареіи. Этимъ не ограничивается Амміанъ: по его словамъ, даже особа человѣка аршакидскаго происхожденія считалась священною. Впрочемъ вотъ подлинныя слова самого историка: Certatimque summatum et vulgi sententiis concinentibus, astris (ut ipsi existimant) ritus sui consecratione permistus, est omnium primus. Unde ad id tempus reges ejusdem gentis praetumidi, adpellari se patiuntur Solis fratres et Lunae... et in qualibet civili concertatione, quae adsidue apud eos eveniunt, velut sacrilegium quisque caveat, ne dextera sua Arsacidem arma gestantem feriat vel privatum“ (Amm. Marcell. XXIII, 6).

**) *Армавиръ* находился на югѣ отъ нынѣшняго Сардарабада, недалеко отъ Эривани.

вслѣдствіе чего и прозванный *Сосанevр*, *Սօսանուէր* *). Въ этой рощѣ армянскіе жрецы гадали по шелесту листьевъ упомянутыхъ тополей подобно додонскимъ жрецамъ, гадавшимъ по движеніямъ „многоязычнаго“—полиглоссос—„пророчествующаго дуба“—quercus fatidica.—„Колебанія листьевъ этихъ деревьевъ, говоритъ Мар-Абасъ Катина, при тихомъ или сильномъ дуновеніи вѣтра въ теченіи многихъ вѣковъ составляли науку гаданія въ землѣ армянской“ (М. Хорен. кн. I, гл. XX).

Рядомъ съ деревомъ *соси* древніе Армяне поклонялись и дереву *барти*, *բարտի*—*особому виду тополя*, котораго къ сожалѣнію съ точностью опредѣлить не можемъ. Поклоненіе этимъ деревьямъ, съ ними быть можетъ и другимъ, продолжалось не только во времена язычества, но и много спустя послѣ введенія христіанства въ Арменіи. Такъ напр. мы видимъ, что горсть *Арев-ордик*'ъ—„Сыновъ Арева“ (см. выше стр. 10), сохранившихъ языческія свои вѣрованія до XII столѣтія по Р. Х. въ Самосатѣ, въ Месопотаміи, вмѣстѣ съ поклоненіемъ *Арев'у* поклонялись и дереву *барти*. Патріархъ Нерсесъ Благодатный, сохранившій намъ это извѣстіе, говоритъ,
59 что *дэв'ы входили въ этого рода деревья и отъ людей требовали поклоненія* (см. его Посл. Венеція, 1838, стр. 238 — 253). Явно, что Нерсесъ говоритъ здѣсь общими мѣстами и съ полнымъ пренебреженіемъ къ ученію «Сыновъ Арева», и такимъ образомъ лишаетъ насъ возможности составить себѣ точное понятіе о воззрѣніи Арев-ордик'ъ на *барти*—предметъ ихъ поклоненія. Ибо мы знаемъ, что и у другихъ народовъ древняго и новаго міра деревья нерѣдко служили символомъ понятій отвлеченныхъ. Въ Индіи *священная смоковница* была символомъ производящей и творящей силы природы (см. у Creuzer'a t. I, première partie, liv. 1, ch. II. pp. 140—150). Во Фригіи и въ Римѣ во время весенняго равноденствія въ празд-

---

*) Въ текстѣ Моис. хоренскаго стоитъ: *որ Սօս անուանիւր* т. е. „который назывался *Сос*'омъ“. Въ моемъ изд. Исторіи Іоан. каѳол. стр. 13, Анушавану придань эпитетъ *սօսանուէր*, *сосаневер*, т. е. „посвященный въ рощу Соси“. Послѣднее чтеніе я предпочитаю чтенію, представляемому текстомъ М. Хоренскаго.

никъ матери боговъ посвящали ей *сосну*; въ Финикіи подобная честь отдавалась *кипарису*; въ древней Скандинавіи, а именно въ южной Швеціи—*тиссовому дереву* наравнѣ съ другими деревьями, каковы: дубъ, ясень (—Yggdrasil въ Эддѣ), сосна, букъ и орѣховое дерево *), въ которыя входили духи и которымъ сѣверные жители Европы и германскія племена въ особенности приписывали чудесную силу (см. J. Grimm, Deutsche Mythologie, II Band. cap. XXI, p. 617—619;—Les études et les découvertes archéologiques dans le Nord, A. Geffroy, Revue des deux mondes, novembre 1862, pp. 154—176;—Die Ssabier und der Ssabismus, B. II, p. 223—225, not. 241). Вѣроятно и деревья: *соси* и *барти*, бывшія за 2000 лѣтъ до Р. X. въ большомъ уваженіи и у древнихъ Армянъ, первоначально служили видимымъ выраженіемъ идей высшаго порядка. За недостаточностью 60
дошедшихъ объ этихъ деревьяхъ свѣдѣній онѣ утратили для насъ смыслъ священнаго своего значенія. Поэтому мы и ограничиваемся здѣсь указаніемъ на одни только факты.

VIII.

Выше мы имѣли случай обратить вниманіе читателя на поклоненіе въ древней Арменіи Михр'у—«богу невидимаго огня» (—*хур*, Հուր), видимымъ выраженіемъ котораго служилъ вещественный огонь (—*крак*, կրակ). Мы видѣли также, что «этому вещественному огню» (—*огню-сестрѣ*, կրակ քույր), поклонялись почти во всей Великой Арменіи. Судя по остаткамъ языческихъ обрядовъ, упорно уцѣлѣвшихъ до сей поры между нынѣшними персидскими Армянами, можно навѣрное заключить, что эти обряды соблюдались у нихъ и во времена язычества: я разумѣю между прочимъ *религіозную пляску*, *совершаемую вокругъ зажженнаго огня* и теперь. Это дѣлается обыкновенно въ праздникъ Срѣтенія Господня: во время вечерней службы на церковномъ дворѣ воздвигается костеръ изъ легкосгараемаго топ-

---

*) Плиній говоритъ (см. его Hist. Natur. lib. XII, 2), что *дубъ* былъ посвященъ Юпитеру, *лавръ*—Аполлону, *олива*—Минервѣ, *миртъ*—Венерѣ, а *тополь*—Геркулесу, и что «деревья вообще служили божествамъ храмами».

лива и преимущественно изъ терновника; костру придается пирамидальный видъ; его обыкновенно убираютъ дико-растущими плодами и въ особенности *п'ешатомъ*, փշատ, въ родѣ кизила. Молодыя дѣвицы и вновь вышедшія замужъ женщины составляютъ около него хороводъ. Когда одинъ изъ юношей, густою толпою обступившихъ хороводъ, подложетъ подъ костеръ огонь, хороводъ тихо и торже-
61 ственно начинаетъ кружиться около зажженнаго огня. По мѣрѣ того какъ пламя болѣе и болѣе охватываетъ костеръ, хороводъ сильнѣе продолжаетъ кружиться, усиливая мѣрное, но слабое въ началѣ топаніе ногами. Эта пляска продолжается до тѣхъ поръ, пока пламя значительно не спадетъ; тогда хороводъ разступается, на сцену выступаютъ молодые люди, только что женившіеся, женихи и вообще юноши и начинаютъ перепрыгивать черезъ костеръ съ необыкновенной легкостью. Подъ конецъ, когда пламя совсѣмъ утихаетъ, тотъ же процессъ совершаютъ только что вышедшія замужъ женщины, которыя впрочемъ быстро пробѣгаютъ мимо почти что угаснаго костра. Вся эта церемонія обыкновенно продолжается, какъ мы сказали, во время вечерни, послѣ которой расходятся по домамъ.

Что это обыкновеніе имѣетъ свое начало въ глубокой языческой древности, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но какую именно мысль выражали языческіе Армяне въ этой религіозной пляскѣ, мы не хотимъ и не беремся опредѣлить по догадкамъ. Вѣрно одно, что пламени огня придавалось очистительное свойство; и потому перепрыгивающіе черезъ него получали это очищеніе. Какъ нѣкогда пророкъ Моисей предостерегалъ израильскій народъ отъ подобныхъ языческихъ обрядовъ *), точно также и церковь христіанская на Востокѣ не разъ возставала противъ остатковъ язычества въ ея паствѣ. Не смотря на то, языческія обыкновенія, какъ могъ видѣть читатель, продолжаютъ свое существованіе и до нашего времени. Впрочемъ и на противоположномъ Западѣ ду-
62 ховенство не мало боролось съ подобными же суевѣріями. Въ Ирландіи находимъ языческіе обряды, которые до сихъ поръ существу-

---

*) Второзакон. гл. XVIII. 9—10: «Да не обрящется въ тебѣ *очищая* сына своего и дщерь свою *огнемъ*».

ютъ между персидскими Армянами и которые вынесены Ирландцами, вѣроятно, изъ первобытнаго своего отечества. Здѣсь старики еще недавно, вращаясь около огня, читали молитву; пускавшійся въ дальнее путешествіе трижды черезъ костеръ перепрыгивалъ въ обратномъ смыслѣ; такимъ же способомъ очищались передъ вступленіемъ въ бракъ и сообщали себѣ неуязвимость передъ отправленіемъ на войну; когда пламя начинало ослабѣвать, выступали дѣвушки, которыя, переходя черезъ него, выражали завѣтное задушевное желаніе имѣть хорошихъ жениховъ и т. п. (см. приведен. выше статью Geffroy). Подобные же обряды существуютъ до сихъ поръ и на европейскомъ сѣверѣ у Славянъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ. Въ праздникъ Купалы наканунѣ Иванова дня, т. е. 23 Іюня, и у нихъ, какъ извѣстно, зажигаютъ костры и перепрыгиваютъ черезъ нихъ. И здѣсь, какъ на западѣ Европы и въ Арменіи, прыганію черезъ зажженные костры приписывалась очистительная сила, такъ какъ языческіе Славяне вѣровали, что огонь предохраняетъ отъ заразы и болѣзней.

IX.

Храмы, въ которыхъ древніе Армяне поклонялись богамъ, назывались мехьян'ами, *մեհեան*. Ученые еще не высказались относительно происхожденія этого слова. На нашъ взглядъ, оно въ непосредственной связи съ именемъ бога *Михр*, которое и служитъ ему корнемъ. Первоначальная форма его вѣроятно было *михрьян*, или *мехрьян*, *միհրեան* или *մեհրեան*. Если наше предположеніе мо- 63
жетъ быть допущено, въ такомъ случаѣ *мехьян* значило: «мѣсто поклоненія Михру». —Желательно, чтобы знатоки древне-армянскаго языка обратили вниманіе на предложенное здѣсь толкованіе.

Въ связи съ *мехьян*'омъ встрѣчаемъ у древнихъ армянскихъ писателей и слово багин, *բագին*, которое до сихъ поръ вкось и вкривь толкуется учеными Армянами, разумѣющими подъ нимъ иногда *храмъ*, иногда *алтарь*. Такое колебаніе въ толкованіи обличаетъ въ нихъ отсутствіе яснаго представленія о словѣ *багин*. Внимательное изученіе тѣхъ мѣстъ Агаѳангела и Моисея Хоренскаго, гдѣ у нихъ упо-

треблено это слово, приводитъ насъ къ заключенію, что эти писатели смотрѣли па *мехъян* и *багин* не какъ на слова, выражающія тождественныя понятія, но какъ на выраженіе отдѣльныхъ представленій. Вездѣ, гдѣ у нихъ употребляется слово *багин*, *բագին*, ясно видно, что они подъ нимъ разумѣютъ: *жертвенникъ богу воздвигнутый*, на которомъ совершались закланія и на который клались жертвенные дары (см. армянскій текстъ Агаѳ. стр. 29—30; 45—46; 586; 586; 602—603.—Моис. Хорен. кн. II, гл. 18; 40; 66; 77.—Фавстъ визан. кн. III, гл. 14, стр. 37, 38).

При одномъ *мехъян*'ѣ было *нѣсколько багин*'овъ (см. тамже), что служитъ новымъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія, а именно, что *багин* значило *жертвенникъ*, и ничего болѣе.

Корень этого слова *баг* (древне-парсійское *бага*), встрѣчающійся въ армянскомъ языкѣ преимущественно въ именахъ собственныхъ (*Баг*-аран, *բագ-արան*; *Баг*-аван, *բագ-աւան*; *Баг*-ариндж, *բագ-առինջ*;
64 *Баг*-н-айр, *բագ-ն-այր*), значитъ *богъ*; и потому *баг-ин* значитъ: «жертвенникъ, воздвигнутый богу» или *въ самомъ* храмѣ передъ изображеніемъ божества (Моис. Хорен. кн. II, гл. 77), или *передъ* храмомъ, извѣстному богу посвященнымъ (кн. II, гл. 14), или же независимо отъ этихъ условій, отдѣльно, какъ напр., надъ могилой великаго жреца (кн. II, гл. 66).

Опредѣливъ значеніе слова: *багин*, скажемъ мимоходомъ, что корень его—*баг* или *бага*, представляется также въ древне-парсійскихъ именахъ и преимущественно въ собственныхъ, каковы: *Баг*еус, *Ба*гапатес, *Бага*сакес, *Баг*оас, *Бага*ѳанес, Ма*бог* (—Maha bag), и пр.

Такимъ образомъ слова: *мехъян* и *багин*, указывая намъ на зендское свое происхожденіе, въ то же время даютъ возможность предполагать, что религія Армянъ въ древнѣйшую эпоху, безъ сомнѣнія, имѣла съ религіей Парсовъ *одинъ общій источникъ*.

X.

Священные города, деревни и селенія, въ которыхъ находились храмы и стояли жертвенники, по указаніямъ Зеноба Глака, Агаѳангела, Фавста византійскаго и Моисея Хоренскаго, были слѣдующіе:

1. **Армавиръ**;—М. Хор. кн. I, гл. 20; кн. II, гл. 12, 77.
2. **Арташатъ**;—Агаѳ. стр. 580.—Моис. Хор. кн. II, гл. 49.
3. **Багаранъ**;—Моис. Хорен. кн. II, гл. 40, 49.
4. **Гора Карке**;—Зенобъ Глакъ, стр. 36.—Фавстъ виз. кн. III, гл. 14. стр. 38; кн. V. гл. 25, стр. 218—219.
5. **Крѣпость Ани**;—Агаѳ. стр. 586.—Моис. Хорен. кн. II, гл. 12, 65 14, 53.
6. **Мецбинъ** } Моис. Хорен. кн. II, гл. 27.
7. **Едесса** }
8. **Аштишатъ**;—Зенобъ Глакъ, стр. 25, 29, 36.—Агаѳ. стр. 603.—М. Хорен. кн. II, гл. 12.
9. **Багаванъ**;—Агаѳ. стр. 608.—М. Хорен. кн. II, гл. 66, 77.
10. **Т'орданъ**;—Агаѳ. 585.—М. Хорен. кн. II, гл. 14.
11. **Т'илъ**;—Агаѳ. стр. 587.—М. Хорен. кн. II, гл. 14.
12. **Ериза или Ерезъ**;—Агаѳ. стр. 45, 587. — М. Хорен. кн. II, гл. 14.
13. **Багаринджъ**;—Агаѳ. стр. 590.—М. Хорен. кн. II, гл. 14.

По вышеприведеннымъ писателямъ, въ упомянутыхъ тринадцати священныхъ или жреческихъ городахъ и селеніяхъ древніе Армяне поклонялись своимъ богамъ и совершали жертвоприношенія. Помимо ихъ географія древней Арменіи представляетъ и другіе города, названія которыхъ указываютъ на жреческое ихъ происхожденіе. Въ нихъ, вѣроятно, нѣкогда возвышались изображенія божествъ, о которыхъ не позаботились оставить свѣдѣнія армянскіе историки, таковы между прочимъ: *Бага*рчодаштъ, *Баг*найръ, *Баг*ревандъ и пр.

XI.

При храмахъ были жрецы и жрицы, называвшіеся у Армянъ **к'урм**, 66 քուրմ, и **к'ермухи**, քրմուհի *)—слова, происхожденіе и значеніе которыхъ еще не объяснены.

---

*) Хотя самое слово «кермухи» и указываетъ уже на существованіе *жрицъ* въ древней Арменіи, но не смотря на это, по какому-то странному

О происхожденіи сословія *к'урмовъ* — *к'ермутьюн*, քրմութիւն, армянскіе историки положительно ничего не говорятъ. Если вѣрить Мар-Абасу, то вѣроятно первымъ жрецомъ былъ Араманіакъ, сынъ Хайка, жившій за 2026 лѣтъ до Р. Х. и насадившій первую «священную рощу серебристыхъ тополей»; потомъ Анушаванъ, жившій за 1725 л. до Р. Х. и прозванный *Сосаневер*, Սոսանուէր потому, что былъ посвященъ въ таинства культа, совершавшагося въ упомянутой рощѣ (Моис. Хорен. кн. I, гл. XX;—и стр. 57—58 этого Очерка); наконецъ потомки Вахагн'а (см. выше стр. 53—55), жившаго за 520 л. до Р. Х. (М. Хорен. кн. I, гл. XXXI), которые послѣ причисленія отца ихъ къ сонму боговъ получили преемственное право на *к'ермутьюн*, т. е. на „достоинство великаго жреца“ въ Арменіи. Вахаршакъ за 150 л. до Р. Х. утверждаетъ за родомъ Вахагн'а главное начальство надъ жрецами и жреческимъ сословіемъ (М. Хорен. кн. II, гл. VIII), называя его *Вахнуник'ъ*, Վահնունիք: имя, которое потомки Вахагн'а удержали за собою до 89 года по
67 Р. Х., когда Тигранъ II лишилъ ихъ жреческаго достоинства, сохранившагося въ ихъ родѣ слишкомъ 600 лѣтъ (М. Хорен. кн. II, гл. 14).

Изъ этого видно, что достоинство великаго жреца, или к'ермапета, քրմապետ, գլխաւոր քուրմ, въ періодѣ Хайкидовъ постоянно оставалось между членами царскаго дома. Тоже самое замѣчаемъ и во время владычества Аршакидовъ въ Арменіи: царь Еруандъ, вступившій на престолъ въ 58 г. по Р. Х., назначаетъ брата своего, Еруаза, *к'ермапетомъ* въ Багаранѣ (М. Хорен. кн. II, гл. 40); Арташесъ III, воцарившійся въ 78 г. по Р. Х., сына своего Мажана ставитъ *к'ермапетомъ* въ Ани при храмѣ Арамазда (М. Хорен. кн. II, гл. 53, 66) *).

стеченію обстоятельствъ, въ армянскихъ извѣстіяхъ рѣшительно нигдѣ не встрѣчается прямаго указанія на нихъ, ни на роль, какую онѣ тутъ играли. Единственное указаніе на *жрицъ* при храмахъ армянскихъ находимъ у Страбона, и то сдѣланное послѣднимъ вскользь. См. у него кн. XI, гл. XIX.

*) Послѣ побѣды, одержанной Пароянами надъ римскими легіонами, надъ которыми начальствовалъ Петъ, Вологезъ, царь пароянскій, отправ-

Сословіе жрецовъ въ Арменіи находилось въ нѣкоторомъ вассальномъ отношеніи къ царю, по крайней мѣрѣ такъ это было въ періодѣ Аршакидовъ; ибо «Вахаршакъ, говоритъ историкъ, оказалъ большія почести потомкамъ Вахагн'а, поручилъ имъ главное начальство надъ жречествомъ, причислилъ ихъ къ *первымъ нахарарскимъ родамъ*, назвавъ ихъ *Вахнуник'ъ*» (М. Хор. кн. II; гл. VIII). Вслѣдствіе этого жречество составляло въ Арменіи какъ бы государство въ государствѣ. Оно имѣло *свое войско*: *զօրք բրմաց* (см. Зенобъ Глакъ, Ист. Таронс. Провинц. Венеція, 1832, стр. 28), которое 68
было расположено въ *жреческихъ земляхъ*, *երկիր բրմաց* (Зенобъ Глакъ, стр. 37). Въ случаѣ войны войско это стягивалось и при трубномъ звукѣ (Зенобъ Глакъ, стр. 25), имѣя во главѣ жрецовъ или *кермапетовъ*, выступало на врага. Подобныя войны конечно всегда имѣли, какъ и слѣдуетъ полагать, характеръ религіозный. Стоитъ только вспомнить жестокія войны, которыя выдержали царь Тѣрдатъ, князья и нахарары армянскіе во время введенія христіанскаго ученія Григоріемъ Просвѣтителемъ; о нихъ говорятъ современники—Зенобъ Глакъ и Агаѳангелъ: одинъ—ученикъ св. Григорія, другой—секретарь армянскаго царя. Но, чтобы имѣть нѣкоторое понятіе вообще о владѣніяхъ жрецовъ, о числѣ людей, поселенныхъ на ихъ земляхъ и о ихъ войскѣ, стоитъ обратить вниманіе на слѣдующій любопытный отрывокъ, въ которомъ писатель начала IV вѣка говоритъ о владѣніяхъ жрецовъ-служителей индійскихъ божествъ въ таронской провинціи. Это были селенія: „Куарсъ, гдѣ находилось 3012 дымовъ и 150 всадниковъ; Тумъ съ 900 дымовъ и 400 всадниковъ; Хорни, заключающій въ себѣ 1906 дымовъ, 700 всадниковъ и 1007 человѣкъ пѣхоты; Брехъ, имѣющій 1680 дымовъ, 1030 всадниковъ и 400 человѣкъ пѣхоты; Кетехкъ съ 1600 дымовъ, 800

ляя въ Римъ пословъ съ письмами къ Нерону, между прочимъ пишетъ, что свергнутый съ армянскаго престола братъ его, Тиридатъ, не отказался бы пріѣхать въ Римъ принять діадему, *если бы его не удерживали обязанности жреческой должности* (Tacit. Annal. lib. xv, 24—„nec recusaturum Tiridaten accipiendo diademati, in Urbem venire, *nisi sacerdotii religione attineretur*". Стало быть, какъ въ Арменіи, такъ и въ Парѳіи цари-аршакиды нерѣдко бывали *верховными жрецами*.

всадниковъ и съ 600 человѣкъ пѣхоты; Базу, который имѣетъ 3200 дымовъ, 1040 всадниковъ, 840 человѣкъ пѣхоты вооруженной луками, 680 вооруженныхъ копьями и 200 пращниковъ. (Къ тому же) весь округъ хаштіанкскій (въ Четвертой Арменіи) служилъ пастбищемъ, по которому паслись ихъ стада. Всѣ эти большія селенія съ самаго начала были отданы на служеніе идоловъ князьями (армян-
69 скими), которые теперь (т. е. во время Григорія Просвѣтителя) укрѣпили ихъ за церковью на 32 года" (см. Зенобъ Глакъ, стр. 20—39). Любопытный отрывокъ этотъ предлагаетъ намъ драгоцѣнныя статистическія данныя о состояніи жречества и языческихъ храмовъ въ древней Арменіи. Изъ него узнаемъ, что одинъ храмъ индійскихъ божествъ и ихъ служители владѣли въ таронской провинціи шестью огромными деревнями, въ которыхъ было 12,298 дымовъ; что они имѣли право пасти свои стада на пастбищахъ хаштіанкскаго округа, лежавшаго на юго западѣ отъ Тарона, и что у нихъ было въ распоряженіи 7847 человѣкъ войска.

Жрецамъ изъ рода Вахагн'а, т. е. Вахнуникамъ, принадлежалъ Аштишатъ, въ таронской же провинціи, съ обширными прилежавшими къ нему землями, Аштишатъ, въ которомъ возвышались храмы Вахагн'а, *վահէվահեան մեհեան*, и богинь: Анахитъ и Астхикъ.

Какими сокровищами владѣли вообще жрицы и великіе жрецы въ особенности, объ этомъ можно составить себѣ понятіе по одному извѣстію, оставленному намъ Моисеемъ Хоренскимъ: когда Сéмбатъ, военачальникъ Арташеса III, послѣ побѣды надъ Еруандомъ, вступивъ въ Багаранъ, убилъ великаго жреца Еруаза и, захвативъ его сокровища, представилъ ихъ къ царю; тогда послѣдній приказалъ отвести ихъ въ даръ парсійскому царю Дареху, помогавшему Арташесу въ войнѣ съ Еруандомъ (кн. II, гл. 48). Можно судить о цѣнности и великолѣпіи этихъ сокровищъ, если ихъ находятъ достойными одного изъ великихъ государей западной Азіи! У того же Еруаза собственныя его зéмли были населены принадлежавшими ему людьми, которыхъ Арташесъ II подарилъ своему полководцу, Сéмбату (тамъ же).

70 Жречество въ Арменіи было *хранителемъ таинственной языческой мудрости*, которую оно передавало своимъ адептамъ въ шко-

лахъ, составлявшихъ всегдашнюю неотъемлемую принадлежность храмовъ (Агаѳ. стр. 580.—Моис. Хорен. кн. II, гл. 27).

Сословіе жрецовъ, какъ классъ людей преимущественно образованныхъ и посвященныхъ въ тайны государственной жизни своего отечества, имѣло за собою исключительную привиллегію писать *исторію*, или вѣрнѣе сказать *вести аннáлы*, въ которые оно по днямъ, недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ записывало событія, относившіяся какъ къ собственной жреческой, такъ и политической жизни страны. Такіе анналы извѣстны были въ древней Арменіи подъ общимъ наименованіемъ *мехенакан патмутюн*, *Մեհենական պատմութիւն*, т. е. «Храмовой Исторіи». Моисей Хоренскій сохранилъ для насъ имя одного изъ этихъ жрецовъ-анналистовъ, я разумѣю анійскаго жреца *Ухъюпа*, *Ողիւպ*, жившаго во второй половинѣ I столѣтія нашей эры, произведеніемъ котораго, какъ видно, пользовался отецъ армянской исторіи (кн. II, гл. 48).

Вслѣдствіе этого-то условія, при храмахъ находились *архивы*, о цѣлости и сохранности которыхъ тщательно заботились не только жрецы, но и цари (М. Хорен. кн. II, гл. 27). Какъ видно, главное хранилище архивовъ и памятниковъ Храмовой Исторіи находилось при храмѣ Арамазда, въ крѣпости Ани; ибо здѣсь знаменитый гностикъ Бардатцанъ (Бардезанъ), около половины II столѣтія по Р. Х., послѣ тщетной попытки найдти себѣ послѣдователей въ Арменіи, занялся изученіемъ религіозныхъ и историческихъ памятниковъ и написалъ въ высшей степени, какъ должно полагать, интересныя два 71
сочиненія, къ сожалѣнію, не дошедшихъ до насъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ трактовалъ о „Судьбѣ и культѣ идоловъ“, а въ другомъ описывалъ дѣянія армянскихъ царей (М. Хорен. кн. II, гл. 66).

Если бы, за недостаткомъ туземныхъ памятниковъ, уцѣлѣлъ для насъ по крайней мѣрѣ первый изъ этихъ трудовъ знаменитаго гностика, мы бы имѣли теперь болѣе цѣльное и связное понятіе о религіи древнихъ Армянъ; но такъ какъ въ этомъ отказало намъ время, въ неудержимомъ своемъ теченіи безвозвратно унесшее эти драгоцѣнные памятники вѣроученія языческой Арменіи, то ограничимся здѣсь тѣми немногими загадочно-отрывочными извѣстіями армянскихъ писателей, по которымъ мы составили предлагаемый Очеркъ. Успѣ-

ли-ль мы бросить на этотъ темный, но интересный вопросъ свѣтъ, сколько-нибудь его освѣщающій—объ этомъ предоставляемъ судить ученымъ спеціалистамъ.

Для полноты нашего Очерка замѣтимъ кстати, что въ клинообразныхъ надписяхъ Вана ученые читаютъ имя какого-то армянскаго божества, называвшагося *Hal-lia*. Въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ армянскихъ писателей о религіи языческихъ Армянъ ничего о немъ не упоминается. Не смотря на то, въ большой надписи Хорсабадскаго дворца, недавно изданной (см. Journal asiatique, janvier-février 1863, Grande inscription du palais de Khorsabad, publiée et commentée par M. N. Jules Oppert et Joachim Ménant, p. 14—15) также встрѣчается имя божества *Haldia*. Надпись
72 гласитъ, что это былъ богъ армянскаго царя Урсы—Ursa—взятый и уведенный, какъ военная добыча, ассирійскимъ царемъ Саргономъ (*Арнъ* славянскаго, — см. прор. Исаія, гл. xx, — и *Аранъ* армянскаго переводовъ Библіи), который былъ современникомъ пророка Исаіи (726 л. до Р. X.) Въ это время царствовалъ въ Арменіи Паруйръ, изъ династіи Хайка — 748—700.—Если чтеніе *Ursa* или Urza вѣрно, то это долженъ быть Паруйръ. См. также G. Rawlinson'a On the Chronology and history of the great assyrian empire, in The History of Herodotus, vol. i, Essay vii, p. 473.

III.

Ваха́гн-Вишапака́хъ

АРМЯНСКОЙ МИѲОЛОГІИ ЕСТЬ ИНДРА-VRITRAHAN РИГ-ВЕДЫ

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИѲОЛОГІИ *).

Профессоръ восточнаго факультета С.-Петербургскаго универ- 3
ситета, г. **Паткановъ**, которому мы обязаны многими переводами армянскихъ историковъ на русскій языкъ и учеными трактатами, имѣющими предметомъ историческія и филологическія изслѣдованія, издалъ въ 1871 году любопытную брошюру подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о названіяхъ древнихъ армянскихъ мѣсяцевъ“. Въ ней авторъ счелъ нужнымъ прежде чѣмъ приступить къ изложенію своего взгляда на предметъ, избранный имъ для изслѣдованія, коснуться различныхъ историческихъ, филологическихъ и миѳологическихъ вопросовъ, не имѣющихъ почти никакой связи съ главнымъ предметомъ его изслѣдованія. Тутъ же приводится и гипотеза французскаго ученаго Франсоа Ленормана о первобытныхъ обитателяхъ древней Арменіи, гипотеза, основанная на весьма сомнительномъ чтеніи армянскихъ копье-

---

*) [Напечатано въ „Трудахъ Восточнаго Отдѣла Императорскаго Археологическаго Общества“, 1874 г., ч. XVII, С.-Петербургъ, стр. 93—129; были и отдѣльные оттиски, 1873, Спб. стр. 1—37. *Г. Х.*].

4 образныхъ надписей Вана *). Между всѣми этими разнородными замѣтками мы встрѣтили одну, на которой бы желали остановить вниманіе нашихъ оріенталистовъ. Такъ какъ она въ названной брошюрѣ стоитъ особнякомъ, то мы ни мало не нарушимъ единства задачи брошюры, если выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ, и затѣмъ выскажемъ свое мнѣніе по поводу ея содержанія.

Вотъ эта замѣтка: „Вахагнъ (Vahagn) Моисея Хоренскаго есть лицо вполнѣ миѳическое, даже и по имени. Сохранилась о немъ древняя легенда—древнѣйшій образчикъ армянскаго языка.

Въ мукахъ рожденія находились небо и земля;
Въ мукахъ рожденія лежало и пурпуровое море;
Море разрѣшилось красненькимъ тростникомъ;
Изъ горлышка тростника выходилъ дымъ;
Изъ горлышка тростника выходило пламя;
Изъ пламени выбѣгалъ юноша,
У него были огонь-волосы,
Борода была изъ пламени,
А очи словно (два) солнышка.

„Очевидно здѣсь дѣло идетъ о восходѣ солнца, объ утренней зарѣ, побѣждающей и изгоняющей мракъ.

„Затѣмъ въ этой Пѣснѣ, говоритъ Моисей Хоренскій, воспѣвали борьбу Вахагна съ драконами и побѣду его надъ ними. Все воспѣваемое въ честь его имѣло большое сходство съ подвигами Геркулеса. Пѣли также о причисленіи его къ сонму боговъ; въ странѣ же Иверовъ ему была воздвигнута статуя, которой приносили жертву.
5 Г. Эминъ (въ примѣч. 117 къ перев. М. Хорен.) собралъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о Вахагнѣ, вполнѣ обнаруживающихъ его миѳическій характеръ. Не останавливаясь на этомъ, мы переходимъ къ его имени, которое объяснитъ намъ, почему Вахагну приписыва-

---

*) Lettres assyriologiques sur l'histoire et les antiquités de l'Asie antérieure. T. I. Paris. 1871.—Deuxième Lettre sur l'ethnographie et l'histoire de l'Arménie avant les Achéménides, pp. 117—164.

лись исчисленные выше подвиги, и почему воздавали ему божескія почести. Въ имени Вахагна мы должны различать двѣ части Vaha и gēn. Первое слово находится въ родствѣ съ другимъ армянскимъ словомъ vahan—щитъ. Изъ сравненія словъ оказывается, что армянская буква h весьма часто стоитъ вмѣсто зендскаго слога thra и rethra. Оно (?) образовалось изъ первоначальнаго rh. Примѣровъ достаточно: zoh, жертва, z. zaothra; *shah* въ значеніи *князь* въ словахъ shahap, shahapet, z. khshathra, shôithrapân, shôithrapaiti; shnorh, милость, z. khshnaothra. Изъ зендскаго khshathra образовалось армянское ashchar, міръ. Въ армянской формѣ имени shapuh два раза примѣняется законъ перехода thra въ h—khshathra puthra—царскій сынъ. Bah (изъ barh) заступъ, z. barôithra—das Holzhauen (Justi, 212); pah, охраненіе, z. pathra, и пр. Такимъ образомъ и арм. vah въ vahan, щитъ, приводится въ связь съ z. verethra—Abwehr, Trutzwaffe (Justi, 285) и verethra, (ib. 269)—Abhaltung. Если vah есть verethra, то Vahagn естественно есть зендское Verethragna — Sieg, Sieghaftigkeit, Genius des Sieges, или происходящее отъ него vârethragni—sieghaft, побѣждающій. Извѣстно, что Verethragna былъ однимъ изъ геніевъ Зороастрова ученія, и слѣдовательно понятно, почему Вахагну воздавали божескія почести и строили храмы. Не 6
мѣшаетъ прибавить, что собственныя имена, встрѣчающіяся у армянскихъ писателей, vram, vahram, суть персидскія видоизмѣненія зендскаго verethragna, а собственно армянская форма есть vahagēn". (См. „Нѣсколько словъ" и пр., стр. 6—8).

Подробное разсмотрѣніе и оцѣнка всего того, что содержитъ въ себѣ эта небольшая замѣтка, потребовали бы много времени и мѣста и завлекли бы насъ слишкомъ далеко по своей разнородности и разнообразію. Поэтому, оставляя пока въ сторонѣ филологическія и другія замѣчанія автора, мы займемся на этотъ разъ исключительно тѣмъ, что высказано г. Паткановымъ о Вахагнѣ.

Еще въ 1864 году въ нашемъ „Очеркѣ религіи языческихъ армянъ" (стр. 53—56) мы слегка коснулись сказанія о Вахагнѣ. Съ тѣхъ поръ взглядъ нашъ на это лицо значительно измѣнился вслѣдствіе болѣе близкаго изученія источниковъ, въ которыхъ упоминается объ немъ. Теперь вышеприведенная замѣтка г. Патканова о по-

слѣднемъ вызываетъ насъ подѣлиться съ нашими оріенталистами результатами нашихъ изученій, оставляя до другаго времени разсмотрѣніе его трактата о древнихъ народныхъ названіяхъ армянскихъ мѣсяцевъ.

I.

7 Мысль отождествлять Verethraghna Хорда-Авесты съ армянскимъ Vahagn'омъ принадлежитъ ученому оріенталисту Ферд. Виндишману, который, въ своемъ «Die persische Anahita oder Anaitis», впервые высказалъ ее мимоходомъ. Цитуя грамату армянскаго царя Тѐрдата еще язычника (ж. въ IV в), въ которой между прочимъ упоминается имя Vahagn'a, Виндишманъ говоритъ: «Vahagn oder Verethraghna der Zendschriften wird hier mit Heracles parallelisirt».(München, 1856, p. 22).

Въ этихъ немногихъ словахъ не видно основанія, приведшаго ученаго мужа къ отождествленію Vahagn'a съ Verethraghna. Несмотря на это мимоходомъ брошенное и ничѣмъ не подтвержденное сопоставленіе указанныхъ двухъ именъ, профессоръ Паткановъ нашелъ возможнымъ воспользоваться приведеннымъ нами указаніемъ нѣмецкаго ученаго, чтобы на немъ построить цѣлое филологическое ученіе въ своемъ вышепомянутомъ изслѣдованіи «Объ армянскимъ мѣсяцахъ». Дабы объяснить, почему Моисей Хоренскій въ своей Исторіи приписываетъ Vahagn'у подвиги и почему воздаваемы были послѣднему божескія почести, г. Паткановъ обращается къ филологическому разсмотрѣнію имени Vahagn'a. «Мы должны, говоритъ онъ, различать въ имени Vahagĕn двѣ части *vaha* и *gen*. Первое слово
8 находится въ родствѣ съ другимъ армянскимъ словомъ vahan—щитъ. Изъ сравненія словъ оказывается, что армянская буква h (ho) весьма часто стоитъ вмѣсто зендскаго слога thra и rethra»... Слѣдуютъ примѣры, послѣ чего онъ продолжаетъ: «Если vah есть verethra, то Vahagĕn естественно есть зендское verethraghna—Sieg, Sieghaftigkeit, Genius des Sieges, или происходящее отъ него vêrethragni—sieghaft, побѣждающій. Извѣстно, что Verethragna былъ однимъ изъ геніевъ Зороастрова ученія и слѣдовательно понятно, почему Вахагну воздавали божескія почести и строили храмы»...

Если допустить, что зендскіе слоги thra и rethra соотвѣтствуютъ армянской буквѣ *h*, что въ силу такого звуковаго метаморфоза въ имени Vahagn, vah есть verethra, a Vahagn—Verethraghna, и что послѣднее имя означаетъ Sieg, Sieghaftigkeit, Genius des des Sieges, какъ это толкуетъ Ferdinand Justi въ своемъ Handbuch der Zendsprache (Leipzig, 1864, p. 285); если предположить вмѣстѣ съ г. Паткановымъ, что Verethraghna есть одинъ изъ геніевъ Зороастрова ученія, то невольно спросишь: «слѣдовательно, понятно почему Вахагну воздавали божескія почести и строили храмы?»

Прежде чѣмъ придти къ такому заключенію, слѣдовало бы, казалось, показать—чѣмъ и какимъ представляется Verethraghna въ ученіи Зороастра, и въ чемъ именно сходство его съ армянскимъ Vahagn'омъ. Подобной предварительной справки не навелъ г. Пат-
кановъ, а прямо пришелъ къ заключенію, которое приведено нами 9
выше. Позволяемъ себѣ замѣтить, что въ ученыхъ изслѣдованіяхъ употребляются обыкновенно пріемы болѣе строгіе, особливо при такомъ темномъ вопросѣ, каковъ вопросъ о значеніи имени Vahagn, къ разъясненію котораго, по нашему мнѣнію, слѣдовало приступить съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Мы и Виндишману не прощаемъ его произвольное отождествленіе Vahagn'a съ Verethraghna, повѣривъ которому на слово, и нашъ ученый пришелъ къ бездоказательному выводу, несмотря на весь ученый аппаратъ, предпосланный имъ своему заключенію.

Но посмотримъ что за существо Verethraghna, съ какими аттрибутами является онъ въ Авестѣ, и что у него общаго съ армянскимъ Vahagn'омъ?

Въ Хорда-Авестѣ Заратустра взываетъ къ Ахурѣ-Ма́здѣ, вопрошая «Ахура-Мазда! кто между небесными Язатами лучше всѣхъ вооруженъ?»

Ахура-Мазда отвѣчаетъ: «Verethraghna, созданный Ахурою, о святой Заратустра!»

Засимъ въ той же Хорда-Авестѣ мы видимъ, что Verethraghna, посланный Маздою, является Заратустрѣ десять разъ въ десяти различныхъ образахъ. Въ первый разъ онъ является въ образѣ сильнаго Вѣтра, во второй—въ образѣ Быка, въ третій—въ образѣ

Коня, въ четвертый—въ образѣ гибкаго Верблюда, въ пятый—въ образѣ Вепря, въ шестой—въ образѣ пятнадцатилѣтняго блестящаго Юноши съ маленькими ножками, въ седьмой—въ образѣ быстро-
10 летной Птицы *), въ восьмой—въ образѣ Овна, въ девятый—въ образѣ мощнаго Козла, въ десятый—въ образѣ блестящаго Мужа. Всѣ эти явленія заключаются въ Хорда-Авестѣ слѣдующими хвалебными словами: «Восхваляемъ Verethraghna, дающаго способность дѣторожденія, дающаго смерть»... (см. Avesta, die Heiligen Schriften der Parsen, von Spiegel, часть III, Khorda-Avesta. Leipzig, 1863, XXX. 14. Bahrâm Yast, pag. 141—151).

Ни одинъ изъ вышеприведенныхъ образовъ, кажется, не даетъ намъ права отождествлять Vahagn'а съ Verethraghna, какъ это сдѣлалъ Виндишманъ и какъ это дѣлаетъ г. Паткановъ. Спрашивается: достаточно-ли одного фонетическаго перехода извѣстной группы зендскихъ буквъ въ армянскую букву, чтобъ сказать, что божество зороастрова ученія Verethraghna есть армянскій Vahagn? Не думаемъ; ибо что общаго между Verethraghna въ образѣ Вѣтра, Быка, Коня, Верблюда, Вепря, Юноши, Птицы, Овна, Козла и Мужа съ одной стороны, и Vahagn'омъ, котораго армянскій рапсодъ представляетъ юношей выходящимъ изъ пламени, съ огненными волосами и съ пламенной бородой—съ другой?

Если даже допустить это тождество, то и тогда едва-ли по существу своему Verethraghna и Vahagn могутъ служить выраженіемъ
11 одной и той же идеи. Нѣтъ слова, что изслѣдованіе г. Патканова остроумно, но этимъ и ограничивается достоинство его изслѣдованія. Ибо не всегда одни и тѣ же имена выражаютъ одно и тоже представленіе въ области, къ которой принадлежатъ разбираемыя нами имена. По поводу одного подобнаго случая очень вѣрно замѣтилъ ученый Шпигель: «Говорятъ, будто *Андра* Авесты соотвѣтствуетъ *Индрѣ* Веды... *Саура*—Сарвѣ». Сказавъ это, ученый зендистъ продолжаетъ: «здѣсь изъ дѣйствительнаго факта выведено неправильное

*) Образъ Птицы, какъ можно видѣть изъ заклинаній (см. тамъ же, Yast 14, 34 и слѣд.), былъ обыкновенный образъ, который принималъ Verethraghna.

заключеніе—имена въ обѣихъ религіозныхъ системахъ тѣ же самыя; но на сколько вещи сходствовали между собою, никогда не можетъ быть доказано тѣмъ же путемъ, какъ доказано сходство *Soma* съ *Haoma* и пр., ибо сама Авеста говоритъ намъ только объ имени каждаго изъ упомянутыхъ существъ, и ничего болѣе» (см. Avesta, ч. III, перев. Шпигеля, Вступленіе, 3 гл. стр. LXXI).

Случай, на который указываетъ Шпигель, не есть единственный въ своемъ родѣ. Ученые не разъ увлекались созвучіемъ двухъ именъ, имѣющихъ различныя значенія, и отождествляли ихъ, стараясь видѣть въ нихъ выраженіе одной и той же идеи. Подобная участь постигла имена греческаго Гераклеса и Геркулеса древняго Лаціума. Обманутые внѣшнимъ, такъ сказать, сходствомъ двухъ этихъ именъ, миѳологи видѣли въ нихъ имя одного и того же бога, не взирая на то, что полубогъ Гераклесъ, сынъ Зевса, обоготворенный за совершенные имъ подвиги, далеко не имѣлъ ничего общаго съ римскимъ Геркулесомъ, божествомъ сельскимъ, покровите- 12
лемъ домашняго очага и полей, котораго имя Римляне наравнѣ съ именами Цереры и Флоры призывали въ своихъ молитвахъ, и которому придавали эпитеты: domesticus, rusticus, agrestis и проч. (см. Michel Bréal въ его Hercule et Cacus, pag. 51—52).

Наука объ языкѣ оказала, правда, великія услуги вопросу о сродствѣ языковъ, а потому и великихъ историческихъ народовъ Востока и Запада, но она—наука новая, и хотя законы ея и установлены, однако не на столько твердо, чтобъ можно было дѣлать изъ нихъ примѣненія, не оглядываясь.

По нашему убѣжденію, ученый профессоръ неправильное даетъ объясненіе образованію имени Vahagn'a. Разсѣкая слово Vahagn на двѣ части—vaha и gĕn—онъ поступаетъ и произвольно, и неправильно; ибо при такомъ разложеніи обѣ составныя его части теряютъ всякое значеніе и являются пустыми только звуками, такъ-какъ отдѣльно взятыя—vaha и gĕn—ничего не выражаютъ; не говоря уже о томъ, что, поступая такимъ образомъ, г. Паткановъ вторую часть слова Vahagn, а именно *gen*, оставляетъ безъ всякаго объясненія. Надлежало быть послѣдовательнымъ и взглядъ свой на составъ имени Vahagn проводить по всѣмъ его частямъ.

Сказавъ, что vah есть verethra, а Vahagn—Verethraghna, г. Паткановъ высказалъ мысль бездоказательно. По его мнѣнію, слоги
13 thra и rethra въ нѣкоторыхъ армянскихъ словахъ переходятъ въ букву *h* (ho). Положимъ, такъ; но слѣдуетъ ли непосредственно за симъ прямо придти къ выводу: ergo, vah есть Verethra, а Vahagn—Verethraghna? Не думаемъ; ибо г. Паткановъ не далъ еще объясненія другой части слова, какъ мы замѣтили выше, а именно gēn; только послѣ объясненія gēn онъ имѣлъ бы право дѣлать выводъ, который онъ сдѣлалъ и который приведенъ нами выше. Нѣтъ, одна Авеста не дастъ ему ключа къ объясненію имени Vahagn.

Ferdinand Justi въ своемъ Handbuch der Zendsprache, какъ мы уже замѣтили, слово verethra объясняетъ черезъ Trutzwaffe и Sieg, а Verethraghna—черезъ Sieg и Sieghaftigkeit, не восходя однако до корня того и другаго слова. Г. Паткановъ остановился на толкованіи этихъ словъ нѣмецкимъ оріенталистомъ и не пошелъ дальше. Отъ этого и представленіе у него составилось неясное, какъ о зендскихъ словахъ, такъ и объ армянскомъ имени *Vahagn*. Увлекшись объясненіемъ перехода извѣстныхъ группъ зендскихъ буквъ въ армянскую букву *h*, онъ совершенно упустилъ изъ виду сущность своей задачи, а именно опредѣленіе внутренняго значенія разбираемыхъ именъ, а затѣмъ и тождество или нетождество божества Авесты съ армянскимъ богомъ.

Мы сказали: Verethra и Verethraghna не въ Авестѣ найдутъ ключъ къ своему объясненію. Оба эти слова, безъ сомнѣнія, въ связи съ словомъ Vritra Риг-Веды. Знакомымъ съ Ведою и съ Авестой не
14 безъизвѣстна одна характеризующая ученіе послѣдней особенность, бросающаяся въ глаза внимательному изслѣдователю, особенность, выражающаяся въ томъ, что свѣтлые и добрые боги Веды, *дэвы*, напр., которыхъ мы видимъ борющимися рядомъ съ Индрой противъ бога мрака, являются въ зороастровомъ ученіи *злыми духами*, какъ это доказали Евг. Бюрнуфъ и Максъ Мюллеръ (см. Commentaire sur le Yaçna *перваго* и Chips from a german Workshop, t. I. p. 25 *втораго*). Этотъ метаморфозъ не есть единственный въ Авестѣ; ибо антагонистъ Индры—Вритра, этотъ представитель ночи и мрака, этотъ архиворъ, угоняющій и скрывающій тучи и не дающій имъ

разрѣшаться дождемъ, эта, наконецъ, темная сила въ Риг-Ведѣ, представляется наоборотъ началомъ добрымъ въ Хорда-Авестѣ, превратившись въ Verethra и Verethraghna, если только допустить тождественность риг-ведскаго и авестскаго божествъ.

Индра—«небесный свѣтъ», находится въ постоянной борьбѣ съ непримиримымъ своимъ врагомъ—Вритрою; но эта борьба не вѣчная, она должна имѣть конецъ, и конецъ ей положитъ Индра пораженіемъ Вритры молніей. Вслѣдствіе побѣды, одержанной надъ Вритрою, Индра получилъ прозваніе Vritrahan, т. е. «убійца Вритры».

Такимъ образомъ мы пришли къ тому, что слѣдуетъ разумѣть подъ встрѣчающимися въ Авестѣ словами—Verethra и Verethraghna; мы видѣли—съ какими измѣненіями внутренняго значенія эти слова изъ Риг-Веды перешли въ Хорда-Авесту; мы показали, какъ имя 15
Vritra изъ собственнаго имени превратилось въ прилагательное и какъ, наконецъ, на основаніи указанномъ выше, эпитетъ Индры—«Vritrahan» становится собственнымъ именемъ въ языкѣ Авесты и означаетъ «духа побѣды»—Genius des Sieges (см. F. Justi, стр. 285 и Spiegel, Avesta, III, XXXII). Остается затѣмъ возстановить настоящее значеніе Vahagn'a при помощи гимновъ Риг-Веды, въ которыхъ воспѣваются подвиги Индры.

II.

Но предварительно этого необходимо обратиться къ Исторіи Моисея Хоренскаго, какъ къ источнику, гдѣ сообщаются подробныя свѣдѣнія о Vahagn'ѣ. Это тѣмъ необходимѣе, что отецъ армянской исторіи представляетъ Vahagn'a однимъ изъ трехъ сыновей Тиграна-Хайкида (жив. 565 л. Р. Х.), принимая его какъ историческое лицо, и нимало не подозрѣвая въ немъ ничего миѳическаго, хотя самъ тутъ же приводитъ о немъ такія подробности изъ Пѣсни рапсодовъ, которыя окончательно подрываютъ его мнѣніе о происхожденіи Vahagn'a, какъ человѣка. Въ другомъ мѣстѣ мы подвергнемъ подробному изслѣдованію достовѣрность перваго, древнѣйшаго періода армянской исторіи, обнимающаго собою время отъ появленія родо-

начальника армянъ, Хайка, (за 2,100 л. до Р. Х.) до Тиграна I
16 изъ поколѣнія послѣдняго. Теперь-же ограничимся опредѣленіемъ характера такъ-называемаго сына Тигранова, Vahagn'а, какъ предмета настоящаго нашего изслѣдованія.

Приведенный Моисеемъ Хоренскимъ въ его Исторіи отрывокъ изъ Пѣсни рапсодовъ, который, говоритъ онъ, самъ слышалъ собственными ушами, какъ его пѣли гохтенскіе пѣвцы передъ народомъ при сопровожденіи музыкальнаго инструмента, бамбирн'а—въ противоположность мнѣнію армянскаго историка, приписываетъ Vahagn'у рожденіе не отъ царя Тиграна, а отъ Неба, Земли и Моря, и вотъ какимъ образомъ:

«Въ мукахъ рожденія находились Небо и Земля;
«Въ мукахъ рожденія лежало и пурпуровое Море;
«Море разрѣшилось красненькимъ Тростникомъ;
«Изъ горлышка Тростника выходилъ дымъ;
«Изъ горлышка Тростника выходило пламя—
«Изъ пламени выбѣгалъ Юноша:
«У него были огонь-волосы,
«У него была борода-полымя,
«А глаза (словно два) солнышка» *). (Ист. М. Хорен.
Кн. I, гл. XXXI нашего перевода).

Сколько нибудь опытный глазъ безъ особеннаго труда замѣтитъ въ этихъ строкахъ отрывокъ изъ нѣкогда существовавшей ѳеогонической поэмы древнихъ Армянъ. Въ нихъ каждое слово запеча-
17 тлѣно глубокой древностью и характеромъ чудеснаго, и уже этимъ однимъ въ прахъ разбивается мнѣніе Моисея Хоренскаго, представляющаго Vahagn'а сыномъ Тиграна I.

Итакъ, Небо, Земля и Море разрѣшаются Тростникомъ, изъ котораго въ дыму и пламени выходитъ Юноша съ огненными волосами, съ пламенной бородой и съ блестящими какъ солнце глазами.

---

*) Предпослѣдніе два стиха, слегка измѣненные нами, представляютъ собою *буквальный* переводъ подлинника.

Моисей Хоренскій на основаніи той же Пѣсни рапсода сообщаетъ дальнѣйшія подробности объ этомъ дивномъ существѣ, говоря, что Vahagn боролся съ *драконами* и поборалъ ихъ и что онъ былъ причисленъ къ лику боговъ *). Изображеніе Vahagn'а довершается секретаремъ царя Тѐрдата-аршакида, Агаѳангеломъ (жив. въ нач. IV в. по Р. Х.), который въ своей Исторіи придаетъ ему эпитетъ «Вишапакȁх», т. е. убійца дракона **). Наконецъ одинъ изъ армянскихъ писателей, жившій въ VII вѣкѣ, а именно Ананія Ширакскій, извѣстный математикъ и астрономъ, по поводу Млечнаго Пути, повѣствуетъ слѣдующее: «Нѣкоторые изъ древнихъ армянъ разсказываютъ, что въ суровую зиму Vahagn укралъ у Баршам'а ассирійскаго солому: когда онъ шелъ съ нею по небу, то падающіе отъ нея крохи образовали Млечный Путь, вслѣдствіе этого называемый армянами «Слѣдомъ Хард-Гох'а», т. е. «Слѣдомъ Соломокрада».

Въ началѣ приведенной у Агаѳангела граматы царя Тѐрдата, гдѣ 18
приводятся имена трехъ божествъ, покровительство которыхъ царь призываетъ на свой народъ, мы встрѣчаемъ также имя Vahagn'а, какъ одного изъ главныхъ боговъ армянскаго пантеона. Замѣчательно далѣе, что тотъ же историкъ ни объ одномъ изъ армянскихъ божествъ не сообщаетъ такихъ подробностей, какъ о Vahagn'ѣ, о которомъ повѣствуетъ, что онъ пользовался у языческихъ армянъ большимъ почетомъ, что храмъ его находился на берегу Евфрата въ селеніи Аштишатѣ, таронской области, и былъ однимъ изъ богатѣйшихъ храмовъ въ языческой Арменіи, что онъ былъ наполненъ золотомъ и серебромъ, множествомъ дорогихъ приношеній отъ великихъ государей и любимымъ мѣстомъ жертвоприношеній царей Великой Арменіи (см. арм. текстъ Агаѳ. Венеція, 1835, стр. 602—603) и что, наконецъ, Vahagn'у придавали эпитетъ Вишапакȁх', что̀ значитъ, какъ мы уже сказали, «убійца дракона»—эпитетъ многозна-

*) См. нашъ перев. Кн. I, гл. 31, стр. 70.

**) См. арм. текстъ, Венеція, 1835 г., стр. 603.—Франц. перев. въ Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. T. I. ch. CXIV, p. 173.

менательный, какъ мы увидимъ ниже. Подтвержденіе этого эпитета находимъ у Моисея Хоренскаго; ибо онъ говоритъ: «Въ Пѣснѣ (рапсодовъ) воспѣвалась борьба Vahagn'а съ драконами и побѣда надъ ними (см. нашъ перев. Кн. I, гл. 70). Наконецъ, Ананія Ширакскій дорисовываетъ, такъ сказать, личность Vahagn'а, представляя его, на основаніи сказаній въ его время еще сохранившихся, Воромъ, крадущимъ солому у ассирійскаго Бар-шам'а—солнца, бога—покровителя ассирійскихъ царей.

19 Изъ вышеприведеннаго ѳеогоническаго отрывка мы видимъ далѣе, что армянскій богъ Vahagn есть рожденіе Моря, разрѣшившагося Тростникомъ. Дымъ и пламя—это туманъ и зарево, предшествующіе появленію *огненнаго юноши*—солнца, выходящаго, по понятіямъ древнихъ, изъ моря. Замѣчательно, что въ странѣ горной, какова Арменія, въ географическомъ положеніи которой море играетъ незначительную роль, вмѣсто того чтобы въ ѳеогонической пѣснѣ указывать на восходъ солнца изъ-за *горъ*, что̀ было бы естественно, мы находимъ указаніе на явленіе его изъ *моря*. Обстоятельство это служитъ доказательствомъ тому, что миѳъ о Vahagn'ѣ сложился первоначально у народа жившаго въ странѣ, берега которой на огромное протяженіе омываются моремъ, изъ котораго каждое утро выходило солнце въ видѣ огненнаго юноши, сопровождаемаго дымомъ и пламенемъ. Не указываетъ ли это на связь съ древнѣйшими миѳологическими сказаніями народа, къ которому народъ армянскій относится такъ же, какъ и прочіе народы арійскаго происхожденія и отъ котораго отдѣлился онъ въ доисторическія времена, а именно къ индійцамъ, съ религіознымъ ученіемъ котораго, безъ сомнѣнія, въ связи и сказаніе о Vahagn'ѣ? И дѣйствительно, филологія въ послѣднее время указала, что армянскій языкъ принадлежитъ къ семейству индо-европейскихъ языковъ и что поэтому и народъ, говорящій на немъ, есть происхожденія арійскаго. Если это такъ—въ чемъ оріенталисты не сомнѣваются—то и религіозныя вѣрованія
20 языческихъ армянъ должны имѣть связь съ такими же вѣрованіями юго-западныхъ азійскихъ народовъ, т. е. индійцевъ и парсовъ. Поэтому на основаніи вышесказаннаго, мы можемъ обратиться къ Ригъ-Ведѣ, заключающей въ себѣ древнѣйшіе изъ священныхъ гим-

новъ брахмановъ и въ ней искать, съ одной стороны, объясненія настоящаго значенія имени Vahagn'а, а съ другой—его самого, какъ божества.

III.

Говоря объ антагонизмѣ между Индрой—богомъ небеснаго свѣта, и Вритрой—богомъ мрака, мы упомянули о побѣдѣ, одержанной, наконецъ, первымъ надъ послѣднимъ, вслѣдствіе чего Индра и получилъ эпитетъ «Vritrahan», т. е. «убійца Вритры».

Но чтобы придти къ выводу сколько-нибудь положительному, по занимающему насъ вопросу, о значеніи Vahagn'а, намъ необходимо остановиться здѣсь на минуту и обратиться къ нѣкоторымъ филологическимъ наблюденіямъ, которыя до очевидности покажутъ намъ связь армянскаго языческаго міра съ древней Индіей и съ Ираномъ. Эти наблюденія при помощи зенда и санскрита прольютъ, по нашему убѣжденію, значительный свѣтъ сначала на происхожденіе и составъ имени Vahagn'а, затѣмъ на опредѣленіе значенія его, какъ божества и, наконецъ, на тождественность воззрѣнія древнихъ армянъ на
солнце, какъ на источникъ свѣта со всѣми явленіями, сопровож- 21
дающими его восходъ—съ воззрѣніемъ на это свѣтило, изложеннымъ въ гимнахъ Риг-Веды.

Слово Vahagn, по нашему мнѣнію, есть слово сложное, состоящее изъ vah и agn, изъ которыхъ первое находитъ себѣ объясненіе въ зендѣ второе—въ санскритѣ. Оно образовалось такъ же, какъ и сложныя армянскія слова arév-agn, arég-agn—солнце.

Представляется вопросъ: что означаетъ слово vah?—Въ зендѣ vah служитъ корнемъ многимъ словамъ, имѣющимъ значеніе *добрый*, какъ напр. въ словахъ: vah-ya—превосходный; vagh-ô—превосходство; vagh-u—добрый, и др. Въ новоперсидскомъ слово vah является подъ формою *beh* и также значитъ *добрый*. Какъ зендское *vah* при переходѣ въ новоперсидскій языкъ принимаетъ форму *beh*, такъ и при переходѣ въ древне-армянскій языкъ, оставаясь неизмѣннымъ въ словѣ Vah-agn, въ словѣ veh измѣняетъ только гласную *a* на *e*.

Подъ этой послѣдней формой, veh, какъ корень, образуетъ изъ себя цѣлый рядъ армянскихъ словъ, которыя въ этомъ языкѣ сохранили первоначальное, вѣроятно, значеніе зендскаго vah, утраченное въ послѣдствіи. Ибо veh у древнихъ классическихъ армянскихъ писателей, кромѣ значенія *превосходный*, означаетъ еще: *сверхъестественный, неземной, небесный;* когда же принимаетъ знакъ множественнаго числа— букву *k'*, и становится именемъ существительнымъ, оно значитъ—*ангелы*, *полубоги*, *боги*, какъ напр. anmahakán vehk',
22 «безсмертные боги». Въ единственномъ числѣ, принимая на концѣ коренное мѣстоименіе третьяго лица *n*, а именно veh'*n*, оно означаетъ «*истиннаго бога*».

Далѣе, слово veh входитъ въ составъ сложныхъ словъ, не теряя значенія, на которое мы сейчасъ указали; такъ напр. veh - azn — «потомокъ *боговъ*», *veh*-azgi— «божественнаго происхожденія»; *veh*-anmán — «богоподобный»; *veh*aváïr tatchár—«храмъ, обитаемый богомъ».

Наконецъ въ зендѣ превосходная степень vah есть vah-ista. Форма эта весьма часто встрѣчается въ Авестѣ, потому что, помимо собственнаго своего значенія, особенное употребленіе, которое изъ него дѣлаютъ, дало ему болѣе широкое значеніе, подъ которымъ оно теперь преимущественно употребляется учеными Персами: вмѣстѣ съ существительнымъ ahû—*міръ*, оно означаетъ «жилище Ормузда и блаженныхъ», т. е. «рай», называемый Персами Béhescht, что̀ равносильно выраженію «превосходное жилище» *). Форма превосходной степени, а именно vah-ista, сохранилось также въ древне-армянскомъ, сократившись въ *vest*, что̀, растягиваясь, должно явиться въ первоначальной зендской своей формѣ—vah-ist и veh-ista. И въ этомъ случаѣ армянское vest не теряетъ первоначальнаго сво-
23 его значенія, ибо оно означаетъ «мужественный, божественный»,

---

*) По этому поводу Eugène Burnouf замѣчаетъ: «On voit déjà ici un exemple intéressant de la manière dont les titres, formés primitivement de simples adjectifs, finissent par donner naissance à des noms propres, que la tradition recueille et consacre et dont l'ignorance oublie bientôt la valeur primitive». (Comment. sur le Yaçna, p. 129).

также «владыка, владѣтель». Отъ сокращенной формы vest образуются: прилагательное vĕstáh—*смѣлый*, нарѣчіе vĕstahabar—*смѣло*, и глаголъ vĕstahanám—*становиться смѣлымъ*

Показавъ, такимъ образомъ, значеніе слова *vah*, входящаго въ составъ слова Vah-agn, перейдемъ къ другой его половинѣ, а именно къ *agn*, объясненіе котораго не представляетъ никакого затрудненія; ибо оно не что иное какъ *Agni* индійской миѳологіи. Несмотря на то, что Agni есть собственно «богъ огня», ignis, подъ этимъ именемъ нерѣдко является и богъ свѣта — Индра, что̀ видно изъ Ригъ-Вѣды (Mandala III, hymne 41 à Indra), гдѣ попеременно этотъ послѣдній называется то Agni, то Trita, то Brihaspati. Нѣтъ сомнѣнія, что Agni въ словѣ Vah-*agn* означаетъ Индру — «солнце, небесный свѣтъ».

Если наше объясненіе составныхъ частей слова Vah-agn исходитъ изъ вѣрныхъ началъ, то послѣ вышеприведенныхъ доказательствъ мы можемъ позволить себѣ слѣдующій выводъ:

Слово Vah-agn, какъ слово сложное, означаетъ «богъ-Агн или Агни, т. е. Индра—богъ свѣта», а «Вах-агн вишапакáх̓» значитъ «богъ-Агни или богъ-Индра Vritrahan, т. е. убійца дракона».

Что Vah-agn не есть единственное армянское слово, имѣющее связь съ санскритомъ, и что въ нашемъ истолкованіи его происхожденія мы не произволомъ руководились, доказательствомъ тому можетъ служить рядъ другихъ армянскихъ словъ, служащихъ вы- 24
раженіемъ представленій: *солнце*, *утро*, *утренняя заря*, *денница*, *день*, которыхъ происхожденіе можетъ быть объяснено только санскритомъ.

Вышеприведенныя армянскія слова: arév-agn, arég-agn имѣютъ сходственное съ Vah-Agn'омъ образованіе. Въ нихъ мы замѣчаемъ, что обѣ составныя ихъ части чисто санскритскаго происхожденія. Оставляя въ сторонѣ Agn, которому мы уже дали объясненіе, займемся словомъ arév. Корень его *ar* мы находимъ въ санскритскомъ *ar*-vas. По увѣренію Max Müller'a (см. Chips, v. II, pp. 135—137) *ar* значитъ «бѣгущій, стремящійся»—running, rushing—и входитъ въ составъ ár-ushî (женс. форма). Это послѣднее слово бросаетъ значительный свѣтъ на образованіе другаго слова — arushà (муж.

форма), которое значитъ «блестящій» или «красный»—постоянный эпитетъ солнца въ Ведѣ. Затѣмъ именемъ arushà называются: *кони* Индры, Агни, брихаспáти, лижущіе вымя черной коровы, т. е. ночи; *дымъ,* подымающійся отъ горящаго солнца на разсвѣтѣ дня; *ноги* и *руки* солнца, при помощи которыхъ оно карабкается по небу; *молнія,* которую бросаетъ Индра и наконецъ *огонь*, который виднѣется и днемъ и ночью. «Тотъ кто наполняетъ своимъ свѣтомъ небо и землю, кто пробѣгаетъ сквозь мракъ вдоль неба, кто виднѣется между блестящими коровами (облаками) ночи—называется также Arusha, или «блестящій полубогъ»—arushò vrishâ.

25 Но такъ какъ армянское arév, кромѣ корня *ar*, состоитъ еще изъ *ev*, то для полнаго его объясненія необходимо обратиться къ зенду, который представляетъ намъ слово hvare, означающее *солнце*, по увѣренію Евг. Бюрнуфа (см. Comment. sur le Yaçna, t. I, ch. I p. 369—70). Не говоря уже о корнѣ *ar*, общемъ всѣмъ тремъ языкамъ въ разбираемыхъ словахъ, зендское hvare, безъ сомнѣнія, есть не что иное какъ армянское *arév,* что̀ доказывается еще тѣмъ, что родительный и дательный падежи приведеннаго зендскаго слова — hûrô, hûrê—сохранились и въ армянскомъ языкѣ, на которомъ слово *hur* означаетъ *огонь невещественный*, *небесный*, ибо для матеріальнаго огня этотъ языкъ имѣетъ слово *krak*. Къ категоріи этихъ словъ, а именно arév, hvare, принадлежитъ и санскритское *svar* (отъ sur—блестѣть), что̀ на языкѣ брахмановъ означаетъ *небо.*

Корень *ar* мы находимъ и въ другомъ словѣ—*arég*-agn, которое въ древне-армянскомъ языкѣ употребляется и безъ agn, отдѣльно, какъ слово самостоятельное, и значитъ *солнце*. Доказательствомъ этому служитъ названіе города Heliopolis, которое у классическихъ армянскихъ писателей переводится черезъ arég-kaxák=«солнце-городъ» или «городъ солнца».

Утро по-армянски *aravòt.* Само по себѣ это слово не поддается никакому объясненію помощью армянскаго языка. Между тѣмъ оно легко объясняется при помощи санскрита, на которомъ ar-vat значитъ «быстрый», «бѣгущій», «сильный» (quick, running, vehement) и служитъ выраженіемъ представленія *солнце*. *Aravòt* предшествуетъ
26 восходу солнца, слѣдовательно обусловливается *солнцемъ*.

Утренняя заря по-армянски *arshalûis* или *arshalush*. Эти послѣднія слова, вѣроятно, также происходятъ отъ санскритскаго arushà—собственнаго имени ведическаго божества, представляющаго собою *утро* или *восходящее солнце* (см. 2-й гимнъ Риг-Веды). Arushî какъ существительное женскаго рода значитъ *заря*.

Денница по-армянски aruciàk или arociak. Эти слова тоже не иное что какъ санскритское *arushà*, которое употребляется иногда какъ прилагательное, иногда какъ нарицательное имя, а иногда какъ собственное и означаетъ «блестящее божество утра».

Сродство армянскаго aruciàk съ arushà Веды доказывается еще тѣмъ, что падшій ангелъ—Луциферъ, по-армянски равнымъ образомъ называется Aruciàk, что̀ ясно указываетъ на то обстоятельство, что въ языческой Арменіи Aruciàk чествовался какъ божество *благодѣтельное*, но что съ принятіемъ христіанства Армяне низвели его на степень *злаго духа* и стали подъ нимъ разумѣть *падшаго ангела*.

Замѣтимъ кстати, что этотъ случай не есть единственный въ древне-армянскомъ языкѣ; ибо такая судьба постигла и другія слова, перешедшія изъ языческаго міра въ міръ христіанскій. Къ разряду ихъ принадлежатъ сохранившіяся въ армянскомъ языкѣ, и общія санскриту и зенду, слова: a) dev, которое первоначально значило *богъ* (такъ оно употребляется у Моисея Хоренскаго и Езника), какъ и санскритское deva *); только въ послѣдствіи оно у армянъ, какъ 27
и у послѣдователей Зороастра—daêva **)—стало выраженіемъ понятія *злой духъ*, и b) di (отъ санскритскаго dyu—«быть блестящимъ», to be brilliant) у христіанскихъ армянскихъ писателей V вѣка означающее *трупъ*, *бездыханное тѣло*, въ языческомъ пе-

*) Deva собственно значитъ «блестящій», иногда «блескъ» и «свѣтъ»: одинъ изъ употребительнѣйшихъ аттрибутовъ, встрѣчаемый въ Ведѣ и придаваемый божествамъ: Солнцу, Небу, Зарѣ и Огню.

**) Въ Зенд-Авестѣ не только deva, но и многіе другіе ведическіе боги, не исключая даже Индру, являются низведенными до степени daêva, т. е. «злыхъ духовъ».

ріодѣ, безъ сомнѣнія, значило *богъ*, что видно изъ множественнаго числа этого слова, а именно dik'. род. ditz—«боги».

Для полноты доказательствъ нашего мнѣнія относительно происхожденія имени Vah-Agn мы укажемъ наконецъ и на другой разрядъ словъ, указывающихъ на исконную связь армянскаго міра съ индійскимъ *). Отъ санскритскаго dyaus (род. divas, дат. divê) — *раз-*
28 *свѣтъ*, происходитъ армянское dios (род. dia) *богъ* (Zeus, Deus). Отъ санскритскаго dyu (Jupiter), *небо* происходитъ армянское tiv или div, означающее *день* (лат. dium, divum). Наконецъ армянское avr, род. avür—*день*, безъ сомнѣнія, въ связи съ санскритскимъ Varuna и греч. Uranós.

Въ заключеніе этихъ филологическихъ наблюденій замѣтимъ кстати, что Моисей Хоренскій въ своей Исторіи, желая оставаться вѣр-

---

*) На эту исконную связь указываютъ также названія нѣкоторыхъ городовъ сѣверо-западной части древней Арменіи, лежавшихъ недалеко отъ Понта Евксинскаго. Таковы названія Дцоро-*пор*, Тцобо-*пор*, Кохбо-*пор*, Бердац-*пор*, Партизац-*пор*, Ка-*пор*, Асіац-*пор* (Георгаф. Моис. Хорен. арм. текстъ, Венеція. 1843. Полныя сочин. стр. 610). Ни одинъ изъ армянскихъ ученыхъ, ниже изъ западныхъ арменистовъ до сихъ поръ не изслѣдовалъ этимологическаго состава этихъ именъ, въ который входитъ слово *пор*. Слово это есть просто санскритское *пур*, что значитъ *городъ*, и входитъ въ образованіе названій многихъ городовъ Индіи, какъ напр. Синга-*пур*, Дина-*пур*, Лаки-*пур*, Мирза-*пур*, Бавани-*пур* и пр. Присутствіе *пур* въ названіяхъ *семи* городовъ древней Арменіи не служитъ ли въ свою очередь доказательствомъ общности происхожденія и сродства армянъ съ древнѣйшимъ изъ арійскихъ племенъ—съ индійцами? Замѣчательно, что эти семь городовъ суть единственные между всѣми городами древней Арменіи, которые носятъ на себѣ индійскую, такъ сказать, примѣту и такъ странно сгруппированы въ сѣверо-западной части Арменіи недалеко отъ Чернаго моря. Вѣроятно, они были основаны отдѣлившеюся, въ незапамятныя времена, вѣтвью индійскихъ арійцевъ, первоначально здѣсь поселившихся. Объ этихъ переселенцахъ хотя исторія ничего не говоритъ, однако названія построенныхъ ими городовъ ясно обличаютъ ихъ присутствіе на армянской почвѣ. Это наше предположеніе находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ другой индійской колоніи, явившейся въ Арменіи въ дни основателя династіи армянскихъ аршакидовъ за 150 лѣтъ до Р. Х. (см. Зенобъ Глакъ). Объ этомъ см. также въ концѣ настоящей статьи.

нымъ своему взгляду на Vahagn'а, какъ на историческое лицо,
приводитъ имя младшаго его сына (странно, что о старшихъ онъ
ничего не упоминаетъ), называвшагося Араван'омъ. Изъ сказаннаго
нами о санскритскомъ корнѣ *ar*, играющемъ такую роль въ выше-
приведенныхъ армянскихъ словахъ, выражающихъ понятія: солнце,
утро, заря, денница, можно заключить, что *ar* лежитъ также и въ
основѣ имени *ar*av-an и значитъ «утро»—*ar*avot. Называется же
онъ младшимъ сыномъ Vahagn'а, вѣроятно, такъ же, какъ въ Риг- 29
Ведѣ *утро* именуется «Дитя Diy» (Child of Dyu) или «Сынъ Неба»
(Son of Dyaus).

Далѣе, тотъ же историкъ увѣряетъ, что отъ Vahagn'а велъ свое
начало жреческій родъ въ языческой Арменіи, извѣстный подъ име-
немъ *Vah*unik'. Слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что въ образова-
ніе этого слова входитъ первая только изъ составныхъ частей
имени Vahagn, а именно *vah* (*uni* въ древнихъ армянскихъ соб-
ственныхъ именахъ людей означаетъ принадлежность къ извѣстному
роду, или происхожденіе отъ извѣстнаго рода; буква же *k*' есть
окончаніе множ. числа) и по нашему мнѣнію значитъ «жрецы бога»,
т. е. солнца. Такое наше объясненіе значенія слова Vahunik' под-
тверждается еще свидѣтельствомъ другаго армянскаго историка,
жившаго за 100 слишкомъ лѣтъ до Моисея Хоренскаго (въ началѣ
IV в. по Р. Х.),—разумѣемъ Агаѳангела, секретаря перваго хри-
стіанскаго армянскаго царя, Тѐрдата Великаго. Говоря объ апостоль-
скихъ подвигахъ Григорія Просвѣтителя, этотъ историкъ повѣствуетъ,
между прочимъ, и о разрушеніи апостоломъ армянъ языческихъ
храмовъ въ Арменіи, въ ихъ числѣ и храма Vahagn'а, которому
храму онъ даетъ эпитетъ Vahevahián. Это слово въ формѣ прила-
гательнаго, состоитъ изъ двухъ словъ, а именно изъ *vah*, повто-
рившагося два раза и означающаго храмъ «бога боговъ», чтò
равносильно выраженію—«великаго бога», какъ въ извѣстныхъ вы-
раженіяхъ—«владыка владыкъ», «царь царей» и пр. Этотъ храмъ
Vahevahian *) или «великаго бога», говоритъ историкъ, богатѣйшій 30

---

*) *Ian* окончаніе, выражающее принадлежность (притяжательное); буква
e въ срединѣ слова есть соединительная гласная.

изъ всѣхъ храмовъ въ Арменіи, назывался «храмомъ Vahagn'a, убійцы дракона»—«мехіáн вишапакáх̓н Вахагни́»—и считается *первымъ* между многими знаменитыми храмами, находившимися въ селеніи Аштишатѣ, таронской области, за горою Карке́ на рѣкѣ Евфратѣ, насупротивъ великой горы Тавра, какъ было сказано выше.

Каста жрецовъ за 150 л. до Р. Х. въ языческой Арменіи носила названіе Vahunik' по имени «великаго бога»—Vah, точно такъ же, какъ въ Средней Индіи жрецы назывались брахманами, какъ служители Брахмы—божественнаго духа.

IV.

До сихъ поръ мы старались показать связь названія армянскаго бога съ риг-ведскимъ Vritrahan'омъ, а не съ Verethraghna Авесты, потому что архаическія данныя, уцѣлѣвшія у древнихъ армянскихъ писателей, указываютъ на прямое происхожденіе, или вѣрнѣе, на переводъ слова Vritrahan черезъ *Вишапакáхʼ*; между тѣмъ какъ объясненіе имени Vahagn черезъ Verethraghna Хорда-Авесты не представляетъ для насъ никакого основанія по роли и эпитетамъ, которые приписываются послѣднему Зароастромъ, какъ мы видѣли
31 въ началѣ этой статьи. Къ тому же во всей Авестѣ Verethraghna представляется существомъ какъ бы изолированнымъ, не имѣющимъ никакого живаго, такъ сказать, отношенія къ прочимъ божествамъ зороастроваго ученія. По нашему мнѣнію, Verethraghna не есть божество туземное, самостоятельное, собственно-парсійское: онъ перешелъ въ Авесту изъ Веды, и потому, какъ такое, не могъ служить прототипомъ армянскому Vahagn'у, перешедшему въ свою очередь оттуда же въ армянскую ѳеогонію. Поэтому ошибаются думающіе, что Vahagn есть Verethraghna, перешедшій къ армянамъ изъ Авесты.

Выше было сказано, что Vahagn армянской миѳологіи есть то же, что Индра индійскій, т. е. богъ небеснаго свѣта, солнце. Мысль эта, добытая нами изъ сопоставленія и сличенія ведическаго и армянскаго эпитетовъ, придаваемыхъ Индрѣ и Vahagn'у древними армянами и индійцами, находитъ себѣ подтвержденіе и у древнихъ пи-

сателей перваго изъ упомянутыхъ народовъ. Въ уцѣлѣвшихъ въ
армянскомъ переводѣ твореніяхъ александрійскаго еврея Филона,
сдѣланномъ въ V в. по Р. Х., какъ и въ нѣкоторыхъ армянскихъ,
еще не изданныхъ рукописяхъ, встрѣчаемъ указанія, бросающія
значительный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Въ помянутыхъ
памятникахъ имя греческаго Аполлона и армянское слово арéг-агн
(солнце) равно переводятся черезъ Vahagn. Такое употребленіе име-
ни Vahagn идетъ совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Моисея Хо-
ренскаго, который считаетъ Vahagn'а то сыномъ Тиграна-Хайкида, 32
то отождествляетъ его съ греческимъ Геракломъ. Не смотря на авто-
ритетъ отца армянской исторіи, мы становимся на сторонѣ армян-
скаго переводчика Филона, передающаго имя *Аполлонъ* черезъ *Va-
hagn*, и анонимнаго армянскаго писателя, у котораго находимъ
слѣдующую замѣчательную фразу: «Нѣкоторые стали почитать арéг-
агн (солнце) и назвали его Vahagn'омъ».

По увѣренію того же М. Хоренскаго, не только въ Арменіи, но
и въ сосѣдней Иверіи, Vahagn имѣлъ храмы, гдѣ чествовали его и
совершали ему жертвоприношенія. Странно было бы допустить, что-
бы иверійцы ни съ того ни съ сего стали поклоняться *армянскому
Герою* потому только, что онъ былъ избавителемъ земли армянской
отъ драконовъ (см. нашъ перев. М. Хоренскаго, кн. I, гл. 31).
Если иверійцы дѣйствительно воздвигли въ своей землѣ статую Va-
hagn'а, то это, конечно, потому, что они видѣли въ немъ не *на-
ціональнаго армянскаго Героя*, а бога равно благодѣющаго и имъ,
иверійцамъ, и армянамъ, а таковымъ должно было быть и было,
для обоихъ народовъ, Vahagn, т. е. солнце.

Далѣе, по увѣренію Агаѳангела, современника св. Григорія Про-
свѣтителя и очевидца, какъ распространенія христіанства въ Арме-
ніи, такъ и разрушенія въ ней языческихъ храмовъ—супругою
Vahagn'а была богиня Астхик, армянская Афродита, что опять-таки
служитъ новымъ доказательствомъ божественности перваго. Наконецъ
свѣдѣнія, сообщаемыя Ананіей ширакскимъ и приведенныя нами 33
выше, указывая на борьбу Vahagn'а съ ассирійскимъ богомъ Бар-
шам'омъ, шествіе его по небу и образованіе Млечнаго Пути, еще
болѣе убѣждаютъ насъ въ мнѣніи о нечеловѣчности Vahagn'а.

Итакъ, Vahagn—одинъ изъ высшихъ боговъ армянскаго пантеона; поэтому онъ не могъ быть Verethraghna Хорда-Авесты, а еще менѣе сыномъ Тиграна-Хайкида; слѣдовательно, онъ—повторяемъ добытое уже нами положеніе—не иное что, какъ Индра-Vritrahan, т. е. солнце.

V.

Въ Риг-Ведѣ, во многихъ мѣстахъ, Индрѣ приписываются самые высокіе божественные аттрибуты. Въ ней между прочимъ встрѣчаемъ обращеніе, совершенно одинаковое съ началомъ пѣсни о Vahagn'ѣ армянскаго рапсода. Оно гласитъ: «При твоемъ (Индры) рожденіи твердо-стоящія горы, и небо и земля всколебались» (I. 61, 14); «При твоемъ рожденіи, о преславный, небо и земля задрожали» (IV. 17, 2).

Пѣснь армянскаго рапсода начинается:

«Въ мукахъ рожденія находились небо и земля;
«Въ мукахъ рожденія лежало и пурпуровое море».

Въ Риг-Ведѣ придаются характеристическіе эпитеты Индрѣ, ко-
34 торые мы приведемъ здѣсь, сопоставляя ихъ съ такими же эпитетами Vahagn'а. Индрѣ придаются эпитеты: hari-şipra—румянолапитый (X. 96, 4, 9, 12); hari-keşa—златовласый (X. 96, 5, 8); hari-şmaşru—златобородый (X, 96, 8); Индра весь красный или вида золотаго—hari-varpas (X. 96, 1 и слѣд.). Иногда онъ представляется «золотымъ»—hiranyaya (I, 7, 2; VIII, 55, 3) и, наконецъ, «имѣющимъ золотыя длани» (VII. 34, 4).

Уклонимся немножко. Въ Риг-Ведѣ, какъ выше было замѣчено, равносильнымъ Индрѣ божествомъ является *Агни*—подъ этимъ именемъ нерѣдко является Индра—такъ же, какъ рядомъ съ Vahagn'омъ въ армянской миѳологіи мы видимъ аре́г-агн, поклонники котораго, замѣтимъ мимоходомъ, существовали въ Арменіи еще въ XII вѣкѣ и послѣ подъ именемъ аре́в-ордйк, т. е. «Сыновъ Солнца» (см. нашъ Очеркъ религ. языч. армянъ, стр. 35). Этому Агни, богу огня, Риг-Веда приписываетъ рожденіе и ростъ быстрые. Агни высоко дер-

жить знамя изъ дыма—dhûma-ketu (I. 27, 11; I. 44, 3; V. 11, 3; VIII. 43, 4); дымъ его какъ столбъ возносится къ небу (IV. 6, 2; VII. 2, 1); дымъ этотъ волнуется и пламя его неуловимо (VIII. 23, 1); оно пламенѣетъ вверхъ—ûrdhva-sochis (VI. 15, 2); оно пламенѣетъ вширь—sukra-șochiḥ (VII. 15, 10; VIII. 23, 20); пламя Агни одарено очистительной силой—pâva șochis (VIII. 43, 31); у него
пылающіе волосы—șochish-keșa (I. 45, 6), золотая борода hiri-masru (V. 7, 7), голова пылающая (VIII. 3, 1) и горитъ онъ какъ
солнце (I. 149, 4; VII. 3, 6).—Вòды рождаютъ Агни (III. 1, 3), 35
онъ есть чадо неба и земли (III. 6, 5), совершившее встарь славные подвиги (VII. 6, 2) *).

Кажется, указанія эти въ свою очередь доказываютъ также тождественность Vahagn'a съ Индрой и съ другимъ ведическимъ представителемъ свѣта—Агни, имя котораго часто принимаетъ на себя Индра: и вода, и небо, и земля содѣйствуютъ рожденію обоихъ боговъ; и дымъ, и пламя, сопровождающіе ихъ явленіе, невольно заставляютъ насъ видѣть въ этихъ божествахъ прототипы армянскаго Vahagn'a, рожденнаго и небомъ, и землею, и моремъ. Его рожденіе также сопровождается дымомъ и пламенемъ; онъ такъ же, какъ и Агни, имѣетъ быстрый ростъ, ибо онъ выходитъ изъ пламени уже съ бородою; у Агни голова и волосы пылаютъ и самъ онъ весь горитъ какъ солнце; юноша Vahagn также съ огненными волосами, съ пламенной бородой и съ блестящими какъ солнце глазами. Эпитеты Индры не менѣе этого соотвѣтствуютъ эпитетамъ Vahagn'a; ибо «румянолапитый», «златовласый», «златобородый», «обликъ золотой» и «золотыя длани» суть не что иное, какъ характеристическія черты солнца, кои сопровождаютъ и Vahagn'a въ Пѣсни армянскаго рапсода.

VI.

Восемь стиховъ, приведенныхъ Моисеемъ Хоренскимъ въ его Исто- 36
ріи и служившихъ предметомъ этой статьи, въ которыхъ описы-

*) См. T. Muir, «Contributions to a Knowledge of the Vedic Theogony and Mythology». 1864.

вается рожденіе Vahagn'а, суть, безъ сомнѣнія, обломокъ цѣлой ѳеогоніи, въ которой излагалось міросозерцаніе языческихъ армянъ и которая, къ сожалѣнію, предана была, вѣроятно, уничтоженію, вмѣстѣ съ храмовыми архивами и книгами, св. Григоріемъ Просвѣтителемъ въ началѣ IV вѣка, при введеніи имъ христіанства въ Арменію. Ѳеогонія эта, какъ мы могли видѣть изъ разбора помянутаго отрывка, подобно зороастровой, должна была имѣть много общаго съ ѳеогоніею Веды. Кромѣ сродства языка армянскаго съ санскритомъ, кромѣ тождества Vahagn'а съ Индрою, армянская исторія представляетъ еще разительный фактъ связи индійскаго язычества съ армянскимъ, на которую указано въ нашемъ «Очеркѣ религіи языческихъ армянъ» (стр. 39—42), фактъ, который не лишнимъ считаемъ привести здѣсь для бо̀льшаго подтвержденія высказываемаго въ настоящей статьѣ мнѣнія нашего о возможности объясненія отрывка о Vahagn'ѣ Ведою. Фактъ этотъ находимъ у Зеноба Глака, одного изъ многочисленныхъ учениковъ св. Григорія Просвѣтителя. Въ своей исторіи Таронской области—этой классической страны армянскаго язычества, гдѣ преимущественно сосредоточивалась апо-
37 стольская дѣятельность св. Григорія—Зенобъ подробно описываетъ изображенія двухъ индійскихъ божествъ—Гисане́ и Деме́тра—имѣвшихъ здѣсь свой храмъ, одинъ изъ богатѣйшихъ храмовъ въ Арменіи, при которомъ даже жрецы были индійцы. Понятная вещь, что если храмъ этотъ существовалъ въ теченіи вѣковъ въ Арменіи (съ 150 года до Р. Х. по 304 г. послѣ Р. Х.=454 л.), то въ немъ армяне-язычники поклонялись этимъ богамъ наравнѣ съ національными своими богами. Если же они чествовали ихъ, это значитъ, что ѳеогонія ихъ должна была имѣть много общаго съ ведическою, и что поэтому самому религіозное чувство армянъ не оско̀рблялось присутствіемъ этихъ боговъ на ихъ почвѣ.

IV.

Отвѣтъ на замѣчанія г. Патканова *),

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ XVII Т. ТРУДОВЪ ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ И. Р. АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

По поводу одной замѣтки проф. Патканова въ его статьѣ: «*Нѣсколько словъ о названіяхъ древнихъ армянскихъ мѣсяцевъ*», помѣ- 3
щенной въ Трудахъ Восточнаго Отдѣл. Императорскаго русскаго археологическаго Общества (XVI т.), намъ пришлось мимоходомъ сказать нѣсколько словъ при изложеніи нашего взгляда на одинъ довольно интересный вопросъ армянской миѳологіи, въ статьѣ **), появившейся въ Трудахъ того-же Общества за истекшій годъ. *Наставническій тонъ*, какъ говоритъ г. Паткановъ, нашей статьи не понравился ему, хотя въ этомъ тонѣ ничего оскорбительнаго не

*) [Напечатанъ въ 1874 г. отдѣльной книжкой, стр. 1—36, М. 8°. Не смотря на рѣзкость тона автора въ нѣсколькихъ мѣстахъ статьи, она и теперь еще не потеряла интереса, являясь дополненіемъ и разъясненіемъ къ предыдущему изслѣдованію—о „Вахагнѣ Вишапакахѣ“.—Для настоящаго изданія мы воспользовались нѣкоторыми помѣтками, сдѣланными рукою покойнаго Н. О. Эмина на поляхъ его ручнаго экземпляра „Отвѣта“ и внесли ихъ въ текстъ, напр. на стр. 24 и 26, изданія 1874 г. *Г. Х.*].

**) Вотъ полное заглавіе нашей статьи: „Вахáгн-Вишапакáх армянской миѳологіи есть Индра-Vritrahan Риг-Веды“. С.-Петербургъ. 1873.

было, въ чемъ убѣдиться могутъ читатели, интересующіеся вопросомъ, затронутымъ въ нашей статьѣ. Наставническій нашъ тонъ оскорбилъ самолюбіе ученаго профессора до такой степени, что онъ разразился на насъ страшнымъ гнѣвомъ. Вмѣсто хладнокровнаго разсмотрѣнія ученаго вопроса въ интересѣ науки и такого же отвѣта на наши мимоходомъ сдѣланныя ему замѣчанія г. Патканов въ
4 своей статьѣ *) прибѣгаетъ къ брани, не знающей границъ. Признаемся откровенно: мы никогда не понимали въ ученомъ спорѣ смысла такихъ аргументовъ, какова брань, и всегда видѣли въ ней доказательство безсилія и несостоятельности того, кто къ ней прибѣгаетъ. Предупреждаемъ г. профессора, что въ нашихъ немногихъ словахъ, обращенныхъ къ нему, мы не дадимъ мѣста гнѣву, а займемся спокойнымъ разсмотрѣніемъ его возраженій и покажемъ—на сколько они основательны.

Мы отвѣчаемъ г. Патканову не потому, чтобы его *Замѣчанія* на нашу статью заслуживали вниманія, а потому единственно, что въ нашемъ ученомъ мірѣ оріенталистовъ весьма немногіе занимаются филологическимъ изслѣдованіемъ древне-армянскаго языка и миѳологіи, да еще потому, что нерѣдко отвага — а у г. профессора порядочный запасъ ея—въ рѣшеніи ученыхъ вопросовъ принимается за глубокое знаніе дѣла арменистами въ родѣ г. Патканова и читателями, вовсе незнакомыми съ предметомъ спора. Вотъ что побуждаетъ насъ написать нижеслѣдующія строки.

Такъ какъ г. Паткановъ въ своихъ *Замѣчаніяхъ* направилъ свои возраженія преимущественно на частности нашей статьи, упустивъ изъ виду главную мысль ея; то мы считаемъ не лишнимъ, предварительно разсмотрѣнія его возраженій, привести здѣсь сущность нашего взгляда, чтобы такимъ образомъ поставить читателя на надлежащую точку зрѣнія на поднятый нами вопросъ и на споръ, возникшій между нами.

Статья, въ которой мы коснулись вышеуказанной замѣтки г. про-
5 фессора, исключительно посвящена развитію и доказательству мысли,

) Статья г. Патканова носитъ слѣдующее заглавіе: Замѣчанія на ст. г. Эмина Вахáгн Вишапакáх и пр. С.-Петербургъ. 1873.

что *Vahágn*, *Վահագն*, армянской миѳологіи есть *Индра-Vritra-han* Риг-Веды. Въ замѣткѣ же г. Патканова проводится мысль, высказанная первоначально Виндишманомъ *), затѣмъ Ferd. Justi **) и наконецъ Paul de Lagarde'омъ ***), что армянскій *Вахáгн* есть *Веретрáгна* Авесты. Отождествленіе обоихъ божествъ всѣ три нѣмецкіе оріенталиста основываютъ только на внѣшнемъ сходствѣ этихъ именъ между собою. Г. Паткановъ, какъ мы замѣтили въ нашей статьѣ, повѣривъ на слово этимъ ученымъ, повторяетъ въ своей замѣткѣ ихъ мысль, и эту чужую мысль онъ защищаетъ, якобы собственную, съ большимъ жаромъ.

Виндишманъ и въ особенности Lagarde поступили непослѣдовательно, основывая тождество армянскаго и парсійскаго боговъ единственно на сходствѣ ихъ именъ. Наука не можетъ довольствоваться такими аргументами, какъ переходъ извѣстныхъ зендскихъ буквъ въ армянскую букву, чтобы на основаніи одного этого условія оправдать выводъ: слѣдовательно, *Вахáгн есть Веретрáгна.* Странно, что учители г. Патканова, да и самъ г. Паткановъ, какъ великій филологъ, не остановили своего вниманія на этихъ безконечныхъ образахъ, которые принимаетъ *Веретрáгна*, а именно на образахъ Вѣтра, Быка, Коня, Верблюда, Вепря, Юноши, Птицы, Овна, Козла и наконецъ Мужа****), и не спросили себя—что общаго между этимъ 6
Genius des Sieges, этимъ духомъ-хамелеономъ вѣчно видоизмѣняющимся, и армянскимъ божествомъ, вездѣ и всюду сохраняющимъ свой *человѣческій* образъ. Имѣли-ли они основаніе дѣлать заключеніе: такъ какъ *Веретрáгна* есть Genius des Sieges, то онъ и *Вахáгн*—одно и тоже божество? Послѣ этого почему Арея или Марса не признать въ сродствѣ съ армянскимъ божествомъ? Это было бы

---

*) См. его Die persische Anahita oder Anaitis, München. 1856 p. 22.

**) См. его Handbuch der Zendsprache, Leipzig. 1864. p. 285.

***) См. Gesammelte Abhandlungen von Paul de Lagarde. Leipzig. 1866. pp. 9, 21, 275, 293, 300.—Его же Beiträge zur Bactrischen Lexicographie. Leipzig. 1868. p. 74.

****) См. Avesta, von Spiegel, часть III, Khorda Avesta. Leipzig. 1863. XXX, 14. Bahram Yast. pp. 141—151;—и см. нашу стр. 9—10.

логичнѣе. — Армянскими древними писателями Вахáгн признается *Солнцемъ* и вмѣстѣ съ верховнымъ ихъ богомъ *Арамазд*'омъ— творцемъ неба и земли, и *Анахи́тою*—богиней цѣломудрія, покровительницей земли армянской, составляетъ тріаду *), и такимъ образомъ является однимъ изъ высшихъ боговъ армянскаго пантеона. Во всемъ этомъ, какъ видитъ читатель, нѣтъ ничего такого, что могло бы дать намъ право на признаніе Вахáгна и Веретрáгны тождественными.—По этому самому мы нашли отождествленіе этихъ боговъ, основанное на одномъ *звуковомъ сходствѣ* ихъ именъ, недостаточнымъ. Мы сказали: «если даже допустить тождество — разумѣется наружное—Вахáгна съ Веретрáгною, то и тогда едва ли по существу своему могутъ они служить выраженіемъ одной и той же идеи (см. нашу ст. стр. 10—11). Въ подтвержденіе приведены
7 нами въ примѣръ имена—*Андра* и *Индра*, *Саура* и *Сарва*, *Гераклесъ* и *Геркулесъ* (см. тамъ же), которыя, не смотря на ихъ созвучіе, ничего общаго между собой неимѣютъ.—Далѣе мы обратились къ книгамъ Заратустры и въ нихъ искали рѣшенія нашего недоумѣнія; но Хорда Авеста въ гимнахъ, обращенныхъ къ Веретрáгнѣ, не представила ни одного намека, ни одной черты, которая указала бы на внутреннюю тождественность армянскаго бога съ Веретрáгною (см. тамъ же, стр. 2—10).

Не нашедъ такимъ образомъ въ Авестѣ данныхъ для выясненія внутренняго значенія Вахáгна армянской миѳологіи, мы обратились къ армянскимъ источникамъ. Изъ нихъ мы узнали, что Агаѳангелъ (IV вѣка) и Моисей Хоренскій (V вѣка), изображая его *убійцею дракона*, тѣмъ самымъ признаютъ его антагонистомъ *мрака*; что Ананія ширакскій (VII вѣка) и переводчикъ (V вѣка) Твореній александрійскаго еврея Филона и анонимная армянская рукопись уже не подъ покровомъ, но ясно отождествляютъ *Вахáгна съ солнцемъ*, и что наконецъ при переводѣ имени «*Аполлонъ*» нѣкоторые изъ древнихъ армянскихъ писателей передаютъ его черезъ *Вахáгн*. Чтобы

---

*) См. Исторію Агаѳангела (арм. текстъ). Венеція. 1835, стр. 102, и франц. ея переводъ въ Collection V. Langlois, T. I, p. 134—135.

имѣть право выдвигать другое противоположное нашему мнѣніе, необходимо прежде всего разобрать по одиночкѣ всѣ вышеприведенныя указанія и доказать невѣрность толкованія, которое мы имъ даемъ. Г. Паткановъ этого не дѣлаетъ, а потому онъ не вправѣ утверждать, что *Вахáгн* и *Веретрáгна*—одно и то же лицо.

Опредѣливъ такимъ образомъ до очевидности сущность, значеніе и роль Вахáгна въ армянской миѳологіи, мы обратились къ объясне- 8
нію *имени* этого божества. Мы нашли, что имя это сложное и состоитъ изъ *vah*, վահ и *agn*, ագն, изъ которыхъ послѣднее не что иное какъ *Agni* индійской миѳологіи, т. е. *Солнце*, а первое—слово архаическое, общее зенду и армянскому языку, уцѣлѣвшее въ этой первоначальной своей формѣ въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ послѣдняго и означающее «*богъ*».

По этимъ соображеніямъ мы пришли къ заключенію, что армянскій *Вахагн* и Риг-Ведскій *Agni*—одно и тоже божество—*Солнце*. А такъ какъ богъ Индра нерѣдко въ Риг-Ведѣ является подъ именемъ Agni, то изъ этого мы пришли къ мысли, что *Вахáгн* есть *Индра*. т. е. опять-таки *Солнце*. И мы допустили это послѣднее сближеніе на слѣдующемъ основаніи: *Индра*, какъ побѣдитель *Вритры*—змія, получилъ эпитетъ *Вритрахáн* (Vritrahan)=убійца Вритры—*змія*; армянскій *Вахáгн* за побѣду, одержанную имъ надъ *дракономъ*, называется также *убійцею дракона*, т. е. *Вишапакáх*'омъ *) վիշապաքաղ. Но мы этимъ не ограничили нашихъ 9

*) «Вишапаках'», վիշապաքաղ, какъ слово сложное, состоитъ изъ *вишáп*, վիշապ и *к'ах'*, քաղ, изъ которыхъ послѣднее служитъ корнемъ глаголу *к'ах'*-ел քաղել=«истреблять, убивать». Что же касается до *вишáп*, վիշապ, то оно, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Поэтому нелишнимъ считаемъ представить здѣсь на судъ спеціалистовъ толкованіе, которое мы ему даемъ.

Мхитаристы въ своемъ большомъ Словарѣ объясняютъ *вашáп*, վիշապ черезъ „*большой водяной змѣй*“. Почему именно *водяной* — не объяснено этими учеными потому, вѣроятно, что послѣдняя часть разбираемаго слова, а именно *ап*, ապ напоминала имъ персидское слово *аб*=«вода»; но въ такомъ случаѣ остается первая часть слова: *виш*, которое они отож-

наблюденій надъ тождественностью обоихъ божествъ. Въ доказательство исконной связи Арменіи съ Индіею по общности происхожденія жителей обѣихъ странъ и сродства ихъ языковъ, мы

дествляютъ съ армянскимъ *иж*, իժ=«эхидна». Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ значенія слова *вишап*, վիշապ какъ водяннаго змѣя: это завлекло бы насъ далеко. Мы пока замѣтимъ, что у первоклассныхъ армянскихъ писателей — Езника, Моисея Хоренскаго, Нерсеса Ламбронскаго и другихъ — слово *вишáп* употреблено какъ имя нарицательное со значеніемъ *«драконъ»*, т.-е. *«большой змѣй»*. Далѣе, у тѣхъ же писателей оно употребляется въ смыслѣ *„діаволъ,“ „злой духъ“, „сатана“*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ съ нимъ не раздѣленъ эпитетъ *хинавури*, հինաւուրց =„ветхій,“ „древній“.

Чѣмъ объяснить такой метаморфозъ? — Тѣмъ, конечно, чѣмъ мы объяснили въ предыдущей нашей статьѣ измѣненіе значенія многихъ словъ, перешедшихъ изъ языческаго міра въ міръ христіанскій. Языческіе армяне, вѣроятно, первоначально подъ именемъ *вишáп* разумѣли представителя *начала зла*, котораго они противопоставляли *Арамазду*, Արամազդ (Ahura Mazda)—*началу добра*. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ армянской миѳологіи, въ основѣ которой лежитъ *дуализмъ*, начало добра представляется *Арамазд*'омъ, между тѣмъ какъ *зло* не имѣетъ своего представителя съ опредѣленнымъ именемъ. Искомое это имя и есть *вишáп*, который у Зороастра называется *Ахримáн*'омъ, которому эмблемою служитъ чудовищный двуногій змѣй, низвергнутый съ неба Митрою; въ парсійскихъ средневѣковыхъ сказаніяхъ—змѣемъ *Афрасіáб*' омъ (въ Шах-нáме Фердуси), а у мидійскихъ Турійцевъ (Touryas), какъ увѣряетъ ученый Оппертъ—*Фаррурсарраббою* Farroursarrabba). Эти сопоставленія не ясно ли выдвигаютъ важное значеніе эпитета *вишапакáх*, придаваемаго Вахагну—убійцѣ змѣя? Армянскій *Вахагн-Солнце* представитель *небеснаго свѣта*, борется съ *Вишáп*'омъ, представителемъ *мрака*, и побѣждаетъ, убиваетъ его, подобно тому какъ въ Риг-Ведѣ *свѣтозарный Индра* низлагаетъ *мрачнаго Вритру*, какъ въ Авестѣ *Ахура-Мазда—Ахримана*, какъ въ греческой миѳологіи *Аполлонъ — Пиѳона*, какъ въ древнихъ италійскихъ сказаніяхъ *Геркулесъ—Какуса*.

Такимъ-то образомъ „ветхій змѣй“ (=Вишáп)—армянскій Вритра, Ахриманъ, Афрасіабъ, у христіанскихъ армянскихъ писателей принимаетъ образъ *Сатаны, князя тьмы*, и становится именемъ послѣдняго.

Впрочемъ мы возвратимся къ *Вишáпу*—арм. Ахриману, въ нашемъ подробномъ Изслѣдованіи объ армянской миѳологіи.

сверхъ того указали на цѣлый рядъ армянскихъ словъ, каковы „*солнце*, *արեգակն*; *утренняя заря*, *արշալոյս*"; *утро*, *առաւօտ*; *денница*, *արուսեակ*; *день*, *տիւ*, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено только санскритомъ *), и наконецъ—на существованіе въ языческой Арменіи индійскихъ божествъ и съ индійскимъ жречествомъ **). 10

По приведеніи всѣхъ этихъ и другихъ доказательствъ мы сдѣлали такое условное и, кажется, не заносчивое заключеніе: «Если наше объясненіе составныхъ частей слова *Вах-агн* исходитъ изъ вѣрныхъ началъ, то послѣ вышеприведенныхъ доказательствъ мы можемъ позволить себѣ слѣдующій выводъ: слово *Вах-агн*, какъ слово сложное, означаетъ *богъ-агни*, т.-е. Индра=богъ свѣта, а *Вахагн вишапакáх*, *Վահագն վիշապաքաղ* значитъ» *богъ-агни* или богъ *Индра-Вритрахáн* (Vritrahan), т. е. «убійца дракона» ***).

Г. Паткановъ, какъ мы замѣтили въ нашей статьѣ (стр. 13), «остановился на толкованіи словъ—Trutzwaffe, Sieg, Sieghaftigkeit—нѣмецкихъ оріенталистовъ и не пошелъ дальше». Его, какъ видно, мало интересовало значеніе бога Вахáгна: нѣмецкіе ученые произнесли свой приговоръ и г. Паткановъ остановился передъ нимъ, какъ передъ Геркулесовыми столбами и дальше не осмѣлился идти. Онъ предпочелъ скорѣе сдѣлаться вульгаризаторомъ на шаткомъ основаніи построеннаго ихъ мнѣнія, нежели самому работать надъ интереснымъ вопросомъ.

Всѣ вышеприведенные наши аргументы въ доказательство — съ одной стороны, того, что Вахагнъ не есть сынъ Тиграна I Хайкида, 11
а съ другой—что онъ «Солнце» и одно изъ главныхъ божествъ армянскаго пантеона, г. Паткановъ оставилъ въ сторонѣ и всѣ свои силы направилъ на опроверженіе нѣкоторыхъ, якобы невѣрно объясненныхъ нами словъ армянскихъ, зендскихъ и санскритскихъ, приведенныхъ въ нашей статьѣ. Эти опроверженія г. профессора достойны вниманія, какъ замѣчательные куріозы въ особенности

*) См. нашу ст. стр. 24 и д.

**) См. тамъ же стр. 36 и д.

***) См. тамъ же стр. 23.

тамъ, гдѣ онъ берется за объясненіе архаическихъ и даже неархаическихъ словъ древне-армянскаго языка.

Просимъ читателя удѣлить намъ нѣсколько минутъ, чтобы познакомиться съ глубокимъ знаніемъ одного изъ представителей оріентализма въ нашемъ отечествѣ, который, замѣтимъ мимоходомъ, весьма великодушно отводитъ намъ мѣстечко въ скромной толпѣ дилеттантовъ, между тѣмъ какъ себя причисляетъ къ сонму великихъ представителей восточнаго языкознанія.

На 21 стр. нашей статьи мы сказали: слово *Vah-agn* есть слово сложное, состоящее изъ *vah*, *վահ* и *ագն*, изъ которыхъ первое находитъ себѣ объясненіе въ зендѣ, второе въ санскритѣ. Оно образовалось такъ же, какъ и сложныя армянскія слова arég·agn, arév-agn, *արեգական*, *արեւական*=«солнце». Затѣмъ, на основаніи Комментарія на Yaçna знаменитаго Евг. Бюрнуфа мы приступили къ объясненію слова *vah, վահ*; указали, что оно, какъ слово коренное, даетъ отъ себя другія слова; показали значеніе каждаго изъ нихъ какъ въ зендѣ, такъ и въ новоперсидскомъ языкѣ, гдѣ оно является видоизмѣнившимся въ формѣ *beh*, и наконецъ естественнымъ обра-
12 зомъ пришли къ тому, что въ словѣ *vahagn* — имени армянскаго божества, зендское *vah* не подвергается измѣненію, въ словѣ же армянскомъ veh *e*, *է* замѣняетъ *a* зендскаго слова. Далѣе, мы сказали: подъ этой послѣдней формой *veh*, *վեհ*, какъ корень, образуетъ изъ себя цѣлый рядъ армянскихъ словъ, которыя въ этомъ языкѣ сохранили первоначальное, вѣроятно, значеніе зендскаго *vah*, утраченное въ послѣдствіи. Ибо *veh*, *վեհ*, у древнихъ классическихъ армянскихъ писателей, кромѣ значенія «превосходный», означаетъ еще «сверхъ—естественный, неземной, небесный»; когда же принимаетъ знакъ множественнаго числа—букву *k' ք*, и по законамъ армянскаго языка становится именемъ существительнымъ, оно означаетъ «ангелы, полубоги, боги», какъ напр. *anmahacán vehk*, *անմահական վեհք*=«безсмертные боги». Въ единственномъ числѣ принимая на концѣ коренное мѣстоименіе третьяго лица *n*, *ն*, а именно veh'*n*, *վեհն* оно по тѣмъ же законамъ, означаетъ «истиннаго Бога». Наконецъ слово veh, *վեհ* входитъ въ составъ сложныхъ словъ, не теряя значенія, на которое мы сейчасъ указали, такъ напр.

veh-azn, վեհազն = «потомокъ боговъ»; *veh* - azgi, վեհազգի = «божественнаго происхожденія»; *veh* - a - nĕmán = վեհանման «богоподобный»; *veh*-a-vair tatchár, վեհավայր տաճար = «храмъ обитаемый богомъ» (или богами).

Точкою отправленія въ изслѣдованіи имени армянскаго божества мы взяли слово *vah*, и не только сказали, но и доказали, что оно значитъ „*богъ*": и доказали это цѣлымъ рядомъ армянскихъ словъ, 13
въ которыхъ *veh* въ значеніи „*богъ*" употребляется и отдѣльно и въ началѣ сложныхъ словъ. При этомъ мы, правда, не сдѣлали указанія на древне-армянскихъ писателей, но въ томъ, единственно, предположеніи, что тѣ немногіе арменисты, — въ ихъ числѣ и г. Паткановъ,—которые прочтутъ нашу статью, вѣроятно, знаютъ въ какихъ сочиненіяхъ употреблено *veh*, и что послѣ возстановленія нами архаическаго его значенія, они сами обратятся къ источникамъ и сами провѣрятъ наше новое толкованіе. Но мы обманулись въ своемъ предположеніи: г. Паткановъ безъ предварительной справки выступилъ съ печатнымъ доказательствомъ своего незнанія армянскаго языка. Ибо на стр. 8 своихъ *Замѣчаній*, въ двухъ мѣстахъ, онъ пишетъ: «Пусть бы все это было такъ, какъ утверждаетъ г. Эминъ, и все-таки не вытекало бы изъ сказаннаго, какъ желаетъ онъ, что veh въ армянскомъ языкѣ значило «богъ» и что въ имени Vahagn сохранилось это veh въ болѣе чистой формѣ vah»;—немного ниже критикъ продолжаетъ: «относительно же значенія слова veh *въ этомъ* (т. е. арм.) *языкѣ*, никогда не значило оно *на немъ* (?) «богъ» *).

---

*) На стр. 8 своихъ *Замѣчаній* г. Паткановъ, сказавъ, что «veh никогда не значило «богъ», на слѣдующей стр. 9 дѣлаетъ невольную уступку, какъ человѣкъ неувѣренный въ томъ, что онъ говоритъ; «въ множ. числѣ—«высшіе, превосходнѣйшіе»—оно (т.-е. veh) хотя и употребляется, какъ замѣна слова богъ, но лишь въ переносномъ смыслѣ, подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ слово «высочайшій» вовсе не значитъ царь, а является лишь условнымъ эпитетомъ царскаго достоинства».

Остановимся на невольной уступкѣ г. профессора; допустимъ съ нимъ, что *veh* въ един. не значитъ *богъ* и что только въ множ. числѣ оно употребляется, и то въ переносномъ смыслѣ — „*высшіе, превосходнѣйшіе*"—

14 **Обратимся къ авторитетамъ—конечно, не къ Justi, и не къ Lagarde'у — а къ авторитетамъ армянскимъ, и посмотримъ, что скажутъ они на такое печатное заявленіе г. профессора.**

Слово *veh* **относится къ числу тѣхъ многихъ архаическихъ словъ, встрѣчающихся въ особенности у Моисея Хоренскаго, настоящее значеніе которыхъ ни венеціанскіе, ни вѣнскіе Мхитаристы не возстановили еще надлежащимъ образомъ. У отца армянской исторіи есть сочиненіе подъ заглавіемъ «Гирк' питойц»,** *Գիրք պիտոյից* **=** *Liber chriarum*, **въ которомъ приведены, между прочимъ, примѣры на риторическія правила, написанныя самимъ Моисеемъ Хоренскимъ по хріямъ. Темы для многихъ изъ этихъ примѣровъ заимствованы изъ миөологіи, поэтовъ и трагиковъ греческихъ. Въ этихъ именно примѣрахъ нерѣдко у Моисея Хоренскаго заходитъ рѣчь о греческихъ божествахъ, говоря о которыхъ, онъ исключительно употребляетъ слово** *veh.* **Какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ г.**
15 **Патканова, онъ вовсе незнакомъ съ содержаніемъ помянутаго творенія Хоренскаго; въ противномъ случаѣ онъ, быть можетъ, обратилъ бы вниманіе на значеніе, какое придается слову** *veh*, *վեհ* **у этого автора.**

какъ замѣна слова *богъ*.—Въ такомъ случаѣ мы попросимъ г. Патканова взять на себя трудъ перевести выраженіе „*antmahacán véhk*“ անմահական վեհք. Первое изъ этихъ двухъ словъ значитъ «безсмертный,» если второе значитъ „*высшіе, превосходнѣйшіе*“, какъ утверждаетъ докторально г. профессоръ, то выйдетъ такое сочетаніе *безсмертные высшіе, безсмертные превосходнѣйшіе*“, что̀ чистѣйшій абсурдъ. Не проще ли держаться нашего толкованія и перевести „*antmahacàn vehk*“, անմահական վեհք = «безсмертные боги»?

Далѣе, на тѣхъ же вышеприведенныхъ страницахъ г. Паткановъ увѣряетъ, что слово „*высочайшій*“ вовсе не значитъ *царь* (какъ будто кто нибудь доказывалъ противное), но что оно является условнымъ эпитетомъ царскаго достоинства». Мы тутъ ровно ничего не понимаемъ: это—чистѣйшій non-sens. Гдѣ слыхано, чтобы русскій человѣкъ когда нибудь говорилъ: „*высочайшій царь*“ или „*высочайшее величество*“. — Желательно было бы знать—какое такое царское достоинство, къ которому придается эпитетъ „*высочайшій?*“

Г. Патканову, какъ мы сказали, больно не понравился нашъ наставническій *тонъ:* просимъ у нашего ученаго позволенія взять на этотъ разъ на себя *роль* наставника.

Возьмемте названную книгу Liber chriarum, развернемте ее и взглянемте на страницы 376, 382, 384, 389, 390, 393, *) (см. *Собр. твор.* Моисея Хорен. Венеція. 1843). Быть можетъ, по прочтеніи вышеуказанныхъ страницъ, г. Патканов изъ невѣрующаго сдѣлается вѣрующимъ.

На всѣхъ вышеуказанныхъ страницахъ г. профессоръ можетъ
лично убѣдиться—въ какомъ значеніи употребляется слово veh Мои- 16
сеемъ Хоренскимъ. Для читателей же вообще приведемъ здѣсь два—три примѣра; вотъ они: «...азг мардка́н... нёманахавасар *veh*'ин, тиремк̇ хоха̇тцйн кенданіа́ц» *...ազգ մարդկան... նմանահաւասար* ՎԵՀԻՆ *տիրեմք հողածին կենդանեաց*- (тамъ же, стр. 386)=...человѣческій родъ... наравнѣ съ *veh*'омъ (т.- богомъ) владѣетъ земнородными животными.

Говоря о религіи, Моисей Хоренскій приводитъ въ доказательство ея необходимости, между прочимъ, слѣдующее:... «veh'ава́йр татчара́ц ёх̇дцаке́рт шинутьюн ев *veh*'йцён баребанутьюн паштама́нц» *...զվեհավայր տաճարաց ըղձալերտ շինութիւն եւ* ՎԵՀԻՑՆ *արժանաւոր բարեբանութիւն պաշտամանց...* (тамъ же, стр. 387), =...«желанное построеніе храмовъ, обитаемыхъ *veh*'ами (богами) и прославленіе культа, достойное *veh*'овъ (т.-е. боговъ).

«Оггта́кар хёна́мк̇ мардка́н ум хаватаца́н и *veh*' эн, k'антэ дзез?»... *...իսկ օգտակար խնամք մարդկան ում հաւատացան 'ի* ՎԵՀՆ. *քանթէ*

*) Стр. 376. — *Բայց և ում անյարմարական ծանօթացի բան. քանթէ վեհիցն 'ի բարկութիւն շարժել. զոր միշտ յանախտութեան անցեալ ձեռացն գոյացութիւնքն։*

Стр. 382.—*Եւ զլուխ տառապելարանութեանս այս. քանզի առօրութիւն է վեհիցն՝ և անդ ըստ օրինագրեալ մարդկան՝ զպտանգացեալսն և զլոլորումին անօրինեալս չարաչար տանջանօք բառնալ 'ի միջոյ։*

Стр. 389.—*...զմարդկային յարմարական անմտութեան կարգ՝ խոկացաւ իջուցանել յանասնական անկարգ խառնակութիւն. և ընդդէմ վեհին և մարդկան կամաց զի ըր չար խորհուրդս կանգնեաց համբարտակ...*

Стр. 393. —*Բայց զուր... յիշեցէք զանմեղ տան չարաչար մահու փախնանն... զորոց զանհնարին հառաչանս... զբամբասանան որ 'ի վեհն...*

ձեզ, որք մշականմանք՝ վնասակարացն յապաւողք կարգեցայք եւ օգտակարացն օգնականք" (тамъ же, стр. 390) = «заботливое попеченіе о людяхъ кому, если не вамъ, ввѣрено *veh*'омъ (богомъ или отъ бога)?

Просимъ г. Патканова обратиться также къ латинскому переводу твореній Филона еврея, гдѣ спорное армянское слово *veh* передается ученымъ Мхитаристомъ Авгéр'омъ черезъ „*верховное Существо*"...
17 «Quod si maternae nequitiae pueri aemulatores existant, ex paterna virtute recedentes abeant juxta placitum voluntatis genti pravae et ob contemptum *Supremi Entis* superbum sicut voluntariae injuriae rei contemnentur», (см. Венеціанское изд. 1826, стр. 66).

„*Զի թէ մայրենի անզգամութեան մանկունքն նախանձորդք եղիցին՝ 'ի հայրենի առաքինութենէն խուսեալք 'ի բաց գնասցեն, կամօք ախորժութեան վատթար ազգին՝ եւ քամահանօք ամբարհաւաճութեան վեհին՝ իբրու կամաւոր. անիրաւութեանց պարտապանք դատապարտեալք լիցին.*

Наконецъ, ко всѣмъ этимъ доказательствамъ о значеніи слова *veh* прибавимъ еще слѣдующее собственное имя, которое послужитъ также нѣкоторой опорой нашему толкованію: мы разумѣемъ имя *Veh-Mihr-Shapouh* *Վեհ-Միհր-Շապուհ*. Оно состоитъ изъ трехъ словъ, изъ которыхъ первое—*veh* *վեհ*, уже знакомое читателю, значитъ „*богъ;*"—второе—*Mihr*, *Միհր*, есть названіе бога Митры—Солнца, общаго армянамъ, парсамъ и индійцамъ; третье—*Shapouh*, *Շապուհ*, собственное имя человѣка, общее армянамъ и парсамъ. Отношеніе между собою трехъ этихъ словъ, вошедшихъ въ составъ имени *Veh*-Mihr-Shapouh можно было бы выразить такъ: «Шапухъ (поклонникъ?) *бога* Мúхр'а» (т. е. Митры—Солнца).

Изъ предъидущаго ясно, кажется, видна вѣрность нашего толкованія *veh* въ значеніи *богъ*, *божество*, въ чемъ можетъ убѣдиться
18 каждый изъ нашихъ читателей, незнающій даже азбуки армянскаго языка, вникнувъ только въ смыслъ приведенныхъ и переведенныхъ нами фразъ изъ Liber chriarum.

Послѣ этого не можетъ быть сомнѣнія въ тождественности *veh* и *vah*, которое vah, какъ сказано нами, есть древнѣйшая форма, сохранившаяся въ имени *Vah*agn, въ названіяхъ: *a)* его жрецовъ—

Vah-ounik', *վահունիք*—и *b)* его храма—*Vahevahean*, *Վահէվահեան*, означающее «храмъ бога боговъ» (*см. нашу ст. стр. 29*).

Считаемъ не неумѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе по поводу словъ *vah'ounik'* *վահունիք* или *vahn'ounik'* *վահնունիք* и *vahevahean* *վահէվահեան*, изъ которыхъ первое оставлено г. Паткановымъ безъ замѣчанія, между тѣмъ какъ о второмъ роняетъ онъ мимоходомъ слѣдующія слова, «вслѣдствіе вышеизложеннаго, падаетъ само-собою и другое положеніе г. Эмина—что vahevahean значитъ «богъ боговъ». Такой лаконическій приговоръ г. Патканова условливается тѣмъ, что онъ не нашелъ у Лагарда о словѣ *vahevahean* ничего положительнаго, на что можно было бы ему опираться, а потому и произнесъ эту безсодержательную фразу.

Если *vah* и *veh* одно и тоже слово, то мы были послѣдовательны, когда объясняли *vahevahéan* черезъ „*богъ боговъ*". Остановимся на этомъ словѣ и вглядимся въ него попристальнѣе.

Лагардъ въ концѣ своего *Gesammelte Abhandlungen*, въ которомъ онъ подвергаетъ филологическому анализу, часто весьма смѣлому, чтобы не сказать болѣе, многія армянскія слова, приводитъ также, Богъ вѣдаетъ для чего, имена армянскихъ боговъ: «nur über die 19
armenische mythologie erlaube ich mir einige bemerkungen».—Эти bemerkungen начинаются слѣдующей предварительной замѣткой: «namentlich genant finden sich in Armenien 7 êrânische gottheiten: Aramazd, Mitra, Spandaramet, Vahagn, Tir, Nanê». Къ нимъ онъ примыкаетъ также какое-то божество съ небывалымъ названіемъ *Wahêwahê*—продуктомъ своей фантазіи, и въ недоумѣніи останавливается передъ нимъ, признавая чистосердечно, что «dunkel ist Wahêwahê, den ich aus per Agathangelus ausdruck wahewahean mehean erschlisse (p. 293).

Слово *vahevahean* два раза повторяется въ одномъ только мѣстѣ у Агаѳангела; мѣсто это невѣрно понято Лагардомъ. Вотъ оно въ дословномъ переводѣ: «И когда прибылъ въ предѣлы Арменіи Григо-«рій (Просвѣтитель), онъ услышалъ, что въ землѣ Таронской остается «(еще) вахевахеа́н храмъ—храмъ съ величайшими сокровищами, «наполненный золотомъ и серебромъ, гдѣ (хранилось) много прино-«шеній отъ величайшихъ царей, гдѣ (находилось) восьмое преслову-

«тое изображеніе Вахáгна, прозваннаго *Вишапака́х*'омъ. (Здѣсь «было) мѣсто жертвоприношеній царей Великой Арменіи—за горою «К'ар̀ке́ *) на рѣкѣ Евфратѣ, насупротивъ великой горы Тавра **). «Это мѣсто по обилію жертвоприношеній названо Аштиша́томъ. Ибо «въ то время ***) твердо еще стояли въ немъ три жертвенника». (Въ Аштишатѣ находились) «вопервыхъ, храмъ вахевахеа́н; во«вторыхъ, храмъ золотой матери, златокованной (собственно: «зла«торожденной»), самый жертвенникъ (которой) поэтому назывался «(жертвенникомъ) златокованной златой богини-матери, и втретьихъ, «храмъ богини Астх̀икъ, она же по гречески Аѳродита. (Храмъ этотъ) «назывался брачнымъ чертогомъ «Вахагна» ****); (см. арм. подлин. Венеція, ст. 602—3) *****).

Неясность или темнота, которая представляется нѣмецкому оріен-

---

*) Собственно: „у изголовья К'арке́".

**) Собственно: „который глядитъ прямо на великую гору Тавръ".

***) т. е. когда прибылъ св. Григорій въ Арменію.

****) Такъ мы перевели слово *сенéак* սենեակ подлинника; за вѣрность не ручаемся, потому что эта фраза не совсѣмъ ясна. Ученые Мхитаристы въ своемъ большомъ Словарѣ объясняютъ его въ переносномъ, вѣроятно, смыслѣ черезъ „невѣста", „наложница". Въ такомъ случаѣ фраза можетъ быть переведена такъ: „втретьихъ, храмъ богини, прозванной Астхик и называемой по гречески „наложницею" Вахáгна: она же Афродита".—V. Langlois въ своемъ Collection des historiens arméniens etc. T. I, p. 173 передаетъ черезъ „résidence": „le troisième temple était celui de la déesse Astghig, appelé aussi la „résidence" de Vahagn, et qui est l'Aphrodite des Grecs".—Но едва ли такой переводъ вѣренъ. Виндишманъ вовсе не переводитъ это слово (см. стр. 25 у него).

*****) Եւ իբրեւ եկն եհաս ՚ի սահմանս Հայոց, լուաւ Գրիգորիոս թէ ՚ի վահեվահեան մեհեանն մնացեալ է յերկրին Տարօնոյ, մեհեանն մեծագանձ, լի ոսկով և արծաթով, և բազում նուէրք մեծամեծ թագաւորաց ձօնեալ անդ, ութերորդ պաշտօն հռչակեալ՝ անուանեալն վիշապաքաղն Վահագնի. յաշտից տեղիք թագաւորացն Հայոց Մեծաց, ՚ի նմարս լերինն Քարքեայ ՚ի վերայ գետոյն Եփրատայ, որ հանդէպ հայի ՚ի մեծ լեառն Տօրոսի, որ և անուանեալ ըստ յաճախապաշտամանն տեղեացն Յաշտիշատ. զի յայնժամ ևս դեռ չէին կային երեք բագինքն ՚ի նմա։

Առաջին մեհեանն վահեվահեան. երկրորդ՝ Ոսկեմօր Ոսկեծին դից և բագին իսկ յայս անուանեալ՝ Ոսկիհատ Ոսկեմօր դիցն. և երրորդ մեհեանն անուանեալ Աստղկան դից՝ սենեակ Վահագնի կարդացեալ՝ ըստ յունականին որ է ինքն Ափրոդիտէ։

талисту въ словѣ „*vahevahean*", происходитъ отъ того, что онъ не 21
знаетъ ни его происхожденія, ни его образованія. Оно, какъ сказано нами, состоитъ: изъ „*vah*" дважды повтореннаго: явленіе обыкновенное въ армянскомъ и другихъ восточныхъ языкахъ. Повтореніе одного и того же слова усиливаетъ его значеніе, такъ напр. армян. *чар*, *չար* = «злой» повторен. два раза, даетъ „*чар*-а-*чар*", *չար-ա-չար* = «злѣйшій» (*a*, *ա* соединит. буква); *мети*, *մեծ* = «великій» образуетъ *мети*-а-*мети*, *մեծ-ա-մեծ* «величайшій»; „*ишханáц ишхáн*, *իշխանաց իշխան* = «князь князей»—великій князь; „*шахан-шáх*", *շահանշահ* = «царь царей»—великій царь, и т. д.

Это же явленіе замѣчаемъ и въ словѣ „*vahevahean*". „*Vah*", *վահ* дважды повторенное, значитъ „*богъ боговъ*", т.-е. великій богъ (*e*, *է*, соедин. буква); *еан*, *եան*—прилагательное окончаніе, соотвѣтствующее иногда русскому *скій*; поэтому выраженіе—„*vahevahеán meheаn*". *վահէվահեան մեհեան* значитъ „*mehean*" т.-е. „*храмъ великаго бога*". Изъ этого прилагательнаго, отбросивъ отъ него окончаніе *ean* совершенно произвольно, Лагардъ образовалъ „*Wahêwahê*", обратилъ его въ собственное имя и сталъ передъ нимъ въ недоумѣніи: чтобы оно могло значить и какого это божества наименованіе?—а ларчикъ просто открывался.

Вся эта путаница произошла отъ того, что Лагардъ невѣрно понялъ (Виндишманъ ближе къ дѣлу, см. туже вышеуказ. стр.) вышеприведенное мѣсто Агаѳангела: онъ принялъ выраженіе „*vahevahean mehean*" = «храмъ великаго бога», за храмъ, отличный отъ того, въ 22
которомъ находилось *восьмое изображеніе Вахагн*'а, не смотря на то, что Агаѳангелъ рѣчь ведетъ объ одномъ и томъ же храмѣ, а именно о «храмѣ великаго бога».

Храму Вахáгна придавался языческими армянами эпитетъ *vahevahean*. Этого мало; въ отличіе *вообще* отъ жрецовъ *քուրմք* *жрецы* этого бога назывались *Vohounik'*, *Vahnounik'* *վահ-ունիք*, *վահն-ունիք* *վահ-ունիք*, они составляли отдѣльную, такъ сказать, касту въ армянскомъ жречествѣ, въ которой, кастѣ, достоинство жрецовъ «великаго бога» преемственно переходило изъ рода въ родъ до окончательнаго водворенія въ Арменіи христіанства.

Слова—*Vahounik'*, *Vahnounik'*, *վահ-ունիք*, *վահն-ունիք*, какъ ска-

зано значатъ «жрецы бога» по преимуществу;—изъ нихъ второе представляетъ кромѣ того замѣчательное чтеніе, которое мы предпочитаемъ первому и котораго образованіе съ участіемъ буквы *n*, *ն*, требуетъ объясненія. Первая часть его—Vahn, *վահն* есть, по нашему, сократившееся имя Vah*ag*n, *Վահագն*, черезъ выпаденіе буквъ *ag* *ագ*; вторая—ouni, *ունի* окончаніе, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ армянскихъ собственныхъ именахъ и выражающее принадлежность къ извѣстному роду или фамиліи (Баграт*уни́*, Амат*уни́*, Арцр*уни́* и проч.); *k*', *ք*—признакъ множ. числа. Поэтому Vahn-ounik', *վահնունիք* также не что иное означаетъ какъ «жрецы посвященные служенію великаго бога Вахáгна».

После этого отступленія возвратимся къ *Замѣчаніямъ* г. Патканова.
23 Во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ *veh* употреблено, какъ существительное. Въ армянскомъ языкѣ оно, какъ сказано въ нашей статьѣ, употребляется также какъ прилагательное: тогда оно имѣетъ и степени сравненія.

Продолжая въ нашей статьѣ наблюденія надъ словомъ *vah*, мы пришли къ тому, что зендская превосходная степень его—*vahista*, сохранилась въ древне-армянскомъ, сократившись въ vest, *վեստ*, *վէստ*; что это послѣднее, принимая полноту и растягиваясь, должно явиться въ первоначальной своей, т. е. зендской, формѣ: vehista, vahista; что даже въ этомъ своемъ видѣ армянское *vest*, *վեստ*, сосохраняетъ первоначальное свое значеніе: «мужественный», «божественный», и что наконецъ отъ этой сокращенной формы образуются: прилагательное «vĕstah», *վստահ*; глаголъ «vĕstahanám», *վստահանամ*; нарѣчіе «vĕstahabár», *վստահաբար* (см. *нашу ст. стр.* 22—23).

И въ этомъ случаѣ г. Паткановъ самонадѣянно предлагаетъ намъ (см. его *Замѣч.* стр. 10) вникнуть въ дѣло, «причемъ поверхностное даже знакомство съ законами армянскаго языка указало бы ему (т. е. Эмину), что ни е, ни ē, не обращаются (?) въ ĕ, почему изъ Vest никоимъ образомъ не можетъ произойти «vĕstah».

Посмотримъ—вѣрно ли въ самомъ дѣлѣ вѣщаетъ нашъ оракулъ. Увы! говоря такъ велерѣчиво, онъ не замѣчаетъ, что даетъ колоссальный промахъ. Ибо вотъ доказательство перехода долгаго ē въ ĕ краткій (*է* въ *ը*) или вѣрнѣе въ *e* muet французскій, и не одно:

a) отъ слова «гēз», գէզ, съ долгимъ ē, է, означающаго *трещина*, 24
происходятъ глаголы: во-первыхъ, «гĕз-ел», գըզ-ել =«трепать», «бить шерсть», и вовторыхъ, «гĕз-гĕз-ел», գըզգըզ-ել = «растрепать», «разорвать на части»;

b) отъ слова «вēт», վէտ, съ долгимъ ē, է, означающаго «волненіе», «теченіе», происходитъ слово „*вĕта́к*“, վըտակ = «потокъ, ручей».

c) отъ слова «вēс», վէս съ долгимъ ē, է, происходитъ «вĕсéм», վըսեմ.

d) корень слова վսեր есть վէս, и въ этомъ случаѣ ē, է, перешло въ ĕ, ը.

Въ этихъ четырехъ, правда единственныхъ въ армянскомъ языкѣ, случаяхъ, долгій ē, է, коренныхъ словъ переходитъ въ ĕ, ը, e muet, какъ и въ словѣ *vest*.

Спрашивается: на чемъ г. Паткановъ основалъ свое мнѣніе, когда писалъ свое изреченіе въ такомъ законодательномъ тонѣ?

За несостоятельностію, какъ мы сейчасъ показали, выдуманнаго г. Паткановымъ закона о переходѣ армянскаго долгаго ē է въ e muet, ը, онъ, само собою разумѣется, долженъ отказаться отъ неблагодарной попытки отождествленія армянскаго *vest* съ *vestes* византійскихъ писателей, и то IX—X вѣковъ (см. его *Замѣч.* стр. 9). Созвучіе двухъ словъ, наименованій или собственныхъ именъ, принадлежащихъ двумъ хотя бы и родственнымъ языкамъ, не можетъ служить доказательствомъ заимствованія одного языка у другаго. Иначе г. Паткановъ, руководимый глубокимъ знаніемъ законовъ филологіи вообще и армянскаго языка въ частности, не призадумался
бы учить, что армянскія—*патара́г*, պատարագ; *туж*-ел, տուժ-ել; 25
кап-ел, կապտ-ել; *кап*-ел, կապ-ել и пр. тождественны съ русскими—*подарокъ, тужить, коптѣть, копить* и пр. и заимствованы изъ этого послѣдняго языка.

Далѣе говоря объ армянскомъ словѣ *arév*, արեւ, мы для объясненія его обратились къ зенду и нашли въ немъ *hvaré*, означающее «*солнце*».

Признаемся, мы увлеклись при объясненіи корня этого слова санскритскимъ *ar* въ словѣ *ar-vas*. За это единственно-вѣрное указа-

ніе на невѣрное наше толкованіе мы благодаримъ г. Патканова. Но за симъ нашъ противникъ, расточая удары направо и налѣво безъ разбора, говоритъ:....» г. Эминъ забылъ, что зендскому hvare соотвѣтствуетъ въ санкритскомъ Svar, не имѣющее ничего общаго съ корнемъ ar«...... (см. *Замѣч.* стр. 13). Нѣтъ, мы не забыли, а г. Паткановъ, по привычкѣ, для своихъ разсчетовъ намѣренно игнорируетъ ясно высказанную нами эту мысль; ибо на стр. 25 нашей статьи читатель найдетъ слѣдующее: «къ категоріи этихъ словъ, а именно *arév*, *hvare*, принадлежитъ и санскритское *svar* (отъ *sur*—«блестѣть»), что̀ на языкѣ брахмановъ означаетъ «небо».

На зендское *hvare*, санскритское *svar* и армянское *arèv* мы смотримъ какъ на одно и тоже слово, выражающее одно и тоже представленіе съ тою только разницею, что въ каждомъ изъ трехъ языковъ оно видоизмѣняется по его законамъ: санскритское *s* въ зендѣ перешло въ *h*, въ армянскомъ это придыханіе исчезаетъ, къ тому же происходитъ перестановка буквъ—явленіе весьма обыкновенно въ языкахъ.

26 Между цѣлымъ рядомъ доказательствъ, каковы, между прочимъ, и присутствіе въ Арменіи индійскихъ божествъ, храмовъ и жрецовъ, существовавшихъ въ этой странѣ до начала IV вѣка по Р. Хр., доказательствъ, приведенныхъ въ нашей статьѣ, указывающихъ на исконную связь Арменіи съ древней Индіей, указано и на санскритское слово pur=«городъ,» встрѣчаемое и въ собственныхъ именахъ городовъ древней Арменіи подъ формою *p'or*, *փոր*. У Фавста Византійскаго *փորի փորի* означаетъ «городамъ» (кн. IV, гл. 55, стр. 173). Г. Паткановъ не признаетъ значенія, придаваемаго нами слову *p'or* въ смыслѣ «городъ» и увѣряетъ, что оно чисто армянское слово и означаетъ „*чрево*, *впадина и ущелье.*“ (См. его *Замѣч.* стр. 14).

Мы и не думали доказывать, чтобы слово *p'or*, *փոր*, не было чисто армянское: всѣ наши сближенія и сопоставленія словъ армянскихъ съ зендскими и санскритскими словами и понятіями, ими выражаемыми, имѣли единственную цѣль—показать сродство ихъ между собою, какъ языковъ и представленій народовъ арійскаго происхожденія.

Г. Паткановъ увѣряетъ, что армянское *p'or*, *փոր* означаетъ «чрево»

впадина, ущелье.» — *Чрево*—да, но *впадина*—никогда; ибо *p̔or* служитъ корнемъ глаголу *p̔or*-el, փոր-ել = «рыть,» а потому оно значитъ «рытвина.» Въ значеніи же *ущелье* оно нигдѣ, никогда, ни однимъ писателемъ не употреблено. Приглашаемъ г. профессора доказать свое толкованіе слова *p̔or* примѣрами изъ классическихъ армянскихъ авторовъ; а до того времени мы свое объясненіе назван- 27
наго слова въ приведенныхъ нами собственныхъ именахъ (см. нашу стр. 27—28) считать будемъ единственно вѣрнымъ.

Но всѣ до сихъ поръ указанныя нами погрѣшности въ *Замѣчаніяхъ* г. Патканова ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя увидитъ читатель ниже.

Профессоръ Паткановъ въ злополучный часъ вздумалъ взяться за дѣло. До сихъ поръ, какъ могли замѣтить читатели, онъ вкривь и вкось толковалъ о зендскихъ, санскритскихъ и армянскихъ словахъ.— Въ концѣ своихъ *Замѣчаній* ему захотѣлось показать, что *онъ* можетъ находить ошибки въ переводахъ знатоковъ армянскаго языка, и не только находить ошибки, но и представить свой переводъ даннаго отрывка съ тѣмъ, чтобы бросить новый свѣтъ на пониманіе того, что̀ уже принято учеными спеціалистами. Съ этой цѣлью г. Паткановъ, находя нашъ переводъ невѣрнымъ, рѣшается представить новый переводъ *двухъ стиховъ* изъ отрывка, въ которомъ древнимъ армянскимъ рапсодомъ воспѣвается рожденіе бога Вахàгна. Изъ нижеприведеннаго читатель можетъ судить о вѣрности перевода г. профессора.

На 15 стр. своихъ *Замѣчаній* г. Паткановъ пишетъ: «мы... легенду о Вахагнѣ, сохранившуюся у Моисея Хоренскаго, цитировали по переводу г. Эмина, когда (?!) его переводъ этой легенды невѣрно передаетъ подлинникъ въ двухъ мѣстахъ». Вмѣсто:

«Море разрѣшилось красненькимъ тростникомъ» значится (?!) у М. Хоренскаго:

«И красненькій тростникъ въ Морѣ былъ одержимъ муками». 28

И вмѣсто:

«Изъ пламени выбѣгалъ юноша»

вѣрнѣе было бы (!) перевести:

«И въ пламени бѣгалъ юноша.»

За этимъ переводомъ revu et corrigé на слѣдующей 16 стр. профессоръ Паткановъ торжественно вѣщаетъ: «Вотъ и наглядное доказательство, какъ (?) нельзя довѣрять какимъ-бы (?) то ни было переводамъ и на чужихъ переводахъ основывать собственныя (?) разъисканія, въ особенности когда дѣло идетъ о такихъ вещахъ (?), какъ тѣ или другіе эпитеты, тѣ или другія выраженія, тѣ или другіе эпическіе пріемы и обороты—на чемъ вертятся у г. Эмина всѣ сближенія Вахагна съ Индрою-Vritrahan'омъ Ригъ-Веды. За дѣло должно браться только по мѣрѣ силъ. Не можешь совладать съ нимъ—не берись.»

Дѣйствительно, «за дѣло должно браться только по мѣрѣ силъ. Не можешь совладать съ нимъ—не берись.» А если кто поступаетъ вопреки этому мудрому изреченію, то его постигаетъ великое бѣдствіе въ родѣ того, какое обрушилось на г. Патканова.

Читатель жестоко ошибется, если подумаетъ, что г. Паткановъ представилъ ему переводъ перваго вышеприведеннаго стиха съ армянскаго оригинала: ни чуть не бывало—онъ перевелъ его *съ нѣмецкаго*, да—*съ нѣмецкаго перевода* неизмѣннаго своего благодѣ-
29 теля—Лагарда, который г. Патканова на своихъ плечахъ выноситъ во всѣхъ его учено-филологическо-лингвистическихъ экскурсіяхъ.

Вотъ стихъ въ переводѣ Лагарда.

«geburtswehen hielten im meere auch das rothe rohr. *)»

Армянское слово *éркён*, *երկն*, означающее не просто *муки*, но „*боли при родахъ*, *муки рожденія*, *родильныя скорби*," Лагардъ передаетъ совершенно правильно черезъ *geburts wehen*; нашъ же оріенталистъ пишетъ:

«И красненькій тростникъ въ Морѣ былъ одержимъ *муками*."

Видно г. профессоръ не дошелъ еще до тонкостей древне-армянскаго языка; ибо «муки» и «родильныя муки,» не говоря уже о

---

*) Какъ здѣсь, такъ и предъидущихъ цитатахъ мы удержали правописаніе Лагарда.

томъ, что далеко не одно и тоже выражаютъ понятіе, въ армянскомъ языкѣ отдѣльными словами выражаются.

„За дѣло должно браться только по мѣрѣ силъ. Не можешь совладать съ нимъ—не берисъ.“

Это—промахъ, происходящій просто отъ самонадѣянности и отъ вкоренившейся привычки присвоивать себѣ чужой трудъ, чужую мысль, и при этомъ дойти до увѣренности, что они составляютъ нашу собственность.

Нѣмецкій ученый исполнилъ, какъ съумѣлъ, работу, за которую взялся: буквально передалъ стихъ помянутаго отрывка, хотя и невѣрно понялъ настоящій его смыслъ. Лагарду простительно неточное разумѣніе смысла древняго стиха; но спеціалисту, у котораго 30
такая громадная доза ученаго самолюбія и который такъ ревниво относится къ своей учености?...

Хотя нашъ переводъ и не нуждается въ доказательствѣ въ своей вѣрности, однако не мѣшаетъ заглянуть въ существующіе переводы этого мѣста Исторіи Моисея Хоренскаго; авторитетъ ученыхъ переводчиковъ можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ для г. Патканова и для читателей незнакомыхъ съ армянскимъ языкомъ.

1. Le Vaillant de Florival, совершившій свой переводъ Исторіи Моисея Хоренскаго подъ непосредственнымъ наблюденіемъ венеціанскихъ Мхитаристовъ, переводитъ спорный стихъ такъ:

«dans la mer naquit un roseau rouge (см. стр. 127);

2. безъименный переводчикъ изъ Мхитаристовъ, помѣстившій свой переводъ названной Исторіи въ Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie (см. изд. V. Langlois, vol II., p. 76) передаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Dans la mer naquit un petit roseau vermeil.»

3. Извѣстный французскій арменистъ, покойный V. Langlois, въ своемъ Étude sur les sources de l'Histoire d'Arménie de Moïse de Khoren, p. 357) передаетъ такъ:

«Du sein des eaux naquit
«Un petit roseau vermeil»;

4. Членъ французскаго Института, арменистъ Éd. Dulaurier—учитель г. Патканова, какимъ признаетъ его этотъ послѣдній въ одномъ документѣ—въ статьѣ, написанной имъ на основаніи нашего «Изслѣдованія объ армянскомъ Эпосѣ,» такъ передаетъ помянутый стихъ:

31 «Du sein des eaux naquit un petit roseau vermeil.» (см. его Les Chants populaires de l'Arménie; *Revue des deux mondes*, 1852, p. 244).

Всѣ эти авторитетные ученые передаютъ спорный стихъ такъ, какъ онъ переданъ нами. Онъ другаго смысла не имѣетъ и не можетъ имѣть; ибо будучи переведенъ, какъ переводитъ его Лагардъ, а за нимъ и г. Паткановъ, онъ теряетъ всякую связь съ предыдущими и послѣдующими стихами.

Всѣ вышеприведенныя цитаты относятся скорѣе къ доказательству невѣрности перевода Лагарда, который ввелъ въ заблужденіе г. Патканова; по адресу же нашего оріенталиста мы назначаемъ только два слѣдующія указанія на грубые промахи, имъ данные: *a*) незнаніе собственнаго значенія армян. слова *éркён*, երկն; *b*) незнаніе и невѣрный переводъ нѣмецкаго слова *Geburtswehen* черезъ *„муки“*.

Но вотъ наконецъ г. Патканову захотѣлось сбросить съ себя путы, надѣтыя на него нѣмецкими авторитетами, и отвергая нашъ переводъ, якобы неточный, а именно:

„Изъ пламени выбѣгаетъ юноша“,

предлагаетъ замѣнить его своимъ *замѣчательнымъ по куріозности* переводомъ:

«А *въ пламени бѣгалъ* юноша».

Отъ души жалѣемъ, что г. Паткановъ и въ этомъ случаѣ не остался вѣренъ своему ментору Лагарду, какъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ филологическихъ своихъ блужданій; быть можетъ, онъ избѣгъ бы тогда опасности очутиться между Сциллой и Харибдой, ко-
32 торыя окончательно разбиваютъ колосальную его репутацію великаго филолога русской земли.

Чтобы понять всю жалкую несостоятельность перевода г. профессора, необходимо привести здѣсь этотъ стихъ въ подлинникѣ и за-

тѣмъ сличить его съ переводомъ г. Патканова. Слѣдуетъ замѣтить, что стихъ этотъ самый простой и естественный по грамматической своей структурѣ, и не представляетъ ни малѣйшей трудности. Вотъ онъ:

«ев и боцо́й'н патанекик вазе́р».

Եւ 'ի բոցոյն պատանեկին վազեր.

Въ подлинникѣ стихъ, *вопервыхъ*, начинается союзомъ — *ев*, *եւ* что̀ значитъ *и*, а не *а*, что̀ далеко не одно и тоже;

вовторыхъ, армянское *и*, *'ի* есть предлогъ, измѣняющій свое значеніе, смотря потому, какимъ управляетъ падежомъ; въ этомъ же стихѣ онъ стоитъ съ родительнымъ и значитъ *изъ*, а не *въ*, какъ передаетъ г. Патканов и такимъ образомъ даетъ грубѣйшій промахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ;

втретьихъ, боцо́й'н, *բոցոյն*—родительный падежъ отъ слова боц, *բոց* = «пламя», и значитъ «пламени»; поэтому «и боцо́й'н» *'ի բոցոյն* значитъ «изъ пламени». Замѣтимъ, что предлогъ *и* *'ի* съ родительнымъ образуетъ въ армянскомъ языкѣ, между прочимъ, такъ называемый падежъ *бацаракáн*. *բացառական*, лат. *ablativus*; а потому смѣшивать этотъ падежъ съ другимъ *нергойакáн* *ներգոյական*
падежомъ, соотвѣтствующимъ русскому *предложному*, есть верхъ 33
незнанія. Къ тому же армянскій предложный падежъ не во всѣхъ склоненіяхъ одинаково образуется, и слово «боц» *բոց* именно одно изъ тѣхъ словъ, которое особое имѣетъ образованіе; ибо его предложный падежъ никакъ не можетъ быть «и боцо́й», *'ի բոցոյ*; а какъ?—пусть догадается, если можетъ, г. профессоръ;

вчетвертыхъ, такъ какъ «и боцо́й'», *'ի բոցոյն*, значитъ «изъ пламени», то и понятно—почему мы и вышепоименованные переводчики этого стиха передали его черезъ *„изъ пламени“*, а не *„въ пламени“*, и почему мы всѣ

впятыхъ, глаголъ «вазёр», *վազեր* перевели черезъ *„выбѣгалъ“*, а не *„бѣгалъ“*.

Стихъ армянскій состоитъ изъ *пяти* словъ; г. Патканов въ переводѣ его на русскій языкъ сдѣлалъ *пять ошибокъ!!*....

Что̀ бы г. профессору и тутъ держаться Лагарда и перевести предательскій этотъ стихъ съ перевода послѣдняго: вѣдь, было бы безопаснѣе; ибо нѣмецкій оріенталистъ переводитъ вѣрно:

«Und *aus der flamme* fuhr ein kleiner jüngling» (p. 293, стр. 22).

Другіе переводчики передаютъ такъ же, какъ мы:

1. Le Vaillant de Florival:

«Et *de cette flamme* s'élançait un jeune homme»

2. Безъименный переводчикъ изъ Мхитаристовъ въ Collection des historiens etc.

„*De cette flamme* s'élançait un jeune (?) enfant».

34 3. Victoir Langlois:

„*De cette flamme* s'élançait un petit enfant».

4. Наконецъ самъ учитель профессора Патканова, Éd. Dulaurier:

„*De cette flamme* s'élançait un petit enfant».

Опровергать всѣ quasi—ученыя несообразности въ *Замѣчаніяхъ* нашего противника мы считаемъ безполезнымъ дѣломъ. Пріятно вести бесѣду съ ученымъ, у котораго можно научиться чему-нибудь; но непростительно терять время въ препирательствѣ съ человѣкомъ, въ высшей степени неразборчивымъ на средства, употребляемыя имъ въ ученомъ спорѣ.

Г. Паткановъ въ *Замѣчаніяхъ* своихъ приписываетъ намъ выраженія, которыхъ вовсе нѣтъ въ нашей статьѣ и въ искаженномъ видѣ цитуетъ мѣста, которыя дѣйствительно находятся въ нашей статьѣ.

Вотъ тому доказательства:

1. На 5 стр. его *Замѣчаній* читаемъ: «Какъ же назвать послѣ этого инсинуацію г. Эмина относительно обращенія мною „*въ мою пользу*“ брошенной мимоходомъ замѣтки Виндишмана!» ... Приглашаемъ г. Патканова указать въ нашей статьѣ выраженіе, поставленное въ кавычкахъ.

2. На 8 стр. тѣхъ же *Замѣчаній* нашъ противникъ приводитъ слѣдующее мѣсто, заключенное въ кавычкахъ, будто-бы заимствованное изъ нашей статьи: «Изъ зендскаго Vahista, говоритъ онъ (г. Эминъ), происходитъ армянское *vest*—«мужественный,» „божественный“ а отъ слова vest другое армянское слово vĕstah—«смѣлый.»

35 Просимъ г. Патканова указать мѣсто въ нашей статьѣ въ этихъ же самыхъ выраженіяхъ.

3. На 6 стр. нашей статьи мы сказали: «Еще въ 1864 г. въ нашемъ *Очеркѣ религіи языческихъ армянъ* (стр· 53—56) мы слегка коснулись сказаній о Вахагнѣ. Съ тѣхъ поръ взглядъ нашъ на это лице значительно измѣнился вслѣдствіе болѣе близкаго изученія источниковъ, *въ которыхъ упоминается объ немъ*".

Оріенталистамъ-спеціалистамъ извѣстно, вѣроятно и г. Патканову, что ни въ зороастровыхъ книгахъ, ни въ Риг-Ведѣ и другихъ священныхъ книгахъ индійцевъ *не упоминается* объ армянскомъ Вахагнѣ. Поэтому слова: „*близкое изученіе источниковъ,*" употребленныя нами, могли относиться *только* къ армянскимъ источникамъ, что дѣйствительно мы и разумѣли.

Что же дѣлаетъ г. Паткановъ?—Этимъ нашимъ словамъ, яснымъ какъ день, онъ приписываетъ значеніе по своему произволу, а именно подъ ними онъ разумѣетъ «изученіе источниковъ зендскихъ и санскритскихъ въ *подлинникахъ*", чего у насъ и въ мысляхъ не было. Затѣмъ, онъ начинаетъ глумиться надъ собственнымъ вымысломъ, и потомъ какъ бы чувствуя неумѣстность полета своего воображенія, останавливаетъ свои порывы слѣдующими словами: „*за этою дисгрессіею,*" возвратимся къ его объясненію происхожденія арм. arev»... (см. тамъ же стр. 11—12).

Мы сказали свое послѣднее слово. Мы покончили свои счеты съ г. Паткановымъ; не считаемъ себя болѣе въ долгу у него, и объявляемъ ему, что мы въ другой разъ не возвратимся къ этимъ мелочамъ. Отнынѣ г. Паткановъ можетъ писать о предметѣ опромет- 36
чиво возбужденнаго имъ спора, что́ и сколько ему будетъ угодно. Затѣмъ мы удерживаемъ за собой—указывать на степень самостоятельности или несамостоятельности будущихъ изслѣдованій г. Патканова по части древне-армянскаго языка, армянской археологіи и въ особенности армянской миѳологіи.

Мы вынуждены были прервать наконецъ молчаніе и тѣмъ исполнить свой долгъ передъ ученой нашей публикой и преимущественно передъ нашими оріенталистами, давъ имъ критеріумъ для оріентальной эрудиціи нашего ученаго.

V.

Арія и Анарія*).

238 *Арикъ* и *Анарикъ*, *Արիք* и *Անարիք*, *Арія* и *Анарія*.—Послѣ Анкетиля въ его переводѣ зендскихъ книгъ и Сильвестра-де-Саси въ его Мемоарахъ о надписяхъ и памятникахъ Нахши-Ростама и о Сасанидскихъ медаляхъ (см. въ его Mémoires sur diverses antiquités de la Perse), Сен-Мартенъ въ свою очередь обратилъ вниманіе на слова: *Арія* и *Анарія* въ своихъ «Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, Paris, 1818, t. I, pp. 268—278», гдѣ онъ доказываетъ, что названіе *Арменія* встрѣчается въ зендскихъ книгахъ, приписываемыхъ Зороастру, съ правописаніемъ нѣсколько измѣненнымъ по духу зендскаго языка. По увѣренію ученаго француза въ этихъ твореніяхъ слово *Арменія* въ Виспередѣ является подъ формою *Эеріемено*, въ Изешне — *Эеріемена*, въ Вендидадѣ —*Эеріеменае*. Объ этой странѣ Зороастръ постоянно отзывается съ величайшими похвалами, называя ее *святою*, *чистою*, *могущественною* во-первыхъ потому, что она была его родиной; во—вторыхъ, что она первая приняла его ученіе, а въ третьихъ потому еще, что въ вышеупомянутыхъ зендскихъ книгахъ неоднократно встрѣчаются названія рѣкъ: Аракса (—Воораказшо) и Кура (—Керо) и города Ур-

---

*) [Напечатано въ русскомъ переводѣ Исторіи Степаноса Асохика (1864) въ отдѣлѣ приложеній (9-е), стр. 238—244. *Г. Х.*].

міи (—Аеріама), что по видимому, говоритъ Сен-Мартенъ, имѣетъ нѣкоторую связь съ названіемъ *Арменія*. *Аиранъ*, встрѣчаемое также въ зендскихъ книгахъ, означаетъ часть Арменіи, лежащую на сѣверѣ отъ Аракса и нынѣ извѣстную подъ именемъ *Арана* (Карабахъ), входившаго въ составъ Эеріемено, т. е. Арменіи. Страну Аранъ Зороастръ постоянно называетъ *ваэджо* т. е. *чистою* потому вѣроятно, что она служила колыбелью его ученія.

На основаніи различныхъ преданій, сохранившихся въ книгахъ послѣдователей Зороастра, Сен-Мартенъ полагаетъ, что парсійскій народъ получилъ свое начало въ Арменіи, въ Аранѣ, въ Атерпатаканѣ (Адербейджанъ) и въ смежной съ нимъ части Мидіи; ибо первоначально эти страны не были заняты Армянами, которые поселились въ нихъ только въ послѣдствіи. *Аеріано ваэджо*, *Иранъ вэдж* или *Иранъ чистый* *) по Вендидаду былъ первою страною, создан- 239
ною на землѣ и впервые населенною. Здѣсь то жили первые парсійскіе цари и древнѣйшій законодатель Хеомо, явившійся много прежде Зороастра. Отсюда-то Джемшидъ вывелъ колоніи, которыми населилъ южную Мидію, Парсію, Седжестанъ и остальную часть Ирана. Вмѣстѣ съ своимъ ученіемъ Зороастръ вѣроятно распространилъ и названіе своего отечества до предѣловъ Индіи и земли Турановъ. Страбонъ и Плиній подъ именемъ *Аріана* разумѣли вообще всѣ

---

*) Въ первомъ Фэргарѣ Вендидада первоначальное мѣстожительство Парсовъ, откуда началось ихъ переселеніе, названо *Аиріанем ваэджо*, что Prichard въ своемъ Natural History of man (London, 1843, p. 165) переводитъ не черезъ *Иранъ чистый*, какъ Сен-Мартенъ, но черезъ «the source or native land of Arians», т. е. *источникъ или родина Арійцевъ* (см. также Max Müller'a Languages of the Seat of war; 2-nd edit., London, 1855, p. 29, примѣч.) Проф. Коссовичъ, слѣдуя Лассену, слово *ваэджо* объясняетъ черезъ *сѣмя*, откуда выводитъ понятіе *разсадникъ* и наконецъ *земля;* и потому выраженіе *аиріанем ваэджо*, по его мнѣнію, должно значить: *земля, населенная Аиріами* (см. его Четыре статьи изъ Зендавесты. СПБ. 1861. Предисловіе, стр. XXII). Въ своихъ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, bearbeitet von C. Böttger, Leipzig, 1863, p. 200 и далѣе, Max Müller выраженіе Airyanem vaêjô переводитъ также черезъ «Arianum semen».

провинціи, простиравшіяся отъ Бактріаны на сѣверѣ и отъ Парсіи на югѣ до Индіи и до самаго моря. Кромѣ этого древніе знали также страну *Арія*, заключавшуюся въ нынѣшнемъ городѣ Гератѣ. Со времени вступленія Сасанидовъ на престолъ Парсіи названіе *Иранъ* стало означать всю эту страну вообще. Ардеширъ Бабеканъ принялъ титулъ: «малкан малка аиран,» т. е. *царь царей Ирана*, а сынъ его Шапуръ и преемники прибавили къ этому титлу и слово *Аниран*, означающее *то что не есть Иранъ;* и потому они назывались: «малка́н малка́ Аира́н ве Аниран,» т. е. *царями царей Ирана и Анирана.*

Такимъ образомъ исторически опредѣливъ перенесеніе имени *Арменія* первоначальнаго жилища Зороастра и его послѣдователей, на Иранъ, т. е. на собственную Парсію, Сен-Мартенъ переходитъ къ слову *Арик'ъ* Արիք, подъ которымъ армянскіе писатели разумѣютъ Парсовъ и которое должно быть, полагаетъ онъ, одного происхожденія, съ Ираномъ. Онъ думаетъ: такъ какъ Мидяне въ древнѣйшія времена назывались Арійцами, Arii; то вѣроятно, что Армяне дали
240 всей Парсіи имя этого могущественнаго народа, жившаго въ ихъ сосѣдствѣ и завоевавшаго эту страну, вслѣдствіе чего они стали называть Парсовъ *Ари*, Արի означающее по армянски *сильный*, *крѣпкій, храбрый*. Сен-Мартенъ заключаетъ свое разсужденіе приведеніемъ зендскаго слова *аеріао*, которое онъ объясняетъ также черезъ *сильный*, желая тѣмъ доказать его тожественность съ армянскимъ *ари*.—Это онъ писалъ въ 1818 году,

Послѣ Сен-Мартена изученіе языка священныхъ книгъ, приписываемыхъ Зороастру, сдѣлало большіе успѣхи. Знаменитый Ев. Бюрнуфъ въ своемъ Commentaire sur le Yaçna слово *Эеріемено*, подъ формою котораго Сен-Мартенъ видѣлъ *Арменію*, читаетъ *Аиріаман* и говоритъ что, несмотря на стараніе Анкетиля и послѣдующихъ за нимъ ученыхъ (разумѣя въ ихъ числѣ и Сен-Мартена), думавшихъ видѣть въ зендскомъ *Аиріаман'ѣ* слово, означающее городъ *Урмія*—отечество Зороастра и самую Арменію, представляющую собою будто-бы неоспоримое сходство съ *Аиріаман*'омъ — во всѣхъ мѣстахъ текста Ясны, гдѣ употребляется *Аиріаман*, оно никогда не имѣетъ значенія: *городъ* или *страна*. Бюрнуфъ не отрицаетъ

того, чтобы *Айріаман* не имѣло никакого отношенія къ слову *Арменія*, но только положительно утверждаетъ, что до сихъ поръ ни въ одномъ зендскомъ текстѣ онъ не встрѣчалъ мѣста, гдѣ авторъ, употребляя слово *Айріаман*, разумѣлъ подъ нимъ Арменію. Неріозенгъ переводитъ это слово то черезъ *господинъ*, то черезъ *порядокъ*. Оба послѣднія слова не выражаютъ, какъ можетъ видѣть читатель, понятія: *городъ* или *страна* (см. также Notes et éclaircissements, p. cvij).

Ясно, что стараніе Сен-Мартена объяснить происхожденіе слова *Арія* черезъ *Аеріемено*, не имѣя вѣрнаго основанія, разрѣшается ничѣмъ. Даже толкованіе, которое онъ даетъ слову *аеріао* (Бюрнуфъ читаетъ *айріао*), а именно: *сильный*, также оказывается невѣрнымъ; ибо по мнѣнію послѣдняго *айріао* есть винительный падежъ множественнаго числа женскаго рода слова *айріа* (Aria древнихъ) и означаетъ *превосходный* (см. также, стр. lxxviij).

Слѣдуя тому же ученому, мы придемъ къ заключенію, что *Айріа* должно значить, *страна превосходныхъ людей*, людей *благородныхъ*, обитаемая племенемъ Арійцевъ—Aria, c'est-à-dire *le pays habité* par la race des Arya, ou *des «hommes nobles»* (также стр. cv, примѣч. 66).

Максъ Миллеръ увѣряетъ, что на позднѣйшемъ санскритѣ слово: 241
Arya, значитъ «благородный», adelig, «изъ хорошаго семейства», von guter Familie; что въ догматической литературѣ ведаическаго періода arya употребляется, когда рѣчь идетъ о трехъ первыхъ кастахъ индійскихъ (см. его Die Wissenschaft der Sprache, p. 200).

Профессоръ Коссовичъ на основаніи толкованій Лассена и Боппа объясняетъ слово: *Айріа* черезъ a) venerandus, *досточтимый* и b) *вѣрный*, *преданный*. Отсюда онъ выводитъ, что *Айріана* значитъ: *принадлежащій почтеннымъ*, *населенный почтенными* (см. его Четыре Статьи изъ Зендав. VII, стр. 99 и Предисл. стр. XXII).

Читатель ясно видитъ, что всѣ эти толкованія, имѣя въ своемъ основаніи нѣчто общее въ частностяхъ, а именно, въ пониманіи значенія вышеприведенныхъ зендскихъ словъ, значительно расходятся между собою. Чтобы согласить эти противорѣчія, я считаю не лишнимъ обратиться къ языку армянскому, который, будучи въ сродствѣ съ зендомъ и санскритомъ, можетъ придти намъ на по-

мощь въ этомъ случаѣ. Въ немъ слово: *ари*, *արի* въ состояніи бросить значительный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Хотя Сен-Мартенъ и зналъ о существованіи этого слова, однако онъ не извлекъ изъ него тѣхъ результатовъ, какихъ мы въ правѣ были-бъ ожидать отъ него. Но что бы то ни было, снова возвращаясь къ упомянутому слову: *ари*, скажемъ прежде всего, что оно—прилагательное, образовавшееся изъ существительнаго *айр*, *այր*, «мужъ», и означаетъ: *мужественный*, (напр. *զինուոր արի*, «мужественный воинъ»), *ретивый* (напр. *նիզակ արի*, «ретивое копье»; см. у М. Хорен. кн. I, гл. XI). Что оно въ сродствѣ съ зендскимъ и санскритскимъ *vira* (—heros, J. Grimm, Deutsche Mythologie, cap. XV, p. 316), съ латин. *vir* и готскимъ *vair*, означающимъ *мужъ* по преимуществу, vir fortis, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Разъ допустивши это сродство, намъ нетрудно будетъ добраться до точнаго значенія зендскаго *Airya*, Aria древнихъ западныхъ писателей, и армянскаго *арик'*, *արիք*.

Слѣдуетъ замѣтить, что множественная форма слова «ари», а именно *арик'* *արիք*, кромѣ того, что означаетъ *мужественные*, по духу армянскаго языка выражаетъ также понятія: *мѣстожительство*, *страна*, *родина*. И дѣйствительно, множественная форма существительныхъ и прилагательныхъ нерѣдко въ этомъ языкѣ имѣ-
242 етъ подобную силу. Просимъ читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующіе примѣры, которые вполнѣ убѣдятъ его въ сказанномъ нами. Въ армянскомъ языкѣ *Парс*, *Պարս*, значитъ «Персъ, Персіянинъ», между тѣмъ какъ множественная форма его: *Парск'* *Պարսք*, значитъ и *Персы* и *страна Парсовъ: Парсія.—Хай*, *Հայ*, значитъ «Армянинъ и армянскій», а множественное *Хайк'*, *Հայք*, значитъ *Армяне* и въ тожъ время *Арменія.—Ах'ванк'* *Աղուանք* значитъ и *Ах'ваны* и *Ах'ванія*, (Албанія азіатская).—*Асори* *ասորի*, значитъ «Сирянинъ», *Асорик'* *Ասորիք* *Сирія* и т. д. На основаніи этого общаго правила изъ слова *ари*—«мужественный», образовалось множественное *арик'* *) — «мужественные», которое въ тоже время

---

*) Академикъ Куникъ (Analyse d'un ouvrage manuscrit, intitulé Die Ssabier... von Dr. Joseph Chwolsohn въ Mélanges asiatiques, t. I, 5-me et dernière

значить: *страна Арійцевъ*, т. е. *людей мужественныхъ*, *людей по преимуществу*.

Отсюда ясно, что если Аріа, Арик', значитъ «страна Арійцевъ, 243
т. е. людей мужественныхъ, людей по преимуществу»; то *Ан-аріа*, *Ан-арик'*, *Անարիք* должно значить: «*страна не-Арійцевъ*, т. е. людей *чудовищныхъ* (*անարի սկայ*, анари ска—«чудовищный исполинъ»; см. у М. Хорен. кн. III, гл. IX), *безобразныхъ*, *дикихъ*». Кромѣ этой

---

livraison, St.-Pétersbourg, 1852, p. 622) на основаніи мнѣнія Сен-Мартена и другихъ арменистовъ увѣряетъ, что армянское *прилагательное*: *ари*, происходитъ отъ *собственнаго имени*: *арик'* подъ которымъ средневѣковые армянскіе писатели разумѣли *Мидянъ* (Les Mèdes... portent encore chez les auteurs arméniens du moyen âge le nom Ari (единственная форма этого слова въ армянскомъ языкѣ никогда не означала: ‹Арійцы или Мидяне›) et Arik'h (— ârya et Aryaka, d'aprés M. Lassen, 7), dont on fait dériver l'adj. arménien ari—fort, vaillant›...).—Выше мы показали, какимъ образомъ образовалось названіе *Арик'*; что же касается *прилагательнаго ари*, то оно, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ *существительнаго* ‹*айр*›—‹мужъ›, которое, какъ коренное армянское слово, находящееся въ сродствѣ съ зендскимъ и санскритскимъ *вира*, даетъ отъ себя начало множеству словъ въ этомъ языкѣ. Ибо отъ *айр* происходитъ, кромѣ *ари* — ‹мужественный›, также: *ар*утьюн, *արութիւն* — ‹мужество›; — *айр*анам, *այրանամ* — „сдѣлаться совершеннолѣтнимъ“, т. е. мужемъ; — *зайр*анам, *զայրանամ*—„гнѣваться“, т. е. въ пылу принимать всѣ качества мужа; далѣе *айри*, *այրի* — „вдова“, т. е. женщина лишившаяся мужа; — *айр*утьюн *այրութիւն* — „вдовство“. Наконецъ род. пад. слова: *айр*, *այր*, будетъ *арêн առն*, отъ котораго происходятъ: прилаг. *ар*ак'ини, *առաքինի* 1. а) мужественный; b) доблестный; c) добродѣтельный; 2. существ. *ар*акинутьюн, *առաքինութիւն* — а) мужество (virtus въ первоначальномъ его значеніи; b) доблесть, c) добродѣтель; 3. глаг. *ар*ак'инанам, *առաքինանամ*, ‹совершать доблести› и пр. Эти примѣры приводятъ къ заключенію, что не отъ Arik'h произошло *прилагат. ари*, но наоборотъ.

Что касается до слова *арак'іал*, *առաքեալ* (тамъ же), которое г. Куникъ причисляетъ къ разряду вышеприведенныхъ нами словъ, то мы въ этомъ никакъ не можемъ согласиться съ ученымъ академикомъ; ибо оно, какъ причастіе прошед. времени, происходитъ отъ глагола: *арак'ем*, *առաքեմ* — ‹посылаю› и значитъ: *посланный* (апостолъ), и ничего болѣе. Трудно рѣшиться найдти соотношеніе между словами: *арак'іал* съ одной стороны, и *арак'ини*, *ари* или *айр*—съ другой.

общеупотребительной формы — Арик' и Ан-арик' — у армянскихъ писателей мы встрѣчаемъ еще другую форму, выражающую тоже понятіе, а именно: *Ерáн* и *тан-Ерáн*, *Երան* и *Տաներան*. Читатель вѣроятно съ перваго же взгляда узнаетъ въ армянскомъ *Еран*'ѣ парсійское *Иранъ*, чтó еще до начала III вѣка по Р. Х. было въ употребленіи въ Парсіи, какъ общее названіе этой страны. Еранъ или Иранъ,—у Моисея Хоренскаго *Еран-а-çтáн*, *Երանաստան*—есть названіе *мѣстожительства*, *родины Ерановъ*, т. е. Иранцевъ, Арійцевъ (см. его Геогр.). Что же касается *Тан-Ерана*, то эта форма, кажется, просто образовалась въ одно и то же время подъ вліяніемъ двухъ парсійскихъ формъ: древней *ан*-арія и новой—*ту*-ран (ту-Иран). Обѣ начальныя частицы словъ: *ан*-арія и *ту*-ран, удержаны въ армянскомъ *т-ан*-Еранѣ, которое и есть *Туранъ* или *Ту-Иранъ* парсійскихъ писателей, разумѣвшихъ подъ нимъ: *всѣ народы не-иранскаго происхожденія* *).

Объясненіе, которое академикъ Броссе **) даетъ слову — *Тан-Еранъ*, полагая видѣть въ немъ двойное отрицаніе, кажется мнѣ не совсѣмъ удовлетворительнымъ, потому что въ армянскомъ языкѣ мы не встрѣчаемъ ни одного слова, въ которомъ двойное отрицаніе образовалось бы черезъ *т* и *ан*,*ո* и *ան*, въ одно и тó же время. Къ тому же двойное отрицаніе въ одномъ и томъ же словѣ даетъ въ армянскомъ языкѣ не отрицаніе, но напротивъ—утвержденіе. Такъ наприм. слово *ох'дж*, *ողջ*, означающее *цѣлый*, принимая
243 префиксъ *б*, *բ*, образуетъ изъ себя *б-ох'дж*, *բողջ*, означающее *не-цѣлый*; съ прибавленіемъ второй отрицательной частицы *ан*, *ան*, къ отрицательному префиксу *б*, *բ*, образуется *ан-б-ох'дж*, *ան-բ-ողջ*, которое имѣетъ уже силу утвержденія и означаетъ *не*-нецѣлый, т. е. *цѣлый* (*ողջախոհ*, *բողջախոհ*, *բղջախոհ*).

---

*) По мнѣнію Max'a Müller'a, корнемъ слову *Туран* служитъ *тура*, чтò значитъ „быстрота всадника“. Арійцы, какъ народъ земледѣльческій въ противоположность себѣ называли *Туранами* Скиѳовъ—номадовъ (см. тамъ же стр. 201 –244).

**) См. его Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie, Addit III, p. 93, note 2.

VI.

Еврейскіе переселенцы въ древней Арменіи *).

Съ древнѣйшихъ временъ начинаютъ являться въ Арменіи переселенцы разныхъ національностей,—одни добровольно, другіе вынужденно, какъ военноплѣнные. Страны, изъ которыхъ они выходили или приводились, были, по указанію исторіи: Финикія, Ассирія, Палестина, Мидія, Индія, Китай, земля Булгаровъ, земля Алановъ, Касповъ и др. Къ сожалѣнію, мѣстожительство не всѣхъ этихъ національностей съ точностію опредѣляетъ исторія, а только нѣкоторыхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ мары или мидійцы, евреи и индійцы. О первыхъ подробно говоритъ древній армянскій эпосъ, о вторыхъ — Фавстъ византійскій, писатель IV вѣка, и Моисей Хоренскій, о третьихъ—сиріянъ Зенобъ Глакъ, IV вѣка. Указаніе исторіи на мѣста водворенія подобныхъ пришельцевъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, важное значеніе для археолога: оно можетъ служить ему руководящею нитью при изслѣдованіи почвы, на которой жили эти переселенцы и въ которой оставили слѣды. Къ тому же, такое ука- 100

*) [Замѣтка эта была прочитана въ Археологическомъ Обществѣ, на шестомъ засѣданіи Московскаго подготовительнаго комитета къ V арх. съѣзду, 20-го декабря 1879 года, и напечатана въ 1880 г. въ VIII Т. Трудовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ протоколахъ подготовительнаго комитета пятаго археол. Съѣзда въ Тифлисѣ, какъ приложеніе А., стр. 100—103, in. 4°. *Г. Х.*].

заніе облегчаетъ для него опредѣленіе характера и происхожденія открываемыхъ памятниковъ, принадлежащихъ тому или другому народу. Съ этой цѣлью и составлена наша записка. На этотъ разъ мы приведемъ свѣдѣнія объ еврейскихъ военноплѣнныхъ, поселенныхъ въ городахъ древней Арменіи, предоставляя себѣ поговорить о мидійскихъ и индійскихъ выходцахъ въ другое время.

За 600 лѣтъ до Р. Х. мы встрѣчаемъ въ Арменіи еврейскихъ переселенцевъ. Во главѣ ихъ, по увѣренію Маръ-Абаса (150 л. до Р. Х.), находился Шамбатъ, одинъ изъ числа знатныхъ евреевъ, отведенныхъ Навуходоносоромъ въ Вавилонъ. Отсюда со всѣми своими домочадцами приходитъ онъ въ Арменію, во время господства въ этой странѣ Храчья, изъ династіи Хайка. Властитель Арменіи принимаетъ Шамбáта съ большими почестями и жалуетъ ему земли въ потомственное владѣніе. Послѣ этого перваго извѣстія объ еврей-
101 скихъ колонистахъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ исторія ничего не говоритъ ни о Шамбáтѣ, ни объ его потомкахъ, ни о томъ, какая судьба постигла ихъ въ новомъ ихъ отечествѣ, до самаго прекращенія династіи Хайкидовъ и вступленія на престолъ Арменіи пареянина Вахаршака, основателя въ ней аршакидской династіи, въ 150 г. до Р. Х.—Въ эту эпоху Вахаршакъ, при водвореніи въ новомъ своемъ царствѣ новыхъ порядковъ и въ особенности новаго политическаго устройства, останавливаетъ свое вниманіе, между прочимъ, на Багарáтѣ, изъ потомковъ Шамбата, возводитъ его въ достоинство нахарара (сатрапа), съ наслѣдственнымъ правомъ вѣнценалагателя и аспéта. Право это остается въ родѣ Багарáта до прекращенія аршакидской династіи, въ 433 г. по Р. Х. Во все время существованія послѣдней, аспéты изъ рода Багарáта, по дарованному имъ праву, возлагали корону на царей-Аршакидовъ,, при вступленіи послѣднихъ на престолъ. Коронованіе получало санкцію только по совершеніи этого политическаго обряда, общаго армянскимъ и парсійскимъ Аршакидамъ. Важность значенія его доказывается еще тѣмъ, что онъ соблюдался даже въ византійской имперіи нѣкоторыми изъ Армянскихъ аршакидовъ, при вступленіи ихъ на императорскій престолъ, въ IX—XI в.—Этотъ обрядъ былъ извѣстенъ и Плутарху, который говоритъ, что полководецъ пареянскаго царя Артавазда,

Суренъ, владѣлъ наслѣдственнымъ правомъ возлагать діадиму на парѳянскихъ царей при восшествіи ихъ на престолъ (см. Крассъ).

Въ 885 году по Р. Х. родъ Багратуни, ознаменовавшій себя великими заслугами и подвигами, возведенъ на престолъ армянскій въ лицѣ Ашота I. Династія эта прекращается въ 1079 году, но родъ Багратидовъ продолжаетъ до сихъ поръ свое существованіе въ армянскихъ Багратуни и въ грузинскихъ Багратіонахъ.

За этими переселенцами исторія указываетъ на массу евреевъ, приведенныхъ въ Арменію военноплѣнными въ царствованіе великаго воителя Тиграна II (съ 89 по 55 г. до Р. Х.). Это случилось послѣ войны армянъ противъ Аристовула, поддерживаемаго первосвященникомъ Гирканомъ, сыномъ Александра. Евреи эти, вмѣстѣ съ ихъ первосвященникомъ, были приведены въ Арменію и поселены въ городахъ и селеніяхъ разныхъ провинцій армянскихъ. Моисей Хоренскій, указывая на города Армавиръ, Ванъ и селеніе Вардгѐсъ (нынѣшній Вахаршапатъ), какъ на мѣста водворенія плѣнныхъ, ничего не говоритъ объ ихъ численности. Этотъ пробѣлъ восполняетъ греческій историкъ IV вѣка Фавстъ византійскій, въ своей исторіи Арменіи, описывая ожесточенную войну парсійскаго царя Шапуха (Сапора) противъ Аршака III, въ половинѣ IV вѣка. Одержавъ верхъ надъ армянами, парсы предаютъ разоренію города, населенные преимущественно евреями. Фавстъ подробно перечисляетъ эти города, 102
съ указаніемъ, сколько изъ каждаго города выведено было и отведено въ плѣнъ еврейскихъ семействъ. Такъ изъ Арташата *) Шапухъ выводитъ 9000 семействъ, изъ Еруандашата **) 30000, изъ Зарех-авана ***) 8000, изъ Заришата ****) 14000, изъ Вана 18000, изъ Нахичевана (древняго) 16000,—всего 95000 семействъ. Фавстъ византійскій, указавъ на это огромное число евреевъ, выведенныхъ парсами изъ Арменіи, такъ заключаетъ свои статистическія показанія:

---

*) Развалины его на юго-востокѣ отъ Эривани, на лѣвомъ берегу Аракса, въ недальнемъ разстояніи отъ Эчміадзина.

**) Развалины его при сліяніи Арпачая съ Араксомъ.

***) Недалеко отъ Діадина, на западѣ отъ Баязида.

****) На западъ отъ Карса, при озерѣ Чалдырѣ.

«Toute cette multitude de Juifs que les Perses conduisirent en captivité de l'Armenie, avaient été aménés de la Palestine par le grand roi des arméniens, Tigrane, lors de la captivité du grand prêtre des juifs, Hyrcan, qu'il amena jadis en Arménie. Le grand roi, de son vivant, avait établi tous ces Juifs dans les villes de l'Arménie, que les Perses venaient de devaster et dont les habitants avaient été reduits en captivité. (A ces captifs on avait joint) ceux de tout le pays des Arméniens, c'est-a-dire de plusieurs districts, de plusieurs contrées, de plusieurs cantons, et de plusieurs provinces: tous furent rassemblés dans la ville de Nakhdjavan, où etait le quartier genéral de l' armée perse. Cette ville fut prise également et détruite. On en fit sortir deux mille familles armeniennes et seize mille familles juives, pour les emmener en captivité avec tous les autres».—Livre IV, ch. LX, p. 275.

Изъ послѣднихъ строкъ этого отрывка видно, что Фавстъ не исчерпалъ всѣ мѣстожительства евреевъ въ Арменiи, но что онъ называетъ только тѣ города, изъ которыхъ парсiйскимъ царемъ выведены были евреи. Доказательствомъ этому нашему заключенiю можетъ служить свидѣтельство Моисея Хоренскаго, который говоритъ, что при царѣ Тердатѣ и св. Григорiи Просвѣтителѣ, т. е. въ первыхъ годахъ IV вѣка, были приведены въ Арменiю и поселены въ тогдашней армянской столицѣ, Вахаршапатѣ, евреи; но кѣмъ были приведены, откуда и вслѣдствiе чего именно—не видно.

Впрочемъ, извѣстiя объ еврейскихъ переселенцахъ не ограничиваются вышеприведенными; ибо тотъ же историкъ упоминаетъ объ евреяхъ, переселившихся въ Арменiю не изъ Палестины, а изъ Мидiи. Они извѣстны въ армянской исторiи подъ наименованiемъ Аматуни—слово, означающее «пришельцы» (отъ парсiйскаго амэден—приходить). Это нарицательное имя, принявъ впослѣдствiи древнее армянское фамильное окончанiе уни, превратилось въ собственное имя извѣстнаго въ древней Арменiи нахарарскаго рода. Помимо сви-
103 дѣтельства армянскаго историка, на еврейское происхожденiе рода Аматуни, указываетъ, между прочимъ, и имя Самсонъ, встрѣчаемое у ихъ потомковъ. Предки рода Аматуни выведены были изъ Палестины парѳяниномъ Аршакомъ I, родоначальникомъ парсiйскихъ Ар-

шакидовъ въ началѣ III вѣка до Р. Х. и, по свидѣтельству армянскихъ историковъ, водворены были въ Экбатанѣ (Хамаданъ). Въ Мидіи они назывались Ману. Это послѣднее напоминаетъ собою имя отца Самсона—Маной,—которое, какъ имя національное, удержали экбатанскіе переселенцы. Въ этой странѣ они занимали важныя государственныя должности. Неизвѣстно, что побудило ихъ искать убѣжища въ Арменіи. Статься можетъ, они были вынуждены къ этому вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ мидійцами противъ ихъ вѣры.

Вотъ единственныя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ евреяхъ, добровольно или принужденно поселенныхъ или поселившихся въ древней Арменіи.

VII.

Мидійцы въ древней Арменіи *).

НОВОЕ ТОЛКОВАНІЕ, ДАННОЕ ЖЮЛЕМЪ ОППЕРТОМЪ СЛОВУ „АСТІАГЪ".

3 Въ «Запискѣ объ еврейскихъ переселенцахъ въ древней Арменія» **) было нами указано, между прочимъ, и на мидійскихъ колонистовъ Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о появленіи ихъ въ этой странѣ и о мѣстѣ ихъ водворенія. Указаніе на ихъ мѣстожительство прольетъ, быть можетъ, нѣкоторый свѣтъ на будущія раскопки археологовъ, когда придется имъ вопрошать почву, на которой впродолженіе вѣковъ жили эти переселенцы.

Объ отношеніяхъ Армянъ къ Мидійцамъ ни въ эпоху Тиграна I Хайкида ***) и Кира, ни послѣ не встрѣчаемъ у Геродота и Ктезія никакихъ извѣстій. Не смотря на это, изъ Моисея Хоренскаго мы узнаемъ, что все время царствованія Тиграна занято войною съ Астіагомъ. Армянскій царь въ союзѣ съ Киромъ сокрушаетъ мидій-

*) [Напечатано въ 1882 г. въ Приложеніи къ I вып. IX Т. Древностей Московск. Археол. Общества: Пятый Археол. Съѣздъ въ Тифлисѣ, въ протоколахъ подготовительнаго комитета, стр. 340—348. Были и отдѣльные оттиски, М. 1881, стр. 1—11, in 4⁰ *Г. Х.*].

**) См. „Труды Москов. Археол. Общества, т. 8-й — Пятый Археолог. Съѣздъ, стр. 100.

***) Тигранъ I, изъ династіи Хайка, царств. съ 570 по 530 г. до Р. Х.

ское могущество. Такое мнѣніе, правда, совершенно расходится со взглядомъ грековъ на указанное событіе; тѣмъ не менѣе оно имѣетъ довольно солидную историческую основу, на которую до сихъ поръ не обращено вниманія западными учеными. Основа эта—въ народномъ эпосѣ. Моисей Хоренскій, хорошо знакомый съ Геродотомъ и Діодоромъ сицилійскимъ,—слѣдовательно, и съ ихъ взглядомъ на послѣдніе годы мидійскаго царя,—не смотря на любовь свою ко всему эллинскому, оставляетъ этихъ историковъ въ сторонѣ и весь матеріалъ, относящійся къ борьбѣ двухъ могущественныхъ государей западной Азіи, черпаетъ изъ народнаго эпоса. Въ первой книгѣ своей Исторіи, состоящей изъ 32 главъ, 7 посвящаетъ онъ описанію непріязненныхъ отношеній Тиграна къ Астіагу *), цѣликомъ заимствованному изъ исторической Пѣсни.

Руководимый рапсодами своей страны, онъ, прежде чѣмъ присту- 4
пить къ изображенію борьбы двухъ царей, знакомитъ читателя съ наружнымъ видомъ и съ нравственными качествами Тиграна въ слѣдующихъ гомерическихъ выраженіяхъ: «Много (полезнаго) совершилъ для нашей страны Тигранъ Еруандеанъ **), Тигранъ бѣлокурый, съ завитыми концами волосъ, румяный, красивоглазый, рослый, широкоплечій, бедристый, красивоногій, воздержный въ пищѣ и питьѣ, на пирахъ умѣренный. Онъ владѣлъ своими страстями, былъ краснорѣчивъ и велемудръ во всемъ полезномъ для человѣчества; правосудный и нелицепріятный, онъ на вѣсахъ ума своего взвѣшивалъ поступки каждаго; не завидовалъ лучшимъ мужамъ и не презиралъ простолюдина» ***). За симъ, на основаніи той же Пѣсни рапсодовъ, историкъ такъ продолжаетъ свое повѣствованіе, которое приводимъ здѣсь вкратцѣ, отсылая читателя къ вышеуказаннымъ 7 главамъ Хоренскаго.

---

*) А именно, гл. XXIV—XXX.

**) Еруандеан значитъ—сынъ Еруанда (I); „еан“—патронимическое окончаніе — приставляется къ концу собственнаго имени и означаетъ: сынъ чей-нибудь, или принадлежность къ какому-нибудь роду, какъ греческое Пелидъ, Лаэртидъ.

***) Исторія Моисея Хоренскаго, кн. I, гл. 24, рус. перевода.

Дружба Тиграна съ Киромъ внушала Аждахаку (Астіагу) большія опасенія, которыя усилились у него вслѣдствіе чудеснаго сна: видитъ онъ себя въ землѣ Хайкидовъ *), близъ высокой горы, на вершинѣ которой сидѣла въ пурпуръ одѣтая женщина; она мучилась родами. И видитъ Аждахакъ, что она разрѣшилась тремя совершеннолѣтними героями. Изъ нихъ первый, сѣвъ на льва, устремился къ закату; второй, на леопардѣ, держалъ путь на полночь, а третій, взнуздавъ чудовищнаго дракона, нападалъ на него, на Аждахака. Тѣмъ временемъ, царь стоялъ на кровлѣ своего дворца, гдѣ были его боги, которымъ онъ приносилъ жертвы. Взглянувъ наверхъ, онъ увидалъ, какъ сидѣвшій на драконѣ герой стремительно напалъ на изображенія боговъ и хотѣлъ сокрушить ихъ. Тутъ Аждахакъ бросается между ними и всадникомъ, вступаетъ съ нимъ въ бой и, принимая на себя удары полубога, падаетъ подъ ними.

Вскакиваетъ Аждахакъ со сна. Посреди глубокой ночи сзываетъ совѣтниковъ, разсказываетъ сонъ, который, по его же мнѣнію, предвѣщаетъ недоброе со стороны Тиграна. Для отвращенія угрожающей бѣды, совѣтники предлагаютъ Аждахаку просить себѣ въ жены сестру армянскаго царя—Тигрануи̓, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи обратить ее въ орудіе на гибель Тиграна. «Умная красавица», какъ называетъ ее рапсодъ, по прибытіи во дворецъ Аждахака, тотчасъ поняла намѣреніе царственнаго своего супруга, и потому съ этой минуты не перестаетъ успокоивать его. Съ другой стороны, она,
5 поддерживая тайны сношенія съ братомъ, сообщаетъ ему о замыслахъ Аждахака. Армянскій царь втихомолку начинаетъ готовиться къ бою; собираетъ войска свои и, неожиданно для мидо-парса, вторгается въ его владѣнія. При самомъ началѣ сраженія, Тигранъ поражаетъ его копьемъ и является побѣдителемъ **).

Таковъ, въ немногихъ словахъ, поэтическій разсказъ армянскихъ рапсодовъ о борьбѣ Тиграна съ Астіагомъ. Что онъ, не смотря на эпическій колоритъ, заключаетъ въ себѣ историческую правду, тому доказательствомъ служитъ мидійское плѣненіе, которое встрѣчаемъ

*) Земля Хайкидовъ—Арменія.

**) Перв. кн. Ист. М. Х—скаго, гл. XXIX.

въ Арменіи непосредственно за этой войною. Тигранъ, послѣ одержанной имъ побѣды, отводитъ въ плѣнъ все семейство Астіага: первую жену его, Ануйшъ *), съ сыновьями и дочерьми, и 10 тысячъ мидянъ. Всѣхъ ихъ онъ водворилъ въ селеніяхъ и городахъ араратской провинціи—въ Тамбатѣ, Оскіохѣ, Дажгуйнкѣ, Храмѣ, Джухѣ, Хошакуникѣ **)—по обѣимъ сторонамъ Аракса, на пространствѣ отъ восточной стороны Арарата внизъ по направленію къ юго-востоку до самаго Нахчавана, и отсюда до древняго города Гохтена, т.-е. нынѣшняго Ордубада.—Во вниманіе къ царицѣ Ануйшъ, Тигранъ назначаетъ ей служителей изъ мидійскихъ же плѣнниковъ.

Если отъ этого географическаго указанія перейдемъ къ историческимъ, то увидимъ, что потомки Аждахака, въ лицѣ сыновей его, начиная съ 565 года до Р. Х. по 129 годъ нашей эры, т.-е. впродолженіе безъ малаго 700 лѣтъ, не прозябали на армянской почвѣ, но жили и служили новому своему отечеству, занимая въ немъ видныя государственныя должности. Такъ, въ первой четверти II вѣка по Р. Х., исторія представляетъ намъ одного изъ потомковъ Аждахака на высокомъ посту. Это былъ домовладыка, мидянинъ Аргаванъ ***). Онъ занималъ второе мѣсто въ государствѣ, т.-е. первое послѣ царя; повелѣвалъ, говоритъ историкъ на основаніи тѣхъ же рапсодовъ, многочисленною дружиной копейщиковъ, пользовался большими преимуществами, взысканъ былъ милостями царя: ему дано было право носить діадиму осыпанную яхонтами, серьги въ ушахъ, красную обувь на одной ногѣ, право ѣсть золотой ложкой и вилкой и пить изъ золотой чаши ****), — все это за великія услуги царю 6
Арташесу II (84—127).

---

*) Ануйш—значитъ пріятный, то же что персидское «ширин», которое также употребляется какъ собственное имя и значитъ «сладкій, пріятный».

**) Изъ этихъ городовъ и селеній сохранили свои названія только Нахчаванъ и Джуха. Точное описаніе топографіи остальныхъ городовъ дало бы возможность опредѣлить мѣстность, гдѣ были поселены мидійцы.

***) Историческое имя этого лица—Аргамъ (Моисей Хорен. кн. II, гл. 44 и д.); въ Эпосѣ же онъ постоянно называется Аргава́н'омъ.

****) Моисей Хор. кн. II, гл. 47.

Въ лицѣ своего домовладыки мидійцы пріобрѣли большую силу въ Арменіи. Съ одной стороны это, съ другой—честолюбіе и зависть царевича Артавазда, не могшаго равнодушно смотрѣть на возвышеніе Аргава́на—сдѣлались причиною гибели послѣдняго и всего его рода. Ибо Артаваздъ возстановилъ отца противъ мидянина, увѣряя, что послѣдній злоумышляетъ на жизнь царя и думаетъ захватить власть царскую. Слѣдствіемъ этого было то, что въ теченіе не болѣе какъ двухъ лѣтъ были истреблены сначала сродники Аргавана, потомъ самъ онъ со всѣмъ его семействомъ; дворецъ его преданъ огню и владѣнія конфискованы въ пользу Артавазда *). Таковъ былъ трагическій конецъ потомковъ Астіага въ Арменіи, послѣ семисотлѣтняго ихъ существованія.—Это случилось въ первой четверти II вѣка по Р. Х.

Все вышеизложенное—факты историческіе, которыми до очевидности доказывается водвореніе плѣнныхъ мидійцевъ въ Арменіи и, слѣдовательно, побѣда царя армянскаго надъ Астіагомъ и сокрушеніе мидійскаго могущества Тиграномъ, а не Киромъ.

Для многихъ нашъ выводъ будетъ неожиданностью; но не трудно освоиться съ нимъ, если вспомнить, что не въ одной Персіи временъ Кира, но и въ Арменіи при Тигранѣ Великомъ сложилась не одна легенда объ этихъ царяхъ, какъ и объ Астіагѣ. Мы до сихъ поръ продолжаемъ смотрѣть на разсказъ Геродота какъ на неопровержимую истину, забывая о существованіи другихъ сказаній о персидскомъ царѣ и сосѣднихъ современныхъ ему государяхъ. Галикарнасскій историкъ самъ указываетъ на три сказанія, бывшія въ его время въ ходу въ Персіи, кромѣ четвертаго, сообщеннаго ему «достовѣрными людьми», т. е. персами, которое онъ намъ передаетъ **). Ктезій, къ которому, замѣтимъ мимоходомъ, Діодоръ сицилійскій относится съ довѣріемъ и на котораго ссылается охотно, отзывается съ большимъ неуваженіемъ о разсказѣ Геродота, называя этотъ разсказъ «сказкой, выдумкой», а самого отца исторіи «лжецомъ» ***). Можетъ быть, врачъ Артаксеркса имѣлъ на то уважи-

*) Тамъ же, кн. II, гл. 44, 46, 47, 51.

**) Геродотъ, кн. I, XCV.

***) См. въ Извл. Фотія—Ктезій, гл. I.

тельныя причины, на что не мѣшало бы обратить сколько нибудь вниманія. Какъ человѣкъ, жившій долгое время при персидскомъ дворѣ, знакомый съ персидскимъ языкомъ и непосредственно пользовавшійся царскими архивами, откуда и черпалъ матеріалъ для своей «Персидской Исторіи», — Ктезій долженъ былъ составить не
совсѣмъ выгодное мнѣніе о разсказѣ Геродота, повѣданномъ ему 7
«достовѣрными», по увѣренію послѣдняго, людьми. Нельзя не согласиться, что такой источникъ, какъ устный разсказъ, долженъ былъ въ глазахъ Ктезія имѣть невысокое значеніе и уступить мѣсто дефтерамъ царскихъ архивовъ, т. е. письменнымъ памятникамъ, которыми пользовался послѣдній *). Элементъ чудеснаго, которымъ отличается ктезіевъ разсказъ отъ геродотовскаго, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, персидскимъ анналамъ, и потому не можетъ служить осужденіемъ книдскому историку и недостаткомъ въ его трудѣ потому, что древній персъ иначе и не понималъ исторіи: въ его воображеніи историческая дѣйствительность всегда была тѣсно связана съ чудеснымъ. Вспомнимъ, между прочимъ, сказанія объ Александрѣ Великомъ.—Такимъ образомъ въ исторіи Кира и Астіага, приведенной у Ктезія, мы имѣемъ пятый варіантъ сказанія объ этихъ государяхъ **).

За симъ и армянское сказаніе о Тигранѣ и послѣднемъ мидійскомъ царѣ получаетъ право быть причислену шестымъ къ циклу всѣхъ этихъ легендъ.

Наконецъ замѣтимъ, что въ древней Персіи существовала еще седьмая легенда о Кирѣ и Тигранѣ, съ которой знакомитъ насъ Ксенофонтъ въ романѣ своемъ, Киропедіи ***), гдѣ онъ представляетъ персидскаго царя побѣдителемъ и полонителемъ и Тиграна, и всего его семейства, вопреки армянскому сказанію, приписывающему послѣднему завоеваніе Персіи и Мидіи ****).

Всѣ эти легенды важны, въ особенности армянская, которую игнорируютъ ученые при изложеніи исторіи послѣдняго мидійскаго царя.

*) См. Діодоръ Сицилійскій, кн. II, 32.

**) У Фотія, Ктезій, гл. 2—5.

***) Киропед. Ксеноф. кн. III, гл. 1.

****) М. Хорен. кн. I, гл. 31.

По своимъ поэтическимъ подробностямъ и обилію историческаго матеріала, которыми обставлена борьба Тиграна съ Астіагомъ, она, по нашему убѣжденію, должна быть предпочтена геродотовскому разсказу, должна имѣть право на вниманіе новыхъ изслѣдователей, словомъ — она должна быть принята, такъ сказать, къ свѣдѣнію, при изложеніи исторіи Астіага.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что въ западной Азіи, въ занимающую насъ эпоху, и Киръ, и Тигранъ были весьма популярны; это доказывается вышеуказанными сказаніями. Изъ нихъ дошли до насъ не всѣ, а только геродотовское, ктезіевское, ксенофонтовское и армянское. Персидскіе и армянскіе рапсоды освѣщали личности любимыхъ народныхъ героевъ, каждый съ точки зрѣнія своей національности.
8 Персъ представляетъ Кира побѣдителемъ Тиграна, армянинъ выводитъ Тиграна покорителемъ Персіи, слѣдовательно, и побѣдителемъ Кира; Астіагъ представляется побѣжденнымъ и убитымъ рукою армянскаго царя; наконецъ, персидская же легенда, въ свою очередь, пораженіе Астіага и покореніе Мидіи приписываетъ Киру. Такимъ образомъ, для армянскихъ и персидскихъ рапсодовъ побѣжденный Астіагъ дѣлается предметомъ страстнаго желанія, и каждый изъ нихъ силится сдѣлать его своей добычей, подобно троянамъ и ахеямъ, оспаривавшимъ другъ у друга трупъ Патрокла.

Но такъ или иначе, только у одного изъ двухъ претендующихъ на побѣду надъ Астіагомъ мы видимъ въ плѣну царственную супругу послѣдняго, царевичей и царевенъ мидійскихъ и 10 тысячъ мидійцевъ, потомки которыхъ еще въ началѣ II вѣка по Р. Х. жили въ Арменіи.

Считаемъ не неумѣстнымъ представить здѣсь вниманію ученыхъ нѣкоторыя соображенія о значеніи имени мидійскаго царя Астіага; и это потому въ особенности, что въ недавнее время извѣстный знатокъ и толкователь клинообразныхъ надписей, Жюль Оппертъ, снова поднялъ этотъ вопросъ, считавшійся уже рѣшеннымъ. Въ изданномъ въ концѣ истекшаго года сочиненіи—Le peuple et la langue des

Mèdes *)—ученый авторъ, находя для себя неудовлетворительнымъ объясненіе, данное предшедшими ему учеными слову «Астіагъ», предлагаетъ для этого въ III гл. своей книги новое толкованіе **). Мы не вдадимся въ разсмотрѣніе всей этой главы, но остановимся только на этомъ имени, такъ какъ оно имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ водворенныиъ въ Арменіи мидійцамъ.

Послѣдній мидійскій царь представляется намъ у греческихъ историковъ, кромѣ его имени, еще съ двумя другими названіями: одно изъ нихъ — «Астіигасъ» ***) — приведено у Фотія, другое — «Аспадасъ» ****)—у Діодора сицилійскаго. И тотъ, и другой заимствовали эти имена у Ктезія книдскаго. Въ «Извлеченіяхъ» Фотія, всѣмъ знакомая форма «Астіагесъ» замѣнена непривычной формой «Астіигасъ». Г. Оппертъ, оставляя безъ объясненія формы словъ «Астіагесъ» и «Астіигасъ», и не сказавъ даже, къ какому языку онъ ихъ относитъ, прямо объявляетъ, что слово «Астіигасъ» легко можетъ быть объяснено персидскимъ языкомъ (какъ будто оно не 9
персидское), на которомъ «aristiyuga» значитъ «joignant des lances или combatlant avec des lances». Такова, увѣряетъ г. Оппертъ, настоящая форма имени царя, о чемъ высказано столько предположеній» *****).

Убѣжденный въ вѣрности своего толкованія, слѣдовательно, и возстановленія значенія имени мидійскаго царя, онъ идетъ дальше, и говоритъ: Les Arméniens, qui puisaient l'histoire orientale en majeure partie aux sources grecques, ont changé le nom Astyage en «Azdehak»; de là, les savants européens sont partis pour l'identifier au zend «azidahàka» — le serpent mordant, le fameux roi impie Zohak de la légende persane. Un pareil nom, cependant, s'exclut lui même par son caractère néfaste»... ******).

---

*) Paris, 1879.

**) Тамъ же, стр. 17—25.

***) Въ Извл. Фотія стоитъ Astyïgas, а не Astyiges.

****) См. у Діод. Сицилійскаго, кн. II, 34.

*****) См. книгу г. Опперта, стр. 23.

******) См. тамъ же.

Съ этимъ мнѣніемъ ученаго автора, какъ съ чистымъ предположеніемъ, можетъ быть, найдутся читатели, которые согласятся; но мы, съ своей стороны, приведемъ доказательства, которыя послужатъ дополненіемъ къ аргументамъ ученыхъ, принявшихъ армянское чтеніе «аждахак», и на этомъ основаніи утверждающихъ, что оно, слѣдовательно, и «Астіагъ» значитъ «le serpent mordant—кусающій змѣй» *).

Для насъ послѣднее толкованіе на столько убѣдительно, что мы готовы признать форму «Астінгасъ», встрѣчаемую у Фотія, искаженіемъ правильной транскрипціи того же слова у Геродота, а именно «Астіагесъ», подвергшагося, впрочемъ, легкому измѣненію подъ вліяніемъ фонетики греческаго языка. Если есть возможность возстановить, безъ натяжки, значеніе чисто-персидскаго слова «Астіагесъ» этимъ же самымъ словомъ, то не зачѣмъ для этого прибѣгать къ другому персидскому слову — «aristiyuga», которое, по г. Опперту, значитъ: «joignant des lances или combattant avec des lances».

Въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ буквы для звука ж; вслѣдствіе чего у грековъ транскрипція персидскаго «Ажидахака» невольно является въ формѣ «Astyag-es». Отбросивъ именное окончаніе es, имѣемъ «Astyag», сокращенное парсійское «ажидахака» съ опущеніемъ трехъ гласныхъ. Въ такой формѣ «астіаг», по значенію своему, будетъ тождественно съ «ажидахака», т. е. значить будетъ «змѣй». Послѣднее находитъ себѣ подтвержденіе въ армянской формѣ этого имени— въ «аждахак'ѣ», что и принято помянутыми г. Оппертомъ учеными при рѣшеніи вопроса о значеніи слова «Астіагъ».

10 При этомъ г. Оппертъ замѣчаетъ, какъ указано выше, что «Армяне черпали исторію Востока у Грековъ». Вопервыхъ, эти «les Arméniens» всѣ заключаются въ одномъ Моисеѣ Хоренскомъ, который, на этотъ именно разъ и на этотъ случай, представляется намъ далеко не черпающимъ матеріала своего изъ греческихъ историковъ. Ибо у него вся исторія Аждахака, какъ могъ видѣть читатель, взята

*) Такъ переводитъ Henry Rawlinson армянское «аждахак», что по вѣрному его толкованію значитъ «biting snake» — кусающій змѣй: Aji Dahâka.—См. также 5-ое Приложеніе къ моему переводу «Всеобщей Исторіи Степаноса Таронскаго», стр. 215.—Ferd. Justi, Handbuch der Zendsprache, p. 14, и т. д.

изъ народнаго эпоса, откуда имъ заимствована также исторія Семирамиды, Арая Прекраснаго и др. Вслѣдствіе этого своего взгляда на Моисея Хоренскаго г. Оппергъ увѣряетъ, вовторыхъ, что Армяне греческое «Астіагесъ» облекли въ форму «Azdehak». Такой выводъ невѣренъ потому, что историки этого народа, благодаря фонетикѣ своего языка, просто переписали парсійское «ажидахака», одѣвъ его въ армянскую одежду съ опущеніемъ изъ него только трехъ гласныхъ.

Другой аргументъ.—Въ VI вѣкѣ до Р. Х. Тигранъ Великій, побѣдитель мидійскаго царя, выводитъ изъ Мидіи, какъ военноплѣнныхъ, все семейство послѣдняго, съ его первою женою, и водворяетъ ихъ, какъ мы сказали, у подошвы Арарата. Съ той поры за полоненной царской семьей остается типичное, Армянами данное ей наименованіе,—«вишапк *), вишапазу'нк» **), что въ буквальномъ переводѣ значитъ: первое — «драконы», второе «потомки дракона». Такъ они называются въ исторіи этой страны впродолженіи 700 лѣтъ.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что слова:—«вишапк», «вишапазунк»—суть переводъ слова «ажидахака».—Помимо этого мы имѣемъ въ армянской исторіи еще другое, болѣе убѣдительное, доказательство тому, что «астіагес» и «астиигас» означаютъ именно «змѣй», а не что иное. Древніе армяне, твердо помня происхожденіе военноплѣнныхъ мидійцевъ, называли ихъ не только «драконидами», въ честь ихъ царя, но и **змѣями** (что сводится къ одному и тому же); и не только ихъ, но и **страну**, откуда они были выведены. На этомъ основаніи и «Мидійцы» и «Мидія» называются у древнихъ армянскихъ историковъ **Мар'к**. Откинувъ к̓ (признакъ множественнаго числа) получимъ «Мар». Въ этой формѣ послѣднее слово существуетъ въ новоперсидскомъ языкѣ и есть не что иное, какъ зендское «мара» ***)—**змѣй**.

Изъ сказаннаго объ этомъ пресловутомъ имени послѣдняго мидійскаго царя дѣлаемъ выводы:

а. У армянъ имя «Аждахакъ» заимствовано не у грековъ, а у медо—парсовъ.

---

*) См. Исторію М. Хор. кн. I, гл. 30.

**) Тамъ же, кн. II, гл. 61.

***) См. Ferd. Justi, Handbuch der Zendsprache, p. 231.

b. И зендское «Ажидахака» и армянское «Аждахак» значатъ змѣй, или вѣрнѣе—«драконъ».

c. Сначала полоненное семейство Аждаха́ка, затѣмъ и потомки его, называются въ древней Арменіи «виша́п'ами, вишапазу'нк'ами», т. е. «драконами», «потомками дракона».

d. Мидійцы у древнихъ армянъ называются «Мар'к».

e. Мидія у историковъ этого народа извѣстна подъ наименованіемъ «Мар'к» же*).

f. Древне-армянская исторія на своихъ страницахъ нигдѣ не представляетъ греческаго названія «Мидія».

На основаніи этого вывода мы не можемъ согласиться съ новымъ толкованіемъ ученаго Опперта, чтобы «Astyigas» слѣдовало читать «aristiyuga», со значеніемъ «joignant des lances или combattant avec des lances».

Насъ нимало не смущаетъ также категорически выраженная г. Оппертомъ мысль, что «un pareil nom s'exclut lui-même par son caractère néfaste»; не смущаетъ потому, что носителями имени драконъ являются и другія историческія личности, кромѣ Астіага.

Заключимъ наши филологическія наблюденія заявленіемъ, что въ древней Арменіи встрѣчаются даже города съ зловѣщимъ названіемъ «Оц» **) и «Виша́п» ***), изъ которыхъ первое значитъ «змѣй», второе—«драконъ».

---

*) Латин. переводчики Моисея Хоренскаго — братья Вистоны, французскій—Вал. де Флориваль, нѣмецкій—Лауеръ, италіанскій—венеціанскіе мхитаристы, другой французскій переводчикъ, изъ тѣхъ же мхитаристовъ въ Collection, В. Ланглоа, наконецъ русскій переводчикъ—я самъ—мы всѣ дали большой промахъ, что слово «Мар'к» перевели черезъ Мидія; слѣдовало оставить его въ армянской формѣ, въ которой оно имѣетъ важное значеніе, какъ мы доказали въ этой нашей замѣткѣ.

**) Развалины этого города существуютъ до сихъ поръ. Городъ этотъ находился въ древней Таронской области, нынѣ Мушъ, въ Турецкой Арменіи.

***) Городъ «Виша́пъ» находился также въ Таронской области; отъ него не осталось слѣдовъ.—Оба города основаны въ дохристіанскія времена.

VIII.

Армавиръ *).

Древнѣйшій изъ армянскихъ городовъ, Армавиръ, основанный 321
за 2000 лѣтъ до Р. Х., получилъ свое наименованіе, по Моисею Хоренскому, отъ Армаиса, внука Хайка, родоначальника армянъ. Это мнѣніе, какъ и нѣкоторые изъ разсказовъ того же историка о происхожденіи названій армянскихъ городовъ, рѣкъ и горъ отъ именъ ближайшихъ потомковъ Хайка, болѣе чѣмъ сомнительны. Ни одинъ филологъ не оправдаетъ, напр., производства имени Армавира отъ Армаиса, въ которыхъ кромѣ созвучія ничего другаго мы не находимъ. Впрочемъ, Моисей Хоренскій самъ даетъ аргументъ противъ такого своего увѣренія; ибо въ двухъ мѣстахъ своей исторіи онъ указываетъ на преданіе, по которому оказывается, что городъ Армавиръ получилъ свое имя отъ холма, на которомъ былъ построенъ и который назывался Армавиромъ. Такимъ образомъ оказывается, что внукъ Хайка, Армаисъ, тутъ не при чемъ, и что какъ это, такъ и наименованія вышеупомянутыхъ горъ, рѣкъ и городовъ суть только неудачныя сопоставленія или Маръ-Абаса, или самого Моисея Хоренскаго. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ изслѣдо-

---

*) [Въ Примѣчаніяхъ къ I вып. IX. Т. Древностей Моск. Археол. Общества (V Археол. съѣздъ въ Тифлисѣ), стр. 321—323, М. 1882, in 4⁰ *Г. Х.*]

ваніе этого вопроса; поэтому ограничимся приведеніемъ тѣхъ двухъ
322 мѣстъ, которыя указываютъ на противорѣчіе отца армянской исторіи и, въ то же время, даютъ намъ право съ большей вѣрностью опредѣлить происхожденіе названія Армавиръ. Въ 39 гл. II кн. Моисея Хоренскаго читаемъ: «Во дни Еруанда, царскій дворецъ переносится съ Холма, называемаго Армавиромъ... на западъ...» Такое же удостовѣреніе находимъ въ 4 гл. той же II кн.: «Вахаршакъ собираетъ... множество войска... и проникаетъ въ центръ Арменіи, немного выше истоковъ Мецамо́ра *) на берегъ Ера́сха (Аракса), недалеко отъ Холма, называемаго Армавиромъ». Кажется, ясно, что Армавиръ названіе свое получилъ отъ холма, а не отъ внука Хайка.

Изъ древнихъ западныхъ писателей одинъ Птоломей знаетъ о существованіи этого города, который у него и называется Армаурія (Geogr. lib. v. cap. 13).

Во все продолженіе династіи Хайкидовъ онъ не переставалъ быть столицей, т. е. отъ 2200 г. до Александра Великаго. Еруандъ II вынужденнымъ нашелся покинуть его и, въ 79 году нашей эры, перенести свой престолъ въ новопостроенный имъ Еруандаша́тъ **), по той причинѣ, что рѣка Ерасхъ, на берегу которой стоялъ Армавиръ—которому она съ одной стороны и служила естественной границей,—во дни этого царя настолько перемѣнила свое теченіе и отдалилась отъ города, что существованіе жителей въ послѣднемъ сдѣлалось затруднительнымъ, по недостатку воды. Не смотря на это, Армавиръ, какъ видно изъ исторіи, продолжалъ служить мѣстомъ, которое посѣщалось Аршакидами и которое служило театромъ кровавыхъ сценъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами являлись тѣ же Аршакиды (М. Хор. кн. III, гл. 31).

Армавиръ существовалъ еще въ V вѣкѣ; но когда былъ онъ окончательно покинутъ жителями, исторія не даетъ на это отвѣта.

---

*) На Араратской равнинѣ; теперь называется Шамби—Джуръ.

**) Развалины его на юго-западѣ отъ Сардарабада.

Послѣ этихъ историческихъ указаній, приведемъ данныя, которыя еще болѣе облегчатъ опредѣленіе географическаго положенія этого города.

На Вахаршапатской равнинѣ находится замѣчательная историческими воспоминаніями деревня Ошака́нъ. Возьмемте ее точкою отправленія для опредѣленія мѣста древней столицы. Ошака́нъ расположенъ на сѣверо-западѣ отъ рѣки Каса́хъ *), въ которую вливаются небольшіе потоки вмѣстѣ съ Парпо́—Джур'омъ, иначе Шахверду'—Джуръ. Къ западу отъ этихъ потоковъ стоитъ городъ Сардарабадъ. Южнѣе отъ послѣдняго и на западѣ отъ Армавира, находится небольшая деревня Шахріаръ. На востокѣ отъ этой деревни и на югѣ 323
отъ Тепедиби возвышается изъ краснаго камня «скалистый», говоритъ Степаносъ Таронскій (XI в.), «холмъ, кругомъ котораго, извиваясь, протекаетъ Ерасхъ, по противоположной сторонѣ Ахуріана» **) (Арпа — чая);—на этомъ-то холмѣ и стоялъ Армавиръ. Въ 1819 году эриванскій сардаръ пользовался развалинами стараго города и вывозилъ оттуда камни на постройку Сардарабада, а также и вышеупомянутой деревни Шахріаръ. Не смотря на такое расхищеніе, на холмѣ и теперь остается множество камней отъ развалинъ древней столицы. Ко всѣмъ этимъ даннымъ, указывающимъ на мѣстность Армавира, непослѣднимъ указаніемъ можетъ служить и то, что прежнее покинутое русло Аракса, называемое по татарски «Куру-Аразъ», можно видѣть и теперь, по увѣренію отца Леона Алишана.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ недавно полученной мною книжкѣ (за январь) армянскаго журнала «Араратъ», издаваемаго въ Эчміадзинѣ, помѣщена трехстрочная клинообразная надпись, снятая съ узкаго продолговатаго камня, найденнаго однимъ господиномъ на развалинахъ Армавира. По увѣренію послѣдняго, камень этотъ, вѣроятно, съ фронтона двери башни, находящейся на холмѣ Армавирскомъ. Онъ доставленъ въ Эчміадзинъ, гдѣ и поставленъ — рядомъ съ другой клинообразной же надписью, найденною въ 1870 году.

---

*) Каса́хъ или Карса́хъ, нынѣ Карпо́-Джуръ, впадаетъ въ Араксъ.

**) Рус. перев. его Всеобщей Исторіи, стр. 33.

По полученіи помянутой книжки «Арарата», я препроводилъ листъ изъ нея съ надписью къ нашему извѣстному ученому спеціалисту по клинообразнымъ надписямъ, Каэтану Андреевичу Коссовичу, съ просьбой перевести ее на русскій языкъ. Отъ г. Коссовича получилъ такой отвѣтъ: «очень жалѣю, что не въ состояніи исполнить вашего порученія. Сообщенная мнѣ вами надпись не есть персидская: она скорѣе отзывается характеромъ надписей такъ называемой второй системы (мидійская или скиѳская) и снята, по видимому, невѣрно. По крайней мѣрѣ, я ничего добиться въ ней не въ силахъ».

IX.

О Цадахъ*).

Есть ли слово Цад' имя нарицательное, прилагательное, или собственное, и чтó оно означаетъ?

Замѣтимъ прежде всего, что приведенное слово въ древнихъ армянскихъ рукописяхъ и книгахъ пишется трояко: тцад', тцат' и тцайт (въ двухъ послѣднихъ случаяхъ *т* съ придыханіемъ).—Которое изъ этихъ правописаній правильно—не беремся отвѣчать. Всѣ 455
три формы употребляютъ армянскіе писатели безразлично.

Тцад не нарицательное и не собственное имя: оно, просто, прилагательное, какъ мы увидимъ ниже.

Впервые оно встрѣчается въ X вѣкѣ въ армянскихъ Четьи-Минеяхъ, въ житіи св. Григорія нарекскаго, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: (отщепенцовъ отъ армянской церкви) «называютъ тцайд'ами и искалѣченными въ вѣрѣ».

Армянскій текстъ для выраженія «искалѣченный» употребляетъ слово т'ерй **) (*т*. съ придыханіемъ), которое служитъ объясненіемъ предъидущаго тцад.

---

*) [Въ прилож. къ I вып. IX т. Древностей Моск. Арх. Общества, (V Археол. Съѣздъ въ Тифлисѣ) стр. 454—455. М. 1862 г. in 4°. *Г. Х*].

**) Т'ерй образовалось изъ т'ер—„половина" и *и* „безъ", слѣд. т'ерй значитъ „безъ половины", т. е. „неполный, искалѣченный".

У Мхитара Апаранскаго — XIV века—читаемъ такую фразу: «нѣкоторые изъ грековъ называются неполными, полугреками (кисат—іюнк') и нѣкоторые изъ армянъ т'цат—армянами».

Здѣсь тцат' сопоставляется съ «неполный», слѣд. оно съ нимъ однозначуще. Хронографъ Мхитаръ айраванскій—XIV же вѣка—подъ 821 годомъ пишетъ слѣдующее: «Во дни владыки Давида *) священникъ Парманъ, уроженецъ деревни Кака́хъ, **) отдѣлившись отъ армянъ, обратилъ жителей страны Цодиковъ ***) въ (вѣру) Иверовъ ****)—отсюда тцад, что́ нынѣ (встрѣчается) въ Греціи».

Слова послѣдней цитаты указываютъ на начало названія тцад'овъ, которое хронографъ относитъ къ первой четверти IX вѣка, о значеніи же слова онъ ничего не говоритъ.

Вышеприведенныя мѣста изъ армянскихъ Миней и Мхитара апаранскаго не доказываютъ ли, что тцад значитъ «неполный, искалѣченный» и что оно, быть можетъ, въ X вѣкѣ служило браннымъ словомъ, укоромъ, съ которыми армяне обращались къ своимъ племенникамъ и грекамъ, ставшимъ ренегатами?

---

*) Давидъ II занималъ патріаршій престолъ отъ 806—833 года.

**) Въ араратской провинціи.

***) Племя Цодиковъ жило на сѣверо-востокѣ отъ Утицовъ; слѣд. въ сосѣдствѣ съ ахванами (албанами). Эти три небольшихъ народа входили въ политическій составъ Арменіи.

*****) Т. е. въ греческую вѣру.

X.

Объ Аршакидахъ.

а) О НАЧАЛѢ ДИНАСТІИ АРШАКИДОВЪ *).

При взглядѣ на списки Аршакидовъ, естественно возникаетъ во- 234
просъ: когда начинается ихъ династія?

Изъ нихъ ни одинъ не даетъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ. Себеосъ (см. о немъ выше 9 примѣч· къ I гл. I кн.), говоря о Аршакидахъ, такъ заключаетъ свой о нихъ разсказъ: „царство Аршакидовъ началось на 30 году Птоломея Филадельфа и продолжалось 457 лѣтъ“ (см. его Ист. стр. 28).—У Асох'ика находимъ такое же косвенное указаніе на начало и конецъ упомянутой династіи, чтó даетъ намъ возможность добраться до года основанія, а слѣдовательно и прекращенія ея. У него списокъ этихъ царей заключается словами: «Его (т. е. Артавана) убилъ сынъ Сасана, Арташиръ стахрскій, и тѣмъ положилъ конецъ владычеству Пахлавиковъ (т. е. Бахлскихъ Аршакидовъ) на 2-мъ году римскаго императора Филиппа. Здѣсь прекращается царство Парт'евовъ (Парѳянъ) въ родѣ Пахлавиковъ, начавшееся на 30-мъ году царствованія Птоломея Филадельфа и продолжавшееся 457 лѣтъ» (см. въ текстѣ стр. 19).

Какимъ образомъ сложилась цифра 457, которую находимъ у двухъ этихъ писателей?

---

*) [Напечатано было въ русскомъ пер. Асохика (1864), въ отдѣлѣ приложеній (8-ое), стр. 234—257. *Г. Х.*].

По Асох'ику династія Аршакидовъ началась на 30 году Птоломея Филадельфа. Птоломей вступилъ на престолъ въ 284 и царствовалъ до 246 г. до Р. Х.; слѣд. 30-й годъ его будетъ 254, который и долженъ быть годомъ основанія аршакидской династіи. И потому если 254 есть начало упомянутой династіи и если вѣрна цифра 457, показывающая у Себеоса и Асох'ика ея продолжительность; то она должна была прекратиться въ 203 по Р. Х.

Далѣе, тотъ же Асох'икъ утверждаетъ, что династія Аршакидовъ прекратилась на 2-мъ году императора Филиппа, т. е. въ 245; повторяемъ—если дѣйствительно она продолжалась 457 лѣтъ, то она должна была начаться въ 216 до Р. Х.

235 Если допустимъ вѣрность цифры 457, показывающей у Асох'ика и Себеоса продолжительность существованія аршакидской династіи, то по вышеприведеннымъ разсчетамъ придемъ къ двумъ заключеніямъ относительно начала аршакидской династіи, заключеніямъ, выведеннымъ изъ словъ двухъ упомянутыхъ историковъ, а именно: съ одной стороны годъ ея основанія будетъ 254, а съ другой—212. Такимъ образомъ мы получимъ новыя цифры для начала династіи Аршакидовъ кромѣ тѣхъ, къ которымъ привели Сен-Мартена, Ленормана и другихъ ученыхъ ихъ изслѣдованія. Говорю *новыя* потому, что Сен-Мартенъ въ своемъ «Mémoire sur l'époque de la fondation de la dynastie des Arsacides», какъ видно не пользовался указаніемъ Асохика и не могъ пользоваться таковымъ же указаніемъ Себеоса, твореніе котораго въ его время считалось еще утраченнымъ. Не смотря на разницу, представляемую вышеприведенными цифрами этихъ историковъ, мы не имѣемъ права пренебречь ими, ибо они предлагаютъ ихъ не голословно, но на основаніи точныхъ историческихъ указаній, каковы: *2-й годъ* императора Филиппа и *30-й годъ* Птоломея Филадельфа. Правда, эти новыя цифры еще болѣе осложняютъ вопросъ о началѣ Аршакидовъ и безъ того уже запутанный, но основанія ихъ до того точны и опредѣлительны, что историческая критика при изслѣдованіи упомянутаго вопроса не должна пройти ихъ молчаніемъ.

У Моисея Хоренскаго мы находимъ другое указаніе, которое приводитъ насъ къ иному выводу относительно начала Аршакидовъ.

Онъ говоритъ, что спустя 60 лѣтъ послѣ смерти Александра воцарился надъ Пареянами Аршакъ Храбрый (кн. II, гл. II, стр. 78 моего перев.). Если Моисей Хоренскій подъ именемъ Александра разумѣетъ здѣсь сына Александра Великаго, убитаго въ 311 году, то основаніе Аршакомъ Храбрымъ его династіи, спустя 60 лѣтъ послѣ сына Александра Великаго, должно отнести къ 251 году.

Наконецъ Евсевій говоритъ, что Птоломей Филадельфъ царствовалъ 38 лѣтъ, что на 34 году его Пареяне свергнули македонское иго и воцарился Аршакъ (см. Canon, pp 228 и 232); слѣдовательно, по мнѣнію этого писателя аршакидская династія началась въ 246 г. до Р. Х.

Такимъ образомъ на основаніи указаній этихъ древнихъ писателей мы получимъ слѣдующія цифры для начала и конца аршакидской династіи, а именно:

1. По Евсевію она началась		въ 246 до Р. Х. [1]	236
2. По Моис. Хоренскому [2] она началась		въ 251 до Р. Х.	продолжалась 455 л.
кончилась		въ 226 по Р. Х.	
3. По Себеосу [3] она началась		въ 254 до Р. Х.	продолжалась 457 л.
кончилась		въ 203 по Р. Х.	
4. По Асохику [4] она началась	въ 212 или	въ 254 до Р. Х.	продолжалась 457 л.
кончилась	въ 245 или	въ 203 по Р. Х.	

Изслѣдованія Мих. Чамчіана и западныхъ ученыхъ по этому вопросу привели ихъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

5. По Мих. Чамчіану [5] она началась	въ 246 до Р. Х.	продолжалась 472 г.
кончилась	въ 226 по Р. Х.	
6. По Сен-Мартену [6] она началась	въ 250 до Р. Х.	продолжалась 476 л.
кончилась	въ 226 по Р. Х.	

1) Eusebii Pamph. Chronicon bipart. pars II, pp. 228, 232.

2) Моисей Хоренс. Ист. Армен. кн. II, гл. II.

3) Себеосъ Истор. похода импер. Ираклія, стр. 28.

4) Асохʻикъ, см. въ самомъ текстѣ.

5) М. Чамчіанъ, Ист. Армен. ч. III, хронол. табл.

6) Fragments d'une Histoire des Arsacides, t. II, pp. 371, tab. № 1.

7) Heeren, Manuel de l'Histoire ancienne, t. II, Histoire de Macedoine.

8) On the obscurer tribes contained within the empire of Xerxes, in the History of Herodotus, vol. IV, p. 202.

7. По Гeeрену [7] она началась въ 255 до Р. Х., кончилась въ 226 по Р. Х. — продолжалась 481 г.

8. По Джорджу Ролинсону [8] она началась въ 256 до Р. Х., кончилась въ 226 по Р. Х. — продолжалась 482 г.

Затѣмъ представимъ параллельный списокъ царей-аршакидовъ по Моисею Хоренскому, Себеосу и Степаносу Асох'ику, въ которомъ читатель можетъ усмотрѣть значительную разницу не только въ годахъ, но и въ именахъ царей.

	Моисей Хоренскій.		*Себеосъ.*		*Степаносъ Асох'икъ.*	
1.	Аршакъ I Храбр.	31 г.	Аршакъ I Храбр.	57 л.	Аршакъ I Храбр.	57 л.
2.	Арташесъ I.	26 л.	Арташесъ I.	31 г.	Арташесъ I.	31 г.
3.	Аршакъ II Велик.	53 г.	Аршакъ II Великій.	52 г.	Аршакъ II Великій.	37 л.
4.	Аршаканъ.	30 л.	Аршаканъ.	30 л.	Аршаканъ.	30 л.
5.	Аршанакъ.	31 г.	Аршанакъ.	32 г.	Аршанакъ.	32 г.
6.	Аршезъ.	20 л.	Аршесъ.	20 л.	Арташесъ II.	20 л.
7.	Аршавиръ	46 л.	Аршавиръ.	46 л.	Аршавиръ.	46 л.
8.	Арташесъ II.	34 г.	Арташесъ II.	31 г.	Арташесъ III.	31 г.
9.	Дарехъ (Дарій).	30 л.	Дарехъ.	30 л.	Дарехъ.	30 л.
10.	Аршакъ III.	19 л.	Аршакъ III.	19 л.	Аршакъ III.	19 л.
11.	Арташесъ III.	20 л.	Арташесъ III.	20 л.	Арташесъ IV.	20 л.
12.	Перозъ.	34 г.	Перозъ.	33 г.	Перозъ.	33 г.
13.	Вах'аршъ.	50 л.	Вахаршакъ.	50 л.	Вахаршакъ.	50 л.
14.	Артаванъ.	31 г.	Артаванъ.	36 л.	Артаванъ.	36 л.

237 Наконецъ приведемъ списокъ Аршакидовъ по парсійскимъ писателямъ, которые число государей этой династіи доводятъ до 12 безъ означенія годовъ и продолжительности царствованія каждаго изъ нихъ.

Замѣтимъ, что у Парсовъ Аршакиды называются *Ашканіан*'ами или *Ашаканіан*'ами, родоначальникомъ которыхъ былъ:

1. Ашкъ или Ашакъ I (Аршакъ), ведшій свой родъ отъ древнѣйшихъ царей парсійскихъ;
2. ему наслѣдовалъ Ашакъ II;
3. потомъ братъ его, Шапуръ;
4. за нимъ Бахрамъ Гудурзъ;
5. сынъ его, Воласъ I (Вологезъ);
6. послѣ его Хурмузъ;

7. братъ его, Нарзи;
8. братъ послѣдняго, Фирузъ;
9. потомъ Хусру;
10, 11. ему наслѣдовалъ Воласъ II и Воласинъ (Вологезъ II и III);
12. сынъ Воласина, Ардуанъ, убитый Ардеширомъ, сыномъ Бабека (Баба ханъ) *).

Изъ сказаннаго видно, что вопросъ объ аршакидской династіи не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Хотя всѣ вышеприведенные историки и ученые, кромѣ нашего Асоӽика, и сходятся во мнѣніяхъ своихъ относительно прекращенія упомянутой династіи, полагая его въ 226 по Р. Х., однако въ вопросѣ о началѣ ея мы замѣчаемъ у нихъ большое разногласіе, начиная отъ Евсевія и Мих. Чамчіана, предлагающихъ для этого 246-ой, и доходя до George Rawlinson'a, дающаго 256 годъ до Р. Х. Разница огромная, какъ видитъ самъ читатель, а именно, въ цѣлыхъ 10 годахъ.

b) АРМЯНСКІЕ, К'УШАНСКІЕ И МАСКУТСКІЕ АРШАКИДЫ **). 246

Древніе западные писатели знаютъ только *парсійскихъ* Аршакидовъ; объ *армянскихъ*, *к'ушанскихъ* и *маскутскихъ* Аршакидахъ они и понятія не имѣютъ. Вмѣстѣ съ восточными историками западные писатели считаютъ Аршака I, прозваннаго Храбрымъ, основателемъ аршакидской династіи, начавшейся въ 251 г. до Р. Х. и продолжавшейся до 226 года по Р. Х. (см. Приложеніе 8). Въ политической іерархіи тогдашней Азіи парсійскіе Аршакиды занимали *первое* мѣсто. За ними *второе* мѣсто принадлежало армянскимъ Аршакидамъ, вступившимъ на армянскій престолъ въ лицѣ Вахаршака въ 150 г. до Р. Х. Въ этой странѣ династія послѣднихъ прекратилась только въ 428 по Р. Х. послѣ свергенія съ престола Арташеса IV (онъ же Арташиръ) парсійскимъ царемъ Вахрамомъ (Ба-

*) History of Persia, by sir John Malcolm, London, Murray, 1815, chap. V.

**) [Напечатано въ русск. пер. Асохика (1864 г.), въ отдѣлѣ Приложеній (11-ое), стр. 246—249. *Г. Х.*].

храмъ IV). Она продолжалась 578 лѣтъ; слѣд. послѣ династіи парсійскихъ Аршакидовъ существовала еще 202 года.

Далѣе слѣдуютъ *к'ушанскіе* Аршакиды.—Но прежде нежели познакомить читателя съ извѣстіями, сообщаемыми о нихъ армянскими писателями, уяснимъ себѣ—кого разумѣли эти послѣдніе подъ именемъ *Кушановъ*.

Между народами, населявшими юго-восточную часть парсійскаго государства (въ эпоху Ксеркса), на пространствѣ между восточной
247 Парсіей или Карманіей и устьями Инда въ древности жилъ народъ, извѣстный у Грековъ подъ именемъ „*азійскихъ Эѳіоплянъ*", Aethiopes asiaticis. Полковникъ Henry Rawlinson увѣряетъ, что на этомъ только пространствѣ и встрѣчаются *настоящіе черные люди*. Можно полагать, что именно этой странѣ и непосредственно смежнымъ съ нею землямъ древніе Греки и давали названіе *Эѳіопія* (см. Одис. Пѣснь I, 23—24). Мемнона, сына Титона (Tithonus) они представляли *эѳіопскимъ царемъ*, отецъ котораго царствовалъ въ Сузѣ; самъ же онъ въ главѣ 10,000 Эѳіоплянъ и такого же числа Сузанцевъ ходилъ на помощь дядѣ своему. троянскому царю Пріаму (см. Діод. сиц. кн. II, 22: кн. IV, 75;—Моис. Хоренс. Ист. Арм. кн. I, гл. XXXII). Если миѳическій Мемнонъ—сынъ *сузанскаго* царя, то онъ *не Египтянинъ*. На *неегипетское* его происхожденіе указываетъ и то обстоятельство, что когда Ѳессалійцы убили его, то найденный его трупъ былъ *сожженъ* Эѳіоплянами. Ясно, что послѣдніе были *азійскіе* Эѳіопляне, ибо *африканскіе* не имѣли обыкновенія *сожигать* мертвыхъ. Во всей Греціи было принято сказаніе о построеніи Мемнономъ въ Сузѣ города Мемноніума и бывшаго въ немъ большаго дворца. Это можетъ служить доказательствомъ тому, что Греки знали племенную связь, дѣйствительно существовавшую между Эѳіопіей и Сузіаной. Поэтому можно предположить, что потомки Хуса, сына Хамова (Быт. гл. X, 6), жившіе выше Египта, первоначально были распространены по протяженію всего берега южнаго океана, начиная отъ Абиссиніи до самаго Инда. Весь индѣйскій полуостровъ былъ населенъ племенемъ *эѳіопскаго* характера прежде появленія здѣсь Арійцевъ. Оно простиралось до Инда по морскому берегу черезъ Белуджистанъ и Керманъ—бывшій собственной стра-

ною азійскихъ Эѳіоплянъ—и было господствующимъ племенемъ въ Сузіанѣ и Вавилоніи до тѣхъ поръ, пока въ первой изъ этихъ странъ оно не было покорено арійскимъ, а во второй—симитическимъ нашествіемъ. Можно слѣдить за этимъ племенемъ по всему южному берегу аравійскаго полуострова и найти его въ настоящее время живущимъ въ Абиссиніи, гдѣ языкъ главнаго племени этой страны (Галла) дастъ ключъ къ разумѣнію клинообразныхъ надписей, находимыхъ въ Сузіанѣ, которыя по всему вѣроятію могутъ считать за собою по крайней мѣрѣ 1000 лѣтъ существованія до Р. Х.

Племя, о которомъ идетъ рѣчь, распространяясь отъ береговъ моря во внутреннія страны материка, должно было въ послѣдствіи 248
встрѣтиться съ могущественными Арійцами, которые, остановивъ дальнѣйшее его распространеніе, заставили его держаться только морскаго берега. Отъ *Хуситовъ* (Кушитовъ) весь путь на востокъ отъ Кермана (Карманія) до эпохи Сасанидовъ назывался *Кусан*омъ (см. полковн. Henry Rawlinson'a Early History of Babylonia въ Asiatic society journal, vol. XV, par. II, p. 233) *). Должно полагать, что эти-то азійскіе Эѳіопляне, потомки Хуса, у древнихъ армянскихъ писателей называются *Кушан*ами. Ихъ указаніями вполнѣ подтверждаются изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ по этому вопросу. Названіе *Кушаны* въ 250 г. до Р. Х., т. е. въ эпоху появленія Аршакидовъ на исторической сценѣ уже окончательно вытѣснило, по крайней мѣрѣ у восточныхъ писателей, древнее имя: *Эѳіопляне.* Кромѣ Моисея Хоренскаго, который въ одномъ мѣстѣ, а именно гдѣ онъ, приводя сказанія Гомера о помощи, оказанной Тевтамомъ Пріаму во время троянской войны, употребляетъ общепринятое въ тотъ древнѣйшій періодъ названіе: *Эѳіопляне*—всѣ армянскіе писатели,

---

*) Ernest Renan не даетъ слишкомъ серьезнаго значенія выраженію древнихъ: *Aethiopes*, говоря, что это одинъ изъ наивныхъ географическихъ терминовъ въ родѣ *Скиѳія*, который древніе употребляли для выраженія какой-то дальней восточной или южной страны (см. его Histoire générale et Système comparé des langues sémitiques, II édit Paris, liv. v, ch. II, p. 469).—Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія ученаго оріенталиста на основаніи того, что мы уже сказали объ этомъ вопросѣ.

въ ихъ числѣ и самъ отецъ армянской исторіи, называютъ ихъ *К'ушанами*. Агаѳангелъ (стр. 25 и слѣд.), Фавстъ Византійскій (кн. V, гл. 7, 37), Ехише (стр. 10, 45) и другіе упоминаютъ о *К'ушанахъ*, *о землѣ К'ушановъ*, *о великомъ царѣ-аршакидѣ К'ушан'овъ*, имѣвшемъ свое пребываніе въ Балхѣ, Բաղհ или Բաղխ քաղաք. По ихъ увѣренію, государство К'ушановъ называлось *восточною страною* потому вѣроятно, что оно находилось на *востокѣ* отъ Парсіи, на *югѣ* же отъ этого государства, говорятъ тѣ же писатели, была *Индія*.

Здѣсь-же въ этой странѣ основала свою династію *третья* вѣтвь Аршакидовъ; но когда́, не говорятъ армянскіе историки. Первое извѣстіе о ней, какъ о *династіи*, находимъ у Агаѳангела: оно относится къ 228-му году по Р. Х., т. е. ко времени смерти послѣд-
249 няго парсійскаго Аршакида *). Фавстъ византійскій говоритъ о войнахъ, веденныхъ к'ушанскими царями-Аршакидами съ Сасанидами, въ половинѣ IV вѣка. Послѣ этого у армянскихъ историковъ хотя и встрѣчается, и довольно часто, имя: *К'ушаны*, однако не упоминается болѣе объ ихъ царяхъ-Аршакидахъ. И потому о династіи к'ушанскихъ Аршакидовъ можемъ сказать только то, что о ней впервые упоминается въ 228 по Р. Х. и что она существовала еще въ 350 г.

Наконецъ *четвертая* вѣтвь Аршакидовъ вступаетъ на престолъ въ *землѣ Маскутовъ*, какъ называютъ армянскіе писатели Массагетовъ. О маскутскихъ Аршакидахъ говорятъ два писателя: Агаѳангелъ въ извѣстіи о раздѣленіи Аршакидовъ на четыре царствующія вѣтви и Фавстъ византійскій по случаю войны царя Маскутовъ—Санесана-Аршакида, съ армянскимъ царемъ Хосровомъ II Младшимъ, Аршакидомъ же (кн. III, гл. 6 и 7, стр. 13—18). Это извѣстіе равнымъ образомъ относится къ IV вѣку. О началѣ и прекращеніи этой династіи мы также ничего не знаемъ.

---

*) Исторія Агаѳангела (IV вѣка), дошедшая до насъ въ армянскомъ текстѣ, сохранилась также и въ греческомъ переводѣ отрывками. Въ предисловіи къ этимъ отрывкамъ сохранилось драгоцѣнное извѣстіе объ Аршакидахъ, которое прилагаемъ здѣсь въ русскомъ переводѣ и на которомъ большею частью основано все сказанное нами въ этомъ Приложеніи о раздѣ-

с) О НАЧАЛѢ И ПРЕКРАЩЕНІИ ДИНАСТІИ АРМЯНСКИХЪ АРШАКИДОВЪ *).

Существуетъ большое разногласіе у армянскихъ историковъ и 312
лѣтописцевъ относительно начала и прекращенія династіи армянскихъ Аршакидовъ.

По мнѣнію нашего Асох'ика, Аршакиды начали царствовать въ Арменіи съ 12 года Птоломея Евергета II (Птоломей VIII Фисконъ, управлявшій съ 145 по 117 г. до Р. Х.), т. е. съ 133 г. до Р. Х. Владычество ихъ прекратилось на 24 году Өеодосія II Младшаго (408—450); слѣдовательно, въ 432. Такимъ образомъ династія армянскихъ Аршакидовъ по Асох'ику должна была продолжаться не 559 лѣтъ, какъ стоитъ въ текстѣ его, а 565.

Хронографъ Самуилъ анійскій (XII в.) говоритъ: «Аршакъ Вели- 313
кій воцарилъ въ землѣ армянской брата своего Вах'аршака на 27-мъ году Птоломея Евергета, въ 4-мъ году 167 олимпіады»; въ хронологическихъ же своихъ таблицахъ дополняетъ это извѣстіе слѣдующимъ образомъ: «династія Вах'аршака прекратилась на 14-мъ году Өеодосія Младшаго», (рукоп. моей библіот.).—27 годъ Птоломея Евергета II, это—118 г. до Р. Х., что́ совпадаетъ съ 4-мъ годомъ

леніи Аршакидовъ. Вотъ это извѣстіе: „*Парт'ев*амъ (Пароянамъ) благопріятствовало счастіе. Они покорили себѣ царства: *парсійское*, *армянское*, смежное съ восточной Парсіей *индійское* (т. е. к'ушанское и *маскутское* (т. е. массагетское). Они раздѣлили между собою господство въ слѣдующемъ порядкѣ: *первый* изъ рода Парт'евовъ въ послѣдствіи получившихъ названіе Аршакуни (т. е. Аршакидовъ)—мужъ рослый и могучій, превосходившій всѣхъ (рѣчь идетъ объ Аршакѣ I Храбромъ), получилъ царскую власть въ парсійскомъ государствѣ;—*вторый* за нимъ взялъ себѣ армянское царство;—*третій* завладѣлъ индійскимъ (т. е. к'ушанскимъ) царствомъ, сопредѣльнымъ съ парсійскою границею;—*четвертый* изъ нихъ получилъ царство Маскутовъ (т. е. Массагетовъ). Такова іерархія, существующая въ родѣ Парт'евовъ и продолжавшаяся долгое время съ успѣхомъ“ (см. Простр. Ист. Чамчіана, ч. I. стр. 552–553).

*) [Напечатано въ приложеніяхъ (17-е) къ Асохику (1864), стр. 312–315. *Г. Х.*]

167 олимпіады. Стало быть, по Самуилу, начало Аршакидовъ въ Арменіи должно отнести къ 118 г. до Р. Х.; конецъ же ихъ такъ какъ онъ относитъ къ 14-му году Өеодосія Младшаго, то это будетъ 421 г. по Р. Х.; слѣдовательно, они царствовали 539 лѣтъ.

Т'ома Артцруни (Х. в.) прекращеніе упомянутой династіи относитъ ко 2-му году парсійскаго царя Язкерта II, сына Врама II, присовокупляя, что «она продолжалась 415 лѣтъ» (см. его Ист. Константинополь, 1852, стр. 81). Но здѣсь цифра 415 явная описка и Т'ома Артцруни не могъ сказать подобной нелѣпости. Ибо на 45 стр. своей Исторіи онъ на основаніи показанія Моисея Хоренскаго говоритъ, что 60 лѣтъ спустя послѣ Александра воцарился въ Бахлѣ Аршакъ Храбрый и что братъ послѣдняго (?), прибывъ въ Арменію, занялся благоустройствомъ этой страны. Если это такъ, то Т'ома Артцруни не могъ не знать начала аршакидской династіи въ Арменіи, которое онъ вѣроятно относилъ къ 144 г. до Р. Х. вмѣстѣ съ Моисеемъ Хоренскимъ, какъ увидимъ ниже. И потому если 2-й годъ Язкерта II, т. е. 440, принять, какъ онъ говоритъ, за годъ прекращенія упомянутой династіи, то продолжительность ея должна измѣряться цифрою 584.

Киракосъ гандцакскій (XIII в.) говоритъ, что послѣ 6-лѣтняго царствованія Арташира владычество Аршакидовъ, продолжавшееся 568 л., прекратилось въ Арменіи (см. его Ист. Москва. стр. 19).—Если 428 принять за 7-й годъ царствованія Арташира VI, то для полученія цифры 568 мы должны отнести начало армянскихъ Аршакидовъ къ 140 году до Р. Х.

Лѣтописецъ Мхитаръ айриванк'скій 452 принимаетъ за годъ прекращенія этой династіи (см. мое изд. Москва 1860, стр. 47) и говоритъ, что она продолжалась 568 лѣтъ (тамъ же стр. 15). Слѣдовательно: если она прекратилась въ 452 по Р. Х. и продолжалась 568 лѣтъ, то должна была начаться въ 116 году до Р. Х. Итакъ—

314 а) По Асох'ику аршакидская династія въ Арменіи началась
въ 133 г. до Р. Х.
прекратилась въ 432 по Р. Х.
продолжалась 565 *лѣтъ.*

b) По Самуилу анійскому она началась въ 118 до Р. X.
прекратилась въ 421 по Р. X.
продолжалась 539 *лѣтъ.*

c) По Т'омѣ Артцруни она началась въ 144 до Р. X.
прекратилась въ 440 по Р. X.
продолжалась 584 *года.*

d) По Киракосу гандцакскому она началась въ 140 до Р. X.
прекратилась въ 428 по Р. X.
продолжалась 568 *лѣтъ.*

e) По Мхитару айриванк'скому она началась въ 116 до Р. X.
прекратилась въ 452 по Р. X.
продолжалась 568 *лѣтъ.*

Чтобы выйдти изъ лабиринта этихъ противорѣчій у насъ одинъ исходъ, это—Моисей Хоренскій, у котораго въ Исторіи находимъ руководящія для того нити. Онъ говоритъ, что 60 лѣтъ спустя послѣ смерти Александра (сына Александра Великаго, случившейся въ 311 г. до Р. X), Аршакъ Храбрый основываетъ династію Аршакидовъ (парсійскихъ, или какъ онъ называетъ, бахльскихъ), т. е. въ 251 году до Р. X. (см. его Ист. кн. II, гл. II, стр. 78 моего перевода).

Поэтому если 251 годъ примемъ за начало бахльскихъ Аршакидовъ и если къ тому же возьмемъ во вниманіе другое указаніе Моисея Хоренскаго (кн. II, гл. LXVIII), а именно, что основатель могущества Аршакидовъ—Аршакъ Храбрый, царствовалъ 31 годъ (251—31=220), сынъ его Арташесъ 26 лѣтъ (220—26=194), сынъ послѣдняго Аршакъ Великій 53 года (194—53=141), и что Аршаканъ по смерти Аршака II Великаго вступилъ на престолъ на 13 году Вах'аршака, родоначальника армянскихъ Аршакидовъ—то мы придемъ къ слѣдующему заключенію: Вах'аршакъ взошелъ на престолъ Арменіи за 13 лѣтъ до смерти брата своего, Аршака Великаго, т. е. на 40-мъ году царствованія послѣдняго; слѣдовательно, въ 144 до Р. X.

Моисей Хоренскій не предлагаетъ никакихъ данныхъ для года прекращенія этой династіи, слѣдовательно и продолжительности ея. И потому если для этого примемъ за точку отправленія указаніе 315

нашего Асох'ика, т. е. 24 годъ царствованія Θеодосія II Младшаго; то придемъ къ 432-му году по Р. Х.; слѣдовательно, съ цифрой 144, полученной уже нами по даннымъ Моисея Хоренскаго, мы найдемъ, что династія армянскихъ Аршакидовъ продолжалась 576 лѣтъ.

Мхитаристъ Михаилъ Чамчіанъ 149 годъ до Р. Х. принимаетъ за начало армянскихъ Аршакидовъ, а 428 за конецъ ихъ владычества, продолжавшагося слѣдовательно 577 лѣтъ (см. Хронол. Табл. въ его Простр. Ист. Ч. III).

Сен-Мартенъ относительно этого вопроса на слово вѣритъ Чамчіану и полученную послѣднимъ цифру принимаетъ какъ положительный фактъ, не желая входить, за неимѣніемъ точныхъ указаній туземныхъ историковъ, въ безплодныя, по его мнѣнію, розысканія (см. его Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. I, Paris, 1818, pp. 320, 404, 406, 410, 414;—Fragments d'une Histoire des Arsacides, T. I, Paris MDCCCL, p. 62; t. II, Tableau chronolog. des rois arsacides de l'Arménie, №№ 2 et 3).

XI.

Время установленія армянскаго лѣтосчисленія *).

У нашего автора это мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о установленіи 315
армянскаго лѣтосчисленія, противорѣчитъ исторіи во многихъ пунктахъ. Намъ кажется, въ этомъ немало виноваты переписчики; но какъ бы то ни было, слѣдуетъ замѣтить, что армянское лѣтосчисленіе установлено не въ патріаршествованіе Нерсеса. Достовѣрныя показанія предшествовавшихъ Асохʼику историковъ относятъ этотъ фактъ ко времени патріарха Моисея II. Такъ напр. Іоаннъ, епископъ мамиконскій, жившій въ VII вѣкѣ и написавшій «Исторію Таронской Провинціи», приводя списокъ настоятелей Глакскаго монастыря, упоминаетъ между прочимъ о настоятелѣ Аѳанасіи, Աթանաս, жившемъ во время Моисея II, по порученію котораго онъ, какъ человѣкъ свѣдущій въ математическихъ наукахъ, написалъ въ городѣ Дѣвинѣ трактатъ о новомъ лѣтосчисленіи (Венеція, 1832, гл. I, стр. 8).—Далѣе, Іоаннъ каѳоликосъ, занимавшій патріаршій престолъ
съ 898 по 924 и оставившій намъ «Исторію Арменіи», рядомъ съ 316
политической исторіей своего отечества годъ за годомъ съ необыкновенной точностью и послѣдовательностью упоминаетъ и объ армянскихъ патріархахъ и ихъ дѣяніяхъ. Какъ человѣкъ, стоявшій во

*) [Напечатано въ русск. пер. Асохика (1864 г.), въ отдѣлѣ приложеній (18-ое), стр. 315—317. Упоминаемый Н. Эминымъ въ началѣ статьи „нашъ авторъ“ есть Асохикъ. *Г. Х.*].

главѣ духовенства своего народа и имѣвшій въ полномъ своемъ распоряженіи патріаршій архивъ, онъ болѣе всякаго другаго писателя имѣлъ возможность вѣрно передать намъ дѣянія предшествовавшихъ ему іерарховъ. Онъ говоритъ, что армянское лѣтосчисленіе было установлено при патріархѣ Моисеѣ (см. мое изд. стр. 38), а не при Нерсесѣ. Авторитетъ этихъ двухъ писателей вполнѣ ручается за достовѣрность ихъ разсказа.

Опредѣливъ вопросъ о патріархѣ, при которомъ установлено армянское лѣтосчисленіе, пойдемъ дальше и провѣримъ другія показанія Асох'ика.

a) Марз-панъ Мĕжежъ управлялъ съ 518 по 548 = 30 лѣтъ; слѣдовательно, его 7-й годъ это—524.

b) Нерсесъ II патріаршествовалъ съ 524 по 533 = 9 лѣтъ; слѣдовательно, 4-й его годъ—527, соотвѣтствующій 10-му году Мĕжежа.

c) Юстиніанъ I царствовалъ съ 527 по 565 = 38 лѣтъ; слѣдовательно, его 14-й годъ—540.

d) Хосровъ I, сынъ Кавата, царствовалъ съ 531 по 578 = 47 лѣтъ; слѣдовательно, его 24-й годъ—554.

e) Изд-Бузитъ принялъ мученичество въ 552.

Такимъ образомъ мы получаемъ рядъ синхронизмовъ, который вѣроятно въ первоначальномъ подлинномъ спискѣ нашего историка былъ приведенъ во всей точности его, а не въ слѣдующемъ неточномъ и запутанномъ видѣ, по милости переписчиковъ:

7 годъ Мĕжежа	524.
4 годъ Нерсеса II	527.
14 годъ Юстиніана I	540.
24 годъ Хосрова I	554.
годъ мучен. Изд-Бузита	552.

Вѣрный рядъ синхронизмовъ, показывающихъ начало армянскаго лѣтосчисленія можно было бы возстановить такъ:

4 годъ Марз-пана Деншапуха-Парса	551.
1 годъ патріаршествованія Моисея II	551.

21 годъ Хосрова I, царя парсійскаго. . . . . . 551.
25 годъ Юстиніана I . . . . 551.

Далѣе, если, слѣдуя Асох'ику, принять не 551, но 553 за *первый годъ* армянской эры, то въ такомъ случаѣ эта послѣдняя циф- 317
ра должна совпасть съ 25, а не съ 14 годомъ Юстиніана; съ 21, а не съ 24 годомъ парсійскаго царя Хосрова, начиная отъ 527 года, т. е. отъ втораго дѣвинскаго собора, созваннаго патріархомъ Нерсесомъ.

Что же касается до того мѣста нашего автора, гдѣ онъ говоритъ: «и было (тогда) греческаго лѣтосчисленія лѣто 304-е отъ императора Филиппа 7-е»; то слѣдуетъ замѣтить, что послѣдняя цифра, благодаря невѣжеству переписчиковъ, показана здѣсь невѣрно. Вмѣсто: «отъ императора Филиппа 7-е», слѣдуетъ читать: «отъ императора Филиппа 307-е», что дѣйствительно и совпадаетъ съ 553 г. отъ Р. Х.

Наконецъ цифра 252, которую Асох'икъ предлагаетъ здѣсь, дастъ также 553-й годъ, если придать къ ней 301—годъ оффиціальнаго принятія христіанской вѣры Армянами.

Заключимъ нашу провѣрку синхронизмовъ нашего историка замѣчаніемъ ученаго академика Броссе относительно цифры 553... «je me contente d'ajouter que l'année 553, dans laquelle fut organisé le comput arménien... répond en effet à 551 de l'ère chrétienne, parce que la chronologie d'Eusèbe, alors suivie par les Arméniens, place la naissance du Sauveur deux ans avant le commencement de l'ère vulgaire» (Analyse critique de la Всеобщая Исторія de Vardan, St-Pétersbourg, 1862, p. 18).

XII.

Объ отпаденіи грузинской церкви отъ армянской *).

Весь этотъ отдѣлъ, относащійся къ исторіи *отпаденія иверійской или грузинской церкви отъ армянской*, заключаетъ въ себѣ сжато въ бѣгломъ очеркѣ важныя событія, составляющія предметъ сочиненія Ухт̕анеса, писателя конца X-го вѣка. Пока представится возможность издать этотъ замѣчательный памятникъ, читатели могутъ составить себѣ ясное понятіе о его содержаніи изъ прекрасно составленной отчетливой статьи академика Броссе́, въ его Additions
96 et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie (Addit. V, pp. 107—125). Мы же съ своей стороны не лишнимъ считаемъ представить здѣсь нѣкоторыя свои соображенія объ этомъ фактѣ церковной исторіи.

Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній ученаго академика мы усматриваемъ, что онъ съ недовѣрчивостью смотритъ на достовѣрность этого событія, и между прочимъ удивляется, почему при каѳоликосѣ Аврамѣ ни слова не упоминается о Гуарамѣ, куропалатѣ иверійскомъ, ко времени управленія котораго относится отпаденіе иверійской церкви отъ армянской. Намъ кажется, обстоятельство, чисто случайное, каково, напримѣръ, неупоминаніе имени Гуарама, не можетъ поколе-

*) [Напечатано въ русскомъ переводѣ Вардана Великаго, 1861, въ отдѣлѣ примѣчаній (247-ое), стр. 95—98. *Г. Х.*].

бать основанія событія, начавшагося въ 551 году со вступленіемъ на патріаршій армянскій престолъ Моисея II, и окончившагося на второмъ году патріаршествованіи Авраама I-го въ 596 году, т. е. въ теченіи почти полувѣка. Къ этому общему замѣчанію присоединимъ еще и то важное обстоятельство, что объ отпаденіи иверійской церкви говоритъ не одинъ Ухт'анесъ, но цѣлый рядъ лучшихъ армянскихъ историковъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ, по хронологическому порядку, МоисейКах'акантуаци. Мы его ставимъ на первомъ планѣ по поводу этого вопроса на томъ основаніи, что свою Исторію Ахованіи онъ заканчиваетъ 363 годомъ армянскаго лѣтосчисленія (914); значитъ онъ ее писалъ, вѣроятно, въ концѣ IX и въ началѣ X-го вѣка.—За нимъ, по нашему разумѣнію, слѣдуетъ Іоаннъ VI, по прозванію Историкъ, который патріаршествовалъ до 925 года. Наконецъ самъ Ухт'анесъ, жившій въ патріаршествованіе Хачика I-го, т. е. въ исходѣ X-го вѣка (972—992); не говоримъ уже о Асох'икѣ, Степ'аносѣ, епископѣ сюникскомъ, о Киракосѣ, Варданѣ, Мхитарѣ айриванк'скомъ и Самуилѣ анійскомъ.—Моисей Кахакантуаци, Іоаннъ Каѳоликосъ и Ухт'анесъ, за ними и другіе, согласны въ томъ, что отпаденіе иверійской церкви совершилось во время патріарховъ — Моисея II и Авраама I-го; что иверійскій престолъ въ то время занималъ Кюріонъ, и что наконецъ этотъ послѣдній на 2 году Авраама отложился окончательно. Кахакантуаци разсказъ свой объ этомъ событіи подкрѣпляетъ между прочимъ отрывкомъ изъ переписки между двумя враждовавшими партіями (кн. II, гл. 47, моего изд.), которая въ послѣдствіи вся цѣликомъ вошла въ исторію Ухт'анеса.—Іоаннъ—историкъ правдивый, человѣкъ занимавшій патріаршій престолъ и, слѣдовательно, имѣвшій въ полномъ своемъ распоряженіи архивъ патріаршаго дворца, оста- 97
вившій намъ важный трудъ, извѣстный подъ названіемъ: «Рядъ армянскихъ патріарховъ», *Շարք կաթողիկոսաց Հայոց*, для составленія котораго онъ необходимо долженъ былъ не разъ вопрошать патріаршій архивъ, не говоря уже о томъ, что онъ къ этому же источнику, вѣроятно, неоднократно обращался, когда писалъ свою Исторію—этотъ Іоаннъ категорически выражается о фактѣ, насъ теперь занимающемъ (см. мое изд. стр. 38, 41 и 42). Ухт'анесъ же въ

своей такъ называемой «Исторіи отпаденія Иверійской церкви» взялъ на себя трудъ свести въ одинъ сводъ всю переписку двухъ армянскихъ патріарховъ съ Кюріономъ и нѣкоторыми другими лицами; и всѣ эти граматы и посланія онъ приводитъ цѣликомъ отъ буквы до буквы, такъ что вся роль его, какъ историка, заключается въ вѣрномъ списываніи этихъ документовъ, которымъ онъ старается придать нѣкоторую связь немногими отъ себя словами. Въ подобнаго рода трудѣ мудрено подозрѣвать недостовѣрность; еще если бы рѣчь шла о какомъ-нибудь славномъ подвигѣ, пріятно льстившемъ народное самолюбіе.

По нашему мнѣнію, все это говоритъ въ пользу совершенной достовѣрности событія, которое насъ занимаетъ. Прибавимъ къ вышесказанному и слѣдующее немаловажное обстоятельство: до тѣхъ поръ, пока переписывался съ Кюріономъ каѳоликосъ Моисей, не смотря на то, что эта переписка продолжалась во все время его управленія престоломъ — Кюріонъ при всемъ своемъ желаніи стать на ноги и стряхнуть съ себя ярмо зависимости, не рѣшался на этотъ послѣдній шагъ именно потому, что имѣлъ дѣло съ человѣкомъ умнымъ, въ высшей степени осторожнымъ и осмотрительнымъ: такъ является передъ нами каѳоликосъ Моисей въ своихъ граматахъ къ Кюріону. Но когда вступилъ на патріаршій престолъ Авраамъ, черезъ годъ произошелъ окончательный разрывъ между двумя церквами, потому что новый каѳоликосъ, далеко не политикъ, всею силою своей власти хотѣлъ налечь на Кюріона: и брань и угрозы — все пустилъ въ дѣло Авраамъ. Кюріонъ того и хотѣлъ; онъ чувствовалъ уже себя свободнымъ отъ всякаго обязательства, написалъ преумное письмо къ армянскому каѳоликосу, приправленное тонкой аттической солью и перешелъ, какъ тогда выражались въ Арменіи, къ халкедонитамъ. Мы того мнѣнія, что все дѣло было испорчено
98 Авраамомъ; если бы Моисей остался живъ, статься можетъ, ему удалось бы такъ или иначе уладить это непріятное дѣло. Но жребій былъ брошенъ и роковой силѣ событій никто уже не могъ противостоять. И роль судьбы играетъ здѣсь армянскій каѳоликосъ. Историкъ не исказилъ этой роли, выставилъ ее во всей ея суровости, бросающей не совсѣмъ пріятную тѣнь на лицо Авраама. Намъ кажется, не такъ поступаютъ *сочинители* недостовѣрныхъ исторій.

Если съ одной стороны причиною распаденія двухъ церквей была неполитичность Авраама, то съ другой стороны не малую роль играло и *честолюбіе* Кюріона: ему *во что бы то ни стало хотѣлось быть независимымъ;* религіозныя убѣжденія, конечно, стояли далеко на второмъ планѣ. На *честолюбіе* Кюріона указываетъ проницательный Іоаннъ каѳоликосъ (*փառամոլ ամբարհաւաճութիւն*, стр. 38, *զփառամոլ բարուց բոյսս... աճեցուցանէին*, стр. 42); тоже самое видитъ въ Кюріонѣ иКах'акантуаци, когда говоритъ: «Начальникъ иверійской церкви, видя, что въ ахованскую церковь назначаютъ *архіепископа*, а въ иверійскую—*митрополита*, *заупрямился* и началъ сильно спорить противъ этого» (*Խռովեցաւ Վրացն, որում Կիւրիոն կոչէին, և հակառակութեան բերէր վճիռ.* Кн. II, гл. 48, стр. 217—218).—Академикъ Броссе въ вышеупомянутой нами статьѣ своей «о Исторіи Ухтанеса» также вѣрно схватилъ эту черту въ характерѣ Кюріона.

Но, быть можетъ, намъ скажутъ, куда же дѣвать хронологію, которая въ приложеніи къ этому событію на каждомъ шагу встрѣчаетъ неточности? Мы и сами не разъ останавливались на этихъ неточностяхъ, и намъ казалось, что въ нихъ виноваты не только армянскіе писатели, сколько въ высшей степени безграмотные и невѣжественные переписчики, которые до невѣроятія, баснословно, искажали свои тексты. Когда памятники армянской письменности издадутся и издадутся по различнымъ по возможности вѣрнымъ спискамъ; когда они пройдутъ черезъ редакцію людей ученыхъ; тогда, мы полагаемъ, вмѣстѣ съ многими другими хронологическими невѣрностями можно будетъ исправить и тѣ, которыя относятся къ исторіи отпаденія иверійской церкви.

XIII.

О памятникахъ древности въ Русской Арменіи и о походахъ Руссовъ на Партавъ *).

Третья часть древней Арменіи, вошедшая въ составъ Россіи, за-
48 ключаетъ въ себѣ мѣста съ развалинами древнихъ армянскихъ столицъ, жреческихъ городовъ, языческихъ храмовъ, царскихъ и княжескихъ дворцовъ, старинныхъ церквей и монастырей. — Всѣ они достойны вниманія археолога.

Въ русской Арменіи такія мѣста находятся преимущественно въ провинціяхъ древней Арменіи, араратской и сюникской—нынѣшней Эриванской губерніи съ Сардарабадомъ, старой Нахичеванью и Ордубадомъ. Сдѣлаемъ бѣглое указаніе на мѣста нахожденія помянутыхъ развалинъ и церквей.

1. На сѣверо-западѣ отъ Сардарабада, въ Талинѣ, находятся развалины церквей съ надписями X вѣка и часовня, построенная въ VII вѣкѣ.—На Востокъ отъ Талина—селеніе Ашнакъ,—бывшая нѣкогда зимней резиденціей армянскихъ царей Аршакидовъ; здѣсь же въ селеніи Талишѣ высится большая, великолѣпная церковь, построенная въ 671 г., съ древними надписями. На востокѣ отъ по-

---

*) [Читано на засѣданіи Моск. Археол. Общества, 13 марта 1879 г.; напечатано въ VIII т. Древностей, въ Проток. Подгот. Комит. V Арх. съѣзда въ Тифлисѣ, стр. 47—50, 53—55, М. 1880 г., in 4⁰. *Г. Х.*].

слѣдняго находятся деревни: Вжапъ, Техеръ и Ахцъ, съ значительными развалинами. Въ послѣдней изъ этихъ деревень погребены кости армянскихъ царей Аршакидовъ, похищенныя Персами (въ 373 г. по Р. Х.), но отнятыя у нихъ армянскими сатрапами и здѣсь погребенныя. Мѣстность эта въ большомъ почетѣ и у магометанъ. Недалеко отъ Сардарабада, на востокѣ отъ деревни Тепедини, на высокомъ холмѣ, уцѣлѣли до сего времени немногіе остатки отъ Армавира, священнаго и древнѣйшаго города, матери городовъ армянскихъ, построеннаго, какъ говоритъ Моисей Хоренскій, Брамаисомъ, внукомъ родоначальника армянъ, Хайка, 4200 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь была священная платановая роща.

2. Вахаршапатъ—недалеко отъ Эривани, первоначально весеннее мѣстопребываніе царей Хосрова I и св. Тердата (III и IV в.), въ послѣдствіи столица, а нынѣ деревня того же имени. Здѣсь на Араратской равнинѣ, соборъ Эчміадзинъ, деревня Ошаканъ, гдѣ гробница св. Месропа, изобрѣтателя армянскаго алфавита (V в.); деревня Мухни съ великолѣпной старинной церковью; монастырь Іованнаванкъ, заложенный св. Григоріемъ, возобновленный въ VI и VIII в., со множествомъ надписей; на сѣверѣ отъ него—деревня Карби, богатая развалинами.

На горѣ Маломъ Араратѣ заслуживаютъ вниманія такъ называемыя «Могилы исполиновъ», о которыхъ ученый армянскій путешественникъ Месропъ Тахидіанъ, посѣтившій эту гору въ 1847 г. говоритъ: «на вершинѣ Малаго Арарата до сихъ поръ видны нѣкоторыя мраморныя гробницы, толщиною отъ 5-ти до 6-ти футовъ.

3. Эривань.—На юго-востокѣ отъ этого города—развалины одной
изъ многихъ армянскихъ столицъ, а именно Девина, построеннаго 49
Хосровомъ II, сыномъ Тердата Великаго, въ 344 году.

Къ юго-западу отъ Девина, недалеко отъ Аракса и Гарни, находился городъ Арташатъ, построенный, слишкомъ 2000 лѣтъ тому назадъ, армянскимъ сатрапомъ Арташіасомъ по плану Ганнибала, удалившагося изъ Карфагена, чтобы здѣсь на Востокѣ, образовать коалицію противъ Рима. Одно время Арташатъ былъ столицей армянскихъ царей Аршакидовъ. Корбулонъ, полководецъ Нерона, сжегъ этотъ городъ, который по возобновленіи былъ названъ Нероніею.

Здѣсь были языческіе храмы великой богини Анахитъ, разрушенные св. Григоріемъ. Развалины этого города уцѣлѣли до сего времени. На нихъ стоитъ теперь небольшая деревушка, Арташиръ. Недалеко отъ Арташата находился знаменитый храмъ бога Тира, армянскаго Гермеса.

Къ юго-востоку отъ Эривани, на разстояніи 24-хъ верстъ, находился Гарни, на рѣкѣ того же имени, — лѣтняя резиденція царя Тердата. Развалины царскаго дворца видны и теперь.

Въ 5—6 верстахъ отъ Гарни, на сѣверо-востокъ, находится знаменитый монастырь Айри-Ванкъ, основаніе котораго относится также къ началу IV вѣка. Тутъ же три въ высшей степени замѣчательныхъ церкви, высѣченныхъ въ горѣ въ 1214—1288 годахъ, какъ гласитъ сохранившаяся въ одной изъ нихъ надпись.

4. Гёк-Чай, озеро Севанъ, съ древнимъ монастыремъ.

5. Старая Нахичевань, близъ Персидской границы, — одинъ изъ древнихъ армянскихъ городовъ. По преданію, здѣсь остановился Ной, по выходѣ изъ ковчега. Близъ городскихъ воротъ указываютъ на его могилу.

6. Кстати сказать нѣсколько словъ объ Албаніи, куда еще въ X вѣкѣ направляли Руссы свои набѣги.

Между Гандзакомъ—нынѣшнимъ Елисаветополемъ—рѣками Курою и Араксомъ, Кавказскими горами, Каспіемъ и пространствомъ, занимаемымъ Карабахомъ, лежала страна Ахвановъ, т. е. Албановъ. На лѣвомъ берегу Куры, гдѣ нынѣ стоитъ деревня Берде, находилась древняя столица Албаніи, Партавъ. Тутъ же развалины этого города. Армяне, Аравитяне, Персы, Грузины, Турки попеременно господствовали въ этой странѣ до вступленія въ нее Русскихъ. Когда именно былъ разоренъ городъ Партавъ — неизвѣстно. Недалеко отъ его развалинъ были лѣтнія мѣстопребыванія албанскихъ царей и каѳоликосовъ: резиденція первыхъ называлась Алуэномъ, а вторыхъ—Бердакоромъ.

Въ южной Албаніи находятся знаменитые монастыри: Хатраванкъ, Хутаванкъ или Дадиванкъ (XII — XIII). Церковь при послѣднемъ монастырѣ, построенная въ 1214 году, высится до сихъ поръ,—она вся покрыта надписями.

Въ армянской исторической литературѣ видное мѣсто занимаетъ «Исторія Ахвановъ или Албановъ», написанная Моисеемъ Каханкатуаци, жившимъ въ концѣ X вѣка, издана въ 1839 въ Шушѣ, а въ Москвѣ въ 1860 году. Въ ней упоминается о походахъ Рузиковъ или Рузовъ (такъ въ ней называются Руссы) на столицу Албаніи, Партавъ. Нельзя не сожалѣть, что авторъ въ общихъ только выраженіяхъ упоминаетъ объ ихъ походахъ, не обозначая ни времени, ни предводителей, подъ начальствомъ которыхъ они были совершены. Не смотря на это, разсказъ его весьма интересенъ и отличается типичностью; поэтому мы и приводимъ его здѣсь цѣликомъ.— Моисей, разсказавъ, какъ Делимиты отняли у Аравитянъ городъ Партавъ, присовокупляетъ: «Около того же времени изъ сѣверныхъ странъ отдѣлился народъ съ незнакомыми, непривычными (для насъ) чертами лица (народъ), называемый Рузиками. Они три раза, какъ ураганъ, налетали съ восточной стороны обширнаго моря Каспійскаго на Партавъ, столицу Албановъ. Городъ не выдержалъ ихъ натиска и былъ преданъ лезвію меча. Они захватили въ свои руки все богатство и имущество жителей. Начальникъ (Делемитовъ) осадилъ было ихъ, но не могъ причинить имъ вреда; ибо у нихъ сила была непобѣдимая. Но женщины города прибѣгли къ хитрости и коварству и стали предлагать Рузамъ смертную чашу. Послѣдніе, узнавъ объ измѣнѣ, нещадно перебили женщинъ съ ихъ младенцами. Они (Рузы) оставались въ этомъ городѣ шесть мѣсяцевъ и, ограбивъ его совершенно, ушли въ свою страну съ многоразличной добычей».

Кромѣ двухъ провинцій собственно Великой Арменіи, о которыхъ 53
была рѣчь въ предъидущей запискѣ, присоединены къ Россіи также древнія армяно-албанскія области. Изъ нихъ укажемъ на Борчалу, съ рѣкой того же имени, правый берегъ которой въ древности назывался Дпорогэткъ и составлялъ часть древней Гугарской области *),

---

*) Гугаркъ-сѣверная пограничная съ Иверіей область древней Арменіи, впослѣдствіи подпавшая подъ власть иверійцевъ, нынѣ называемая послѣдними «Ахал-цихе», т. е. „Новая крѣпость".

54 а именно ея провинціи: Дцоропоръ, Тцобопоръ, Кохбопоръ. Замѣчу мимоходомъ, для свѣдѣнія членовъ экспедиціи, что сложныя названія этихъ трехъ послѣднихъ провинцій замѣчательны второю составною своею частью, а именно словомъ поръ, которое, по моему мнѣнію, ничто иное, какъ санскритское пуръ, означающее городъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти провинціи по городамъ получили свои названія. Въ районѣ этихъ провинцій встрѣчаются нѣсколько другихъ городовъ съ такимъ же окончаніемъ, изъ чего можно заключить, что они основаны выходцами изъ Индіи, наложившими на мѣста своего поселенія свою индійскую печать. Такая наша гипотеза основана на указаніи исторіи: Зенобъ-Глакъ, ученикъ св. Григорія Просвѣтителя, въ своей исторіи Тароновской провинціи подробно описываетъ индійскую колонію, за 150 л. до Р. Х. пришедшую въ Арменію съ изображеніемъ своихъ боговъ и поселившуюся въ названной провинціи. Храмы и идолы этихъ колонистовъ были сокрушены Просвѣтителемъ Арменіи въ 302 г. по Р. Х.

Въ области Дцорогэткъ находятся монастыри Ахбатъ и Санахинъ, стоящіе въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи и построенные при царяхъ изъ династіи Багратидовъ. Изъ нихъ послѣдній обратился почти въ развалины; поэтому остановимся на немъ и сообщимъ нѣкоторыя подробности. Санахинъ построенъ въ 967 году армянской царицей Хосровануйшъ. Въ немъ до сихъ поръ высится великолѣпная церковь съ высокимъ куполомъ во имя Спасителя. Здѣсь гробницы царей Багратидовъ, владѣтельныхъ князей и знаменитыхъ учителей армянской церкви. За Санахинскимъ монастыремъ, надъ рѣкою Дцоръ, перекинутъ такъ-называемый «Большой Мостъ», построенный царицею Нане, сестрою Спасаларовъ Иване и Закаре. Онъ сохранился до сего дня съ надписью, напоминающею о преждевременной кончинѣ ея супруга, царя Абаса, царствовавшаго въ Тавумѣ, въ началѣ XII вѣка.

На юго-западъ отъ Санахина, на лѣвомъ берегу рѣки Дцоръ, находится деревня Одци или Узунларъ, гдѣ стоитъ великолѣпная гробница, какъ полагаютъ, Сембата Багратуни, принявшаго мученическую смерть въ городѣ Девинѣ въ началѣ X вѣка. На сѣверъ отъ

деревни Ардунъ много пещеръ и развалинъ, также знаменитый монастырь Кобайръ, построенный въ XII вѣкѣ.

На сѣверѣ отъ Александрополя, на берегу рѣки Ахурянъ (Арпачай), близъ деревни Ханледжа, на разстояніи трехъ часовъ пути, находится знаменитый въ старину монастырь Мармашлэнъ, построенный въ исходѣ X вѣка князьями изъ рода Пахлавуни: въ немъ церковь, возобновленная въ XII вѣкѣ.

На востокъ отъ Александрополя заслуживаетъ вниманія деревня, съ монастыремъ Харчо и съ великолѣпной церковью, построенной Спасаларомъ Закаре въ 1201 году.

На сѣверо-востокъ отъ Санахина стоитъ Ахбатъ, превосходящій 55
сосѣда своимъ великолѣпіемъ, построенный почти въ одно съ нимъ время. Въ этомъ монастырѣ, какъ и въ Санахинѣ, также могилы многихъ знаменитостей политическаго и умственнаго армянскаго міра. Въ предѣлахъ Дцорогэтской области археологъ встрѣтитъ развалины многихъ храмовъ, свидѣтельствующихъ о благочестіи потомковъ армянскихъ и грузинскихъ Багратидовъ и князей отъ нихъ происшедшихъ. Здѣсь же, за такъ называемымъ «Краснымъ Мостомъ», виднѣются остатки Хунана, древнѣйшаго города, построеннаго, какъ гласитъ преданіе, Картлосомъ, родоначальникомъ Иверійцевъ, братомъ родоначальника армянъ Хайка. Турки называютъ его Кез-Куле. Ученые думаютъ, что здѣсь стоялъ древній пограничный съ Иверіей и Албаніей армянскій городъ Хунаракертъ.

Къ весьма важнымъ вообще для археологіи и армянской въ особенности результатамъ пришла бы экспедиція, еслибъ она могла заручиться позволеніемъ Эчміадзинскаго каѳоликоса вскрыть одну изъ царскихъ могилъ Санагинскихъ. Полагаю, что такое позволеніе можетъ быть испрошено у патріарха только черезъ посредство Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго.

Архимандритъ Саргисъ Джалаліанъ, посѣтившій въ 1842 году Санахинъ и Ахбатъ съ прилежащими къ нимъ церквами и монастырями, списалъ 384 надписи, изъ коихъ на Санахинъ приходится 67, а на Ахбатъ 66; затѣмъ остальныя надписи распредѣляются такъ: на Одцунъ 3, на церковь во имя св. Знаменія Хоромоси—31, на Айгеханъ—3, на деревню Мардеръ—2, на Сурбъ Григоръ—27, на

Карасниць ванкъ—10, на деревню Курданъ—3, на монастырь Хахарцни—20, на Гоша-ванкъ—28; на Макара-ванкъ—36, на Пустынь Черекъ—5, на Пустынь апостола Елисея—12, на Гандзасаръ—38 и на монастырь Хута́ 44.

Всѣ эти надписи, помимо хронологическихъ указаній, заключаютъ въ себѣ много фактовъ чисто историческаго характера, относящихся до нашествія Аравитянъ, Татаръ, Турокъ и Персовъ на сопредѣльную съ Иверіей Гугаркскую область.

XIV.

Дѣйствительно-ли „Цимисхій"—прозваніе императора Іоанна, значитъ „Adolescentulus"? *)

Прежде чѣмъ приступить къ вопросу, поставленному въ началѣ 1 r
этой замѣтки, позволю себѣ небольшое отступленіе и приведу изъ Матѳея едесскаго, армянскаго лѣтописца XII вѣка, нѣкоторыя не лишенныя интереса подробности какъ о жизни, такъ и о началѣ и концѣ царствованія императора Іоанна, въ изображеніи которыхъ онъ рѣзко расходится съ византійскими историками и въ особенности со Львомъ Діакономъ.

Іоаннъ Цимисхій—одинъ изъ многихъ армянъ, которые въ византійской имперіи играли первостепенныя роли и на престолѣ и на военномъ поприщѣ. Послѣ Михаила III **), императоръ Василій I Аршакидъ ***) основываетъ въ Византіи армянскую династію, продолжавшуюся безъ малаго двѣсти лѣтъ ****). Изъ государей этой

*) [Настоящая статья, написанная, какъ видно изъ помѣтки самого автора, въ 1880 г. и прочитанная на одномъ изъ засѣданій Моск. Археол. Общества, впервые появляется здѣсь въ печати. Вѣроятно, въ дополненіе къ этой статьѣ, перевелъ покойный Н. О. Эминъ и ту часть лѣтописи Матѳея Едесскаго, въ которой упоминается объ Іоаннѣ Цимисхіи и которую мы помѣщаемъ ниже, въ отдѣлѣ *Приложеній* (IV). Рукопись переводчика содержитъ 10 страницъ (1 *r*—5 *v*) большаго формата писчей бумаги.—*Г. Х.*].

**) Царствовалъ съ 856 по 867.

***) Онъ же *Македонянинъ*, какъ родившійся въ Македоніи, съ 867 по 886.

****) Отъ 886 по 1056 годъ.

династіи въ особенности замѣчательны Левъ VI Философъ, Константинъ VII Багрянородный, Никифоръ II Фока. Не менѣе славныя имена встрѣчаются и на военномъ поприщѣ: Вардъ-фока, Вардъ-Склеросъ, доместикосъ Млехъ, Гургенъ, Мануэлъ, Θедоръ Багратуни, Григорій таронскій, Варданъ по прозванію Туркъ и многіе другіе, не менѣе ихъ знаменитые, были армяне pur sang. Какъ вождь, императоръ Іоаннъ занимаетъ между ними не послѣднее мѣсто.

Лѣтописецъ, изложивъ въ немногихъ словахъ событія царствова-
нія Никифора, которому онъ отдаетъ всю свою симпатію и котораго
1 v характеризуетъ эпитетами «добрый, боголюбивый, добродѣтельный,
праведный», становится строгимъ судіей Іоанна, какъ человѣка,
«пролившаго невинную кровь». И вотъ въ какомъ свѣтѣ онъ его
представляетъ:

«Въ это время на одномъ островѣ находился въ заточеніи нѣкій преступникъ, по имени Чмѣшкикъ. Беззаконная и гнусная царица (Теофано) безъ повелѣнія царя тайно посылаетъ за нимъ, выводитъ его изъ острова и безъ вѣдома царя приказываетъ ввести его въ Константинополь. Она вступаетъ съ нимъ въ тайные переговоры, предлагаетъ ему умертвить царя Никифора, обѣщаясь выйти за него замужъ и возвести его на царскій престолъ. И онъ соглашается исполнить повелѣніе царицы.

«Однажды вечеромъ, когда царь Никифоръ, сидя на престолѣ, имѣя передъ собою зажженныя восковыя свѣчи, читалъ книги божественныхъ Завѣтовъ, приходитъ царица, начинаетъ ласкаться къ нему и, крѣпко спутавъ ремнемъ лежавшій подлѣ него мечъ, выходитъ и идетъ къ своему злоумышленнику. Она своими руками отдаетъ ему смертоносный мечъ на пролитіе крови праведнаго.

«И Чмѣшкикъ, пришедъ украдкой, вбѣгаетъ въ царскій покой.
При видѣ его, вѣнценосецъ говоритъ: «бѣшеная собака! Чего тебѣ
надо здѣсь? и, вскочивъ, мужественно хватается за мечъ; но ви-
дитъ, что онъ крѣпко спутанъ. Тогда Чмѣшкикъ, какъ звѣрь, бро-
сается на него и, безжалостно зарѣзавъ добрѣйшаго царя, разсѣ-
каетъ его на три части: царь, облитый собственной кровью, въ
2 r горькой и лютой смерти отдаетъ душу Христу. — Тогда увидѣли,
что вѣнценосецъ подъ порфирою носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ.

«И вступилъ на престолъ греческаго царства нечестивый Чмёшкикъ. Онъ завладѣлъ Константинополемъ и подчинилъ подъ власть свою всѣ области римской земли. Сыновей царя Романа онъ немедленно отправилъ въ Васакава́нъ, въ ханцитской провинціи (четвертой Арменіи) *). Изъ опасенія, чтобы царица не извела ядомъ Василія и Константина, онъ приказалъ отвезти ихъ къ Спрами́къ, матери великаго Мхитара **). Вслѣдствіе такого злодѣйства вѣнценосецъ Чмёшки́къ, погруженный въ великую печаль и мучимый совѣстью, потерялъ покой душевный».

Засимъ Лѣтописецъ изъ одного обширнаго, въ высокой степени интереснаго документа, а именно изъ Посланія Цимисхія къ армянскому царю, Ашоту III Багратун'и ***) – пособнику его и союзнику, приводитъ подробности о походѣ императора Іоанна противъ аравитянъ въ Финикію, Палестину и Сирію, гдѣ въ то время господствовали послѣдніе. Походъ этотъ былъ тріумфальнымъ, можно сказать, шествіемъ, ибо вездѣ Цимисхій являлся побѣдителемъ: Эмесса, Баальбекъ, Геліаполь, Дамаскъ, Декаполь, Генесаретъ, Акра, Вритонъ****), Сидонъ, крѣпость Библосъ, приморскіе города — Триполи, Джебаль *****), Сихонъ, Зурзавъ — всѣ эти города послѣ напраснаго сопротивленія передаются завоевателю съ большимъ для себя урономъ. Относительно св. Земли и нѣкоторыхъ городовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія соображенія императора: онъ милостиво отно- 2 v
сится напр. къ Тиверіадѣ, какъ къ родинѣ апостоловъ, и къ Назарету, гдѣ Св. Дѣва услышала благовѣстіе отъ ангела. Здѣсь же въ Палестинѣ посѣщаетъ его мысль, достойная великаго государя, мысль объ освобожденіи св. Гроба «отъ гнета, какъ онъ выражается, Аравитянъ». Наконецъ онъ щадитъ Едессу во вниманіе къ 12,000

*) Въ Діарбекирскомъ пашалыкѣ.

**) Кто была эта госпожа, нѣтъ возможности опредѣлить, потому что ни у какого другаго историка не упоминается объ ней; тоже можно сказать и о „великомъ Мхитарѣ".

***) Царствовалъ съ 952 по 977 годъ.

****) Это нынѣшній *Бейрутъ*.

*****) Это древній *Гаваль* или *Геваль*.

отшельникамъ, находившимся въ ея окрестностяхъ, и къ Амиту, нынѣшнему Діарбекиру, которымъ владѣла аравитянка *), бывшая нѣкогда его любовницей.

Всѣ эти подробности лѣтописецъ заключаетъ слѣдующимъ разсказомъ о послѣднихъ дняхъ императора Іоанна:

«Послѣ многихъ войнъ и побѣдъ, одержанныхъ императоромъ Чмёшкикомъ, страхъ смерти и ужасъ страшнаго суда посѣтили его. Онъ вспомнилъ неповинную смерть праведнаго Никифора и невинную его кровь. И рѣшился онъ на добродѣтельную жизнь, надѣясь черезъ раскаяніе смыть кровь, напрасно имъ пролитую. Было уже пять лѣтъ **), какъ онъ занималъ престолъ римскаго государства. Пока онъ вращалъ это въ умѣ своемъ, его посѣтила мысль благая, Богу угодная: онъ отправилъ въ Васакавáнъ за Василіемъ и Константиномъ, сыновьями вѣнценосца Романа, которые имъ отправлены были къ знатной госпожѣ Спрамúкъ изъ опасенія, чтобы нечестивая царица не погубила ихъ ***). Когда Василія привезли въ Константинополь, Чмёшкикъ созвалъ всѣхъ вельможъ греческихъ. И
3 г собрался въ императорскомъ дворцѣ ихъ внушительный сонмъ. Тогда Чмёшкикъ, своими руками снявъ съ головы своей корону, возложилъ ее на голову Василія, возвелъ его на царскій престолъ и поклонился ему въ землю. Возвративъ такимъ образомъ Василію отцовскій престолъ и передавъ ему царскую власть надъ всею Греціей, самъ онъ удалился въ пустыню и, принявъ монашескій чинъ, поселился въ монастырѣ.

«И тотъ, кто вчера еще былъ царемъ, сегодня сидитъ съ нищими, принявъ на себя добровольную нищету въ надеждѣ наслѣдовать блаженство св. Евангелія» ****).

Послѣ этого отступленія перехожу къ нашему вопросу.

Іоаннъ, мужъ знатнаго происхожденія, благородный братъ Ники-

*) Сестра Эмира Хамдуна.

**) Чмешкйкъ царствовалъ съ 11 декабря 969 по 10 января 976 г.

***) Она намѣрена была приказать оскопить ихъ.

****) У Льва Даікона Цимисхій умираетъ отравленный медленнымъ ядомъ.

фора, родился въ Арменіи, въ городѣ Іерополѣ, провинціи Хозанъ *). По армянскимъ историкамъ, въ честь его этотъ городъ впослѣдствіи переименованъ въ Чмѣшкатцаг **). Матѳей и другіе лѣтописцы не даютъ никакихъ свѣдѣній о жизни его во время пребыванія на родинѣ, кромѣ извѣстія, и то весьма краткаго, объ интимныхъ его отношеніяхъ съ вышеупомянутой аравитянкой. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о частной жизни Іоанна въ Арменіи. Послѣ того мы встрѣчаемъ его въ Византіи въ царствованіе Никифора, но уже въ опалѣ. Дальнѣйшія приключенія его жизни, кромѣ приведенныхъ нами изъ Матѳея едесскаго, извѣстны изъ Льва Діакона.

Матѳей и всѣ вообще армянскіе лѣтописцы, упоминающіе объ императорѣ Іоаннѣ, не оставили намъ его портрета за исключеніемъ его прозванія *Чмешкик*. Ни одинъ изъ нихъ не говоритъ объ его ростѣ, который западные историки характеризуютъ эпитетомъ *маленькій*, служащимъ будто бы переводомъ вышеприведеннаго армянскаго слова. У одного только Льва Діакона мы находимъ прекрасное описаніе его наружности. «У него, говоритъ онъ, лицо было бѣлое и красивое; волосы на головѣ русые и на лбу рѣдкіе; глаза острые, голубые; носъ тонкій, умѣренный; борода рыжая и со сторонъ слишкомъ сжатая, а снизу красиво оканчивающаяся; ростомъ былъ малъ, но имѣлъ широкую грудь и спину; сила у него была исполинская, въ рукахъ чрезвычайная гибкость и непреодолимая крѣпость».—Если мы съ своей стороны прибавимъ къ этому описанію ореолъ воинской славы, то понятна будетъ рѣшимость императрицы Теофано—принесть втораго своего мужа въ жертву счастливому вождю.

Левъ Діаконъ увѣряетъ, что *цимисхис* значитъ *музакйцес*. Но *музакйцес* въ такой своей формѣ ничего не выражаетъ. Дюканжъ, желая осмыслить его, предложилъ читать его *моиракйцес*, забывая

---

*) Нынѣшній Харпутъ, въ турецкой Арменіи.

**) *Чмешкатцáг* (Չմշկածագ) состоитъ изъ *Чмешкик* и изъ слова *тцаг*—(Չմշկիկ и ծագ) корня глагола *тцаг*-им=*восхожу* (говоря о восходѣ солнца), *происхожу*, говоря о человѣкѣ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи оно вошло въ составъ *Чмешкатцаг'а*, чтó поэтому должно значить „мѣстопроисхожденія, рожденія Чмешкик'а“.

вовсе армянское его происхожденіе. Толкованіе знаменитаго ученаго принято всѣми, и съ тѣхъ поръ *цимисхис* не иначе употребляется какъ въ смыслѣ *adolescentulus*: и Гиббонъ, и Карамзинъ *), и русскій переводчикъ Льва Діакона, и Катрмэръ и многіе оріенталисты не видятъ въ этомъ прозваніи другого смысла, хотя каждый изъ
4 r нихъ измѣняетъ его по своему усмотрѣнію. По мнѣнію однихъ *музакйцес* или *моиракйцес* значитъ *adolescentulus*, по другимъ— *маленькій*, по третьимъ—*малорослый*, по Гиббону—*роста ниже обыкновеннаго* **). Все это—толкованіе, по меньшей мѣрѣ произвольное; ибо въ сущности ни одинъ изъ приведенныхъ эпитетовъ не выражаетъ смысла *Цимисхис.*

Чмĕшкйк армянское слово—самъ Левъ Діаконъ не отрицаетъ этого—но сильно пострадавшее въ греческой транскрипціи. Если отбросить суффиксъ *ик*, то получится корень *чмешк* или вѣрнѣе *чмушк*, которое для армянъ позднѣйшаго времени потеряло всякое значеніе. Вѣроятно, оно было понятно въ XII вѣкѣ Матѳею едесскому и слѣдующимъ за нимъ армянскимъ историкамъ. У послѣднихъ оно впервые является въ X вѣкѣ, и то не въ коренной своей формѣ, а въ сложномъ названіи города *Чмĕшкатцáг*—родины императора, и въ ласкательномъ его прозваніи *Чмĕшкйк*. Что оно было понятно лѣтописцамъ и ихъ читателямъ X—XII вѣковъ, можно заключить изъ того, что ни одинъ изъ нихъ не объясняетъ его, какъ то имѣютъ обыкновеніе дѣлать армянскіе историки, когда употребляютъ какое-нибудь архаическое слово, непривычное для большинства читателей. Между тѣмъ какъ они при данномъ случаѣ не даютъ объясненія
4 v прозванію Іоанна въ томъ, вѣроятно, убѣжденіи, что оно было понятно всѣмъ.

Кромѣ лѣтописи Матѳея, есть еще источникъ, а именно Хроника Михаила, патріарха сирійскихъ яковитовъ, жившаго въ XII же вѣкѣ, у котораго находимъ нѣчто въ родѣ толкованія на *корень* прозванія

---

*) 401 примѣч. къ I. т. *Ист. Гос. Рос.* изд. Смирдина. *Hist. de Bas-Empire*, par Lebeau, t. XIV, p. 101.

**) „the stature of Iohn Zimisces was below the ordinary Standard“.— *History of the decline* etc. t. IX, ch. 48.

императора Іоанна, т. е. *чмушк*, который, замѣтимъ мимоходомъ, единственный разъ и впервые употребляется только у этого писателя. Сирійскій хронографъ, указавъ на армянское происхожденіе императора, продолжаетъ такъ: «Говорятъ, что Теофано, жена Никифора, убила своего мужа потому, что не была съ нимъ обвѣнчана, взяла себѣ мужемъ Іоанна и возложила на него корону. Онъ, передъ тѣмъ какъ творить блудъ съ царицей, *подымалъ* и *клалъ* (на себя)—(*բառնայր և դնէր*) *)—царскій *чмушк*... почему и былъ названъ *Чмѣшкик'омъ* **).

Прочитавъ эти строки, можно подумать, что мы недалеки отъ опредѣленія значенія занимающаго насъ слова—ни чуть не бывало; ибо мы по прежнему остаемся въ невѣдѣніи относительно прозванія Іоанна. На основаніи этихъ словъ мы можемъ только, вопреки толкованіямъ Льва и Дюканжа, сказать, что *чмушк* не значитъ adolescentulus, а нѣчто такое, что можно было *подымать* или брать и *налагать*, возлагать или *класть* на себя. Ставъ на точку зрѣнія сирійскаго лѣтописца, можемъ сдѣлать такое предположеніе: *чмушк*—это какая-нибудь царская регалія, или головной уборъ, или накидка, или что-нибудь въ этомъ родѣ, возлагая на себя которое Чмѣшкикъ думалъ издѣваться надъ обманутымъ мужемъ.

Прозвища обыкновенно указываютъ на такія умственныя, нравственныя или физическія способности и качества человѣка, которыя общеизвѣстны. Спрашивается—какимъ образомъ *возложеніе на себя* Іоанномъ царскаго *чмушка* во время его интимнаго свиданія съ Теофано могло сдѣлаться извѣстнымъ въ народѣ и обратиться въ прозваніе?—Еслибъ это было такъ, какъ увѣряетъ сирійскій хроно-

---

*) т. е. бралъ и возлагалъ на себя.

**) Вышеприведенное мѣсто изъ Михаила переводчикъ его, Викторъ Ланглоа, передаетъ такъ: „L'impératrice Théophané fit assassiner Nicéphore parce que celui-ci n'était pas marié avec elle et prit pour époux *un certain* Jean, sur la tête duquel elle plaça la couronne. Jean *portait auparavant les pantoufles de l'empereur* (ничего этого нѣтъ въ подлинникѣ) et avait des relations adultères avec l'imperatrice... Jean, surnommé Djemeschgig étant monté sur le trône etc.—Chronique de Michel le Grand, p. 280.

графъ, то какъ объяснить невѣдѣніе этого у Льва Діакона, который, имѣя подъ рукою такое готовое толкованіе прозвища, игнорируетъ его и увѣряетъ, чти *цимисхис* значитъ *маленькій?*

Выходитъ на повѣрку, что и хронографъ Михаилъ не даетъ ключа къ этой загадкѣ, и потому мы приходимъ къ слѣдующему отвѣту на поставленный нами вопросъ: *цимисхис* или *чмёшкик* не значитъ ни *маленькій*, ни *adolescentulus*, ни *малорослый*, ни *носитель царскаго чмушка*, т. е. мы приходимъ къ полному отрицанію вѣрности всѣхъ этихъ quasi-толкованій: къ результату, который мы, съ своей стороны, предпочитаемъ филологическимъ гаданіямъ вышеупомянутыхъ ученыхъ.

Въ продолженія многихъ вѣковъ ученый міръ повторялъ и повторяетъ объясненіе, данное пресловутому слову Львомъ Діакономъ, исправленное, такъ сказать, и дополненное, учеными прошедшаго и текущаго столѣтій. Здѣсь впервые отрицается такое объясненіе. Само собою разумѣется, что этимъ вопросъ не исчерпывается — онъ остается открытымъ: утвердительное его рѣшеніе ждетъ своего болѣе проницательнаго филолога-изслѣдователя.

XV.

Династическій списокъ Хайкидовъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго *)

и хронологическая ихъ таблица у о. Михаила Чамчеана.

1. Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго.—2 Исторія Арменіи Іоанна каѳоликоса.—3. Хронографія Самуила анискаго.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
А. Пушкинъ.

Ни одинъ изъ многихъ армянскихъ историковъ не пользовался 5
такой извѣстностью и такимъ вниманіемъ въ ученомъ мірѣ, какъ Моисей Хоренскій. Его переводили на языки: латинскій, французскій, русскій, италіанскій, нѣмецкій; его коментировали, его подвергали изслѣдованіямъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Не смотря на это, нельзя сказать, чтобъ онъ былъ вполнѣ объясненъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вызоветъ еще не одинъ трактатъ, не одну монографію, не одну критическую статью, которые приведутъ наконецъ къ надлежащему пониманію и вѣрной оцѣнкѣ капитальнаго труда

*) [Изслѣдованіе это было напечатано отдѣльной брошюрой въ 1884 г. in 8о, стр. 1—43. Въ ручномъ экземплярѣ брошюры покойнаго армениста нашлась небольшая рукописная замѣтка, помѣченная: „къ Династическому списку Хайкидовъ“; мы помѣщаемъ ее, какъ прибавленіе, вслѣдъ за выводами автора, въ подкрѣпленіе высказанной имъ здѣсь гипотезы. *Г. Х.*]

этого замѣчательнаго дѣятеля на поприщѣ исторической армянской литературы въ V вѣкѣ. Изъ трехъ Книгъ, составляющихъ его Исто-
6 рію Арменіи, Первая въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе пытливаго читателя мыслями, выраженными въ ней полусловами, недоговореніями. Эта покровенность въ способѣ выраженія нашего автора, подстрекая и возбуждая умъ читателя, нерѣдко приводитъ его къ любопытнымъ открытіямъ и неожиданнымъ выводамъ.—Подобнаго рода недоговоренія встрѣчаются, между прочимъ, въ 21 и 22 главахъ Первой Книги его Исторіи. Въ нихъ, какъ увидимъ, Хоренскій до такой степени вскользь касается важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на судьбы его отечества, что его читатели до сей поры не могли уяснить себѣ значенія таинственныхъ его словъ, хотя вѣка прошли со времени выхода его книги изъ-подъ пера ея автора.—Мы намѣрены на этотъ разъ подвергнуть подробному изслѣдованію вышеуказанныя двѣ главы, причемъ, надѣемся, при помощи также приведенныхъ въ началѣ нашей статьи другихъ двухъ армянскихъ историковъ, освѣтить не одинъ пунктъ въ Династическомъ Спискѣ Хайкидовъ.

I.

Изъ четырехъ династій,—какъ до сихъ поръ принято считать—господствовавшихъ въ древней Арменіи, а именно династій Хайкидовъ, Аршакидовъ, Багратидовъ и Рубенидовъ *), три послѣднія представляются изучающему ихъ судьбы относительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели первая. Ибо для каждой изъ трехъ послѣднихъ мы имѣемъ по нѣскольку историковъ, которые, какъ
7 очевидцы, передаютъ вмѣстѣ съ повѣстью о событіяхъ, совершившихся во время господства каждой изъ этихъ династій, также преданія и сказанія, собранныя ими о тѣхъ же событіяхъ. Благодаря богатству источниковъ, ихъ исторія была изучаема, и изучается внимательно, подробно и успѣшно армянскими и западными уче-

*) См. объ армянскихъ династіяхъ въ концѣ этого «Изслѣдованія».

ными. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать и о первой, хайкидской династіи, для которой существуетъ одна только Исторія Моисея Хоренскаго въ Первой ея Книгѣ. Ею открывается и ею замыкается исторія помянутой династіи. Къ тому же источникъ этотъ весьма скуденъ фактами и, напротивъ, богатъ длиннымъ рядомъ голыхъ именъ родоначальниковъ, династовъ и царей, которые вовсе не имѣютъ исторіи.—Вникнувъ въ смыслъ и значеніе каждой строки, каждаго слова вышеуказанныхъ двухъ главъ, приходимъ къ убѣжденію, что не всѣ приведенные нашимъ историкомъ родоначальники и цари происходятъ отъ Хайка, какъ думали, и думаютъ до сихъ поръ; что всѣ они—гетерогенны и принадлежатъ къ разнымъ народностямъ. Къ подобному же выводу привело насъ ближайшее знакомство со сказаніями о томъ же предметѣ также остальныхъ двухъ историковъ, показанныхъ выше.

Изъ словъ двухъ первоклассныхъ армянскихъ историковъ—Моисея Хоренскаго и Іоанна каѳоликоса, и одного извѣстнаго въ ученомъ мірѣ хронографа, Самуила анискаго *), можно заключить, что послѣ Анушава́на, десятаго отъ Хайка родоначальника, произошелъ въ
древней Арменіи великій переворотъ въ династическомъ порядкѣ на- 8
слѣдованія верховной власти и что эту власть силою захватилъ какой-то Парэтъ, не происходившій отъ Хайка. Старанія Анушава́на возвратить потерянную имъ власть при помощи ассирійскаго царя, Замасиса (Нинія) оказались, какъ должно полагать, напрасными; ибо послѣ этой неудачной его попытки, Парэтъ и за нимъ 24 честолюбца продолжали попеременно господствовать въ Арменіи весьма долгое время, пока наконецъ не была реставрирована Паруйромъ, потомкомъ Хайка, династія послѣдняго.

Мы сказали: «пока не была реставрирована Паруйромъ династія Хайка». Мы говоримъ это, опираясь на слова и выраженія самого Хоренскаго, хотя и не совсѣмъ ясныя. Въ упомянутыхъ 21 и 22 главахъ Первой Книги его Исторіи, между прочимъ, читаемъ: «Я чувствую немалую радость теперь, когда приближаюсь къ ко-

---

*) Моисей Хоренскій жилъ въ V, Іоаннъ каѳоликосъ—въ концѣ IX и въ началѣ X, Самуилъ анискій въ XII вѣкахъ.

ренному, настоящему нашему родоначальнику, потомки котораго достигаютъ царскаго сана».

Этотъ коренной, настоящій родоначальникъ есть Паруйръ, который, изгнавъ Кайпака, послѣдняго изъ 25 династовъ, захватившихъ одинъ за другимъ верховную власть въ древней Арменіи, реставрируетъ династію Хайка и начинаетъ собою новый рядъ хайкидовъ, имѣющихъ отнынѣ называться «вѣнценосцами» — псакавор — պսակաւոր. Совершитель этого патріотическаго подвига, т. е. реставраціи падшей династіи оказывается лицомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Такимъ дѣйствительно находимъ его у Моисея Хоренскаго: онъ представляетъ Паруйра сподвижникомъ и вѣрнымъ союзникомъ мидійскаго царя, Варбака (Арбака), въ борьбѣ послѣдняго съ ассирійскимъ Сарданапаломъ. Въ свою очередь
9 Паруйръ за оказанное мидійцу содѣйствіе получаетъ отъ послѣдняго помощь, вступаетъ въ Арменію, гдѣ, одержавъ верхъ надъ Кайпакомъ, возлагаетъ на себя «вѣнецъ» и провозглашаетъ себя «царемъ», а мы прибавимъ, и «реставраторомъ» второй, новой династіи хайкидовъ.

Послѣ этого понятнымъ становится паѳосъ, до котораго возвышается Хоренскій въ помянутой 21 главѣ, говоря о Паруйрѣ. Паѳосъ нашего историка этимъ, впрочемъ, не ограничивается; ибо въ слѣдующей 22 главѣ той же Книги, по поводу возникновенія второй хайкидской династіи, онъ говоритъ: «теперь я перейду къ исчисленію нашихъ мужей, въ особенности царей до владычества Парѳянъ (т.-е. Аршакидовъ). Ибо любезны мнѣ эти мужи (происшедшіе) отъ нашего царя (т.-е. Паруйра), какъ коренные, единокровники мои и навѣрные сродники.—О! какъ бы я желалъ, чтобы пришествіе Спасителя и мое искупленіе совершились въ то время; чтобы я родился въ свѣтъ при тѣхъ царяхъ (т.-е. «вѣнценосцахъ» второй реставрированной династіи хайкидовъ); чтобы я могъ наслаждаться ихъ лицезрѣніемъ и тѣмъ избавиться отъ настоящихъ бѣдъ!» *).

*) Намекъ на бѣдственное время, когда жилъ Хоренскій—время прекращенія аршакидской династіи въ Арменіи въ первой половинѣ V вѣка.

Эти многозначительныя слова прямо указываютъ на важное событіе, которое, сильно возбуждая патріотическое чувство Хоренскаго, заставляетъ его сожалѣть, что онъ живетъ въ V вѣкѣ нашей эры, а не въ VII столѣтіи до Р. Х., когда Паруйръ, потомокъ Хайка, возстановилъ династію послѣдняго, одержавъ побѣду надъ Кайпакомъ и въ его лицѣ надъ всѣми тѣми, кои слѣдовали за Парэтомъ. 10

Далѣе, изъ вышеприведенной послѣдней цитаты видно, что Хоренскій не только Паруйру, но и его потомкамъ преемникамъ по державству, придаетъ эпитеты—коренной, настоящій (въ смыслѣ сущій), называя ихъ въ то же время родоначальниками нашими, царями нашими. Слово нашими, повторенное здѣсь, указываетъ на намѣреніе Хоренскаго рельефнѣе противопоставить послѣднихъ предшествовавшимъ Паруйру династамъ-не-хайкидамъ, которые, говоря его языкомъ, были не наши, т.-е. не отъ Хайка происшедшіе.

Если отъ этого косвенно-покровенно выраженнаго свидѣтельства Хоренскаго перейдемъ къ послѣдующимъ за нимъ вышеуказаннымъ остальнымъ двумъ—историку и лѣтописцу; то найдемъ у нихъ болѣе ясное изображеніе совершившагося политическаго переворота. Такъ Іоаннъ каѳоликосъ въ своей Исторіи, разсказавъ вкратцѣ о родоначальникѣ Армянъ, Хайкѣ, и о десяти непосредственныхъ преемникахъ изъ рода послѣдняго до Анушава́на включительно, присовокупляетъ: «изъ рода и поколѣнія его (Анушава́на) ни одинъ не наслѣдовалъ отцовской власти: ее насильственно захватили какіе-то иные люди (*այլք ոմանք բռնակալեալք*), но не (по праву) происхожденія, а по успѣхамъ (по удачѣ) и стали господствовать надъ народомъ Ѳоргома *); ихъ имена: Парэт, Арбак, Заван, П'арнас, Сур, Хаванак, Ваштак, Хайкак, Ампак, Шаварш, Норайр, Встам, Кар, Горак, Хратн, Ендцак, Гзак, Хорой, Зармайръ, Перч, Арбун, 11
Базук, Хой, Іусак, Кайпак, Скайорди.—Послѣ всѣхъ ихъ является изъ рода Хайка (нѣкто) по имени Паруйр, который, преслѣдуя разгоняетъ «худородныхъ» (*անազգիք*) и, возобновивъ (*կրկին*

*) По преданію, Ѳоргомъ—отецъ Хайка, родоначальника Армянъ.

նորոգեաւ) родоначальническую власть своего племени (т.-е. Хайкидовъ), снова наслѣдуетъ ее *).

Хотя это мѣсто довольно ясно, однако не на столько, чтобы вовсе не нуждалось въ объясненіи, а потому просимъ позволенія у читателя раскрыть сжатый разсказъ Іоанна каѳоликоса для лучшаго разумѣнія сказаннаго имъ, черезъ что̀, надѣемся, и наша мысль представится въ болѣе убѣдительномъ видѣ, чѣмъ до сихъ поръ, когда мы имѣли дѣло съ полусловами и намеками Хоренскаго на занимающій насъ вопросъ.

Внимательное чтеніе цитаты изъ Іоанна каѳоликоса приводитъ къ заключенію, что съ Анушава́номъ, десятымъ отъ Хайка родоначальникомъ, династія послѣдняго прекратилась; что никто изъ чадъ и поколѣнія Анушава́на не наслѣдовалъ отцовской власти; что верховную власть захватили люди «худородные» (*անազգի*), которые по своему происхожденію не имѣли на то права, такъ какъ они не были изъ рода Хайка; что, не смотря на это, они по праву сильнаго стали господствовать надъ народомъ Ѳоргома; что по прошествіи вѣковъ явился нѣкто изъ рода Хайка, по имени Паруйръ, который не-хайкидовъ, людей «худородныхъ», изгналъ изъ Арменіи, реставрировалъ родоначальническую власть своего племени (хайкидовъ) и что наконецъ самъ наслѣдовалъ эту реставрированную власть.

12 Въ эту отдаленную эпоху не рѣдки были въ Арменіи внутреннія смуты и усобицы, которыя вызывались с в о и м и, домашними, а не и н ы м и честолюбцами. Это видно изъ того, что въ вышеупомянутое время исторія ни о какомъ нашествіи на Арменію не упоминаетъ, ни же о завоеваніи ея. При Анушава́нѣ было только перемѣщеніе власти отъ Армянъ-хайкидовъ къ Армянамъ-не-хайкидамъ. На такое предположеніе даютъ намъ право чисто-армянскія имена честолюбцевъ, господствовавшихъ, судя по ихъ числу, весьма продолжительное время: и Моисей Хоренскій, и Іоаннъ каѳоликосъ и Самуилъ анискій насчитываютъ ихъ 26.

Съ Анушава́номъ родъ хайкидовъ, какъ мы сказали, не прекращается: онъ только лишается господства въ странѣ, благодаря

*) См. армянскій текстъ моего изданія стр. 13—14.

coup d'état, произведенному честолюбцемъ Парэт'омъ, за которымъ слѣдуютъ такіе же властолюбцы, какъ послѣдній, которые, замѣтимъ, не были связаны между собою никакою родственною преемственностью.

Этотъ династическій переворотъ по времени былъ первый. За нимъ, какъ увидимъ ниже, слѣдовали второй и третій перевороты въ періодъ, какъ привыкли называть, хайкидовъ.

Достойно замѣчанія, что Іоаннъ каѳоликосъ и хронографъ Самуилъ, говоря о дѣятельности честолюбцевъ, выступившихъ въ это время на историческую сцену, опредѣляютъ ее словомъ брнакалéм, *բռնակալեմ*=«насильственно захватить власть», а «захватившихъ власть»—брнака́л'ами, т.-е. тиранами въ древнемъ значеніи слова, въ какомъ оно употреблялось въ Аѳинахъ: въ смыслѣ «узурпаторовъ верховной власти».

Иногда достаточно бываетъ одного слова, чтобы освѣтить не со- 13
всѣмъ ясную страницу древней исторіи, отдѣленную отъ насъ вѣками. Къ подобнымъ словамъ относится и вышеприведенное слово «брнакал»=тиранъ. Оно какъ нельзя лучше показываетъ — какого закала были люди, вырвавшіе изъ рукъ Анушава́на власть.

Обратимся, наконецъ, къ хронографу Самуилу. Для него также ясенъ перерывъ въ династическомъ канонѣ Моисея Хоренскаго, начиная именно съ Парэта, котораго онъ называетъ «брнакал'омъ», равно какъ и слѣдующихъ за нимъ узурпаторовъ до появленія Паруйра-хайкида.

Самуилъ въ свою очередь такъ передаетъ это событіе: «отъ Анушава́на и впредь—не по происхожденію, а по успѣхамъ мужи-брнакал'ы начинаютъ господствовать въ нашей странѣ, и вотъ ихъ имена... (слѣдуетъ перечисленіе именъ тирановъ отъ Парэта до Кайпака включительно, числомъ 25 *). За симъ Самуилъ согласно съ Хоренскимъ и историкомъ Іоанномъ перечисляетъ имена лицъ реставрированной династіи до послѣдняго изъ нихъ вѣнценосца—Вахé, ничего не говоря о дальнѣйшихъ политическихъ перемѣнахъ, со-

*) Рукопись моей библіотеки.

вершившихся въ Арменіи до Александра Великаго. А были такія перемѣны, которыя слѣдовали по прекращеніи династіи Паруйра, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

II.

14 Мы познакомили читателя съ важными политическими переворотами, совершившимися въ отдаленные вѣка въ древней Арменіи. Что перевороты эти дѣйствительно происходили, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія: о нихъ свидѣтельствуютъ Моисей Хоренскій, Іоаннъ каѳоликосъ, Самуилъ анискій, которые занимаютъ видныя мѣста въ исторической армянской литературѣ и заслуживаютъ полнаго довѣрія. Если сказанія ихъ оставались до сихъ поръ не замѣченными и непо́нятыми, то потому единственно, что они, повторяемъ, переданы съ одной стороны не въ точныхъ выраженіяхъ, съ другой — въ чрезвычайно сжатой рѣчи. Все сказанное ими основано, безъ сомнѣнія, на древнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ, до насъ не дошедшихъ. На одно изъ сихъ твореній, въ которомъ подробно говорилось о реставраторѣ хайкидской династіи, указываетъ самъ Хоренскій, не сообщая, по своему обыкновенію, ни имени его автора, ни названія его труда. Скажутъ, можетъ быть, что Хоренскій писалъ свою Исторію для князя Саака Багратуни, которому, по всему вѣроятію, извѣстны были какъ имя этого историка, такъ и названія его труда, а потому достаточно было для его мецената и простого намека, чтобы онъ разумѣлъ о комъ и о чемъ ведется рѣчь.— Такое оправданіе едва ли можетъ считаться убѣдительнымъ. Но такъ или иначе, сдѣлаемъ небольшое отступленіе и остановимся на минуту на этомъ безъименномъ твореніи и по его поводу обратимъ вниманіе читателя на одно мѣсто въ Исторіи нашего автора, которое докажетъ еще разъ, что помимо никогда не существовавшей, но считающейся существовавшею, армянской Исторіи, отысканной якобы по порученію царя Вахаршака въ ниневійскомъ архивѣ Мар-Абасомъ,
15 были въ языческой Арменіи историческія творенія, къ которымъ, къ сожалѣнію, Хоренскій относился почему-то свысока и которыми пользовался небрежно. Къ числу ихъ относился и памятникъ, заключавшій въ себѣ Исторію Паруйра и современныхъ ему го-

сударей мидійскихъ, ассирійскихъ и другихъ. Отнесись Хоренскій
къ этимъ твореніямъ серьезно, его Первая Книга не представилась
бы намъ въ такомъ отрывочномъ, безсвязномъ, неудовлетворитель-
номъ видѣ. Насъ всегда поражало въ его Исторіи невниманіе, чтобы
не сказать болѣе, къ туземнымъ армянскимъ источникамъ, изъ ко-
торыхъ онъ урывками выхватываетъ кое-что и кое-какъ, между
тѣмъ какъ онъ тщательно перечисляетъ имена греческихъ, халдей-
скихъ и другихъ чужеземныхъ историковъ, ни іоты недавшихъ ему
для Первой Книги его Исторіи, т. е. для хайкидовъ собственно.—
Кто авторъ Исторіи Паруйра, реставратора хайкидской династіи и
современника его, Сарданапала, Хоренскій не говоритъ. Изъ словъ
его узнаемъ только, что въ V вѣкѣ нашей эры между прочими ту-
земными историческими твореніями существовала въ Арменіи также
Исторія Паруйра, которой онъ пользовался, но весьма плохо. О важ-
ности этого не дошедшаго до насъ памятника можно судить по от-
зыву о немъ самого же Хоренскаго. Въ 21 главѣ Первой своей
Книги онъ дѣлаетъ такое торжественное заявленіе: «здѣсь пред-
стоитъ намъ совершить великое дѣло и повѣствовать о многомъ. 16
Мы сами удостоились читать и лично убѣдиться доводами въ пользу
этихъ событій, (приведенныхъ) въ Четырехъ книгахъ мужа плодо-
витаго въ словѣ, мудраго и мудрѣйшаго изъ мудрыхъ».

И какъ пользуется Хоренскій такимъ источникомъ?!

Не смотря на обѣщаніе, выраженное въ такихъ напыщенныхъ словахъ, онъ не совершаетъ никакого великаго дѣла и о многомъ весьма немного, почти ничего, не повѣствуетъ. На основаніи Исторіи Паруйра онъ отрывисто, бѣгло, какъ бы мимоходомъ называетъ только Варбака (Арбака), упоминаетъ о войнѣ его съ Сарданапаломъ, о побѣдѣ имъ одержанной надъ послѣднимъ, о помощи оказанной ему Паруйромъ—и только. На всѣ эти важныя событія онъ дѣлаетъ только простое указаніе безъ малѣйшаго развитія. За симъ обращаясь къ князю Сааку Багратуни, приглашаетъ его «не удивляться, что у другихъ историковъ повѣствуется объ этомъ иначе *)!

*) Моис. Хорен. Кн. I, гл. XXI.

Опять загадочныя слова, остающіяся неразгаданными! Кто эти «другіе историки», которые во взглядахъ своихъ на Варбака, Сарданапала и въ особенности на Паруйра-реставратора расходились съ этимъ «мудрѣйшимъ мужемъ?» Кто эти таинственные бытописатели, которые невозвратно унесли съ собою свою оцѣнку дѣяній этихъ государей?—Не находимъ на это отвѣта у старца Хоренскаго.

Не поименованные имъ историки, въ томъ числѣ и «мудрѣйшій мужъ», были, статься можетъ, не безъизвѣстны также Іоанну каѳоликосу и Самуилу анискому. Это видно изъ того, что послѣдніе,
17 сравнительно, точнѣе, чѣмъ то дѣлаетъ отецъ армянской исторіи, передаютъ разсказъ о династическихъ переворотахъ.

III.

Возвращаемся къ нашему Изслѣдованію.

По разсмотрѣніи разсказовъ трехъ историковъ о династическихъ перемѣнахъ, естественно спросить: кто такіе были и какой національности лица, произведшія указанныя выше революціи, имена которыхъ приводитъ Хоренскій въ своемъ Спискѣ, начиная отъ Хайка до Вахé включительно, но безъ обозначенія граней, отдѣляющихъ, какъ увидимъ, представителей одной династіи отъ другихъ?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ дать можетъ одно только этимологическое изслѣдованіе именъ династовъ, входящихъ въ составъ названнаго Списка, такъ какъ наши историки, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, поскупились дѣлать на это сколько-нибудь обстоятельное указаніе.

Династическій Списокъ Хоренскаго открывается Хайкомъ.

1. Имя *Хайк*, *Հայկ*, не поддается толкованію. Корень его—Хай, *Հայ* (*Haï*), подъ которымъ Армяне испоконъ вѣка разумѣютъ себя. Буква, к, *կ* въ концѣ имени родоначальника Армянъ не есть ласкательная частица, какъ могли бы думать нѣкоторые; ибо въ древне-армянскомъ языкѣ эта буква одна, въ концѣ слова, нигдѣ и никогда не употребляется какъ суффиксъ.

2. *Арменак*, *Արմենակ*, полная его форма Арамапеак, *Արամն-*

նեակ.—Корень, безъ сомнѣнія, Арам, *Արամ*—извѣстное семитическое названіе; ак, еак, *ակ, եակ* суть ласкательныя частицы.

Сказавъ, что ак, и еак—ласкательныя частицы, мы въ дальнѣй- 18
шей встрѣчѣ съ ними въ нижеслѣдующихъ другихъ армянскихъ собственныхъ именахъ больше на нихъ останавливаться не будемъ.

3. *Армаис*, *Արմայիս*, полная форма—Арамаис, *Արամայիս.* Корень также Арамъ.

4. *Амасія*, *Ամասիա*—имя не армянское, а семитическое.

5. *Гех'ам*, *Գեղամ.*—Корень—гех, *գեղ*, армянское слово, значитъ краса; ам, *ամ*—суффиксъ, какъ въ словѣ анзг-ам, *անզգ-ամ.*

6. *Хармай*, *Հարմայ.* Корень, вѣроятно, харм, не поддающійся толкованію; ай, *այ*—чисто-армянскій суффиксъ, какъ въ епикурай, *եպիկուր-այ.*

7. *Арам*, *Արամ*—библейское арамейское имя.

8. *Ара*, *Արա*, онъ же Арай, *Արայ.*—Хоренскій показываетъ его сыномъ Арама; пусть такъ, его имя все-таки въ сродствѣ съ именемъ его отца, т. е. семитическаго происхожденія.

Обѣ формы этого имени встрѣчаются у Хоренскаго; обѣ формы одинаково склоняются въ армянскомъ и имѣютъ въ родительномъ падежѣ Арай, *Արայի.* Разность въ правописаніи этого имени внесена, вѣроятно, переписчиками. Первоначальная форма—Ара, какъ простѣйшая, должна, по нашему мнѣнію, имѣть преимущество передъ Арай.

9. *Ара*, или *Арай II*, онъ же Кардос, *Կարդոս.* Корень послѣдняго имени Кард не армянское слово; ос, *ոս*—окончаніе греческихъ собственныхъ именъ людей. За симъ Кардосъ ни звукомъ, ни этимологическимъ своимъ составомъ, ни же суффиксомъ ничего армянскаго не представляетъ.

10. *Анушаван*, *Անուշաւան* — слово армянское, сложное изъ 19
ануйщ, *անոյշ*=пріятный и аван, *աւան*=село, городокъ.

Изъ десяти такъ называемыхъ хайкидовъ пять, а именно Аранеак, Арамаис, Амасія, Арам, Ара, носятъ семитическія имена, слѣдовательно они не хайкиды; одинъ — Кардос, онъ же Ара II, хотя и включенъ въ число родоначальниковъ-хайкидовъ, но онъ скорѣе Грекъ.—Имя это, ничего общаго не имѣющее, ни съ Араемъ,

ни вообще съ именами семито-хайкидовъ, скорѣе можно считать позднѣйшей вставкой въ династическомъ канонѣ Хоренскаго, сдѣланной какимъ-нибудь книжникомъ фильгелленомъ. За симъ остаются Хайкъ — родоначальникъ Армянъ, Гех'ам, Хармай, Анушаван. Выводъ ясенъ: пять не хайкидовъ, одинъ Грекъ, четыре хайкида.

По показаніямъ трехъ вышеприведенныхъ историковъ рядъ такъ называемыхъ хайкидовъ здѣсь прекращается и выступаютъ «худородные тираны»—*անազգի բռնակալք*—они не хайкиды, хотя и коренные Армяне за небольшимъ исключеніемъ, что доказывается ихъ именами.—Во главѣ ихъ стоитъ —

1. *Парэт*, *Պարէտ*. Корень этого слова—пар, *պար* = «кругъ, хоръ, пляска»; эт *էտ*—армянскій суффиксъ, какъ въ словѣ іав-эт, *յաւ-էտ*—«слишкомъ».

2. *Арбак*, *Արբակ*, если не мидійское имя, то можетъ быть объяснено какъ армянское. Въ такомъ случаѣ арб, *արբ* корень глагола арбуцанем, *արբուցանեմ* = «напоить»; ак, *ակ*—знакомое намъ ласкательное окончаніе.

3. *Заван*, *Զաւան*. Корень зав, *զաւ*, встрѣчающійся въ словѣ «зав-ак», *զաւ-ակ*—но что̀ онъ значитъ—опредѣлить нѣтъ возможности; ан, *ան* — суффиксъ, встрѣчающійся въ словахъ — хуж-ан, *խուժ-ան* = «чернь, толпа»; неш-ан *նշ-ան* = знакъ.

4. *П'арнас*, *Փառնաս* не армянское имя.

5. *Сур*, *Սուր* — первообразное слово, значитъ остріе, лезвіе; мечъ; острый.

6. *Хаванак*, *Հաւանակ*. Корень — хаван, *հաւան* = согласный; армянское слово.

7. *Ваштак*, *Վաշտակ*. Корень вашт, *վաշտ* = отрядъ войска; армянское слово.

8. *Хайкак*, *Հայկակ*, изъ имени родоначальника Армянъ, Хайка, образовалось ласкательное Хайк-ак, *Հայկ-ակ*.

9. *Ампак*, *Ամպակ*. Корень амп, *ամպ* = облако; амп-ак, *ամպ-ակ* = облачко; армянское слово.

10. *Арнак*, *Առնակ*; если допустить, что здѣсь корень арн, *առն*—родительный падежъ отъ айр, *այր* = мужъ, то арнак будетъ означать «мужёнка».

11. *Шаварш*, Շաւարշ — географическое названіе одной изъ областей древней Арменіи, въ V вѣкѣ извѣстной подъ именемъ Артазъ.

12. *Норайр*, Նորայր—сложное слово: нор, նոր=новый и айр, այր=мужъ; слѣдовательно, норайр=новый мужъ.

13. *Встаскар*, Վստասկար, такъ пишется это слово у Хоренскаго. Іоаннъ каѳоликосъ разсѣкаетъ его на двѣ части и образуетъ изъ нихъ два имени—Встам. Վստամ и Кар. կար. Какъ въ Встаскарѣ, такъ и Встамкарѣ, первая половина слова остается непонятнымъ, кар, же կար значитъ «сила».

14. *Горак*, Գոռակ. Корень го'р, գոռ значитъ «призывъ къ войнѣ», или «вызовъ на бой».

15. *Хрант*, Հրանտ. Корень хур, հուր = невещественный огонь; названіе древне-армянскаго мѣсяца, соотвѣтствующаго Марту. Впрочемъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ корень будетъ хур.

16. *Ендзак*, Ընձակ. Корень индз, ինձ = леопардъ, ендзак же=молодой пардусъ. 21

17. *Гх'ак*, Գղակ. Корень гх' съ ласкательной частицей. Непонятное слово.

18. *Хорой*, Հորոյ; Хору, Հորու значитъ отчимъ. Хор. Հօր родительный падежъ отъ хайр, հայր = отецъ; ой и у, ոյ, ու суффиксы. Слово армянское.

19. *Зармайр*, Զարմայր—сложное слово изъ зарм, զարմ—чадо, дитя, и айр, այր = мужъ. Толкованіе Григорія Магистроса этого слова «дивный мужъ» не выдерживаетъ критики. Слово армянское.

20. *Перч*, Պերճ—слово первообразное, значитъ «сановитый, гордый». Армянское слово.

21. *Арбун*, Արբուն значитъ «совершеннолѣтіе, совершеннолѣтній. Армянское слово.

22. *Базук*, Բազուկ значитъ «мышца, длань». Армянское слово.

23. *Хой*, Հոյ значитъ «сильный, могучій, крѣпкій». Армянское слово.

24. *Іусак*, Յուսակ. Корень—іуйс, յոյս = «надежда» въ ласкательной формѣ. Армянское слово.

25. *Кайпак*, Կայպակ. Корень—кайп, կայպ не поддается толкованію, окончаніе же ласкательное.

Кайпакомъ заключается рядъ «худородныхъ тирановъ».

По словамъ тѣхъ же вышеупомянутыхъ историковъ, мужи изъ поколѣнія Хайка снова, какъ было замѣчено, выступаютъ и начинаютъ управлять Арменіею уже не какъ родоначальники, а какъ вѣнценосцы (псакавор, պսակաւոր). — Эту реставрированную вторую династію хайкидовъ начинаетъ Паруйр.

Вотъ списокъ лицъ, составляющихъ рядъ вѣнценосцевъ второй,
22 возстановленной династіи хайкидовъ, во главѣ которыхъ является отецъ перваго вѣнценосца —

1. *Скайорди*, Սկայորդի — сложное армянское слово и значитъ сынъ исполина (скай, սկայ = исполинъ, а орди, որդի = сынъ). Поэтому Скайорди значитъ »сынъ исполина».

2. *Паруйр*, Պարոյր. Корень — пар, պար, что значитъ «кругъ, хоръ, хороводъ, пляска»; уйр, ոյր — суффиксъ, какъ напр. въ словахъ: хамб-уйр, համբոյր = «поцѣлуй»; іам-уйр, յամոյր — «дикая коза»; снг-уйр, սնգոյր = «румяны». Армянское слово.

3. *Храчеай*, Հրաչեայ — сложное слово изъ хур, հուր = огонь, и ачк = очи; еай, եայ = суффиксъ, какъ въ словахъ: ачеай, աչեայ = «имѣющій очи», т. е. зрячій; базмачеай, բազմաչեայ = «многоочитый». — Слѣдовательно, храчеай «имѣющій огненныя очи». Армянское слово.

4. *П'арнуас*, Փառնուաս — не армянское имя (Pharnabazus).

5. *Пачуйч*, Պաճոյճ, первообразное слово, значитъ «украшеніе, украшенный, расписанный красками». Армянское слово.

6 *Корнак*, Կոռնակ. Корень корн, կոռն. значитъ «стебель, стебелекъ». Армянское слово.

7. *П'авос*, Փաւոս — непонятное имя; ос, ոս, окончаніе греческое.

8. *Хайкак*, Հայկակ — объяснено выше: ласкательная форма отъ Хайкъ.

Изъ восьми Хайкидовъ двое, а именно П'арнуасъ и П'авос, носятъ не армянскія имена. остальные шесть—Армяне.

IV.

23 Итакъ наши изслѣдованія привели пока къ тому, что во внутренней жизни древней Арменіи дѣла шли не такъ мирно и не такъ

плавно, какъ привыкли думать и туземные и иноземные ученые и историки. Какъ мы видѣли, хайкидская династія была вынуждена уступить верховную власть цѣлому ряду «узурпаторовъ», которые въ продолженіе весьма долгаго времени одинъ за другимъ господствовали въ Арменіи, опираясь на кулачное право. Не было между ними основателя династіи, не было поэтому и лицъ, составлявшихъ и продолжавшихъ династію. Промежутокъ времени отъ Парэта до Паруйра занимаютъ «тираны, брнакал'ы».

Такъ продолжалось до Паруйра, котораго вышеприведенные наши историки представляютъ потомкомъ Хайка и основателемъ второй хайкидской династіи съ восемью, какъ увидимъ, представителями, а не девятнадцатью, какъ показано у Хоренскаго. Она прекращается не съ Вахе́, какъ полагаетъ нашъ авторъ, а съ Хайка́комъ II. Съ послѣднимъ хайкиды навсегда сходятъ со сцены, хотя тѣмъ не прекращаются династическіе перевороты. Ибо мы замѣчаемъ, что верховная власть, которая до сихъ поръ переходила отъ Армянъ къ Армянамъ, теперь оказывается въ рукахъ чужеземца.

Вглядимся въ физіономію его — этого новаго человѣка, которому суждено было занять выдающееся мѣсто въ эпическихъ сказаніяхъ
и лѣтописяхъ страны, куда онъ вступилъ завоевателемъ, но гдѣ 24
оставилъ неизгладимую память о великихъ своихъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ сосѣдними народами и о мудрыхъ внутреннихъ своихъ преобразованіяхъ *). Въ послѣдствіи по его слѣдамъ пойдетъ другой великій завоеватель — пароянинъ Аршакъ, и посадитъ на армянскій престолъ брата своего, Вахаршака, который въ свою очередь также оставитъ за собой блестящій слѣдъ въ исторіи этой страны.

Этотъ новый человѣкъ, о которомъ ведемъ рѣчь, есть Тигранъ, тотъ самый Тигранъ, котораго Моисей Хоренскій включаетъ въ свой Списокъ хайкидовъ и о которомъ говоритъ... «Много было именовавшихся Тигранами, но одинъ и единственный—Тигранъ изъ нашихъ хайкидовъ (хайказа́нцс, *Հայկազանցս*), который убилъ Аждахака (Астіага), отвелъ въ плѣнъ домъ его (т. е. семейство его),

*) Моисей Хор. Кн. I, гл. XXIV.

мать вишап'овъ—Ануйш, и при согласіи и помощи Кира захватилъ въ свои руки государства Мар'овъ и Парсовъ *).

Вопреки увѣренію Хоренскаго мы скажемъ: «правда, много было Тиграновъ, но не было ни единаго Тиграна-хайкида». Ибо всѣ Тиграны—или Ахемениды, или Пареяне-Аршакиды. О первыхъ упоминаетъ Геродотъ, имена же вторыхъ нерѣдко встрѣчаются между именами представителей ихъ династіи и въ Пареіи и въ Арменіи.

Какъ національность лицъ, входящихъ въ составъ предшествовавшихъ Тиграну династій, очерчивается ихъ именами только, благодаря
25 скупости Хоренскаго на какія-бъ-ни-было подробности, такъ и имя самаго Тиграна и названія его потомковъ-преемниковъ: Нерсéх, Зарéх, Багáм, Ван, Вахé указываютъ на не-армянское ихъ происхожденіе. До Тиграна мы не видимъ этихъ именъ въ Исторіи Арменіи, куда они проникаютъ только съ нимъ, точно также какъ съ Вахаршакомъ, главою армянскихъ Аршакидовъ, впервые получаютъ въ этой странѣ право гражданства наименованія пареянскія: Аршак, Арташес, Артавáзд, Трдат, Тиран, Хосровъ и проч.—Далѣе у представителей второй возобновленной хайкидской династіи мы находимъ преимущественно армянскія имена, значеніе которыхъ большей частью для насъ ясны, какъ напр. Храчеай, Пачуйч, Корнáк, Хайкак и т. д.—Если пойдемъ вверхъ по династической лѣстницѣ, то увидимъ, что всѣ «худородные тираны», за весьма небольшимъ исключеніемъ, равнымъ образомъ представляются намъ съ чисто-армянскими именами, для объясненія которыхъ не потребуется ни малѣйшаго усилія; таковы между прочимъ Сур, Хаванáк, Ваштáк, Норáйр, Перч, Арбун и пр. — Наконецъ, когда мы дойдемъ, по той же лѣстницѣ, до самаго Хайка, выходца изъ Вавилона, то замѣтимъ, что кромѣ немногихъ его потомковъ (по нашему 10), имена всѣхъ прочихъ отзываются семитствомъ—Арам-ан еак, Арам-а-ис, Амасія, Арам и пр.

На основаніи вышеприведеннаго и другихъ доказательствъ, которыя представлены будутъ ниже, мы, какъ было сказано, не считаемъ Тиграна армяниномъ-хайкидомъ, нижé аршакидомъ потому, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ послѣдующими Тигранами-

*) Тамъ же, гл. XXXI.

аршакидами. Онъ выступаетъ въ армянской Исторіи въ то время, когда и помину не было объ аршакидахъ. Армянскіе випасаны (рап- 26
соды) представляютъ его современникомъ Аждахака и Кира, слѣдовательно, жившимъ около 570 года до Р. Х.; значитъ за 420 лѣтъ до Вахаршака, основателя аршакидской династіи.

Если Тигранъ не армянинъ-хайкидъ, то кто онъ такой?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, здѣсь мы также должны взяться за употребленный уже нами способъ опредѣленія національности лицъ предыдущихъ трехъ династій, а именно за этимологическое изслѣдованіе именъ тигранидовъ. Думается, что это можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на происхожденіе послѣднихъ.

Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ отцу Тиграна. Его имя.

1. *Еруанд*, Երուանդ, быть можетъ, найдетъ себѣ объясненіе въ зендскомъ aurvant, что значитъ «быстрый»; «крѣпкій» *).

2. *Тигран*, Տիգրան—слово парсійское отъ tiǵra и значитъ «стрѣлокъ»», archer **).

3. *Вахагн*, Վահագն—въ Династическомъ Спискѣ представленъ Хоренскимъ царемъ-хайкидомъ, наравнѣ съ Тиграномъ, между тѣмъ какъ онъ—Солнце, одно изъ трехъ верховныхъ божествъ армянскаго пантеона, какъ это доказано нами въ другомъ мѣстѣ.

4. *Араван*, Արաւան—не армянское названіе, не поддающееся нашему толкованію.

5. *Нерсéх*, Ներսեհ—армянская форма парсійскаго Nar·ses. Корень—нар, нер: значитъ «мужъ»; «человѣкъ» ***).

6. *Зарéх*, Զարեհ—парсійское названіе въ армянской формѣ. Ко- 27
рень зар=«золото; желтый» ****).—Замѣтимъ кстати, что парсійское имя Darayavush, Dara—Дарій, въ армянской формѣ является Дарéх, Դարեհ, т. е. съ такимъ же окончаніемъ, какъ и Нерсéх, Ներսեհ,

---

*) Justi, Handb. der Zendspr., p. 5—Eug. Burnouf, Comment. sur le Yaçna, Addit. p. cl. XXXV,—I. Darmesteter, Armazd et Ahriman, p. 142.

**) G. Rawlinson, History of Herod. vol. IV, p. 562.

***) Justi, Handbuch etc., p. 167.—Comment. sur le Yaçna, Introduc. pp. 21, 22, 29 note.

****) Justi, p. 121.—Comment. sur le Yaçna, p. 13.

Зарéх, Զարեհ. что̀ также указываетъ на парсійское происхожденіе послѣднихъ.

7. *Армог*, Արմոգ—не армянское названіе; не поддается нашему толкованію.

8. *Багáм*, Բագամ—корень bag, bagha=«богъ» *): слово парсійское, встрѣчающееся также во многихъ армянскихъ именахъ: Багариндж. Баг-а-ра́н, Баг-а-ва́пъ Բագարինջ, Բագարան, Բագաւան, и въ словѣ баг-ин, բագին=жертвенникъ.

9. *Ван*, Վան—въ парсійскомъ и древне-армянскомъ имѣетъ одно и то же значеніе; «гнать, преслѣдовать»—ван-ел, վան-ել **).—Оно же названіе древняго города въ Арменіи.

10. *Вахé*, Վահէ—корень вах, vah, վահ, վեհ, слово парсійское и значитъ «лучшій, превосходный» ***). Въ армянскомъ оно значитъ также богъ.

Приведенныя имена объясняются по большей части помощью парсійскаго языка, такъ какъ носители ихъ—лица парсійскаго происхожденія.—Замѣтимъ еще одну особенность, которою отличаются эти чужеземныя имена: ни одно изъ нихъ не имѣетъ излюбленнаго
28 древними армянами ласкательнаго окончанія ак, еак, ակ, եակ, которыми украшаются: имя одного изъ первыхъ хайкидовъ, затѣмъ имена нѣкоторыхъ «худородныхъ тирановъ» и наконецъ вѣнценосцевъ второй хайкидской династіи.

Опираясь на все это, мы выдвигаемъ предположеніе, что Тигранъ

— I only say suppose this supposition ****). —

Великій—Парсъ-ахеменидъ и, какъ такой, онъ въ армянской Исторіи не имѣетъ инаго значенія, кромѣ значенія завоевателя. Такимъ онъ является во второй половинѣ VI вѣка до Р. Х. и въ странѣ Хайевъ (армянъ) полагаетъ основаніе третьей династіи, которая продолжается до первой половины IV столѣтія т. е. до Александра Великаго. Изъ царей этой династіи, исключая бога Ва-

*) Justi, p. 209.

**) Тамъ же, p. 166.

***) Тамъ же, p. 272.

****) Byron. Don Juan, C. I, st. LXXXV.

ха́гна, котораго Хоренскій выдаетъ за сына Тиграна, не имѣя на то
основанія, мы знаемъ одного только ея основателя, какъ великаго
воителя. О другихъ тигранидахъ нашъ авторъ проходитъ молча-
ніемъ, ограничиваясь однимъ лишь исчисленіемъ ихъ именъ.

Быть можетъ, спросятъ: если дѣйствительно во второй половинѣ
VI вѣка Арменія подверглась чужеземному нашествію; то по какой
причинѣ Хоренскій не сообщаетъ о томъ никакого извѣстія?

Отвѣчаемъ: по той же самой причинѣ, по которой онъ молчаніемъ
проходитъ всѣ вышеуказанныя нами династическія революціи, быв-
шія въ его древнемъ отечествѣ;- по той же самой причинѣ, по ко-
торой онъ едва касается такого явленія, какъ завоеваніе родной
его страны Парѳянами, совершившееся 420 лѣтъ спустя послѣ Ти-
грана—этого крупнаго явленія, относительно близкаго къ Хорен- 29
скому, жившему въ пору прекращенія этой династіи и имѣвшему
поэтому возможность ближе знать исторію этого погрома и подробнѣе
разсказать ее намъ, чего однако не дѣлаетъ; по той же самой при-
чинѣ, по которой онъ ни слова не вымолвитъ о томъ—оказали-ль
армяне какое-нибудь сопротивленіе непріятелю, давали-ль ему отпоръ,
или просто подставили шею подъ ярмо завоевателя:—по той же са-
мой причинѣ, по которой Хоренскій, имѣя подъ рукой Мар-Абаса (го-
воримъ его словами), воображаемаго современника и quasi-исторіо-
графа парѳянина Вахаршака, и тутъ не пожелалъ оставить намъ
подробности о завоеваніи земли армянской;—по той же самой, на-
конецъ, причинѣ, по которой онъ объ этомъ событіи, какъ бы о
незначительномъ фактѣ, роняетъ мимоходомъ лишь слѣдующія слова:
«отсюда начиная (т. е. со смерти вѣнценосца Вахе́, послѣдняго хай-
кида, по Хоренскому) до воцаренія Вахаршака въ Арменіи ничего
вѣрнаго не могу разсказать тебѣ (своему меценату, Сааку Багра-
туни). Ибо вслѣдствіе возникшихъ смутъ всякій о томъ только и
думалъ—какъ бы захватить власть и господствовать надъ нашей
страною. Поэтому Аршакъ Великій легко проникъ въ Арме-
нію и воцарилъ брата своего въ странѣ армянской» *).

Моисей Хоренскій въ своемъ словарѣ нашелъ только пятнадцать

*) М. Хор. Кн. I. гл. XXXV.

словъ, заключающихся въ послѣднихъ двухъ строкахъ приведенной цитаты—и то не совсѣмъ лестныхъ для самолюбія своихъ соотчичей—чтобы описать покореніе цѣлой великой страны, какою была Арме-
30 нія!.. О, еслибъ всѣ завоеванія совершались такъ легко, безъ борьбы, безъ противодѣйствія, безъ кровопролитія!

Можно ли, спросимъ въ свою очередь, при такомъ взглядѣ Хоренскаго на захватъ непріятелемъ его отечества, удивляться, что онъ ни слова не говоритъ о завоеваніи Арменіи Тиграномъ?

По завоеваніи этой страны и по утвержденіи въ ней своей власти, Тигранъ въ союзѣ съ другимъ могучимъ завоевателемъ задумываетъ покореніе сосѣднихъ странъ. Отнынѣ имена Кира и Тиграна встрѣчаются неразлучно въ армянскихъ и парсійскихъ сказаніяхъ. Въ нихъ оба государя изображаются связанными между собой тѣсной дружбой, согласно дѣйствующими противъ Мар'овъ, Парсовъ, (Мало-) азійскихъ Грековъ и другихъ. О дружбѣ обоихъ воителей упоминаютъ Хоренскій *), Товмá Арцруни **) и Ксенофонтъ ***): первые два, на основаніи армянскихъ сказаній, послѣдній—парсійскихъ легендъ. У Кира и Тиграна одна и та же антипатія къ Мар'амъ. Мало
31 того, въ армянскихъ сказаніяхъ оба государя сливаются какъ бы въ одно лицо и дѣйствуютъ за одно ****). Это еще болѣе утверждаетъ

---

*) Тамъ же, гл. XXIV, XXV.

**) Исторія Товмы Арцруни, Константинополь, стр. 98.—Армянскій историкъ, Товма Арцруни, на основаніи народныхъ сказаній такъ описываетъ пріязнь Кира къ Тиграну, выразившуюся во время войны послѣдняго съ мидійскимъ Аждахакомъ... „большая опасность угрожала Аждахаку отъ появленія Тиграна во главѣ огромнаго войска. Здѣсь-то поспѣшаетъ на помощь Тиграну многоумный Парсъ со своей конницей. Ибо дружбой былъ связанъ Киръ съ Тиграномъ: они во всемъ походили другъ на друга, желали одного, любили одно, были разумны и достойны похвалъ“... «Նաև բազմախոհեմն Կիւրոս պարսիկ խաղայ գայ իւրովք հեծելազօր մարտակցօքն օգնել Տիգրանայ. քանզի էին բարեկամացեալք ընդ միմեանս Կիւրոս և Տիգրան, և յամենայնի համանմանքն, համակամքն, միաբանքն, քաջախոհեմքն և բազմագովուտքն»։

***) Ксенофонтъ, Киропедія.

****) Объ этихъ сказаніяхъ, расходящихся съ греческими легендами, мы поговоримъ подробно и обстоятельно въ слѣдующей второй нашей статьѣ о „Династическомъ Спискѣ хайкидовъ“ по армянскимъ источникамъ.

насъ въ нашемъ предположеніи и мы невольно задаемся вопросомъ— 31
не можетъ ли такое сочувствіе двухъ царей другъ другу служить также нѣкоторымъ доказательствомъ ихъ общаго парсо-ахеменидскаго происхожденія?

Судить о вѣрности или невѣрности нашего взгляда на Династическій Списокъ хайкидовъ Моисея Хоренскаго, равно какъ и на завоевательское значеніе, какое, по нашему убѣжденію, имѣетъ въ Исторіи древней Арменіи Тигранъ Великій, предоставляемъ читателю; мы же изъ всего вышеизложеннаго не лишнимъ считаемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

a. Династическій Списокъ хайкидовъ, открывающійся родоначальникомъ Армянъ, Хайкомъ, современникомъ Бэла, и заключающійся царемъ Вахé, жившимъ во время Александра Великаго, состоитъ не изъ гомогенныхъ лицъ, происходящихъ отъ Хайка.

b. Этотъ списокъ состоитъ изъ лицъ гетерогенныхъ, разныхъ происхожденій и разныхъ національностей и заключаетъ въ себѣ не одну династію, а нѣсколько.

c. Первая династія отъ Хайка до Анушава́на включительно состоитъ 32
изъ лицъ гетерогенныхъ. См. выше стр. 17—18.

d. Далѣе слѣдуетъ не династія, а рядъ «худородныхъ тирановъ», который начинается Парэтомъ-узурпаторомъ и оканчивается Кайпа́комъ.—Въ составъ его входятъ преимущественно Армяне, не происходящіе отъ одного родоначальника. См. выше стр. 19—21.

e. Вторая династія начинается Паруйромъ и заключается Хайкакомъ II. Ея основатель—Паруйръ, изъ поколѣнія Хайка. См. выше стр. 22.

f. Третья династія—парсійская. Основатель ея—Тигранъ-Ахеменидъ. Въ составъ ея входятъ преимущественно, мы готовы сказать исключительно, Парсы. Она прекращается со смертью послѣдняго тигранида, Вахé. См. выше стр. 26—27.

За прекращеніемъ этой династіи, по прошествіи 185 лѣтъ «смутнаго, говоря словами Хоренскаго, времени», Арменія испытываетъ второе иноземное нашествіе: Аршакъ Великій завоевываетъ ее и основываетъ въ ней парѳянскую династію, главою которой назначаетъ брата своего, Вахаршака.

Остановимся здѣсь, не разставаясь впрочемъ съ Первой Книгой Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Мы возвратимся къ ней еще не одинъ разъ. Изученіе ея вызоветъ цѣлый рядъ другихъ интересныхъ вопросовъ, которыми займемся исподоволь на досугѣ *).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

а) Гл. 22. (I кн. Хор.). «Ибо послѣдній этотъ Еруандъ и Тигранъ изъ этихъ (т. е. Паруйридовъ) названы (такъ) скажу, быть можетъ, по надеждѣ: время было не слишкомъ далеко, кто-нибудь вспомнилъ эти имена».

Послѣдніе два изъ Паруйридовъ названы здѣсь Еруандомъ и Тиграномъ «по надеждѣ». Спрашивается — «по надеждѣ» на что и на кого? — Кѣмъ они такъ названы? — Кто имѣлъ право давать имена Еруанду и Тиграну кромѣ ихъ родителей?—Кто этотъ «кто-нибудь, вспоминающій эти имена?» — Какое это «не слишкомъ далекое время» — прошедшее или будущее?

---

*) Армянскіе историки, за ними и западные ученые, считаютъ четыре господствовавшихъ въ древней Арменіи династій, и именно:

1. Династія хайкидовъ отъ 2107 до 327 г. до Р. Х.

2. Династія аршакидовъ отъ 149 г. до Р. Х. до 428 г. по Р. Х.

3. Династія багратидовъ отъ 885 года нашей эры до 1045.

4) Династія рубенидовъ отъ 1185 до 1393 года.—Здѣсь паденіе армянскаго царства [1]).

Если принять во вниманіе результаты настоящаго нашего „Изслѣдованія“, т. е. существованіе вмѣсто одной, трехъ династій въ періодъ такъ называемый хайкидовъ, тогда, начиная отъ предка Армянъ, Хайка, до смерти послѣдняго армянскаго царя, Леона VI Рубэнида, всѣхъ династій окажется не четыре, а шесть, не считая періода господства „худородныхъ тирановъ-узурпаторовъ“.

---

[1]) Указаніе на продолжительность вышеприведенныхъ династій сдѣлано по Мих. Чамчеану.

Кто бы ни былъ этотъ «кто-нибудь», онъ не могъ вспомнить приведенныхъ именъ, о которыхъ рѣчь наша потому, что вспоминаютъ то, что было. Имена же эти не встрѣчаются въ канонѣ хайкидовъ, начиная отъ Хайка до Паруйра, стало быть здѣсь не можетъ быть рѣчи о прошедшемъ. Въ будущемъ, т. е. въ періодъ армянскихъ Аршакидовъ, имена Еруандъ и Тигранъ очень обыкновенны; но вѣдь воспоминаніе не можетъ относиться къ будущему.—Кѣмъ же даны эти имена?

Послѣ всѣхъ этихъ вопросовъ, возникающихъ сами собою, и, къ сожалѣнію, остающихся неразрѣшенными, я снова обращаюсь къ словамъ нашего автора: «ибо *послѣдній* этотъ Еруандъ и Тигранъ—*изъ этихъ*». Тутъ что̀ слово, то загадка: что̀ значитъ здѣсь и къ чему относится слово *послѣдній?* почему Еруандъ названъ здѣсь *послѣднимъ*, между тѣмъ какъ по времени онъ долженъ считаться *первымъ*.

Къ чему эта забота Хоренскаго сказать и утверждать, совершенно безъ надобности, что Еруандъ и Тигранъ *суть изъ этихъ*, т. е. изъ Паруйридовъ, т. е. изъ Хайкидовъ? Развѣ недостаточно было, съ его стороны, включенія ихъ въ число потомковъ Паруйра, дабы показать ихъ происхожденіе, а нашлось нужнымъ пускаться въ какія-то непонятныя объясненія, чтобы убѣдить читателя въ ихъ армянствѣ.—Такими безсильными аргументами Хоренскій не увѣритъ насъ, что Еруандъ и Тигранъ—армяне и потомки Паруйра, ибо они—Парсы и останутся парсами съ парсійскими своими именами.

b) Моисей Хоренскій даетъ Тиграну Великому трехъ сыновей: Ба́ба, Тирана и Вахагн'а. I кн. гл. 31.

Въ Спискѣ Хайкидовъ мы замѣчаемъ, что отцу наслѣдуетъ обыкновенно старшій его сынъ. Въ вышеуказанной главѣ видимъ противное: историкъ выдвигаетъ на первый планъ третьяго, младшаго, такъ называемаго сына Тиграна, а именно Вахагна. Отъ этого послѣдняго онъ производитъ дальнѣйшихъ преемниковъ Тиграна, оставляя въ сторонѣ старшаго, Ба́ба и средняго—Тирана.

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай доказать, что всѣ почти преемники Тиграна, какъ и онъ самъ, носятъ парсійскія имена, между

тѣмъ какъ старшій его сынъ представляется здѣсь намъ съ именемъ не армянскимъ, не парсійскимъ, а ассирійскимъ; Тиранъ же имя и слово пароянское, которое во время Тиграна не могло существовать.

Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ именъ, скученныхъ Хоренскимъ вокругъ Тиграна Великаго, ясно одно, что тутъ нѣтъ ничего армянскаго, что тутъ группировка только громкихъ, миѳическихъ названій, которыми думалъ онъ доказать армянство своего любимаго героя.— Трудъ напрасный, ибо никто не приметъ Баба — миѳическаго сына Бэла *), равно какъ армянскаго бога, Вахагн'а, ни же Тирана-Аршакида за армянъ—даже если когда-нибудь они жили.

---

*) Гл. 5 въ двухъ мѣстахъ.

Хронологическая таблица Хайкидовъ у о. Михаила 33
Чамчеана.

Теперь, когда читатель знаетъ изъ какихъ элементовъ состоитъ Династическій Списокъ Моисея Хоренскаго, статься можетъ, интересно будетъ ему познакомиться также съ хронологіей хайкидовъ, которую находимъ у одного изъ позднѣйшихъ армянскихъ историковъ, а именно у извѣстнаго мхитариста, отца Михаила Чамчеана, пользующагося большимъ авторитетомъ въ армянскомъ и западномъ ученомъ мірѣ. Вышеизложенное наше изслѣдованіе не было бы полно безъ знакомства съ пресловутой хронологіей этого ученаго. Поэтому, не вдаваясь въ мельчайшія подробности, приглашаемъ читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующія строки, изъ которыхъ онъ составитъ себѣ ясное понятіе о внутреннемъ достоинствѣ этого труда, ставшаго со дня его появленія по настоящее время справочнымъ руководствомъ для оріенталистовъ, изучающихъ армянскую исторію.

Династическій Списокъ Хоренскаго состоитъ, какъ мы видѣли, изъ 53 родоначальниковъ, династовъ и царей, которые, замѣтимъ, не
имѣютъ у него хронологіи. Изъ этого единственнаго источника, когда 34
приходилось говорить о началѣ армянской исторіи, черпали свѣдѣнія о генеологіи хайкидовъ всѣ послѣдовавшіе за Хоренскимъ историки, которые, не находя у послѣдняго хронологическихъ данныхъ, довольствовались приведеніемъ только длиннаго ряда именъ хайкидовъ безъ датъ. Съ ихъ стороны это было и естественно и разумно. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы взять на себя неблагодарный трудъ снабдить голыя имена названнаго Списка опредѣленными, точными годами. Не смотря на осязательную эту, такъ сказать, невозможность восполнить хронологическій пробѣлъ въ исторіи хайкидовъ, нашелся однако ученый, который прямо пошелъ на

встрѣчу этой невозможности. Этотъ ученый—вышеупомянутый отецъ Михаилъ Чамчеанъ, жившій во второй половинѣ истекшаго столѣтія. Въ концѣ обширной трехтомной Исторіи своей in-4° онъ далъ намъ синхронистическую таблицу съ точнымъ показаніемъ, между прочимъ, годовъ каждаго изъ родоначальниковъ и царей хайкидовъ. Путеводною нитью при этомъ послужили ему, должно полагать, немногія сопоставленія и сближенія именъ нѣкоторыхъ хайкидовъ съ именами лицъ Всеобщей исторіи и съ крупными историческими событіями, совершившимися въ государствахъ Западной и Малой Азіи, сопостановленія и сближенія, встрѣчающіяся у Хоренскаго, но не представляющія и не дающія ни единой точной даты. Таковы, напримѣръ, сближенія

a, Хайка, родоначальника Армянъ, съ Бэломъ,
b, Арама съ Ниномъ,
c, Арая съ Семирамидою (Шамирам),
d, Анушавана съ Замасисомъ,
35 e, Зармайра съ Троянской войною,
f, Паруйра съ Сарданапаломъ,
g, родоначальника Скайорди съ Сенехеримомъ, царемъ ассирійскимъ, и бѣгствомъ его сыновей, Адрамела и Санасара, въ Арменію послѣ того, какъ они убили своего отца,
h, Храчеай съ Навуходоносоромъ,
i, Тиграна Великаго съ Киромъ и Аждахакомъ (Астіагомъ), царемъ мидійскимъ,
j, Вахé съ Александромъ македонскимъ.

Синхронизмъ въ Спискѣ хайкидовъ, заключающемъ въ себѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, 53 родоначальника, ограничивается вышеприведенными десятью сопоставленіями. За симъ о времени когда жили остальные 43 династа, мы рѣшительно ничего не знаемъ. Къ тому же эти десять сопоставленій указываютъ скорѣе на тотъ или другой вѣкъ, нежели на опредѣленные годы.

У отца Михаила въ его таблицѣ тщательно показаны годы начала и конца правленія каждаго изъ 53 властителей, приведенныхъ у Хоренскаго. Въ ней соблюдены всѣ тѣ условія, какія обыкновенно сопровождаютъ подобныя таблицы: показаны даже междуцарствія

и продолжительность ихъ; но, къ сожалѣнію, не видно основанія числовымъ даннымъ, въ ней приведеннымъ.

Для полученія своихъ датъ отецъ Михаилъ, вѣроятно, руководствовался синхронизмомъ вышеуказанныхъ сопоставленій Хоренскаго. И дѣйствительно, онъ принялъ, какъ вѣхи, эти десять синхронизмовъ и промежутки между ними наполнилъ слѣдующими по порядку у Хоренскаго собственными именами и каждому изъ нихъ, по ему
одному извѣстнымъ соображеніямъ, назначилъ опредѣленное число 36
лѣтъ управленія.—Такимъ образомъ у него составился отлично скомпанованный Списокъ хайкидовъ съ показаніемъ года рожденія каждаго изъ нихъ, вступленія въ управленіе страной и наконецъ смерти.

И современники отца Михаила и позднѣйшіе его читатели приняли за чистую монету его хронологическія показанія. — Приведемъ два образчика—какъ отецъ Чамчеанъ не стѣсняясь располагаетъ датами по своему изволенію.

Было сказано, что Моисей Хоренскій — единственный источникъ для періода хайкидовъ. Онъ не указываетъ ни на годъ рожденія Хайка, ни на продолжительность его родоначальства, ни на годъ его смерти. Отъ него мы узнаемъ только, что предокъ Армянъ, послѣ побѣды надъ Бэломъ, возвращается въ Харк — первоначальное его мѣстожительство въ Арменіи и, «проживъ еще много лѣтъ, умираетъ».

Отецъ Михаилъ въ своей таблицѣ показываетъ: «Хайкъ родился въ 2273 году до Р. Х., началъ господствовать въ Арменіи въ 2107; управлялъ этой страной 80 лѣтъ».

Въ другомъ мѣстѣ онъ задается вопросомъ: какихъ лѣтъ умеръ Хайкъ—и отвѣчаетъ: «хотя исторія не дѣлаетъ на это прямаго указанія, однако мы навѣрное знаемъ изъ св. Писанія, что во времена патріарховъ, если люди не умирали насильственной смертью, то жили обыкновенно долго—400 лѣтъ. Поэтому если вѣрно, что Хайкъ былъ современникомъ патріарховъ—чѣмъ онъ дѣйствительно и былъ—то слѣдуетъ сказать, что и онъ прожилъ 400 или 300 лѣтъ».

На этомъ основаніи добрый отецъ Михаилъ дѣлаетъ выводъ: «слѣ-
дуя лѣтосчисленію 70 толковниковъ, мы видимъ, что Хайкъ достигъ 37
400-лѣтняго возраста; что смерть его послѣдовала въ 2933 году

отъ сотворенія міра... стало быть, ему было 130 лѣтъ, когда онъ отправился въ страны вавилонскія, гдѣ оставался 190 лѣтъ. Ему было 320 лѣтъ, когда онъ разстался съ Бэломъ; 2 года спустя, онъ убиваетъ послѣдняго; владѣетъ Арменіею 80 лѣтъ».

Другой образчикъ: Арменакъ, сынъ Хайка, заступаетъ мѣсто отца. О немъ Хоренскій говоритъ—«отъ этого Арменака черезъ нѣсколько лѣтъ родится Армаисъ, а Арменакъ умираетъ послѣ многихъ лѣтъ»—и только.

Изъ этихъ общихъ неопредѣленныхъ выраженій отца армянской Исторіи ученый Чамчеанъ заключаетъ: «Арменакъ вступаетъ въ управленіе страной въ 2026 году до Р. Х.; владѣетъ ею 46 лѣтъ; умираетъ въ 1980 году до Р. Х.

Такъ продолжаетъ онъ всю хронологію хайкидовъ, тогда какъ Хоренскій не даетъ ни единаго числа, которое могло бы служить ему точкою отправленія.

Съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ какою увѣренностью пишется все это! какая точность въ указаніяхъ на годы жизни Хайка, на начало и продолженіе его управленія, на годъ его смерти! Подумаешь, говоритъ очевидецъ.

Этими фантастическими датами не ограничивается, однако, отецъ Михаилъ; онъ идетъ дальше, и смѣлой рукой вписываетъ въ свою таблицу имена 6-ти родоначальниковъ, о которыхъ и помину нѣтъ въ Спискѣ Хоренскаго, вслѣдствіе чего число хайкидовъ у него изъ 53 возрастаетъ до 59-ти. Вотъ ихъ имена: Кар, Шаварш II, Перч II,
38 Ампак II, П'арнак II, П'арнавазъ II.—Историкъ Іоаннъ каѳоликосъ и Самуилъ анискій также не знаютъ этихъ послѣднихъ. Значитъ, они—измышленіе почтеннаго Чамчеана. Онъ изобрѣлъ ихъ, вѣроятно, для пополненія своей таблицы, составленной по неизвѣстнымъ намъ плану и соображенію.—Замѣчательно, что большая ихъ половина является вторыми экземплярами; они, можно сказать, дублеты своихъ соименниковъ-хайкидовъ. Во всякомъ случаѣ такъ какъ ихъ нѣтъ у Хоренскаго и у другихъ главныхъ историковъ армянскихъ, то они—апокрифы и, какъ такіе, должны быть отринуты.

Не удивительно ли?—Съ 1786 года изданія таблицы отца Михаила по настоящее время, т. е. впродолженіе слишкомъ ста лѣтъ, не

задались вопросомъ: гдѣ взяты шесть дублетовъ этихъ вымышленныхъ хайкидовъ, которыхъ нашъ ученый размѣстилъ по своей синхронистической таблицѣ, и не спросили въ то же время—возможна ли хронологія для лицъ въ родѣ Хайка, Арама, Арая и другихъ, изъ которыхъ первый борется съ ассирійскимъ божествомъ, Бэломъ, побѣждаетъ его и даже убиваетъ; другой идетъ войною на другаго бога, Баршама сирскаго, (въ текстѣ Хоренскаго ассирійскаго), и также убиваетъ его; третій, наконецъ, самъ падаетъ жертвою въ войнѣ съ миѳическимъ лицемъ, Семирамидою (Шамирам?) *).

Приводимъ здѣсь полную таблицу хайкидовъ по Чамчеану для 41 **)
справокъ читателя и лучшаго разумѣнія вышеизложеннаго.

До Р. Х.

2107 Хайкъ, сынъ Ѳоргома.
2026 Арменакъ, сынъ его.
1980 Арамаисъ, сынъ его.
1940 Амасія, сынъ его.
1908 Гехамъ, сынъ его.
1858 Хармай, сынъ его.
1827 Арамъ, сынъ его.
1769 Арай Прекрасный, сынъ его.
1743 Кардосъ, сынъ его.
1725 Анушаванъ, сынъ его.
1662 Парэтъ
1612 Арбакъ.
1568 Заванъ.
1531 П'арнакъ ***).

---

*) Извѣстный арменистъ S-t. Martin въ своихъ Mémoires'ахъ (t. I, p. 404—405) высказался вообще о Хронологической Таблицѣ отца Михаила Чамчеана сдержанно, говоря: „Ces dates paroissent être déterminées, pour la plupart, d'une manière fort arbitraire. Не только pour la plupart, но и отъ начала до конца Таблицы хайкидовъ тѣ даты—плодъ воображенія ученаго Мхитариста, какъ сказано выше.

**) [Стр. 39 и 40 занимаютъ въ книжкѣ чистый листъ. *Г. Х.*].

***) У Хоренскаго стоитъ П'арнасъ.

1478 Суръ
1433 Хаванáкъ.
1403 Ваштáкъ.
1381 Хайкакъ.
1363 Ампакъ (I).
1349 Арнакъ.
42 1332 Шаваршъ (I).
1326 Норайръ.
1302 Встамъ *).
1289 *Каръ* **).
1285 Горакъ.
1267 Хрантъ.
1242 Ендзакъ.
1227 Гхакъ.
1197 Хорой.
1194 Зармайръ.
1182 *Междуцарствіе.*
1180 Шаваршъ (II).
1137 Перчъ.
1102 Арбунъ.
1075 *Перчъ (II).*
1035 Базукъ.
985 Хой.
941 Іусакъ.
910 *Ампакъ (II).*
883 Кайпакъ.
838 П'арнавазъ.
805 *П'арнакъ.*
765 Скайорди.
748 Паруйръ, сынъ его.

---

*) Вмѣсто этихъ двухъ именъ въ Династическомъ Спискѣ Хоренскаго стоитъ одно имя—Встаскаръ.

**) Подчеркнутыхъ именъ нѣтъ въ Спискѣ Хоренскаго.

743 *Смерть Сарданапала. — Паруйръ свергаетъ ассирійское иго.—о. М. Ч.*

700 Храчеай, сынъ Паруйра.

678 *П'арнавазъ (I) сынъ его.*

665 Пачуйчъ, сынъ его. 43

630 Корнакъ, сынъ его.

622 П'авосъ, сынъ его.

605 Хайкакъ, сынъ его.

569 Еруандъ, сынъ его.

565 Тигранъ, сынъ его.

520 Вахагнъ, сынъ его.

493 Араванъ, сынъ его.

475 Нерсехъ, сынъ его.

440 Зарехъ, сынъ его.

394 Армогъ, сынъ его.

385 Багамъ, сынъ его.

371 Ванъ. сынъ его.

351 Вахé, сынъ его.

«Послѣ двадцатипятилѣтняго царствованія Вахé погибаетъ на войнѣ съ Александромъ Македонскимъ, и съ нимъ прекращается династія хайкидовъ».—Это говоритъ отецъ Михаилъ Чамчеанъ.

XVI.

Объ армянскомъ алфавитѣ *).

I.

361 **Къ числу любопытныхъ явленій умственнаго міра безспорно принадлежитъ изобрѣтеніе письменъ, которыми по справедливости можетъ гордиться умъ человѣческій. Въ самыя отдаленныя времена жизни народовъ, имѣвшихъ какую-нибудь самобытность, встрѣчаемъ это дивное явленіе, знаменующее собою благородное стремленіе человѣка къ тому, чтобы увѣковѣчить память свою въ грядущихъ поколѣніяхъ. Но начало столь благороднаго явленія, каково изобрѣтеніе письменъ, у всѣхъ народовъ покрыто неизвѣстностью. Подобно всѣмъ общеполезнымъ великимъ изобрѣтеніямъ оно не носитъ на себѣ названія**

---

*) [Изслѣдованіе это напечатано въ 1858 г. въ первомъ русскомъ переводѣ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, въ отдѣлѣ Приложеній (4-е), стр. 361—376 и 377—383, in 8°. Послѣ того появилось нѣсколько статей и монографій по этому вопросу, и ни одна изъ нихъ, по крайнему моему разумѣнію, не только не исчерпываетъ предмета, но даже далеко не выясняетъ сущности дѣла. Вотъ почему изслѣдованіе покойнаго Н. О. Эмина и до сихъ поръ еще не потеряло своего значенія. Нѣсколько незначительныхъ поправокъ, сдѣланныхъ рукою покойнаго армениста въ его ручномъ экземплярѣ «Исторіи Арменіи», мы внесли въ текстъ. Къ концу статьи мы прилагаемъ (какъ это было сдѣлано и ея авторомъ) образчики армянскихъ условныхъ знаковъ, съ объясненіями, хотя и не раздѣляемъ высказаннаго здѣсь ученымъ авторомъ мнѣнія о существованіи въ древней Арменіи «гіероглифическаго письма», — мнѣнія, отъ котораго и самъ арменистъ, сколько намъ извѣстно, отказался впослѣдствіи. *Г. Х.*].

того творческимъ умомъ одареннаго мужа, въ которомъ впервые зародилось желаніе сковать въ письмо что есть неуловимаго въ человѣкѣ, а именно—мысль его. При изслѣдованіи вопроса о письменахъ невольно останавливаешься на томъ—есть ли изобрѣтеніе ихъ дѣло одного человѣка, или цѣлаго народа. Кажется, что подобно великимъ вѣроученіямъ древняго Востока въ первобытномъ періодѣ ихъ образованія, и его должно приписать, если не цѣлому народу, по крайней мѣрѣ цѣлому поколѣнію людей, въ данную эпоху почувствовавшихъ въ себѣ потребность удержать мысль свою, или память о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, при нихъ совершившихся. Картины Американцевъ, гіероглифы древнихъ Египтянъ не доказываютъ ли эту необходимую первѣйшую потребность древняго человѣка, встрѣчаемаго нами на различныхъ точкахъ земнаго шара?—И кто именно были лица, которыя у упомянутыхъ народовъ изобрѣли эти знаки?—Исторія ничего о томъ не говоритъ намъ. Если отъ этихъ знаковъ перейдемъ къ собственно такъ называемымъ письменамъ: то и тутъ въ Исторіи ничего опредѣленнаго не найдемъ о ихъ началѣ и происхожденіи. Лица, которымъ у древнихъ приписывается изобрѣтеніе письменъ, не суть въ собственномъ смыслѣ ихъ изобрѣтатели: они или ввели ихъ въ употребленіе у даннаго народа, или же усовершенствовали существовавшіе уже у него съ незапамятныхъ временъ письменные знаки. Таковы напр. съ одной стороны азбука финикійская, а съ другой—греческая, не смотря на то, что одна изъ нихъ приписывается Тауту, а другая Кадму. Впрочемъ мы не намѣрены писать изслѣдованіе о письменахъ вообще: западные ученые исчерпали этотъ вопросъ такъ, что намъ ничего не остается прибавить къ сказанному ими. Мы сдѣлали эти общія замѣчанія потому, что онѣ могутъ относиться также и къ исторіи письменъ въ Арменіи, изслѣдованію которыхъ мы намѣрены посвя- 362
тить здѣсь нѣсколько страницъ.

II.

Арменія, не смотря на географическое свое положеніе, и потому на частыя столкновенія съ сосѣдственными народами, имѣвшими,

преимущественно въ послѣдующія времена ея существованія, сильное и неизбѣжное на нее вліяніе—дѣйствительно является наблюдательному уму страною, которая еще въ древнѣйшіе вѣка носила на себѣ отпечатокъ самобытности. Упругость жизни, которую до сихъ поръ сохранилъ въ себѣ народъ армянскій, съ давнихъ поръ лишившійся политической самостоятельности, встрѣчается также и въ древнѣйшую эпоху его существованія. Едва ли найдется въ Исторіи народъ, который, по самому невыгодному географическому своему положенію, могъ такъ долго бороться съ могущественными сосѣдними державами и не быть поглощенъ ими совершенно. Хотя правда, религія и языкъ древнихъ Армянъ—эти два элемента. въ которыхъ по преимуществу отражаются духъ и отличительныя свойства всякаго народа, въ томъ видѣ, въ какомъ оба они дошли до насъ — носятъ на себѣ слѣды вліянія парсиской и гелленской образованности; однако, не смотря на то, оба эти элемента духовной жизни древнихъ Армянъ, должны были въ отдаленнѣйшія времена отличаться самобытностью, какъ то доказываютъ древнѣйшіе ихъ остатки, до насъ уцѣлѣвшіе. Къ числу такихъ сильныхъ элементовъ можно отнести также письмена, которыми народы силятся запечатлѣвать мысль свою, придавая ей, если можно сказать, свой образъ и тѣмъ отдѣляя ее отъ мысли другихъ народовъ. Съ помощью письма избавляется отъ смерти самый языкъ, въ которомъ личность народа со всѣми своими безчисленными неуловимыми чертами сохраняется неприкосновенною. Подобный элементъ встрѣчаемъ и у древнихъ Армянъ: въ самую критическую минуту политической жизни Арменіи, а именно въ V вѣкѣ по Р. Х., благороднѣйшіе изъ ея сыновъ заботятся о спасеніи и сохраненіи ея національности изобрѣтеніемъ народнаго алфавита. Эта великая мысль геніальнаго Месропа*)

*) Месропъ изъ деревни Хацекацъ, чтó въ Таронской области, родился въ 361 году (умеръ въ 441 г. 13 Мехекана). Отца его звали Варданомъ. Судя по этому имени, носимому преимущественно людьми изъ рода Мамиконіановъ, и по мѣсту его рожденія, можно полагать, что Месропъ также происходилъ изъ роду Мамиконіановъ. Окончательное свое образованіе получилъ онъ подъ руководствомъ св. Нерсеса. Онъ былъ секретаремъ

вполнѣ увѣнчалась успѣхомъ; ибо если Армяне до сихъ поръ про- 363
должаютъ свое существованіе въ великомъ семействѣ человѣчества, то конечно этимъ они обязаны славному и безсмертному своему соотечественнику. Поговоримъ немного поподробнѣе объ этомъ любопытномъ явленіи.

III.

Прежде нежели приступимъ къ изслѣдованію нашего вопроса, укажемъ на различныя письмена, бывшія въ употребленіи въ Арменіи. Въ этомъ случаѣ мы прослѣдимъ за ними въ порядкѣ, въ какомъ онѣ являются въ Исторіи армянской письменности. Первое мѣсто между ними занимаютъ *знаки—ншанк*, *ншанагирк*,—*նշանք*, *նշանագիրք*; второе—собственно такъ называемое *письмо—гир*,—*գիր*, въ образованіи котораго встрѣчаемъ два періода: въ одномъ изъ нихъ оно, еще неполное, извѣстно подъ именемъ *Даніиловскаго;* въ другомъ — дополненное и усовершенствованное, оно стало извѣстнымъ подъ именемъ *Месроповскаго*. Мимоходомъ мы укажемъ и на другія письмена, бывшія въ употребленіи въ Арменіи въ періодѣ времени, заключающемся между такъ называемымъ *знаками* и изобрѣтеніемъ или лучше сказать усовершенствованіемъ письменъ: мы разумѣемъ письмена *Парсискія* или *Зендскія*, потомъ *Сирійскія* и наконецъ *Греческія*. О каждомъ изъ нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

IV.

Знаки, бывшіе въ употребленіи у древнихъ Армянъ до изобрѣтенія письменъ.

О существованіи этихъ знаковъ ничего не говорятъ древніе армянскіе писатели, даже тѣ изъ нихъ, которые повѣствуютъ о изобрѣ-

---

при дворѣ Аршака III; при Хосровѣ III оставилъ эту должность и посвятилъ себя монашеской жизни. Въ монастырѣ исключительно занимался онъ изученіемъ Священнаго Писанія и твореніями Отцевъ церкви, послѣ чего является проповѣдникомъ христіанскаго ученія въ Гохтенской провинціи, въ Сюникѣ, въ Иверіи и въ Ахованкѣ, т. е. въ Албаніи.

теніи, или вѣрнѣе сказать, о возстановленіи армянской азбуки, каковы Корьюнъ, Моисей Хоренскій, Лазарь Парпскій и другіе. Упорнымъ ихъ молчаніемъ мы объясняемъ стародавность *знаковъ*, которые къ тому же какъ изобрѣтеніе языческихъ вѣковъ, конечно не должны были пользоваться вниманіемъ ревностныхъ христіанскихъ учителей армянской церкви V столѣтія. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, самъ Корьюнъ въ своей Біографіи св. Месропа при изложеніи
364 исторіи армянскихъ письменъ, увлекаясь сильнымъ потокомъ риторскихъ фразъ, совершенно забываетъ всѣ любопытныя подробности великаго явленія, которому самъ былъ очевидцемъ. Изъ какихъ-нибудь двадцати строкъ, которыя историкъ Варданъ (жив. въ XIII в. по Р. Х.) посвящаетъ разсказу о армянскихъ письменахъ, мы составляемъ объ нихъ понятіе болѣе ясное, нежели изъ цѣлаго сочиненія Корьюна. Хотимъ сказать, что не должно удивляться, если у армянскихъ писателей V и VI вѣка никакого извѣстія не находимъ о знакахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Не смотря на это, мы встрѣчаемъ у армянскаго писателя два мѣста, въ которыхъ онъ невольно намекаетъ на существованіе подобныхъ знаковъ: это именно у Агаѳангела (жив. въ началѣ IV вѣка по Р. Х.) въ его Исторіи, гдѣ онъ, описывая мученія и пытки св. Григорія, присовокупляетъ: «Секретари царя Тёрдата *знаками*, *նշանագիրք*, записывали все сказанное святымъ мужемъ» *).—Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, говоря о св. Рипсимѣ, у которой армянскій царь Тёрдатъ проситъ руки, и отъ которой получаетъ отказъ, прибавляетъ: «тамъ случились *пишущіе знаками*,—*նշանագիրք*, которые, записавъ всѣ слова (сказанныя св. дѣвой), прочли ихъ передъ царемъ» **). При этомъ послѣднемъ случаѣ, если возьмемъ въ соображеніе обстоятельства, при которыхъ эти *знаки* употреблялись, обстоятельства, требовавшія скорости и быстроты въ письмѣ; и если вспомнимъ, что обыкновенными буквенными знаками не было бы возможности, въ особенности въ тѣ времена, съ точностью записывать каждое слово говорящаго; то можетъ быть не ошибемся, допустивъ, что знаки,

*) См. Ист. Агаѳангела, Венеція, 1885, стр. 85.

**) См. тамъ же стр. 126.

упоминаемые Агаѳангеломъ, были родъ условныхъ, если можно сказать, гіероглифическихъ знаковъ.

Кромѣ выше приведенныхъ двухъ мѣстъ мы нигдѣ болѣе не встрѣчали у армянскихъ писателей намека на существованіе этихъ знаковъ. Не смотря на то, мы находимъ о нихъ доказательство еще другаго рода, не менѣе важное выше приведеннаго. Это — употребленіе нѣкоторыхъ изъ подобныхъ знаковъ въ древнихъ армянскихъ рукописяхъ. Знакомымъ съ этими послѣдними вѣроятно не рѣдко попадались слѣдующіе знаки: _9 —означающее *какъ;* ※ — означающее *звѣзда* и др. Это не иное что, какъ остатки тѣхъ знаковъ, которые вѣроятно въ древнѣйшія времена были въ употребленіи въ Арменіи. Если распространимъ далѣе наше предположеніе, то и въ настоящее время въ армянскихъ книгахъ найдемъ обломокъ подобныхъ же знаковъ, употребляемый до сихъ поръ и въ печатныхъ книгахъ и въ письмѣ. Слово *міръ* и теперь Армяне пишутъ черезъ
знакъ ᔕ , чтó безъ сомнѣнія есть древнѣйшій остатокъ, встрѣ- 365
чаемый и теперь въ собраніяхъ подобныхъ знаковъ въ старинныхъ рукописяхъ.

Этимъ доказывается существованіе въ языческой Арменіи, какъ особенныхъ знаковъ для письма, такъ и то, что знаки эти были чисто армянскаго происхожденія, а не заимствованные у чужихъ народовъ. Къ тому же надобно замѣтить, что у народовъ, сосѣднихъ Армянамъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Ни Китайцы, встрѣчаемые въ этой странѣ въ началѣ IV вѣка; ни Индѣйскіе выходцы (родъ жреческой колоніи), которыхъ видимъ въ Таронской области за 150 лѣтъ до Р. Х.; ни Парсы, ни Сирійцы, ни Греки ничего подобнаго не представляютъ намъ: изъ чего и заключаемъ, что у древнихъ Арманъ до эпохи изобрѣтенія письменъ былъ въ употребленіи родъ условныхъ, гіероглифическихъ знаковъ, образчики которыхъ читатель найдетъ въ концѣ этого изслѣдованія *).

Перейдемъ къ буквеннымъ знакамъ.

---

*) См. Приложен. при семъ литогр. подъ бук. А.

V.

Письмена Даніила.

Азбука, употребляемая до сихъ поръ Армянами, извѣстна какъ у этого народа, такъ и у западныхъ ученыхъ подъ именемъ *азбуки Месропа*; ея изобрѣтеніе единогласно армянскими учеными приписывается сему послѣднему. И ученые, и всѣ замѣчательнѣйшіе писатели этого народа, жившіе въ эпоху изобрѣтенія армянскаго алфавита, каковы Корьюнъ, М. Хоренскій, Лазарь Парпскій, и всѣ послѣдующіе за ними историки и лѣтописцы—св. Месропа считаютъ творцемъ армянской азбуки. Мнѣнію этому, какъ единственно-господствующему и общепринятому, слѣдуютъ и европейскіе ученые, посвятившіе себя изученію армянской литературы: Сенъ-Мартенъ, Нейманъ и другіе не иначе думаютъ объ этомъ интересномъ литературномъ вопросѣ. Между новыми армянскими учеными только отецъ Инчичіанъ въ своихъ «Армянскихъ древностяхъ» съ свойственной ему проницательностью нѣсколько иначе смотритъ на него; но какъ по всему видно, онъ не хотѣлъ дать себѣ труда разъяснить этотъ запутанный вопросъ. При внимательномъ изученіи источниковъ, трактующихъ о началѣ армянскихъ письменъ, и съ помощью нѣкоторыхъ соображеній можно будетъ бросить новый свѣтъ на это мѣсто Исторіи армянской письменности.

Корьюнъ, ученикъ св. Месропа, жившій въ началѣ V столѣтія,
366 оставилъ намъ Біографію своего учителя, въ которой, повѣствуя о изобрѣтеніи армянскаго алфавита св. мужемъ, мимоходомъ роняетъ нѣсколько словъ, вполнѣ заслуживающихъ нашего вниманія. Онъ говоритъ: «Св. Саакъ и Месропъ, вникнувъ надлежащимъ образомъ, убѣдились, что письмена Даніила не могутъ выражать въ полнотѣ *слога* и *связи* языка армянскаго; къ тому же надобно прибавить, что эти письмена *были забыты и найдены случайно»* *). Видно, что прежде нежели были изобрѣтены св. Месропомъ буквы армянскаго алфавита, въ языческой Арменіи существовала азбука, бывшая

*) См. Корьюна Біографію св. Месропа.

въ ней въ употребленіи съ незапамятныхъ временъ. Она-то и составляла переходъ отъ періода *знаковъ* къ періоду полнаго *месроповскаго алфавита* и служила выраженіемъ мыслей языческихъ Армянъ, много прежде введенія въ употребленіе у этого народа буквъ сирійскихъ, парсійскихъ и греческихъ, появленіе которыхъ на почвѣ Арменіи вытѣснила древнюю азбуку вслѣдствіе причинъ, вѣроятно, чисто политическихъ. Эта самая азбука по странному недоразумѣнію у всѣхъ древнихъ армянскихъ писателей называется *Даніиловскою*. На этомъ основаніи и позднѣйшіе не даютъ ей другаго названія кромѣ *Даніиловской*. Между тѣмъ какъ мы видимъ изъ словъ Корьюна, что она не была изобрѣтена Даніиломъ, «по существовала еще *раньше* и найдена *случайно*», а кѣмъ именно, опредѣлить не можетъ. Корьюнъ еще болѣе уясняетъ вопросъ, говоря, что эти неожиданно-найденныя буквы «были письмена алфавита армянскаго языка» *). Моисей Хоренскій въ своей Исторіи, говоря объ этой азбукѣ, характеризуетъ ее словами: «съ *давнихъ поръ* изобрѣтенные буквенные знаки» **). О давности существованія этой азбуки упоминаетъ также Лазарь Парпскій приводя слова, сказанныя нѣкоторымъ человѣкомъ армянскому царю Врамшапуху: «что видѣлъ я армянскія письмена у одного епископа въ какой-то деревнѣ» ***) до изобрѣтенія Месропа. И въ другомъ мѣстѣ: «Святый Маштоцъ (Месропъ), видя съ какими трудностями сопряжено образованіе армянскаго юношества, которое въ его время должно было внѣ своего отечества въ сирійскихъ школахъ и на сирійскомъ языкѣ обогащать себя свѣдѣніями, сокрушался немало, въ особенности когда останавливался на мысли: «что, вѣдь, *есть же знаки армянскаго языка* ****), съ помощью которыхъ можно выражать свои мысли, не прибѣгая къ чуждымъ заимствованнымъ буквамъ» ****).
Наконецъ этотъ же самый историкъ въ третьемъ мѣстѣ по имени 367

*) См. тамъ же.
**) См. М. Хоренскій кн. III, гл. LII.
***) См. Ист. Лазаря Парп., Венеція, 1793, стр. 27.
****) Тамъ же, стр. 27.

называетъ упомянутаго епископа, говоря: «У благочестиваго мужа, епископа Даніила, *были* армянскіе знаки» *).

Все это—слова учениковъ и современниковъ св. Месропа, которые, говоря о Месроповскомъ изобрѣтеніи, довольно поверхностно упоминаютъ о такъ называемой азбукѣ Даніила. Не смотря на скудность этихъ извѣстій, можемъ заключить изъ нихъ, что дѣйствительно въ древнѣйшую языческую эпоху Армяне имѣли свою собственную азбуку. Позднѣйшіе писатели, пользующіеся большимъ уваженіемъ у Армянъ, каковы Іоаннъ Каѳоликосъ **), Стефанъ Асохикъ ***), Самуилъ Анискій ****) Киракосъ Гандцакеци *****), Варданъ и другіе, какъ равнодушные повѣствователи о совершившемся, бросаютъ довольно удовлетворительный свѣтъ на эту древнѣйшую азбуку. Между сообщаемыми этими писателями извѣстіями безсомнѣнно первое мѣсто занимаетъ извѣстіе Вардана. Приведемъ здѣсь изъ его Исторіи это мѣсто, на которомъ мы преимущественно основываемъ мнѣніе наше о существованіи древнѣйшей армянской азбуки.—«На пятомъ году царствованія Врамшапуха и въ первомъ году Арташира, сына Шапуха, св. Миропъ составляетъ письмена армянскія; *двадцать двѣ* буквы отъ древнихъ временъ, найденныя у Сирянина Даніила, какъ недостаточныя для выраженія (звуковъ) нашего

*) Тамъ же, стр. 27.

**) См. Ист. Арм. Іоанна Каѳоликоса, Москва, 1853, стр. 32.

***) *...Սուրբն Մեսրովպ եղև նախագահող և վարդապետ ըստ հայումն նշանագրութեան և գրչութեան... Թէոդոս... 'ի սորա աւուրս էր սուրբն Հայրապետն Հայոց Սահակ. յորոյ աւուրս գրութիւն Հայոց լեզուիս իԹ գիր 'ի Դանիէլէ փիլիսոփայէ ասորւոց կարգեցաւ. իսկ զեօթն գրոյն պակասութիւնն Մեսրովպ երանելի տարօնեցի խնդրուածովք յաստուծոյ առնու.* (См. у Чамчіана ч. I, стр. 756).

****) *„Նհա. Մաշթոց, որ և Մեսրովպ երանելին, և մեծն Սահակ զԴանիէլի նշանագիրս յօրինէ ընկերօք հանդերձ. և յետ միոյ ամի դարձեալ աստուածատուր նշանագրօք զնոյն եղանակէ, որով և գրութիւնք և գիրք աստուածային ուղղեալ Թարգմանեցին“.* (См. Самуилъ Анискій, рукопись моей библіотеки).

*****) *„Եւ ծանուցին զխորհուրդն Վռամշապհոյ Թագաւորին և նա ասաց, Թէ մինչ էի ես 'ի կողմանս Ասորւոց, ասաց ինձ ոմն եպիսկոպոս ասորի՝ Դանիէլ անուն, Թէ „ունիմ ես նշանագիր հայերէն լեզուի“. և ես անփոյԹ արարի առ ժամն... Բայց հայեցեալ տեսին, զի ոչ էր բաւական (նշանագիրքն Դանիէլի) զամենայն սիղոբայս ողջ ածել և զշաղկապս և զբառս“.* (Киракосъ Гандцакскій, рукопись моей библіотеки).

языка, были преданы забвенію древними; и стали довольствоваться греческими, сирійскими и парсискими буквами. Месропъ не въ состояніи былъ посредствомъ сихъ послѣднихъ перевести Священныя Книги на языкъ армянскій. Поэтому предавшись молитвамъ, получаетъ *14 букв* отъ Бога, Который своею десницею начерталъ ихъ 368
предъ нимъ; какъ великому Моисею на горѣ Синайской, такъ и ему на горѣ Балу... Существованіе же письменъ армянскихъ отъ древнихъ временъ (оставшихся) было доказано во времена царя Леона; ибо найдена была монета съ армянскимъ письмомъ, изображающимъ имя языческихъ царей изъ династіи Хайка. Недостатокъ (этихъ древнихъ письменъ) восполнилъ Месропъ при содѣйствіи Божіей благодати» *).

Въ этомъ отрывкѣ находимъ новое доказательство древности азбуки и существованію ея въ Арменіи до Месропа. Кромѣ того что ученый Варданъ при опредѣленіи числа буквъ Даніиловской азбуки говоритъ о ихъ древности—въ высшей степени важно и то доказательство, которое онъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, а именно:—найденная монета въ царствованіе Леона (въ Киликіи), монета съ надписью изъ армянскихъ буквъ, изображающихъ имя языческаго царя изъ династіи Хайка. Если мы въ выраженіи «*անուն կռապաշտ թագաւորաց Հայկազանց*»—«имя языческихъ царей Хайкидовъ»—подъ словомъ *Հայկազանց* разумѣть будемъ не «изъ династіи Хайка», какъ переведено нами, а просто «царей армянскихъ»; то и тогда эпитетъ «языческій» приведетъ насъ къ тому заключенію,

---

*) *„'Ի հինգերորդ ամի սորա (Վռամշապհոյ) և յառաջին ամի Արտաշրի՝ որդւոյ Շապհոյ, սուրբն Մեսրովպ յօրինէ զգրութիւն Հայերէն. քսան և երկու գիր առ Դանիէլի ասորւոյ գտեալ 'ի հին ժամանակաց. որ (վասն) ոչ պարզելոյն զընդարձակութիւն լեզուիս՝ անհոգացեալ եղև յառաջնոցն, յոյն և ասորի և պարսիկ գրով շատացեալք։ Եւ Մեսրոպ ոչ կարէր նոքօք փոխել զաստուածաշունչ մատեանս 'ի Հայ բարբառ, վասն որոյ աղօթից տուեալ զանձն՝ գործակցութեամբ սրբոյն Սահակայ, տայ նմա աստուած չորեքտասան գիրս՝ աջովն իւրով դրոշմել առաջի նորա, որպէս մեծին Մովսէսի 'ի լեռանն Սինայ և նմա ի լեռանն Բալուա... Եւ զի լեալ էր հայերէն գիր 'ի հնոյն՝ վկայեցաւ 'ի ժամանակս Լևոնի արքայի. զի գտաւ դրամ հայերէն գրով դրոշմեալ զանուն կռապաշտ թագաւորացն Հայկազանց, զորոյ զթերութիւն ելից նորա մեր Եզրաս աստուածախառն շնորհօք լցեալ“։* (Ист. Вардана, рукопись моей библіотеки).

что азбука армянская существовала много прежде V вѣка. Далѣе — если надпись на упомянутой монетѣ была изображена армянскими буквами; и если во время царя Леона могли прочесть эту надпись и найдти въ ней «имя языческаго царя армянскаго»; — то само собою разумѣется, что форма этихъ древнихъ буквъ должна была быть совершенно одинакова съ формою буквъ алфавита, называемаго Месроповскимъ, т. е. алфавита, и теперь находящагося въ употребленіи у Армянъ (*երկաթագիր*).

Слова ученаго Вардана, сообщающаго намъ эти драгоцѣнныя извѣстія о древней армянской азбукѣ, находятъ себѣ подтвержденіе въ другомъ замѣчательномъ памятникѣ, встрѣчаемомъ иногда въ древнихъ армянскихъ рукописяхъ. Мы говоримъ о небольшомъ произведеніи, состоящемъ изъ десяти или двѣнадцати строкъ, приписываемомъ философу Давиду (V в.), въ которомъ авторъ аллегорически представляетъ букву, которая, будучи олицетворена, исчисляетъ всѣ свои качества. Между этими качествами буква приводитъ и слѣдующее, а именно: «что первоначально ей было *дважды двѣнадцать* лѣтъ, а теперь *трижды двѣнадцать*» *). Значитъ, мнѣніе Вардана о стародавности армянской азбуки основано на древнемъ преданіи, никогда не перестававшемъ существовать между Армянами. Олицетворенная буква говоритъ о себѣ, что она первоначально состояла изъ 24 буквъ, а впослѣдствіи возросла до 36-ти. Эти 24 буквы (по Вардану 22) суть вѣроятно тѣ, которыя составляли такъ называемую Даніиловскую азбуку. Разницу въ числѣ буквъ древней азбуки

---

*) Приводимъ здѣсь это маленькое произведеніе цѣликомъ:

Ձեռք ամենակալին ստեղծին զիս և բարձրեալն ՚ի բարձանց ՚ի բարձունս ընծայեաց զիս։

Զափ հասակի իմոյ երկիցս երկոտասան, այժմ եմ երիցս երկոտասան։

Կամ յարևելս և խօսիմ յարեմուտս. ՚ի հիւսիսոյ և ՚ի հարաւոյ բարբառիմ, յանշունչս ձայն ածեմ և ՚ի մեռեալս բարբառիմ։

Անուն իմ բաղկանայ երեք տառիւք, երրեակն ՚ի միակէն, միակն ՚ի հնգեկէն և հնգեակն ՚ի հինգ հազարացն։

Ծնունդ իմ ՚ի ջրոյ է և մահ իմ ՚ի նմանէ։

՚Ի հրոյ զարհուրիմ, և ՚ի վէմս նստեալ՝ արհամարհեմ զնոսա։

Եթէ կարես՝ ճաշակեա, եթէ չկարես ՚ի զատ կաց։ (*Դաւթի փիլիսոփայի* [illegible] изъ рукописи моей библіотеки).

мы постараемся объяснить ниже. Скажемъ также, что кромѣ этого извѣстія встрѣчаемъ у Стефана Асохика, жившаго въ X вѣкѣ, слѣдующее: «Въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго жилъ св. патріархъ армянскій Саакъ, при жизни котораго сирійскій философъ (?) Даніилъ устроилъ азбуку языка армянскаго, состоящую изъ 29 буквъ, недостающія же семь буквъ блаженный Месропъ Таронскій получаетъ отъ Бога молитвами». Равнымъ образомъ важно для насъ здѣсь не столько число буквъ Даніиловской азбуки, сколько раздѣленіе, которое дѣлаетъ Асохикъ между упомянутымъ алфавитомъ и изобрѣтенными Месропомъ семью буквами. Это обстоятельство вмѣстѣ съ вышеизложенными приводитъ насъ къ заключенію, уже нами высказанному, т. е. что мнѣніе Вардана о существованіи древнѣйшей азбуки у Армянъ въ высшей степени вѣроятно и совсѣмъ не лишено основанія, какъ думаетъ отецъ М. Чамчіанъ *).

Такъ называемая Даніиловская, а по нашему древне-армянская, азбука, по словамъ Вардана состояла изъ 22, по словамъ Асохика
изъ 29, по словамъ аллегорическаго сочиненія—изъ 24 буквъ. Спра- 370
шивается: изъ скольких же буквъ состоялъ этотъ древній алфавитъ? какія именно были эти 22 или 24 буквы, на которыя глухо указываютъ съ одной стороны Варданъ, а съ другой—аллегорическое сочиненіе?

VI.

Мы доказали существованіе древне-армянской азбуки въ эпоху язычества. Остается опредѣлить: изъ скольких буквъ состояла она и по причинѣ какой именно недостаточности вышла изъ употребленія и предана забвенію? Всѣ армянскіе писатели V вѣка единогласно утверждаютъ, что «отъ древнихъ временъ оставшійся алфавитъ по вторичномъ его возстановленіи во время патріаршествованія св. Саака послѣ двухлѣтняго употребленія оказался недостаточнымъ потому, что буквами, въ немъ содержащимися, невозможно было вполнѣ и въ точности выразить всѣ звуки языка армянскаго». Другой его недостатокъ былъ тотъ, что нельзя было посредствомъ его показать

*) См. Ист. Чамчіана, ч. I, стр. 755—765.

связь между буквами или звуками этого языка. Такъ говорятъ Корьюнъ, Моисей Хоренскій, Лазарь Парпскій и за ними другіе позднѣйшіе писатели *). Ясно, что въ древней язбукѣ число согласныхъ было ограничено до того, что не было возможности черезъ ихъ посредство выражать всѣ звуки армянскаго языка. Далѣе, что въ упомянутой азбукѣ равнымъ образомъ не доставало гласныхъ, служащихъ связью между согласными или звуками, составляющими особенности этого языка. Трудно было бы безъ помощи Вардана опредѣлить—какихъ именно буквъ не доставало въ древней азбукѣ; мы говоримъ, разумѣется, о согласныхъ; ибо Моисей Хоренскій, повѣствуя о подвигѣ св. Месропа, хотя и безсознательно, но указываетъ на гласныя армянской азбуки, изобрѣтенныя его учителемъ **). Варданъ же, ограничивая число буквъ древней азбуки 22-мя, даетъ намъ черезъ то возможность опредѣлить—какія именно были эти буквы. По внимательномъ разсмотрѣніи теперешней армянской азбуки, находимъ въ ней дѣйствительно такія буквы, которыя суть выраженіе звуковъ, армянскому языку свойственныхъ. Эти буквы, по нашему мнѣнію, суть: *թ, ձ, ղ, չ, ր, փ, ք*, ***). Этихъ
371 буквъ согласныхъ, какъ могутъ видѣть наши читатели, числомъ семь. Если къ нимъ присовокупимъ и гласныя—*ա, ե, է, ը, ի, ո, ւ*, числомъ семь; то найдемъ полное число четырнадцать. Исключивъ число четырнадцать изъ тридцати шести, составляющихъ число такъ называемой Месроповской азбуки теперь въ употребленіи у Армянъ, получимъ двадцать двѣ буквы, которыя и должны были состав-

---

*) См. у Корьюна Біографію св. Месропа; у М. Хоренскаго, кн. III, гл. LII; у Лазаря Парп. стр. 28.

**) См. у М. Хоренскаго кн. III, гл. LIII.

***) Ученый Мхитаристъ Инчичіанъ въ своихъ „Армянскихъ древностяхъ“ указываетъ на согласныя буквы, которыхъ по его мнѣнію не доставало въ алфавитѣ Даніила. Указаніе его въ высшей степени поверхностно и неточно; не смотря на то, мы не излишнимъ считаемъ привести здѣсь это мѣсто для нашихъ читателей. Вотъ оно: *...Բայց 'ի ձայնաւորաց, զորս դիւրին էր Մեսրոպայ եւ 'ի Յունաց առնուլ, պէտք եղեն եւ քանի մի բաղաձայնից՝ սեպհական եղելոց ազգիս. որպէս եւ զանազանիչ տառից կ, գ, ք, խ եւ ս. ձ, ց եւ զ, ծ եւ ր, ռ, են:* (См. примѣч. III тома приведен. Сочин. стр. 74—75).

лять древне-армянскую азбуку, а именно: բ, գ, դ, զ, ժ, լ, խ, ծ, կ, հ, ճ, մ, յ, ն, շ, չ, պ, ո, ս, վ, տ, ց=22.

Укажемъ теперь на причины, заставляющія насъ думать такъ, а не иначе.

Разсматривая нынѣшнюю армянскую азбуку, мы видимъ извѣстныя группы буквъ, которыя безъ всякаго сомнѣнія первоначально не могли имѣть той полноты, какую представляютъ онѣ теперь. Эти группы суть.

1. բ, պ, փ.
2. գ, կ, ք.
3. դ, տ, թ.
4. ծ, ց, ձ.
5. խ, ղ.
6. չ, ջ, ճ.
7. ո, ռ.

Въ каждой изъ этихъ группъ встрѣчаемъ такую букву, которая въ самомъ дѣлѣ должна быть произведеніе позднѣшей образованнѣйшей эпохи, а именно, V столѣтія, когда жили великіе представители образованности армянскаго народа. Ибо только въ подобную эпоху и при содѣйствіи мужей съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній, каковы были Саакъ и Месропъ, можно было взяться за такой анализъ человѣческаго голоса вообще, и звуковъ языка какого-нибудь народа въ особенности. Такъ напр.

Въ 1-й группѣ св. Месропу безъ сомнѣнія принадлежитъ изобрѣтеніе փ; первыя двѣ буквы вѣроятно и прежде существовали. Ибо բ и պ представляютъ простые звуки; между тѣмъ какъ փ (պհ=p'h) есть звукъ сложный, выражающій извѣстный оттѣнокъ голоса, который могъ желать опредѣлить только человѣкъ образованной эпохи.

Во 2-й группѣ, состоящей также изъ трехъ буквъ, первыя двѣ: գ и կ, какъ выраженіе звуковъ простыхъ, должны были существовать въ древней азбукѣ; между тѣмъ какъ ք (կհ—k'h) буква сложная, выражающая извѣстный оттѣнокъ звука, вѣроятно изобрѣтена въ V вѣкѣ.

Въ 3-й группѣ также встрѣчаемъ три буквы: изъ нихъ դ и տ 372
существовали въ древней азбукѣ по тому же самому основанію; թ же (տհ—t'h) безъ сомнѣнія изобрѣтена св. Месропомъ.

Въ 4-й группѣ равнымъ образомъ видимъ три буквы; изъ нихъ ծ и ց вѣроятно существовали въ древней азбукѣ; между тѣмъ какъ ձ (ցհ—dz'h) по тѣмъ же самымъ приведеннымъ причинамъ, есть произведеніе V вѣка.

Группа 5-я состоитъ изъ двухъ буквъ, изъ которыхъ խ должна была находиться въ древней азбукѣ, какъ простой горловой звукъ; между тѣмъ какъ ղ есть произведеніе позднѣйшее, какъ выраженіе тончайшаго оттѣнка того же горловаго звука.

Въ 6-й группѣ находимъ три буквы. По мнѣнію нашему изъ нихъ չ и ճ должны были находиться въ древней азбукѣ; остальная же ջ, какъ выражающая извѣстный оттѣнокъ звука языка армянскаго, есть произведеніе св. Месропа.

Наконецъ 7-я группа представляетъ намъ двѣ буквы, изъ которыхъ ռ вѣроятно принадлежитъ древней азбукѣ; а ր опять какъ оттѣнокъ особенности звуковъ языка армянскаго безъ сомнѣнія изобрѣтена св. Месропомъ.

Если справедливо это наше предположеніе, то св. Месропъ для пополненія древней азбуки изобрѣлъ слѣдующія согласныя буквы, փ, բ, թ, ձ, ղ, ջ, ր,—всего *семь*.

Это суть тѣ буквы, недостатокъ которыхъ, по словамъ Корьюна, Моисея Хоренскаго и Лазаря Парпскаго, служилъ препятствіемъ «къ полному составленію слоговъ».

Кромѣ этихъ *семи* буквъ св. Месропомъ изобрѣтены еще всѣ *гласныя*, не достающія въ древне-армянской азбукѣ, по свидѣтельству тѣхъ же писателей, которые всѣ утверждаютъ, что эта азбука не въ состояніи была выражать *связи* языка армянскаго, т. е. что въ ней не было *гласныхъ буквъ*. Гласныя эти суть: ա, ե, է, ը, ի, ո, ւ—всего *семь*.

Такимъ образомъ слова Вардана, приведенныя выше, получаютъ весьма важное значеніе. Съ помощью ихъ мы доходимъ до того результата, что древне-армянская азбука дѣйствительно состояла изъ 22 буквъ; что въ ней не доставало семи согласныхъ и семи гласныхъ, которыя созданы св. Месропомъ и тѣмъ дано Армянамъ средство собственными буквами выражать всѣ возможные оттѣнки звука ихъ языка. Услуга великая, правда, которая одна могла увѣ-

ковѣчить память св. мужа въ признательныхъ его потомкахъ, если
бы даже Месропъ не былъ проповѣдникомъ слова жизни въ нѣко-
торыхъ провинціяхъ Арменіи, въ которыхъ въ V вѣкѣ не переста-
вало еще господствовать древне-языческое ученіе; если бы даже онъ
не обогатилъ армянскую церковь полезными постановленіями, и
если бы наконецъ при содѣйствіи св. Саака и учениковъ своихъ не 373
даровалъ своему пароду перевода Священныхъ Книгъ.

Но при этомъ невольно представляется намъ вопросъ—отчего же армянскіе писатели, въ особенности современники Месропа, исключительно сему послѣднему приписываютъ изобрѣтеніе письменъ, оставляя въ сторонѣ того безыменнаго и безсмертнаго человѣка, который первый во времена отдаленнѣйшія возымѣлъ геніальную мысль создать для своихъ соотечественниковъ алфавитъ, заключавшій въ себѣ 22 буквы?—Сама Исторія поможетъ намъ отвѣчать на этотъ вопросъ: ибо она представляетъ не одинъ примѣръ тому, что часто слава озаряетъ чело не перваго изобрѣтателя, но того счастливца, который, идя по слѣдамъ его, въ новомъ свѣтѣ представляетъ геніальную мысль предшественника, измѣняя ее слегка. Ученики св. Месропа, пораженные великими послѣдствіями могущественнаго орудія, воскрешеннаго, или лучше, оживленнаго новою жизнью ихъ учителемъ— забыли о великомъ первоначальникѣ армянскихъ письменъ и славою ихъ изобрѣтенія окружили того, кто былъ для нихъ и другомъ и попечителемъ и благодѣтелемъ и вторымъ отцемъ: мы говоримъ о св. Месропѣ, за которымъ и осталась эта слава, облеченная въ святость. Содѣйствіе Божіей благодати, замѣчаемая нами при возстановленіи и усовершенствованіи армянскихъ письменъ, видимъ также въ исторіи изобрѣтенія буквъ у многихъ народовъ, ибо и у нихъ совершается великое это явленіе не безъ содѣйствія Божества. Впрочемъ это такъ и должно было быть для тѣхъ, которые впервые были свидѣтелями этого дивнаго изобрѣтенія, дѣйствіями и результатами своими долженствовавшаго поразить умы ихъ такъ, что они невольно видѣли въ немъ присутствіе Божества. Но обратимся къ нашему вопросу.

Остается сказать нѣсколько словъ о мнѣніяхъ Стефана Асохика и анонимнаго автора вышеприведеннаго аллегорическаго сочиненія. По

нашему разумѣнію, въ этихъ мнѣніяхъ важно то, что въ нихъ армянская азбука представляется образовавшеюся въ два различные періода. Въ первомъ—она какъ неполная, недостаточная, была оставлена безъ употребленія; во второмъ—Месропъ, восполнивъ ея недостатки, усовершенствовалъ ее и снова ввелъ въ употребленіе. Затѣмъ слова Асохика не выдержатъ самой легкой критики: безотчетно и вопреки общепринятому мнѣнію, изобрѣтеніе армянской азбуки онъ приписываетъ какому-то философу Даніилу и въ добавокъ Сирянину, на долю же св. Месропа оставляя только *семь* буквъ.

Такимъ образомъ древне-армянская азбука, найденная у сирійскаго епископа Даніила въ царствованіе Врамшапуха и состоявшая изъ 22 буквъ, забытая древними Армянами по ея недостаточности, была принята въ основаніе новому своему предпріятію святымъ Месропомъ, который прибавленіемъ къ нимъ *семи* согласныхъ и *семи*
374 гласныхъ далъ ей полноту и черезъ то сдѣлалъ ее орудіемъ полезнымъ для своихъ соотечественниковъ. Съ помощью этой усовершенствованной азбуки Армяне приступили къ переводу Священныхъ Книгъ на отечественный языкъ, стали имѣть орудіе для выраженія собственныхъ понятій, для начертанія собственной исторіи; словомъ—съ ея помощью они спасли свою національность отъ опасности, которою угрожали ей магизмъ и сосѣдственныя сильныя національности.

Однако же не должно думать, что скоро вошла въ употребленіе эта азбука во всѣхъ странахъ Арменіи. Не смотря на ревность любителей и почитателей армянскаго слова, на стараніе ихъ учреждать по всей Арменіи школы для образованія юношества на языкѣ отечественномъ, во многихъ мѣстахъ азбука эта была отвергнута и на долгое время. Свидѣтельство этому представляетъ намъ Іоаннъ, епископъ Мамиконскій (VII вѣка), оставившій намъ Исторію Таронской провинціи. Въ Лѣтописи своей онъ повѣствуетъ, что монастырь Глака или св. Іоанна Предтечи, основанный св. Григоріемъ въ началѣ IV вѣка, начиная отъ Зеноба, перваго настоятеля этого монастыря до Барсеха включительно, т. е. до 600 годовъ, управлялся сирійскими аббатами; что въ немъ до 600-тыхъ годовъ богослуженіе отправлялось на сирійскомъ языкѣ и были въ употребленіи сирій-

скія письмена; и что только въ началѣ VII столѣтія со вступленіемъ въ управленіе этимъ монастыремъ Тодика, перваго настоятеля изъ Армянъ — любимца Мушеха, владѣтеля Мамиконскаго—прекращено употребленіе сирійскихъ письменъ и постановлено отправлять богослуженіе на языкѣ армянскомъ *). Значитъ, почти около 200 лѣтъ послѣ усовершенствованія армянской азбуки св. Месропомъ, она не была еще принята въ Таронской провинціи и сирійское образованіе сильно вѣроятно сопротивлялось введенію ея въ употребленіе повсюду. Изъ этого факта можемъ дѣлать заключеніе о возможности существованія подобныхъ же фактовъ и въ другихъ провинціяхъ Арменіи. Но не смотря на то, азбука эта, какъ орудіе выраженія народной мысли, кончила тѣмъ, что проникла во всѣ углы Арменіи и съ тѣхъ поръ не переставала быть употребляема между Армянами, разсѣянными по всему земному шару.

Занимающимся армянской литературой извѣстно, что до возстановленія и усовершенствованія древней азбуки въ Арменіи употреблялись письмена сирійскія, парсискія и греческія. Этотъ вопросъ довольно удовлетворительно обработанъ другими учеными по древнимъ армянскимъ источникамъ, и потому считаемъ вовсе излишнимъ останавливаться на немъ.

Остается сказать два слова о мнѣніи, принятомъ всѣми европейскими оріенталистами, что армянская азбука составлена по образцу 375
зендской, а по другимъ—греческой **). До тѣхъ поръ пока мнѣніе

---

*) См. у Іоанна, епископа Мамиконскаго, его Исторію Таронской провинціи въ Послѣсловіи, Венеція, 1832, стр. 59.

**) См. Saint-Martin dans l'Histoire, du Bas-Empire, t. V. p. 323, note 1, гдѣ сказано: „Il est facile de reconnaître à la première vue (?), que plusieurs des lettres arméniennes pérsentent une grande ressemblance avec les lettres Zendes et pehlvies (ressemblance bien difficile, selon nous, à reconnaître), et avec celles qu'on voit sur les anciens monuments de la Syrie et de la Perse, du temps des Sassanides". И еще: „Tout ce qu'on sait de cet alphabet, c'est que les lettres avaient des formes grecques".—Рѣчь идетъ объ алфавитѣ Даніила, буквы котораго будто бы имѣли форму греческихъ буквъ; но на чемъ основано это мнѣніе Сенъ-Мартена, рѣшительно не понимаемъ.

о стародавности армянской азбуки не существовало и не было доказано фактами историческими, можно было допустить—что, быть можетъ, и образовались буквы армянскія по образцу буквъ зендскихъ. Но послѣ того, что мы старались доказать въ этой статьѣ, трудно допустить, по крайней мѣрѣ для насъ—подобное мнѣніе. Во-первыхъ, формы армянскихъ буквъ ничего общаго не имѣютъ съ формами буквъ зендскихъ. Если кто и вздумаетъ сличить эти двѣ азбуки, то непремѣнно долженъ взять армянское *еркатагир*, *երկաթագիր*, *) изъ которыхъ состояла Месроповская азбука, а не *болоргир*, *բոլորգիր*, **), что въ послѣдствіи времени образовалось изъ *еркатагир*. Тогда, разумѣется, онъ ничего похожаго не найдетъ между армянскими *еркатагир* и буквами зендскими. Не забудемъ, что эти-то самыя *еркатагир* должны были составлять древнюю азбуку. Во-вторыхъ, азбука зендская въ высшей степени разнствуетъ количествомъ буквъ отъ армянской. Въ-третьихъ, зендская азбука была богата гласными, между тѣмъ какъ древне-армянская не имѣла ни одной гласной. Взявши въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, едва ли будетъ возможно допустить вліяніе зендской азбуки на армянскую.

Касательно же участія греческаго алфавита въ образованіи армянскаго должно замѣтить почти то же самое, что сказано о зендской азбукѣ. Если армянскіе писатели говорятъ о Грекѣ Руфанѣ и о содѣйствіи его святому Месропу при составленіи азбуки; то не надобно забывать, что онъ былъ нуженъ послѣднему какъ извѣстный каллиграфъ, и Моисей Хоренскій просто характеризуетъ Руфана, называя его каллиграфомъ, «владѣющимъ дивнымъ искусствомъ писанія» ***).
376 Понятно, что Месропъ искалъ такого искуснаго человѣка, который подъ непосредственнымъ его руководствомъ однажды навсегда далъ бы форму его буквамъ. Онъ хотѣлъ такимъ образомъ упрочить форму

---

*) *Еркатагир* Месроповскаго алфавита имѣли и имѣютъ слѣдующую форму: Ա, Բ, Գ, и пр. Пусть кто можетъ, находитъ сходство между этими буквами и зендскими или пехлевійскими, но мы не беремся за этотъ безполезный трудъ.

**) *Болоргир* Месроповскаго алфавита, образовавшійся гораздо позднѣе V и VI вѣковъ, имѣетъ слѣдующую форму: ա, բ, գ и пр.

***) См. у М. Хоренскаго кн. III, гл. LIII.

буквъ своей азбуки, и вотъ почему онъ искалъ Руфана. Какое другое участіе могъ принимать въ составленіи армянской азбуки Грекъ, который вѣроятно ни слова не зналъ по-армянски?

Вотъ все, что мы въ этомъ бѣгломъ очеркѣ могли сказать о исторіи армянскаго алфавита.

Мы обѣщали представить въ концѣ изслѣдованія образцики армян- 377
скихъ условныхъ, гіероглифическихъ знаковъ, что читатели наши найдутъ въ предыдущемъ снимкѣ, при семъ приложенномъ. Собраніе ихъ мы нашли въ библіотекѣ Лазаревскаго Института въ отдѣлѣ рукописей подъ № 72. Эта рукопись написана на тонкомъ пергаментѣ, in-12, почеркомъ, называемымъ болоргир — *բոլորգիր*. Она не имѣетъ начала; заключаетъ въ себѣ десять разнаго содержанія піесъ, въ числѣ которыхъ и собраніе упомянутыхъ знаковъ. Изъ послѣ-
словія, *յիշատակարան*, видно, что она написана въ 1069 году ар- 378
мянскаго лѣтосчисленія (въ 1621 г. по Р. Х.) въ патріаршествованіе Мельхиседека въ Константинополѣ писцомъ Яковымъ.

Переходя теперь къ самымъ знакамъ, мы замѣчаемъ, что въ рукописи они расположены въ алфавитномъ порядкѣ, гдѣ сначала выставляется слово, а за нимъ знакъ, служащій ему выраженіемъ. Эти знаки двухъ родовъ, изъ коихъ одни ничто иное какъ сложныя буквы, входящія въ составъ самыхъ словъ; другіе же гіероглифическаго характера и выражаютъ собою отдѣльныя понятія. Въ изображеніи знаковъ перваго рода не видно строгой системы: иногда въ нихъ очень явственно выставляются начальная и конечная буквы слова; иногда одна какая нибудь буква, находящая въ составѣ слова; въ третьемъ мѣстѣ очень связно и запутанно изображается нѣсколько буквъ, равнымъ образомъ встрѣчаемыхъ въ словѣ, которому онѣ служатъ выраженіемъ; наконецъ между знаками этого рода встрѣчаются и такіе, которые состоятъ просто изъ одной буквы. — Эти знаки безъ всякаго сомнѣнія ничто иное какъ такъ называемыя σιγλαι, sigles, бывшіе въ употребленіи у древнихъ писцовъ какъ восточныхъ, такъ и западныхъ. Эти σιγλαι или сокращенія употреблялись также у Грековъ и Римлянъ, и большею частью были ничто иное, какъ на-

чальныя буквы, каковы напр. S. P. Q. R., означающія Senatus populusque Romanus. На западѣ сокращенія иногда служили выраженіемъ словъ; а чаще всего — выраженіемъ именъ собственныхъ. Правила употребленія ихъ въ послѣднемъ случаѣ были слѣдующія: иногда въ этихъ сокращеніяхъ одна и та же буква повторялась, и тогда означала множественное число; если же она относилась къ собственному имени, то выражала два или нѣсколько лицъ; иногда же эта буква повторялась три или четыре раза, и тогда означала три или четыре лица, какъ напр. AVGGG значило Augusti tres.

Выше мы замѣтили, что въ собраніи армянскихъ знаковъ, нами разбираемыхъ, кромѣ сокращеній встрѣчаются и такіе знаки, которые имѣютъ характеръ гіероглифическій и служатъ выраженіемъ отдѣльныхъ, цѣлыхъ понятій. Въ знакахъ этого послѣдняго рода встрѣчаются и позднѣйшаго происхожденія, которые выражаютъ понятія міра христіанскаго и составлены вѣроятно по образцу древнихъ знаковъ временъ языческихъ. Хотя эти послѣдніе, отдѣльно взятые, не могутъ имѣть въ глазахъ нашихъ большаго значенія, однако важны тѣмъ, что доказываютъ собою вліяніе существовавшей системы гіероглифическаго писанія, вслѣдствіе которой они образовались. Изъ трехъ сотъ пяти знаковъ, подлежащихъ нашему разбору, по строгомъ анализѣ очень немногіе, какъ увидимъ ниже, могутъ быть отнесены, къ эпохѣ языческой Арменіи. Несмотря на то, немногіе эти обломки заставляютъ насъ думать, что дѣйствительно въ Арме-
376 ніи нѣкогда существовала система гіероглифическаго писанія, которая была развита въ высшей степени, и съ тѣмъ вмѣстѣ распространена всюду.

Какъ мы сказали, одни изъ гіероглифическихъ знаковъ принадлежатъ вѣкамъ языческой Арменіи, а другіе—временамъ позднѣйшимъ, христіанскимъ. Замѣтимъ также, что изъ нихъ одни изображеніемъ своимъ представляютъ или форму предмета, или же какое нибудь внутреннее качество предмета; между тѣмъ какъ другіе не имѣютъ по формѣ своей ничего общаго съ изображаемымъ предметомъ. Приведемъ въ этомъ порядкѣ разбираемые нами знаки вмѣстѣ съ ихъ значеніями, выставленными въ нашей рукописи и съ объясненіями нашими, необходимыми для лучшаго ихъ уразумѣнія.

А) Знаки, своимъ изображеніемъ представляющіе или форму предмета, или же какое-нибудь внутреннее качество предмета.

1) Этотъ знакъ въ нашей рукописи объясняется словомъ: *աղբիւր*, источникъ.—Въ немъ кругъ, которымъ онъ начинается, дѣйствительно представляетъ отверстіе, изъ котораго течетъ вода; а продолженіе этого круга продолговатой чертой вѣроятно означаетъ теченіе воды.

2) Этотъ знакъ означаетъ: *անդաստան*, поле.—Быть можетъ существовало какое нибудь соотношеніе между этимъ знакомъ и земледѣльческими орудіями, бывшими въ древнѣйшія времена въ употребленіи въ Арменіи.

3) Этотъ знакъ означаетъ: *աստղ*, звѣзда.—Стоитъ только взглянуть на него, чтобы убѣдиться въ назначеніи представляемаго имъ предмета: черточки, крестъ на крестъ лежащія, и четыре точки вѣрно изображаютъ собою лучеобразное распространеніе звѣзднаго свѣта.

4) Этотъ знакъ означаетъ: *բերան*, ротъ. — Вѣрно и явственно выражается этимъ знакомъ понятіе: двѣ продолговатыя черточки, которыхъ концы связаны съ лѣвой стороны небольшой чертой, дѣйствительно изображаютъ собой двѣ губы раскрытыя. Надъ верхней чертой значекъ въ родѣ апострофа означаетъ, какъ кажется, небольшое углубленіе, находящееся въ срединѣ верхней губы прямо подъ носомъ.

5) Этотъ знакъ объясняется словомъ: *դրունք*, двери, въ множественномъ числѣ поставленнымъ. Не изображаетъ ли собою этотъ знакъ двѣ половинки, составляющія двери?

6) Этотъ знакъ означаетъ то же самое понятіе, какое выражаетъ знакъ предыдущій, но въ единственномъ числѣ, а именно *դուռն*, дверь.

7) Этотъ знакъ означаетъ: *եղջիւր*, рогъ. — Нетрудно найдти въ немъ сходство съ выраженнымъ понятіемъ. Въ другой рукописи еще яснѣе выражается это понятіе такъ ɑ ɑ.

8) Этотъ знакъ означаетъ: *երաժիշտ*, музыкантъ. — Кажется, можно найдти въ этомъ знакѣ музыкальную ноту, которая вѣроятно 380

имѣетъ здѣсь прямое соотношеніе съ понятіемъ **музыкантъ**. Еще яснѣе выражается это понятіе подобнымъ же знакомъ, изображеннымъ въ другой рукописи такъ .

9) Этотъ знакъ означаетъ: *լեառն*, гора. — Въ другой рукописи понятіе гора выражается такъ .

10) Этотъ знакъ означаетъ: *լուսին*, луна. — Этотъ знакъ астрономическій и очень часто употребляется въ армянскихъ рукописяхъ.

11) Означаетъ: *լեզու*, языкъ. — Въ немъ безъ труда можно видѣть форму языка вообще.

12) Означаетъ: *ծաղիկ*, цвѣтокъ. — Замѣчательно въ этомъ знакѣ участіе буквы *ծ*. Сколько можно судить по первому взгляду, знакъ этотъ формою своею съ тремя небольшими штрихами внизу выражаетъ понятіе цвѣтокъ. Буква же, стоящая въ срединѣ этого знака ничто иное какъ начальная буква слова, означающаго по-армянски цвѣтокъ и есть вѣроятно вставка позднѣйшая.

13) Означаетъ: *ղեակ*, кормило. — Этотъ знакъ въ другой рукописи изображается еще слѣдующимъ образомъ . Какъ видно, это одинъ и тожъ же знакъ съ небольшимъ видоизмѣненіемъ, и если хотите, довольно вѣрно представляетъ понятіе, имъ выраженное.

14) Означаетъ: *ճանապարհ*, путь, дорога. — Въ другой рукописи это понятіе выражается еще такъ .

15) Означаетъ: *մարգարէ*, пророкъ. — Въ другой рукописи мы нашли этотъ знакъ немного видоизмѣненнымъ, а именно ф.

В) Знаки, по формѣ своей неимѣющіе ничего общаго съ предметомъ изображаемымъ.

1) Этотъ знакъ объясняется словомъ: *ամբարիշտ*, нечестивый. — Какую связь имѣетъ онъ съ выраженнымъ имъ понятіемъ, трудно сказать.

2) Означаетъ: *աղքատ*, бѣдный.

3) Означаетъ: *աղանդ*, расколъ.

4) Выражаетъ собою: *անձն*, лице, особь.

5) Означаетъ: *անասուն*, безсловесное животное.

6) Означаетъ: *անզգամ*, нечестивый.

7) Этотъ знакъ выражаетъ собою міръ.—Знакомые съ языкомъ армянскимъ вѣроятно не разъ встрѣчали этотъ знакъ въ печатныхъ армянскихъ книгахъ и еще чаще въ рукописяхъ. Онъ до сихъ поръ безсознательно употребляется Армянами, которые и не подозрѣваютъ, что вводя его въ свои книги, выражаются іероглифическимъ знакомъ. Обыкновенно въ наше время при употребленіи этого знака
представляютъ къ началу его предлогъ, а къ концу буквы, означаю- 381
щія измѣненія падежей. Нельзя не замѣтить, что въ нашей рукописи знакъ этотъ представляетъ форму цифры 8 въ лежачемъ положеніи ; между тѣмъ какъ онъ обыкновенно въ рукописяхъ и въ печатныхъ армянскихъ книгахъ изображается слѣдующимъ образомъ , и чаще всего подъ титломъ.

8) Означаетъ: *աւգնական*, помощникъ.

9) Означаетъ: *առաջնորդ*, предводитель.

10) Означаетъ: *առիւծ*, левъ.

11) Означаетъ: *առագաստ*, занавѣсъ, парусъ.

12) Означаетъ: *արեգակն*, солнце.

13) Означаетъ: *արուեստ*, искусство.

14) Означаетъ: *աստիճան*, ступень, степень.

15) Двойной этотъ знакъ означаетъ *ասպարէզ*, поприще. Должно полагать, что это два отдѣльные знака, выражающіе одно и то же понятіе.

16) Этотъ знакъ означаетъ *ազգ*, народъ.

17) Означаетъ: *ազինք*, племена.—Замѣчательно, что въ нашей рукописи слово это стоитъ въ множественномъ числѣ.

Примѣч. Всѣ эти знаки объясняются словами, начинающимися первою буквою армянскаго алфавита, а именно черезъ Ա. Перейдемъ теперь къ знакамъ, находящимся между словами, начинающимися буквою Բ.

18) Этотъ знакъ объясняется въ нашей рукописи словомъ: *բազում*, много.—Какъ видно, онъ—не простой знакъ, но сложный; и какъ кажется, два знака различныхъ формъ, выражающихъ одно и то же понятіе.

Примѣч. Между словами нашей рукописи, начинающимися буквою Գ, не встрѣчается ни одного іероглифическаго знака.

Между словами, начинающимися буквою Դ, находимъ слѣдующіе знаки:

19) Означаетъ: *դատաստան*, суд ъ.

20) Означаетъ: *դրախտ*, садъ, а не рай. Слѣдующіе знаки находимъ въ словахъ нашей рукописи, начинающихся буквою Ե.

21) Означаетъ: *եղբայր* братъ.

22) Означаетъ: *երկինք*, небеса.—Очень часто встрѣчается этотъ знакъ въ армянскихъ рукописяхъ, но только значительно видоизмѣненнымъ: онъ обыкновенно выражается такъ ♀.

23) Означаетъ: *երկիր*, земля.

Въ словахъ, начинающихся буквою Զ встрѣчаемъ слѣдующій знакъ:

24) Означающій: *զօրութեամբ*, силою.

Примѣч. Въ словахъ нашей рукописи, начинающихся буквами Է, Ը, мы не находимъ гіероглифическихъ знаковъ. Въ словахъ же начинающихся буквою Թ, встрѣчаемъ единственный слѣдующій знакъ:

25) Означающій: *թռչուն*, птица.

382 Слова, начинающіяся буквою Ժ, не заключаютъ въ себѣ гіероглифовъ. Слѣдующіе знаки встрѣчаемъ въ словахъ, начинающихся буквою Ի.

26) Означающій: *իշխան*, повелитель, князь.

27) Означающій: *ի սկզբանէ*, отъ начала, въ началѣ.

28) Означаетъ: *իմաստուն*, мудрецъ.

Въ словахъ начинающихся буквою Խ, встрѣчаемъ слѣдующіе знаки:

29) Означающій: *խորհուրդ*, тайна (mystère), мысль.

30) Означающій: *խորան*, шатеръ.

Буква Ծ представляетъ слѣдующій знакъ:

31) Означающій: *ծառայ*, слуга.

Буква Կ не представляетъ знаковъ; а въ буквѣ Հ встрѣчаемъ слѣдующіе:

32) Означающій: *հանդերձ*, предлогъ со, или существительное одежда, ибо слово *հանդերձ* имѣетъ это двоякое значеніе.

33) Означающій: *հաստատ*, прочный, твердый.

34) Означающій: *հրեշտակ*, ангелъ.

Въ буквѣ Ձ не встрѣчаемъ никакихъ знаковъ; буква Ղ представляетъ слѣдующій знакъ:

35) Означающій: *ղամբար*, факелъ.

Буква Ճ представляетъ слѣдующій знакъ:

36) Означающій: *ճշմարիտ*, истинный.

Буква Մ представляетъ слѣдующіе знаки:

37) Означающій: *մարդ*, человѣкъ.

38) Означающій: *մարմին*, тѣло, плоть.

39) Означающій: *միջնորդ*, посредникъ.

Буква Յ представляетъ слѣдующіе знаки:

40) Означающій: *յօժար*, согласный.

41) Означающій: *յափշտակէ*, похищаетъ.—Замѣчательно, что глаголъ стоитъ здѣсь въ третьемъ лицѣ единственнаго числа.

42) Означающій: *յառաջագոյն*, прежде.

Буква Ն представляетъ слѣдующій знакъ:

43) Означающій: *նախանձ*, зависть, ревность. — Въ другой рукописи понятіе это выражается еще слѣдующимъ знакомъ ɗ.

Буква Շ не представляетъ никакихъ знаковъ.

Буква Ո представляетъ слѣдующій знакъ:

44) Означающій: *որոգայթ*, западня, сѣти.

Буква Չ не представляетъ никакихъ знаковъ, между тѣмъ какъ Պ представляетъ слѣдующіе:

45) Означающій: *պատարագ*, жертва.

46) Означающій: *պատմուճան*, одежда.

47) Означающій: *պայծառ*, ясный, блестящій.

48) Означаетъ: *պարգեւ*, даръ, подарокъ. 383

49) Означаетъ: *պանդուխտ*, странникъ.

Буквы Ջ и Ռ не представляютъ никакихъ знаковъ; буква же Ս представляетъ слѣдующіе:

50) Означаетъ: *սանդուխք*, лѣстница. Замѣтить должно, что знакъ этотъ заключаетъ въ себѣ букву *ս*, что́ есть начальная буква въ словѣ *սանդուխք*, и нѣтъ сомнѣнія, что она—позднѣйшая вставка.

51) Означаетъ: *սատանայ*, злой духъ, діаволъ.

52) Означаетъ: *սեղան*, столъ, олтарь.—Въ другой рукописи понятіе это выражается еще такъ ʃ.

Буква Վ представляетъ одинъ только знакъ:

53) Означающій: վիճակ, жребій.

Буква Տ представляетъ два знака:

54) Означаетъ: տաճար, хоромы, дворецъ.

55) Означаетъ: տրտունջ, ропотъ.

Буква Ց представляетъ также два знака:

56) Означаетъ: ցանգ, всегда, вѣчно.

57) Означаетъ: ցնծա՛, радуйся. И здѣсь глаголъ поставленъ въ повелительномъ наклоненіи единственнаго числа.

Буква Փ представляетъ два знака:

58) Означаетъ: փոխանակ, вмѣсто.

59) Означаетъ: փոխ, перемѣна.

Буква Ք представляетъ слѣдующій знакъ:

60) Означаетъ: քաղաք, городъ. — Въ другой рукописи понятіе это выражается слѣдующимъ знакомъ [знак].

C) Знаки, выражающіе понятія христіанскія.

1) Означаетъ: աւետարան, евангеліе.
2) Означаетъ: Եփրեմ, Ефремъ, библейское имя.
3) Означаетъ: եկեղեցի, церковь.
4) Означаетъ: հեթանոս, язычникъ.
5) Означаетъ: Պաւղոս, Павелъ.
6) Означаетъ: Ստեփաննոս, Стефанъ.
7) Означаетъ: սարկաւագ, діаконъ.
8) Означаетъ: Սաւուղ, Саулъ.
9) Означаетъ: Փարաւոն, Фараонъ.

XVII.

О Вардане Великом *).

Желаніе близкаго знакомства съ исторической армянской литературой съ каждымъ днемъ сильнѣе выражается у западныхъ ученыхъ, между которыми преимущественно обращаютъ на себя наше вниманіе французскіе, нѣмецкіе и бельгійскіе оріенталисты. Они давно уже сознаютъ необходимость непосредственнаго знакомства съ армянскими историками. При изученіи исторіи Востока они на самомъ дѣлѣ убѣдились—какую огромную можно извлечь изъ нихъ пользу для пополненія многихъ пробѣловъ въ исторіи Аршакидовъ, Арабовъ, Монголо-Татаръ, Иверійцевъ и даже Крестовыхъ походовъ. Литература этого восточнаго народа не только даетъ намъ факты, служащіе разъясненіемъ или дополненіемъ къ событіямъ прошедшей жизни народовъ западной Азіи, но даже предлагаетъ исторію цѣлыхъ странъ, безслѣдно сошедшихъ съ исторической сцены, какова напр. древняя Албанія (Ахованія), которая, благодаря этой литературѣ, теперь возникаетъ передъ нами съ подробною повѣстью о своей жизни, начиная съ IV до начала X. вѣка по Р. X. **). Не смотря на эти vi

*) [Напечатано въ качествѣ Предисловія къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи Вардана Великаго», Москва, 1861, стр. V—XXIII. *Г. X.*].

**) Исторія древней Албаніи издана нами впервые въ 1860 году въ Москвѣ на армянскомъ языкѣ. Русскій переводъ ея, сдѣланный г. Патканіаномъ, вышелъ въ то время, когда мы писали эти строки. Онъ изданъ Императорской Академіей наукъ. Въ свое время мы представимъ ученой нашей публикѣ подробный отчетъ какъ объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ, такъ и о его переводѣ на русскій языкъ.

свои преимущества, языкъ и литература армянская, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остаются для насъ совершенно незнакомыми; для насъ, имѣющихъ въ своемъ владѣніи не только часть древней Арменіи, но и значительное число Армянъ съ Эчміатзиномъ и съ богатѣйшими собраніями драгоцѣнныхъ рукописей, хранящихся въ монастыряхъ и у многихъ частныхъ лицъ. Не смотря на среду, столь неблагопріятную для армянской письменности, мы все-таки рѣшились познакомить съ послѣдней нашу ученую публику. Съ этой цѣлью, еще въ 1858 году, мы издали Исторію Арменіи знаменитаго Моисея Хоренскаго (V вѣка) въ русскомъ переводѣ съ объясненіями. Нынѣ представляемъ на судъ нашихъ ученыхъ другой замѣчательный памятникъ исторической армянской литературы въ русскомъ же переводѣ, именно—«Всеобщую Исторію Вардана Великаго». Мы рѣшились издавать рядъ средневѣковыхъ армянскихъ историковъ и лѣтописцевъ, которые, хотимъ надѣяться, не останутся въ рукахъ нашихъ ученыхъ, посвятившихъ себя изученію какъ русской Исторіи, такъ и исторіи сосѣднихъ намъ восточныхъ народовъ и племенъ.

Рядъ этотъ мы откроемъ Варданомъ Великимъ.

Онъ является въ половинѣ XIII столѣтія въ Киликіи, въ царствованіе Хетума I-го изъ династіи Рубенидовъ и въ патріаршествованіе Константина I-го, когда на историческую сцену изъ глубины Азіи являются Монголо-Татары на смѣну Аравитянамъ. Тѣснимая съ одной стороны Арабами, съ другой Татарами, Арменія въ предсмертной агоніи металась, простирая руки, то къ византійцамъ, то къ западнымъ христіанамъ въ лицѣ крестоносцевъ, ища у нихъ помощи; но напрасно. Политическое ея разложеніе шло быстро, и усиліе царей Рубенидовъ и замѣчательнѣйшихъ каѳоликосовъ оказывались безсильными для удержанія ея отъ неминуемой погибели. Ни старанія Нерсеса Благодатнаго съ его непосредственными преемниками; ни мощное слово Нерсеса Ламбронскаго, проникнутое всеобнимающимъ христіанскимъ духомъ, на-
VII правленное на единеніе двухъ восточныхъ церквей; ни горячее желаніе послѣдующихъ каѳоликосовъ въ лицѣ Константина I-го, искавшаго соединенія съ западной церковью,—не въ силахъ были остановить роковое неудержимое теченіе историческихъ событій, грозившихъ Арменіи политической смертью. Все мужество, развернутое

первыми основателями династіи Рубенидовъ при завоеваніи Киликіи съ цѣлью удержать хоть здѣсь политическую самостоятельность Арменіи, оказались безплодными потому, что въ самомъ народѣ армянскомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, не было уже жизни, составляющей необходимое условіе для существованія всякаго политическаго тѣла. Стоитъ раскрыть сочиненія Нерсеса Благодатнаго, Григорія Теха́, Нерсеса Ламбронскаго, Киракоса Гандцакскаго, Степаноса Сюникскаго; стоитъ взглянуть на переписку тогдашнихъ армянскихъ патріарховъ съ нѣкоторыми знатнѣйшими членами ихъ паствы; стоитъ прочесть полемическія посланія духовенства восточной Арменіи, обращенныя къ царямъ Рубенидамъ и къ киликійскимъ патріархамъ, чтобы убѣдиться въ вѣрности замѣчанія, высказаннаго нами выше. Со вступленіемъ Армянъ въ Киликію, упадокъ, о которомъ говоримъ, съ каждымъ днемъ дѣлается ощутительнѣе. Съ одной стороны грубое, невоображаемое невѣжество, въ которомъ находился народъ; съ другой совершенное отсутствіе нравственныхъ началъ: вотъ что мы замѣчаемъ въ киликійскихъ Армянахъ того времени! Прибавьте къ этому полнѣйшее отрѣшеніе отъ духа всеоживляющаго христіанскаго ученія, и вы поймете—почему Арменія, это государство, начавшее свое существованіе за 2500 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., такими быстрыми шагами шла къ безднѣ, раскрывавшейся передъ ней въ эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь. Нерсесъ Ламбронскій со всей пылкостью любящей своей натуры, со всей откровенностью человѣка, горячо желающаго блага своему отечеству, раскрываетъ передъ нами съ неумолимостью справедливаго судьи всѣ язвы своего отечества для того, чтобы найдти средства къ ихъ исцѣленію. Читая его описаніе нравственнаго пораженія всего организма тогдашней Арменіи, удивляешься—какъ VIII
еще могло существовать общество, носившее въ самомъ нѣдрѣ своемъ смерть! Изъ того, что этотъ замѣчательный архипастырь говоритъ о нравственномъ состояніи тогдашняго духовенства, къ которому онъ самъ принадлежалъ, мы легко можемъ составить себѣ вѣрное понятіе и о глубокомъ упадкѣ, въ которомъ должна была находиться и свѣтская половина его отечества. Въ Киликіи въ послѣднее время непотизмъ принялъ такіе размѣры, до которыхъ онъ конечно ни-

когда не доходилъ въ древней Арменіи. Санъ священническій, епис-
копскій и даже патріаршій: все сдѣлалось наслѣдственнымъ въ этой
странѣ; и не только наслѣдственнымъ, но и продажнымъ. Исторія
вселенской церкви не представляетъ примѣра, чтобы іерейскій или
епископскій санъ передавался когда-нибудь по завѣщанію, какъ на-
слѣдіе. Въ этой странѣ достаточно было священнику строить цер-
ковь, или монаху выстроить монастырь, чтобы имѣть право: пер-
вому—завѣщать на вѣчныя времена женѣ своей и дѣтямъ паству
Христову, и второму по смерти своей отдавать въ рабство, хоть бы
своему племяннику, всю братію, собравшуюся во имя Христа. Не
говоримъ о епископѣ, который, не дожидаясь смерти, еще при своей
жизни дѣлалъ распоряженіе о передачѣ епархіи своимъ родственни-
камъ, какъ собственность. Тамъ, гдѣ достаточно было бы одной
церкви, встрѣчаемъ множество полуразвалившихся часовенъ, воздвиг-
нутыхъ не во славу Божію, но вслѣдствіе непокорности и вражды
священниковъ, сѣющихъ раздоръ въ народѣ съ цѣлью имѣть больше
возможности располагать послѣднимъ въ пользу своихъ сыновей.
Получали рукоположеніе епископы, не имѣвшіе понятія о управ-
леніи паствою; получали каѳедры, не зная, гдѣ онѣ находятся;
они обыкновенно скрывались гдѣ-нибудь въ ущельяхъ горъ, и если
случалось имъ являться посреди своей паствы, которой совершенно
завладѣли священники, послѣдняя смотрѣла на нихъ, какъ на не-
знакомцевъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что ничего подобнаго не было
IX при Багратидахъ. «И это зло, говоритъ Нерсесъ Ламбронскій, су-
ществуетъ у насъ не болѣе какъ около ста лѣтъ, а именно, со вре-
мени прекращенія династій Рубенидовъ, и съ каждымъ днемъ оно
глубже пускаетъ свои корни. Вслѣдствіе чего мы стоимъ уже на
краю бездны. Отечество наше не только въ страшномъ безпорядкѣ,
но и въ жестокомъ рабствѣ, въ которое предалъ Господь не только
наше тѣло за наши грѣхи, но и душу, добровольно нами порабо-
щенную. Со всѣхъ сторонъ до насъ доходятъ слухи, что Турки
исполняютъ обязанность епископовъ, приказывая послѣднимъ руко-
полагать того или другого, за что они сами получаютъ деньги; и—
стыдно даже выговорить!—народъ доволенъ скорѣе Турками, чѣмъ
христіанами, совершающими то же самое дѣло! Горе мнѣ, восклицаетъ

Нерсесъ, младенцы остаются безъ крещенія, а покойники въ продолженіе нѣсколькихъ дней непогребенными, если ихъ родственники не внесутъ опредѣленную за то плату! Можетъ быть меня спросятъ: идемъ ли мы по крайней мѣрѣ неуклонно по стезѣ благочестія?— нѣтъ, у насъ нѣтъ и благочестія. Мы это говоримъ не на вѣтеръ; сравнивая себя съ сосѣдними христіанами, находимъ, что мы только по имени и по вѣрѣ нашей называемся христіанами, но что дѣла наши лишены духа христіанскаго. Нѣтъ еще семидесяти лѣтъ, какъ Франки въ этой странѣ и владѣютъ ею. Когда они пришли къ намъ, всю Месопотамію, Сирію, Киликію, Памфилію и Каппадокію наполнялъ собою армянскій народъ, у котораго въ то время были князья и церкви въ достаточномъ количествѣ. Князья и теперь существуютъ; но въ теченіе всего указаннаго времени никто изъ нихъ въ городахъ своихъ или селеніяхъ не построилъ архіерейскаго дворца, или церкви. Послѣ царей изъ рода Арцруни и благочестивыхъ Ванандскихъ князей всякій порядокъ исчезаетъ и водворяется господство неурядицы и невѣжества. Между тѣмъ посмотрите, что̀ сдѣлано въ короткое время Франками: тамъ, гдѣ въ продолженіе долгаго времени армянскіе князья господствовали безъ церквей и епископовъ, Франки первой своей заботой считали водворить церковный порядокъ, что̀ мы не только слышали, но и видѣли собственными глазами. Возьмемъ для примѣра обширный и богатый городъ Марашъ *); пока онъ принадлежалъ Армянамъ, въ немъ не было ни каѳедры, ни церквей; переходитъ онъ въ руки къ Франкамъ—въ немъ является и каѳедра и великолѣпная церковь. Тоже слѣдуетъ сказать и о Кесонѣ **), принадлежавшемъ Гох-Василю, который упоминается у насъ въ числѣ благочестивыхъ: въ немъ также ничего не было; Франки завладѣваютъ Кесономъ, воздвигается въ немъ архіерейскій дворецъ и во всѣхъ селеніяхъ являются церкви съ церковнослужи-

*) Городъ въ Киликіи, въ округѣ того же названія, иначе назывался *Германикомъ*.

**) *Кесонъ*, или *Кесунъ* —городъ въ Киликіи на сѣверѣ отъ Мараша, недалеко отъ крѣпости Бехестина.

телями. Не станемъ говорить о Анарзабѣ и Сисѣ *), которые, находясь подъ владычествомъ Армянъ, до сихъ поръ не имѣютъ ни пастыря, ни церквей; епископы сидятъ въ своихъ монастыряхъ, а паства пасется безъ пастырей.—Въ Анарзабѣ армянскими князьями была воздвигнута церковь. Когда этотъ городъ перешелъ къ Грекамъ, они назначили въ армянскую церковь не только епископовъ, но и опредѣленное приношеніе со стороны мірянъ. Армянскіе князья, по вторичномъ его взятіи, изгнали греческаго епископа, а церковь оставили пустою и осиротѣвшею, какою она пребываетъ до сей поры. Эдесса, Самосатъ, вся Месопотамія представляетъ ту же картину, потому что страною завладѣли Турки, а церкви Армяне наслѣдовали отъ Франковъ, и потому въ нихъ запустѣніе; между тѣмъ какъ рядомъ съ Армянами Сирійцы торжественно прославляютъ имя Божіе.

«Наконецъ взгляните, говоритъ Нерсесъ Ламбронскій, на столицу
XI нашу—Сисъ, гдѣ князей и народу достаточное множество; что же вы видите?—ни епископа, ни церквей, ни готовности со стороны народа посѣщать ихъ, ни даже сознанія необходимости этого посѣщенія. Наше духовенство остается совершенно чуждымъ того благоустройства, которое представляютъ ему Франки. Въ Сисѣ христіане, жаждущіе знанія закона Божія, погибаютъ въ невѣжествѣ. Таково ихъ положеніе и въ крѣпостяхъ и въ селеніяхъ».

Вотъ въ какомъ свѣтѣ Нерсесъ Ламбронскій представляетъ намъ Киликію въ 1177 году, т. е. 97 лѣтъ спустя послѣ водворенія въ ней Рубенидовъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что въ этой странѣ послѣ великихъ представителей армянской церкви, между которыми безспорно Нерсесъ Ламбронскій занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ—какъ политическое, такъ и нравственно-духовное состояніе Армянъ не улучшилось, но напротивъ съ каждымъ днемъ становилось хуже. Въ эпоху появленія Вардана, какъ дѣятеля на историческомъ и ли-

---

*) *Анарзаба*, или *Анаварза*, городъ въ Киликіи.—*Сисъ*—городъ въ Киликіи же, построенный царемъ Левономъ II въ 1186 году; былъ столицею царей Рубенидовъ и нѣкоторое время мѣстопребываніемъ армянскихъ патріарховъ

тературномъ поприщахъ, т. е. по прошествіи 43 лѣтъ послѣ кончины Нерсеса, состояніе армянскаго царства въ Киликіи приняло характеръ болѣе мрачный и безотрадный. Вотъ среда, въ которой мы встрѣчаемъ нашего Вардана! Біографія этой замѣчательной личности мало намъ извѣстна, какъ вообще жизнь всѣхъ писателей изъ его соотечественниковъ. Это объясняется тѣмъ, что такъ какъ всѣ они, безъ весьма малаго исключенія, принадлежали духовному званію, и такъ какъ дѣятельность ихъ сосредоточивалась преимущественно въ монастыряхъ, то человѣческая сторона ихъ жизни проходила незамѣченною для монашествующей братіи, для свѣтскихъ же людей она оставалась недоступною по причинѣ своей замкнутости. Вотъ почему все, относящееся къ духовной жизни этихъ писателей, передано ихъ потомству современниками-монахами съ особенною любовью и съ мельчайшими подробностями. Подъ такую же категорію подходитъ и жизнь нашего Вардана, и потому подробности о ней займутъ у насъ немного мѣста.

Онъ родился въ Киликіи въ крѣпости Бардцер-бердѣ, находившейся на сѣверной сторонѣ Таврскихъ горъ, но неизвѣстно, въ ко- XII
торомъ именно году. Вмѣстѣ съ Киракосомъ, Аракеломъ, Іосифомъ и самимъ Малахіей, передающимъ намъ эти подробности, онъ получилъ свое образованіе у знаменитаго въ то время своей многосторонней ученостью вардапета Іоанна, по прозванію Ванаканъ. У насъ нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы опредѣлить время поступленія его въ монахи, или полученія имъ достоинства вардапета, т. е. учителя. Товарищъ его по ученію, Киракосъ Гандцакскій, говоритъ, что Варданъ ходилъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Хотя онъ и не обозначаетъ—въ которомъ году было предпринято это путешествіе, однако мы изъ одного мѣста циркулярной граматы каѳоликоса Константина можемъ заключить, и довольно вѣрно, что это должно было быть въ 1238 году. Изъ Іерусалима Варданъ отправился въ Киликію на свиданіе съ царемъ Хетумомъ I-мъ въ городъ Сисъ. Отсюда вскорѣ направилъ онъ свой путь въ Хромкла, тогдашнее мѣстопребываніе армянскихъ каѳоликосовъ. Слава его, какъ ученаго, была распространена не только между восточными его соотечественниками, но и киликійскими Армянами. Поэтому

самому каѳоликосъ Константинъ I, управлявшій въ то время пат-
ріаршимъ престоломъ, сдѣлавъ ему самый радушный пріемъ, при-
гласилъ его жить при себѣ. Здѣсь Варданъ въ короткое время прі-
обрѣлъ полное довѣріе патріарха, которому нуженъ былъ именно
такой человѣкъ въ эту эпоху. Безпорядки, картину которыхъ такъ
живо описалъ намъ Нерсесъ Ламбронскій и съ которыми мы уже
познакомили нашихъ читателей, теперь приняли такіе размѣры, что
Константинъ нашелся вынужденнымъ созвать соборъ для изысканія
средствъ къ ихъ прекращенію. Онъ былъ созванъ въ Сисѣ въ 1243
году. Варданъ былъ уполномоченъ отвезти его постановленія въ во-
сточную Арменію. Циркулярная грамата, сопровождавшая эти поста-
новленія, была собственноручно написана самимъ патріархомъ, ко-
торый рекомендовалъ въ ней своего посланнаго въ слѣдующихъ вы-
раженіяхъ: «Посылаю къ вамъ достойнаго вардапета Вардана, кото-
XIII раго пять лѣтъ тому назадъ Провидѣнію угодно было дать мнѣ воз-
можность пригласить къ себѣ изъ вашихъ странъ. Познакомившись
съ нимъ, я привязался къ нему, при Божіемъ содѣйствіи, любовью
и уваженіемъ на всю жизнь и навсегда». Не смотря на сильныя пре-
пятствія, встрѣченныя Вардаомъ со стороны восточныхъ Армянъ,
ему все-таки удалось довольно успѣшно исполнить возложенное на
него порученіе и оправдать довѣріе къ себѣ каѳоликоса. Постановле-
нія Сисскаго собора при его содѣйствіи были подписаны многими
изъ князей и лицъ высшаго духовенства, въ томъ числѣ и Вана-
канъ вардапетомъ. Эти бумаги, подписанныя вышеупомянутыми ли-
цами, отсюда Варданъ препроводилъ къ каѳоликосу въ Хромкла, а
самъ отправился въ свой монастырь св. Андрея въ Дцоропорскомъ
округѣ Гугарксой провинціи противъ неприступной Кайанской крѣ-
пости. Это было въ 1245 году.

Между тѣмъ на престолъ св. Петра вступаетъ въ 1243 году папа Иннокентій IV. Первой его заботой было присоединеніе восточныхъ христіанъ къ римской церкви; съ этой цѣлью онъ поднялъ вопросъ о исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына. Восточные христіане, а именно Греки, Сиряне и Иверійцы, отвергли предложеніе папы; киликійскіе Армяне въ лицѣ каѳоликоса Константина на третьемъ Сисскомъ соборѣ приняли римское ученіе о Духѣ Святомъ, и знаме-

нитые тогдашніе духовные писатели и ученые: Іоаннъ Ванаканъ, нашъ Варданъ и Киракосъ Гандцакскій, письменно выразили свое мнѣніе объ этомъ важномъ богословскомъ вопросѣ въ томъ смыслѣ, что св. Писаніе и творенія первыхъ отцевъ восточной церкви представляютъ много мѣстъ относительно исхожденія Духа Святаго, которыя могутъ быть объяснены въ смыслѣ католическомъ. Излишне сказать, что эта натяжка армянскихъ вардапетовъ ни къ чему не привела; народъ армянскій остался, и до сихъ поръ остается при прежнемъ ученіи своей церкви, а именно, «что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына».

Само собою разумѣется, что каѳоликосъ Константинъ и съ нимъ тогдашніе корифеи армянскаго духовенства, дѣлая эту уступку въ XIV
пользу римской церкви, имѣли въ виду союзъ съ римскимъ дворомъ и черезъ него со всѣмъ западнымъ католическимъ міромъ, который союзъ, думали они, спасетъ ихъ отечество отъ предстоявшей погибели. Но они ошибались въ своемъ патріотическомъ разсчетѣ, и ошибались вдвойнѣ: во-первыхъ потому, что не встрѣтили сочувствія своему плану въ восточныхъ своихъ соотечественникахъ; а во-вторыхъ потому, что не такими слабыми подпорками поддерживается распадающееся государство. Ибо государство, лишенное истиннаго патріотизма, не проникнутое единствомъ и единодушіемъ, потерявшее всякое чувство закона и законности, забывшее національность съ утратою языка, неимѣвшее никакихъ религіозныхъ и, слѣдственно, нравственныхъ началъ, служившихъ и служащихъ едва ли не единственной основой его существованія, подобное государство, утратившее въ самомъ себѣ всѣ эти жизненные элементы, напрасно будетъ искать жизни въ посторонней помощи. Такъ оно и случилось; ибо спустя сто лѣтъ съ небольшимъ послѣ третьяго Сисскаго собора, разрушилось армянское царство и въ Киликіи.

Но обратимся къ Вардану. Мы видѣли, что онъ на обоихъ вышеупомянутыхъ Сисскихъ соборахъ принималъ дѣятельное участіе. Его политическая дѣятельность этимъ, однако, не ограничилась. Въ 713 году армянскаго лѣтосчисленія—1264—Хулагу-ханъ вызвалъ его къ себѣ, какъ пишетъ самъ Варданъ, который на этотъ разъ распространяется, къ нашему удовольствію, подробно описывая свое сви-

даніе съ великимъ завоевателемъ. Не говоря уже о любопытныхъ подробностяхъ, имъ сообщаемыхъ относительно обычаевъ Татаръ, самая бесѣда его съ Хулагу-ханомъ въ высшей степени назидательна. По ней мы можемъ судить о гибкомъ умѣ Вардана, который съ первой же аудіенціи совершенно овладѣваетъ Хулугу-ханомъ, съ изумительной вкрадчивостью предлагая послѣднему мысли, основанныя на человѣколюбіи, справедливости и любви христіанской; завоеватель же легко, непринужденно раскрываетъ передъ Варданомъ свое
xv сердце для принятія этихъ возвышенныхъ идей въ пользу покоренныхъ имъ народовъ и преимущественно христіанъ. При дворѣ Хулагу Варданъ успѣлъ поставить себя такъ, что всѣ обращались къ нему за совѣтами въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ. Такъ наприм., послѣ смерти великаго хана, супруга его, Дохуз-хатунъ, обращается къ Вардану и по совѣту его назначаетъ старшаго сына, Абаху, ханомъ на мѣсто отца его. Это — послѣднее событіе изъ жизни Вардана, которое мы знаемъ. По увѣренію соученика его, Малахіи, Варданъ умеръ въ 1271 году. Вотъ все, что мы знаемъ о жизни этого замѣчательнаго человѣка на политическомъ поприщѣ.

Многосторонняя литературная его дѣятельность ясно носитъ на себѣ слѣды вліянія эпохи упадка. Въ ней нѣтъ ничего самостоятельнаго: какимъ-то духомъ эклектизма вѣетъ отъ всего, вышедшаго изъ-подъ его пера. Тому доказательствомъ служатъ его экзегетическія сочиненія, въ которыхъ вся роль его ограничивается сведеніемъ толкованій предшествовавшихъ ему отцевъ греческой, сирійской и армянской церквей. Онъ много видѣлъ, много читалъ и много зналъ. Обширности его познаній, конечно, много помогало его короткое знакомство съ языками: греческимъ, еврейскимъ, сирійскимъ и парсійскимъ. Этой его начитанности и любознательности обязаны мы тѣми драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя онъ сообщаетъ намъ въ лучшемъ изъ своихъ произведеній, т. е. въ своей Всеобщей Исторіи. Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку всего, оставшагося намъ отъ пера Вардана, потому что въ отношеніи къ нашему предмету это ни къ чему не привело бы насъ. Скажемъ однако, что мы имѣемъ отъ него много сочиненій богословскаго содержанія, или точнѣе, много толкованій на различныя книги св. Писа-

нія; нѣсколько панигириковъ, нѣсколько духовныхъ бесѣдъ и гимновъ, нѣсколько басенъ, неимѣющихъ особеннаго достоинства. Самое видное мѣсто въ его твореніяхъ безспорно занимаетъ его «Всеобщая Исторія». Но прежде нежели поговорить о ней подробно, скажемъ мимоходомъ, что судьба этой книги, которой Вардапъ обязанъ XVI
своей славой въ позднѣйшемъ потомствѣ и своей извѣстностью на отдаленномъ европейскомъ Западѣ, была трагическая. Автору ея оставалось дописать послѣднія двѣ—три ея страницы, когда она въ 1265 году вмѣстѣ съ служителями Вардана *была отведена въ плѣнъ* невѣрными. Къ счастію нашего автора, полтора года спустя, т. е. въ 1267 году, его Исторія, принесенная на Тифлисскую площадь, продавалась. На это ненарокомъ нашелъ одинъ изъ домашнихъ брата нашего Вардана, по имени Мелеръ, и *выкупилъ книгу*. Разсказъ свой объ этомъ Варданъ заключаетъ слѣдующими умилительными словами: «За эту милость слава Господу нашему во всѣхъ святыхъ и въ твореніяхъ Его! покупателю же ея да будетъ милость отъ Христа».

Всеобщая Исторія Вардана начинается началомъ міра и кончается 716 годомъ армянскаго лѣтосчисленія, т. е. 1267 годомъ христіанской эры, когда воспослѣдовала кончина друга его и покровителя, каѳоликоса Константина I-го. Въ этомъ своемъ произведеніи нашъ авторъ остается вѣренъ заранѣе начертанному своему плану: въ немъ онъ тщательно сводитъ въ одно все, что было ему извѣстно изъ историческихъ твореній отечественныхъ и иностранныхъ писателей. Эту свою вѣрность простираетъ онъ до того, что даже событія своего времени передаетъ по разсказамъ другихъ современныхъ ему армянскихъ историковъ, за исключеніемъ своего свиданія съ Хулагу-ханомъ. Хотя въ примѣчаніяхъ къ предлагаемому нашему переводу сдѣланы подробныя указанія на произведенія писателей, которыми пользовался нашъ авторъ, однако чтобы дать читателю возможность однимъ взглядомъ окинуть всю историческую литературу, служившую источникомъ нашему Вардану, приведемъ здѣсь имена писателей и названія тѣхъ изъ ихъ произведеній, которыя послѣдній имѣлъ подъ рукою, писавши свою Исторію.

Кромѣ Священнаго Писанія Вардану служили источниками изъ армянскихъ писателей:

XVII А. 1) *Агаѳангелъ* (IV в.) въ своей Исторіи обращенія царя Тердата и всей Арменіи въ христіанскую вѣру черезъ посредство парѳянина Григорія, сына Анака: она доведена до 325 года отъ Р. Х.

2) *Зенобъ Глакъ* (въ началѣ IV в.), ученикъ Григорія просвѣтителя, писавшій Исторію введенія христіанской вѣры въ Таронскую провинцію.

3) *Фавстъ византійскій* (IV в.), авторъ Исторіи Арменіи, начинающейся съ царствованія Хосрова II, сына Тердата и доведенной до Хосрова III, т. е. съ 344 по 388 г. отъ Р. Х.

4) *Корьюнъ*, по прозванію *Дивный* (V в.), въ своей Біографіи св. Месропа, изобрѣтателя армянскаго алфавита.

5) *Моисей Хоренскій* (V в.), въ своей Исторіи Арменіи, отъ древнѣйшихъ временъ доведенной до 433 г. отъ Р. Х.

6) *Ехишѐ* (V в.), написавшій Исторію войны, веденной Армянами подъ предводительствомъ Вардана Мамиконскаго противъ Язкерта: доведена до 463 г. отъ Р. Х.

7) *Лазарь Парпскій* (V в.), оставившій намъ Исторію Арменіи, начинающуюся съ прекращенія династіи армянскихъ Аршакидовъ и доведенную до марз-панства Вахана Мамиконскаго, т. е. до 485 г.

8) *Іоаннъ, епископъ мамиконскій*, продолжатель Зеноба Глака; онъ доводитъ Исторію Таронской провинціи до 640 г.

9) *Себеосъ*, жившій во второй половинѣ VII вѣка; отъ него мы имѣемъ Исторію похода императора Ираклія (Константина), доведенную до куропалата Хамазаспа Мамиконскаго, т. е. до 654 г.

10) *Хевондъ вардапетъ*, жившій во второй половинѣ VIII вѣка, и написавшій Исторію нашествія Аравитянъ на Арменію, съ 661 по 788 годъ.

11) *Моисей Кахакантуаци*, жившій въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка, написавшій Исторію Ахованіи (Албаніи древнихъ), начи-
XVIII нающуюся съ первыхъ годовъ IV вѣка и доведенную до 914 г.

12) *Іоаннъ каѳоликосъ*, по прозванію *Историкъ*, жившій въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка, въ своей Исторіи Арменіи отъ древнѣйшихъ временъ до 920 года.

13) *Товма Артцруни* (X в.), въ своей Исторіи князей изъ дома

Артцруни, доведенной до Гагика Артцруни, въ 903 г. положившаго начало Васпураканскому царству.

14) *Степаносъ Таронскій*, по прозванію *Асохикъ*, жившій въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка, написавшій Всеобщую Исторію, доведенную до 1005 г.

15) *Ухтанесъ*, жившій во второй половинѣ X столѣтія, оставившій намъ Исторію отпаденія Иверійской церкви отъ Армянской въ патріаршествованіе патріарховъ: Моисея II и Авраама I, съ 551 по 595 годъ.

16) *Месропъ*, іерей, жившій во второй половинѣ X вѣка, оставившій намъ Біографію патріарха Нерсеса Великаго.

17) *Маттеосъ эдесскій* (XII стол.), написалъ Исторію Арменіи, начинающуюся съ 952 до 1132 года.

18) *Григорій*, іерей, продолжатель Маттеоса эдесскаго, жившій во второй половинѣ XII вѣка, доводитъ свою Лѣтопись до 1162 года.

19) *Самуилъ анійскій*, жившій во второй половинѣ XII вѣка, и написавшій Хронологію отъ сотворенія міра до 1164 года.

20) *Киракосъ Гандцакскій* (XIII вѣка), написалъ Исторію Арменіи съ царствованія Тердата, т. е. съ 286 по 1265 г.

В. Произведенія писателей, существовавшія во время Вардана въ XIII вѣкѣ, но не дошедшія до насъ:

1) *Исторія Арменіи Шапуха Багратуни*, жившаго во второй половинѣ IX вѣка, современника Іоанна каѳоликоса. По увѣренію послѣдняго, она заключала въ себѣ Исторію царя Ашота I Великаго, Багратуни, сына Сембата Исповѣдника. (См. *Ист. Арм.* Іоан. xix
каѳол. моего изд. Москва, 1853, стр. 73—74).

2) *Исторія начала и происхожденія Турокъ* Іоанна Саркавагъ-вардапета, жившаго въ первой половинѣ XII вѣка (см. у *Киракоса* стр. 46, 47).

3) *Исторія Мхитара Анійскаго*, заключавшая въ себѣ, какъ можно видѣть изъ словъ Степаноса Сюникскаго и нашего Вардана, подробную Повѣсть о происхожденіи рода Орбеліановъ и о нашествіи Татаръ на Грузію и Арменію. (См. мое изд. *Исторіи Сюникской Провинціи* Степаноса, Москва, 1861, гл. 65, стр. 273).

4) *Исторія нашествія Татаръ* на Арменію знаменитаго Іоанна Ванакана, бывшаго въ плѣну у Татаръ и скончавшагося въ 1251 г.

5) *Анонимная Исторія Иверійцевъ*, на которую указываетъ тотъ же Степаносъ Сюникскій (см. тамъ же, стр. 272).

6) *Исторія происхожденія Татаръ*, историка Вахрама.—Конечно, этотъ Вахрамъ не одно и то же лицо съ Вахрамомъ *рабун*'омъ, *րաբունն*, отъ котораго мы имѣемъ риѳмованную краткую Исторію Рубенидовъ отъ начала основанія ихъ династіи въ Киликіи до Левона III, т. е. до 1270 года.

Авторъ *Исторіи происхожденія Татаръ* у нашего Вардана называется *випагир*'омъ, *Վիպագիր*, т. е. *историкомъ*. Это, вѣроятно, то самое лицо, которое у Мхитара айриванк'скаго въ числѣ историковъ занимаетъ мѣсто между Мхитаромъ анійскимъ и Іоанномъ Саркавагъ вардапетомъ, и котораго онъ называетъ, не *сыномъ Тиграна*, какъ нашъ Варданъ, но *уроженцемъ Тигранакерта*, *Վահրամ տիգրանակերտացի* (см. мое изданіе стр. 23). Значитъ, этотъ Вахрамъ жилъ въ началѣ XIII вѣка — и его историческій трудъ о татарскомъ періодѣ вмѣстѣ съ произведеніями современныхъ ему — Ванакана и Мхитара анійскаго о томъ же предметѣ, къ сожалѣнію, безвозвратно утраченъ для исторической науки.

C. Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя анонимныя сочиненія, существующія въ армянской литературѣ, которыя также служили Вардану источниками, каковы:

1. Такъ называемая *Договорная грамата*, *Թուղթ դաշանց*, заключенная между Константиномъ Великимъ и папою Сильвестромъ съ одной стороны, и армянскимъ царемъ Тердатомъ и Григоріемъ просвѣтителемъ съ другой, и поэтому относящаяся, будто бы, къ началу IV вѣка.

2. *Вопросъ Ювенала* и отвѣтъ Моисея армянскаго грамматика и Давида философа (см. объ этомъ примѣч. 139 стр. 68 этой книги) *Հարցումն Յուբնաղի և պատասխանի Մովսիսի Հայոց քերթողի և Դաւթի փիլիսոփայի*։

D. Далѣе слѣдуютъ иностранные источники:

1. *Флавій Іосифъ*, въ своей Древней Исторіи Евреевъ.

2. *Евсевій Кесарійскій* въ своемъ Хрониконѣ; и наконецъ изъ византійскихъ историковъ одинъ только

3. *Сократъ*, на котораго указываетъ нашъ Варданъ.

E. Наконецъ a) армянскія народныя сказанія и легенды;—b) надписи на памятникахъ, въ церквахъ и монастыряхъ;—c) патріаршія граматы, циркуляры, посланія, договорныя граматы и тому подобное; и

F. d) Халдейскія, сирійскія, арабскія и парсійскія сказанія и легенды, на которыя мы дѣлали указаніе въ нашихъ примѣчаніяхъ.

До сихъ поръ извѣстны были въ ученомъ мірѣ нѣкоторые только отрывки изъ Всеобщей Исторіи Вардана въ французскомъ переводѣ: a) нашего ученаго академика Броссе въ его Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie, St.-Petersbourg, 1851, который первый изъ европейскихъ ученыхъ понялъ важность историческаго труда нашего автора; и b) Эдуарда Дюлорье въ Journal Asiatique, xxi
1860 года (octobre-novembre, pp. 273—322) въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Les Mongols d'après les historiens arméniens, extrait de l'Histoire Universelle de Vartan».—Теперь Исторія Вардана во всей своей цѣлости является въ печати впервые. Переводъ ея былъ сопряженъ съ большими трудностями, по крайней мѣрѣ, для меня. Не говоря уже о вышеприведенныхъ источникахъ, изъ которыхъ заимствовалъ Варданъ, не дѣлая на нихъ ни малѣйшаго намека, и съ которыми требовалась постоянная справка, чтобы не впасть въ ошибку,—самый языкъ его часто представляетъ характеръ загадочный. Онъ не имѣетъ никакого достоинства въ литературномъ отношеніи, и отличается всѣми отрицательными качествами языка въ эпоху его упадка. Въ немъ не ищите ни сжатости и опредѣленности Моисея Хоренскаго, ни изящности Ехишé, ни ученой простоты и точности Езника, ни граціозности Нерсеса Благодатнаго, ни торжественности многознаменательнаго слова Нерсеса Ламбронскаго. Рѣчь Вардана безсильна, безцвѣтна, запутана; его періодъ не имѣетъ округленности. У него не рѣдко встрѣчаются выраженія изъ просторѣчія, которое въ это время получило уже право гражданства не только въ литературѣ, но и въ канцеляріи царей Рубенидовъ. Сношенія съ Арабами, Татарами и западными христіанами во время Крестовыхъ походовъ познакомили Армянъ со множествомъ словъ,

принадлежавшихъ этимъ народамъ и вошедшихъ въ разговорный и литературный языкъ армянскій. Все это представляетъ не мало затрудненій для переводчика Вардана. Мы старались, сколько могли, побѣждать эти трудности: удалось ли намъ это, пусть судятъ читатели. Мы строго держались текста нашего автора, котораго лѣтописный, однообразный, сухой, безцвѣтный тонъ передали со всей возможной вѣрностью, иногда, быть можетъ, и въ ущербъ духу русскаго языка.

Предлагаемый переводъ сдѣланъ по тексту, изданному нами впервые въ нынѣшнемъ же году по сличеніи двухъ списковъ, изъ коихъ
xxii одинъ принадлежалъ намъ, другой—Румянцевскому Музею, начальникъ котораго, князь Одоевскій, имѣлъ обязательную готовность дать намъ возможность воспользоваться имъ, выславъ его по просьбѣ нашей къ намъ въ Москву въ іюлѣ прошедшаго года. Считаемъ долгомъ выразить ему здѣсь нашу признательность.

Чтобы сдѣлать доступнымъ для большей части нашихъ читателей переводъ Вардана, мы старались тщательно указывать на источники, бывшіе у него подъ рукою. Эти указанія вмѣстѣ съ другими нашими замѣтками, казавшимися намъ нужными для разумѣнія текста Вардана, читатель найдетъ въ нашихъ Примѣчаніяхъ въ концѣ этой книги.

Такъ какъВарданъ во всемъ своемъ сочиненіи держался одного только армянскаго лѣтосчисленія, то мы сочли не лишнимъ рядомъ съ годами армянской—сопоставлять и годы христіанской эры.

При переписываніи собственныхъ именъ восточныхъ вообще и армянскихъ въ особенности мы держались правила, пространно изложеннаго уже нами въ Предисловіи къ нашему переводу Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, куда и отсылаемъ читателя, считая излишнимъ утомлять его вниманіе повтореніемъ однажды уже высказаннаго.

Въ отдѣлѣ Приложеній читатель найдетъ нѣкоторыя выдержки изъ армянскихъ писателей, которыя по своему характеру не могли имѣть мѣста въ Примѣчаніяхъ.

Не смотря на все вышесказанное, мы остаемся при томъ убѣжденіи, что Варданъ далеко не исчерпанъ нами; что многіе вопросы, которые возбуждаетъ чтеніе его Исторіи, едва нами затронуты; что

нѣкоторыя изъ хронологическихъ его указаній требуютъ особеннаго изученія; что сказанія его о Арабахъ, Монголо-Татарахъ и Крестоносцахъ могутъ служить темою для отдѣльныхъ монографій и что наконецъ языкъ его въ связи съ языкомъ современныхъ ему армянскихъ писателей преходнаго киликійскаго періода можетъ быть весьма любопытной задачей въ филологическомъ отношеніи. Мы надѣемся со временемъ возвратиться къ этимъ вопросамъ; но теперь, XXIII
представляя на судъ ученаго міра первый этотъ трудъ надъ твореніемъ Вардана, мы желали, чтобы онъ, вызвавъ дѣятельность спеціалистовъ и людей болѣе проницательныхъ, обратилъ ее на тѣ стороны произведенія нашего автора, которыя ускользнули отъ нашего вниманія.

XVIII.

Объ Асоx'икѣ *).

Въ 1858 году мы дали ученой нашей публикѣ въ русскомъ переводѣ Исторію Арменіи знаменитаго Моисея Хоренскаго, жившаго въ V вѣкѣ, въ 1861—Всеобщую Исторію Вардана Великаго, умершаго въ 1270 въ началѣ послѣдняго крестоваго похода, предпринятаго Людовикомъ Святымъ; теперь мы предлагаемъ Исторію Всеобщую же Степ'аноса Таронскаго, свидѣтеля возникновенія третьей армянской династіи Багратуни или Багратидовъ. Хочу думать, что наши историки при изученіи исторіи Востока и Арменіи въ особенности не безъ пользы обратятся къ этому новому для нихъ источнику.

Исторія Степ'аноса Таронскаго пользуется заслуженнымъ уваженіемъ не только у армянскихъ ученыхъ, но и у западныхъ оріенталистовъ, посвятившихъ себя изученію прошедшихъ судебъ древняго Востока. Подобно Всеобщей Исторіи Вардана, она впервые является въ переводѣ на европейскій языкъ. Поэтому не лишнимъ считаемъ познакомить читателя a) съ біографіей нашего автора, b) съ историческимъ его твореніемъ и наконецъ c) съ условіями, при которыхъ сдѣланъ нашъ переводъ.

Годъ рожденія Степ'аноса, какъ и большей части древнихъ армянскихъ историковъ, неизвѣстенъ; ибо ни одинъ изъ ему современныхъ, ниже за нимъ послѣдовавшихъ писателей не обозначаетъ его

---

*) [Напечатано въ качествѣ Предисловія къ русскому переводу Всеобщей Исторіи Степ'аноса Таронскаго, *Асох'ика* по прозванію, Москва, 1864, in 8° стр. I—XVIII. *Г. Х*].

съ точностью. Аристакесъ ластивертскій (XI в.), хронографъ Самуилъ анійскій (XII в.), Мхитаръ Айриванкскій (XIII в.), Киракосъ гандцакскій (XIII в.) и другіе ничего опредѣленнаго не говорятъ объ этомъ. Не смотря на то, мы постараемся по одному намеку Григорія Магистроса и одному косвенному указанію самаго нашего автора хотя приблизительно опредѣлить время рожденія Степаноса.

Григорій Магистросъ, который выступаетъ на поприще дѣятельности въ 1041, въ своемъ 62 посланіи, обращенномъ къ современнику его, вардапету *) Георгу, проситъ послѣдняго прислать иму «Толкованіе на пророка Іеремію. написанное, говоритъ онъ, Асохикомъ (т. е. Степаносомъ Таронскимъ), блаженнымъ *престарѣлымъ старцемъ*» **). Эти слова даютъ намъ почувствовать, что Григорій Магистросъ говоритъ о Степаносѣ, какъ о человѣкѣ, который въ его время жилъ еще *и былъ тогда престарѣлымъ старцемъ*. Если мои читатели-спеціалисты уступятъ мнѣ это предположеніе, тогда я пойду далѣе и скажу: такъ какъ Григорій Магистросъ является на поприще дѣятельности въ 1041, то можемъ полагать время смерти Степаноса между 1041 и 1045 годами.

Что нашъ авторъ жилъ до глубокой старости и что предыдущее наше предположеніе имѣетъ, по крайней мѣрѣ для насъ, нѣкоторое вѣроятіе, это мы видимъ также изъ его собственныхъ словъ. Въ VII гл. III Книги своей Исторіи онъ говоритъ о патріархѣ Ананіи,

---

*) О значеніи слова: *вардапет*, см. примѣч. 489, на стр. 322—323 нашего перевода Ист. Арменіи Монс. Хоренскаго.

**) ...«վասն որոյ բանս հայցէ 'ի քէն զՄեկնութիւն Երեմիայի մարգարէի, զոր գրեալ է Ասողնկայ երջանիկ ծայրագոյն ծերոյն՝ շնորհել մեզ: Եթէ տակաւին մնասցես 'ի կենցաղումս՝ առուգութեամբ տացուք դարձեալ 'ի ձեռս քո. ապ'նթէ առ Տէր երթալովդ ըստ հարցն հարկաւոր կրից՝ ոչ պատկառիմք 'ի քէն»:
(Послан. 62 по нашему списку).—Хотя употребленное здѣсь Григоріемъ Магистросомъ слово: ծայրագոյն, *тцайрагуйн*, и перевели мы черезъ *престарѣлый*, однако не мѣшаетъ замѣтить, что, какъ прилагательное, оно образовалось отъ существительнаго ծայր, *тцайр*—„конецъ, край, верхъ" и изъ գոյն, *гуйн*—частицы образующей сравн. степень; и потому *тцайрагуйн* въ буквальномъ переводѣ можетъ быть передано: „*верховный*", а въ приведенномъ отрывкѣ „*переступившій предѣлъ обыкновенной человѣческой жизни*".

какъ о современникѣ. Патріархъ этотъ вступилъ на престолъ въ 943. Въ это время въ Арменіи были основаны знаменитые монастыри, гдѣ жили, какъ описываетъ нашъ авторъ, славные подвижники и ученые вардапеты, подвиги которыхъ онъ изображаетъ съ особенною любовью и по поводу которыхъ роняетъ мимоходомъ слѣдующія слова: «нѣкоторыхъ изъ этихъ мужей во дни ихъ старости видѣлъ я *въ юности моей* собственными глазами и упивался сладостью ихъ рѣчей» (также стр. 123 текста). Чтобы быть въ
III состояніи «упиваться сладостью рѣчей» упомянутыхъ мужей необходимо допустить, что автору нашему въ 943 году было по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ. Если это такъ, то онъ родился въ 928. Слѣдовательно, если онъ умеръ въ сороковыхъ годахъ XI столѣтія, то ему должно было быть maximum 122 года, minimum 117 лѣтъ. Въ такомъ случаѣ слова Григорія Магистроса получатъ тотъ смыслъ, который мы имъ придаемъ.

Другое предположеніе.—Если вѣрно, что Степаносу въ 943 году было 15 лѣтъ и что поэтому онъ родился въ 928, то въ такомъ случаѣ мы дойдемъ до слѣдующаго второго вывода относительно его лѣтъ.—Изъ послѣсловія къ его Исторіи знаемъ, что онъ ее кончилъ въ 1004, т. е. на 12-мъ году патріаршествованія Саргиса, управлявшаго престоломъ по 1019 (стр. 206 текста). Если скажемъ, что Степаносъ умеръ еще во время Саргиса, около 1019 года, то и тогда ему должно было быть почти 90 лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ можно безошибочно сказать, что Степаносъ Таронскій родился около 928, умеръ же онъ или въ сороковыхъ годахъ XI столѣтія (1041—1045), или около 1019 года. Въ первомъ случаѣ ему было бы около 117 или 122, во второмъ—около 90 лѣтъ.

Нашъ авторъ былъ родомъ туруберанской провинціи изъ округа Тарона (нынѣшній Мушъ) который граничитъ теперь къ западу съ Діарбекиромъ, къ сѣверу съ Эрзрумомъ, къ востоку съ Ваномъ, къ югу съ Бохтаномъ—землею Курдовъ; но въ какомъ именно городѣ этого округа родился онъ, неизвѣстно. Какъ уроженецъ упомянутой провинціи, онъ называется *таронскимъ*.

Кромѣ этого прозванія, указывающаго на мѣсто его рожденія, у Степаноса есть еще другое болѣе постоянное, всѣмъ извѣстное проз-

вище—*Асох'ик* или *Асох'ник*, *Ասողիկ*, *Ասողնիկ*. До сихъ поръ арменисты не дали себѣ яснаго отчета въ происхожденіи и значеніи этого слова. Попытаемся; быть можетъ, удастся намъ добраться до смысла прозванія нашего автора.—Въ той формѣ, въ какой представляется намъ слово *асох'ик*, *ասողիկ*, оно состоитъ изъ *асох'*, *ասող*, — причастія настоящаго времени отъ глагола *асем*, *ասեմ*, и изъ ласкательнаго окончанія *ик*, *իկ*, равносильнаго русскому *икъ*, какъ напр. въ словѣ «дом-*икъ*». Въ настоящемъ случаѣ слово: IV
асох'ик, употреблено въ архаическомъ его значеніи, и конечно, не имѣетъ смысла теперешняго *асем*—«говорю». Въ нашемъ «Изслѣдованіи о древнемъ армянскомъ Эпосѣ» (Москва, 1850, стр. 6—7) мы впервые возстановили архаическій смыслъ этого слова и доказали, что Моисей Хоренскій безразлично употребляетъ слова: *асем* и *ергем*, *ասեմ*, *երգեմ*—«пою», когда ведетъ рѣчь о рапсодахъ, воспѣвавшихъ подвиги древнихъ армянскихъ героевъ и царей. Другой современный ему писатель V вѣка, Лазарь п̆арпскій, въ смыслѣ «пою» употребляетъ глаголъ *асем*, когда говоритъ, *'ի ժամ հաւուն ասելոյ* *), т. е. «въ часъ, когда долженъ былъ *пѣть* пѣтухъ». Далѣе, въ армянскихъ церковныхъ книгахъ часто встрѣчается выраженіе: *սաղմոս ասացէք*, въ которомъ слово *асацэк'*, *ասացէք*, употреблено въ древнемъ его значеніи: *пойте*, *воспойте*; и потому приведенное выраженіе не иначе должно быть переведено, какъ черезъ: «*воспойте* псаломъ». Не говорю уже о томъ, что глаголъ *асем* въ одномъ реченіи армянскаго языка до сихъ поръ сохранилъ свое архаическое значеніе. Теперешній Армянинъ, чтобы сказать *пѣть пѣсню*, непремѣнно употребитъ классическое слово *асем* и скажетъ: *хах'асел*, *խաղ ասել*, выраженіе, ставшее до такой степени типическимъ, что нѣтъ возможности замѣнить въ немъ *асем* словомъ *ергем*—«пою».

Возстановивъ такимъ образомъ архаическій смыслъ глагола *асем*, намъ не трудно опредѣлить значеніе причастія настоящаго времени отъ него: *асох'*, *ասող*, которое, принявъ ласкательное окончаніе *ик*,

---

*) *«Զայս ամենայն խօսեցեալ սրբոյ զօրավարին 'ի ժամ հաւուն ասելոյ՝ հրաման տայրն սուրբն Յովսէփ և Ղևոնդ հանդերձ ամենայն քահանայիւքն պաշտօն կանոնին կատարել»*. (Исторія Арм. Лазаря п'арпскаго, стр. 122).

իկ, стало *асох'-ик*, *ասողիկ*, и значитъ ни болѣе ни менѣе какъ *пѣвецъ*, chantre. Чтобы понять смыслъ эпитета *пѣвецъ* въ отношеніи къ Степаносу Таронскому, необходимо вспомнить, что послѣдній принадлежалъ къ духовному званію и что въ его время въ число предметовъ, преподававшихся въ монастырскихъ школахъ, между прочимъ главнѣйшимъ образомъ входило и *пѣніе*, разумѣется духовное. Мы сказали *главнѣйшимъ образомъ* не безъ намѣренія; ибо въ этихъ школахъ *пѣніе* дѣйствительно занимало одно изъ первыхъ мѣстъ и стояло рядомъ съ философіей, богословіемъ, герменевтикой, грамматикой, риторикой и другими предметами, входившими въ курсъ наукъ, который проходило тогдашнее юношество, готовившее себя къ духовному званію. Чтобы далеко не ходить за примѣромъ для подтвержденія нашей мысли, обратимся къ нашему же автору, который, въ VII гл. III кн. (стр. 119 текста), описывая знаменитыхъ монашествующихъ мужей ему современныхъ, прославившихся или святостью жизни, или глубокими богословскими познаніями, или знакомствомъ съ философіей, не упускаетъ случая замѣтить, что такой-то при такихъ-то высокихъ своихъ качествахъ владѣлъ также *искусствомъ пѣнія* или *музыкой*, чѣмъ Степаносъ конечно и доказываетъ какъ серьезно смотрѣли на этотъ предметъ, входившій въ кругъ ученія монастырскихъ школъ того времени. Такъ напримѣръ, говоря о настоятеляхъ Камерджадцорскаго монастыря, онъ между прочимъ упоминаетъ о «софистѣ Самуилѣ, щедро одаренномъ разумѣніемъ священныхъ книгъ и *искусствомъ пѣснопѣнія*» *). Послѣ этого для читателя станетъ, кажется, яснымъ толкованіе, данное нами эпитету *асох'-ик*, и онъ не найдетъ неумѣстнымъ, что серьезный историкъ, каковъ былъ Степаносъ, въ кругу монашествующей братіи своего времени назывался *асох'ик*омъ, т. е. «пѣвцомъ», вѣроятно потому, что не только основательно зналъ *духовную музыку*, но къ тому же былъ отличнымъ пѣвцомъ.

Другая форма прозванія нашего автора есть *асох'ник*, *ասողնիկ*, которое въ сущности означаетъ то же самое, что и *асох'ик*. Буква

*) „*Եւ զկնի նորա իմաստասէրն Սամուէլ բազմաշնորհ ՚ի գիտութիւն գրոց սրբոց և յերգս. երաժշտութեանց*". (см. также стр. 119—120 о Нарекскомъ монастырѣ). Въ этой фразѣ слово *софистъ* употреблено въ смыслѣ „философа".

н, ն, которую читатель видитъ между корнемъ *асох'* и окончаніемъ *ик*, есть ни что иное какъ корень личнаго мѣстоименія նա, *на*— «онъ» и указательнаго այն, *айн*—«тотъ», которая, будучи приставлена къ концу слова, придаетъ ему болѣе опредѣленности. Глядя на присутствіе этой буквы въ словѣ «асох'*н*икъ», можно предполагать, что Степаноса современники иногда называли просто *асох'н*, ասողն, т. е. «пѣвецъ по преимуществу».

Чтобы покончить съ этимъ словомъ, замѣтимъ кстати, что грѣ- VI шатъ противъ правильной его транскрипціи тѣ изъ западныхъ ученыхъ, которые переписываютъ его Asolic, замѣняя въ немъ коренную армянскую букву ղ, *x'* буквою *l*. Замѣна буквы ղ *x'* буквою *l*, разумная въ собственныхъ именахъ, вошедшихъ въ армянскій языкъ изъ языковъ греческаго, еврейскаго и другихъ (Թաղէս, Պեղոպոնէս, Սողոմոն), оказывается несостоятельною въ коренныхъ армянскихъ словахъ, въ которыхъ буква ղ *x*, какъ выраженіе извѣстнаго звука, свойственнаго армянскому языку, ни подъ какимъ видомъ не можетъ и не должна при транскрипціи переходить въ *l*. И потому вмѣсто того чтобы переписывать Асох'ик, Ասողիկ, черезъ Asolic, вѣрнѣе и правильнѣе было-бъ изображать его Açog'*hik* или Assog'*hic*.

Подробности жизни нашего Асох'ика, (отнынѣ такъ будемъ называть его) останутся для насъ совершенно неизвѣстными. Ни его современники, ни позднѣйшіе армянскіе писатели, относившіеся къ нему и историческому его труду съ величайшимъ уваженіемъ, ни слова не говорятъ о его жизни и дѣятельности. Два три слова мимоходомъ сказанныхъ имъ о самомъ себѣ въ его Исторіи даютъ возможность заключать, что онъ юношескіе свои годы провелъ въ монастыряхъ, подробное и любопытное описаніе которыхъ оставилъ въ VII гл. III кн., гдѣ онъ съ пользою для себя «упивался, какъ самъ говоритъ, сладостью бесѣдъ» знаменитыхъ и славныхъ тогдашнихъ вардапетовъ. Въ послѣдствіи времени, какъ видно изъ его словъ, онъ съ особенной любовью уединялся въ эти обители мира, гдѣ нѣкогда текли лучшіе дни его, и въ монастырской тишинѣ записывалъ для будущихъ своихъ соотечественниковъ событія своего времени правдиво и нелицепріятно. Такъ напр. VII глава III книги, а можетъ быть и нѣкоторыя изъ послѣдующихъ, написана имъ въ

Хладцорскомъ монастырѣ во имя святаго Григорія, основанномъ отцемъ Симеономъ, во время настоятельства отца Барсеха (Василія). Эго былъ самый блестящій періодъ внутренней жизни Хладцорской обители, гдѣ подъ управленіемъ отца Барсеха, «который, по словамъ Асох'ика, былъ всѣмъ со всѣми», собрались тогда подвижники
VII праведные, украшенные смиреніемъ, обрекшіе себя на сухоядеміе, во дни великаго поста разъ въ день вкушавшіе пищу и утолявшіе жажду простой водой. «Случилось мнѣ, продолжаетъ онъ, быть у этихъ мужей во время великаго поста, гдѣ я и написалъ эти немногія строки въ память» — моего у нихъ пребыванія — (см. 120 стр. текста). Наконецъ мы знаемъ, что патріархъ Саргисъ, со вступленіемъ своимъ на престолъ приблизивъ къ себѣ Асох'ика, возлагалъ на него различныя порученія по церковному управленію, въ слѣдствіе чего онъ и находился въ безпрестанныхъ путешествіяхъ (см. Послѣсловіе автора, стр. 207 — 208). Вотъ все, что мы знаемъ о нашемъ авторѣ!

Впрочемъ нѣтъ, это не все. Мы знаемъ еще, что и Асох'икъ, подобно Моисею Хоренскому, Лазарю П'арпскому, Хосровику и другимъ достойнымъ мужамъ, составляющимъ теперь славу и гордость своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, «переносилъ и презрѣніе и порицаніе отъ жестокосердаго и строптиваго своего народа» (см. Послѣсловіе, стр. 208).

Невозможно съ точностью опредѣлить, когда именно предпринялъ Асох'икъ свой историческій трудъ. Извѣстно только, что онъ былъ возложенъ на него владыкою Саргисомъ *), вступившимъ на патріаршій престолъ въ 992; слѣдовательно, онъ писалъ его въ продолженіи 10 или 12 лѣтъ его патріаршествованія.

Если вѣрить Аристакесу Ластивергскому, продолжателю Асох'ика, жившему въ первой половинѣ XI столѣтія, «Всеобщая Исторія послѣдняго *начиналась первымъ человѣкомъ и оканчивалась смертью*

---

*) Мы не понимаемъ, почему ученый академикъ Бросе владыку Саргиса называетъ Sargis - Tiézérakal, т. е. „Саргисомъ - міродержателемъ“, т. е. завоевателемъ (см. его Additions et Eclairc. p. 210, note 1).

Гагика» *). Эти слова совершенно противорѣчатъ тому, что мы находимъ въ дошедшемъ до насъ твореніи Асох'ика. Ибо въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь имѣемъ, оно а) начинается не первымъ человѣкомъ, но «75 годомъ Авраама»; (см. I гл. I кн. стр. 5 текста); оно заключается b) не смертью Гагика (+1020), но построе- VIII
ніемъ, съ одной стороны, великолѣпной церкви во имя св. Григорія въ Тцахкоцадцорѣ, въ Ани, въ исходѣ 1000 г., т. е. на 11 году царствованія царя Гагика I шахан-шаха (гл. XLVII кн. III), а съ другой—смертью Гургена сына Абусахла-артцруни, послѣдовавшею въ 1003 (тамъ же гл. XLVI) и прекращеніемъ рода князей П'арисоса—Сенек'ерима и Григора, послѣднихъ его представителей (? тамъ же, гл XLVIII).

Итакъ, одно изъ двухъ: или существующіе и извѣстные теперь списки нашего автора искажены и не въ первоначальномъ видѣ дошли до насъ, или указанія Аристакеса невѣрны. Но вспомнимъ, что Аристакесъ, жившій если не во время Асох'ика, то по крайней мѣрѣ послѣдовавшій за нимъ непосредственно, былъ его продолжателемъ; и потому онъ не могъ не знать — чѣмъ начинался и чѣмъ оканчивался трудъ его предшественника. Къ тому же нашъ авторъ самъ открываетъ Вторую Книгу своего творенія словами: «что онъ началъ свою Исторію отъ первосозданнаго человѣка, праотца нашего Адама» (см. I гл. II кн. стр. 39 текста). Такимъ образомъ показаніе Аристакеса относительно начала Исторіи Асох'ика оказывается болѣе чѣмъ вѣрнымъ, потому что находитъ себѣ подтвержденіе въ самомъ авторѣ нашемъ, текстъ котораго открываясь «75-мъ годомъ Авраама», самъ собою уже указываетъ на то, что изъ него пропущена вся до-и-послѣ-потопная исторія отъ Адама до 75 года Авраама. Наконецъ несомнѣннымъ доказательствомъ нашему мнѣнію служитъ начало IV гл. I кн., которое гласитъ такъ: «О двухъ сыновьяхъ Ноя, Іафетѣ и Симѣ, мы уже говорили выше; о племени Хама и о царяхъ изъ его рода мы также упомянули вкратцѣ» (15 стр. тек-

---

*) «Ստեփաննոս Տարօնացի, որ զԱշխարհապատում գիրսն շարագրեաց սքանչելի յօրինուածովք՝ սկսեալ 'ի հօրէն Ադամայ և գայ բովանդակէ զպատմութիւն իւր 'ի վախճան Գագկայ»: (Венеція, гл. II, стр. 5—7).

ста). Не смотря на это положительное указаніе Асох'ика, въ предшествующихъ первыхъ трехъ главахъ упомянутой I кн. нѣтъ и помину о Іафетѣ, Симѣ и Хамѣ. Мы имѣли бы полное право повѣрить Аристакесу на слово и относительно конца творенія Асох'ика, которое, по его увѣренію, доведено было до кончины царя Гагика I, т. е. до 1020, еслибъ на этотъ разъ не противорѣчило ему Послѣсловіе нашего автора, цѣлымъ рядомъ синхронизмовъ, указывающее на 1004, какъ на годъ, въ которомъ онъ завершилъ свой историческій трудъ.

IX Обративъ вниманіе ученыхъ на разногласіе между словами Аристакеса и списками Асох'ика, окончательное разъясненіе котораго приходится предоставить времени, не можемъ однако же не замѣтить, что Исторія послѣдняго дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Сдѣлавъ это общее замѣчаніе о содержаніи Исторіи Асох'ика, перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ частностей, которое приведетъ насъ къ заключенію, подобному общему нашему выводу.

Нашъ авторъ раздѣляетъ свое твореніе на *Три Книги*.

Первая Книга, состоящая изъ *пяти* главъ *), начинается, не говоря о Вступленіи, 75 годомъ Авраама и заключается вступленіемъ на престолъ царя Тѐрдата Великаго въ 286 г. по Р. Х. Въ этой книгѣ Асох'икъ молчаніемъ проходитъ исторію первой армянской династіи, а именно царей изъ поколѣнія Хайка. Какъ объяснить это? съ намѣреніемъ ли онъ пропустилъ этотъ огромный періодъ, начинающійся слишкомъ за 2100 лѣтъ до Р. Х. и заключающійся 328 годомъ до Р. же Х., или онъ существовалъ въ первоначальномъ спискѣ и выпущенъ переписчиками въ послѣдствіи? – Положительно отвѣчать на эти вопросы трудно.

Вторая Книга, какъ въ изданіи архимандрита Шахназаріанца, такъ и въ спискѣ академика Броссе, по оглавленію состоитъ изъ *шести* (см. 37 стр. текста), а въ дѣйствительности изъ *четырехъ*

---

*) Академикъ Броссе, конечно, ошибается, когда говоритъ, что «Первая Книга Исторіи Асох'ика состоитъ изъ 4 главъ» (Additions et éclaircissements à l'Hist. de la Géorgie, p. 210, note 1).

главъ. Она открывается царствованіемъ Тѣрдата Великаго и заключается вступленіемъ на престолъ владыки Георга II въ 876 и воцареніемъ Ашота Великаго Багратида въ 885 (см. конецъ II гл. 81 стр. текста).—Мы сказали, что эта книга по оглавленію состоитъ изъ *шести* главъ, а въ дѣйствительности изъ *четырехъ*; спрашивается: изъ сколькихъ же главъ состояла она первоначально — изъ четырехъ, пяти или изъ шести?—На это мы отвѣчаемъ, что Вторая Книга Исторіи Асох'ика первоначально должна была содержать въ себѣ не четыре и не шесть, а *только пять главъ*. Вотъ данныя, на которыхъ мы основываемъ наше предположеніе!

Въ подлинности первыхъ четырехъ главъ, находящихся въ изданіи арх. Шахназаріанца и въ спискѣ г. Броссе, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія потому, что самъ авторъ въ началѣ этой Второй Книги (39 стр. текста) указываетъ на ея содержаніе, говоря: «Вторую же эту нашу Книгу мы начнемъ съ одной стороны, со втораго отца нашего и перваго просвѣтителя армянскаго народа и послѣдовательно доведемъ до нашихъ временъ, а съ другой — представимъ исторію царей-аршакидовъ до прекращенія ихъ династіи (= Первая Глава); далѣе мы изложимъ исторію князей до воцаренія Багратидовъ (=Вторая Глава) и парсійскихъ царей-сасанидовъ до уничтоженія ихъ династіи Иракліемъ (=Третья Глава); наконецъ мы скажемъ, какъ долго продолжалось правленіе амир-ал-муммининовъ изъ Татчиковъ»... (= Четвертая Глава). Этому плану, предварительно начертанному, Асох'икъ остается вѣренъ. Онъ его подтверждаетъ еще разъ въ концѣ II гл. Второй Книги и дополняетъ нѣкоторымъ образомъ, когда присовокупляетъ: «мы приведемъ рядъ царей парсійскихъ (т. е. сасанидовъ) и татчикскихъ амир-ал-муммининовъ, а затѣмъ и *императоровъ греческихъ»*... (81 стр. текста). Этотъ именно рядъ *греческихъ императоровъ* и составлялъ содержаніе *пятой* главы, которая въ оглавленіи изданія арх. Шахназаріанца и списковъ г. Броссе и Мхитаристовъ (въ Ист. М. Чамчіана и въ Геогр. древн. Арм. Интчитчіана) обозначается *Шестою Главою*. Ее читатель найдетъ ниже въ Приложеніи 22 озаглавленною такъ: «Гл. VI. — Греческіе императоры отъ Константина до сего времени, имена и годы ихъ»; подлинность ея не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, не

смотря на сильное искаженіе, которому она подверглась подъ перомъ переписчиковъ.

Но что это за *пятая глава*, которую представляютъ и оглавленіе изданія архим. Шахназаріанца и списки г. Броссе и Мхитаристовъ и которую читатель найдетъ въ томъ же 22-мъ Приложеніи? — Это та самая глава, въ подлинности которой мы сомнѣваемся и вотъ на какомъ основаніи: а) въ оглавленія упомянутыхъ изданія и списковъ *четвертая и пятая главы* имѣютъ *одинъ и тотъ же титулъ*
XI съ небольшой разницей и трактуютъ объ одномъ и томъ же вопросѣ, т. е. о амир-ал-мунинахъ, что никакъ не вяжется съ учеными пріемами Асох'ика; b) титулу пятой главы предшествуютъ знаменательныя слова: «изъ другаго списка» (варіантъ этого же самаго мѣста въ нашемъ 22 Приложеніи представляетъ болѣе опредѣленное чтеніе: «изъ другаго историка»), которыя слова явно указываютъ на ея неподлинность и на то, что пятая глава есть *позднѣйшая вставка*, сдѣланная какимъ-нибудь переписчикомъ и повторенная послѣдующими его собратами по ремеслу безотчетно и безъ разбора; с) нелѣпо было бы допустить, чтобъ Асох'икъ въ два пріема сталъ говорить объ одной и той же темѣ и чтобы онъ во второй разъ вмѣсто подробно развитаго разсказа—чего въ такомъ случаѣ мы въ правѣ были бъ ожидать отъ него—представилъ безжизненную номенклатуру халифовъ, и то неполную и въ высшей степени запутанную.

На основаніи этихъ соображеній мы заключаемъ: 1) Вторая Книга Исторіи Асох'ика первоначально должна была состоять *не изъ шести*, а *изъ пяти* главъ; 2) пятая глава, существующая въ теперешнихъ спискахъ Асох'ика, о которой упоминается въ оглавленіи изданія архим. Шахназаріанца и списка г. Броссе, есть произведеніе анонимнаго компилятора, въ послѣдствіи внесенное въ списки нашего автора переписчиками.

Третья Книга заключаетъ въ себѣ 48 главъ. Она обнимаетъ исторію Багратидовъ въ теченіи 119 лѣтъ, начиная съ 885 по 1004 годъ, т. е. время правленія семи царей:

Ашота I Великаго, *Мети*, сына Сёмбата Багратуни, съ 885 по 890;

Сёмбата I Мученика, *Нахатак*, сына Ашота I, съ 890 по 914;

Ашота II Желѣза, *Еркат'*, сына Сѐмбата I, съ 914 по 928;

Абаса, сына Сѐмбата I, съ 928 по 952;

Ашота III Милостиваго, *Ох'ормàти*, сына Абаса, съ 952 по 977;

Сѐмбата II Завоевателя, *Тіезеракал*, сына Ашота III, съ 977 по 989;

Гагика I, Царя царей, *Шахан-шах*, брата Сѐмбата II, съ 989 до 1004.

Въ этой Третьей Книгѣ также встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, подлинность которыхъ подлежитъ сомнѣнію, на что еще прежде насъ было указано нашимъ ученымъ академикомъ Броссе (см. Listes chronologiques des princes et métropolites de la Siounie etc.— Bulletin de l' Académie impériale des sciences de St.-P-bourg, t, IV, p. 545—553). Такъ какъ объ нихъ мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ, то туда и отсылаемъ нашего читателя (см. 2 примѣч. къ 46 гл. стр. 204;—1 примѣч. къ 48 гл., этой же III кн. стр. 205—206). XII

Асох'икъ самъ указываетъ на источники, которыми онъ пользовался для своей Исторіи. Это суть: 1. Священное Писаніе; 2. Евсевій Памфилъ; 3. Сократъ; 4. Агаѳангелъ; 5. Фавстъ византійскій; 6. Моисей Хоренскій; 7. Ех'ише; 8. Лазарь п'арпскій; 9. Себеосъ; 10. Х'евондъ; 11. Шапухъ Багратуни и 12. Іоаннъ каѳоликосъ (1 — 5 стр. текста). — Объ этихъ писателяхъ читатель найдетъ подробности въ нашихъ примѣчаніяхъ 2—12 къ 1 гл. I Книги.

Первую и Вторую Книги своей Исторіи авторъ нашъ писалъ по вышеприведеннымъ источникамъ. Третья Книга—за исключеніемъ правленія Ашота I Великаго, описаннаго историкомъ Шапухомъ (см. 11 примѣч. къ I гл. I кн. 4 стр. текста) и царствованія Сѐмбата I и Ашота II, до 920, изображеннаго Іоанномъ Каѳоликосомъ — Третья Книга, говорю, какъ исторія событій совершившихся въ теченіи 83 лѣтъ—съ 920 по 1003—написана Асох'икомъ какъ современникомъ и очевидцемъ.

Асох'икъ занимаетъ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ между писателями своего отечества. Не говоря о правдивости, которою онъ по справедливости можетъ гордиться наравнѣ со всѣми армян-

скими историками, у которыхъ она составляетъ характеристическую черту и одно изъ главныхъ достоинствъ, онъ имѣетъ передъ ними еще то огромное преимущество, что съ необыкновенной тщательностью относится къ хронологіи вообще и къ хронологіи армянской исторіи въ особенности; и это преимущественно въ отношеніи къ тому періоду царей изъ династіи Багратидовъ, котораго онъ является историкомъ.

Объ языкѣ его мы замѣтимъ, что онъ отличается у него изящной
XIII простотой, точностью и въ то же время сжатостью. И потому переводъ его Исторіи, за исключеніемъ вступленія I и II кн. и начала Послѣсловія, не представлялъ для нас тѣхъ трудностей, съ которыми мы должны были бороться при переводѣ Вардана. Должно однако же прибавить, что трудности въ упомянутыхъ мѣстахъ происходятъ не отъ самаго автора нашего, но отъ искаженности, которой подвергался текстъ его подъ перомъ переписчиковъ, большей частью безграмотныхъ и неспособныхъ понимать изложеніе о предметахъ, сколько-нибудь отвлеченныхъ, каковы тѣ, о которыхъ трактуется въ вышеприведенныхъ мѣстахъ. Другой отрывокъ, переводъ котораго требовалъ всей напряженности нашего вниманія, и часто совершенно безъ пользы, это XXI гл. III кн. (143 стр. текста)—отвѣтное посланіе къ севастійскому митрополиту, написанное по приказанію каѳоликоса Хачика разумѣется не Асох'икомъ, но вардапетами того времени (см. гл. XX той же кн. стр. 142); она сильно искажена, почему и мы часто находились вынужденными выпускать изъ нея цѣлыя фразы, въ чемъ даемъ впрочемъ подробный отчетъ въ нашихъ къ ней примѣчаніяхъ.

Отъ Асох'ика кромѣ его Всеобщей Исторіи мы ничего другаго не имѣемъ. «Толкованіе на пророка Іеремію», о которомъ Григорій Магистросъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій, къ сожалѣнію, утрачено.

Предлагаемый переводъ сдѣланъ по тексту, впервые изданному въ Парижѣ, въ 1859, трудолюбивымъ архимандритомъ К. Шахназаріанцемъ. По его увѣренію, онъ изданъ имъ по сличеніи *двухъ* списковъ, писанныхъ неизвѣстно когда и не представлявшихъ значительныхъ варіантовъ (см. его Предисл. стр. 10 — 11).

Кромѣ этого изданія мы имѣли въ рукахъ также списокъ нашего ученаго академика Броссе, который съ обязательной готовностью предложилъ намъ его въ слѣдствіе нашей просьбы для сличенія съ печатнымъ текстомъ. Списокъ этотъ хотя и помогалъ намъ при возстановленіи правильнаго чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ изданія арх. Шахназаріанца, однако далеко не можетъ считаться удовлетворительнымъ. На его варіанты, по усмотрѣнію нашему, мы указываемъ въ нашихъ примѣчаніяхъ. Онъ списанъ съ экземпляра, принадлежавшаго бывшему тифлисскому епархіальному начальнику, архіепископу Карапету, писаннаго неизвѣстно когда. Изъ его Послѣ- XIV
словія узнаемъ, что его писалъ переписчикъ, по имени Іоаннъ, который называетъ себя «собакой съ голоду умирающей», *շուն սովամահ* — и только!

Мы озаглавили нашъ переводъ: «Всеобщая Исторія» потому вопервыхъ, что это же самое заглавіе носитъ и парижское изданіе; а во вторыхъ и еще болѣе потому, что Аристакесъ ластивертскій, продолжатель нашего автора, въ этомъ же самомъ смыслѣ характеризуетъ твореніе Асох'ика, называя его «Книгою заключающею въ себѣ *Исторію міра*», *Աշխարհապատում գիրք* (см. его Ист. гл. II, стр. 7); но такъ ли оно было названо самимъ авторомъ, это вопросъ.

Чтобы сдѣлать переводъ нашъ доступнымъ для большей части читателей, мы сочли нелишнимъ соблюсти слѣдующія условія:

a) Тамъ, гдѣ авторъ излагаетъ исторію предшествовавшихъ ему вѣковъ по приведеннымъ въ первой гл. Первой его Книги источникамъ, мы шагъ за шагомъ слѣдовали за этими источниками, указывая на то, чтó откуда имъ заимствовано. Подобныя наши указанія, не требовавшія поясненій, мы вставили въ самый текстъ нашего перевода.

b) Небольшія поясненія, для бóльшаго удобства читателя, мы помѣстили подъ самый текстъ.

c) Рѣшеніе и разсмотрѣніе вопросовъ, болѣе или менѣе обширныхъ, переводы изъ другихъ писателей, цитаты и т. п., отнесены къ концу книги въ отдѣлъ Приложеній. Между послѣдними позволяемъ себѣ обратить вниманіе спеціалистовъ на «Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ Армянъ» (Прилож. 14). Такъ какъ въ пер-

вый разъ этотъ интересный предметъ разсматривается въ связи и цѣлости, то желательно, чтобъ компетентные читатели указали на недосмотры и недостатки, отсутствіемъ которыхъ упомянутый «Очеркъ», какъ первый опытъ, конечно похвалиться не можетъ. Въ этотъ же отдѣлъ мы внесли приложеніемъ (22) въ армянскомъ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ *три отрывка*, недостающихъ въ парижскомъ изданіи нашего Асох'ика, изъ которыхъ *первый* есть конецъ IV гл. II, книги; *второй* — мнимая V глава той же книги и наконецъ *третій* — это VI гл., которую мы считаемъ существенною частью II книги Исторія Асох'ика (объ этихъ отрывкахъ см. примѣч. 24 къ IV гл. II кн. стр. 99).

XV d) За исключеніемъ хронологіи библейскихъ событій, повѣрка которыхъ потребовала бъ и много времени и много мѣста, мы удѣлили на прочія хронологическія указанія Асох'ика столько вниманія, сколько это было въ нашихъ силахъ и сколько позволяли *наши средства*.

Два слова объ этихъ средствахъ: онѣ, къ сожалѣнію, ограничивались тѣми, какія представляла намъ наша собственная библіотека. Мы сами хорошо чувствуемъ, что подобнаго рода оправданіе, естественное и достаточное въ собственныхъ глазахъ нашихъ, справедливо можетъ быть отринуто учеными, которые, имѣя полное право со всею строгостью относиться къ труду, являющемуся на ихъ судъ, не обязаны входить въ эти частныя кабинетныя соображенія. Быть можетъ, оно и такъ; но намъ кажется, что было бъ это вполнѣ справедливо въ такомъ только случаѣ, когда имѣвшій въ своемъ распоряженіи всѣ нужные источники и сокровища европейской эрудиціи не желалъ или не могъ бы воспользоваться ими надлежащимъ образомъ.

e) Тамъ, гдѣ нашъ авторъ передаетъ исторію прошедшихъ событій по Себеосу или Х'евонду, и часто ихъ подлинными словами, — мы предпочли для большей вѣрности скорѣе переводить эти мѣста, нежели ссылаться на переводы г. Патканіана, изданные Академіей наукъ въ 1862, которые къ сожалѣнію не удовлетворяли насъ (см. *примѣч.* 38 и 42 къ II гл. II кн. стр. 66 и 68; *примѣч.* 8 и 18 къ IV гл. той же II кн. стр. 89 и 94; и *Приложеніе* 20).

До сихъ поръ Асох'икъ былъ извѣстенъ въ западномъ ученомъ мірѣ по переводамъ изъ него нѣкоторыхъ отрывковъ и по указаніямъ, сдѣланнымъ на него нашимъ академикомъ Броссе, который первый изъ иностранцевъ обратился къ его Исторіи сначала въ своихъ дополненіяхъ и примѣчаніяхъ къ Исторіи византійской имперіи (Histoire du Bas-Empire par Lebeau, nouvelle édition revue entièrement par Saint-Martin, continuée par M. Brosset. Paris, 1836, T. XIV), а въ послѣдствіи въ Histoire de la Géorgie и преимущественно въ Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie, St-Pétersbourg, 1851.— Въ ученомъ своемъ трудѣ «О армянской хронологіи — Recherches sur la Chronologie arménienne technique et historique, t. I. xvi
Paris, 1859 — французскій арменистъ г. Эд. Дюлорье неоднократно прибѣгаетъ къ творенію нашего автора и въ французскомъ переводѣ приводитъ изъ него цѣлые отрывки. Чтобы дать возможность и нашимъ ученымъ, для которыхъ языкъ Асох'ика недоступенъ, познакомиться съ его Всеобщей Исторіей, мы рѣшились представить на русскомъ языкѣ полный переводъ ея.

Здѣсь мы могли бы остановиться; но нѣкоторыя недоразумѣнія, возникшія по поводу транскрипціи армянскихъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ Исторіи Вардана Великаго (см. Analyse critique de la Всеобщая Исторія de Vardan par M. Brosset, membre de l'Académie, S.-Pétersbourg, 1862, p. 28 — 30), вынуждаютъ насъ еще разъ возвратиться къ вопросу о силѣ или произношеніи согласныхъ буквъ армянскаго алфавита. Вопросъ объ этомъ, на нашъ взглядъ, со всевозможной подробностью и опредѣленностью разсмотрѣнъ и разрѣшенъ во первыхъ въ нашей Монографіи объ армянскомъ алфавитѣ (см. нашъ перев. Ист. М. Хорен. стр. 361—376), а во вторыхъ въ Предисловіи къ переводу того же автора (см. стр. 20—25), гдѣ на страницѣ 24 читатель найдетъ, что силу армянскихъ согласныхъ мы опредѣляемъ слѣдующимъ образомъ:

букву բ (бен) мы передаемъ черезъ рус. б напр. Բագարան переписываемъ *Багаранъ*
» գ (гим) . . . . г » Գուգարացի » *Гугараци*
» դ (да) . . . . д » Դերջան » *Дерджанъ*
» կ (кен) . . . . к » Կարենեան » *Кареніанъ*
» պ (пе) . . . . п » Պարոյր » *Паруйръ*
» տ (тьюн) . . . . т » Տարօն » *Таровъ*

«За тѣмъ, сказано тамъ же, для выраженія въ русскомъ правописаніи особенностей звуковъ нѣкоторыхъ армянскихъ буквъ согласныхъ, которымъ равносильныхъ не представляетъ русская азбука, мы рѣшились прибѣгнуть къ слѣдующимъ двумъ способамъ:

1. букву ծ мы выразили черезъ *тц* напр. Ծանարք = *Тц*анарк'ъ
» ձ . . . . *дц* » Ձիրաւ = *Дц*иравъ
» ճ . . . . *тч* » Ճուաշ = *Тч*уашъ
» ջ . . . . *дж* » Ջուղայ = *Дж*ух'а

XVII 2. съ придыханіемъ:
թ = t'h . . . . . т' » Թաթիկ = T'hat'hic, Т'ат'икъ
փ = p'h . . . . . . п' » Փառոխ = P'harokh, П'арохъ
ք = k'h . . . . . . к' » Մարք = Mark'h, Марк'ъ
հ = h . . . . . . х » Հայ = Haï, Хай
ղ = g'h . . . . . . х' » Ղերուբնա = G'héroubna, Х'ерубна.

Кажется ясно. — Мы слѣдовали этому правилу при транскрипціи армянскихъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ Исторіи Моисея Хоренскаго; мы не отступились отъ этого правила въ переводѣ Вардана; мы крѣпко придерживаемся его, какъ единственно вѣрнаго, и теперь въ нашемъ Асох'икѣ.

Мы не переписывали и теперь не переписываемъ собственныя армянскія имена: Բլուր, Բարձր Հայք, черезъ «Блуръ, Бардцръ-Хайкъ», и въ русской транскрипціи изъ нихъ не дѣлаемъ *односложныхъ словъ* на томъ логическомъ основаніи, что онѣ въ сущности *двусложны*. Ибо въ словахъ—Բլուր, Բարձր, подразумѣвается полугласная ը, въ слѣдствіе чего онѣ, какъ двусложныя слова, должны писаться и пишутся Белуръ, Бардцеръ, Բըլուր, Բարձըր. Это правописаніе соблюдается армянскими писателями также при переносѣ упомянутыхъ и подобныхъ словъ изъ строки въ другую, равно какъ и въ стихахъ. Но такъ какъ русская азбука не представляетъ буквы, равносильной армянской ը, вполнѣ соотвѣтствующей французскому *e* muet въ словахъ: menace, secret; то мы тщательно старались для удержанія кореннаго звука ը при транскрипціи армянскихъ словъ русскими буквами замѣнить его буквою *е* съ краткимъ знакомъ (ĕ) и вмѣсто неправильнаго: *Блуръ*, *Бардцръ* и т. п. мы писали и пишемъ: *Бĕлуръ*, *Бардцĕръ* и пр. *).

*) Правда, въ нашемъ переводѣ Вардана во многихъ случаяхъ буква

Мы писали и пишемъ, *ахдцник*'скій, *сюник*'скій, *харк*'скій, *тайк*скій, *кортчайк*'скій, *котайк*'скій на томъ основаніи, что эти прилагательныя образуются изъ Ах'дц*ник*', Сю*ник*', Хар*к*', Тай*к*', Корт*чайк*', Котай*к*', которыя *только* въ этой формѣ и служатъ выраженіемъ собственныхъ именъ земель и странъ (см. ниже Приложеніе 9). XVIII
Когда вы отбрасываете конечное *р*, *к*', лишаете эти слова всякаго смысла; ибо нѣтъ страны—Ах'дц*ни*, Сю*ни*, *Хар*, Та*й*, Корт*чай*, Кот*ай* и пр.; слѣдовательно, нельзя изъ послѣднихъ и образовать прилагательныя: сю*нійскій*, ха*рскій*, тай*скій* и т. д.

Мы писали и пишемъ *Шапухъ* вмѣсто «Сапоръ», *Дарѐхъ* вмѣсто «Дарій», *Шамирамъ* вмѣсто «Семирамида» на основаніи, извѣстномъ уже нашимъ читателямъ изъ прежнихъ нашихъ переводныхъ изданій.

Мы писали и пишемъ: *Парсія* и *парсійскій*, желая такимъ образомъ удержать древне-армянскую форму слова, которая въ этомъ случаѣ совершенно тожественна съ формою, подъ которою имя это является въ Бисутунской Надписи, гдѣ мы его читаемъ: *Parsaiya* (см. III колонн. § 5).—Словомъ, мы остаемся вѣрны тому взгляду на силу и произношеніе всѣхъ согласныхъ армянскаго алфавита, который мы изложили, какъ замѣчено выше, на стр. 20—25 Предисловія къ нашему переводу Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго еще въ 1858 году.

е, соотвѣтствующая армян. *է*, стоитъ безъ краткаго знака и въ особенности въ текстѣ (въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ, гдѣ надлежитъ, стоитъ краткій знакъ), но въ этомъ виновата типографія, гдѣ дѣйствительно у того шрифта не доставало е съ краткимъ — ĕ.

XIX.

Faustus de Byzance*).

203 De tous les monuments historiques de l'Arménie, l'ouvrage de Faustus de Byzance est assurément celui qui a été le plus sévèrement jugé par les écrivains nationaux. Déjà, à une époque fort ancienne, les Arméniens, par un sentiment exagéré de patriotisme, avaient témoigné leur mécontentement contre Faustus, en accusant cet historien de s'être fait l'écho de récits mensongers et d'appréciations calomnieuses. Lazare de Pharpe, auteur du cinquième siècle, qui avait compris l'injustice de ses compatriotes envers Faustus, s'appliqua à le défendre et à le justifier. Cet historien, qui fit preuve en cette circonstance d'une louable impartialité, n'hésita pas à reconnaître que l'ouvrage de Faustus avait subi d'importantes modifications, et que

*) [Напечатано было въ качествѣ Предисловія къ французскому переводу Фавста Византійскаго, помѣщенному Н О Эминымъ въ I томѣ „Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie", publiée en français par *V. Langlois*, Paris, 1867, in 8⁰, pp. 203–207: Faustus de Bysance, Bibliotèque historique en quatre livres, traduite pour la première fois de l'Arménien en français par *Jean-Baptiste Emine*, directeur du Gymnase impérial de Wladimir sur la Kliazma.—При печатанія мы возстановили ту орѳографію собственныхъ именъ, которая была первоначально въ рукописи ученаго переводчика и которую потомъ измѣнилъ Ланглуа, согласно т. наз. западному армянскому произношенію, принятому имъ въ своемъ изданіи. Такъ, напр., имя арм. царя Պապ'а,—фр. *Pap*, транскрибируется по запад. орѳографіи черезъ *Bab*, Տիրան.—фр. *Tiran*,—по в. орѳ. *Diran*. и т. п. *Г. Х.*].

l'ignorance et l'esprit de parti n'étaient point étrangers aux interpolations qu'on remarque, à première vue, dans l'histoire de cet écrivain. Au surplus, ces altérations des textes originaux des plus anciens prosateurs de l'Arménie sont assez fréquentes, et la critique a déjà signalé des additions et des changements introduits dès le quatrième siècle [1]), dans les ouvrages historiques qui nous sont parvenus sous les noms d'Agathange [2]) et de Zenob de Glak [3]). Il est curieux de voir qu'au cinquième siècle, comme de nos jours, les Arméniens sen sont toujours blessés des attaques dirigées contre leur nation, et qu'il est fort difficile de faire taire chez eux les rancunes qu'ils conservent contre plusieurs de leurs écrivains, accusés d'avoir flétri ou stigmatisé les défauts de leurs compatriotes. Lazare de Pharpe qui, de son côté, s'est montré impitoyable envers ses nationaux [4]); et qui a pris à tâche de justifier Faustus, en le représentant comme un écrivain supérieur, d'une rare érudition, incapable de descendre jusque dans les basses régions de la calomnie [5]), n'a pu, malgré ses efforts, ramener les Arméniens à des sentiments plus justes envers cet historien. Ce préjugé a subsisté même jusqu'à présent et les savants religieux de la congrégation de Saint-Lazare de Venise, notamment Indjidji [6]) et Tchamitch [7]), n'hésitent point à déclarer que tout le récit de Faustus, à quelques exceptions près, est dépourvu d'authenticité et ne mérite aucune confiance. Il est vraiment regrettable que les éditeurs de l'Histoire de Faustus n'aient attaché qu'une médiocre importance au témoignage de Lazare de Pharpe qui place cet auteur au même rang qu'Agathange, en donnant aux livres de ces deux annalistes la préférance sur «cette quantité d'ouvra-

---

1) Cf. l'introduction á l'Hist. d'Arménie de *Lazare de Pharpe*, en arménien (Venise, 1793, pag. 14).

2) Cf. l'introduction á l'Hist. d'*Agathange*, plus haut, pag. 100 et suiv.

3) Cf. l'avant-propos en tête de la traduction française de *Zénob de Glak* dans le *Journal asiatique*, 1863, et tirage à part, pag 5.

4) Cf. la Lettre de *Lazare de Parpe* à Vahan Mamikonien, en arménien, (Moscou, 1853, in 8⁰).

5) Introduction á l'Histoire d'Arménie de *Lazare de Parpe*, pag. 14.

6) *Indjidji*, Archéol. armén., en arménien (Venise 1835), t. II, pag. 185.

7) *Tchamitch*, Hist d'Armén., en arménien (Venise, 1832), t. I, p. 11.

ges historiques arméniens qu'il avait à sa disposition», en composant son livre [1]). Toutefois l'ouvrage de Faustus, auquel nous accordons une véritable importance, n'est pas exempt de défauts, et il est vrai de dire qu'on y trouve des erreurs capitales, de fréquents anachronismes, une absence complète de chronologie et exagérations, inexplicables sur le nombre et l'importance des armées dont il fait l'énumération. Mais ces défauts qui, il faut bien le reconnaître, sont communs aux écrivains de cette époque, et dont la faute retombe en partie, soit sur les traducteurs, soit sur les copistes, sont du reste excusables chez un écrivain du quatrième siècle, d'autant plus qu'à côté de quelques taches, nous trouvons des indications précieuses et exactes qu'on chercherait en vain chez les contemporains de Faustus; nous voulons parler de détails que donne cet historien sur les moeurs, les usages,
204 les coutumes, les superstitions, les croyances populaires, les cérémonies du paganisme arménien, les relations des satrapes avec le roi, le système féodal introduit en Arménie par les Arsacides, les commencements du christianisme et ses luttes, les rapports de l'Eglise avec l'État, enfin sur les relations du patriarche avec le pouvoir royal, etc. Non seulement Faustus nous apparait dans son livre comme un historien savant et fort au courant des événements qu'il raconte, mais encore il déploie au véritable talent de narrateur lorsqu'il trace les portraits de quelques—uns des personnages dont il a esquissé l'histoire. Les biographies des patriarches Vrthanès, Grigoris, Iousik, Jacqués de Medzpin Daniel, Nersès, Khad, et des généraux Vasak, Mouschèg, Manuel, sont rédigées de main de maître, et nous représentent avec une vérité parfaite ces personnages peu connus et dignes de l'admiration de la posterité. Les récits de Faustus, comparès à ceux de Moïse de Khorène qui a rapporté également quelques-uns des faits historiques racontés par son prédécesseur, offrent des différences sensibles, et ce desaccord a été l'un des principaux arguments mis en avant par les critiques arméniens pour accuser Faustus de s'être écarté de la vérité. Cependant, dans l'état actuel de nos connaissances, il est fort difficile de dire auquel des deux historiens il faut accorder l

---

1) *Lazare de Pharpe*, Hist. d'Arménien., p. 9.

plus de confiance, et on doit attendre, pour se prononcer à cet égard, que la critique, à l'aide de données nouvelles, soit en mesure de contrôler avec une entière certitude les récits de ces deux grands écrivains.

Quoi qu'il en soit, l'Histoire de Faustus de Byzance est, avec celle de Moïse de Khorène, la source capitale qui fournit les renseignements les plus abondants pour les annales de l'Arménie dans les deux premiers siècles de la conversion de ce pays au christianisme. Le récit de Faustus s'etend depuis l'année 344 de notre ère jusqu' en 392. Le savant Saint-Martin faisait grand cas de l'Histoire de Faustus, à laquelle il a emprunté une foule d'informations qui ont trouvé place dans les notes dont il a enrichi les premiers volumes de la nouvelle édition de «l'Histoire du Bas-Emprire» de Lebeau [1]). Du reste, dans un autre ouvrage, Saint-Martin s'était plu à rendre justice à cet historien, en disant «qu'il est facile de voir, par l'attention scrupuleuse qu'il prend de rappeler jusqu'aux moindres détails des événements, qu'il doit donner une connaissance plus exacte de l'Arménie au quatrième siècle de notre ère, que Moïse de Khorène, dont l'Histoire est écrite avec une extrême brièveté [2]). «Il n'est pas douteux que Moïse de Khorène ait fait de larges emprunts à l'Histoire de Faustus qu'il n'a pas nommé, et du reste son exemple a été suivi par Lazare de Pharpe, Sébéos, Moïse de Gaghankaïtoutz, Jean Catholikos, Mesrob, Étienne Assoghik, Kirakos de Gantzak, Vardan le Grand, et tant d'autres encore, qui citent Faustus sans le nommer, et rapportent même quelques-unes de ses expressions.

Bien que Faustus de Byzance fasse partie de la pléiade des historiens classiques de l'Arménie, on ne connaît que fort peu de chose de sa biographie. Son origine grecque, qui n'est past douteuse, l'a fait considérer comme un étranger, et aucun écrivain national ne s'est spécialement attaché à nous conserver des détails particuliers sur sa vie [3]). Dans un seul passage de son Histoire, Faustus, en énumérant

---

[1]) Cf. les tomes II à V. Édition F. Didot.

[2]) *Saint-Martin*, Mémoires sur l'Arménie, t. I, pag. 313—314, note 2.

[3]) Les critiques modernes, et notamment le P. *Taréguin* dans son „Histoire de la littérature arménienne", en arménien, n'hésite pas à considérer Faustus, comme un Grec.

les grands satrapes convoqués par le roi Tiran (353—363), mentionne un certain prince de la famille des Saharouni qu'il dit être de sa famille: «l'ischkhan de notre famille, dit-il, de la race des Saharouni» [1]).

On ne saurait dire si c'était par son père ou par sa mère, qu'il appartenait à cette illustre maison, mais ce qu'on peut avancer avec certitude, c'est qu'il était originaire de Byzance, comme l'indique son surnom de *Bouzandatzi*, qui veut dire en arménien «natif de Constantinople ou de Byzance». Il reçu une instruction solide dans cette capitale, comme l'assure Lazare de Pharpe [2]), mais il n'appartenait pas vraisemblablement à la caste sacerdotale, car notre auteur n'a rien de commun avec l'évêque Faustus dont il est question dans son
205 Histoire [3]), et avec lequel on a cherché à l'identifier [4]).

L'instruction brillante que Faustus avait acquise dans les écoles de la capitale de l'empire des Césars ne permet pas de douteur que cet écrivain n'ait composé son livre dans l'idiome grec, et en effet son style diffère essentiellement, même dans la traduction arménienne que nous est seule parvenue, de celui des autres écrivains de son époque. De plus, les derniers mots qui terminent le troisième livre de son Histoire ne peuvent laisser subsister aucune incertitude sur la langue dans laquelle il rédigea son livre, puisque Faustus y est désigné par cette épithète «grand historien et chronographe grec».

On doit croire que l'Histoire de Faustus de Byzance fut traduite dans la première moitié du cinquième siècle, immédiatement après l'introduction ou la mise en usage de l'alphabet national, dont l'in-

---

[1]) *Faustus de Byzance.* Hist. d'Arm., liv. III, ch. 12.—Ce passage paraît du reste altéré par les copistes. Le P. Gareguin suppose, qu'au lieu de lire *méro tohmi*, de notre famille, il faut restituer le nom du satrape *Mérothahzad*, ce qui changerait complétement le sens de ce passage.

[2]) *Lazare de Pharpe*, Hist. d'Arm., p. 14.

[3]) Liv. IV, ch. 4; liv. V, ch. 24; liv. VI, ch. 5. et 6.

[4]) *Tchamitch*, Hist. d'Arm., t. I, liv. II, ch. 45.—*St-Martin*, Hist. du Bas-Empire (éd. Didot), t. V, p. 27.

vention est attribuée á S. Mesrob [1]), et ce qui nous autorise à avancer cette hypothèse, c'est la mention que fait Lazare de Pharpe de la mutilation qu'aurait subie le texte original de Faustus de la part des falsificateurs grecs ou syriens qui abondaient à cette époque [2]). La version arménienne de l'Histoire de Faustus, répandue en grand nombre d'exemplaires en Arménie, contribua sans aucun doute à la perte du texte original grec, comme cela avait eu lieu déjà pour une foule d'ouvrages du même genre, dont il ne reste que des versions syriaques, arméniennes, coptes, etc. Cependant le texte primitif de Faustus, qui avait eu un certain retentissement en Grèce, existait encore au sixième siècle, puisque Procope l'a connu, et qu'on trouve dans son *Histoire de la Guerre Persique* [3]), des détails précis sur les événements qui précédèrent et suivirent la détention d'Arschak II dans le Château de l'Oubli (Aniousch; φρούριον τῆς λήθης), détails qui sont textuellement empruntés à notre auteur [4]). En effet, Procope nomme la source à laquelle il a puisé les renseignements qu'il donne sur Arschak II «une Histoire d'Arménie», et c'est le même titre que nous trouvons dans Lazare de Pharpe [5]). L'édition de Venise donne une rubrique différente: «Histoire d'Arménie de Faustus de Byzance, en 4 livres». Il serait curieux de savoir si ce titre existe réellement sur les manuscrits dont se sont servis les savants éditeurs, car il est à remarquer qu'en tête des quatre livres de l'Histoire de Faustus, on lit les mots *Bouzandaran Patmouthiounk*, qui sont fort importans. S'il est vrai, comme le dit Lazare de Pharpe, que l'ouvrage de Faustus portait la rubrique d'«Histoire d'Arménie», on se demande ce que pourrait signifier alors le terme *Bouzandaran*, et pourquoi le mot *Patmouthiounk* qui le suit écrit immédiatement, est au pluriel au lieu d'être exprimé au singulier. Pour répondre à cette question, il faut

---

1) „Sur l'alphabet arménien", cf. notre Mémoire inséré dans l'édition russe de Moïse de Khorène (Moscou, 1858) pag. 377; la traduction française dans la „Revue d'Orient (1865) et le tirage à part de cette traduction.

2) *Lazare de Pharpe*, Hist. d'Arm., p. 14.

3) *Procope*, Bell. persic., liv. I, ch. 5.

4) *Faustus de Byzance*, Hist., d'Arm., liv. IV, ch. 54, et liv. V, ch. 7.

5) *Lazare de Pharpe*, Hist. d'Arm., p. 8.

avant tout expliquer le mot Bouzandaran. Cette expression fort singulière se compose de deux éléments, d'abord *Bouzand*, surnom de Faustus qui est l'abrégé de *Bouzandatzi*, «originaire ou natif de Byzance», et ensuite la particule *ran* qui, en arménien, exprime l'idée de lieu. C'est le seul et unique cas où cette particule entre dans la composition d'un nom propre. Or, en présence d'un fait aussi rare dans la langue arménienne, on peut hasarder une conjecture, c'est que le mot composé *Bouzandaran* doit signifier «Bibliothèque de Bouzand» ou «de Faustus de Byzance». A l'appui de cette hypothèse, nous voyons le mot *Patmouthiounk* «histoires» employé au pluriel, ce qui nous permet de conjecturer que les expressions Bouzandaran Patmouthiounk veulent dire «Bibliothèque historique de Faustus de Byzance», et que cette Bibliothèque renfermait l'histoire de plusieurs nations et notamment celle de l'Arménie. Au surplus, ce titre n'a rien d'insolite, puisque déjà il avait été pris à une époque plus ancienne par Diodore de Sicile, dont les oeuvres, soit dit en passant, étaient complètes à l'époque où vécut Faustus [1]).

206 Faustus a divisé son ouvrage en quatre livres [2]); cependant le premier livre est nommé, par l'auteur ou par son traducteur, le 3-e; le second devient le 4-e, le troisième est appelé le 5-e, et enfin le quatrième est désigné sous le nom de 6-e. Cette division, qui peut paraître singulière de prime abord, est cependant facile á expliquer. En effet, les premières lignes de l'avis préliminaire que Faustus a placé en tête de son Histoire, quoique assez confuses, nous permettent de reconnaître que l'ouvrage de cet annaliste, tel qu'il nous est parvenu, ne forme que la troisième partie de la «Bibliothèque historique», et que les deux parties précédentes devaient être divisées en deux livres distincts, traitant de l'histoire d'autres nations. L'Histoire d'Arménie venait ensuite; elle formait la continuation de la «Bibliothèque» de Faustus, et devait par conséquent commencer par le troisième livre. En effet, pour que le lecteur ne pût avoir de doutes sur cette division en livres, l'auteur, après avoir écrit, en tête de son Histoire

[1]) Cf. *Moïse de Khorène*, Hist. d'Arm., liv. III, ch. 1.

[2]) Cf. plus bas, la Préface de *Faustus*, p. 209.

d'Arménie, la rubrique «troisième livre», se hâte d'ajouter le mot «commencement», puis vient le premier chapitre de ce même livre. De cette façon, on doit écarter la supposition des savants Mékhitaristes qui croyaient à l'existence d'une autre Histoire d'Arménie du même auteur, qui serait aujourd'hui perdue. En résumé, si le mot *Bouzandaran*, dont le sens a été expliqué plus haut, a la valeur que nous lui avons attribuée, les mots «voici ce qui se trouve dans les livres de cette troisième Histoire» [1]) se comprennent aisément sans qu'il soit besoin de recourir à une autre explication.—M. Neumann, de Munich, a cependant donné une explication différente de la nôtre [2]); et que nous croyons utile de rappeler, malgré son peu de vraisemblance. Selon lui, le 1-er livre de Faustus serait appelé le 3-e, parce que cet historien aurait considéré son ouvrage comme faisant suite au récit d'Agathange. Mais cette supposition, tout ingénieuse qu'elle paraisse, ne repose sur aucune preuve et setrouve en désaccord avec le texte même de l'Avis préliminaire de Faustus.

Les quatre livres de Faustus ont subi de la part des copistes de fâcheuses mutilations, comme on peut s'en assurer en lisant la table des matières qui termine le sixième livre. En effet, Faustus donnait, dans cette partie de son Histoire, des détails sur lui-même «en dix versets bien complets», qui manquent actuellement dans tous les manuscrits. L'Histoire de Faustus embrasse l'espace l'environ un demi-siècle, et traite des règnes de huit souverains arméniens de la dynastie arsacide. Après avoir dit quelques mots sur le roi Tiridate, sur S. Grégoire l'Illuminateur et son fils Rhestakès, notre auteur raconte le règne de Chosroès II, fils de Tiridate; puis il passe à ceux de Tiran II, d'Arschak II, de Pap, de Varazdat, d'Arschak IV, de Vagharschak ou Valarsace II. Il termine son Histoire par un exposé de la division politique de l'Arménie arrêtée par Sapor, roi de Perse, et par Arcadius, empereur des Grecs, en faveur d'Arschag IV et de Chosroès III.

---

[1]) Cf. plus bas, Avis préliminaire de l'Histoire de *Faustus*.

[2]) Versuch einer Geschichte der Armenischen litteratur (Leipzig, 183), p. 26.—C'est aussi l'opinion du P. *Garéguin* dans son Histoire de la littérature arménienne.

Le style de Faustus est irréprochable comme pureté de languеet, en cela il ne le cède en rien pour l'élégance aux traductions arméniennes faites pendant le cinquème siècle. Cependant Faustus a le défaut d'allonger ses périodes, ce qui rend son style parfois très-languissant, et le sens des mots difficile á saisir au premier abord. Aussi on doit comprendre que de difficultés il nous a fallu vaincre, pour rendre dans un idiome européen l'ouvrage de cet auteur, qui jusqu'á présent n'avait pas encore été soumis á l épreuve d'une traduction.

Le texte de Faustus n'a eu encore que deux éditions; la première a paru à Constantinople en 1730; la seconde a vu le jour un siècle plus tard á Venise en 1832. L'édition *princeps* est fort rare, et il nous a été impossible de nous la procurer; c'est sur le texte de Venise que nous avons fait notre traduction.

En terminant, nous ferons observer que Faustus ne donne dans son livre aucune date, ce qui rend la chronologie des Arsacides très-difficile à établir. Pour entreprendre la restitution des époques de chaque règne, il aurait fallu entrer dans une série de longues discussions qui nous eussent entraîné au-delà des bornes qui nous ont été tracées. Dans un ouvrage spécial, pour lequel nous avons rassemblé des documents assez nombreux, nous aborderons la question de la
207 chronologie des Arsacides d'Arménie qui, jusqu'à présent, n'a pas été étudiée avec le soin qu'elle mérite, et nous avons tout lieu d'espérer que ce travail, entrepris en dehors du domaine par trop fréquenté des hypothèses, offrira au pnblic savan quelque intérêt et sera consulté avec une sympathique indulgence.

XX.

Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ, НАПИСАННОЕ ПО СЛУЧАЮ V АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА ВЪ ТИФЛИСѢ *).

Нижеслѣдующія слова, употребленныя Моисеемъ Хоренскимъ въ 5
его Исторіи Арменіи, требуютъ нѣкотораго объясненія, которое мы и предлагаемъ въ началѣ нашего «Изслѣдованія». Мы сказали «предлагаемъ», вѣрнѣе было бы сказать «повторяемъ» здѣсь толкованіе, которое мы впервые дали имъ въ 1850 году въ нашемъ армянскомъ трактатѣ объ Эпосѣ. Вотъ эти слова:

1. *вэп*, *վէպ*—вполнѣ соотвѣтствующее греческому *эпосъ*,
2. при участіи котораго образовалось *випасáн*, *վիպասան*—слово, образовавшееся изъ *вэп* и *асéм*, *ասեմ*. Послѣднее, непонятное теперь въ архаическомъ своемъ значеніи, въ древности было однозначаще съ глаголомъ *ергем*, *երգեմ*, «пою.» Поэтому *випасан* значило *поющій вэп*, *эпическій аэдъ*, *эпикъ*, *рапсодъ*, *сказитель былинъ*, *баянъ* (отъ *баять*).

   Слово *випасан* мы употребляемъ въ нашемъ «Изслѣдованіи.»
3. *гусан*, *գուսան*, *гусанакан*, *գուսանական*; такъ назывались въ дохристіанской Арменіи «народные пѣвцы, сопровождавшіе свои пѣсни мимикой.»

---

*) [Напечатано въ 1881 г., въ Москвѣ, стр. 1—82+I, in 8°. Въ настоящее изданіе мы внесли нѣкоторыя поправки и дополненія, сдѣланныя рукой покойнаго армениста въ его ручномъ экземплярѣ „Эпоса“, напр., на стр. 17, 23, 26, 28 и др. *Г. Х.*]

4. *араспел*, *առասպել*, *араспелик'*, *առասպելիք*. И то и другое — архаическія слова и означаютъ «легенда историческая.»
5. *зруйц*, *զրոյց*—«сказаніе, сага».
6. *ерг*, *երգ*—просто означаетъ, «пѣснь», какъ и теперь оно употребляется. Мы приводимъ его здѣсь потому, что оно во-первыхъ образуетъ слово *ергаран*, *երգարան*, часто употребляемое Моисеемъ Хоренскимъ и означающее «сборникъ пѣсенъ;» а во вторыхъ,
6 потому что оно встрѣчается у послѣдняго съ словами *банавор*, *բանաւոր* и *твеліац*, *թուելեաց*, изъ которыхъ первое значитъ— «словесное» въ смыслѣ «устное,» а второе—«хронологическое.»— Ниже читатель увидитъ—въ какомъ значеніи мы принимаемъ слово *твеліац*.

Въ заключеніе этихъ немногихъ строкъ замѣтимъ, что «випаса́ны» сопровождали свои *вэпы* струннымъ иструментомъ, называвшимся *бамбирн*'омъ, *բամբիռն*.

Сомнѣніе въ достовѣрности разсказа Моисея Хоренскаго о Маръ Абасѣ и о существованіи халдейской книги, переведенной на греческій языкъ, по приказанію Александра Великаго, извлеченіе изъ которой, по порученію царя Вахаршака, сдѣлано было ученымъ сиряниномъ въ ниневійскомъ архивѣ—не въ первый разъ является въ печати въ нашемъ «Изслѣдованіи.» И французскіе, и нѣмецкіе, и армянскіе ученые касались вопроса о Маръ Абасѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, каждый съ своей точки зрѣнія.

Первое мѣсто, по времени, между этими учеными занимаетъ:

1. Quatremére, см. его статью «Observation sur la ville de Ninive», въ Journal des Savants 1850, juin, 3-e article, стр. 364—65. Далѣе:

2. Histoire générale et systême comparé des langues sémitiques, Ernest Renan, seconde édition, 1858, стр. 256.

3. Über die Glaubwürdigkeit des armenischen Geschichte des Moses von Khoren, Gutschmid. 1876. стр. 31 и д.

4. Критическая Исторія Арменіи, на армян. языкѣ, Константинополь. 1880. Авторъ ея Каракашеанъ. Этого труда мы не имѣли въ рукахъ; но, какъ слышно, заключаетъ въ себѣ строгую оцѣнку Исторіи Моисея Хоренскаго.

„Хотя мы—народъ небольшой, весьма малочисленный, слабосильный, находившійся и подъ чужимъ господствомъ; однако и въ нашей землѣ много совершено подвиговъ мужества, достойныхъ внесенія въ лѣтописи“... М. Хор. Кн. I. гл. 3. 7

„Զի թէպէտ եմք ածու փոքր, և թուով յոյժ ընդ փոքու սահմանեալ, և զօրութեամբ տկար և ընդ այլով յոլով անգամ նուաճեալ թագաւորութեամբ, սակայն բազում գործք արութեան գտանին գործեալ և ի մերում աշխարհիս, և արժանի գրոց յիշատակի“...

До половины текущаго столѣтія армянскіе ученые и западные арменисты оставались въ томъ убѣжденіи, что древняя языческая Арменія не имѣла Эпоса. По этой части всѣ свѣдѣнія ученыхъ ограничивались единственнымъ отрывкомъ о рожденіи Вахагн'а, мнимаго сына Тиграна Великаго. Стихотворный этотъ отрывокъ сохранился въ Исторіи Моисея Хоренскаго. На него впервые указали венеціанскіе Мхитаристы, не подозрѣвая, впрочемъ, эпическаго его происхожденія. Около того же времени появилось на древне-армянскомъ языкѣ «Изслѣдованіе» пишущаго эти строки, имѣвшее цѣлью — 8
вопреки издавна сложившемуся отрицательному мнѣнію — доказать, что языческая Арменія, напротивъ, обладала обширными эпическими произведеніями, замѣнявшими въ этой странѣ исторію въ древнѣйшій періодъ ея существованія. Между интересующимися армянской письменностью «Изслѣдованіе» наше не прошло незамѣченнымъ. Вслѣдъ за нимъ стали выходить на армянскомъ и французскомъ языкахъ одни за другими трактаты объ эпическихъ пѣсняхъ древнихъ армянъ. Всѣ они, безъ исключенія, болѣе или менѣе отражали на себѣ вліяніе вышеуказаннаго «Изслѣдованія».—Со времени обнародованія послѣдняго, первоначальный нашъ взглядъ на армян-

скій Эпосъ расширился значительно. Имъ-то желательно намъ подѣлиться съ читателемъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Разсказы о царяхъ изъ династіи Хайка въ Первой Книгѣ Исторіи Моисея Хоренскаго не носятъ на себѣ слѣдовъ иноземнаго, скажемъ прямо «халдейскаго» свойства. Отъ Хайка до Тиграна Великаго включительно во всѣхъ царяхъ этой династіи мы видимъ истыхъ національныхъ армянскихъ героевъ. Типы, въ родѣ Хайка, Арама, Арая, Тиграна Великаго могли быть созданы, конечно, не халдеемъ, какъ увѣряетъ Моисей Хоренскій устами Маръ Абаса, но армяниномъ, и только армяниномъ. Творцами этихъ величавыхъ образовъ были армянскіе Эпики. Мы увидимъ, что именно на эпическихъ пѣсняхъ, а не на чемъ другомъ, держится вся исторія Хайкидовъ. Мы доведемъ эту мысль до очевидности и докажемъ, что вся исконная
9 исторія армянская основана у Хоренскаго на народномъ Эпосѣ, на циклѣ многихъ эпическихъ произведеній. Тогда Маръ Абасъ съ пресловутой халдейской своей книгой ниневійскаго архива отойдетъ на послѣдній планъ.

Какъ въ древнія, такъ и въ послѣдующія, новыя времена народная поэзія имѣла въ Арменіи—какъ это теперь несомнѣнно доказано—многочисленныхъ представителей въ лицѣ народныхъ пѣвцовъ, импровизаторовъ, ашух'овъ. Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе много сдѣлано по части сохраненія народныхъ пѣсенъ на разныхъ армянскихъ нарѣчіяхъ. Благодаря счастливому почину незабвеннаго Юрія Ахвердова, давшаго образцовое изданіе пѣсенъ Саятъ-Новы, вереница молодыхъ ученыхъ армянъ потянулась за нимъ, слѣдуя его примѣру. Они съ любовью—принялись за собираніе и изданіе произведеній народной музы въ русской и турецкой Арменіи. Ими собрана масса народныхъ пѣсенъ, сложенныхъ на всѣ случаи жизни. Тутъ встрѣчаются богатырскія сказанія чисто эпическаго строя, пѣсни историческія, эротическія, свадебныя, хороводныя, подблюдныя, причитанія, сказки и пр.—Обнародованіе этихъ произведеній народнаго творчества, отчасти уже начатое, развернетъ со временемъ передъ армянскимъ и западнымъ ученымъ міромъ незнакомую еще для нихъ—страницу устной армянской письменности.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса объ Эпосѣ языче- 10
ской Арменіи, нужнымъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, которыми пользовался Моисей Хоренскій для Первой Книги своей Исторіи. Это необходимо потому въ особенности, что указанный нами вопросъ, по нашему убѣжденію, главнымъ образомъ основывается на Первой Книгѣ. По этому самому мы сперва перечислимъ источники, на которые ссылается Хоренскій, затѣмъ приступимъ къ подробному изложенію нашего мнѣнія объ армянскомъ Эпосѣ.

Первая Книга его Исторіи имѣетъ то важное значеніе, что безъ нея армянскій народъ не имѣлъ бы понятія о своемъ началѣ и происхожденіи. Ибо кромѣ Хоренскаго ни одинъ изъ лѣтописцевъ и историковъ IV и V вѣковъ, произведенія которыхъ сохранились до насъ, не говорятъ объ этомъ; позднѣйшіе же историки рабски воспроизводятъ разсказъ Хоренскаго. Поэтому желательно знать—на чемъ отецъ армянской исторіи основываетъ свое сказаніе о древнѣйшемъ ея періодѣ, начинающемся за 2000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.?—Отвѣтъ на это мы представимъ ниже, а пока замѣтимъ, что нашему историку для Первой его Книги источниками служили 11
съ одной стороны: Св. Писаніе, Александръ Полигисторъ, Сибилла берозіанская, самъ Берозъ, Абидэнъ, Кефаліонъ, Манеѳонъ, Флавій Іосифъ и устныя преданія; съ другой — сирянинъ Маръ Абасъ Катина́.

Исчисленные источники, за исключеніемъ Маръ Абаса, судя по сжатымъ, отрывочнымъ изъ нихъ извлеченіямъ, приведеннымъ у нашего автора, трактовали не объ армянахъ, но о другихъ народахъ западной Азіи и вообще древняго міра. Въ одномъ только мѣстѣ

Хоренскій, цитируя Абидэна, приводитъ изъ него небольшой отрывокъ о Хайкѣ и о шести непосредственно за нимъ слѣдующихъ его преемникахъ. Внимательное чтеніе этой цитаты приводитъ къ убѣжденію, что у Абидэна ея вовсе не было и не могло быть [1]).

12 **Этимъ и ограничимся относительно вышеуказанныхъ источниковъ и перейдемъ къ главному нашему предмету, Маръ Абасу и его армянской Исторіи.**

Такъ какъ отнынѣ имя Маръ Абаса повторяться будетъ часто, то мы здѣсь же, въ началѣ нашего Изслѣдованія, познакомимъ читателя съ нимъ по тѣмъ единственнымъ объ немъ свѣдѣніямъ, которыя сообщаетъ намъ Хоренскій.

Аршакъ Великій, свергнувъ македонское иго и покоривъ, говоритъ Хоренскій, Ассирію, ставитъ брата своего, Вахаршака, царемъ въ Арменіи. Новый государь, глава аршакидской династіи въ Арменіи, желая знать—какіе мужи владѣли этой страной до него, мѣсто ли храбрыхъ или трусовъ приходится занимать ему, ищетъ и находитъ одного «мудраго» сирянина, по имени Маръ Абасъ, котораго отправляетъ къ Аршаку Великому съ письмомъ такого содержанія: «я

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что непосредственно за ассирійскимъ родословіемъ у Хоренскаго идетъ родословіе армянскихъ родоначальниковъ. Начинаясь отъ Арая Прекраснаго, оно восходитъ до Хайка въ слѣдующемъ порядкѣ: „Арай Прекрасный отъ Арама, Арамъ отъ Хармая, Хармай отъ Гех'ама, Гех'амъ отъ Амасіи, Амасія отъ Арманса, Армаисъ отъ Арменака, Арменакъ (отъ Хайка), который былъ противникомъ Бэла и его убійцей".

Эту выписку изъ Абидэна Хоренскій снабжаетъ такой замѣткой: „Это намъ разсказываетъ Абидэнъ въ Первой своей Книгѣ при подробномъ изложеніи родословій, что впослѣдствіи опущено другими".—Кн. I, гл. 5.

Спрашивается: кто эти другіе? какимъ побужденіемъ руководились послѣдующіе за Абидэномъ историки, опуская вышеуказанное мѣсто? и почему именно это мѣсто они выкинули? можно ли допустить такой произволъ во всѣхъ, безъ исключенія, послѣдующихъ за Абидэномъ историкахъ?

Мы думаемъ, что это родословіе армянскихъ родоначальниковъ принадлежитъ просто Хоренскому. По этой самой причинѣ его и не оказывается у другихъ историковъ. Чтобы придать авторитетность своему родословію, Хоренскій проводитъ его въ своей Исторіи подъ вымышленной этой оговоркой.

получилъ отъ тебя повелѣніе заботиться о подвигахъ и мудрости — я еще ни разу не пренебрегалъ твоимъ совѣтомъ; напротивъ, я заботливо старался обо всемъ, сколько позволяли умъ и разумѣніе мое. И теперь, когда я, благодаря твоему попеченію, привелъ въ порядокъ это царство, желаю знать: кто до меня властвовалъ въ Арменіи и откуда нахарарства въ ней находящіяся? Ибо не видно, 13
чтобы здѣсь были какіе-нибудь порядки, или служеніе при храмахъ; не видно — кто первый между главными лицами страны и кто послѣдній: нѣтъ ничего опредѣленнаго — все перепутано, все дико. Поэтому прошу... приказать открыть царскій твой архивъ мужу, являющемуся передъ мощное твое владычество; дабы онъ, нашедъ желаемое братомъ твоимъ и сыномъ, могъ доставить ему въ скорѣйшемъ времени вѣрныя свѣдѣнія». — Аршакъ приказываетъ показать Маръ Абасу царскій архивъ въ Ниневіи.

Здѣсь то «мудрый» сирянинъ находитъ одну книгу, переведенную съ халдейскаго языка на греческій, по приказанію Александра Великаго, заключавшую въ себѣ стародавніе разсказы древнихъ. Изъ нея Маръ Абасъ извлекаетъ достовѣрную исторію только армянскаго народа и представляетъ ее царю Вахаршаку. Вахаршакъ, считая эту исторію первымъ своимъ сокровищемъ, тщательно хранитъ ее въ своемъ дворцѣ, приказавъ отрывокъ изъ нея начертить на столбѣ [1].

«Вникнувъ, говоритъ Хоренскій, обращаясь къ своему меценату, князю Сааку Багратуни, въ порядокъ сказаній, изложенныхъ въ этой книгѣ и убѣдившись въ ихъ достовѣрности, мы повторяемъ ихъ теперь для твоей любознательности, возводя наши собственныя нахарарства до халдейскаго Сарданапала и далѣе [2])».

Остановимся на этомъ разсказѣ и въ свою очередь вникнемъ въ 14
его сущность.

Съ V вѣка по настоящее время всѣ армянскіе писатели, и самый народъ, не переставали видѣть въ Маръ Абасѣ того «мудреца», который въ 150 году до Р. Х., будучи вызванъ Вахаршакомъ изъ неизвѣстности, является, не смотря на иноземное свое происхожденіе открывателемъ генеалогіи древнихъ Армянъ, спасающимъ начальную

[1]) См. Кн. I, гл. 8, 9.—[2]) Тамъ же гл. 9.

ихъ исторію отъ окончательнаго исчезновенія. Приглашеніе ученаго иноплеменника для того, чтобы онъ повѣдалъ темнымъ армянамъ II вѣка до нашей эры—откуда есть пошла армянская земля, съ перваго же разу останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Съ трудомъ вѣрится, чтобы въ эту эпоху не было въ Арменіи ни одного ученаго армянина, который бы могъ исполнить порученіе своего государя; не вѣрится, чтобы этотъ послѣдній былъ поставленъ въ необходимость пригласить для этого иноземца. Ибо изъ Хоренскаго же мы знаемъ, что въ древнемъ его отечествѣ существовали: 1. Храмы и жреческое сословіе [1]; 2. Храмовыя книги [2]; 3. Храмовыя исторіи [3]; 4. Такъ называемыя книги царей [4]; 5. «Безчисленные сборники сказаній [5]»; 6. Сборники эпическихъ сказаній, хранившіеся въ царскомъ архивѣ [6]; 7. Пѣснь випасáновъ [7]; 8. Пѣснь эпиковъ, расположенная въ хронологической послѣдовательности [8]; 9. историческія легенды [9]. Были и такіе памятники, названій которыхъ хотя и не приводитъ Хоренскій, тѣмъ не менѣе они существовали въ его время и онъ ими пользовался, каковы—10. Исторія [10], съ которой справлялся Вахаршакъ при назначеніи правителя въ сюникскую провинцію, на которую, исторію, и нашъ авторъ дѣлаетъ указаніе; 11. Исторія [11], въ которой разсказывалось о происхожденіи рода Багратуни и о Хайкѣ; 12 Тотъ безъименный историческій источникъ, раздѣленный на четыре книги, о которомъ Хоренскій съ восторгомъ отзывается и изъ котораго черпаетъ исторію Варбака (Арбака), Сарданапала и армянскаго вѣнценосца, Паруйра [12]. Было, помимо всего этого, много 13. преданій [13], къ которымъ Хоренскій, какъ историкъ, относился съ должнымъ вниманіемъ.

Жреческое сословіе во всей древности и у всѣхъ народовъ является хранителемъ мудрости и въ то же время ихъ анналистомъ. Такимъ оно было и въ Арменіи. Нѣтъ сомнѣнія, что между армянскими жрецами были, какъ замѣчено выше, такіе, которые также хорошо,

---

[1]) Кн. I, гл. 8; кн. II, гл. 48.—[2]) Кн. I, гл. 14.—[3]) Кн. I, гл. 14; кн. II, гл. 48.—[4]) Кн. I, гл. 14.—[5]) Кн. I, гл. 3.—[6]) Кн. I, гл. 14.—[7]) Кн. I, гл. 15; кн. II, гл. 48.—[8]) Кн. I, гл. 30, 24—31.—[9]) Кн. I. гл. 18.—[10]) Кн. I, гл. 12.—[11]) Кн. I, гл. 22.—[12]) Кн. I, гл. 21.—[13]) Кн. I, гл. 12.

если не лучше Маръ Абаса, исполнили бы желаніе Вахаршака; что въ массѣ вышеприведенныхъ источниковъ, въ особенности же въ царскихъ и храмовыхъ книгахъ, была, если не послѣдовательная и связная изначальная исторія Арменіи, то ужъ навѣрное, указаніе на нее. Поэтому странно, что Вахаршакъ, не справившись въ храмовыхъ 16
архивахъ своего государства, ищетъ армянскую исторію въ ниневійскомъ архивѣ. Знаменитый гностикъ, Бардезанъ [1]), во II вѣкѣ приходитъ въ Арменію за матеріаломъ для историческаго своего труда, и въ крѣпости Ани дѣлаетъ извлеченія изъ такъ называемой Храмовой Исторіи, заключавшей въ себѣ дѣянія царей. Изъ этого и другихъ такого же рода указаній Хоренскаго видно, что Арменія въ лицѣ жрецовъ имѣла своихъ бытописателей, имѣла свою исторію, которая въ первыхъ годахъ IV вѣка, при введеніи христіанства, была, замѣтимъ мимоходомъ, безслѣдно истреблена Григоріемъ Просвѣтителемъ. Одного изъ такихъ жрецовъ-анналистовъ, Хоренскій въ 48 гл. Второй своей Книги называетъ по имени, характеризуя его словами: «Улюпъ—жрецъ крѣпости Ани, писавшій Храмовую исторію (115 г. до Р. Х.). Въ языческой Арменіи, помимо всего этого, съ древнѣйшихъ временъ существовали сборники историческихъ пѣсенъ, которые хранились въ архивахъ. Сборники эти, какъ увидимъ ниже, существовали еще въ V вѣкѣ, и Хоренскій ими пользовался [2]).—При такомъ обиліи туземнаго народнаго матеріала излишне было обращаться въ ниневійскій архивъ.

Въ пресловутой Книгѣ ниневійскаго архива—допустимъ на минуту, что она существовала—быть могли развѣ описанія, или вѣрнѣе, упоминанія о войнахъ между Ассиріею и Арменіей, о вассальномъ отношеніи послѣдней къ первой; но невѣроятно, чтобы она заключала 17
въ себѣ генеалогію Великой Арменіи, какъ насъ увѣряетъ Хоренскій.

Близкое знакомство, говоритъ Хоренскій, съ книгой Маръ Абаса, убѣдило его въ достовѣрности сказаній, въ ней изложенныхъ. Но, чтобы придти къ такому убѣжденію, нужно было имѣть критерій, по которому опредѣлить доброкачественность сказаній, а у Хоренскаго его не было; не было, говоримъ, такъ какъ онъ самъ, равно

---

[1]) Кн. II, гл. 46.—[2]) Кн. II, гл. 49, 61.

какъ и Вахаршакъ, умышленно игнорировали его въ вышеуказанныхъ многочисленныхъ источникахъ.

Допустимъ далѣе, что Извлеченіе изъ книги ниневійскаго архива въ 150 году до Р. Х. принесено Маръ Абасомъ въ Арменію; что оно, какъ цѣнная вещь, хранилось здѣсь въ царскомъ дворцѣ; что часть изъ него, по приказанію царя, была здѣсь же начертана на столбѣ. Извлеченіе это, хотимъ вѣрить Хоренскому, сохранилось до V вѣка, такъ какъ онъ на немъ основываетъ всю Первую Книгу своей Исторіи и начало Второй Книги до 9-й гл. включительно. Не смотря на 650 лѣтъ существованія его въ столицѣ Арменіи, а не въ какомъ-нибудь захолустьѣ, ни одному армянскому историку, или лѣтописцу, не привелось видѣть его и замолвить о немъ слово.—Какъ объяснить это? Какъ объяснить, что и во всемъ тогдашнемъ образованномъ мірѣ ни одинъ ученый халдей, грекъ, сирянинъ, парсъ не знаетъ о существованіи памятника, обратившаго на себя вниманіе Александра Великаго, а знаетъ его только Хоренскій, изъ его же
18 соотечественниковъ ни одинъ. Наконецъ, какъ не спросить—гдѣ армянскій историкъ видѣлъ это «сокровище», сокровище по своей древности и содержанію, въ Мцбинѣ ли—тогдашней столицѣ Арменіи, или въ таронской области, гдѣ было мѣсто его рожденія (Хорни́), или въ иномъ какомъ мѣстѣ? Онъ, который такъ заботливо знакомитъ насъ съ мнимой перепиской Вахаршака съ Аршакомъ Великимъ, развѣ не могъ, хоть мимоходомъ сказать—гдѣ онъ дѣлалъ свои выписки изъ Маръ-абасовскаго Извлеченія, и гдѣ его оставилъ? Такой памятникъ заслуживалъ къ себѣ вниманіе. Мы тѣмъ болѣе вправѣ требовать этого отъ Хоренскаго, что знаемъ его точность при указаніи своихъ источниковъ. Такъ, между прочимъ, въ 10 гл. II Книги своей Исторіи, онъ, исчерпавъ Маръ Абаса, переходитъ къ другому источнику для своего труда, а именно къ хронографу Юлію африканскому (III в.) и говоритъ, что послѣдній изъ хартій Эдесскаго архива дѣлалъ извлеченія, относящіяся къ дѣяніямъ армянскихъ царей и—дабы убѣдить читателя въ вѣрности своего указанія—Хоренскій приглашаетъ его справиться въ Церковной Исторіи Евсевія кесарійскаго въ армянскомъ переводѣ: «Поищи ее, говоритъ онъ, въ Гехакуни въ области сюникской, и въ 13 гл. I Книги най-

дешь свидѣтельство о томъ, что въ Эдесскомъ архивѣ существуетъ Исторія всѣхъ дѣяній первыхъ армянскихъ царей до Абгаря и отъ Абгаря до Еруанда II“.—Послѣ этого непонятнымъ дѣлается небреженіе Хоренскаго къ точнымъ, подробнымъ извѣстіямъ объ единственномъ въ своемъ родѣ памятникѣ, заключавшемъ въ себѣ начальную исторію армянскаго народа. Онъ указываетъ своему читателю—гдѣ въ тог- 19
дашней Арменіи найти Церковную Исторію Евсевія; указываетъ на Книгу, на главу ея, а не скажетъ—гдѣ именно въ V вѣкѣ его читатель можетъ справиться о Маръ Абасѣ, хранителѣ Исторіи древнѣйшаго періода его отечества.

Въ 21 гл. Первой Книги, разсказавъ исторію борьбы Варбака (Арбака) съ Сарданапаломъ и торжество его надъ послѣднимъ при помощи армянскаго царя, Паруйра, Хоренскій приглашаетъ Саака Багратуни не удивляться тому, что «у другихъ историковъ» объ этомъ повѣствуется иначе.—Если дѣйствительно у него въ распоряженіи былъ Маръ Абасъ, изъ котораго онъ приводилъ до сихъ поръ все касающееся до прошедшихъ судебъ Арменіи, то не было ему надобности дѣлать предположеніе, что его спросятъ—«откуда онъ заимствуетъ имена и дѣянія многихъ изъ нашихъ предковъ?»—Навѣрное, этого вопроса не сдѣлалъ бы ни Саакъ Багратуни, ни современный читатель Хоренскаго, такъ какъ послѣдній разъ навсегда предупредилъ и того и другого, въ началѣ своего труда, что единственный его источникъ — Маръ Абасъ. Но, какъ видно, нашъ авторъ забылъ это свое указаніе и весьма неудачно отвѣчаетъ на имъ самимъ поставленный вопросъ, что онъ все это заимствовалъ «изъ древнихъ архивовъ халдейскихъ, ассирійскихъ и парсійскихъ, гдѣ хранятся царскія хартіи, заключающія въ себѣ имена ихъ и дѣянія»... Мы знаемъ изъ Хоренскаго же, по какимъ странамъ онъ путешествовалъ [1]; знаемъ и то, что онъ не былъ ни 20
въ Халдеѣ, ни въ Ассиріи, ни въ Парсіи, и что слѣдовательно, не могъ видѣть архивовъ этихъ странъ, а еще менѣе—дѣлать изъ нихъ заимствованія. Путешествіе это и непосредственное знакомство съ документами помянутыхъ архивовъ, если они дѣйствительно были

¹) Кн. III, гл. 62.

совершены Хоренскимъ; то, конечно, тогда, когда Саакомъ Багратуни было ему предложено написать исторію Арменіи. А въ это время Хоренскій былъ почти столѣтнимъ старцемъ, удрученнымъ, какъ самъ говорилъ, болѣзнями [1]). При такихъ условіяхъ едва ли мыслимо личное посѣщеніе названныхъ странъ и личное вопрошеніе ихъ архивовъ.

Глава 22 той-же Первой Книги открывается словами: «Послѣ вѣнценосца Паруйра» я перейду къ исчисленію нашихъ... царей до владычества Парѳянъ» (т. е. до Вахаршака); въ концѣ же 31 главы читаемъ: «начиная отъ Вахé до воцаренія Вахаршака въ Арменіи ничего вѣрнаго не могу разсказать тебѣ», (т. е. Сааку Багратуни́).

Въ первомъ случаѣ историкъ обѣщаетъ сообщить читателю полный списокъ царей до основанія въ Арменіи династіи Аршакидовъ (150 л. до Р. Х.); а во второмъ—отказывается отъ своего обѣщанія. И дѣйствительно, онъ доводитъ свой списокъ до послѣдняго представителя династіи Хайка — царя Вахé, павшаго въ бою отъ руки Александра Македонскаго (въ 330 г.), и не идетъ дальше. Отъ
21 Александра до Вахаршака остается пробѣлъ 185-ти лѣтъ. [2]) Для этого огромнаго періода времени у нашего историка не оказывается матеріала, между тѣмъ какъ, если вѣрить Хоренскому, Маръ Абасъ Извлеченіе свое изъ халдейской книги доводилъ до Вахаршака и далѣе до Арташеса I включительно (115—90). Не думаемъ, чтобы такой пробѣлъ могъ существовать у Маръ Абаса, который до сихъ поръ послѣдовательно излагалъ исторію древнѣйшаго періода и который является несостоятельнымъ тогда именно, когда подходитъ къ ближайшему къ себѣ времени, и когда мы вправѣ ожидать отъ него болѣе обстоятельнаго изложенія фактовъ. Если этотъ пробѣлъ

1) Кн. III, гл. 65.

2) 185 лѣтъ, если считать отъ Александра Македонскаго до главы армянскихъ аршакидовъ; 420 лѣтъ, если точкою отправленія принять Тиграна Великаго (570) и дойти до Вахаршака (150). На этотъ промежутокъ времени Хоренскій показываетъ 7 царей, въ числѣ которыхъ и одного *бога*—Вахагн'а.

Цари эти слѣдующіе: Вахагнъ, Араванъ, Нерсехъ, Зарехъ, Армогъ, Багамъ, Ванъ, Вахè, (330 до христ. эры).

въ самомъ дѣлѣ существовалъ у сирскаго ученаго, Хоренскій не преминулъ бы указать на него въ трудѣ своего руководителя. Но онъ никакой оговорки не дѣлаетъ, причину же пробѣла объясняетъ доказательствами, невыдерживающими критики. [1]) По нашему предположенію, дѣло объясняется просто: въ дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ источникахъ, которыми Хоренскій пользовался до сихъ поръ, не называя ихъ, и на которые мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, 22
онъ, вѣроятно, не нашелъ матеріала для этого ничѣмъ, быть можетъ, не ознаменованнаго періода времени, отъ чего у него и оказался пробѣлъ 185 лѣтъ.

Въ той же 22-й главѣ читаемъ: «во время мидійскихъ царей (отъ Варбака до Аждахака) жили вѣнчанные мужи-туземцы (т. е. начиная отъ Паруйра), имена которыхъ мы приводимъ ниже».

Сказавъ это, Хоренскій отвѣчаетъ какому-то скептику, который выражалъ сомнѣніе, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ, въ существованіи армянскаго царства въ эпоху мидійскаго владычества. Историкъ вовсе безъ нужды берется доказывать противное. Онъ говоритъ: «что дѣйствительно въ то время (т. е. во время Паруйра, современника Варбака и Сарданапала) существовало царство нашего народа, тому свидѣтель — пророкъ Іеремія, который, призывая его на войну противъ Вавилона, говоритъ: «поднимите знамя на землѣ... вооружите противъ него народы, созовите на него царство араратское и воинство аскеназское [2])...» чѣмъ и подтверждается, прибавляетъ нашъ историкъ, существованіе нашего царства въ то время».— Неосновательный дѣлаетъ выводъ Хоренскій. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли видѣть и читать такой неожиданный аргументъ подъ перомъ его? Могъ ли кто въ V вѣкѣ усумниться въ существованіи армянскаго царства въ указанную эпоху? Если онъ дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ исторію Маръ Абаса, не трудно было бъ ему ука- 23

[1]) Въ родѣ напр. слѣдующаго: „вслѣдствіе возникшихъ смутъ, каждый о томъ только и думалъ, какъ бы захватить власть и управлять нашей страной (Арменіей)“.—По этому выходитъ, что смутныя времена не могутъ имѣть историковъ и исторіи!

[2]) Іерем. 51, 27.

зать прямо на своего руководителя и цитатою изъ него заставить скептика замолчать, а не словами пророка Іереміи, который, замѣтимъ мимоходомъ, не могъ жить въ половинѣ VIII вѣка (Сарданапалъ 759), такъ какъ онъ жилъ въ VII столѣтіи (640—590).— Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Хоренскій добровольно становится измыслителемъ. Онъ выдаетъ Извлеченіе изъ халдейской книги, какъ дѣйствительно существующее, между тѣмъ какъ у него его не оказывается.

Въ послѣдней, 32-ой главѣ той же Первой Книги, читатель неожиданно встрѣчаетъ Зармайра—28-го родоначальника отъ Хайка. У Хоренскаго въ родословіи Хайкидовъ за этимъ лицомъ слѣдуютъ еще 6 родоначальниковъ и 17 царей. Нашъ историкъ увѣряетъ, что онъ не успѣлъ говорить объ этомъ героѣ въ своемъ мѣстѣ, и виною своей неисправности выставляетъ своего мецената. «Благодаря твоему торопленію, говоритъ онъ, обращаясь къ князю Сааку Багратуни, мы еще ничего не успѣли сказать въ своемъ мѣстѣ ни объ Александрѣ (Великомъ), ни объ иліонской войнѣ».—Спрашивается: какъ же это не могъ онъ въ своемъ мѣстѣ говорить о Зармайрѣ, участникѣ въ троянской войнѣ (стало быть въ Халдейской книгѣ шла рѣчь также о Троянской войнѣ!), когда у него подъ рукой былъ Маръ Абасъ, который въ хронологическомъ порядкѣ перечислялъ, вѣроятно, всѣхъ Хайкидовъ отъ начала до конца ихъ династіи. Тутъ «торопленіе» не можетъ служить оправданіемъ. Ясно, что Хоренскій древнѣйшую исторію своего отечества, какъ и разсказъ о
24 Зармайрѣ, бралъ изъ разныхъ источниковъ, а не изъ Маръ Абаса, отъ чего у него произошли всѣ эти недомолвки.

Въ остальныхъ 9-ти главахъ Второй Книги слѣдующихъ за вышеуказанной 32-ой главой, и помину нѣтъ о Маръ Абасѣ. Все разсказанное въ нихъ проникнуто живымъ интересомъ и заимствовано нашимъ историкомъ изъ другихъ источниковъ, на которые укажемъ ниже.

VII и VIII главы Второй Книги заключаютъ въ себѣ дѣянія царя Вахаршака: его административныя распоряженія по вступленіи на престолъ Арменіи, новыя его учрежденія, введеніе феодальныхъ порядковъ, назначеніе множества нахарарствъ (сатрапіи); все это.

равно какъ и исторію родовъ Арцруни́ и Гнуни́, образованіе четырехъ гвардейскихъ полковъ, учрежденіе званія начальника евнуховъ (гл. VII); происхожденіе Сиса́ка, Утицовъ, княжества Гаргар'скаго родоначальника Слкуни́, происходящаго отъ Слака — историкъ основываетъ на «преданіяхъ и сказаніяхъ», а не на Извлеченіи Маръ Абаса. Хотя въ концѣ гл. IX Второй Книги Хоренскій и увѣряетъ, что до сихъ поръ онъ руководствовался Извлеченіемъ старца-сирійца; однако нельзя допустить анахронизма въ родѣ того, чтобы напр., въ книгѣ ниневійскаго архива временъ Александра Великаго—если не прежде его — шла рѣчь объ основателѣ династіи армянскихъ Аршакидовъ, т. е. чтобы въ ней событія 150 года могли имѣть мѣсто, какъ совершившіяся въ 330 году.

За исключеніемъ одной цитаты изъ Абидэна, и то легендарнаго характера, всѣ девять главъ Второй Книги основаны на «народныхъ 25 преданіяхъ, сказаніяхъ» и кое-гдѣ на историческихъ пѣсняхъ. Выходитъ на повѣрку, что и здѣсь нашъ историкъ имя Маръ Абаса употребляетъ втунѣ, такъ какъ онъ уже прямо говоритъ отъ своего лица, оставляя въ сторонѣ «мудраго» сирійца. Тутъ на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ такого рода выраженія: «я пишу—я знаю—я говорю—если не сочтешь меня за пустобая—какъ я слышу—какъ и гдѣ совершались дѣянія Хайра нигдѣ неупоминаемыя, не знаю—мы забыли-было свирѣпаго мужа Слака—замѣчу кстати, что я забылъ помянуть въ Первой Книгѣ объ одномъ великомъ именитомъ родѣ: о родѣ Сисака — я нашелъ въ исторіи, что Рштуни́ и Гохтнеци́ суть дѣйствительно выходцы, происходящіе отъ Сисака, не знаю только: отъ этихъ ли именъ происходятъ названія ихъ областей, или отъ областей получили свои наименованія ихъ нахарарства.» [1]) Всѣ эти оговорки, извиненія и дополненія понятны только подъ перомъ самостоятельнаго писателя, а не компилятора, какимъ намѣренно представляетъ себя Хоренскій въ отношеніи къ Маръ Абасу.

[1]) Кн. I, гл. 20, 22, 23.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе читателя на слѣдующее обстоятельство, которое съ перваго взгляда хотя и покажется мелочнымъ, но въ сущности не лишено значенія. Это—армянскія собственныя имена родоначальниковъ, царей, правителей, странъ, областей, городовъ, деревень, рѣкъ, горъ, и пр., которыя, являясь первоначально въ
26 халдейской книгѣ, переходя затѣмъ черезъ греческій и сирскій языки, удерживаютъ свою національную физіономію и произношеніе въ такой безупречной чистотѣ, что Хоренскій безъ малѣйшаго труда признаетъ армянское ихъ происхожденіе и переноситъ ихъ въ свою Исторію, что, конечно, немыслимо, если вспомнить трудность транскрипціи армянскихъ звуковъ письменами помянутыхъ языковъ: мы убѣждены, что эти названія взяты Хоренскимъ прямо изъ Сборниковъ армянскихъ сказаній.

Указавъ на противорѣчіе Хоренскаго съ самимъ собою и съ мнимымъ текстомъ Маръ Абаса, сдѣлаемъ наконецъ послѣдній вопросъ: существовала-ль, въ самомъ, дѣлѣ, во время Вахаршака, и даже Александра Великаго, Ниневія? — На это исторія даетъ отрицательный отвѣтъ. И дѣйствительно, она была разрушена въ 625 году Кіаксаромъ въ царствованіе Асур-Эдил-Илáни. Послѣ своего паденія Ниневія не вставала болѣе и объ ея существованіи забыли скоро, такъ что двѣсти лѣтъ спустя, нельзя было опредѣлить даже бывшее мѣсто ея нахожденія [1]). Не смотря на то, что еще за 300 лѣтъ до Александра и за 475 лѣтъ до Вахаршака Ассирія сошла съ исторической сцены со своею столицею, Моисей Хоренскій увѣряетъ, что Ниневія продолжала свое бытіе въ 150 году

---

[1]) См. G. Maspero—Histoire ancienne des peuples de l'Orient, Paris 1875. p. 476—477.—По свидѣтельству Геродота (кн. I, 193), еще въ половинѣ V в. Ниневія не существовала: онъ говоритъ о ней, какъ о городѣ, который стоялъ *нѣкогда* на восточномъ берегу Тигра.—Ксенофонтъ, жившій въ началѣ V в., ничего не говоритъ о Ниневіи. Еслибъ она существовала въ его время, нѣтъ сомнѣнія, что онъ не преминулъ бы молвить слово о пресловутомъ городѣ. — Діодоръ Сицил., говоря о могилѣ Нина, построенной Семирамидой, замѣчаетъ: „она существуетъ до нынѣ, хотя городъ (Ниневія) и былъ разрушенъ мидійцами, положившими конецъ ассирійскому царству".—Кн. II, 7.

до Р. Х. Если въ эпоху Александра и Вахаршака не было Ниневіи,
то само собою разумѣется, что о пресловутомъ ниневійскомъ архивѣ 27
не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, и Ниневія, и архивъ ея являются мечтою. Тогда и халдейская Книга и переводъ ея, по повелѣнію Александра, на греческій языкъ, и Маръ-абасовскій переводъ части ея на сирскій языкъ, заключавшій въ себѣ древнѣйшую исторію Арменіи, и доставленіе этого перевода Вахаршаку, и храненіе его въ царскомъ дворцѣ, какъ сокровище, и начертаніе отрывка изъ него на столбѣ и, наконецъ, переписка армянскаго царя съ Аршакомъ Великимъ—все это окажется измышленіемъ Моисея Хоренскаго; тогда и «мудрый» сирянинъ, Маръ Абасъ, представится намъ лицомъ, никогда не бывшимъ и созданіемъ ума отца армянской исторіи.

Въ наше время ни одинъ историкъ, сколько-нибудь уважающій себя, не употребитъ вышеприведеннаго пріема съ цѣлью придать своему труду значеніе. Иначе смотрѣли на это предъ началомъ христіанской эры, въ первые вѣка христіанства и позднѣе. Тогда все псевдонимное было въ большомъ почетѣ и псевдонимы представляли собою явленіе заурядное. Благодаря странному направленію, возникшему въ Палестинѣ и преимущественно среди ученыхъ александрійской школы, фабриковались въ этомъ центрѣ умственнаго движенія того времени всевозможныя историческія, мистическія, пророческія произведенія, которыя отсюда распространялись по всему тогдашнему образованному міру, и многими, если не всѣми, принимались за чистую монету. И это не считалось въ то время предосудительнымъ.
Творцы подобныхъ произведеній имѣли цѣлью произвести на совре- 28
менное общество желаемое ими дѣйствіе въ пользу политической, религіозной, исторической или иной идеи, ими пропагандируемой. Цѣль эта, по ихъ убѣжденію, была благая, и она оправдывала средство. Употребляли для достиженія ея извѣстные пріемы. Чтобы придать вѣсъ своимъ сочиненіямъ, пускали ихъ въ оборотъ подъ какимъ-нибудь громкимъ именемъ, или просто подъ именемъ вымышленнаго лица—а тамъ успѣхъ сочиненія предоставлялся внутреннему его достоинству, т. е. искусству и таланту псевдонима.

Арменія наравнѣ съ прочими культурными странами древняго

міра, съ которыми была въ постоянныхъ сношеніяхъ, имѣла въ свою очередь богатую псевдонимную литературу, которой служили содержаніемъ, между прочимъ, проявленія внутренней ея жизни. Мнимая Халдейская книга ниневійскаго архива должна быть причислена къ такого же рода произведеніямъ, если бы она существовала и авторъ ея Маръ Абасъ—къ разряду лицъ вымышленныхъ.

Этому значительно распространенному направленію тогдашней школы Моисей Хоренскій, какъ сынъ своего вѣка, принесъ дань, измысливъ въ свою очередь Маръ Абаса и халдейскую книгу. Онъ прибѣгъ къ этому средству, полагая внушить своимъ соотечественникамъ больше довѣрія къ исторіи Хайка и его династіи. Онъ думалъ, и вполнѣ основательно, что если онъ представитъ эту исторію по дѣйствительно существовавшимъ въ его отечествѣ сказаніямъ; то новообращенный народъ армянскій можетъ отвергнуть ее, какъ исходящую изъ нечистаго языческаго источника. Во избѣжаніе этого,
29 Хоренскій представляетъ начальную исторію своего отечества не только почерпнутою изъ ниневійскаго архива, но и освященною Св. Писаніемъ; ибо онъ производитъ родоначальника армянъ отъ Афета черезъ Ѳоргома. Это было тѣмъ необходимѣе, что армяне-неофиты не только до Хоренскаго, но и въ его время съ отвращеніемъ смотрѣли на произведенія языческой армянской музы. Мы это замѣчаемъ въ IV и V вѣкѣ при описаніи христіанскими лѣтописцами пировъ армянскихъ вельможъ, и оргій, на которыхъ раздавались пѣсни винасановъ [1]. И свѣтскіе и духовные писатели относились къ нимъ одинаково несочувственно.

Зная несочувствіе современниковъ языческимъ сказаніямъ и не желая рисковать въ ихъ глазахъ успѣхомъ своего историческаго труда, Хоренскій прибѣгаетъ къ вымыслу: извлеченія изъ народнаго Эпоса предлагаетъ своимъ читателямъ, какъ выписку изъ халдейской Книги ниневійскаго архива, обратившей на себя вниманіе Але-

---

[1]) См. мой французскій переводъ Исторіи Арменіи Фавста византійскаго въ Collection des historiens de l'Arménie V Langlois. Кн. III, гл. 13, стр. 223.—Исторію Елисея, Венеція, 1842. Кн. III, стр 108.

ксандра Великаго—и они принимаютъ ихъ, какъ заслуживающія полнаго довѣрія, въ особенности же, по ихъ древности.

Обстановка, при которой является на свѣтъ исконная армянская исторія, должна была обаятельно дѣйствовать на воображеніе не только князя Саака Багратуни, но и вообще на его современниковъ 30
и на послѣдующихъ соотечественниковъ Хоренскаго, что̀ и случилось. И Хоренскій достигаетъ своей цѣли: вѣра въ дѣйствительное существованіе Маръ Абаса и халдейской Книги утверждается между его соотечественниками, если не навсегда, какъ, вѣроятно, надѣялся отецъ армянской исторіи, по крайней мѣрѣ на весьма долгое время.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что ни Маръ Абаса, ни халдейской Книги, слѣдовательно, и заключавшейся въ ней исконной Исторіи Арменіи не существовало.

Спросятъ: откуда же Моисей Хоренскій заимствовалъ исторію болѣе чѣмъ 2000 лѣтъ, начиная отъ эпонима Хайка до вступленія династіи Аршакидовъ на престолъ Арменіи?

II.

Отвѣчаемъ: изъ народнаго Эпоса, изъ Пѣсни випаса̀новъ, изъ 31
Пѣсенъ хронологическихъ, изъ Храмовой Исторіи, изъ Книги царей, не говоря уже о легендахъ, сказаніяхъ и преданіяхъ.

Сосредоточимъ наше вниманіе на этихъ народныхъ источникахъ, о которыхъ Хоренскій упоминаетъ вскользь, съ опасеніемъ какъ бы не дискредитировать своего ученаго историческаго труда въ глазахъ новообращенныхъ своихъ соотечественниковъ. Человѣкъ, довершившій умственное свое образованіе въ знаменитыхъ тогдашнихъ школахъ—Эдесской, Аѳинской, Александрійской, знавшій—какимъ вниманіемъ пользовались въ этихъ школахъ произведенія эпической музы, хорошо понималъ значеніе народнаго Эпоса для Исторіи, въ особенности, народа древняго. Поэтому онъ ему отводитъ значительное мѣсто въ Первой Книгѣ своей Исторіи, только не иначе какъ подъ прикрытіемъ Маръ Абаса, Александра Великаго, халдейской Книги ниневійскаго архива.

Указывая въ началѣ настоящаго нашего Изслѣдованія на псевдонимію халдейской Книги, мы имѣли въ виду снять съ армянской
32 исторіи невѣрно приписываемое ей иноземно-халдейское происхожденіе, пользующееся до сихъ поръ кредитомъ въ армянскомъ и европейскомъ ученомъ мірѣ; мы хотѣли возстановить чисто національное ея начало. Отрицаніемъ существованія Маръ Абаса и его Исторіи не полагалась охулка на тѣнь великаго историка; напротивъ, признавалась большая заслуга за нимъ, какъ за человѣкомъ, который одинъ изъ многихъ армянскихъ историковъ IV и V вѣковъ указалъ настоящій источникъ изначальной Исторіи своего отечества. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сохранилъ для насъ, позднѣйшихъ его соотечественниковъ, неоцѣнимые отрывки изъ того грандіознаго народнаго Эпоса, о невозвратной утратѣ котораго не можетъ не сожалѣть народъ армянскій.

Обращаемся къ Пѣсни випасȧновъ.

Въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго встрѣчается группа словъ, которыя до позднѣйшаго времени оставались непонятными въ томъ своемъ значеніи, въ которомъ они были употребляемы Хоренскимъ [1]). Внимательное изученіе тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ ихъ употребляетъ, привело насъ къ возстановленію начальнаго архаическаго ихъ значенія. Черезъ это разомъ освѣтились тѣ мѣста и отрывки въ Исторіи Хоренскаго, къ которымъ они относились. Армянскій ученый міръ и западные арменисты приняли наши толкованія тѣхъ словъ въ томъ убѣжденіи, что дѣйствительно въ помянутыхъ отрывкахъ скрываются
33 подлинныя цитаты изъ Пѣсни випасȧн'овъ, или близкіе къ подлиннику пересказы изъ послѣдней. Такимъ образомъ, существованіе въ языческой Арменіи эпическаго цикла стало фактомъ, въ которомъ никто теперь не сомнѣвается. Мы постараемся познакомить нашихъ русскихъ читателей съ дошедшими до насъ эпическими отрывками. Говоримъ *русскихъ* потому, что западные ученые знаютъ это, благодаря вульгаризаціи армянскаго нашего Изслѣдованія французскимъ арменистомъ Э. Дюлорье.

---

[1]) См. выше стр. 5, 6.

Въ V вѣкѣ жили еще въ устахъ гохтенскихъ Пѣвцовъ, говоритъ Хоренскій, эпическія пѣсни, которыя, тщательно будучи собраны, хранились въ царскомъ архивѣ. Вся исторія династіи Хайкидовъ до Александра Великаго существовала въ подобныхъ «Сборникахъ», въ такъ называемыхъ «Хронологическихъ Пѣсняхъ», которыя представляли, вѣроятно, нѣчто въ родѣ Шах-Намé. Эта многотомная поэма, какъ извѣстно, состоитъ изъ историческихъ пѣсенъ, собранныхъ персидскимъ поэтомъ Фирдуси и расположенныхъ въ хронологической послѣдовательности по годамъ, по царямъ и по царствованіямъ послѣднихъ.

По своему содержанію армянскій Эпосъ состоялъ, судя по уцѣлѣвшимъ его отрывкамъ 1) изъ пѣсенъ, имѣвшихъ предметомъ дѣянія родоначальниковъ и царей изъ династіи Хайка [1]); 2) изъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались подвиги армянскихъ же царей, но въ борьбѣ съ божествомъ сирійскимъ и титанами [2]), 3) изъ пѣсенъ, въ ко- 34
торыхъ изображались ассирійское нашествіе и войны ея съ Арменіею [3]); 4) изъ пѣсенъ, въ которыхъ основаніемъ служили мидійскія сказанія, воспѣтыя армянскими випасан'ами [4]). Помимо чисто-историческихъ пѣсенъ, были также 5) пѣсни теогоническія [5]), въ которыхъ излагалось происхожденіе боговъ, полубоговъ съ ихъ подвигами, о чемъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Опредѣливъ предположительно характеръ этихъ пѣсенъ по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, замѣтимъ, что это были обширныя пѣсни, или вѣрнѣе, поэмы. Цѣльность ихъ, обширность и послѣдовательность ясно выступаютъ въ особенности изъ одного мѣста Исторіи Хоренскаго. Описавъ подробно мѣсто водворенія плѣнныхъ мидійцевъ, приведенныхъ въ Арменію Тиграномъ Великимъ послѣ одержанной имъ надъ Астіагомъ побѣды, историкъ присовокупляетъ: «Истина этихъ словъ подтверждается и Хронологическими Пѣснями, которыя, какъ я слышу, хранятъ съ любовью жители гохтенской области, изобилующей виномъ. Въ нихъ-то унизаны слова Пѣсни объ Арташесѣ и его сыновьяхъ и иносказательно упоминается о потомкахъ Аждахак'а, называемыхъ» вишапазунк'ами [6])...

---

[1]) Кн. I, гл. 10, 11.—[2]) Кн. I, гл. 13, 14.—[3]) Кн. I, гл 15, 16, 17, 18.—[4]) Кн. I, гл. 24—31.—[5]) Кн. I, гл. 9, 31.—[6]) Кн. I, гл. 30.

«(Въ Пѣсняхъ) поется также, что Аргаванъ въ честь Арташеса приготовилъ обѣдъ и во дворцѣ вишап'овъ устроилъ — было ему ковы [1]).

35 «Въ нихъ поется также, что при основаніи Арташата храбрый сынъ Арташеса—Артаваздъ, не нашедъ мѣста для (своего) дворца, пошелъ, поется въ Пѣснѣ, и между Мар'ами выстроилъ (себѣ) дворецъ Маракéртъ на полянѣ, называемой Шарур'омъ.

«Въ этихъ Пѣсняхъ поется также, что царица Сатиникъ сильно горѣла желаніемъ носить діадему Аргавана и возлежать на его подушкахъ» [2])...

Эти нѣсколько строкъ бросаютъ большой свѣтъ на вопросъ о объемѣ армянскаго Эпоса. Ибо въ нихъ упоминается о событіяхъ, которыя относятся къ разнымъ эпохамъ. Такъ напр., плѣненіе мидійцевъ совершилось въ 565—570 годахъ, во время Тиграна I и Астіага; Арташесъ II, Артаваздъ II и Аргаванъ—мидійскій родоначальникъ, относятся къ 85—130 годамъ нашей эры. Этотъ перечень событій и лицъ, который есть не что иное какъ содержаніе части эпической Пѣсни, воспѣвавшей событія медо-армянскія, обнимая 700-лѣтній періодъ времени, указываетъ на ея обширность. Въ этомъ убѣдимся еще болѣе, когда вспомнимъ, что Тиграну I предшествовалъ еще рядъ царей-хайкидовъ, до него господствовавшихъ въ Арменіи пятнадцать слишкомъ вѣковъ, дѣянія которыхъ, какъ увидимъ ниже, воспѣтыя эпиками, входили въ составъ такъ называемой Пѣсни випасановъ. Въ этой Пѣснѣ находили себѣ мѣсто также подвиги царей Аршакидовъ, великихъ пахарарскихъ родовъ и др.

Доказавъ существованіе Эпоса въ древней Арменіи и давъ прибли-
36 зительно понятіе объ его объемѣ и цѣльности, перейдемъ къ отысканію и возстановленію его отрывковъ, уцѣлѣвшихъ у отца армянской исторіи.

Хоренскій открываетъ свою Исторію посвященіемъ ея князю Сааку Багратуни. Затѣмъ излагаетъ вообще свой взглядъ на историческіе памятники своего времени, между которыми даетъ предпочтеніе гре-

---

[1]) Кн. I, гл. 30.

[2]) Кн. I, гл. 30.

ческимъ. Далѣе, онъ приводитъ цитаты изъ Абидэна, Бероза и другихъ вышепоименованныхъ древнихъ историковъ, не имѣющихъ почти никакого отношенія къ собственной исторіи Арменіи. Наконецъ, начиная отъ 8 гл. до 32, онъ описываетъ прошедшія судьбы этой страны по несуществовавшему Маръ Абасу.

III.

Армянскій Эпосъ открывался теогоніею, въ которой говорилось о 37
первыхъ богахъ, о происшедшихъ отъ нихъ исполинахъ, боровшихся противъ нихъ, какъ нѣкогда Титаны противъ Зевса. Въ ней, какъ вообще въ теогоніяхъ народовъ древности, воспѣвались происхожденіе боговъ и начало міра, что можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ двухъ небольшихъ отрывковъ. Нельзя не сожалѣть, что Хоренскій крайне скупъ на выписку изъ теогоніи, вступленіе которой онъ передаетъ хотя ея же словами, но безъ удержанія стихотворнаго склада. Краткость этого отрывка не мѣшаетъ замѣтить въ немъ связь или, вѣрнѣе, сродство армянской теогоніи съ вавилонскою; на это указываютъ нѣкоторыя его выраженія.— Приводимъ этотъ отрывокъ, которымъ, вѣроятно, открывалась теогонія:

«Страшны и дивны были первые боги—виновники величайшихъ «благъ въ мірѣ. Отъ нихъ—начало міра и размноженіе рода человѣческаго. Отъ нихъ пошло поколѣніе исполиновъ безобразныхъ, «крѣпкочленныхъ и чудовищныхъ. Въ нихъ, чреватыхъ высокомѣ«ріемъ, зародилась нечестивая мысль о столпотвореніи, за что они «принялись немедленно. Но ужаснымъ божественнымъ вѣтромъ, под- 38
«нятымъ гнѣвомъ боговъ, была разметана башня. Боги, давшіе «каждому изъ людей непонятный говоръ, ввергли ихъ въ смятеніе. «Одинъ изъ этихъ людей былъ Хайкъ Афетидъ, именитый и муже«ственный родоначальникъ, могучій метатель (стрѣлъ, владѣвшій) «толстымъ лукомъ» [1]).

Другой отрывокъ сохранился въ стихотворной формѣ. Въ немъ воспѣвается чудесное рожденіе армянскаго бога, Вахагн'а, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

[1]) Кн. I, гл. 9.

„Въ мукахъ рожденія находились Небо и Земля;
„Въ мукахъ рожденія лежало пурпуровое Море;
„Море разрѣшилось красненькимъ Тростникомъ;
„Изъ горлышка Тростника выходилъ дымъ;
„Изъ горлышка Тростника выходило пламя;
„Изъ пламени выходилъ юноша:
„У него были огонь-волосы,
„У него была борода́-полымя,
„А глаза (словно два) солнышка» [1].

Это была обширная теогоническая пѣснь, судя по ея содержанію, приведенному у Хоренскаго въ 31 гл. Перв. Книги. «Въ ней *воспѣвали*, говоритъ онъ, борьбу Вахагн'а съ драконами и побѣду надъ ними. Все *воспѣваемое* (о немъ), имѣло большое сходство съ подвигомъ Гераклеса. Воспѣвали также его апотеозу. Въ странѣ Иверовъ была ему воздвигнута статуя въ ростъ, которую чествовали жертвами»...

Судя по этимъ словамъ нашего автора, можно думать, что въ ней было отведено подобающее мѣсто и другимъ богамъ армянскаго пантеона.

39 Мы видѣли, что первый изъ вышеприведенныхъ отрывковъ въ число людей, жившихъ въ періодъ исполиновъ, включилъ и героя эпонима, родоначальника армянъ, Хайка. Показавъ это, Хоренскій приступаетъ къ обширнымъ выпискамъ изъ *Пѣсни* випаса́новъ, въ которыхъ на первомъ планѣ, какъ и слѣдовало ожидать, выставленъ Хайкъ, его переселеніе изъ Вавилона въ Арменію, сраженіе его съ Бэломъ, подчиненіе себѣ аборигеновъ этой страны и пр.— Въ этихъ выпискахъ читатель встрѣчаетъ пріемы, эпитеты, описанія, которыми отличается обыкновенно народный эпосъ. Въ нихъ, какъ и въ дальнѣйшихъ заимствованіяхъ, нашъ историкъ разбиваетъ стихотворный складъ и передаетъ поэтическіе разсказы випаса́новъ въ прозаической формѣ.

Таковы, напр. эпическій приступъ къ описанію родоначальника армянъ и самое изображеніе его подвиговъ.

«Этотъ Хайкъ, статный, рослый, быстроокій съ божественными

---

[1] Кн. I, гл. 31.

кудрями [1]), съ крѣпкими мышцами, славившійся между исполинами храбростью, былъ противникомъ всѣхъ, кто подымалъ руку единодержавнаго властвованія надъ всѣми исполинами и полубогами [2]). 40

«Онъ самоувѣренно поднялъ руку противъ самовластія Бэла въ то время, когда родъ человѣческій распространялся по всей широкой землѣ, посреди множества исполиновъ безмѣрно-неразумныхъ и сильныхъ. Ибо разъяренные люди, вонзая мечъ въ бокъ своимъ собратамъ, думали господствовать другъ надъ другомъ.

«При такомъ случаѣ кстати было Бэлу захватить въ свои руки всю землю. Хайкъ, не желая покориться Бэлу, послѣ рожденія сына его, Арменака, въ Вавилонѣ, двинувшись пошелъ въ землю Араратскую, что въ странахъ сѣвера, съ сыновьями, дочерями и сыновьями своихъ сыновъ—мужами сильными, числомъ около трехъ сотъ, въ сопровожденіи домочадцевъ и пришельцевъ, приставшихъ къ нему со всѣмъ (своимъ) скарбомъ.

«Здѣсь поселился онъ у подошвы одной горы на полянѣ, гдѣ жило уже небольшое число еще прежде разсѣявшихся (людей), которыхъ Хайкъ покоряетъ себѣ [3]): строитъ здѣсь обиталища и отдаетъ въ наслѣдство Кадмосу, сыну Арменака. Самъ же Хайкъ съ

---

1) Въ подлинникѣ стоитъ «каджагангур,» քաջագանգուր,— По болшому Словарю Мхитаристовъ это слово значитъ, „имѣющій сильно кудрявые волосы,“—Оно образовалось изъ „кажд,“ քաջ=„духъ“—божество языческихъ армянъ, и „гангур, գանգուր=„кудри.“ Поэтому мы передали его черезъ «съ божественными кудрями.»—Армянскихъ родоначальниковъ и царей Хайкидовъ называли «кадж'ами, т. е. духами, богами,» а царицъ—«богинями.» Аршакидскіе цари при жизни титуловались «каджами» же, а по смерти причислялись къ лику боговъ и чествовались въ такъ называемыхъ «изображеніяхъ предковъ».

2) «Полубогами.» Такъ мы переводимъ армянское «дюцазн», դիւցազն, которое, какъ сложившееся изъ «див», или вѣрнѣе дев, դեւ (deva, daeva)=«духъ», и «азн», ազն=племя, родъ, значитъ «изъ племени, изъ рода боговъ»=полубогъ.

3) До прихода Хайка въ Арменію и покоренія этой страны, жили тутъ аборигены; но какого они были происхожденія—до сихъ поръ неопредѣлено, не смотря на смѣлыя попытки нѣкоторыхъ ассиріологовъ и зендистовъ нашего времени.

41 другими домочадцами направляетъ свой путь на сѣверо-западъ, поселяется на высокой полянѣ и именуетъ эту горную равнину Харкъ [1]). Онъ строитъ также одно селеніе и называетъ его своимъ именемъ Хайкашэн'омъ [2]).

За симъ Эпосъ обращается къ Бэлу, описываетъ его нашествіе на Арменію, куда удалился Хайкъ, сраженіе съ послѣднимъ и смерть его отъ руки родоначальника армянъ.

«Утвердивъ, говоритъ випасáнъ, власть свою надъ всѣми, Бэлъ титанидъ отправляетъ въ сѣверную страну одного изъ сыновей своихъ въ сопровожденіи преданныхъ мужей съ предложеніемъ Хайку—покориться ему и жить въ мирѣ.—«Ты поселился, говоритъ онъ (Хайку), посреди холодныхъ ледниковъ: согрѣй, смягчи холодъ оцѣпенѣлаго гордаго твоего нрава и, покорившись мнѣ, живи въ мирѣ въ странѣ мною обитаемой, гдѣ только тебѣ будетъ угодно.» — Но Хайкъ отослалъ пословъ Бэла съ суровымъ отвѣтомъ. Посланный возвращается обратно въ Вавилонъ.

«Тогда Бэлъ титанидъ, собравъ рать, состоящую изъ полчища
пѣшихъ воиновъ, приходитъ на сѣверъ, въ землю Араратскую, къ
42 дому [3]) Кадмоса. Кадмосъ поспѣшно собирается, пославъ передъ собою къ Хайку хорошихъ гонцовъ:» да будетъ тебѣ извѣстно, о великій между полубогами, велитъ сказать ему, что Бэлъ идетъ на тебя въ сопровожденіи безсмертныхъ кадж'овъ [4]) и высокорослыхъ бойцовъ-исполиновъ. Узнавъ о приближеніи его къ моему дому, я

---

[1]) «Харк̓», Հարք—множественная форма слова «хайр=«отецъ»; слѣд. «Харк=отцы.» Хоренскій тутъ же за этими словами предлагаетъ свое толкованіе, говоря: «отъ поселившихся здѣсь народилось поколѣніе Ѳоргома», разумѣя Армянъ.

[2]) «Хайкашэн», Հայկաշէն—слово сложное изъ собственнаго имени «Хайкъ» и «шэн»—корень глагола «шинѐмъ»—строю; слѣд. оно значитъ «построенное Хайкомъ».

[3]) «къ дому»—буквальный переводъ слова «тун, տուն=домъ»: употреблено въ смыслѣ „мѣсто поселенія, жилище."

[4]) «безсмертныхъ кадж'овъ.» См. стр. 39 прим...—Этимъ эпититомъ подтверждается наше толкованіе слова «кадж.»

убѣжалъ и поспѣшно иду къ тебѣ. И такъ немедля подумай, что тебѣ дѣлать.»

«Между тѣмъ Бэлъ съ дерзновенной и чудовищной силою своего полчища, словно бурный потокъ, низвергающійся съ крутыхъ высотъ, спѣшилъ дойти до мѣста пребыванія Хайка, увѣренный въ мужествѣ и силѣ мощныхъ своихъ воиновъ.—Тутъ умный, разумный, быстроокій исполинъ [2]) съ божественными кудрями, поспѣшно собираетъ сыновей своихъ и внуковъ—мужей храбрыхъ, луконосцовъ, числомъ очень небольшимъ, (присоединивъ къ нимъ) и другихъ (людей), бывшихъ подъ его властью, доходитъ до Солянова озера [3]), изобилующаго мелкими рыбками.—Собираетъ онъ (вокругъ себя) своихъ воиновъ и говоритъ: «при встрѣчѣ съ полчищемъ Бэла, старайтесь проникнуть туда, гдѣ въ толпѣ героевъ находиться будетъ Бэлъ; или умремъ и всѣ домочадцы наши посту-
пятъ въ рабство Бэлу, или же показавъ на немъ мѣткость пер- 43
стовъ нашихъ, разсѣемъ его полчище и явимся побѣдителями.» И двинувшись впередъ и прошедъ все пространство, они достигаютъ равнины межъ высочайшихъ горъ, и укрѣпляются направо отъ водъ потока на возвышенномъ мѣстѣ.—Поднявъ глаза вверхъ, они увидѣли множество безпорядочнаго прилива полчища Бэла, и его, стоявшаго посреди сплошной неподвижной толпы налѣво отъ водъ на берегѣ, какъ бы на наблюдательномъ пунктѣ.—Хайкъ узналъ вооруженный отрядъ, въ главѣ котораго Бэлъ предшествовалъ своему полчищу, сопровождаемый немногими избранными. Большое пространство раздѣляло Бэла отъ его полчища. У него на головѣ была желѣзная шапка съ блестящими привѣсками, мѣдные наперсники и наплечники защищали грудь и лопатки, а поножи и локотники—голени и длани. Чресла были опоясаны; при лѣвомъ бедрѣ—мечъ

1) Винасăнъ представляетъ Хайка не простымъ смертнымъ, а «исполиномъ» (ска, սկայ) и даже «каджʼомъ».—Какъ въ началѣ этого разсказа и описанія столкновенія Хайка съ Бэломъ, такъ и здѣсь народный поэтъ употребляетъ языкъ, далекій отъ лѣтописнаго языка.

2) «Соляное озеро»—Ванское озеро, которое у армянскихъ историковъ называется «Ванскимъ моремъ.»

обоюдоострый; въ правой рукѣ ретивое копье, въ лѣвой—щитъ; по обѣимъ же сторонамъ его—избранные (мужи).

«Хайкъ», видя титанида въ такомъ сильномъ вооруженіи, окруженнаго съ правой и лѣвой сторонъ избранными мужами, поставилъ Арменака съ двумя (его) братьями направо, Кадмоса съ другими двумя своими сыновьями налѣво—они искусно владѣли мечемъ и лукомъ—самъ же сталъ впереди ихъ. Остальныхъ своихъ воиновъ поставилъ за собой и, выстроивъ ихъ треугольникомъ, спокойно подвинулся впередъ.

«Страшно сколебалась земля отъ столкновенія исполиновъ обѣихъ
44 сторонъ и отъ воинственнаго ихъ натиска. Образомъ своихъ нападеній они наводили другъ на друга ужасъ. Немало крѣпкочленныхъ исполиновъ падало тамъ съ обѣихъ сторонъ отъ лезвія меча—и для обѣихъ сторонъ побѣда оставалась сомнительною. При видѣ такого неожиданнаго случая, царь-титанидъ въ недоумѣніи, объятый страхомъ, начинаетъ, подаваясь вспять, подыматься на тотъ холмъ, съ котораго спустился было, думая укрѣпиться тамъ посреди полчища, пока подоспѣетъ вся его воинская сила, чтобы возобновить нападеніе.

«Луконосецъ Хайкъ понялъ это и, устремившись впередъ, приближается къ царю и, туго натянувъ широкій-какъ-озеро лукъ, [1]) угодилъ крылатою стрѣлою въ наперсникъ Бэла: желѣзо пробилось насквозь межъ плечъ и упало на землю. Гордый титанидъ, пораженный такимъ образомъ, грохнувшись о земь, испускаетъ духъ.

---

[1]) «туго натянувъ *широкій-какъ-озеро* лукъ»—буквальный переводъ армянскаго «лайн-а-лич,» լայնալիճ: оно образовалось отъ «лайн, լայն—широкій, и «лич,» լիճ —озеро, *а*—соединительная частица. Этотъ эпитетъ опредѣляетъ объемъ лука исполина-Хайка. Въ другомъ мѣстѣ вппасàнъ придаетъ Хайку эпитетъ «хаст-ахèхн, հաստաղեղն,» т. е. владѣющій толстымъ лукомъ (Кн. I, гл. 9), которымъ справляться могъ, вѣроятно, одинъ только Хайкъ, какъ «могучій метатель стрѣлъ.» Невольно приходитъ на память лукъ Одиссеевъ.—Весь этотъ отрывокъ, какъ и всѣ послѣдующіе, проникнуты эпическимъ характеромъ и ничего лѣтописнаго не представляютъ.

Полчище, видя такой ужасный подвигъ, обращается въ бѣгство по направленію лица своего.»[1])

---

[1]) Помимо народнаго Эпоса, а быть можетъ и на основаніи его, сложилась впослѣдствіи и сохранилась до сихъ поръ въ устахъ народа въ окрестностяхъ Вана «легенда о царѣ Немрудѣ,» на которую обращаемъ вниманіе читателя, какъ заслуживающую вниманія.

У ванскихъ армянъ о горѣ Немрудѣ а) и Ухту-Карѐр'ѣ б) существуетъ такое сказаніе.

«Могучій царь Немрудъ, насильственно захвативъ въ свои руки многія области южныхъ странъ, приходитъ въ Арменію, желая чтобы здѣсь признали его богомъ. Съ такой цѣлью онъ приступаетъ къ постройкѣ высочайшаго зданія на вершинѣ горы, гдѣ уже былъ приготовленъ строевой матеріалъ и куда на верблюдахъ возили песокъ съ берега Датва́на в). И вотъ, когда дѣло громаднаго зданія пришло къ концу на удивленіе всѣхъ зрителей, Немрудъ, желая утвердить въ умахъ народа, что онъ дѣйствительно богъ и нѣтъ другаго бога сильнѣе его, подымается на кровлю воздвигнутаго зданія, натягиваетъ свой лукъ по направленію къ небу, чтобы убить Бога, а самому заступить его мѣсто. Но истинный Богъ, при видѣ его высокомѣрія, достаетъ изъ моря (ванскаго) большую рыбу и держитъ ее противъ стрѣлы Немруда. Немрудъ пустилъ стрѣлу и попалъ въ рыбу. И потекла кровь сверху внизъ: подумалъ тотъ, что Богъ убитъ, въ чемъ и увѣрилъ всѣхъ. Межъ тѣмъ какъ онъ и всѣ свидѣтели совершившагося радовались тому въ душѣ, разразился гнѣвъ Божій: ударила молнія и обратила верблюдовъ въ камень на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застигла, самъ же съ законченнымъ своимъ зданіемъ провалился на вершинѣ горы въ отверзшуюся подъ его ногами пропасть, изъ которой полила сильная вода г),

а) Гора Немрудъ—на сѣверо-западѣ отъ Ванскаго озера, что у армянъ извѣстно подъ названіемъ «Ванское море».—На южной сторонѣ подошвы Немруда по направленію къ Датвану по протяженію долины находятся такъ называемыя, «Ухту-Карер» — скалы, изъ которыхъ каждая величиною вдвое больше слона, числомъ свыше шестидесяти. Онѣ тянутся однѣ за другими, словно караванъ какой. Въ народѣ эти скалы, или камни извѣстны подъ названіемъ «стадо верблюдовъ царя Немруда» обратившихся въ камень отъ проклятія.

б) «Ухту-Карер»—слово сложное (ухт—«верблюдъ»; кар.—«камень», поставлено въ множественной формѣ, значитъ «камни». Поэтому «Ухту-Карер»—«Камни т. е. горы верблюдовъ». Онѣ находятся на западѣ отъ Ванскаго озера, между Датваномъ и горою Немрудомъ.

в) «Датванъ»—селеніе съ пристанью на западѣ же отъ Ванскаго озера.

г) «Сильная вода», это-тѣ озера, которыя до сихъ поръ тамъ существуютъ.

«Випасанъ, по изображеніи этой чудесной картины боя исполиновъ, разсказываетъ—какъ родоначальникъ армянъ на мѣстѣ по-
46 бѣды полагаетъ основаніе армянскому царству постройкою селенія, названнаго имъ Хайк' [1]); а тамъ приступаетъ къ дѣлежу военной добычи между Кадмосомъ и своими домочадцами; самъ же возвращается въ Харк' [2]), гдѣ, много времени спустя, умираетъ.

Все, что послѣ этого разсказывается у Хоренскаго о сынѣ Хайка—Арменáкѣ, и потомкахъ послѣдняго до Арама, шестаго изъ поколѣнія Хайка, какъ заимствованное не изъ Эпоса, но изъ народныхъ преданій, мы оставляемъ въ сторонѣ и обращаемся къ випасáну, который такъ описываетъ Арама и его дѣйствія:

«Арамъ, [3]) мужъ трудолюбивый, преданный родному краю, желалъ лучше умереть за родину, нежели видѣть, какъ сыны чужеродныхъ попираютъ родную страну, и чужеродные мужи господствуютъ надъ кровными его соплеменниками... Тѣснимый окружающими его народами, онъ собираетъ множество храбрыхъ своихъ домочадцевъ, луконосцевъ, мощныхъ копьеносцевъ, юныхъ, благородныхъ, отличающихся мѣткостью рукъ, мужественныхъ, жаждущихъ боя — числомъ
47 до пятидесяти тысячъ. Онъ встрѣчаетъ на границахъ Арменіи мидійскихъ юношей, [4]) предводительствуемыхъ нѣкимъ Нюкáромъ, на-

---

покрывшая все то пространство. — Такимъ-то образомъ пропала память Немруда*!

*) См. Типографію Мал. и Вел. Арменіи Мхитариста Нерсеса Саргисеана. Венеція. стр. 273.

[1]) «Хайк',» Հայք. Здѣсь это слово означаетъ «армяне, Арменія.» Употребляясь въ этомъ смыслѣ, оно имѣетъ въ концѣ букву к, ք, съ придыханіемъ; имя же Эпонима пишется черезъ к, կ, безъ придыханія.

[2]) См. стр. 41, примѣч. 1.

[3]) Читая это описаніе Арама и его дѣяній, невольно задаешься вопросомъ: неужели халдейская Книга ниневійскаго архива могла такъ восторженно говорить о подвигахъ родоначальника?

[4]) «Мидійскіе юноши.»—Какъ увидимъ ниже, при описаніи войнъ Шамирамы съ Араемъ випасáнъ равнымъ образомъ употребляетъ слово «юноши», говоря о воинахъ ассирійской царицы. Это самое выраженіе употребляетъ и Діодоръ сицилійскій, разсказывая о воинахъ Семирамиды, по Ктезію.

званнымъ Мадес-омъ [1]): мужемъ кичливымъ, войнолюбивымъ. Онъ, поработивъ Арменію, держалъ ее въ продолженіи двухъ лѣтъ подъ игомъ, протоптывая конскими копытами... границы наши. На него-то напалъ Арамъ внезапно, истребилъ, до восхода солнца [2]), многихъ изъ его полчищъ и самаго Нюкàра, названнаго Мадес'омъ, схвативъ привелъ въ Армавиръ [3]). И тутъ онъ приказываетъ вколотить ему въ лобъ желѣзный колъ и пригвоздить къ вершинѣ башенной стѣны на позоръ проходящихъ и приходящихъ. На его страну до самой горы, называемой Зарàспомъ [4]), Арамъ наложилъ дань до воцаренія Нина въ Ассиріи и Ниневіи.

Далѣе, въ Эпосѣ воспѣвались подвиги Арама, совершенные на границахъ Ассиріи, побѣда его надъ Баршамомъ [5]) изъ поколѣнія исполиновъ, опустошавшимъ страну армянскую, и смерть его отъ 48
руки армянскаго героя; наконецъ борьба послѣдняго противъ титанидовъ, изъ которыхъ Пайапису Кахья онъ наноситъ сильное пораженіе и обращаетъ въ бѣгство, чѣмъ и водворяетъ миръ и спокойствіе въ странѣ.

Сыну Арама, Араю Прекрасному, было отведено большое мѣсто въ народномъ Эпосѣ, гдѣ Шамирамь представляется не въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть ее у Діодора, по Ктезію. Випасàнъ, указавъ на вассальное отношеніе Арая къ Нину и на удаленіе послѣдняго на островъ Критъ, приступаетъ къ изображенію страстной любви царицы къ прекрасному юношѣ. Всѣ ея ухищренія склонить его на взаимную любовь разбиваются о цѣломудріе юнаго властителя, который не поддается на ея приманки. Тогда оскорблен-

1) «Мад-есъ». Этотъ эпитетъ, вѣроятно, значитъ «мидянинъ,» такъ какъ Мидяне называли себя «Мада».

2) «до восхода солнца.» Такая точная подробность могла быть только въ Эпосѣ, а ужъ никакъ не въ лѣтописи.

3) «Армавиръ» — древнѣйшая армянская столица, основанная за 2000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. на берегу рѣки Ерасха—Аракса. Въ Армавирѣ была священная роща.

4) «Зараспъ»—гора въ Мидіи.

5) «Баршамъ» — богъ сирійскій, который представленъ здѣсь «исполиномъ» воюющимъ съ Арамомъ.

ная царица идет ено наъ войною съ цѣлью взять его въ плѣнъ и принудить утолить жажду своей любви. Но исходъ войны оказался неудачнымъ для армянъ; армянскія войска поражены и Арай убитъ. Неутѣшная царица сосредоточиваетъ всѣ свои заботы и вниманіе на покоренной странѣ, приступаетъ къ постройкѣ въ ней города, на описаніе котораго и всѣхъ чудесъ постройки випасáнъ не находитъ у себя достаточно красокъ, какъ увидимъ ниже.

Сыновья Шамирами, достигнувъ совершеннолѣтія, стали замѣчать безпорядочную жизнь своей матери, и потому потребовали отъ нея отказаться отъ власти въ пользу ихъ. Недовольная такимъ требованіемъ своихъ сыновей, она приказываетъ умертвить ихъ, кромѣ Нинія.

49 Шамирамь полюбила новопокоренную страну, гдѣ охотно проводила лѣтнее время года. Всякій разъ, отправляясь въ Арменію, она управленіе Ниневіею передавала Зерадашту, мидійскому родоначальнику. Во время одной изъ такихъ ея поѣздокъ, послѣдній задумалъ захватить царскую власть. Вслѣдствіе чего она пошла на него войною. Но будучи побѣждена, она искала спасенія въ Арменіи. Въ Эпосѣ описывалось—какъ она обратилась въ бѣгство пѣшкомъ, какъ на пути томилась жаждой, какъ она искала гдѣ напиться, какъ она утолила жажду и какъ она, настигнутая воинами, бросила свое
50 ожереліе-талисманъ въ море [1]). Тутъ-то на берегу моря совершилось,

---

[1]) Сказаніе объ ожереліи Шамирами, служившемъ ей въ отдаленныя времена талисманомъ, сохранилось до нашихъ дней. Оно, какъ увидитъ читатель, обставлено подробностями, которыя въ свою очередь указываютъ на сѣдую старину и, статься можетъ, суть отголоски Пѣсни випасановъ. Мѣсто, гдѣ сохранилось это сказаніе, есть древнее мѣсто дѣйствій Шамирами, а именно Ванъ и окрестности Ванскаго озера. Здѣсь мы приводимъ въ связь это живущее въ устахъ ванскихъ армянъ сказаніе съ древнѣйшей армянской же легендой народнаго Эпоса потому, что мы усматриваемъ въ немъ какъ бы дополненіе или разъясненіе сжатаго, отрывочнаго разсказа армянскаго историка „объ ожереліи Шамирами, брошенномъ въ море.“—Вотъ это сказаніе:

„Царица Шамирамь, однажды прогуливаясь по полямъ Васпураканской области, * замѣтила на одномъ мѣстѣ кучку дѣтей. Подошедъ къ нимъ,

*) Васпураканская область—ванскій пашалыкъ.

быть можетъ, чудесное превращеніе ея въ камень, на что указываетъ Хоренскій, заимствовавшій эту подробность, вѣроятно, изъ Эпоса. Ибо не иначе можно разумѣть загадочныя его слова: *и Шамирамъ — камень прежде Ніобеи»*, какъ допустивъ, что въ армянской легендѣ говорилось о превращеніи ассирійской царицы въ камень. Но почему *прежде Ніобеи?* Что хотѣлъ сказать Хоренскій, сопоставляя сладострастную Шамирамъ съ гордой Ніобеей — женою Амфіона, дочерью Тантала, внукою Атланта, сродницей Зевса?

Такимъ образомъ армянская легенда представляется намъ въ своеобразно-самобытномъ видѣ въ противоположность сказанію Ктезія, по которому Семирамида внезапно исчезаетъ изъ міра, какъ-бы восхищенная въ сонмъ боговъ [1]).

она видитъ, что мальчики съ любопытствомъ разсматриваютъ ожерелье, найденное ими на землѣ. Взглянувъ на него, она тотчасъ поняла всю цѣну его: беретъ его у дѣтей и, щедро наградивъ ихъ, отпускаетъ. При помощи этого ожерелья она стала кудесить и волховать, стала творить всевозможное лихо по всей той странѣ, повинуясь внушеніямъ испорченнаго своего сердца. Силою этого ожерелія она привораживала къ себѣ — кого хотѣла, для утоленія своего сластолюбія; а кого извести желала, то дѣлала это безъ малѣйшаго труда. Эго видѣли всѣ, но никто не осмѣливался молвить слово. Одинъ только старецъ, имѣвшій къ ней свободный доступъ, зналъ сокровенныя ея мысли: онъ былъ ея совѣтникомъ. Онъ давно задумалъ и долго вращалъ въ умѣ своемъ мысль—избавить страну отъ Шамирами и отъ силы ея ожерелья. Разъ, когда онъ съ царицей былъ въ городѣ Артамэтѣ, *) улучивъ минуту, вырвалъ изъ рукъ ея ожерелье и пустился бѣжать. Шамирамъ запылала гнѣвомъ, пришла въ бѣшенство, погналась за нимъ, но не догнала его. Тогда царица распускаетъ свою длинную, густую косу, заплетаетъ ее въ пращу, хватаетъ громадную скалу, кладетъ ее въ косу и пускаетъ вслѣдъ за старцемъ. Силою метанія вырвало у нея косу со скалою, которая докатилась до рва, находившагося близъ города Артамэта и упала въ него. Тѣмъ временемъ старецъ продолжалъ свой бѣгъ съ ожерельемъ въ рукѣ. Добѣгаетъ онъ до берега Датвана **) и бросаетъ ожерелье въ море (ванское). Такимъ-то образомъ вся старана избавилась, наконецъ, отъ дѣйствія чаръ Шамирами".

[1]) См. у Діодора сицилійскаго кн. II, 20.

*) Городъ Артамэтъ на юго-восточномъ берегу ванскаго озера.

**) Датванъ —пристань на юго-западномъ берегу того же ванскаго озера.

51 Очертивъ въ сжатомъ видѣ эту легенду на основаніи Хоренскаго, мы снова беремся за оставленную нами нить изложенія историческихъ событій по народному Эпосу. Въ немъ событія изъ жизни Арая Прекраснаго и Шамирами были изложены, какъ мы сказали, подробно. Мы перескажемъ ихъ здѣсь, по принятому нами плану, какъ сдѣлали это относительно Хайка и Арама.

Арай, подобно отцу своему, Араму, находился въ вассальномъ отношеніи къ Нину. Поэтому молва о красотѣ его не замедлила дойти до Шамирами. «Сладострастная, блудная царица, говоритъ випасáнъ, искала случая утолить страсть свою; но не рѣшалась дѣйствовать открыто при жизни Нина. Послѣ его бѣгства на Критъ, она смѣло начинаетъ лелѣять свою страсть: посылаетъ пословъ къ Араю Прекрасному съ богатыми дарами. Дѣлая ему большія обѣщанія, убѣдительно проситъ пріѣхать въ Ниневію—взять ее въ супружество и царствовать надъ всѣмъ, чѣмъ владѣлъ Нинъ, или же удовлетворивъ ея страсть, возвратиться съ миромъ на свое мѣсто съ большими дарами.

«Послѣ неоднократныхъ сношеній съ Араемъ и несогласія его (на предложеніе царицы), по прекращеніи переговоровъ, Шамирамь въ сильномъ гнѣвѣ, въ сопровожденіи многочисленнаго войска спѣшитъ проникнуть въ землю армянскую и напасть на Арая. Но по всему было видно, что она шла не съ тѣмъ, чтобы преслѣдовать его или умертвить; но, чтобы, покоривъ его и взявъ (въ плѣнъ), заставить
52 исполнить ея волю и желаніе.—Въ страстномъ своемъ безуміи она, *какъ поется о ней въ Пѣснѣ*, горѣла къ нему желаніемъ, живо представляя его себѣ. Она стремительно является на поле Арая. Передъ боемъ она даетъ приказаніе своимъ военачальникамъ — стараться, если удастся, сохранить жизнь Арая. Но когда завязался бой, войско Арая понесло пораженіе и онъ самъ палъ (подъ ударами) юношей Шамирами. Послѣ побѣды царица отправляетъ на мѣсто сраженія расхитителей труповъ искать между тѣлами падшихъ (своего) многожеланнаго возлюбленнаго. Находятъ Арія мертвымъ между (падшихъ) храбрецовъ. Царица приказываетъ положить его въ горницѣ дворца».

И когда армянское воинство снова возстало войной противъ царицы Шамирамы на отмщеніе за смерть Арая, она сказала:—«я приказала богамъ моимъ лизать его раны, и онъ оживетъ». Сама же, обуянная безумной страстью, надѣялась оживить его чарами своего волшебства. Но когда трупъ его разложился, она приказала бросить его въ глубокій ровъ и засыпать; и объ одномъ изъ своихъ любовниковъ, втайнѣ облеченномъ въ пышную одежду, распустила такую молву: «Боги, облизавъ Арая, оживили его, и тѣмъ исполнили наше страстное желаніе. Посему отнынѣ они, какъ угождающіе намъ, исполняющіе нашу волю и доставляющіе усладу, достойны большаго чествованія и прославленія отъ насъ».—Она воздвигла во имя дэв'овъ [1]) новое изображеніе и торжественно чествовала его жертвами, желая 53
показать всѣмъ, что сила этихъ боговъ возвратила Арая къ жизни. — Такъ-то Шамирамь, пустивши въ ходъ эту молву по всей землѣ армянской и убѣдивъ (въ томъ) всѣхъ, положила конецъ войнѣ».

Успокоивъ умы и отдохнувъ немного на араратской полянѣ, «Шамирамь отправляется на югъ горной страны съ желаніемъ прогуляться по долинамъ и по цвѣтистымъ полямъ—пора была весенняя. Увидавъ красоту страны, чистоту воздуха, во́ды прозрачныхъ источниковъ, журчаніе величественныхъ рѣкъ, она сказала: «слѣдуетъ намъ построить городъ и дворецъ въ этой странѣ, гдѣ воздухъ такъ благорастворенъ, во́ды такъ прозрачны и проводить четвертую часть года—лѣтнее время, въ Арменіи въ полномъ удовольствіи; остальныя же три холодныхъ времени года проведемъ въ Ниневіи.

«Осмотрѣвъ многія мѣста и дошедъ, съ восточной стороны, до берега Солянаго озера, Шамирамь замѣтила близь берега озера продолговатый холмъ съ легкимъ скатомъ со стороны сѣверной, тянувшійся въ протяженіи своемъ къ закату; на югѣ же находилась пещера, прямо и отвѣсно обращенная къ небу. Поодаль, на полуденной сторонѣ, долина, раскинувшись поляной, тянулась къ востоку отъ горы и, спускаясь къ берегу озера, становилась обширною и прелестною. По этимъ мѣстамъ текли студеныя воды, которыя, низвер-

---

[1]) „Дэв'овъ — здѣсь употреблено въ значеніи „боговъ", — см. также прим. 35.

гаясь съ горы, сочась и струясь изъ лощинъ, долинъ и разсѣлинъ, находящихся у основанія горъ, и стекаясь въ одно, разливались какъ пышныя рѣки. И не мало было въ этой плоской долинѣ се-
54 леній, построенныхъ направо и налѣво отъ водъ. На востокѣ отъ холма, приглянувшагося царицѣ, была небольшая гора.

„Здѣсь-то сладострастная, (одаренная) мужавымъ духомъ Шамирамъ остановила свой взоръ и дала приказаніе привести немедленно на желанное (это) мѣсто изъ Ассиріи другихъ подвластныхъ странъ двѣнадцать тысячъ работниковъ и шесть тысячъ изъ ея мастеровъ, искусныхъ рѣщиковъ па деревѣ, камнѣ, на мѣди и желѣзѣ, знающихъ въ совершенствѣ свое искусство. Повелѣніе царицы съ точностью было исполнено: немедленно приведена разнородная толпа работниковъ и многоискусныхъ, совершенныхъ художниковъ.

«Прежде всего Шамирамъ приказываетъ строить рѣчную плотину изъ огромныхъ дикихъ камней, вмѣстѣ сплоченныхъ посредствомъ извести и песку—на безмѣрную ширину и вышину... Напрасны были-бъ усилія того, кто пытался бы вынуть изъ этого строенія камешекъ, годный для пращи. Глядя на искусную спайку камней, кажется, видишь передъ собою разлитое растопленное сало. Такъ провела Шамирамъ эту плотину... до города. «Тамъ приказываетъ она раздѣлить толпу работниковъ на нѣсколько разрядовъ и назначить надъ каждымъ изъ нихъ мастерами избраннѣйшихъ изъ художниковъ. И такимъ образомъ занимая ихъ сильно напряженной работой, она, по прошествіи немногихъ лѣтъ, завершаетъ постройку дивнаго (города), обведеннаго крѣпчайшими стѣнами съ мѣдными вратами. Строитъ также внутри города множество превосходнѣйшихъ двухъ-и-трехэтаж-
55 ныхъ дворцовъ, обращенныхъ на востокъ, украшенныхъ различными красками и разноцвѣтными камнями. Части города она отмѣчаетъ красками и проводитъ между ними широкія улицы. Посреди города, на надлежащихъ мѣстахъ, строитъ чудесныя бани, достойныя удивленія. Отводя часть рѣки, проводитъ ее по городу для различныхъ нуждъ—орошенія садовъ и цвѣтниковъ, а другую часть ея—по правому и лѣвому берегамъ озера для орошенія города и всѣхъ его окрестностей.—Восточную, сѣверную и южную стороны города украшаетъ виллами, вѣтвистыми деревьями, отличающимися одни отъ

другихъ плодами и листвой. Сажаетъ также множество виноградныхъ лозъ плодоносныхъ, обильно-обѣщающихъ вино. И во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпно и славно созидаетъ она крѣпкостѣнный городъ и населяетъ его безчисленнымъ множествомъ народа...

«На вершинахъ городскихъ стѣнъ Шамирамъ строитъ потаенные царскіе покои съ трудными входами и труднѣйшими выходами...

«На той сторонѣ пещеры, которая обращена на востокъ... изсѣчены различныя дверцы, покои съ почивальнями, казнохранилищами, продолговатыя углубленія — и кто разскажетъ, какихъ чудесъ она не настроила тутъ!—По всей поверхности скалы она, какъ перомъ по воску, начертила множество письменъ... во многихъ мѣстахъ земли армянской воздвигла столпы и подобными же письменами начертила надписи [1])...

У нашего историка, послѣ описанія отношеній Шамирами къ Араю 56
Прекрасному, покоренія Арменіи, великихъ построекъ, предпринятыхъ и совершенныхъ ею въ этой странѣ, слѣдуетъ 7 главъ—отъ 17 до 23-й включительно—въ которыхъ лица и событія сильно перепутаны, благодаря тому, что Хоренскій, помимо своего псевдо-Маръ-Абаса, обращается къ различнымъ у него подъ рукой находящимся туземнымъ источникамъ, въ томъ числѣ и къ Эпосу. Разобраться въ этомъ хаосѣ не легко, хотя и возможно, но не здѣсь; ибо это отвлекло бы насъ отъ нашей задачи. Поэтому, ограничившись этимъ общимъ замѣчаніемъ, обратимся къ 24-ой главѣ Первой Книги, гдѣ онъ снова возвращается исключительно къ народному Эпосу и по этому источнику разсказываетъ исторію Тиграна I Великаго.

Упомянувъ о томъ, что послѣдній раздвинулъ границы Арменіи до прежнихъ ея предѣловъ, историкъ уступаетъ слово випасану, кото-

[1]) Всѣ эти великія постройки Шамирами въ Арменіи, описанныя випасаномъ, имѣютъ большое сходство съ разсказомъ Ктезія, приведеннымъ у Діодора. Книдскій историкъ заимствовалъ эти подробности, вѣроятно, изъ архивовъ парсійскихъ въ бытность свою при дворѣ персидскомъ.—См. у Діодора кн. II, 6—16.

рый такъ воспѣваетъ и Тиграна и дѣянія его какъ внутри, такъ и внѣ Арменіи:

«Ставъ во главѣ мужей и показавъ мужество, Тигранъ тѣмъ возвысилъ нашъ народъ, и насъ, находившихся подъ игомъ другихъ, сдѣлалъ налагателями ярма на многихъ, и заставляющими платить
57 себѣ дань [1]). Онъ умножилъ золото и серебро и драгоцѣнные камни, и разнотканную одежду для мущинъ и женщинъ по ихъ возрасту. Въ такой одеждѣ некрасивые являлись дивными, а красивые—полубогами... При Тигранѣ пѣхота очутилась на коняхъ; пращники явились вообще мѣткими стрѣлками; сѣкироносцы вооружены мечемъ и копьемъ; безоружные покрылись щитомъ и броней. Достаточно было одного вида этого воинства, вмѣстѣ собраннаго, закованнаго въ блестящія и сіяющія латы, чтобы обратить непріятеля въ бѣгство. Насадитель мира и строитель, Тигранъ медомъ и елеемъ питалъ всѣ возрасты.

«Еще много подобнаго совершилъ для нашей страны Тигранъ Еруандеанъ, Тигранъ бѣлокурый, съ завитыми концами волосъ, румяный, красивоглазый, рослый, широкоплечій, бедристый, красивоногій, воздержный въ пищѣ и питіѣ, на пирахъ умѣренный.—*О немъ древніе наши пѣвцы, при звукѣ бамбирн'а, пѣли;*—«Онъ владѣлъ своими страстями, былъ краснорѣчивъ и велемудръ во всемъ полезномъ для человѣчества... правосудный, нелицепріятный, онъ на вѣсахъ ума своего взвѣшивалъ поступки каждаго; не завидовалъ лучшимъ мужамъ и не презиралъ простолюдина, а старался равномѣрно простирать на всѣхъ покровъ своей заботливости [2])».

58 Далѣе въ Эпосѣ воспѣвалась дружба Тиграна съ Киромъ и Аждахакомъ. Послѣдній опасался союза между этими двумя своими со-

---

[1]) Тутъ ужъ Хоренскій забылъ совершенно, что приписывалъ Маръ Абасу исторію своего отечества, и приведеніемъ разсказа випасана въ неизмѣненномъ видѣ обличаетъ себя сильно. Ибо халдейская книга никакъ не могла говорить объ армянскомъ царѣ, что „Тигранъ возвысилъ *нашъ* народъ, и *насъ*, находившихся подъ игомъ, сдѣлалъ налагателями ярма на другихъ"...

[2]) Кн. I, гл. 24—Замѣчаніе предъидущаго примѣч. можетъ быть отнесено и къ этому отрывку.

сѣдними государями. Опасеніе это поддерживалось какимъ-то пророческимъ внушеніемъ. Випасанъ говоритъ», что при одной только мысли объ этомъ, сонъ покидалъ Аждахака». Не разъ обращался онъ къ своимъ совѣтникамъ съ вопросомъ: «какими средствами расторгнуть намъ дружественную связь, соединяющую Парса съ многодесятитысячнымъ Хайкидомъ?»—Между тѣмъ какъ эти мысли волновали его, въ пророческихъ сновидѣніяхъ представляется ему толкованіе грядущаго, о чемъ такъ разсказываетъ випасанъ [1])...

«Въ тѣ дни немалой опасностью угрожалъ Аждахаку, что изъ Мар'овъ, союзъ Кира съ Тиграномъ. Поэтому отъ сильнаго волненія мыслей ночью во снѣ представилось ему видѣніе, какого не приходилось ему видѣть на яву глазами, ниже слышать ушами. Вскакиваетъ онъ со сна и, не дожидаясь установленнаго обычнаго часа совѣщанія—хотя была еще глубокая ночь — сзываетъ совѣтниковъ. Сидитъ онъ съ печалью на лицѣ, съ потупленными въ землю глазами, и изъ глубины сердца рыкаетъ, вздыхая. Совѣтники спрашиваютъ о причинѣ такой печали — онъ долго медлитъ отвѣтомъ. Наконецъ со вздохомъ высказываетъ мысли и опасенія, сокровенно лежавшія въ тайникѣ его сердца и съ тѣмъ вмѣстѣ подробности ужаснаго видѣнія.

«Сегодня, говоритъ онъ, былъ я, друзья мои, въ какой-то невѣ- 59
домой странѣ близь горы, высоко-подымающейся надъ землею; горы, вершина которой казалась покрытою льдомъ. Говорили, будто это была земля Хайкидовъ [2]). Между тѣмъ какъ я пристально смотрѣлъ на эту гору, представилась моимъ глазамъ женщина, сидящая на самой вершинѣ, одѣтая въ пурпуръ и покрытая небеснаго цвѣта покрываломъ: женщина прекрасноглазая, высокорослая и краснощекая — она мучилась родами. Въ то время, какъ я въ удивленіи смотрѣлъ на это зрѣлище, та женщина вдругъ разрѣшилась тремя взрослыми, совершеннолѣтними полубогами. Первый изъ нихъ, сѣвъ на льва, устремился къ закату; второй на леопардѣ держалъ путь на полночь;

---

[1]) Кн. I, гл. 25.

[2]) „Земля Хайкидовъ“—Арменія.

а третій, взнуздавъ чудовищнаго дракона, стремился въ наше государство.

«Во время этихъ смутныхъ сновидѣній, казалось, стою я на кровлѣ своего дворца; вижу всю поверхность моихъ палатъ убранною многоцвѣтными красивыми коврами; (вижу) вѣнчавшихъ насъ боговъ стоящими тамъ въ дивномъ величіи и себя—чествующимъ ихъ съ вами ѳиміамомъ и приношеніемъ жертвъ. Взглянувъ наверхъ, вдругъ я увидалъ сидящаго на драконѣ несущимся на орлеподобныхъ крыльяхъ; онъ, приблизившись, хотѣлъ сокрушить боговъ. Но я, Аждахакъ, бросился межъ нихъ, принялъ на себя нападеніе полубога и вступилъ съ нимъ въ бой. Сначала мы копьями нанесли другъ другу раны и, проливая кровь ручьями, обратили солнцеподобную поверхность нашихъ палатъ въ море пролитой крови. Въ продолженіе многихъ часовъ (бились мы) и на другихъ оружіяхъ.

«Но какая мнѣ польза отъ продолженія этого разсказа, такъ какъ дѣло кончилось моимъ пораженіемъ. Сильный потъ, вызванный страхомъ, обливалъ меня — улетѣлъ отъ меня сонъ: съ этой минуты я не считаю себя въ числѣ живыхъ.—Явленіе этихъ видѣній означаетъ не иное что, какъ сильное на насъ нашествіе, приготовляемое Тиграномъ хайкидомъ. Итакъ, послѣ содѣйствія боговъ, тотъ кто придетъ намъ на помощь—словомъ или дѣломъ—имѣетъ право дѣлить наравнѣ съ нами царскую власть.

«Аждахакъ, услышавъ отъ своихъ совѣтниковъ много полезныхъ мыслей, почтилъ ихъ благодарностью [1]).

«Услышавъ отъ васъ, друзья мои, много мудраго и разумнаго, выскажу и свои мысли, которыя въ настоящемъ случаѣ, послѣ помощи боговъ, могутъ быть полезны. Въ отношеніи враговъ, не смотря даже на извѣстность ихъ замысловъ, ничто не бываетъ такъ полезно, какъ измѣна, совершенная посредствомъ дружбы. И теперь нѣтъ у насъ другаго средства исполнить это, ни сокровищами, ни обманчивыми словами, кромѣ какъ поступать по моей волѣ: привести къ исходу эти замыслы и ковы можно только при помощи Тигрануи—сестры Тиграна, прекраснѣйшей и разумнѣйшей между

[1]) Кн. I, гл. 26.

женами. Ибо подобное извнѣ-пришедшее свойство много облегчитъ 61
исполненіе самого замысла, когда начнутся тайныя сношенія: тогда обѣщаніемъ богатства и почестей приближеннымъ Тиграна можно дать приказаніе или умертвить его, или отравить; или же обѣщаніемъ сокровищъ приближеннымъ его и правителямъ (областей) привлечь ихъ на нашу сторону. Тогда мы возьмемъ (Тиграна), какъ безсильнаго ребенка.

«Друзья Аждахака, нашедъ эту мысль полезною, приступили къ приведенію ея въ дѣйствіе.

«Аждахакъ отправляетъ къ Тиграну одного изъ своихъ совѣтниковъ съ большими сокровищами и съ письмомъ слѣдующаго содержанія [1]):

«Ты знаешь, любезный мой братъ, что изъ благъ, дарованныхъ богами, ничто не можетъ быть для насъ въ мірѣ полезнѣе, какъ имѣть много друзей, въ особенности (друзей) мудрыхъ и могучихъ. Ибо тогда не возникнутъ крамолы извнѣ; если же явятся, то, не имѣя возможности проникнуть во внутрь государства, скоро будутъ разсѣяны. Видя такую пользу отъ дружбы, я рѣшился еще тверже и глубже упрочить существующую между нами пріязнь. Укрѣпившись со всѣхъ сторонъ, мы можемъ въ цѣлости неколебимо сохранить власть нашу. И это осуществится, когда ты отдашь мнѣ въ жены царевну Великой Арменіи, сестру твою Тигрануи́; и если сочтешь для нея за благо—она будетъ назначена царицею царицъ.— Будь здоровъ, вѣнценосный любезный братъ нашъ [2])!»

«Царь армянскій, ничего не подозрѣвая, соглашается на предло- 62
женіе Аждахака: отправляетъ сестру, согласно принятому у царей обычаю въ подобныхъ случаяхъ. Аждахакъ принимаетъ Тигрануи́ и назначаетъ ее первою между своими женами. Послѣ этого онъ ни-

---

[1]) Кн. I, гл. 27.

[2]) Кн. I, гл. 28.—Присутствіе письма въ эпосѣ, непривычное въ западныхъ эпическихъ произведеніяхъ, было весьма обыкновенное явленіе на Востокѣ. Такъ, кромѣ армянскаго эпоса, мы встрѣчаемъ подобную же переписку въ Шах-Наме Фирдуси.—См. Первый Томъ втораго изданія перевода Мо́ля, стр. 257, 267, 294, 297, 430 и т. д.

чего не предпринимаетъ въ своемъ государствѣ безъ ея воли: по слову ея все принимало свое назначеніе, и повелѣнію ея должны были повиноваться всѣ. Аждахакъ, устроивъ все это, начинаетъ обольщать ее вкрадчивыми рѣчами.—«Ты знаешь, говоритъ онъ ей, твой братъ Тигранъ, возбужденный своей женой, Заруи́, завидуетъ тому, что ты назначена арійскою царицей. И чѣмъ можетъ это кончиться, если не моею, во-первыхъ, смертью и, во-вторыхъ, назначеніемъ Заруи́ надъ Арійцами и занятіемъ ею мѣста богинь [1]). И потому предстоитъ тебѣ избрать одно изъ двухъ — или изъ любви къ брату согласиться на позорное униженіе въ глазахъ Арійцевъ, или же для собственнаго блага предложить полезный совѣтъ и позаботиться о предстоящихъ обстоятельствахъ.» — Между этими ковами скрывалось и то, что если, Тигрануи́ не согласится съ Маро-Парсомъ [2]), то будетъ умерщвлена. Но хитроумная красавица, уга-
63 давъ измѣну, отвѣчаетъ Аждахаку словами любви. И она немедленно сообщаетъ объ (этихъ) ковахъ брату своему черезъ вѣрныхъ людей.

«За симъ (Аждахакъ) приступаетъ къ дѣлу: черезъ пословъ предлагаетъ Тиграну пріѣхать на свиданіе въ назначенное на границахъ двухъ государствъ мѣсто, какъ бы для совѣщанія о важномъ дѣлѣ, котораго нельзя рѣшить письменно, или черезъ посольство, но только при свиданіи ихъ между собою лицемъ къ лицу. Но Тигранъ, зная исходъ посольства, не скрылъ отъ Аждахака его замысловъ и въ письмѣ высказалъ все, лежавшее въ глубинѣ его сердца. И когда зло обнаружилось, никакія слова, никакая хитрость не могли бросить на него покрова. Тогда явно загорѣлась война.

«И собираетъ царь армянскій изъ предѣловъ Каппадокіи, Иверіи, земли Ах'вановъ, изъ Великой и Малой Арменіи все избранное воинство и со всею своей силой идетъ на страну мидійскую. Тогда опасность угрожала Аждахаку при встрѣчѣ съ Хайкидомъ войною, хотя онъ былъ и не съ малымъ числомъ войска. Непріязненныя отношенія продолжались уже около пяти мѣсяцевъ. Здоровое и

---

[1]) Какъ мужи-цари въ армянскомъ Эпосѣ назывались *кадж*'ами (=богами), такъ и жены-царицы считались *богинями*.

[2]) Маро-Парсъ, т. е. Медо-Парсъ.

скороисполнимое дѣло изнемогало, какъ только Тиграну приходила на мысль любимая его сестра. Онъ старался устроить исходъ дѣла такъ, чтобы возможно было найти средство спасти Тигрануй́. Между тѣмъ приближалось время боя.

«Но хвалю богоподобнаго копьеносца, стройнаго, красотою совершеннаго, статнаго и не имѣющаго себѣ равнаго по силѣ... Когда завязался бой, Тигранъ широкимъ острокопечіемъ копья (своего) 64
разрѣзалъ крѣпкую желѣзную броню Аждахака, какъ воду, и Маръ [1]), насквозь пронзенный, очутился на концѣ копья его. Тутъ Тигранъ притянулъ свою руку и вмѣстѣ съ оружіемъ — вытащилъ половину его легкаго. — Но бой былъ изумительный: герои, столкнувшіеся съ героями, не скоро обращали тылъ другъ передъ другомъ. Поэтому въ теченіи долгихъ часовъ продолжалось дѣло, которому положила конецъ смерть Аждахака. Этотъ случай вмѣстѣ съ другими счастливыми удачами еще болѣе увеличилъ славу Тиграна [2]).»—

Послѣ этого Тигранъ съ многочисленной свитой обратно отправляетъ сестру свою въ Арменію.—Затѣмъ первую жену Аждахака — Ануйшъ, и много дѣвъ отъ его сѣмени вмѣстѣ съ юношами и множествомъ другихъ плѣнныхъ, числомъ болѣе десяти тысячъ, поселилъ Тигранъ на востокѣ отъ Арарата. Потомки этихъ военноплѣнныхъ еще во II вѣкѣ нашей эры жили въ Арменіи [3]).

Въ Эпосѣ воспѣвались дальнѣйшіе подвиги армянскаго царя. Въ немъ же описывалось чудесное рожденіе мнимаго сына его, Вахагн'а, о чемъ мы упомянули выше [4]).

Этими заимствованіями изъ народнаго Эпоса заключается Первая Книга Исторіи Моисея Хоренскаго. — Въ нихъ, какъ мы видѣли, воспѣвались подвиги родоначальника Хайка, Арама, Арая Прекрас- 65
наго, Тиграна Великаго и др. Вся древнѣйшая армянская исторія въ упомянутой Первой Книгѣ состоитъ, собственно говоря, изъ дѣяній четырехъ этихъ лицъ. Хайкъ, котораго христіанскіе армянскіе писатели V вѣка отождествляютъ съ созвѣздіемъ звѣроловствующаго

[1]) Въ древней Арменіи „мидійцевъ“ называли *Мар*'ами, т. е. *Драконами* по имени мидійскаго царя *Астіага*, что значитъ „драконъ.“

[2]) Кн. I, гл. 29.—[3]) Кн. I, гл. 30.—[4]) Кн. I, гл. 31.

Оріона, какъ и Вахáг'на съ Аполлономъ—есть, конечно, лице полумиѳическое, представляющее собою арійскій элементъ въ борьбѣ съ началомъ семитическимъ въ лицѣ вавилонскаго верховнаго божества Бэла-(Меродаха), надъ которымъ онъ торжествуетъ, побѣдивъ его окончательно и въ лицѣ своемъ утвердивъ навсегда самостоятельное существованіе олицетворяемаго имъ народа.

Съ такимъ же миѳическимъ характеромъ представляется Арамъ. Онъ всю жизнь проводитъ въ борьбѣ не только съ титанами, но и съ сирійскимъ верховнымъ богомъ, Баршамомъ, котораго, побѣдивъ, убиваетъ.

Замѣтимъ кстати, что эпонимъ Хайкъ сообщаетъ свое имя народу, который съ тѣхъ поръ сталъ называть и себя и страну *Хайк*'омъ; точно также по имени другаго эпонима, Арама, чужіе народы стали именовать его народъ *Армен*'ами, а страну—*Армен*'іею [1]).

66 Арай, защищая свою страну, погибаетъ въ войнѣ противъ Шамирами, царицы ассирійской — опять борьба съ симитическимъ началомъ—т. е. въ войнѣ опять таки противъ лица миѳическаго, какимъ въ сущности былъ также и онъ самъ.

---

[1]) Послѣ борьбы Хайка съ Бэломъ и побѣды надъ нимъ, Эпосъ молчаніемъ проходитъ о дѣяніяхъ непосредственныхъ потомковъ родоначальника Армянъ и говоритъ только о шестомъ изъ нихъ, а именно объ Арамѣ. Арамъ любилъ свой родной край, не могъ видѣть его и соплеменниковъ своихъ въ униженіи, подъ игомъ сосѣднихъ народовъ. Возставъ, онъ отражаетъ сначала нашествіе мидійцевъ, которые подъ начальствомъ Нюкара-Мадеса опустошали его страну, и заставляетъ ихъ платить себѣ дань. Потомъ на границахъ Ассиріи онъ наноситъ пораженіе сирійцамъ, которыхъ также дѣлаетъ своими данниками. Усмиривъ титанидовъ въ лицѣ титана Пайаписа Кахья, онъ назначаетъ правителей въ замиренныхъ восточной и западной частяхъ своего отечества, равно какъ и въ Каппадокіи, гдѣ предписываетъ жителямъ употребленіе армянскаго языка.

Все это прославило имя Арама внѣ предѣловъ его отечества, вслѣдствіе чего сосѣдніе народы стали называть его соплеменниковъ по его имени *Армен*'ами. Кн. I, гл. 13 и 14.—Это туземное преданіе, само собою разумѣется, должно имѣть предпочтеніе передъ греческимъ сказаніемъ, по которому страна эта получила, будто бы, свое наименованіе отъ одного изъ спутниковъ Язона—ѳесалійца Арменоса.—*Страбонъ*, Кн. XI, гл. IV.

Такимъ образомъ Арай съ отцемъ своимъ Арамомъ и родоначальникомъ Хайкомъ составляютъ миѳическую тріаду, олицетворяющую собою идею земли армянской, которой они дали политическое бытіе.

Наконецъ на историческую сцену выступаетъ Тигранъ—лице уже не миѳическое, не смотря на легендарный характеръ нѣкоторыхъ дѣяній, ему приписываемыхъ. Онъ имѣетъ дѣло не съ богами, исполинами, или титанами, а съ Киромъ [1]), и наконецъ съ Аждаха́комъ, царемъ мидійскимъ—съ личностью, вполнѣ историческою.

Изъ вышеприведенныхъ извлеченій ясно, что они заимствованы не изъ халдейскихъ, ассирійскихъ, парсійскихъ и греческихъ источниковъ, но изъ народнаго Эпоса. Мы не говоримъ уже о поэтиче- 67
скихъ картинахъ, описаніяхъ сраженій, о складѣ рѣчи и обо всемъ томъ, что̀ обличаетъ до очевидности эпическое происхожденіе вышеприведенныхъ отрывковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ безжизненнымъ разсказомъ лѣтописей, какимъ долженъ былъ быть разсказъ мнимаго Маръ Абаса.

IV.

Поэтическая дѣятельность випаса̀новъ не ограничивалась воспѣва- 68
ніемъ подвиговъ героевъ лишь изъ династіи Хайка. Періодъ армянскихъ Аршакидовъ равнымъ образомъ имѣлъ своихъ пѣвцовъ, услаждавшихъ народъ пѣснями, обломки которыхъ сохранилъ тотъ же Хоренскій. Сколько нибудь выдающіяся событія внутренней или внѣшней жизни находили отзвукъ въ душѣ випаса̀на и онъ въ поэтическихъ образахъ воспѣвалъ ихъ передъ народомъ при звукѣ *бамбирн*'а. Подвиги царей, великихъ нахарарскихъ родовъ въ періодъ аршакидовъ такъ же, какъ и въ предшествовавшій періодъ хайкидовъ, помимо того что заносились въ Храмовыя исторіи, или Книги царей, вызывали сочувствіе или порицаніе народныхъ пѣвцовъ, чему доказательствомъ служитъ Вторая Книга Исторіи Хоренскаго. На

---

[1]) Онъ впрочемъ не совсѣмъ свободенъ отъ легендарнаго характера, такъ какъ его отождествляютъ съ *солнцемъ*.

основаніи этой Книги укажемъ на лица и событія, которыя отражались въ народномъ Эпосѣ.

Здѣсь на первомъ планѣ представляется намъ Торк' — мнимый потомокъ Паск'ама, внука Хайка́ка. Говоримъ „мнимый" потому, что считаемъ его однимъ изъ армянскихъ полубоговъ точно такъ же,
69 какъ Вахагн'а—мнимаго сына Тиграна Великаго, принимаемъ за *бога*. Все, что випаса́ны приписывали ему, могло быть совершено только существомъ божественнаго происхожденія. Хоренскій ставитъ его выше извѣстныхъ полубоговъ и исполиновъ, прославившихся въ древности силою, каковыми были Гераклесъ и Геркулесъ, Самсонъ и Ростомъ, къ числу которыхъ прибавимъ, съ своей стороны, Полифема и Какуса. Випаса́нъ говоритъ, что „Торк' имѣлъ черты лица грубыя, былъ высокъ, неуклюжъ, со сплюснутымъ носомъ, впалыми глазами, дикимъ взглядомъ; что онъ былъ исполинскаго роста и силы. Бывало возьмется руками за гранитныя безъ трещины ска́лы, отломитъ отъ нихъ, по желанію, большіе или малые куски; примется сглаживать ихъ ногтями и образуетъ изъ нихъ доски, на которыхъ ногтями же изобразитъ орловъ и тому подобное. (Пѣли про него также), что разъ у береговъ Понтійскаго моря встрѣтивъ непріятельскіе корабли, бросился за ними. Но корабли успѣли отплыть въ открытое море... и Торк' не поспѣлъ за ними. Тогда онъ, *поется въ Пѣснѣ*, захватываетъ скалы, величиною съ холмъ и бросаетъ имъ вслѣдъ: отъ сильнаго разступленія водъ погибаетъ не мало кораблей; и волны, поднявшіяся отъ всколыханія водъ, разогнали оставшіеся корабли на многія мили" [1]).

70 Армянскій полубогъ походитъ скорѣе на Гераклеса, Какуса, Полифема [2]), нежели на Ростома и Самсона.

---

[1]) Кн. II, гл. 8.—Забавно видѣть добродушное сомнѣніе нашего историка въ правдивости разсказа випаса́на о необъятной силѣ Торк'а, когда онъ, нимало не подозрѣвая въ немъ полубога и принимая его за обыкновеннаго смертнаго, восклицаетъ: „ужъ не слишкомъ ли это? — ну, за то сказка хоть куда!"

[2]) Поразительное сходство подвиговъ Гераклеса, Какуса, Полифема съ подвигами Торк'а!—Полифемъ, взбѣшенный укорными словами Одиссея,

Замѣтимъ мимоходомъ, что до Тиграна Великаго многіе, чтобы не 70
сказать всѣ хайкиды, знаменательныя имена которыхъ приведены у Хоренскаго, носятъ характеръ миѳическій. Эти имена, безъ сомнѣнія, не изъ халдейской книги, какъ увѣряетъ нашъ историкъ, а изъ народнаго источника, если не изъ Эпоса, гдѣ носители ихъ играли, статься можетъ, какую нибудь роль. Объ ихъ дѣяніяхъ не упоминаетъ Хоренскій потому, быть можетъ, что спѣшитъ, какъ онъ самъ говоритъ, дойти до исторіи ближайшаго къ нему времени *).

Если Хоренскій въ Первой Книгѣ своей Исторіи, для изображенія 71
событій своего отечества, черпаетъ матеріалъ изъ народнаго Эпоса исключительно, то во Второй Книгѣ, при обиліи туземныхъ и иностранныхъ источниковъ **), онъ рѣдко обращается къ Эпосу, или

„Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
Нà голосъ кинулъ; утесъ, пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черноостраго носа
Чуть не расшибъ; всколыхалось море отъ падшей громады;
Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно къ брегу;
Схваченный ею, обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался.

Пѣснь IX, 480, перев. Жук.

Овидій такъ описываетъ Какуса:

„У Какуса былъ страшный видъ, громадное тѣло, сила соотвѣтствующая тѣлу. Жилъ онъ въ обширной, глубокой, уединенной пещерѣ, куда онъ за хвостъ затащилъ воловъ Геракдеса, гостившаго въ то время у Эвандра въ горахъ Авзоніи. Но Алкидъ на ревъ воловъ приходитъ къ пещерѣ, которую Какусъ заложилъ было огромной скалой чудовищной величины: десять воловъ съ трудомъ могли бы ее сдвинуть. Гераклесъ, приподнявъ ее плечами, отбросилъ. Гулъ паденія скалы дошелъ до эѳира, земля осѣлась подъ ея тяжестью. Тутъ Какусъ вступилъ въ борьбу. Оружіемъ служили чудовищу скалы и стволы деревъ. Но Гераклесъ ударомъ суковатой палицы угодилъ чудовищу въ лице, и оно пало, изрыгая кровь и дымъ!

Fasti. Кн. I, стр. 550 и д.

*) Кн. I, гл. 13.

**) Эти источники суть: Юлій африканскій, Ипполитъ мученикъ, Евсевій кесарійскій, Манеѳонъ, Поликритъ Евагръ, Камадръ, Флегонъ, Флавій Іосифъ, Лерубна или Лебубна, Улюпъ, Аристонъ изъ Пеллы, Бардазанъ, Агаѳангелъ, Хорохбутъ, Барсума, Фирмиліанъ, Артитесъ, Полифатъ, Порфирій, Филемонъ и др.

Пѣсни випасáновъ. Не смотря на это, нѣкоторымъ изъ армянскихъ Аршакидовъ, равно какъ и нахарáрамъ и военачальникамъ того времени, выпала счастливая доля: народные пѣвцы обратили на нихъ вниманіе и обезсмертили память объ ихъ воинскихъ подвигахъ и похожденіяхъ; мы разумѣемъ Арташеса II и сына его, Артавазда, царскаго кормильца и полководца Смбáта, родоначальника армянскихъ мидійцевъ—Аргавана и др. Въ 49 гл. Второй Книги Хоренскій обращается къ Сааку Багратунú съ такими словами: „Дѣянія Арташеса послѣдняго (II) большей частью извѣстны тебѣ *изъ Эпическихъ Пѣсенъ, которыя поются въ Гохтенъ* *), а именно построеніе города **), свойствó Арташесá съ аланами, дѣти его и потомки, страстная любовь (царицы) Сатинúкъ къ Аждахакидамъ, война съ послѣдними, сокрушеніе ихъ могущества, и истребленіе
72 ихъ (Аждахакидовъ), преданіе огню ихъ дворцовъ, зависть сыновей Арташеса другъ къ другу, возбужденную ихъ женами. Хотя все это извѣстно тебѣ изъ *Пѣсни випасáновъ*, но мы все-таки разскажемъ (тебѣ) и подтвердимъ иносказательный смыслъ этихъ (сказаній)".

И дѣйствительно Хоренскій подробно излагаетъ всѣ событія, совершившіяся въ царствованіе Арташеса (85—126 г. нашей эры) и Артавазда, слѣдуя указанію Пѣсни.

Во время войны съ аланами царевичъ аланскій взятъ въ плѣнъ армянами. Отецъ послѣдняго проситъ Арташеса о возвращеніи сына, обѣщая впредь не дѣлать нападенія на Арменію. Армянскій царь отвергаетъ это условіе. „Тогда, говоритъ випасáнъ, сестра юнаго царевича приходитъ на берегъ рѣки (Куры) и черезъ переводчика гласитъ въ станъ Арташеса: „Къ тебѣ рѣчь моя, храбрый мужъ Арташесъ, къ тебѣ, побѣдителю храбраго народа алановъ: Поди согласись со мною — прекрасноглазою дочерью алановъ, и выдай юношу. Ибо не слѣдъ героямъ, ради мести, отнимать жизнь у дѣтей другихъ героевъ, или держать ихъ въ рабскомъ униженіи и питать (такимъ образомъ) вѣчную вражду между двумя храбрыми народами".— Услышавъ такія мудрыя рѣчи, Арташесъ идетъ на берегъ

*) Кн. I, гл. 30.—**) т. е. города Арташата.

рѣки и, увидавъ прекрасную дѣву, говорившую слова мудрости, — полюбилъ ее.

Царь призываетъ кормильца своего Смбата, открывается ему въ задушевной своей мысли — имѣть женою дѣву. Приказываетъ ему заключить договоръ съ храбрымъ народомъ и отпустить юношу съ миромъ. Смбатъ одобряетъ это, посылаетъ къ царю алановъ пред- 73
ложеніе — отдать царевну Сатиникъ замужъ за Арташеса.

И говоритъ царь алановъ: „а гдѣ возьметъ храбрый Арташесъ тысячи изъ тысячъ и тьму изъ тёмъ, чтобы заплатить за благородную царевну-дѣву алановъ *)?"

Тутъ Хоренскій приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ Эпоса съ сохраненіемъ стихотворнаго склада:

„Сѣлъ мужественный царь Арташесъ на красиваго воронаго;
И вынулъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ
И промчался быстрокрылымъ орломъ черезъ рѣку;
И метнулъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ,
И обхватилъ станъ царевны алановъ.
И сильную причинилъ боль стану нѣжной царевны
Быстро помчавъ (ее) въ станъ свой".

Далѣе историкъ сохранилъ два стиха изъ свадебной пѣсни:

„Золотой дождь шелъ на свадьбѣ Арташеса,
„Жемчужный дождь лился на свадьбѣ Сатиникъ **).

Изъ Пѣсни випасановъ мы узнаемъ, что Сатиникъ заняла первое мѣсто между женами армянскаго царя и родила ему многихъ сыновей. Не смотря на это, супружеская жизнь царственной четы была омрачена „страстною любовью", которую питала Сатиникъ къ родоначальнику мидійскихъ переселенцевъ, Аргавану, возвеличенному Арташесомъ великими почестями за оказанную послѣднему службу. Въ пылу страсти царица готова была, какъ поется въ Пѣснѣ, про-
мѣнять царскій вѣнецъ „на яхонтовую діадему Аргавана и возлежать 74
на его подушкахъ ***)".

*) Это мѣсто въ Пѣснѣ випасана не совсѣмъ ясно, по крайней мѣрѣ, для меня. Переводъ буквальный. **) Кн. II, гл. 50.

***) Кн. II, гл. 51; Книга I, гл. 30.

Сердце Арташеса болѣло отъ невѣрности царицы. Этимъ воспользовался царевичъ Артаваздъ, въ душѣ завидовавшій славѣ Аргавана. Онъ возбудилъ противъ него гнѣвъ отца, увѣряя, что Аргаванъ замышляетъ на захватъ царской власти. Царь, мучимый ревностью, легко уступаетъ навѣту, забывъ великія заслуги старца-родоначальника и, отнявъ у него „второе мѣсто“, передаетъ Артавазду.—Но завистливый, честолюбивый царевичъ этимъ не удовольствуется и когда разъ, уже послѣ опалы, Аргаванъ пригласилъ на обѣдъ царя съ царевичами, послѣдніе, подстрекнутые Артаваздомъ, воспользовались случаемъ и, подъ предлогомъ, что Аргаванъ устроилъ царю козни, тутъ же за столомъ напали на мидянина и выщипали сѣдую его бороду.—Царь въ великомъ смущеніи возвращается въ свою столицу Арташа́тъ, отряжаетъ царевича Мажана съ многочисленнымъ войскомъ, давъ ему приказаніе истребить многихъ изъ поколѣнія Аргавана, предать огню его дворцы и доставить къ себѣ прекрасную его наложницу.

Однако Артаваздъ, недовольный тѣмъ, что получилъ „второе мѣсто“ въ государствѣ, отнялъ у Аждахакидовъ всѣ ихъ домэны съ Нахчаваномъ, лежащіе на Араксѣ. Сынъ Аргавана не вынесъ этого,
75 возсталъ противъ царевича; но Артаваздъ восторжествовалъ надъ нимъ, истребилъ все поколѣніе родоначальника-мидійцевъ, въ ихъ числѣ и самаго Аргавана.

Артаваздъ оставилъ по себѣ недобрую славу. — Если онъ въ кратвовременное свое царствованіе не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго: за то до вступленія на престолъ много совершилъ зла, много пролилъ крови, много произвелъ разореній въ отечествѣ своемъ. Народъ, вѣрный и нелицепріятный цѣнитель дѣйствій своихъ государей, составилъ про злаго царя не одну легенду. Онъ представлялъ «его существомъ *безсмертнымъ*, заключеннымъ въ горной пещерѣ, гдѣ онъ скованъ желѣзными цѣпями и куда за нимъ послѣдовали двѣ его собаки. Тамъ неустанно онѣ грызутъ его цѣпи, а онъ ждетъ не дождется своего избавленія, чтобы выйти и положить конецъ міру. Но отъ ударовъ молота ковачей крѣпчаютъ его оковы *).

*) Кн. II, гл. 60, 61.—Это обыкновеніе до сихъ поръ соблюдается у персидскихъ армянъ-кузнецовъ.

По другому сказанію—«при самомъ рожденіи Артавазда женщины изъ рода Аждахака испортили его чародѣйствомъ», отъ чего и злой его правъ.

Мы знаемъ изъ Хоренскаго, что Артаваздъ во время охоты впалъ въ помѣшательство, и въ такомъ состояніи долго носился на конѣ, пока наконецъ не упалъ въ пропасть и не исчезъ безъ слѣду. По этому трагическому случаю гохтенскіе Пѣвцы, хорошо помня злой нравъ своего царя, выраженный народомъ въ вышеприведенныхъ сказаніяхъ, облекаютъ его въ свою очередь въ такую поэтическую 76
форму. При смерти Арташеса много было пролито крови по языческому обычаю. Огорчился Артаваздъ и говоритъ, обращаясь къ тѣни отца: „Ты ушелъ, отецъ, и унесъ съ собою всю землю нашу, какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами?"—За такія рѣчи Арташесъ проклялъ его, сказавъ: „Если поѣдешь на охоту на свободный Масисъ, тебя схватятъ каджи, повлекутъ на свободный Масисъ—тамъ останешься и не увидишь свѣта" *).

По второму сказанію тѣ же Пѣвцы разсказывали, что Аждахакиды украли младенца Артавазда и на его мѣсто положили дэва **).

*) Кн. II, гл. 61.

**) Кн. II, гл. 61. Дополненіемъ ко всему сказанному до сихъ поръ можетъ служить то, что приводится ниже. Читатель не безъ интереса прочтетъ малоизвѣстный варіантъ легенды объ Артавазѣ, армянскомъ Прометеѣ. Въ ней дѣйствующимъ лицомъ является на этотъ разъ не историческій Артаваздъ, но миѳическій сынъ его съ непривычнымъ для армянскаго слуха именемъ—*Шидар*'омъ. Замѣчательно, что онъ представленъ *сумашедшимъ*; значитъ, на него перенесено то, что випасаны приписывали армянскому царю. Достойна также вниманія подробность о двухъ собакахъ, которыхъ нашъ варіантъ характеризуетъ эпитетами „бѣлая и черная". Наконецъ „каджи", упоминаемые въ Пѣснѣ випасановъ объ Артаваздѣ, здѣсь названы „богами" Шидáра. Жаль, что этотъ варіантъ искаженъ христіанскимъ вліяніемъ, наслоеніе котораго мы отмѣчаемъ курсивомъ, чтобы видѣли легенду, по возможности, въ ея первоначальномъ видѣ. Вотъ эта легенда:

„Жилъ былъ царь армянскій, по имени Артавазъ. У него былъ сынъ помѣшанный, по имени Шидáръ. Артавазъ, умирая, не передалъ царства Шидару, такъ какъ онъ былъ сумашедшій. По этой причинѣ пошла смута по нашей землѣ и не мало было разореній.

77 Выше мы сказали, что випасаны съ дѣяніями царей воспѣвали и подвиги славныхъ именитыхъ мужей. Они не поскупились на описаніе высокаго значенія Аргавана и роли, которую игралъ онъ въ царствованіе Еруанда II и Арташеса II. Въ то же время они не забыли кормильца Арташеса, великаго полководца Сибата. Вся обще-
78 ственная его дѣятельность, всѣ войны, побѣдоносно веденныя имъ противъ алановъ, касповъ, римлянъ (при Домиціанѣ), нашли отзывъ

„Разъ Шидаръ садится на коня, приказываетъ трубить въ трубы и возвѣстить, что онъ желаетъ царствовать; самъ же съ избранными всадниками отправляется на охоту. И только что въѣхалъ онъ на рѣчной мостъ, *нечистый духъ тотчасъ потрясъ его*, и онъ упалъ въ рѣку и исчезъ. И всадники распустили слухъ, что боги Шидара схватили его и заключили въ черную гору—въ старшій Масисъ, наложивъ на него оковы. И двѣ собаки, одна бѣлая и другая черная, непрестанно лижутъ цѣпи Шидара. И къ концу года цѣпи тѣ дѣлаются тонки, какъ волосъ. Если онѣ порвутся, Шидаръ выйдетъ и уничтожитъ нашу землю. Для (предотвращенія) этого *кудесники* постановили, чтобы въ исходѣ года, въ первый день (мѣсяца) навасáрда, всѣ ковачи, какой бы работой ни были заняты, ударяли три раза (по наковальнѣ), дабы оковы Шидара, дошедшія до тонины волоса, толстѣли и крѣпчали; иначе, выйдетъ Шидаръ и уничтожитъ землю нашу". См. *Базмавэпъ* 1877 г. стр. 276.

Ученый архимандритъ Серванцтянъ сообщаетъ въ своемъ сочиненіи „Գրոց և Բրոց", стр. 134, слѣдующее сказаніе, сохранившееся между турецкими армянами. Онъ говоритъ, что на востокѣ отъ Ванской крѣпости виднѣется небольшой горный хребетъ съ тремя вершинами, изъ которыхъ средняя называется *Дверью Мхера*. Она представляетъ собою гладко обтесанную скалу, имѣющую видъ двери, на которую сверху падаетъ каплями какая-то черная влага. Легенда гласитъ, что „тамъ за дверью, по божьему повелѣнію, заключенъ Мхеръ съ своимъ конемъ; что черная влага—моча его коня.—За той дверью находится колесо, приводящее землю съ небомъ въ вращательное движеніе. Мхеръ, не отводя глазъ съ колеса, пристально глядитъ на него. Когда колесо остановится, Мхеръ получитъ избавленіе, выйдетъ и разоритъ міръ".

Кстати приведемъ здѣсь грузинское сказаніе объ Амиранѣ, которое мы впервые, въ 1850 году, сообщили ученому міру въ нашей армянской диссертаціи объ Эпосѣ.

въ випасанахъ, которые воспѣвали ихъ съ особенною любовью. Хоренскій передаетъ словами Пѣвцовъ отрывокъ, въ которомъ изображается наружность любимаго воина въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Размѣры его (Смбата) членовъ соотвѣтствовали его храбрости. 79
Онъ умѣлъ привлекать сердца людей; онъ былъ украшенъ прекрасной сѣдиной; въ глазахъ у него были тонкія кровяныя жилки, подобныя тѣмъ, какія встрѣчаются на золотѣ и въ жемчугѣ. При подвижности тѣла и всей его особы, онъ былъ осмотрителенъ во всемъ, а на войнѣ удачливъ, какъ никто!"*)

Послѣдній между армянскими Аршакидами, дѣянія котораго нашли мѣсто въ Эпосѣ, и о которыхъ упоминаетъ Хоренскій, былъ Вахаршъ

„У одной женщины, на дорогѣ, начались родильныя муки. Она разрѣшилась сыномъ, по имени Амиранъ. Мать въ недоумѣніи не знала какъ окрестить его, такъ какъ некому было исполнить это ея желаніе. Между тѣмъ какъ она оставалась погруженная въ думу, предсталъ передъ нею какой-то старецъ, который окрестивъ младенца, обѣщалъ, по желанію матери, просить Бога даровать младенцу великую силу, что и далъ ему Богъ. Младенецъ выросъ, вездѣ являлся побѣдителемъ, совершая великіе подвиги. Вслѣдствіе чего онъ возгордился, сталъ надмеваться и дерзнулъ даже самого Бога вызвать на бой. Разгнѣвался на это владыка неба, заперъ его въ одну изъ горъ Кавказскихъ, заключивъ въ желѣзныя оковы. Поодаль отъ Амирана лежитъ его мечъ. Одна только вѣрная его собака лижетъ постоянно желѣзо его цѣпей, чтобы освободить его. Непокаянный исполинъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ наступленія дня, когда, освободившись отъ оковъ, онъ утолитъ свою месть. Но не таково рѣшеніе Провидѣнія: ибо въ Великій Пятокъ изъ нѣдръ земли выходитъ кузнецъ, сильно ударяетъ по утонченной цѣпи, которая снова получаетъ крѣпость; самъ же немедленно исчезаетъ. Это повторяется съ года на годъ—и Амиранъ остается въ своихъ цѣпяхъ скованнымъ".

Не суть ли, спросимъ, дѣйствующія лица въ этихъ легендахъ прототипы греческаго Прометея, нѣкогда прикованнаго къ Кавказу съ тою разницею, что послѣдняго избавилъ Гераклъ, между тѣмъ какъ армянскіе Артаваздъ, Шидаръ, Мхеръ и грузинскій Амиранъ оказываются безсмертными и осужденными на вѣчныя муки. Во всякомъ случаѣ легенда о Прометеѣ у древнихъ армянъ и кавказскихъ народовъ заслуживаетъ того, чтобы ее изслѣдовали въ связи съ греческимъ сказаніемъ.

*) Кн. II, гл. 52.

(193 — 213 нашей эры). Изъ всѣхъ дѣяній этого государя Хоренскій охотно останавливаетъ свое вниманіе на великихъ его постройкахъ. Между ними выдаются Вахарш-аванъ и въ особенности селеніе Вард-геса, которое онъ обвелъ сильными стѣнами и назвалъ Вахарш-апатомъ. Изъ описанія этихъ построекъ нашъ историкъ приводитъ нижеслѣдующее мѣсто собственными стихами випасана. Въ нихъ рѣчь идетъ о Вардгéсѣ—зятѣ Еруанда-хайкида, отца Тиграна Великаго, который, Вардгесъ, за 2450 лѣтъ передъ симъ, приходитъ изъ неизвѣстной намъ области, названной въ Пѣснѣ *Тух*'скою— въ область араратскую и полагаетъ основаніе селенію, назвавъ его „Селеніемъ Вардгеса". Его-то обвелъ Вахаршъ стѣнами и назвалъ, какъ было сказано, Вахарш-апат'омъ, существующимъ понынѣ. — Вотъ этотъ отрывокъ изъ Эпоса:

Отдѣлился пошелъ Вардгесъ-юноша
Изъ области Тух'овъ къ Касахѣ-рѣкѣ;
80 Онъ пришелъ (и) сѣлъ на Шреш-холмѣ
Близь Артимед-города у Касах-рѣки
Тесать да ваять врата Еруанда-царя *).

Укажемъ наконецъ и на тѣ немногія строки, въ которыхъ випасáнъ ведетъ рѣчь о родѣ Арцруни́. Въ Хадамакертѣ, столицѣ князей Арцруни, про одного изъ членовъ этого знаменитаго рода—Аднамелѣ, онъ же Аргамозанъ, пѣлось, между прочимъ, слѣдующее:

„Дремлетъ юноша (подъ открытымъ небомъ)—его сѣчетъ дождичекъ—его печетъ солнышко—и птица крыльями осѣняетъ изможеннаго юношу" **).

Въ заключеніе приведемъ не лишенный интереса отрывокъ изъ Пѣсни випасановъ о царѣ Арташесѣ, сохранившійся до IX вѣка въ одномъ изъ писемъ Григорія магистроса, дукса месопотамійскаго, который самъ слышалъ, какъ пѣлась эта пѣснь въ народѣ. Не многимъ стихамъ изъ нея онъ предпосылаетъ нѣсколько стрóкъ, въ

*) Кн. II, гл. 65.—**) Кн. II, гл. 7.

которыхъ излагаетъ ея содержаніе, какъ видно, ея же словами. Въ нихъ випасанъ представляетъ умершаго царя, выражающаго въ царствѣ тѣней сожалѣніе о невозвратно-миновавшихъ царскихъ забавахъ; о томъ что ему не видать болѣе клубящагося дыма, выходящаго изъ трубъ и стелющагося по утрамъ поверхъ селъ и городовъ. Такъ сѣтовалъ и Ахиллъ, хотѣвшій лучше быть поденщикомъ и работать на полѣ, нежели царствовать въ Аидѣ.—Рѣчь идетъ о томъ 81
самомъ Арташесѣ, который на упрекъ сына, злаго Артавазда, бросилъ ему на голову проклятіе изъ замогильнаго міра, что̀ и не замедлило исполниться, какъ мы видѣли выше. Умилительны эти немногіе стихи: мы ихъ приводимъ въ буквальномъ переводѣ:

„О! еслибъ кто далъ мнѣ (видѣть) изъ трубъ (выходящій) дымъ
И утро навасард'ское *)
И бѣгъ оленей и крикъ ланей!
Мы въ рога трубили и въ барабанъ били,
Какъ то обычно царямъ!“ **)

Выше мы употребили выраженія—*царство тѣней—замогильный міръ*—потому что живому Арташесу не было надобности сѣтовать о томъ, чѣмъ ему вольно было располагать: онъ жалѣлъ о невозможности впредь доставлять себѣ царскую забаву—охоту, и то удовольствіе, которое онъ ощущалъ при жизни, выѣзжая позаранкомъ.

Эти нѣсколько строкъ, равно какъ и проклятіе, произнесенное 82

*) „Навасардъ“—названіе армянскаго мѣсяца, которымъ начинался годъ и который соотвѣтствовалъ 11-му августа.

**) Вотъ этотъ любопытный отрывокъ въ подлинникѣ: „…ի թորգոմեան երից եւթնանկեանցն եռակի բարդելոյ աշխեան, որում Արտաշէսն Պարթեւ բաղձայր մըյ մրրկեալ ծխոյ՝ շամանդաղեալ մակաւասար շինից եւ քաղաքաց.

„Ո՞ տայր ինձ՝ առէր, զծուխ ծխանի
Եւ զառաւօտն Նաւասարդի,
Զվազելն եղանց և զվազելն եղջերուաց
Մեք փող հարուաք և թմբկի հարկանէաք.
Որպէս օրէն է թագաւորաց։“

Եւ զայս ասէն ի վախճանելն իւրում, զոր ի գուսհիկս_ուանդեալ գտար։
(Рукопись нашей библіотеки, Письмо 44).

d'Arménie de Moïse de Khoren» покойный Викторъ Ланглоа, арменистъ, также касается вопроса объ армянскихъ историческихъ пѣсняхъ. Наконецъ

6. Въ 1865 году отецъ Гарегинъ, изъ венеціанскихъ Мхитаристовъ, въ изданной имъ «Исторіи армянской Письменности», отводитъ 17 страницъ Эпическимъ Пѣснямъ подъ рубрикою «Гохтенскіе Пѣвцы.» По признанію автора, онъ ничего своего не предлагаетъ объ этомъ вопросѣ, но является только докладчикомъ добытыхъ его соотечественниками результатовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I-Е.

Махомедъ по армянскимъ источникамъ *).

Армянскіе историки: 1) Себеосъ; 2) Моисей Кахакантуаци, жившій 193
въ началѣ X вѣка; 3) Товма́ Артцруни́, жившій въ X вѣкѣ; 4) Киракосъ Гандцакскій, и наконецъ 5) (нашъ) Варданъ, жившіе во второй половинѣ XIII столѣтія, въ своихъ историческихъ твореніяхъ представляютъ намъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о Махомедѣ, законодателѣ мусульманскаго міра. Не смотря на прекрасныя монографіи англійскихъ и французскихъ оріенталистовъ объ этой замѣчательной личности, монографіи, исключительно основанныя на мусульманскихъ источникахъ, наши читатели, мы увѣрены, не безъ интереса и не безъ пользы прочтутъ то, что̀ говорятъ о Махомедѣ армянскіе историки, которые въ своемъ изложеніи біографіи послѣдняго пользовались, какъ видно, не только письменными мусульманскими источниками, но и устными преданіями, ходившими между послѣдователями Махомеда и христіанскими населеніями Востока. Не вдаваясь въ дальнѣйшую оцѣнку свѣдѣній, сообщаемыхъ вышеприведенными писателями, оцѣнку, которую предоставляемъ читателю, мы ограничимся сведеніемъ въ одинъ сводъ всѣхъ извѣстій, встрѣчающихся у средневѣковыхъ армянскихъ историковъ, представляя ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ. Такимъ образомъ первое мѣсто

*) [Напечатано въ русскомъ переводѣ Всеобщей Исторіи Вардана Великаго (М. 1861), въ отдѣлѣ приложеній (I и II), стр. 193—205. Къ приведеннымъ въ этихъ Приложеніяхъ отрывкамъ четырехъ авторовъ мы присоединяемъ и пятый, принадлежащій Вардану и занимающій стр. 80—87 русск. перевода Н. О. Эмина. — *Г. Х.*]

въ этомъ сводѣ займетъ Моисей Кахакантуаци, второе Товма Арцруни и третье Киракосъ Гандцакскій; что же касается до Вардана, то читатель найдетъ его взглядъ на Махомеда въ самомъ текстѣ его сочиненія (стр. 80—87).

а) МОИСЕЙ КАХАКАНТУАЦИ.

См. мое издан. Москва, 1860, кн. III, гл. I, стр. 231—233.

194 «Передъ прекращеніемъ парсійскаго царства въ родѣ Сасанидовъ явился нѣкто, по имени *Махметъ* — суровый луконосецъ, жившій въ пустыняхъ. Однажды онъ встрѣтился съ отшельникомъ аріанскаго ученія по имени *П'ахира*, Փախիրա, на котораго Махметъ изо-всѣхъ силъ натянулъ свой лукъ. Тотъ громогласно возвалъ къ нему: «Сынъ мой, воздержись отъ грѣха, ибо я такой же человѣкъ, какъ и ты». Махметъ сказалъ ему: «Если ты человѣкъ, зачѣмъ живешь въ пещерѣ?» Тогда отшельникъ, пригласивъ его къ себѣ, сталъ учить его изъ Ветхаго и Новаго Завѣта по Арію, который говорилъ, что Сынъ Божій есть твореніе. Онъ приказалъ Махмету все слышанное отъ него разсказать варварамъ-Татчикамъ, съ условіемъ, чтобы никто не зналъ о его мѣстожительствѣ. Между тѣмъ необразованный народъ Татчиковъ, удивленный дивными его разсказами, спрашивалъ Махмета: «Откуда ты все это знаешь?» Махметъ, ублажая невѣжественный свой народъ, отвѣчалъ: «Ангелъ бесѣдуетъ со мною, какъ (нѣкогда онъ бесѣдовалъ) съ первыми богодухновенными пророками». Они въ тихомолку поставили соглядатаевъ для того, чтобы узнать—кто ему разсказываетъ и откуда знаетъ онъ все это. Махметъ, узнавъ объ этихъ козняхъ, тайно убилъ своего учителя и зарылъ его въ песокъ; самъ же, поселившись на его мѣстѣ, говоритъ соглядатаямъ: «Здѣсь-то является мнѣ ангелъ и разсказываетъ величайшія чудеса». Возвратившись, они разсказали заблудшему народу Татчиковъ, что видѣли Махмета одного. Собралась огромная толпа народа, отправилась въ безводную пустыню, и съ величайшими почестями привела къ себѣ Махмета, кото-

рый началъ пророчествовать, говоря: «Если вы послушаетесь моего пророчества и исполните мои проповѣди, то васъ ожидаетъ такое же владычество, какое выпало на долю Грекамъ за ихъ вѣру, какъ говоритъ ихъ книга.

Капища и мѣста жертвоприношеній (Аравитянъ) Махметъ назвалъ Куполомъ Авраама и мѣстомъ сошествія Бога, приказалъ совершать закланія и назвалъ тотъ день днемъ авраамовымъ. Далъ приказаніе
въ храмѣ жертвоприношеній молиться на всѣ четыре стороны, воз- 195
двигнуть каменную статую во имя Авраама и цѣловать ее.

Его-то (Махмета) имѣлъ въ виду блаженный пророкъ, когда возвѣщалъ: «Мужъ покинетъ жену свою, и она предастся другому; но если она возвратится къ своему мужу, то она должна считаться оскверненною». Это самое и сдѣлалъ Махметъ; ибо у одного Татчика, по имени Талибъ, была красивая жена. Онъ послалъ къ нему слѣдующее приказаніе: «Богъ велитъ тебѣ оставить жену твою». Талибъ привелъ свою жену на площадь, поставилъ свидѣтелей и при нихъ отпустилъ ее. Махметъ, взялъ къ себѣ эту женщину, удовлетворилъ нечистую страсть свою и потомъ снова обратился къ Талибу: «Богъ повелѣваетъ тебѣ взять жену свою къ себѣ». И этотъ гнусный законъ проникъ въ народъ Татчиковъ; ибо отпустившій жену, раздѣлявшую съ другимъ его ложе, снова принимаетъ ее къ себѣ. И таково беззаконное ихъ законоположеніе, что когда они клянутся страшнымъ именемъ Бога, (легко) измѣняютъ своей клятвѣ, между тѣмъ какъ свято сохраняютъ ее, когда клянутся дѣтородными членами женщины. Махметъ училъ свой народъ еще многому другому, и безуміе всего этого разоблачится въ день великаго суда.

Махметъ явился въ 65 году армянскаго лѣтосчисленія (616) въ столицѣ Мединѣ»...

---

b) ТОВМА АРТЦРУНИ.

Изд. Константинополь, 1852, стр. 108—115.

«Во время греческаго императора Ираклія царство парсійское приближалось уже къ своему концу. Тогда изъ всѣхъ израильскихъ племенъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ собралось въ городѣ Эдессѣ; они увидѣли, что парсійское войско, покинувъ городъ, удалилось. Они вступили въ него, заперли ворота и, укрѣпившись въ немъ, задумали отложиться отъ Грековъ.

Императоръ Ираклій приказалъ осадить ихъ: братъ царя, Θеодоръ, во главѣ многочисленнаго войска хотѣлъ ихъ истребить; но императоръ приказалъ этимъ племенамъ выйдти изъ предѣловъ своего государства; и они, направивъ путь къ пустынѣ, отправились въ Татчкастанъ къ сынамъ Исмаила въ городъ Мадіамъ, разрушенный Израилемъ по выходѣ своемъ изъ Египта во время войны съ Вала-
196 комъ, царемъ Моавитскимъ. И такъ какъ парсійское государство было уже въ упадкѣ, то (вышеупомянутыя племена) безъ всякаго опасенія возобновили городъ Мадіамъ и поселились въ немъ. Потомъ отправили пословъ къ сынамъ Исмаила съ доказательствомъ своей одноплеменности: «Мы—сыны Авраама, говорили они; мы— братья между собою; и потому вамъ слѣдуетъ придти намъ на помощь и тогда мы возьмемъ землю наслѣдія нашего». Они готовы были согласиться, если бы (тому не помѣшали) большіе раздоры, возникшіе между ними вслѣдствіе разъединенія этихъ племенъ между собою по причинѣ произвольнаго поклоненія различнымъ кумирамъ.

Въ то время два могущественныхъ брата жили въ Каменистой Аравіи въ Фарани,—мѣстѣ, нынѣ называемомъ Меккою. Это были мужи воинственные, начальники войскъ, служители храма амовитскаго изображенія, называемаго Самамомъ и Кабаромъ, *Սամամ, Քաբար*. Одинъ изъ этихъ братьевъ, по имени Абдаллахъ, умираетъ, оставивъ малолѣтнаго сына, по имени *Махмедъ*. Дядя его (по отцу), Абу-Талибъ, взялъ его на воспитаніе до совершеннолѣтія. По достиженіи совершеннаго возраста поступилъ онъ въ домъ одного

богатаго своего родственника, которому онъ служилъ вѣрно, пасъ его верблюдовъ и управлялъ его домомъ. По прошествіи нѣкотораго времени умеръ домохозяинъ; жена его, видя что Махмедъ человѣкъ вѣрный и смышленный въ житейскихъ дѣлахъ, вышла за него замужъ, передавъ ему попеченіе о своемъ домѣ и состояніи. И сталъ Махмедъ богатымъ купцомъ (*т'аніар*, *Թանգար*), свѣдущимъ въ дѣлѣ торговли. Онъ предпринималъ дальнія путешествія по коммерческимъ дѣламъ въ Египетъ и въ страны Палестины. Въ одно изъ этихъ путешествій онъ встрѣтился въ странахъ египетскихъ съ однимъ монахомъ, по имени *Саргисъ Б'ехира*, *Սարգիս Բհիրա*, бывшимъ послѣдователемъ аріанскаго лжеученія. Махмедъ познакомился съ монахомъ, который въ послѣдствіи полюбилъ его и сталъ учить его многому изъ Ветхаго Завѣта и тому еще, что Сынъ Божій по естеству (своему) не есть Богъ. Онъ убѣждалъ его слѣдовать вѣрѣ первыхъ Израильтянъ, присовокупивъ: «Если ты послѣдуешь моему наставленію, будешь великимъ полководцемъ и начальникомъ всего своего племени». При этомъ онъ напоминалъ Махмеду обѣтъ Бога къ Аврааму, порядокъ обрѣзанія, жертвоприношеній и многое другое, о чемъ не слѣдъ говорить здѣсь со всей подробностью. И это стало предметомъ постояннаго размышленія Исмаильтянъ.

Случилось однажды, что когда Махмедъ возвращался отъ монаха, 197
какой-то странный голосъ и страшное внушеніе.... поразили его такъ, что онъ упалъ безъ памяти.... *) И когда спутники его спросили: «Отчего ты лишился чувствъ?» онъ сказалъ: «Какой-то страшный голосъ ангела застигъ меня: онъ приказалъ мнѣ явиться къ моему народу посланникомъ и возвѣстить Бога творцемъ неба и земли, называться мнѣ главою, изобличать и разрушать ложную вѣру въ кумировъ.

---

*) Товма́ Арцруни и Киракосъ Гандцакскій (см. слѣдующій отрывокъ) представляютъ Махомеда *бѣсноватымъ*. Это указаніе армянскихъ историковъ достойно вниманія, ибо изъ послѣднихъ изысканій оріенталистовъ, сдѣланныхъ по мусульманскимъ источникамъ, намъ извѣстно, что Махомедъ былъ подверженъ *падучей болѣзни*, что христіанскіе армянскіе лѣтописцы называютъ *бѣснованіемъ*.

Прибывъ въ Фарань, онъ повторилъ эти же самыя слова дядѣ своему, Абу-Джафру, который сказалъ: «Что́ это за новую вѣру ты проповѣдуешь? Если ты намѣренъ продолжать говорить объ этомъ, ты самъ будешь отвѣчать за себя». Махмедъ отправился къ себѣ домой опечаленный, ибо не давалъ ему покоя духъ... котораго онъ считалъ ангеломъ и который (именно) былъ причиною тому, что онъ лишился чувствъ.

Однажды, когда сидѣлъ онъ, огорченный угрозами своего дяди, взошелъ къ нему Али, сынъ Абу-Талиба, и спросилъ: «Что это ты сидишь такой грустный?»—Я проповѣдываю Бога творцемъ неба и земли, а меня преслѣдуютъ угрозами.—Али, человѣкъ мужественный, говоритъ ему: «Дай выйдемъ—на нашей сторонѣ много людей: статься можетъ, дѣло наше будетъ имѣть полезный исходъ».

Когда они вышли, Махмедъ началъ публично говорить тоже самое. Поднялся большой говоръ въ народѣ и дѣло дошло до драки, такъ что многіе взялись за оружіе. Сторона Махмеда была побѣждена; съ обѣихъ сторонъ многіе были ранены; Махмедъ, Али и съ нимъ около сорока человѣкъ убѣжали въ городъ Мадіамъ, о которомъ мы упомянули выше.

Евреи, узнавъ причину ихъ бѣгства, начали ободрять ихъ къ соединенію, какъ ревнители Бога, сыны Авраама и братья, говоря: «Все сказанное Махмедомъ—сущая истина». Они присоединились къ нему, заключили съ нимъ союзъ и дали ему жену изъ своего пле-
198 мени; готовы были слѣдовать за нимъ, куда онъ укажетъ. Можно было подумать, что предложеніе это сдѣлано по внушенію Божію. Евреи и Измаильтяне, соединившись вмѣстѣ, составили огромный станъ, напали на Фарань, нанесли страшное пораженіе противникамъ, убили даже Абу-Джафра и многихъ изъ амовитскаго и моавитскаго воинства. Они разбили изображеніе Самама въ его храмѣ, переименовали это капище въ Домъ Авраама, покорили все народонаселеніе сосѣднихъ странъ; непокорныхъ же безъ изъятія предали мечу.

Когда Махмедъ увидѣлъ успѣхъ этого дѣла и союзъ Евреевъ, провозгласилъ себя главою и предводителемъ всѣхъ и, назначивъ главноначальствующими и полководцами изъ Исмаильтянъ Али, Абу-

Бекра, Амра и Отмана, отправилъ посла къ Өеодору, брату Ираклія — и въ этомъ ему помогли Евреи — съ предложеніемъ: «Страну эту Богъ обѣщалъ Аврааму и чадамъ его, которыя долгое время владѣли ею. Если за ихъ злодѣяніе Богъ въ гнѣвѣ своемъ передалъ ее въ ваши руки, то вы владѣли ею довольно времени. Такъ какъ мы — чада Авраамовы, а вамъ извѣстенъ обѣтъ къ отцу нашему Исмаилю—то возвратите намъ добровольно эту землю; въ противномъ случаѣ мы возьмемъ оружіемъ не только ее, но и многія другія (земли)».

Өеодоръ извѣстилъ о томъ Ираклія, который впрочемъ умеръ вскорѣ, а сынъ его, Константинъ, приказалъ оставаться въ оборонительномъ положеніи, не давать сраженія, пока не придумаетъ — какой дать исходъ дѣлу.

А между тѣмъ лагерь Исмаильтянъ настоятельно вызывалъ Грековъ къ бою, которые, желая удержать за собой страну, вышли противъ нихъ: оставивъ коней, пѣшіе, они пошли противъ своихъ враговъ, которые отдыхали. Греки, подъ тяжестью своего вооруженія, утомленные солнечнымъ зноемъ, глубокими песками, не представляющими твердой опоры, продолжительнымъ походомъ, въ совершенномъ изнеможеніи попались въ руки непріятелю, который предалъ ихъ мечу. Потомъ они пошли на греческій лагерь и захватили богатую добычу. Послѣ чего безъ всякаго опасенія они распространились по всей странѣ, не предвидя уже никакого столкновенія.

Жители Іерусалима, видя свою безпомощность, взяли святой божественный крестъ Спасителя и со всею церковною утварью перенесли въ царственный городъ Константина. Исмаиль завладѣлъ всею Іудеею.

Монахъ же аріанскій, учитель Махмеда, о которомъ мы упомяну- 199
ли выше, при видѣ этихъ удачъ пришелъ къ Махмеду въ надеждѣ на возмездіе за свои услуги, оказанныя имъ, какъ учителемъ, Махмеду. Но такъ какъ этотъ послѣдній увѣрялъ, что посланіе свое получилъ отъ ангела, а не отъ человѣка, то въ негодованіи своемъ тайно убилъ учителя.

Въ это время жилъ въ Парсіи какой-то отшельникъ, у котораго былъ ученикъ, по имени Сах'манъ, *Սաղման*, которому въ минуту

своей кончины говорилъ отшельникъ: «Сынъ мой, послѣ моей смерти не оставайся въ этой странѣ, чтобы не потерять сана своего между невѣрными. Ступай лучше въ страны египетскія, живи между многочисленной братьей и тѣмъ спасай свою душу». По смерти отшельника, Сах'манъ хотѣлъ исполнить его приказаніе. На пути своемъ въ Египетъ прибылъ онъ въ городъ Мадіамъ; онъ былъ знакомъ съ Священными Книгами, хотя и не вполнѣ. Махмедъ, увидавъ его, пригласилъ къ себѣ и оставилъ при себѣ. Онъ ему приказалъ писать книгу Закона для своего народа черезъ Исмаильтянина Абу-Тураба, ибо Махмедъ не умѣлъ грамотѣ и не былъ знакомъ съ письменностью. Сах'манъ согласился писать для него; и писалъ онъ отдѣльными отрывками—иное на память, а иное какъ вымыслъ *). Въ свою очередь и самъ Махмедъ диктовалъ кое-что... Мы приведемъ здѣсь малое изъ многаго: онъ называлъ себя *утѣшителемъ*, котораго Господь Христосъ обѣщалъ прислать своимъ ученикамъ; — называлъ себя равнымъ Спасителю, идущимъ по одному съ Нимъ пути на основаніи словъ пророка Исаіи о сѣдящемъ на ослѣ и о сѣдящемъ на верблюдѣ, что́ онъ и примѣнилъ къ себѣ;—(онъ предписывалъ) вмѣсто святаго крещенія всегдашнее омовеніе водою, полагая это достаточнымъ для очищенія;—вмѣсто небесныхъ наградъ, обѣщан-
200 ныхъ Господомъ въ будущей жизни и неизреченнаго ангельскаго возобновленія, онъ предлагалъ на томъ свѣтѣ разнообразныя яства, питія, которыя послѣдователи его найдутъ тамъ всегда готовыми и которыми они насытятся; обѣщалъ дѣвъ вѣчно-дѣвственныхъ, сообщеніе съ которыми всегда должно было сохранять для нихъ прелесть и много тому подобное... Все это утвердивъ, далъ онъ своему

*) То, что Товма Арцруни приписываетъ *Сах'ману*, другіе приписываютъ *Джабр*'у, который занимался золотыхъ дѣлъ мастерствомъ въ Меккѣ и на холмѣ Мервѣ имѣлъ лавку. Говорятъ, Махомедъ часто навѣщалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ; что мнимыя откровенія продиктованы ему этимъ христіаниномъ: молва, которую впрочемъ Махомедъ опровергаетъ въ Коранѣ, какъ неимѣющую никакого основанія и пущенную въ ходъ его врагами. *Джабръ* былъ родомъ Грекъ, дурно говорилъ по-арабски и былъ нѣкогда рабомъ семейства Эль-Хадрами.

народу подъ названіемъ Корана... Онъ жилъ въ этомъ званіи (пророка) двадцать лѣтъ и, умирая, оставилъ начальникомъ Татчиковъ Абу-Бекра...» *)

с) КИРАКОСЪ ГАНДЦАКСКІЙ.

Москва, 1858, стр. 32—34.

«Когда исполнился 618 годъ отъ Р. Х. и 67 годъ армянскаго лѣтосчисленія, явился у язычниковъ какой-то ложный пророкъ, послѣдователь Керинѳія и Арія, по имени Махмедъ, родомъ Измаильтянинъ изъ сыновъ Агари. Когда онъ по своимъ торговымъ дѣламъ отправлялся въ Египетъ, встрѣтился въ Синской пустынѣ съ отшельникомъ аріаниномъ, по имени Саргисъ Бехира, который сталъ учить Махмеда ложному богопознанію, восхваляя Ветхій Завѣтъ, данный Моисеемъ, и говоря: «Если послушаешься словъ моихъ, будешь предводителемъ и законодателемъ своего народа».

Разставшись съ нимъ, Махмедъ продолжалъ свой путь далѣе. Вдругъ вселился въ него нечистый духъ и онъ упалъ съ пѣною у рта. Товарищи его по пути, при видѣ этого, не отходили отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не опомнился. Но когда, поднявъ его, они спросили о причинѣ подобнаго бѣснованія, онъ сказалъ, что это произошло отъ ангела, который посылаетъ его посланникомъ къ его народу. Прибывъ въ свой городъ, Махмедъ началъ проповѣдовать то, чему учился у ложнаго христіанина. Его дяди, бывшіе начальниками, прогнали его, грозя смертью, если они еще услышатъ отъ него подобныя рѣчи. Онъ пошелъ къ себѣ домой и сидѣлъ, погруженный

---

*) Переводъ этотъ мы сдѣлали по изданному въ Константинополѣ тексту, который представляетъ нѣкоторые, къ сожалѣнію, пропуски, отмѣченные точками. Эти пропуски, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ рѣзкія выраженія противъ законодателя мусульманскаго міра и потому издатели, опасаясь турецкой цензуры, опустили болѣе рѣзкія слова христіанскаго Лѣтописца.

201 въ печаль. Приходитъ къ нему Али, сынъ дяди его и зять, спрашиваетъ о причинѣ его грусти, и когда узнаетъ, что Махомедъ проповѣдовалъ Бога, за чтó грозили ему смертью—говорилъ: «Пойдемъ, снова начнемъ свою проповѣдь и убьемъ того, кто намъ воспротивится».—Али былъ человѣкъ мощный, таковыми же были его сторонники. Когда они начали свою проповѣдь, начались смятенія и бой. Сторона Махмеда была побѣждена и онъ съ своими убѣжалъ въ Малый Мадіамъ, гдѣ собралось двѣнадцать тысячъ Евреевъ, изгнанныхъ императоромъ Константиномъ. Махмедъ привлекъ ихъ на свою сторону, соединилъ ихъ къ себѣ, и пошелъ на своихъ гонителей. Евреи, видя эту удачу, провозгласили его своимъ начальникомъ; къ нимъ присоединились и другіе Мадіамиты съ своимъ предводителемъ, К'ах'ерт'омъ, *Քաղըրթ*, и (такимъ образомъ) составили огромный лагерь. Потомъ они походомъ отправились въ Палестину и нанесли пораженіе румскимъ войскамъ, которые грабили товары у ихъ купцовъ. Довольные этой побѣдой, они напали на парсійское государство, убили царя парсійскаго, Язкерта, и положили конецъ парсійскому царству...

Послѣ этого они отправили свои войска по тремъ направленіямъ: отрядъ подъ предводительствомъ Яза и руководствомъ Іовела послали на Румъ (Грецію): онъ истребилъ семьдесятъ тысячъ грековъ; на Парсію отправили эмира Отмана и полководца Мавіé во главѣ двадцатитысячной арміи: они разбили Мирдата, армянскаго главнокомандующаго Мушеха съ его конницей и завладѣли всею Арменіей, Парсіей, Сиріей, Египтомъ, Мидіей и Парѳіей, и начали обращать ихъ въ свою вѣру, на что впрочемъ тѣ не согласились.

Мадіамиты и ихъ союзники стали просить закона у Махомеда: онъ далъ имъ законы, но постыдные. Онъ проповѣдывалъ (будущее) царство матеріальное, земное, чревопитающее, супружество въ этомъ царствѣ и проч.» (За этимъ слѣдуетъ изложеніе ученія Махомеда, изъ предыдущихъ уже цитатъ извѣстнаго читателю, которое мы опускаемъ)

d) СЕБЕОСЪ.

История похода императора Ираклія, Константинополь, 1851, кн. III, гл. 202
XXX, стр. 163—172.

«Теперь я разскажу о чадѣ Авраамовомъ, не о свободномъ, но о рожденномъ отъ рабыни, относительно котораго свершилось неложное божественное слово: «И будутъ руцѣ его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него». (Кн. Быт. XVI, 12.)

Въ то время собралось въ городѣ Эдессѣ двѣнадцать тысячъ народу изъ всѣхъ еврейскихъ племенъ. Когда они увидали, что парсійское войско мирно удалилось отъ нихъ и покинуло городъ, заперли городскія ворота, стали укрѣпляться въ немъ и запретили туда входъ греческимъ войскамъ. Греческій царь, Ираклій, приказалъ осадить городъ. Евреи, видя невозможность сопротивляться ему войною, начали переговоры о мирѣ: отперли городскія ворота и пошли предстали ему. Царь приказалъ всѣмъ этимъ племенамъ удалиться въ свои жилища, и они ушли. Они направили свой путь къ пустынѣ и пошли въ Татчкастанъ къ сынамъ Исмаильскимъ, пригласили ихъ себѣ на помощь, доказавъ имъ изъ Св. Книгъ свою одноплеменность. Эти послѣдніе, хотя и признали близкое съ ними сродство, но не могли водворить между собою согласія по причинѣ ихъ разноплеменности, ибо всѣ эти племена были раздѣлены между собою своими богослуженіями.

Между сынами Исмаильскими былъ въ то время одинъ купецъ, по имени Махмедъ, который, будто бы, по повелѣнію Божію явился имъ проповѣдникомъ пути истины и училъ ихъ познавать Бога Авраамова. Онъ былъ глубоко свѣдущъ въ законѣ Моисеевомъ. И такъ какъ повелѣніе было свыше, то по одному его призыву всѣ собрались для принятія единаго закона и, отрекшись отъ суетныхъ богослуженій, обратились къ богу живому, явившемуся отцу ихъ, Аврааму.

Махмедъ закономъ постановилъ: не ѣсть мертвечины, не пить вина, не лгать, не прелюбодѣйствовать, говоря: «Богъ клятвенно обѣщалъ эту землю Аврааму, а послѣ него его чаду на вѣчныя времена. Онъ исполнилъ свой обѣтъ еще въ то время, когда Онъ любилъ

203 Исраиль. Вы же — сыны Авраама, Богъ исполнитъ свое обѣщаніе Аврааму и чаду его въ лицѣ вашемъ: возлюбите только Бога Авраамова и идите владѣйте землею вашей, данной Богомъ отцу вашему, Аврааму. Тогда никто не въ силахъ будетъ противостоять вамъ войною, ибо съ вами Богъ».

Тогда всѣ они единодушно собрались, начиная отъ Евилы до Сура и насупротивъ Египта, и вышли изъ пустыни Фаррани двѣнадцать племенъ по числу племенъ своихъ родоначальниковъ; раздѣлили двѣнадцать тысячъ людей изъ сыновъ Израильскихъ на двѣнадцать племенъ, каждое племя по тысячи человѣкъ, и повели ихъ въ землю Іерусалимскую. Они пустились въ путь лагерями, каждый лагерь подъ предводительствомъ своего родоначальника: Наваюѳъ, Кидаръ, Навдеилъ, Мавсанъ, Масма, Идума, Массіи, Хеддадъ, Ѳеманъ, Іетуръ, Нафесъ, Кедма: это — племена Исмаила!

Прибывъ въ Роовоѳъ Моавитскій къ предѣламъ Рувина — ибо греческій лагерь стоялъ въ Аравіи — они неожиданно напали на послѣднихъ, предали лезвію меча и, обративъ въ бѣгство Ѳеодора*), брата императора Ираклія, возвратились въ Аравію. Тогда всѣ остатки сыновъ израильскихъ, собравшись, присоединились къ нимъ и образовали огромную армію. Они отправили къ греческому царю слѣдующее посланіе: «Богъ далъ отцу нашему, Аврааму, эту землю въ наслѣдство, а послѣ него его чаду: мы же — сыны Авраама; ты довольно владѣлъ нашей землею; оставь ее съ миромъ, тогда мы не пойдемъ на твою землю; въ противномъ случаѣ мы отымемъ ее у тебя съ лихвою».—Императоръ не согласился на это и не далъ имъ удовлетворительнаго отвѣта, но только сказалъ: «Эта земля мнѣ принадлежитъ; жребій твоего наслѣдія—пустыня: ступай и живи съ миромъ въ землѣ своей». И началъ стягивать войска свои числомъ около 70,000; назначивъ полководцемъ одного изъ вѣрныхъ своихъ евнуховъ, онъ приказалъ ему отправиться въ Аравію, не давать сраженія и держаться въ оборонительномъ положеніи, пока онъ соберетъ еще войско и пошлетъ ему на помощь.

Греческія войска достигнувъ Іордана, (перешли его) и вступили

---

*) Въ подлинникѣ ошибкою стоитъ *Ѳеодосій*. Թէոդոս.

въ Аравію. Оставивъ свой лагерь на берегу рѣки, они пѣшкомъ пошли на непріятельскій лагерь. Непріятель съ обѣихъ сторонъ 204
поставилъ въ засадѣ часть своего войска, окружилъ лагерь множествомъ палатокъ, привелъ стада верблюдовъ и, связавъ имъ ноги веревками, поставилъ ихъ вокругъ лагеря и палатокъ, ибо такъ они укрѣпляютъ свой лагерь.

Греки, утомленные путемъ, съ большимъ трудомъ могли прорѣзать это сильное укрѣпленіе; и когда они начали поражать непріятеля, сидѣвшіе въ засадѣ вдругъ вышли и напали на нихъ. Страхъ Господній обуялъ греческія войска и они обратили тылъ. Но не могли спастись по причинѣ глубокихъ песковъ, въ которые погружались ихъ ноги до голеней; (прибавь къ этому) съ одной стороны жаръ отъ знойныхъ лучей солнца, а съ другой — мечъ непріятельскій. Всѣ греческіе полководцы пали, и число убитыхъ съ ихъ стороны было слишкомъ двѣ тысячи. Весьма немногіе изъ нихъ спаслись бѣгствомъ, ища убѣжища въ безопасныхъ мѣстахъ.

Измаильтяне перешли Іорданъ и стали лагеремъ въ Ерихонѣ. Они навели ужасъ на жителей страны, которые всѣ покорились имъ. Въ эту же ночь жители Іерусалима унесли Крестъ Господній, всю утварь божіихъ церквей и на корабляхъ моремъ отправили въ Константинопольскій дворецъ. Затѣмъ они, взявъ съ Измаильтянъ клятвенное обѣщаніе, покорились имъ.

Греческій царь не могъ собрать новаго войска противъ Измаильтянъ, которые, раздѣливъ свои войска на три части, одну отправили въ Египетъ, гдѣ она заняла Александрію; другую—на сѣверъ на греческую имперію, гдѣ она быстро завладѣла (странами) отъ моря до береговъ рѣки Евфрата, а по ту сторону рѣки— Эдессою и всѣми городами Месопотаміи; третью же часть—на востокъ, на царство Парсійское.

Въ то время Парсійское царство приходило въ упадокъ; войска его были раздѣлены на три части. Полки же Исмаильтянъ, сосредоточенные въ восточныхъ странахъ, пошли на Тизбонъ (Ктезифонъ), гдѣ имѣлъ свое пребываніе парсійскій царь, и осадили городъ.

Мидійская армія, собранная подъ начальствомъ Ростома въ чис-

лѣ 80,000 вооруженнаго войска, пошла на нихъ войною. Парсы оставили городъ, перешли на ту сторону рѣки Деглатъ (Тигръ). Въ свою очередь Измаильтяне перешли рѣку, пошли по ихъ пятамъ и не перестали ихъ преслѣдовать до границъ своихъ — до деревни,
205 называемой Хертитчаномъ, Հերթիճան. Парсы возобновили свое нападеніе на Измаильтянъ, пошли и стали лагеремъ на равнинѣ. При этомъ находились съ тремя тысячами вооруженнаго войска также военачальникъ армянскій, Мушехъ Мамиконскій, сынъ Давида, и владѣтель Сюникскій, князь Григорій, съ тысячью человѣкъ. — Съ обѣихъ сторонъ началось нападеніе: войско парсійское обратилось въ бѣгство; Измаильтяне пошли по ихъ слѣдамъ и предали ихъ мечу: всѣ главные начальники Парсовъ погибли, въ ихъ числѣ и военачальникъ ихъ Ростóмъ. Тутъ были убиты: Мушехъ съ двумя своими племянниками (по сестрѣ) и Григорій, владѣтель Сюникскій, съ сыномъ своимъ; а прочіе спаслись бѣгствомъ и возратились въ свою землю. Остатки парсійскаго войска, прибывъ въ Атѐрпатаканъ, соединились вмѣстѣ и назначили себѣ военачальникомъ Хорох-Азата. Этотъ послѣдній немедленно отправился въ Тизбонъ (Ктезифонъ), забралъ всю государственную казну, и жителей городовъ вмѣстѣ съ ихъ царемъ поспѣшилъ отвести въ Атѐрпатаканъ. Они едва успѣли пуститься въ путь, какъ неожиданно напали на нихъ Измаильтяне. Парсы, приведенные въ ужасъ, бросили казну и жителей городовъ и убѣжали. Царь ихъ тоже убѣжалъ и спасся въ южной своей арміи. Измаильтяне захватили всю казну, пошли на Тизбонъ, полонили жителей городовъ и опустошили всю страну...

Это мы слышали отъ людей, которые были отведены въ плѣнъ варварами Татчиками и которые, какъ очевидцы, сами разсказывали намъ все это».

е) ВАРДАНЪ ВЕЛИКІЙ.

См. мой переводъ, Москва, 1861, стр. 80—87, и мое изданіе арм. текста М. 1861, стр. 87—95.

«Около этого времени двѣнадцать тысячъ Евреевъ, собравшись въ 80
Эдессѣ, отложились отъ Ираклія, который пришелъ, осадилъ Урху, взялъ ее и отпустилъ Евреевъ безнаказанно идти куда хотятъ, не внимая брату своему, Θеодору, желавшему истребить ихъ. Оттуда они пошли черезъ пустыню въ Тачкастанъ къ сынамъ Израиля, какъ къ сродникамъ, и пригласили ихъ себѣ на помощь. Изъ послѣднихъ одни согласились, другіе—нѣтъ, потому что между ними существовали различные расколы, какъ нѣкогда между Египтянами различныя вѣрованія.

Тогда явился мужъ изъ среды сыновъ Исмаиля, по имени Махомедъ—купецъ по ремеслу. Онъ родился въ городѣ Мадіанѣ на разстояніи двухъ дней пути отъ Мекки, изъ рода, называемаго Корешомъ, отъ Абдаллы, который умеръ, оставивъ его сиротою. Онъ поступилъ къ одному купцу и вскорѣ сдѣлался въ его домѣ первымъ• Послѣ смерти купца онъ завладѣлъ домомъ своего хозяина, женившись на его женѣ. И шелъ онъ съ своими верблюдами въ Египетъ, когда встрѣтился ему какой-то отшельникъ, по имени Сергій, послѣдователь Арія и Кериноія. Черезъ Ветхій Завѣтъ онъ далъ Махомеду понятіе о Богѣ, и познакомилъ его (также) съ книгою о
Дѣтствѣ нашего Господа. По возвращеніи на родину Махомедъ сталъ 81
проповѣдывать то, что слышалъ; но народъ прогналъ его и онъ отправился въ пустыню Фарани. Когда пришли двѣнадцать тысячъ Евреевъ, онъ воспользовался случаемъ и сталъ проповѣдывать сынамъ Израильскимъ Бога Авраамова; обѣщалъ имъ, что если они поклонятся ему, то наслѣдуютъ землю, данную Богомъ Аврааму. И вняли они его голосу, и стали стекаться, начиная отъ Евилы до Сура, что̀ насупротивъ Египта. Двѣнадцать тысячъ Евреевъ по числу колѣнъ Израиля они раздѣлили между двѣнадцатью родоначаль-

никами, по тысячи на каждаго; такимъ образомъ они сдѣлались удѣломъ двѣнадцати родоначальниковъ, именами которыхъ и стали называться: Наваюѳъ, Кидаръ, Навдеилъ, Мавсанъ, Масма, Идума, Массія, Ходдадъ, Ѳеманъ, Іетуръ, Нафесъ, Кедма. И отправились они отдѣльными станами изъ пустыни Фарани въ Роовоѳъ Моавитскій и перешли по ту сторону Іордана въ жребій Рувима. Тогда греческія войска находились въ Аравіи; они нанесли имъ пораженіе и Ѳеодоръ, братъ императора, едва спасся бѣгствомъ. Князья же возвратились въ Аравію и разселились по колѣнамъ. Къ нимъ стеклись всѣ остатки сыновъ Израилевыхъ и составилось огромное войско. Послали сказать императору, чтобы онъ очистилъ землю, данную Богомъ Аврааму. Императоръ отвергъ ихъ предложеніе, и собравъ семьдесятъ тысячъ войска, подъ начальствомъ вѣрнаго евнуха отправилъ въ Аравію на Исмаиля: войско было истреблено и станъ Махомеда наполнился богатой добычей.—Это случилось въ 65 году нашего лѣтосчисленія. Такъ какъ совѣтъ, данный Махомедомъ, удался, то народъ сталъ просить у него закона. Мѣсто, гдѣ стояли храмы
82 зміевъ, которымъ народъ поклонялся, Махомедъ назвалъ Аль-Кауба, что означаетъ «Дверь Божія»; городъ, въ которомъ онъ жилъ, назвалъ «Домомъ Авраама». Когда стало усиливаться христіанство, то бывшій въ Дамаскѣ кумиръ—Реманъ, который ничто иное какъ хромой Гефестъ—перенесли и бросили въ пустынѣ. Тагчики нашли его и перенесли въ храмы зміевъ. Жрецы этихъ зміевъ не захотѣли ставить его тамъ; вынесли оттуда и поставили на камнѣ, на которомъ выдолбили мѣсто для одной ноги. Еѳіопскіе купцы украли этотъ кумиръ, который былъ отлитъ изъ золота Исмаильтянами. Возгорѣлась жестокая война между двумя народами. Когда память о этомъ событіи исчезла, Махомедъ сталъ увѣрять, что это — слѣдъ ноги Авраама, (сохранившійся съ того времени), когда онъ приходилъ на свиданіе съ сыномъ своимъ, Исмаиломъ. (Говорятъ), въ то время Исмаилъ былъ на охотѣ. Авраамъ спрашиваетъ жену его: «гдѣ твой мужъ?»—Та отвѣчаетъ: «ступай прочь, дряхлый старикъ». Авраамъ говоритъ: «когда твой мужъ придетъ домой, скажи ему: «перемѣни дверь дома твоего»—Когда же пришелъ Исмаилъ и почуялъ запахъ отца своего, спросилъ жену, и та разсказала ему все слышанное.

Исмаилъ понялъ (въ чемъ дѣло), отпустилъ жену и взялъ другую до седьмой жены, которая попросила Авраама сойдти съ осла, дабы она могла умастить ноги его. Тогда Авраамъ спустилъ одну ногу и положилъ ее на камень, и камень раступился подъ его ногой. Другую же ногу онъ не спускалъ съ вьючной скотины потому, что поклялся Саррѣ не спѣшиться—Сарра опасалась встрѣчи его съ Агарью.

Эго—вымыслъ самого Махомеда; онъ приказалъ со всѣхъ сто- 83
ронъ стекаться туда на поклоненіе и на одной ногѣ ходить около того камня, повторяя: «*лбайк*, *лбайк*,» на что, будто бы, кто-то отвѣчалъ: «*ай*, *ай*, *авас авас*». Оттуда они проходятъ въ долину, гдѣ бьютъ скотину; потомъ садятся на лошадь и скачутъ до холма Мекки. Во время этого сказанія они спускаютъ съ себя одежду и не должны оглядываться. Проходя между двухъ скалъ, называемыхъ ими *Сабою* и *Мервою*, семь разъ въ безпокойствѣ идутъ отъ одной скалы къ другой и бросаютъ камни, говоря, что такъ дѣлалъ и училъ (дѣлать) самъ Махомедъ.

Бѣганіе на одной ногѣ есть слѣдствіе «*слѣда ноги*» (Авраама); бить и рѣзать скотину въ долинѣ, говорятъ (доказываетъ то), что Махомедъ принесъ жертву всѣмъ духамъ, дабы они показали ему видѣніе; и когда показались духи, онъ пустился бѣжать.

Хожденіе между двумя скалами и бросаніе каменьевъ (намекаетъ на то), что прежде поклоненія кумирамъ, они поклонялись камнямъ, и что когда Махомедъ совершалъ по обыкновенію молитву—напала на него бѣшеная собака, въ которую онъ сталъ бросать каменья.—Онъ приказалъ своимъ дѣлать тоже.

Они не убиваютъ ни гадъ, ни зміевъ, потому что прежде они были предметами ихъ поклоненія.

Избіеніе собакъ, говорятъ, означаетъ то, что когда Махомедъ умеръ—такъ какъ не хотѣли хоронить его, въ той надеждѣ, что онъ послѣ трехъ дней воскреснетъ, подобно Господу нашему —собаки обгрызли все лице у него. Когда узнали объ этомъ, стали бить собакъ. Приказано дѣлать это каждый годъ въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ.

84 Онъ училъ: «Богъ—единъ, и нѣтъ другаго равнаго Ему, а Махомедъ—рабъ Его».

То, что говорятъ на основаніи словъ какого-то Еврея, будто пророки вѣщали какъ для Христа, такъ и для Махомеда—относится къ тому, что Исаія видѣлъ двоихъ сидящихъ на ослѣ и на верблюдѣ.

Какъ-то разъ посредствомъ колдовства Махомедъ вдругъ скрылся. Немного спустя, онъ явился и сказалъ: «миръ, милость и благодать Божія да будутъ съ вами!»

Спрашиваютъ его въ изумленіи: «откуда идешь и что означаетъ это новое привѣтствіе, и благодать какого Бога приносишь ты намъ?»

Махомедъ отвѣчаетъ: «Богъ бралъ меня въ Мекку—въ домъ моего и вашего отца, Авраама; тамъ онъ повѣдалъ мнѣ волю свою и завтра пришлетъ намъ законъ».—Онъ взялъ молодую корову, отелившуюся тамъ, гдѣ было стеченіе народа; отвелъ ее отъ теленка; написалъ (на бумагѣ), что ему было угодно и, привязавъ ее къ рогамъ коровѣ, съ преданными себѣ людьми, отправилъ въ пустыню, съ приказаніемъ на другой день отпустить ее. Самъ же, окруженный толпою, дожидался. Вдругъ корова прибѣжала съ ревомъ, врѣзалась въ толпу и стала искать теленка. Махомедъ приказалъ схватить ее и, взявъ бумагу, поцѣловалъ ее и сказалъ: «она—отъ Бога». Поэтому самому до сихъ поръ въ началѣ Корана написано: «Суратъ аль бака́ра»—т. е. законъ коровы.

Махомедъ приказалъ семь разъ совершать молитву съ омовеніемъ.—Вмѣсто трубъ, бывшихъ въ употребленіи у Израильтянъ, онъ
85 приказалъ призывать къ молитвѣ съ высоты, основываясь на словахъ: «восходи на гору Сіонскую, ты—благовѣститель».—Призывающаго называютъ *мудин*, т. е. законоположитель. Приложеніе пальца къ уху (выражаетъ то), что волей или неволей всѣ должны слышать ухомъ.

Махомедъ назвалъ Христа Словомъ Божіимъ и Духомъ.

Говорятъ, что онъ совершалъ чудеса: сводилъ съ неба луну, разсѣкалъ ее на четыре части, снова соединялъ и отпускалъ на небо.

У Исмаильтянъ прежде былъ княземъ Кахертъ; когда они встрѣтили Махомеда, увѣровали въ него во всемъ.

Когда (Исмаильтяне) усилились, жители Іерусалима, опасаясь ихъ, Крестъ Господній и всю церковную утварь на кораблѣ отнесли въ Константинополь; сами же покорились Исмаилю, ибо императоръ не могъ собрать противъ нихъ войска. Исмаильтяне раздѣлились на три части, (изъ которыхъ одна отправилась) въ Египетъ, другая въ Грецію, третья въ Арменію: они вездѣ являлись побѣдителями. Часть, которая шла на Арменію, прошла черезъ Ассирію и, дошедши до Дѣвина, взяла его и истребила безчисленное множество народу. Они отвели въ плѣнъ тридцать семь тысячъ человѣкъ, во время управленія Ѳеодора Рѣштуни, заступившаго мѣсто Давида... Они нанесли пораженіе греческому полководцу, Прокопію, который съ 60,000 войска расположился было на границѣ Арменіи.

Въ это время умеръ Езръ и наслѣдовалъ престолъ патріаршій Нерсесъ, епископъ Тайкскій, десять лѣтъ спустя послѣ Езра. Видя жестокія кровопролитія и грабительства, онъ вздумалъ убѣжать подъ тѣмъ предлогомъ, что не считаетъ себя достойнымъ такого вы- 86
сокаго сана. Но когда стали его упрашивать, онъ уступилъ общей просьбѣ, и приказалъ собирать множество труповъ и предать землѣ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла сгорѣвшая церковь св. Сергія, онъ выстроилъ новую; построилъ также святый храмъ надъ Хорвирапомъ и положилъ основаніе (другому) большому храму во имя святаго Григорія на каменистомъ мѣстѣ: подъ четырьмя его колоннами (онъ помѣстилъ) всѣ мощи св. Григорія кромѣ головы, которую, положивъ въ ковчегъ, хранилъ на случай исцѣленія недужныхъ. Тутъ были помѣщены также мощи Издбузида и мученика Давида. Говорятъ, что мощи св. Григорія принесены въ Арменію Григоріемъ Мамиконскимъ, ѣздившимъ съ посольствомъ въ Константинополь. Ему вручила ихъ одна знатная женщина, имѣвшая ихъ при себѣ. Князь вывезъ это сокровище непроходящаго величія на кораблѣ невѣдомо отъ города. Челюсть (св. Григорія) онъ уступилъ землѣ Ахованской по просьбѣ Джуаншира и сестры его, бывшей женою Григорія (Мамиконскаго),

Въ то время императоръ Константинъ (Ираклій) убитъ вельможами своей матери Мартины, которая ставитъ сына своего, Гераклеона, и возводитъ Константина, сына (Ираклія) Константина.—И

такъ какъ отложился тогда Варазтироцъ, то ходатаемъ за него сталъ Нерсесъ и онъ былъ назначенъ куропалатомъ армянскимъ; онъ не успѣлъ еще вступить въ отправленіе должности, какъ умеръ.—Его похоронили въ Даронк'ѣ подлѣ отца его, браваго Сембата....

Махомедъ послѣ сорокалѣтняго правленія умираетъ и наслѣдуютъ власть его Омаръ, Амръ и Абубакръ.

87 Язкертъ, внукъ Хосрова, былъ умерщвленъ. Такимъ образомъ прекратилось царство парсійское, продолжавшееся 481 годъ. И захватилъ власть въ свои руки Мавій.

Константинъ, внукъ Иракліа, лишивъ власти Θеодора, приказалъ киликійскому военачальнику идти на Мавія. Тогда Вардъ — сынъ Θеодора, задумалъ ковы противъ греческаго войска: во время бѣгства Грековъ, онъ отрѣзалъ (веревки понтоннаго) моста на Евфратѣ.

Мавій назначилъ правителемъ Арменіи Григорія Мамиконскаго и наложилъ на Арменію дань въ пятьсотъ дахекановъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II-е.

—

О великомъ нахарарствѣ Орбеліановъ *).

65-ая глава изъ исторіи Сюникской провинціи Степана, Сюникскаго архіепископа. О великомъ нахарарствѣ Орбеліановъ: о томъ—откуда они и какъ пришли въ эту страну.—Сказанія о разныхъ событіяхъ и дѣяніяхъ.

У родоначальника нашего племени, перваго патріарха земли ар- 1 r
мянской и иверійской Ѳоргома было восемь сыновей мужественныхъ и исполинскихъ, изъ которыхъ старшій былъ Хайкъ, второй—Картлосъ, третій—Бардосъ, четвертый—Мовканъ, пятый—Леканъ, шестой—Херосъ, седьмой—Ковкасъ, восьмой—Егресъ. Ѳоргомъ, раздѣливъ между своими сыновьями наслѣдіе, отдалъ землю армянскую со всѣми ея предѣлами Хайку, а тѣнистую сѣверную страну—Карт-

*) [Несмотря на существующіе два перевода этого любопытнаго отрывка изъ «Исторіи Стефана Орбеліана» (XIV в.) на русскомъ языкѣ, мы сочли нелишнимъ напечатать и третій, сдѣланный покойнымъ Н. О. Эминымъ въ 1862 г., основываясь на томъ, что одинъ изъ переводовъ, принадлежащій К. П. Патканову (Спб. 1873), неполный: онъ составляетъ половину 65-й главы, а другой — Х. Іоаннесова (М. 1883), нѣсколько вольный; между тѣмъ какъ предлагаемый переводъ исполненъ почти буквально.—Слѣдуетъ замѣтить, что никакихъ примѣчаній, ниже объясненій къ данному переводу не имѣется, а сверхъ того на первомъ листѣ рукописи сдѣлана рукою переводчика помѣтка: «*не пересмотрѣно*». Самый переводъ сдѣланъ съ изданной Н. О. Эминымъ же въ 1861 г. «Исторіи Стефана Орбеліана» и занимаетъ стр. 269 — 317 печатнаго армянскаго текста. — 1 *r* — 1 *v*... на поляхъ обозначаютъ пагинаціи рукописи переводчика, содержащей 42 страницы in 4° почтовой бумаги.—*Г. Х.*].

лосу и другимъ его братьямъ. Картлосъ, отправившись въ гору, называемую Армазомъ, построилъ себѣ тамъ домъ и неприступную крѣпость на удобномъ мѣстѣ и назвалъ ее Орбетомъ. Эта страна, начиная отъ Хунана до Сперскаго моря, отъ имени Картлоса получила названіе Картл'а. Въ продолженіи долгаго времени сыновья наслѣдовали отцевъ своихъ и такимъ образомъ родоначальство Картл'а тянулось до времени царя парсійскаго Хосрова Великаго, прозваннаго Кей-Кавусомъ. У Иверійцевъ былъ обычай называть главнаго своего начальника домовладыкою, ибо у нихъ не было царя. Домовладыка имѣлъ свое пребываніе въ Картлѣ, въ большомъ городѣ Мцхитѣ, построенномъ Мцхитою, старшимъ сыномъ Картлоса. Тѣснимые жестокимъ царемъ парсійскимъ (иверійцы) готовы были промѣнять жизнь на смерть. Въ то время начальникомъ въ землѣ иверійской былъ поставленъ парсъ-Ардармосъ по приказанію Абритона, господствовавшаго надъ Парсіей, Иверіей и Ахованіей; Ардармосъ, этотъ тотъ самый, который возобновилъ Мцхиту, обвелъ ее каменною стѣною и провелъ стѣну отъ горы Армазъ, до рѣки Кура. По кончинѣ его господствовали надъ Иверіей четыре мужа; въ слѣдствіе чего возникли смуты и опустошенія повсюду, то отъ Хосрова Кей-Кавуса, то отъ Куе-Хосрова, его наслѣдовавшаго. Иверійцы были въ большомъ горѣ и въ полнѣйшемъ отчаяніи.

I v Вотъ въ это самое-то время начались большіе смуты и безпорядки въ царствѣ Тченастанскомъ, находящемся на востокѣ за землею Халандуровъ, сосѣдей Хазировъ и Хоновъ, и простирающемся до горы Емаусъ. Ибо по смерти царя (этой страны), названнаго Тчен-Бакуромъ, царевичи начали между собою войну: когда одна изъ (воюющихъ) сторонъ взяла верхъ, другая обратилась въ бѣгство. (Главою послѣдней) былъ юноша ловкій, стройный, мощный, и рослый; захвативъ царскую казну во главѣ одного отряда съ своимъ семействомъ на быстрыхъ коняхъ, носившихся какъ бы по воздуху, онъ пронесся черезъ многія страны, наводя на всѣхъ такой ужасъ, что никто не осмѣливался становиться ему поперегъ дороги. Онъ перешелъ Даріальскія ворота и, какъ-бы по внушенію Свыше, пришелъ въ землю Картл'а къ домовладыкѣ Мцхиты, котораго онъ нашелъ въ недоумѣніи, въ стѣсненіи и въ большой опасности отъ парсовъ.

Они начали такую рѣчь съ домовладыкою и съ старѣйшими мужами: «Мы происходимъ отъ царей Тченовъ; отдѣлившись отъ нашихъ братьевъ, мы пришли въ эту страну, которая намъ нравится своей неприступностью. Насъ привели сюда ваши боги на помощь вамъ въ вашемъ горѣ. Мы желаемъ поселиться или въ парсійскомъ царствѣ, или перейдти къ греческому самодержцу; но если мы вамъ угодны, то отведите намъ покойное мѣсто; въ такомъ случаѣ мы поселимся здѣсь и освободимъ васъ отъ вашихъ притѣснителей; въ противномъ случаѣ мы пойдемъ своей дорогой, куда нашъ богъ укажетъ намъ путь». Старѣйшіе домовладыки страны, видя (передъ собою) такихъ мужественныхъ и могучихъ мужей, говорившихъ такія пріятныя рѣчи, сильно порадовались пришельцамъ; устроили у себя большой пиръ и съ высокой славою и большой честью приняли ихъ и очень ихъ полюбили. Они отвели имъ неприступную крѣпость Орбетъ, построенную рукою Картлоса, какъ жилище и мѣсто укрѣпленія, давъ имъ въ наслѣдство многія области, большія селенія и крѣпости.

Такимъ образомъ успокоенные они поселились въ Орбетѣ. По имени крѣпости, по прошествіи долгаго времени, они получили названіе: Ор- 2r
булы т. е. Орбетцы; ибо у народа (иверійскаго) было обыкновеніе называть князей (своихъ) именами мѣстъ, какъ напр. Метеулы, Мепéулы и Мраджулы, отъ Херета-Хериставы, отъ Джавахета-Джавахуры, отъ Кахета-Кахеты. отъ Лехты-Лехтимы и т. д. По этой самой причинѣ (упомянутой) родъ первоначально называвшійся Тченеулами (т. е. уроженцами Тчена), до сего времени называется Орбелами. Когда все это такимъ образомъ устроилось, (Орбелы) сосредоточили въ одно всю Иверію и, собравъ войско, возстали противъ притѣснителей, нанесли имъ пораженіе и изгнали ихъ, не смотря на сопротивленіе Парсовъ.—И водворился миръ въ землѣ (иверійской); вслѣдствіе чего иверійцы назначили Орбеловъ аспарапетами и военачальниками всего дома иверійскаго. Но когда воцарился въ Иверіи первый царь Парнавазъ, Орбелы получили отъ него еще больше почета, ибо въ иверійской странѣ кромѣ царя не было никого имъ подобнаго или равнаго.

(Все) это мы узнали изъ «Исторіи Иверіи», гдѣ довольно не ясно

оно изложено. Но царь Георгій, завидуя имъ, истребилъ весь родъ ихъ въ Иверіи; вслѣдствіе чего истребили также имена ихъ изъ (иверійской) исторіи, изъ всѣхъ книгъ и церквей. Поэтому послѣ многихъ изслѣдованій и разысканій, мы могли узнать весьма немногое у свѣдущихъ людей и изъ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ памятниковъ, равно какъ и изъ древнихъ преданій, переходившихъ отъ отцевъ къ сыновьямъ до нашего времени. Но такъ какъ память о древнихъ сказаніяхъ (Орбеловъ) равно и о подвигахъ и славныхъ дѣяніяхъ (совершенныхъ ими) въ Иверіи истреблена изъ лѣтописи этой страны, которую (лѣтопись) они называютъ «Картлис цхореба»; то поэтому и мы, не зная ни причины, ни послѣдовательности ея разсказа, не могли изложить его въ этой нашей книгѣ. И потому (мы ограничимся) изложеніемъ того немногаго, что мы нашли въ армянскихъ книгахъ (относительно рода Орбеловъ и заключимъ нашъ разсказъ тѣмъ), что достовѣрно передаетъ намъ
2 v относительно прекращенія ихъ рода прекрасная исторія Мхитара анійскаго.

Итакъ, въ 498 году армянскаго лѣтосчисленія, въ царствованіе иверійскаго царя Давида и армянскаго Гагика-шахан-шаха въ Ванандѣ, въ императорствованіе въ Греціи Мономаха, рожденные отъ Агари, Исмаильтяне замѣтили, что народы христіанскіе пришли въ безсиліе. Кличъ кликнули они своимъ (собратамъ) въ Хорасанѣ, Хоразмастанѣ, въ Парсіи и Кирманѣ, въ Бухарѣ и Мазандаранѣ, въ Арахѣ, Багдадѣ и Басрѣ, въ Аранѣ и Атерпатаканѣ и стеклось множество Парсовъ, Хазировъ, Хоразмовъ, Арабовъ и скиѳскихъ Туркастанцевъ, которые, прибывъ, расположились безчисленнымъ лагеремъ на Каринской равнинѣ. Они задумали мысль, которую не могли осуществить, а именно—уничтожить вѣру и имя христіанскія въ Арменіи, Иверіи и Греціи.

Эта горестная и пагубная для всѣхъ молва прежде всего дошла до греческаго императора: всѣхъ до единаго объялъ трепетъ до самой глубины сердца. Императоръ прислалъ Комнена съ Трапизонскимъ войскомъ къ Армянамъ и Иверійцамъ просить ихъ дружной помощи (полагая при ихъ содѣйствіи), статься можетъ, удастся имъ избавиться отъ бурнаго, кипучаго гнѣва южанъ. Царь Давидъ и

Гагикъ, услышавъ это, не осмѣлились выйдти противъ силы измаильтянской; но великими просьбами и мольбами убѣдили храбраго непобѣдимаго Липарита Орбела, чтобы онъ, соединившись съ греческимъ войскомъ, противостоялъ предстоявшему бою; сами же они скрылись, притаившись въ неприступныхъ мѣстахъ страны. Наконецъ неустрашимый Липаритъ, согласившись, сказалъ: Я иду навстрѣчу иноплеменникамъ; я жертвую собою за вѣру христіанскую: силою Божіей или я ихъ обращу вспять, или же умру за Христа. Но я тебѣ, царь, поручаю свое потомство съ тѣмъ, чтобы ты защитилъ его отъ измѣны завистливыхъ и злобивыхъ дворянъ иверійскихъ, сохраняя за ними честь и наслѣдіе нашихъ отцевъ.

Сказавъ это, Липаритъ самъ собралъ свои войска и бывшихъ подъ 3r
его начальствомъ дворянъ, ибо онъ владѣлъ половиною (иверійскаго) царства; и явилось на его зовъ 700 знатнѣйшихъ дворянъ, бывшихъ его вассалами, и 16,000 мужей воителей; онъ взялъ также 10,000 царскаго войска. Во главѣ ихъ онъ отправился въ Ванандъ на равнину Карсскую, гдѣ присоединилось къ нему 15,000 румскаго войска: и составилось такимъ образомъ, 41,000 конницы. И такъ какъ иноплеменники разорили уже деревню Ордру и, опустошивъ окрестныя области, лагеремъ стояли на упомянутой равнинѣ, то союзныя войска съ разсвѣтомъ дня, ставъ противъ непріятеля, приготовились къ бою, раздѣливъ свои полки на авангардъ, центръ и аріергардъ. Но какъ при безчисленномъ множествѣ Исмаильтянъ сила Липарита казалась ничтожною и какъ-бы составляющею часть непріятельской арміи, обязанною снабжать ее водою и собирать оружія падшихъ на войнѣ,—то, видя это, непобѣдимый борецъ, мужественный Липаритъ началъ ободрять свои полки, говоря: «Не страшитесь, но мужайтесь именемъ Христа; знаменуйте себя крестнымъ знаменіемъ и—побѣда за нами! (Сказавъ это) онъ сошелъ съ коня, преклонилъ колѣна и, осѣнивъ себя знаменіемъ святаго креста, поручилъ себя Христу. Онъ надѣлъ себѣ на шею часть отъ спасительнаго креста и, вооружившись такимъ образомъ, сѣлъ на быстраго коня; онъ бросилъ за плечо щитъ, украшенный золотомъ; взялъ въ лѣвую руку гибкое копье, а въ правую — широкій стальной мечъ обоюдоострый; положилъ себѣ подъ колѣно огромную сѣкиру съ

кузнечій молотъ или остроконечный молотъ каменщика и, выступивъ въ ряды воиновъ, гордо носился на конѣ то въ одну, то въ другую сторону. Златокованная его броня и шлемъ испускали отъ себя лучи какъ солнце. Онъ ревѣлъ и рыкалъ какъ левъ, вызывая противоборца изъ среды непріятелей, говорилъ: «Я — Липаритъ абхазскій; выступайте, храбрые мужи парсійскіе и арійскіе и вступимъ въ единоборство»!

3v И, несмотря на неоднократный его вызовъ, никто не осмѣлился выйдти ему навстрѣчу. Въ какую бы сторону не устремлялъ своего коня Липаритъ, подобно налетѣвшему орлу, тамъ непріятель начиналъ пятиться и топтать одинъ другаго. Наконецъ Липаритъ убѣдился, что страхъ обуялъ сердца враговъ и что мужество оставило ихъ: тогда, обратившись къ своимъ воинамъ, онъ вдохнулъ въ нихъ бодрость и выдвинулъ ихъ впередъ. Они испустили ужасный крикъ и смѣшались съ непріятелемъ. Завязалась страшная сѣча; все кругомъ огласилось, какъ бы при громѣ и трескѣ, отдѣляющихся отъ молніеносныхъ тучъ. Липаритъ самъ, подобно пылающему огнемъ облаку, проникалъ (въ непріятельскіе ряды) и выходилъ оттуда, оставляя за собою многихъ, какъ бы пораженныхъ молніей. Какъ пламя, охватывающее камышъ, онъ прорѣзывалъ рать непріятельскую и являлся на противоположной сторонѣ, и потоки крови лились направо и налѣво; грудами клалъ онъ трупы; отрѣзывалъ цѣлые отряды отъ полковъ иноплеменниковъ и, какъ стадо зайцевъ опрокидывалъ ихъ на полѣ сраженія. Такимъ образомъ храбрый Липаритъ силою Бога нашего Іисуса Христа, поразилъ, побѣдилъ Исмаильтянъ и немногихъ оставшихся обратилъ въ бѣгство.

Только около полудня (иверійцы) возвратились послѣ тяжкихъ и великихъ трудовъ своихъ въ великой радости и съ благодареніемъ (Богу). Но окаянные иверійскіе дворяне — цареубійцы, опасаясь страшнаго могущества Липарита, условились съ дедепул-военачальниками его и, подрѣзавъ подколѣнное жило у коня его, опрокинули такимъ образомъ (храбраго мужа). Многочисленная ихъ толпа, обступивъ Липарита, убила его на мѣстѣ; что покрыла христіанъ мрачною печалью. Исмаильтяне, какъ только узнали это, обратились назадъ и предали мечу большую часть иверійскаго войска; осталь-

ныя же разсыпались по всей странѣ: То было окончательной погибелью для Арменіи и Иверіи, ибо съ тѣхъ поръ Татчики завладѣли всѣми областями (этихъ странъ). Немного спустя они взяли Ани въ 513 4 r
(1064) году, взяли Карсъ, взяли области Ширакскую, Ванандскую и Аршаруникскую, страны Араратскую, Сисаканскую и Бахкскую и всѣ земли до самыхъ воротъ Тѣпхиса.

Вотъ какую дверь погибели и всемірнаго пораженія открыли въ то время окаянныя войска иверійцевъ-цареубійцъ! Впрочемъ, убіеніе Липарита я считаю для него лично не потерею, но великимъ спасеніемъ; ибо онъ, положивъ жизнь свою за паству Христову, возвеличился и, невинно падая подъ ударами своихъ, увѣнчался мученическою кровью и пошелъ ко Христу—царю всѣхъ, дабы принять отъ него воздаяніе и мзду за великіе свои подвиги. Но вѣрные его слуги, взявъ трупъ прекраснаго юноши и непобѣдимаго героя, съ плачемъ понесли въ Карсъ, сдѣлали гробъ, покрыли его златотканнымъ покровомъ и съ царственной почестью перенесли въ великій славный свой монастырь Виѳанію, построенный его предками для гробницъ своего рода. Прибылъ туда и царь Давидъ въ сопровожденіи всѣхъ вельможъ своихъ и, оплакавъ всенародно, положилъ его въ гробницу отцевъ его. -- При царскомъ дворѣ Орбéлы пользовались слѣдующими преимуществами: они были спасаларами всего войска, прокураторами всей иверійской земли, въ зависимости отъ которыхъ были всѣ дворцовые коммисары; у нихъ было двѣнадцать знаменъ, а при каждомъ знамени тысяча человѣкъ. И такъ какъ установлено было имѣть царю бѣлое знамя съ краснымъ значкомъ, то Орбеламъ предписали имѣть красное знамя съ бѣлымъ значкомъ; во время царскаго шествія, когда они шли впереди царя или когда стояли передъ нимъ (на выходахъ) держать въ рукахъ жезлъ (съ изображеніемъ) львиной головы; за (царскимъ) столомъ они сидѣли особо отъ собесѣдниковъ, занимая мѣсто выше всѣхъ дедепул-нахараровъ и ѣли на серебряныхъ тарелкахъ; наконецъ Орбéлы были вѣнценалагателями (иверійскихъ) царей.

Много спустя послѣ этого, въ царствованіе могущественнаго Да- 4 v
вида, сына Георгія, великій спасаларъ, Иване Орбеліанъ, прославившись мужествомъ, раздвинулъ границы Иверіи, воюя съ Татчиками.

Онъ отнялъ у Татчика Тавушъ, Гагъ, Терунаканъ, Лоре́ и Ани въ 572 (1123) году. Вслѣдствіе этого царь полюбилъ его еще болѣе и окружилъ его еще большимъ почетомъ: сверхъ наслѣдственнаго ихъ владѣнія онъ пожаловалъ Иване́ еще Лоре со всею областью, Агара́къ съ дворцомъ, и Шамшуйлте— прежняя вотчина Орбеловъ—снова возвращена ему со всею областью. Все это, какъ вотчина, было закрѣплено за родомъ Орбеловъ великой граматой, съ приложеніемъ царскаго перстня. — По смерти могущественнаго Давида царскую власть принялъ сынъ его, храбрый Деметре, который превзошелъ предковъ своихъ достохвальными дѣяніями и царствовалъ 33 года. Любовь и уваженіе его къ Иване́ и къ сыну его Се́мбату увеличились еще болѣе. Въ его время Иване́ и Се́мбатъ взяли Хунанъ, бывшій съ давнихъ поръ у Татчиковъ и въ 577 (1128) году закрѣпленный за ними, какъ вотчина. Послѣ этого умеръ Иване́ въ глубокой старости и владѣнія его перешли къ сыну его Се́мбату. Знай, что они были свойственниками царей иверійскаго и армянскаго изъ рода Кюрике́, Багратуни́ по происхожденію. По этой самой причинѣ они приняли у послѣднихъ имена Багратунійскія, каковы: Се́мбатъ и Иване́, т.-е. Иванъ; имена Липаритъ, Еликумъ и Бурте́лъ они наслѣдовали отъ предковъ своихъ, пришедшихъ изъ земли Тченовъ, а нѣкоторыя имена заимствованы ими у Иверійцевъ.

Другой Иване́, сынъ Абулета, въ свою очередь, беретъ Дманисъ. Въ 607 (1158) году послѣ многихъ удачъ и великихъ подвиговъ мужества умираетъ царь Деметре, царство котораго наслѣдуетъ Давидъ, мужъ могущественный и мудрый, какъ и отецъ его. По прошествіи 2 лѣтъ умеръ и онъ. Передъ своей кончиной онъ созвалъ каѳоликоса и великихъ дедепуловъ; пригласилъ равнымъ образомъ и брата своего Георгія и маленькаго сына своего Демну и, положивъ передъ собою վաւագ խաչն, спасительный крестъ и святое еванге-
5 r ліе, сказалъ: «Вельможи иверійскіе! вы сами хорошо знаете, какія имѣлъ объ васъ попеченія мой отецъ, какъ снова возстановилъ онъ это государство и въ часъ своей кончины при какихъ тяжкихъ условіяхъ письменно передалъ онъ мнѣ это государство. Моя кончина также близка. Съ братомъ моимъ Георгіемъ у меня ни счетовъ, ни дѣлъ никакихъ нѣтъ по престолу нашему. И потому, такъ какъ мой

отецъ подарилъ мнѣ въ собственность этотъ царскій престолъ, точно такъ и я дарю его чаду моему Демнѣ при свидѣтельствѣ всѣхъ васъ. — Ты же, Георгій, братъ мой, заступи мое мѣсто, прими на себя главноначальство надъ войсками нашей страны и кормись удѣленнымъ тебѣ отцемъ моимъ наслѣдствомъ, пока взойдетъ въ лѣта мой младенецъ». И, подозвавъ Иване́, сына Сёмбата Орбеліана, заставилъ его клясться въ сохраненіи завѣщаннаго обѣта. Затѣмъ, взявъ руку младенца, положилъ его въ руку Иване́ и поручилъ его ему. Онъ заставилъ также и прочихъ дедепуловъ клясться въ вѣрности мальчику и, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, помазать его на царство. Послѣ этого онъ скончался и былъ положенъ въ гробницу отцевъ своихъ въ Гелатѣ.

Начиная съ этого времени младенецъ находился въ домѣ Иване́, гдѣ онъ воспитывался и возросталъ. Между тѣмъ Георгій склонилъ на свою сторону знатнѣйшихъ вельможъ, въ томъ числѣ и каѳоликоса, хотѣлъ самъ воцариться: они тщательно скрывали свой замыслъ отъ великаго Сёмбата Орбеліана и сыновей его Иване́ и Липарита. Но черезъ мѣсяцъ у Георгія созваны были всѣ дедепулы и дворяне, съ которыми вмѣстѣ явился и Иване́ съ своей свитой. Георгій открылъ послѣднему свое намѣреніе и послѣ долгихъ увѣщеваній успѣлъ, наконецъ, убѣдить его въ томъ, что по достиженіи племянника моего совершеннолѣтія я его не обижу, но согласно завѣщанію моего брата возведу его на престолъ царскій. Вслѣдствіе этого всѣ единогласно помазали его на царство, и онъ оказался человѣкомъ ловкимъ во всѣхъ подвигахъ мужества и очень умнымъ. Въ свое правленіе онъ расширилъ все свое государство; самъ лично 5v онъ велъ не одну войну и черезъ мужественнаго и храбраго спасалара Иване́ онъ привелъ въ трепетъ Парсовъ, Татчиковъ и Турковъ. Этотъ самый Георгій въ 610 (1161) году взялъ городъ Ани и всю область Ширакскую и подарилъ ее великому Иване́, иверійскому спасалару, сыну Сёмбата Орбеліана, что̀ и стало его вотчиной. — Иване́ разъ нанесъ пораженіе при анійскихъ воротахъ Шахи-армéну, напавшему на городъ во главѣ 40,000 войска, и хотя царь Георгій поспѣлъ къ нему на помощь, однако войну велъ онъ одинъ. Въ другой разъ на равнинѣ Гагской онъ заставилъ обратиться въ бѣгство

атабека Ельдгуза, пришедшаго съ стотысячнымъ войскомъ на Георгія, чтобы истребить всѣхъ Иверійцевъ и взять ихъ царя; но Иванé съ удивительной находчивостью и геройскимъ мужествомъ поставилъ непріятеля въ такое затруднительное положеніе, что онъ, бросивъ свои шатры, оружіе, весь скарбъ и вьючную (скотину), ночью едва-едва спасся бѣгствомъ. Не смотря на все это на его великіе подвиги, на оказанныя царю имъ заслуги, этотъ послѣдній наружно хотя и осыпалъ его наградами и почестями, но въ сердцѣ не переставалъ питать безпокойства на счетъ порученнаго Иванé младенца; поэтому царь искалъ удобной минуты, чтобы подставить ему сѣти и не находилъ ея. Впрочемъ, Иванé самъ это понималъ въ душѣ своей.

Между тѣмъ, Сёмбатъ-отецъ умеръ въ глубокой старости и положенъ въ гробницу отцевъ своихъ; его власть наслѣдовали сыновья его Иванé и Липаритъ. Въ 626 году армянскаго лѣтосчисленія (1177) возникли смуты въ Иверійскомъ царствѣ и родъ Орбеліановъ весь былъ истребленъ, ибо послѣ 21 года царствованія Георгія, когда Демна достигъ совершеннолѣтія, въ то самое время, когда Иванé съ братьями своими и сыновьями въ Агаракскомъ дворцѣ предавался веселью, явились туда великіе дедепулы вмѣстѣ съ Демною и говорятъ: «Вспомни, Иванé, обѣтъ и клятву, данные тобою царю Давиду,—не будь клятвопреступникомъ; ибо вотъ уже настало время
6 г возведенія на престолъ юнаго Демны. Георгій находится теперь въ Сахатé съ многими людьми, мы же всѣ тверды въ клятвѣ, данной нами отцу этого (юноши)». На это сказалъ Иванé: «Прочь отъ насъ мысль поднять руку на помазаннаго царя! Но такъ какъ мы дали обѣтъ и клятву, то возьмемъ Георгія, пока не возведемъ на престолъ Демну; потомъ мы возьмемъ съ Георгія клятву и письменное обѣщаніе, чтобы онъ повиновался (новому царю) и жилъ въ удѣлѣ своего наслѣдства, даннаго ему его отцемъ». На это всѣ изъявили свое согласіе и немедленно начали собирать войска.

Какой-то негодный мальчишка, подслушавъ это, отправился ночью къ царю и открылъ ему замыслъ. Георгій тотчасъ сѣлъ на коня, поскакалъ стремглавъ въ Тёпхисъ и засѣлъ тамъ. Между тѣмъ, Иванé ничего не подозрѣвалъ, собиралъ конницу и сосредоточивалъ

войска. Всѣ начальники и Иверійское дворянство раздѣляли мнѣніе Иванé, ибо всѣ вмѣстѣ явились къ нему въ Агаракскій дворецъ: Картлис-Хериставы, Хорáи и Джавахуры, Кáха съ сыновьями, великій Камрагелъ, Джахелмéмна и Таши́рцы, Хасанъ каенскій и Григорій анійскій изъ рода Апирата съ своими дружинами болѣе, чѣмъ въ 30,000. Царь Георгій находился въ Тёпхисѣ одинъ, безъ войска. Наконецъ онъ пригласилъ къ себѣ какого-то Хёпчаха, по имени Хубасаръ, и кое-какъ могъ собрать 5,000 человѣкъ, и въ этомъ состояло все войско.

Когда узнали, что царь вступилъ въ Тёпхисъ и укрѣпился тамъ они не стали дѣлать на него нападенія, но ждали, что онъ сдастся. Но такъ какъ дѣло это тянулось, то, какъ водится обыкновенно у людей по природѣ непостоянныхъ, великій Камрагелъ отдѣлился отъ ихъ союза и тайно перешелъ къ Георгію. Григорій изъ рода Магистроса, видя это, также пошелъ къ Георгію; за ними и другіе потянулись и начали тайно переходить къ царю. Такимъ образомъ, сторона Георгія стала усиливаться, а сторона Демны ослабѣвать. Царь 6v
Георгій съ почестью принималъ являющихся къ нему, большими дарами осыпалъ ихъ и давалъ обѣщаніе даровать имъ всѣ вотчины и богатства Орбеліановъ. — Когда Георгій убѣдился, что его сторона увеличивается и усиливается, а сторона его племянника (по брату) и Иванѐ ослабѣваетъ, онъ выступилъ противъ нихъ съ большимъ приготовленіемъ. Иванѐ, узнавъ это, все свое имущество внесъ поспѣшно въ крѣпость Шамшуйлде, гдѣ издревле была сокровищница его предковъ, богатая несмѣтнымъ достояніемъ, поставилъ тамъ гарнизонъ изъ знатныхъ мужей, а самъ съ своимъ войскомъ и съ великими князьями, бывшими при немъ, и съ Демною, отправился въ Лорé, гдѣ и укрѣпился. Отсюда онъ послалъ брата своего Липарита съ двумя сыновьями къ атабеку Ельдгузу просить у него войска себѣ на помощь. Между тѣмъ, царь Георгій прибылъ въ Агаракъ, не нашелъ уже ихъ тамъ; не смотря на то, онъ осадилъ эту крѣпость и по истеченіи 25-ти дней взялъ ее, вырѣзалъ весь гарнизонъ, захватилъ всю казну, все имущество и, отправившись, обложилъ Лоре. Но такъ какъ Иванé уже находился въ Лоре съ 13-го числа мѣсяца Хротицъ до 15-го мехеки, то бывшіе съ нимъ въ крѣпости

дворяне, потерявъ терпѣніе, по одиночкѣ спускались по ночамъ черезъ крѣпостную стѣну по веревкѣ и переходили къ царю. Потомъ нѣкоторые изъ великихъ дедепуловъ, друзей и единоплеменниковъ Иване́ (бывшихъ въ станѣ царя), начали писать секретныя письма и на стрѣлахъ бросать ихъ въ крѣпость къ Иване́: въ нихъ они убѣждали его изъявить покорность и сдаться, ибо они опасались появленія атабека Ельдгуза. И вотъ содержаніе этихъ писемъ:

«Великій Иване́ Орбельскій, герой могущественный и непобѣдимый, уроженецъ земли Тченовъ, потомокъ державнаго царя, прибывшій въ землю иверійскую, получившій неисчислимыя почести и ставшій начальникомъ и главою въ царскомъ домѣ и спасаларомъ Георгія, если ты дорожишь своимъ долгомъ, жизнью, честью и безмѣрными своими вотчинами, превосходящими половину Иверіи, то забудь данную тобою клятву, обѣтъ и завѣщаніе Давида, явись съ покорностью
7 r
къ Георгію, могущественному царю иверійскому; приведи, представь какъ благой даръ юнаго Демну, сына Давида, который сталъ виновникомъ большихъ бѣдствій какъ для тебя, такъ и для всей нашей страны!» Иване, прочитавъ это письмо, написалъ отвѣтъ на него и, привязавъ къ той же стрѣлѣ, перебросилъ ее черезъ стѣну.

«Любезные мои дедепулы, великіе и могущественные добрые князья! Я Иване́ Орбельскій прочиталъ ваше письмо, заключавшее въ себѣ совѣты, которыхъ, впрочемъ, я не раздѣляю. Ибо клятвопреступникъ тотъ, кто изъ-за выгодъ земной жизни измѣняетъ заповѣди Господней; такого человѣка ожидаетъ удѣлъ отступника, онъ томится жаждою къ вѣчной гееннѣ и сопричисляется къ сонму діаволовъ. Я человѣкъ преходящій, мимолетный, изъ-за скоротечныхъ почестей не могу попрать обѣтъ мною заключенный и измѣнить страшной клятвѣ; нѣтъ, (скорѣе) я положу свою жизнь за нее, пойду къ желанному моему Господу и отъ Него приму несказанное достояніе, котораго никто не расхититъ».

Эти письма были написаны по-иверійски, мы только переложили ихъ на языкъ армянскій.

Кто узнали эту непреклонную волю Иване́, начали вести войну самымъ усиленнымъ образомъ. Тогда Демна въ своемъ безуміи, приведенный въ ужасъ, спустился ночью по крѣпостной стѣнѣ и отпра-

вился къ своему дядѣ (по отцу) и, припавъ къ его ногамъ, умолялъ его щадить ему жизнь. Царь при видѣ этого возрадовался и тутъ же послалъ пословъ къ Иване́ сказать ему: «Тотъ, за котораго ты велъ войну, былъ мстителемъ—у меня: изъ-за кого же теперь хочешь продолжать быть непокорнымъ? Лучше придти ко мнѣ». Иване́ сказалъ: «Правду говоритъ. Если дастъ мнѣ клятву, что не накажетъ и не лишитъ меня моихъ вотчинъ, я пойду къ нему». Георгій далъ клятву, 7 v
заключивъ съ нимъ условіе, вслѣдствіе чего онъ безъ опасенія явился къ царю. Царь, обрадованный этимъ, принялъ его сначала очень привѣтливо и съ большими почестями, (и не переставалъ оказывать ему вниманіе до тѣхъ поръ), пока не забралъ въ свои руки всѣхъ сыновей и весь родъ его. Тогда Георгій измѣнилъ обѣту и страшной клятвѣ своей: онъ приказалъ схватить Иване́ и выколоть ему глаза; схватили также Демну, который былъ женатъ на дочери Иване́, выкололи ему глаза и оскопили его съ тѣмъ, говорилъ царь, чтобы онъ не могъ имѣть дѣтей. Онъ приказалъ убить Кавтара, младшаго брата Иване́, сына его Се́мбата и племянника (по брату) Иву со всѣмъ ихъ родомъ; истребилъ ихъ дѣтей мужскаго колѣна и вообще всѣхъ женщинъ: однѣхъ душили, другихъ топили, третьихъ бросали со скалъ; такимъ образомъ онъ уничтожилъ ихъ имя въ иверійской землѣ, приказалъ истребить память рода Орбеловъ изъ исторіи и церквей и записать только сказаніе объ этомъ возстаніи, не съ показаніемъ настоящей его причины и того, какъ оно совершилось, но съ присовокупленіемъ величайшихъ клеветъ по своему произволу. Онъ наложилъ проклятіе, чтобы имя Орбеловъ ни гдѣ не поминалось и чтобы въ землѣ иверійской никто (изъ ихъ рода) не былъ пощаженъ. И это гнусное завѣщаніе положилъ онъ въ свое казнохранилище. Это случилось въ 626 (1177) году.

Такимъ-то образомъ Орбелы, лишившись собственныхъ родовыхъ своихъ вотчинъ, подверглись преслѣдованіямъ и, наконецъ, погибли. Со времени прихода ихъ изъ земли Тченовъ до сего времени считается слишкомъ 1000 лѣтъ. Нѣкоторые обвиняютъ ихъ въ томъ, что они, думая о собственной славѣ, хотѣли захватить въ свои руки царскую власть, что̀ совершенная ложь и лай собачій; ибо они за обѣтъ и клятву, данную имъ царю Давиду, положили жизнь за его

сына, какъ слѣдовало то дѣлать мужамъ вѣрнымъ и преданнымъ своему государю, и потому пусть Богъ на нелицепріятномъ своемъ
8 r судѣ воздастъ должное и обиженнымъ и обидчикамъ!

Между тѣмъ, Липаритъ, братъ Иванé, отправившійся къ атабеку Ельдгузу съ двумя сыновьями своими Еликумомъ и Иванé, заинтересовавъ своимъ дѣломъ Парсовъ, во главѣ 60,000 конницы шелъ на помощь своему брату. Но, получивъ печальную вѣсть о приключившемся, онъ сказалъ: „Чѣмъ виноваты невинные христіане, чтобы я рѣшился истребить ихъ? гдѣ пролившіе кровь (нашихъ сродниковъ), чтобы я могъ завладѣть ими?“ И потому онъ обратился назадъ и поселился жить у Ельдегуза, гдѣ вскорѣ умеръ онъ на чужбинѣ съ горя и отъ глубокой печали. Изъ сыновей его Еликумъ остался тамъ, а братъ послѣдняго Иванé отправился къ Гандцакскому эмиру, гдѣ онъ, будучи принятъ съ большими почестями и славой, остался жить. Только впослѣдствіи при Тамарѣ, послѣ многихъ просьбъ и клятвенныхъ обѣщаній, убѣдили его возвратиться и дали ему изъ наслѣдственныхъ вотчинъ одинъ только Орбетъ. У него родились сыновья, отъ которыхъ теперешніе Орбелы. Послѣ гоненій, воздвигнутыхъ на Орбéловъ, Георгій роздалъ всѣ ихъ вотчины: однѣ отдалъ онъ ихъ врагамъ и предателямъ, другія—хпчаху, названному Хубасаромъ, о которомъ мы упомянули выше и котораго онъ возвелъ на мѣсто Орбéловъ, назначивъ его спасаларомъ всей Иверіи. У Георгія не было наслѣдника царства, кромѣ одной дочери, по имени Тамара: онъ умеръ въ 633 (1184) году. Его престолъ наслѣдовала дочь его, для которой привели мужа, сына царя Рузовъ, по имени Георгій. Георгій взялъ городъ Дуинъ, но онъ жилъ не долго и умеръ. Тамара взяла себѣ другого мужа, по имени Сосланъ, отъ котораго она родила сына, по имени Лаша Георгій. По кончинѣ царя Георгія, Тамара, осыпавъ почестями сыновей Саргиса, сына князя Закаре, армянъ по происхожденію и православныхъ по вѣрѣ.—Закаре и Иванé возвели въ высокій санъ: Закаре она назначила на мѣсто Орбеліановъ амиръ-спасаларомъ иверійскимъ, давъ ему ихъ вотчину Лоре, а брата его
8 v Иванé поставила атабекомъ армянскимъ и иверійскимъ. Они оба послѣ многихъ трудовъ освободили Арменію изъ рукъ Парсовъ, взявъ (земли, начиная) отъ Арана до внутренняго Басéна и отъ Баркушата до Мжён-

керта; они взяли Карсъ, Вахаршакертъ, Кахзéванъ, Сурб-Мари, Ани, Анбердъ, Бéджни, Гарни, столицу Дуинъ, Гардманъ, Гандцакъ, Чарекъ, Хертъ, Шамкоръ, Шаки, Партавъ, Чарабердъ, а въ 660 (1211) году они взяли Сюникъ, Орóтѐнъ, Бороданъ, Бѐхéнъ и Баркушатъ. Хотя (всѣ эти мѣста) были взяты въ различныя времена, но большею частью они возвращены ими и ихъ сыновьями, которые освободили нашу землю отъ горькаго рабства Татчиковъ.

Еликумъ же, который остался у атабека (Ельдгуза), взысканный любовью и расположеніемъ какъ его самого, такъ и сыновей его Пахлавáпа и Хзил-аслана, почестями и славою превзошелъ всѣхъ старѣйшихъ вельможъ арійской и парсійской земли. Атабекъ пожаловалъ ему великій городъ Хаміанъ и, назвавъ его своимъ сыномъ, закрѣпилъ его за нимъ, какъ вотчину тухраемъ и маншурамъ, и поставилъ его эмиромъ и великимъ градоначальникомъ парсійскихъ столицъ Рея, Аспахана и Хазвина па 12 лѣтъ. Султанъ не переставалъ принуждать его стать ему зятемъ и, отрекшись отъ Христовой вѣры, получить бóльшую часть его государства. Но Еликумъ, не смотря на свою молодость, былъ человѣкъ съ большимъ умомъ, и потому не уступалъ этимъ обѣщаніямъ, оставаясь твердъ въ вѣрѣ. Но видя преслѣдованія Парсовъ и опасаясь ихъ принужденія отказаться отъ вѣры, подъ разными предлогами онъ просилъ себѣ мѣста въ нахчаванской области, говоря: „Та страна ближе къ Иверіи и оттуда мнѣ легче будетъ отмстить за кровь отцевъ моихъ и братьевъ“. Атабекъ согласился на это и далъ ему въ Нахчаванѣ крѣпость Ерѐнджакъ, селеніе Тчахукъ и Каласрáхъ и разныхъ другихъ даровъ, назначивъ его военачальникомъ и коммиссаромъ въ этой странѣ. И такъ какъ Ельдгузъ раздѣлилъ уже между обоими сыновьями свои владѣнія, отдавъ Хорасанъ, Аразъ и внутреннюю часть Парсіи Хзил-аслану, что значитъ «красный левъ», а верхнюю часть Парсіи, Атѐрпатаканъ, Аранъ и Нахчаванъ—Пахлавáпу, то, взявъ руку послѣдняго, 9 г
положилъ ее Еликуму въ руку и, поручивъ его ему, сказалъ: «Будь ему отцемъ и пусть онъ будетъ тебѣ сыномъ»; затѣмъ отпустилъ его въ городъ Нахчаванъ съ большими дарами и со славою.

По прибытіи своемъ въ эту область Еликумъ пригласилъ къ себѣ епископа сюникскаго, владыку Стефана, сына владыки Григорія и

послѣ радостнаго пріема, припавъ къ его ногамъ и съ великимъ расположеніемъ исповѣдовавъ ему свои прегрѣшенія, просилъ причастія; епископъ пріобщилъ его святыхъ таинъ и, положивъ на него руку, благословилъ его. Послѣ того Еликумъ пожелалъ вступить въ супружество; но такъ какъ вся эта страна находилась еще подъ владычествомъ Парсовъ, то онъ между христіанскими семействами не могъ найти достойной для свойства. Вслѣдствіе этого, рѣшившись на свойство съ сюникскимъ епископомъ владыкою Стефаномъ, стоявшимъ по духовному сану выше его, онъ сталъ просить руки племянницы его (по сестрѣ бывшей) въ Тчахукѣ, ибо сестра владыки Стефана была замужемъ за богатымъ дворяниномъ, жителемъ Тчахука, по имени Абасъ. Епископъ съ великой радостью принялъ его предложеніе и выдалъ за красиваго и богатаго вѣрою Еликума дѣву, которую называли Хатунъ. Она родила ему сына дивной красоты, котораго онъ въ честь отца своего назвалъ Липаритомъ.

Такъ жилъ долго Еликумъ; наконецъ посѣтила его тяжкая болѣзнь. Великій атабекъ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ въ селеніе Тчахукъ посѣтить его. Подсѣвъ къ нему, онъ не переставалъ докучать больному, говоря: «Я пріѣхалъ къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты сдѣлалъ мнѣ большой подарокъ». На это Еликумъ сказалъ: «Не угодно ли тебѣ, царь, выразить свою просьбу о томъ, что угодно тебѣ, чтобы я могъ именно то и подарить тебѣ». Царь сказалъ: «Мнѣ не нужны ни твои сокровища, ни твое достояніе; ты мнѣ подари свою вѣру и
9v прими мой законъ». И такъ какъ онъ не переставалъ принуждать его, то несчастный, мучимый съ одной стороны болью, съ другой— смущенный атабекомъ, какъ безумный какой-нибудь, проговорилъ: «пусть будетъ по твоему желанію!» Радость атабека была такъ велика, что онъ поклонился ему въ землю и затѣмъ ушелъ. Великой граматой на вѣчныя времена онъ подарилъ ему Тчахукъ и Каласрахъ; а въ главной улицѣ города Нахчавана назначилъ онъ маленькому сыну Еликума, Липариту, въ потомственное владѣніе 30 лавокъ, освободивъ ихъ отъ всѣхъ податей. Когда, по милости Божіей, Еликумъ выздоровѣлъ отъ болѣзни, раскаяніе не оставляло его, и потому онъ отправился къ Султану атабеку, отрекся отъ закона Татчиковъ и снова исповѣдалъ истинную Христову вѣру, говоря:

«Государи мои, если хотите, то я, оставаясь въ своей вѣрѣ, готовъ служить вамъ искренно; если же нѣтъ, то я готовъ умереть за свою вѣру». Но они зная его за человѣка въ высшей степени полезнаго, не стали принуждать его—предоставили его на собственную волю. Нѣсколько времени спустя послѣ того Еликумъ съ сыномъ атабека пошелъ войною на Гандзакъ, гдѣ и былъ убитъ. Сынъ его маленькій Липаритъ оставался у своей матери сиротою; начальники города, узнавъ это, привезли мать съ младенцемъ въ Нахчаванъ, гдѣ держали его заложникомъ, чтобы мать не скрылась съ нимъ. Тутъ какой-то Татчикъ насильственнымъ образомъ привелъ ее въ свой домъ и сдѣлалъ ее своей женой. Младенецъ выросъ въ этомъ домѣ, незнакомый съ христіанскимъ ученіемъ въ продолженіи болѣе 10 лѣтъ. Но когда завладѣли этой страной Закаре и Иване́, и власть парсійская ослабѣла въ ней, то они начали освѣдомляться, не осталось ли въ Парсіи кого-нибудь изъ сыновей Липарита. Извѣщенные великимъ епископомъ сюникскимъ, владыкою Стефаномъ, тестемъ Еликума, что въ Нахчаванѣ находится заложникомъ мальчикъ отъ сестры его, по имени Липаритъ; Закаре и Иване́, весьма обрадованные, стали упрашивать епископа найдти возможность освободить оттуда мальчика. Но такъ какъ епископъ былъ хорошо извѣстенъ и любимъ въ домѣ атабека и всѣми его вельможами, и въ особенности бывшими въ 10 r
Нахчаванѣ, то онъ, пріѣхавъ въ окрестности города и условившись съ друзьями своими, съ большимъ трудомъ уговорилъ ихъ украсть мальчика Липарита съ его матерью; ночью они были спущены на веревкахъ по городской стѣнѣ. Епископъ отвезъ ихъ въ Вайоц-дцоръ—мать посадилъ въ безопасное мѣсто, а мальчика повезъ къ Иване́, который при видѣ его исполнился великой радости и немедленно далъ о томъ знать Тамарѣ и Лашѣ: ихъ радость была также не менѣе велика, ибо они ежечасно опасались за жизнь ихъ.

Атабекъ (Иване́) облекъ сына Еликума въ великолѣпную одежду и окружилъ его всѣми почестями; онъ хотѣлъ имѣть его своимъ зятемъ, желая выдать за него сестру свою Та́мти. Но одинъ изъ великихъ дедепуловъ, по имени Буба, завѣдывавшій домомъ атабека, обольстивъ юношу и тайно сдѣлавъ его своимъ зятемъ, выдалъ за него благословенную и прекрасную дѣвицу Асп̆у. Сначала это не-

много раздосадовало атабека Иванé; но послѣ, по повелѣнію царя, онъ далъ Липариту взамѣнъ его вотчинъ на вѣчныя времена Храшкабердъ съ его областью и много деревень въ Вайоц-дцорѣ, въ Котайкѣ—Эларъ и многія другія деревни, въ Гех'акуни—Хамсари и многія другія деревни, въ Каенѣ—Ахстевъ съ его кóрмомъ, и такъ какъ Липаритъ былъ предводителемъ при взятіи Сюникской провинціи и другихъ крѣпостей, по этому самому (атабекъ Иванé) далъ ему въ управленіе также Сюник, Орбтѣнъ, Баркушатъ и другія крѣпости.

Царь Лаша и атабекъ Иванé поставили намѣстникомъ Липарита въ этой странѣ; а другого благословеннаго князя, а именно Васака Хаченскаго, отца христолюбиваго и благочестиваго барона Прóша, въ области Вайоц-дцорѣ. Этотъ послѣдній принялъ на себя тяжкіе и невыносимые труды въ пользу христіанъ и церкви, за что онъ заслужилъ одобреніе и благословеніе отъ всего міра, и потому память его отнынѣ во вѣки пусть будетъ осѣнена благословеніемъ.

10ϑ Благословенный Липаритъ прожилъ съ великимъ благочестіемъ; онъ построилъ въ Нораванкѣ церковь, которую украсилъ и обогатилъ, какъ мы сказали выше. Его мать въ трудныхъ подвигахъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, спасаясь въ тѣснѣйшей кельи, скончалась и была похоронена въ Нораванкѣ у самаго входа въ церковь святаго Предтечи.

У Липарита было пять сыновей: Еликумъ, Сéмбатъ, Иванé, Пáкрадавлá и Тарсаитчъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, во время переѣзда своего на вершинѣ горы, что супротивъ Борóтѣнской крѣпости, неожиданно пораженный стрѣлою, бросился въ крѣпость монастыря Голошты, пригласилъ къ себѣ епископа владыку Саргиса и, причастившись св. таинъ, скончался тамъ въ среднемъ возрастѣ; тѣло его перенесли въ Нораванкъ и положили подлѣ его матери у самаго входа въ церковь св. Предтечи. Жена его и сыновья остались безпомощными сиротами. Но красивый Еликумъ былъ уже зятемъ Григорія Мартцаніанца, о которомъ говорятъ, что онъ происходитъ изъ рода Мамиконовъ, и управлялъ владѣніями отца своего.

Великій спасаларъ Захаре умеръ въ 661 (1212) году, а атабекъ Иванé спустя 15 лѣтъ, а именно въ 676 (1227) году. Спасаларство Захаре перешло къ сыну его Шаханшаху, а атабекство Иванé—къ

сыну его Авагу, имѣвшему женою Гóнцу и отправлявшему должность 23 года.

Но здѣсь я разскажу вамъ объ ужасныхъ событіяхъ. Еще до этого, преслѣдуемый Татарами, султанъ Хоразмовъ Джалал-адинъ, сынъ Хоразм-шаха, проникаетъ въ Парсію, проходитъ черезъ Атѐрпатаканъ и вторгается въ Арменію. Гдѣ бы онъ ни показывался, вездѣ все опустошалъ, полонилъ и уничтожалъ, начиная отъ человѣка до безсловеснаго животнаго. Наконецъ онъ явился въ Араратскую область, гдѣ разбилъ свои палатки. Атабекъ Иванé, собравъ (подъ свое начальство) всю силу армянской и иверійской земли, готовился встрѣтить непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ. Они поставили нѣсколько человѣкъ соглядатаевъ, обязанныхъ извѣщать своихъ (о движеніяхъ 11r
непріятеля, въ томъ числѣ) какого-то Шалуе и Григорія глашатая. Эти люди, высмотрѣвъ хорасанское войско, нашли его многочисленнымъ, и потому начали кличъ кликать и звать наши войска: «идите». Но Господь побѣдъ, желавшій истребить беззаконный и нечестивый народъ, перемѣнилъ кличъ глашатаевъ, показавшійся нашимъ: «бѣгите!» И они, бросивъ скарбъ и шатры свои, сѣли на коней и какъ обезумленные, не обнажая меча, не показывая мужества и не давъ сраженія, пустились бѣжать и полетѣли по обрыву большой скалы, что у Гарнійскаго рва, и всѣ до одного погибли тамъ. Одинъ только атабекъ Иванé съ 10 человѣками могъ спастись, бросившись въ неприступную крѣпость Кéхé. Липаритъ же со всѣми своими, отыскавъ какое-то тѣсное ущелье, прошелъ черезъ него и, явившись къ себѣ домой цѣлъ и невредимъ, воздалъ благодареніе Господу. Это было въ 647 (1198) году.

Послѣ этого вся наша страна была опустошаема многоразличными приключеніями и неслыханными бѣдствіями; ибо когда Хоразмы увидали наше отечество беззащитнымъ, они начали безпощадно истреблять, полонить все, предавать огню всѣ строенія и дома, бывшихъ въ городахъ, деревняхъ и монастыряхъ; выжигали засѣянныя поля и вырубали всѣ деревья и виноградники, вслѣдствіе чего всюду распространился голодъ. Показались змѣи въ множествѣ и кишмя кишѣли въ сосудахъ и въ постеляхъ днемъ и ночью. Сильная саранча истребила все до моря-Океана и принесла (за собой) голодъ и чело-

вѣку, и скотинѣ. Горы, поля и долины покрыты были ихъ трупами, и потому показались волки-людоѣды, которые растерзали и истребляли уцѣлѣвшихъ отъ меча, отъ змія, отъ голода и отъ смерти. И тому было двѣ причины: во-первыхъ потому, что они уже привыкли къ мертвячинѣ, а во-вторыхъ потому, что люди были измождены и изнурены отъ голода. Эта кара тяготѣла надъ нашей страной въ продолженіи семи лѣтъ.

11 v По истеченіи одиннадцати лѣтъ Господь поднялъ съ востока народъ стрѣлковъ, называемый Муха́лами, а простолюдиномъ—Татарами, изъ земли Чина и Ма-Чина, что за Хатастаномъ. Это былъ народъ безбожный, не имѣющій никакой религіи, но руководимый закономъ естественнымъ: онъ ненавидѣлъ развратъ и всякое преступное дѣйствіе; онъ былъ справедливъ къ своимъ членамъ, вѣренъ и покоренъ своему начальнику и любящій правосудіе. Не смотря на любовь свою къ бѣдности, онъ былъ любостяжателенъ и охотно притѣснялъ и грабилъ другихъ. Народъ этотъ на видъ былъ очень красивъ и на подобіе женщины не имѣлъ волосъ на бородѣ. Онъ былъ знакомъ съ вѣрой Христовой и очень любилъ христіанъ; вообще онъ отлично владѣлъ лукомъ и былъ очень изобрѣтателенъ въ военномъ дѣлѣ. Впослѣдствіи, оставивъ природные свои обычаи, онъ вышелъ изъ круга, начертаннаго ему его предками и подчинился закону Магомета; съ тѣхъ поръ онъ научился всѣмъ мерзостямъ, беззаконіямъ и сталъ жить жизнью безпутною.

Вотъ эти-то Мухалы, раздѣлившись на три части, пошли: одни на сѣверо-востокъ въ землю Хазировъ, Судаховъ, Рузовъ, Чарказовъ и Булхаровъ, и завладѣли странами до самыхъ предѣловъ Аламановъ и Онгровъ, которые суть Франки; ихъ предводитель назывался Бату-ханомъ. Другіе отправились къ предѣламъ Индостана и завладѣли бóльшею частію Индіи; покоривъ себѣ Ухуровъ, Ухузовъ, Хоразмовъ и Делемиковъ, они взяли Аламалехъ, Бешбалехъ и вообще всѣ прилежащія къ нимъ страны; предводителемъ у нихъ былъ Хагатай-ханъ. Третьи направили свой путь въ средину нашего отечества, перешедши черезъ великую рѣку Джаханъ и черезъ рѣку, называемую ими Аму-мовранъ. Какъ крутящій вихрь, они достигли нашей земли и вообще покорили себѣ всю вселенную; протоптали, раззо-

рили всѣ государства: взявъ Хорасанъ, разрушили въ немъ столичные города: Балхъ, Ре, Мавръ, Нёшавуръ, Тусъ и Дамханъ; взяли Хужастанъ, Лорастанъ, Парскастанъ, Кёрдёстанъ и Арабёстанъ; взяли Діарбакъ, т.-е. Сирію, Шуштаръ, Кёрманъ, Багдадъ и Басръ до города Хёрмёза и до моря индійскаго; взяли Атёрпатаканъ, Аранъ, Хайастанъ, Вирк', Румъ до Анкюріи (Анкиры), Гангры и Смирны Ефесской; Киликію до моря-Океана, до моря Понтійскаго и города Трапизона; взяли Шамъ, Урху и Харанъ до Хамса и Хама. 12r

Впервые пришли въ нашу землю Чорманъ, Чах'адай, Асланъ, Асавуръ и Х'адаханъ, которые и взяли ее въ 685 (1136) году. Въ послѣдствіи пришелъ Хулаву-Ханъ, внукъ великаго Чангёз-Хана и взялъ города, оставленные его предшественниками: городъ Багдадъ гдѣ въ 707 (1258) году убили Халифа; Муфархинъ въ 708 (1259) году, послѣ годовой осады и дошелъ до самаго Іерусалима; взялъ Хальпъ, т. е. Берію, Дёмёшкъ т. е. Дамаскъ, и Бальбакъ, т. е. Арéгъ; взялъ великую Антіохію, которая покорилась добровольно; взялъ Іерусалимъ отъ Мисрцевъ, совершивъ такимъ образомъ безчисленные подвиги мужества. И такъ какъ Хулаву очень любилъ христіанъ, по этому и всѣ вѣрующіе народы добровольно покарялись ему и оказывали всевозможную помощь. — Но довольно объ этомъ; возьмемся снова за нашъ разсказъ.

Когда въ первый разъ пришли въ нашу землю татары, всѣ наши области выпали въ удѣлъ Асланъ-ноину; въ то время Еликумъ со всѣми своими сидѣлъ въ неприступной крѣпости Храшкабердѣ. Явился Асланъ, обошелъ кругомъ той крѣпости и узналъ, что взятіе ея не въ силахъ человѣческихъ; и потому, остновившись противъ нея, онъ отправилъ къ Еликуму пословъ сказать: «Приди къ намъ, заключи съ нами дружбу и будутъ тебѣ большія блага; въ противномъ случаѣ, какъ бы ты долго не сидѣлъ въ той скалѣ, ты не выйдешь изъ этой страны, ибо Богъ далъ намъ ее въ наслѣдіе—а тебѣ и дому твоему ожидать будетъ погибель. Еликумъ, узнавъ это, не сталъ сопротивляться, но далъ кроткій отвѣтъ, взявъ съ него клятву и вышелъ къ нему съ большими дарами. Асланъ при видѣ 12v
Еликума, полюбилъ его очень, принялъ его и заключилъ съ нимъ миръ. Подъ его предводительствомъ Асланъ дошелъ до города Ани,

покоряя на пути своемъ все. Онъ взялъ Вайоц-дцоръ и Ехéгисъ до деревни Ерерона, что супротивъ Гарн'и, и все это отдалъ онъ Еликуму, говоря: «взятое мечемъ и купленное золотомъ равно составляетъ наслѣдство человѣка; и потому нынѣ мною взятыя мечемъ области пусть будутъ твоимъ и рода твоего наслѣдіемъ: только ты будь мнѣ вѣренъ и служи великому Хану, сюда меня пославшему». Еликумъ много благодарилъ его и отъ всего сердца началъ служить имъ. Начиная съ того дня все это стало вотчиною дома и рода Орбеловъ. Прочіе военачальники (татарскія) покорили другія страны, заставили выйдти изъ Каенской крѣпости Авага, завладѣли иверійскимъ царствомъ и начали управлять самовластно.

Черезъ нѣсколько лѣтъ татары, взявъ съ собою иверійскія войска, Авага и Шахан-шаха вмѣстѣ съ Еликумомъ пошли на Мартирополь, называемый также Нĕпĕркертомъ. Обведши его валомъ, они осадили его со всѣхъ сторонъ, стали вокругъ него лагеремъ мѣсяцы и годы и не могли взять его. Тутъ Еликумъ заболѣлъ жестокой болѣзнію, и, какъ говорятъ, былъ отравленъ врагами по приказанію Авага. Тѣло его перенесли въ Нораванк' и положили у входа церкви святаго первомученика. Отъ него остался одинъ сынъ, по имени Буртелъ, собой очень красивый и стройный. Власть-же его перешла къ брату его благословенному и всѣхъ похвалъ достойному Сĕмбату, мужу великому разумомъ, сильному совѣтомъ, несравненному умомъ, находчиво-изобрѣтательному, обильному пріятной рѣчью, свѣдущему въ языкахъ, краснорѣчивому и не побѣдимому въ судахъ: онъ владѣлъ пятью языками—армянскимъ, иверійскимъ, ухурскимъ, парсійскимъ и мухалскимъ. Съ самаго дѣтства воспитанный въ духѣ божественной заповѣди, онъ былъ человѣкъ благочестивый, съ большой вѣрой, любитель святыхъ и церквей, строитель монастырей, утѣши-
13 r тель священниковъ, милостивъ къ нищимъ, опора и поддержка бѣдствующему народу армянскому, освободитель и избавитель отъ плѣна вообще всѣхъ.

Послѣ Еликума родъ Авага и въ особенности жена его, Гонца, движимые великой завистью и враждою къ дому Орбéловъ, желали разогнать и преслѣдовать или истребить оставшихся дѣтей его, Сĕмбата и другихъ его братьевъ и завладѣть ихъ вотчинами. Эти послѣд-

ніе переходили изъ мѣста въ мѣсто, скрываясь то здѣсь, то тамъ, пока наконецъ божественной любви угодно было возстановить и сообщить могущество дому Орбеловъ черезъ Сёмбата.

Въ это время военачальникъ стрѣлковъ Бачунъ-нуинъ былъ какъ-бы царемъ надъ всѣми. Онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Хабандской провинціи на самой границѣ Дцагедцора; покоривъ себѣ маленькаго царя (сюникскаго) Сбновъ Давида, онъ держалъ его въ своемъ лагерѣ въ оковахъ. По благости Вышняго удалось ему избавиться ночью и убѣжать въ сопровожденіи трехъ человѣкъ. Онъ имѣлъ при себѣ драгоцѣнный камень, сильно-свѣтящій, краснаго цвѣта, отъ котораго отдѣлялись лучи, какъ отъ огня, и который въ темную ночь освѣщалъ комнату какъ свѣча; онъ владѣлъ также частью отъ спасительнаго древа, которую онъ цѣнилъ наравнѣ съ цѣлымъ своимъ царствомъ. Когда онъ проходилъ черезъ деревню, называемую Гутени, узналъ о томъ владѣлецъ ея, по прозванію Тангр-хулъ, т. е. «рабъ божій», бывшій вассаломъ Сёмбата; онъ сѣлъ на коня, поскакалъ за нимъ въ догонку и, настигнувъ, хотѣлъ остановить его. Но Давидъ, испугавшись, снялъ съ груди свой маленькій мешечекъ, вручилъ его Тангре-хулу, съ вопросомъ: «Ты чей?» Тотъ отвѣчаетъ: «Сёмбата Орбеліана». Давидъ сказалъ: «Отнеси, отдай это Сёмбату и скажи, что это цѣна моего царства, возьми и храни его. Если я когда нибудь выберусь и снова вступлю на престолъ моего царства, принеси его ко мнѣ и я дамъ тебѣ взамѣнъ землю и городъ, который ты захочешь; если же я не выйду изъ земли Со- 13v
новъ, то пусть онъ будетъ твоей собственностью». Онъ отправился въ неприступную, богатую тѣснинами, землю Соновъ, откуда онъ не выходилъ, ибо тамъ онъ умеръ.

Тангре-хулъ съ великой радостью принесъ это къ себѣ домой и черезъ нѣсколько дней отдалъ Сёмбату, который, принявъ (святыню), возблагодарилъ за нее Бога, думая въ умѣ своемъ такъ: «Если я скрою это, меня ожидаетъ опасность, ибо оно не скроется, да и не останется у насъ. Лучше я отнесу это къ великому хану, царю царей, владыкѣ моря и суши, называемому Мангу-ханомъ, т.-е. «Бѣлымъ царемъ», внуку Чангёз-хана, и попрошу у него милостей для нашей земли». Съ этимъ онъ отправился къ Бачу-нуину, которому,

показавъ свѣтящій камень, сказалъ: «Или возьми его ты самъ и подари мнѣ что я попрошу, или же отправь меня къ великому хану, которому я могъ бы это представить». Бачу-нуинъ при видѣ камня пришелъ въ изумленіе и сказалъ: «Это рѣдкій и безцѣнный камень, я не рѣшаюсь взять его; я (лучше) отправлю тебя съ нимъ къ властителю міра, великому хану». Затѣмъ онъ приказалъ снарядить Сёмбата въ путь и, давъ ему въ помощь нѣсколько своихъ людей, отправилъ его въ Чинъ и въ Ма-чинъ, землю Стрѣлковъ, гдѣ главный престолъ ихъ царства—къ Мангу-хану, сыну Гаюкъ-хана, сына Чангёз-хана, перваго ихъ царя.

Сёмбатъ объѣхалъ всѣ наши монастыри, бывшіе подъ тяжкими налогами, прося молиться о себѣ во всенощномъ бдѣніи, поручилъ себя святымъ. Онъ давалъ обѣтъ, что если возвратится съ успѣхомъ, то онъ освободитъ всѣхъ священниковъ отъ налоговъ, всѣмъ церквамъ сдѣлаетъ приношенія и возвратитъ имъ отнятыя у нихъ имѣнія. И такимъ образомъ, сопутствуемый ихъ молитвами, пустился онъ въ путь и, прошедъ огромныя пространства, прибылъ въ восточную страну, въ мѣстопребываніе міродержавнаго ханства, называемое Харахурумомъ. Такъ какъ Мангу-ханъ былъ настоящій христіанинъ, то имѣлъ онъ при великомъ дворѣ своемъ церковь и священниковъ, гдѣ всегда безпрепятственно отправлялась служба и
14 r (совершалась божественная) жертва. Мангу-ханъ очень любилъ христіанъ, которыхъ (Мухалы) называли аркайунами. Вообще вся ихъ страна исповѣдывала христіанское ученіе.

Сёмбатъ сначала посѣтилъ всѣхъ вельможъ и старѣйшинъ, бывшихъ при дворѣ, высказалъ имъ причину своего пріѣзда. Они представили его великому царю и поднесли драгоцѣнный камень, очень ему понравившійся и вызвавшій большія похвалы со стороны его. Царь спросилъ: „Кто ты родомъ?"—Родомъ я армянинъ, а вѣрою христіанинъ,—сказалъ Сёмбатъ. Царь, узнавъ это, полюбилъ его еще болѣе. Потомъ онъ спросилъ его о причинѣ его пріѣзда. Сёмбатъ во всей подробности изложилъ передъ нимъ все—и униженіе, въ которомъ находятся церкви, и собственныя лишенія, и вѣрность брата своего къ Асланъ-нуину и вообще положеніе нашего отечества. Мангу-ханъ, благосклонно и внимательно выслушавъ все, поручилъ

Сёмбата своей матери, которую называли Сурахтамбекъ, говоря: „этого ар'кайуна мы возьмемъ подъ свое покровительство и не дадимъ кому бы то ни было имѣть надъ нимъ власть". И назвалъ его Енчу, т.-е. „Государевымъ". Ему было приказано жить нѣсколько времени при дворѣ и предписано было коммисарамъ отпускать ему ежедневно отъ казны содержаніе, что продолжалось три года. Сёмбатъ не переставалъ молиться денно и нощно. Онъ имѣлъ при себѣ небольшую часть (отъ спасительнаго древа) съ большой чудотворной силой. Разъ ночью въ своей палаткѣ, когда онъ, положивъ ее передъ собою, молился ей, начиная съ полудня до утра, съ распростертыми руками, проливая обильныя слезы и воздыхая, какое-то изумительное знаменіе показалось съ неба надъ самою палаткою, именно свѣтозарная дуга и надъ дугою крестъ, отъ котораго отдѣлялись пламенные лучи и искры. Отъ сильнаго отъ нихъ свѣта освѣщалось все безконечное, широкое пространство, на которомъ былъ раскинутъ лагерь. Вслѣдствіе чего весь народъ, стекавшись къ царскому дворцу, толпился въ изумленіи отъ этого знаменія.

Царь, извѣщенный о томъ, вышелъ и когда увидалъ (знаменіе) 14v
въ великомъ удивленіи, возблагодарилъ Бога, прославилъ Его и, подозвавъ одного изъ своихъ совѣтниковъ—христіанина и сирянина родомъ, сказалъ: „Ступай и замѣть ту палатку; завтра мы узнаемъ, кому она принадлежитъ". Между тѣмъ, Сёмбатъ ничего не подозрѣвалъ о происходившемъ.

Съ разсвѣтомъ дня призвали его къ царю, который, при видѣ его, сказалъ: „Развѣ онъ еще здѣсь?" Сказали: „да". Потомъ онъ обратился къ Сёмбату съ вопросомъ: „Что это такое мы видѣли ночью надъ твоей палаткой?" Со страхомъ онъ отвѣтилъ: „Я не знаю что. Царь царей спросилъ: „Развѣ ты ничего не зналъ о свѣтѣ и изумительномъ явленіи, продолжавшихся такъ долго?" Сёмбатъ сказалъ: „Видитъ Богъ, что я ничего не понимаю". Ханъ сказалъ: „Имѣешь ли при себѣ что нибудь отъ священныхъ предметовъ вашихъ?" Сёмбатъ отвѣчалъ: „Ничего другого, кромѣ маленькаго креста". Царь сказалъ: „Принести, хочу его видѣть". Сёмбатъ принесъ немедленно. Царь сошелъ съ своего сѣдалища, съ открытой головой преклонилъ колѣно и, поцѣловавъ его, сказалъ: „Такой точно величины и такой

формы былъ свѣтозарный крестъ, который мы видѣли: это именно тотъ самый“. Съ той поры онъ сталъ еще болѣе любить Сѐмбата, осыпать его почестями и питать къ нему такое довѣріе, что (вскорѣ) онъ сталъ выше всѣхъ придворныхъ вельможъ. Ханъ приказалъ давать Сѐмбату чего онъ пожелаетъ. И дали ему золотую пайзу; это—доска, на которой написаны имя Бога и царя: это у нихъ знакъ величайшей почести; написали ярлехъ, это—грамата, которую мы называемъ сигелломъ (sigillum); возвратили ему все, что Асланъ взялъ мечемъ; Оротѐнъ со всею принадлежащею ему землею, находившійся во владѣніи Бачу и его вельможъ; крѣпость Боротѐнъ съ ея доходомъ, гдѣ былъ убитъ Липаритъ, отецъ его, какъ бы цѣну крови. Ханъ приказалъ выписать Сѐмбата изъ всѣхъ дефтеровъ иверійскихъ и другихъ. Такимъ образомъ, его вотчины вдвойнѣ укрѣпились за нимъ: въ первый разъ, какъ мечемъ взятыя, были Асланнуиномъ закрѣплены за нимъ, какъ за вассаломъ; во второй же этотъ разъ, какъ пожалованныя царемъ и купленныя большою цѣ-
15 r ною свѣтящаго драгоцѣннаго камня. Съ тѣмъ вмѣстѣ Сѐмбатъ получилъ приказаніе освободить (отъ налоговъ) всѣ армянскія церкви и священниковъ. Осыпанный такими величайшими наградами, онъ возвратился въ Арменію въ сопровожденіи одного придворнаго. Онъ прибылъ въ нашу землю и съ нимъ взошелъ (надъ нею) миръ, какъ солнце посреди ночи. Прежде всего онъ представился Бачу и другимъ начальникамъ и, взявъ войско также у нихъ, освободилъ всю Оротѐнскую землю до самыхъ границъ Боротѐна и Бехѐна, гдѣ стояла въ запустѣніи сюникская каѳедра Татѐвъ. Онъ взялъ Ехегисъ и всю область Вайоц-дцорскую, По́ха́ханкъ, Уртцъ и Веди съ его долиною до самаго Ереравса: въ Котайкѣ и Гехакуни — многія селенія и деревни. Онъ освободилъ (отъ налоговъ) церкви и священниковъ, (бывшихъ) въ его владѣніяхъ и во всей Арменіи. Возобновилъ монастыри и всѣ раззоренныя церкви, чѣмъ онъ и доставилъ великую радость всѣмъ христіанамъ. Сюникская каѳедра съ давнихъ поръ находилась въ запустѣніи; ея епископъ владыка Іоаннъ былъ удрученъ старостью, а племянникъ его (по брату) владыка Хайрапетъ, начавшій, по приказанію жены Бачу, возобновленіе монастыря, жилъ въ немъ въ бѣдности; ибо отъ стольвихъ завѣщанныхъ (монастырскихъ) на-

слѣдій не осталось у церкви даже ни одного дома. Сёмбатъ, завладѣвъ Татéвомъ, всѣ свои старанія и заботы сосредоточилъ на возобновленіи и обогащеніи церкви и на томъ, чтобы возвратить ей снова одно за другимъ всѣ ея достоянія.

Между тѣмъ, какъ все это происходило, ненавидящій добро діаволъ началъ разжигать зависть и раздоръ между домомъ Авага и иверійскими вельможами. Такъ какъ Авагъ скончался еще въ 699 (1150) году, а у жены его Гонцы была дочь, по имени Хоша́къ, которая владѣла всѣми его землями, то и собрались (иверійскіе вельможи) въ Тёпхисъ къ Архуну, бывшему (въ то время) вазиромъ и басха́хомъ, поставленнымъ отъ великаго хана надъ всею нашею страною, 15 v
т.-е. повелителемъ надъ всѣми, собирателемъ казенныхъ податей и великимъ судьею, который учинилъ въ 703 (1254) году общую ревизію во всей нашей странѣ и посредствомъ большихъ подкуповъ старался извести Сёмбата и оставить его владѣнія безъ наслѣдника, на что не дерзалъ Архунъ. Однако они успѣли отнять у Сёмбата многія мѣста, не переставая насильственнымъ образомъ отнимать и оставшіяся у него, поэтому онъ былъ принужденъ снова отправиться къ Мангу-хану. Изъ дома Аслан-ноина, взявъ себѣ на помощь людей, онъ съ Божьей помощью пустился въ путь. А такъ какъ еще до отправленія Сёмбата въ путь вызванъ былъ Архунъ ко двору вслѣдствіе какой-то измѣны, то когда Сёмбатъ прибылъ туда, нашелъ его уже въ оковахъ. Нѣкто Севинтчъ-бекъ и Шара̀падинъ, судьи этой страны, хотѣли убить Архуна и самимъ придти на его мѣсто. Этотъ Севинтчъ-бекъ былъ врагъ Сёмбата и замышлялъ какъ погубить его.

Когда Сёмбатъ прибылъ ко двору и представился Мангу-хану, (этотъ послѣдній) при видѣ узналъ его. И такъ какъ онъ очень любилъ Сёмбата и питалъ къ нему довѣріе, то, подозвавъ его къ себѣ, сказалъ: «Поди сюда, архаюнъ, и разскажи мнѣ всѣ подробности о той странѣ и о войскахъ моихъ». Онъ сталъ разсказывать ему по порядку (все). Потомъ ханъ спросилъ о томъ, какимъ образомъ Архунъ опустошилъ ту страну, вѣшалъ священниковъ и убилъ одного (изъ нихъ)? Сёмбатъ въ отвѣтѣ своемъ оправдалъ Архуна и показалъ всю ложь доносчиковъ. Царь разразился гнѣвомъ надъ своими

вельможами за неправильное ихъ слѣдствіе и приказалъ немедленно нарядить судъ и разсмотрѣть (дѣло) вмѣстѣ съ Сѐмбатомъ, что было исполнено на другой же день. Сѐмбатъ доказалъ ложность ихъ обвиненій и Севинтчъ-бекъ и Шарападинъ тутъ были казнены. Тогда вывели Архуна изъ заключенія и привели къ царю; царь, осыпавъ его милостями, назначилъ его на прежнюю должность, и, взявъ Сѐмбата за руку, поручилъ его Архуну, приказалъ написать новыя граматы и снова укрѣпилъ за Сѐмбатомъ его наслѣдственныя владѣнія.
16 r Послѣ такого счастливаго окончанія дѣлъ Сѐмбатъ вмѣстѣ съ Архуномъ тотчасъ возвратились въ нашу страну. За эти великія услуги Архунъ не зналъ, чѣмъ доказать Сѐмбату свое уваженіе.

Когда Сѐмбатъ возвратился, всѣ его враги и противники покрылись стыдомъ. Онъ вступилъ во владѣніе всѣми своими областями и деревнями, и только въ послѣдствіи добровольно для сохраненія любви и согласія уступилъ нѣкоторымъ кое-гдѣ изъ своихъ деревень и полей, остальныя же утвердилъ, какъ наслѣдственныя вотчины, за своимъ родомъ и дѣтьми.—Первая поѣздка Сѐмбата къ Мангу-хану въ 700 (1251), а вторая въ 705 (1256) году.

Хулаву-ханъ любилъ Сѐмбата и осыпалъ его великими почестями, назначивъ его надъ управленіемъ многими частями. Онъ построилъ въ Нораванкѣ дивную часовню въ родовой своей погребальницѣ, сдѣлалъ большія пожертвованія, обогатилъ ее, изукрасилъ церковь, приписавъ къ ней деревни и виноградники, какъ мы уже сказали выше. По приказанію Хулаву-хана, онъ отправился въ Басенъ за кедровымъ лѣсомъ, дающимъ сокъ горячительнаго свойства, ибо (тогда) строили большой дворецъ въ Дарѐнской равнинѣ, называемой Аладахомъ. Прибывъ въ Ашорникъ, онъ пошелъ въ монастырь Т'атула и, послѣ многихъ стараній, за большія деньги получилъ онъ часть отъ головы св. просвѣтителя Григорія, ибо тамъ хранилась одна половина его черепа; онъ получилъ также темя св. Григорія чудотворца, принесенную послѣднимъ Гагикомъ, царемъ Багратуни, положенную и хранимую тамъ со времени (всеобщаго) разоренія. Принесши это неоцѣненное божественное сокровище, онъ вложилъ его въ кивотъ, имѣвшій видъ кирпича, въ золотой и серебряной оправѣ, и положилъ его въ знаменитомъ Нораванкскомъ монастырѣ; онъ

также приказалъ сдѣлать для большаго св. креста четыреугольное золотое хранилище, съ двумя раскрывающими дверцами, на нижней сторонѣ котораго онъ написалъ надпись въ память себѣ.

Въ тѣ дни умеръ братъ Сёмбата, прелестный Иване́, котораго положили съ Еликумомъ: отъ него остался благонравный одинъ ребенокъ, по имени Липаритъ. Немного спустя, умираетъ и другой братъ (Сёмбата), мужественный воинъ Па́храдаула́, который (также) положенъ съ ними (т.-е. съ Иване́ и Еликумомъ). Племянникъ же ихъ (по брату) Буртелъ отправился съ войскомъ Хулаву-хана на войну противъ Беркахана на равнину Хазировъ, нынѣ называемыхъ Хёпча́хами и убитъ на сраженіи въ 710 (1261) году близъ великой рѣки, называемой Терко́мъ. Послѣ этого переселилась (изъ сего міра) благословенная мать ихъ Аспа́ въ 712 (1263) году, которую положили вмѣстѣ съ ея сыновьями. Помощникомъ Сёмбату оставался только младшій братъ его Тарсаитчъ, мужъ мощный, войнолюбивый и способный во всѣхъ дѣлахъ, къ тому же благочестивый и очень боголюбивый. Онъ имѣлъ себѣ женою исмаильтянку, дочь владѣтеля Сюникскаго, Аруз-хатунъ, которая, принявъ христіанскую вѣру, стала извѣстною вѣрою и страхомъ Божіимъ. Она родила трехъ сыновей: Еликума, Степ̇аноса, призваннаго на епископство, и Пахрадавлу. Тарсаитчъ владѣлъ Оротёнской страною. Онъ украсилъ великую церковь Татевскую утварью и прекрасными ризами, отдалъ (въ пользу) церкви давно отнятыя (у нея) наслѣдія: Харжисъ съ его областью, Цуръ съ ея областью, имъ самимъ насажденный виноградникъ въ Хотагетѣ и К'ет'иванкъ съ его областью, и написалъ въ память свою на южной колоннѣ надпись слѣдующаго содержанія: «Эта есть надпись въ память мою и неизгладимый памятникъ мой—Тарсаитча, князя князей, сына великаго Липарита, брата великаго князя Сёмбата, владѣтеля сей провинціи, бывшаго повелителемъ сихъ областей, (начиная) отъ вратъ Баркушата до предѣловъ Бёджни. Изъ усердія къ святымъ апостоламъ Татевскимъ я отдалъ за спасеніе души моей въ собственные мои монастыри и святыя церкви шесть деревень, бывшія, какъ мы слышали, отъ древнихъ временъ наслѣдіемъ его (Татева, а именно) Шёнхеръ, большое селеніе Хотъ съ его предѣлами, горою и полемъ; въ Хотаге́тѣ и Хотѣ нами насаж-

17 r денный виноградникъ; Цуръ и Харжисъ съ его предѣлами, половина котораго куплена мною за деньги. Борти и П'етиванкъ съ его предѣлами. Епископъ этого мѣста, владыка Соломонъ, утвердилъ для насъ поминовеніе и установилъ ежегодно сорокъ обѣденъ: десять въ Богоявленіе, десять на Пасхѣ, десять въ праздникъ Богородицы и десять въ большіе праздники; 20 дней мнѣ, Тарсаитчу, и 20 дней брату моему Сёмбату. Если же послѣ насъ кто-нибудь изъ нашихъ, или изъ чужихъ, или изъ князей, или изъ подвластныхъ намъ это утвержденное условіе и ненарушимое рѣшеніе захочетъ остановить, или означенныя выше деревни, или виноградникъ задумаетъ отнять у этой церкви, то да постигнетъ его доля Іуды и прочихъ распинателей (Христа), да приметъ тотъ казнь Каина и всѣхъ злодѣевъ и да будетъ онъ проклятъ тремя св. соборами. Если же будетъ назначенъ начальникъ изъ Татчиковъ, который захотѣлъ бы отнять (ихъ у церкви), то да будетъ онъ проклятъ Богомъ и своимъ п̇ехамбаромъ, да низойдетъ онъ въ адъ съ діаволомъ и да погибнетъ и изведется съ домомъ и съ чадами своими: его халалъ да будетъ ему харамомъ и тысячью тысяча налатъ ему да будетъ! 723 (1274) года 13 числа мѣсяца ноября. Этому рѣшенію свидѣтелями были: Саргисъ, епископъ Нораванка и Саргисъ, ключникъ сей св. церкви; изъ моихъ же вассаловъ—Хасанъ, сынъ Карапета.—Волей Божіей да останется это ненарушимымъ; Богъ да содѣлаетъ это благодатнымъ для святого сего монастыря.—Съ надеждою на Бога я, Тарсаитчъ, своею подписью утвердилъ сіи дары. И потому, если послѣ меня кто-нибудь изъ моихъ дѣтей и внуковъ или изъ другихъ властителей задумаетъ лишать душу нашу и не дать надеждѣ нашей исполниться и постановленное нами захочетъ нарушить, то и въ жизни и послѣ смерти да будетъ онъ проклятъ 318 отцами, и какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей да будетъ онъ отвергнутъ и да изгладится (память его)!»

Но Сёмбатъ, заступивъ мѣсто отца въ домѣ Авага, вступилъ въ совѣщаніе съ прочими князьями и по повелѣнію Хулаву-хана они
17 v приказали убить посреди моря Гонцу, (послѣ чего) Сёмбатъ повелѣвалъ всѣми владѣніями Авага. Онъ отдалъ дочь послѣдняго —Хоша́къ въ жены великому Ходжа-сахиб-дивáну, захватившему въ свои руки

всѣ страны государства Абаха-хана, которыя по великому дефтеру дивана приносили 150 тумановъ, каждый же туманъ равняется 10,000; онъ былъ начальникомъ дивана и главноуправляющимъ всѣмъ. Это было въ 718 (1269) году.

Великій, благочестивый царь-міродержитель, надежда и упованіе христіанъ, Хулаву-ханъ умираетъ въ 713 (1264) году, съ нимъ и благословенная жена его Донхуз-хатунъ, (оба они) отравленные хитроумнымъ Ходжа-сахибомъ. Господь вѣдаетъ, что благочестіемъ они не уступали Константину и матери его Еленѣ, и царствовали они 8 лѣтъ.

На мѣсто его (Хулаву-хана) возсѣлъ сынъ его Абаха-ханъ, мужъ кроткій, добрый и миролюбивый, который также любилъ христіанъ. Послѣ 18-ти-лѣтняго ханства, ознаменованнаго успѣхами и побѣдами, онъ умеръ отъ измѣнническихъ рукъ нѣкоторыхъ въ Хаміанѣ въ 731 (1286) году.—Между тѣмъ, Сёмбатъ, будучи бездѣтнымъ, беретъ одного изъ сыновей своего брата Тарсаитча и, усыновивъ его, отдаетъ его въ ученіе съ цѣлью приготовить его къ священству, а самъ послѣ многихъ благоустройствъ по странѣ, по монастырямъ, по церквамъ и послѣ величайшихъ подвиговъ и славныхъ дѣлъ, превосходившихъ (дѣянія) всѣхъ его предковъ, отправился въ великій диванъ царскій къ Архуну и Сахибу, въ царственный Даврежъ, гдѣ и умеръ, постигнутый тяжкой болѣзнью. Онъ передалъ всю власть свою брату своему Тарсаитчу, поручивъ его Архуну и Сахибу, а самъ переселился въ чинъ ангеловъ въ присутствіи блаженнаго и святого рабуна Шалуэ, послѣ 20-ти-лѣтняго управленія своими владѣніями, съ великою честью и славой. Всѣ вельможи, собравшись, оплакали его, украсили гробъ его царскимъ великолѣпіемъ и, поднявъ его на сѣдалищѣ, съ сіяющими крестами, факелами и восковыми свѣчами,
при громогласномъ пѣніи многочисленныхъ священниковъ, приводив- 18r
шемъ въ удивленіе многолюдную столицу, вынесли его торжественно черезъ (городскія) ворота и, перенесши въ семейную погребальницу святого Нораванкскаго монастыря, положили въ могилу съ отцемъ его въ 722 (1273) году. (Но въ послѣдствіи) братъ его Тарсаитчъ выстроилъ могильный склепъ и церковь во имя св. Григорія, куда и перенесъ на покой (останки) брата своего Сёмбата, которому Хри-

стосъ Богъ, надежда всѣхъ, да даруетъ покой и милость, да очищаетъ душу его отъ всякой нечистоты и да включитъ его въ сонмъ святыхъ и славныхъ князей армянскихъ. Да будетъ память его благословенна.

Но ты слушай, какія услуги оказалъ онъ своему народу. — Иверійское царство находилось въ рукахъ одной женщины, по имени Русуданъ; у Ла́ши былъ сынъ, по имени Давидъ, котораго Русуданъ всѣми средствами старалась погубить. Иногда она думала положить его въ гробъ и утопить въ морѣ, иногда приказывала князьямъ убить его, державшимъ его подъ подземельнымъ сводомъ; иногда отправляла его въ дальнюю страну, чтобы извести его тамъ; (не смотря на все это) Божіе покровительство избавляло его отъ всего. Наконецъ онъ убѣжалъ къ великому царю Мангу-хану и, возвратившись отъ него, воцарился въ своей странѣ, нашедъ Русуданъ околѣвшею. Онъ взялъ себѣ въ жены Хавандъ нахчаванскую Есуганъ; у него была еще другая жена—Гонца́, отъ которой онъ имѣлъ сына, по имени Деметре́. Сёмбатъ со всею вѣрностью служилъ ему (Давиду), оказалъ ему много великихъ услугъ при Хулаву-ханѣ и (его) вельможахъ, въ особенности же при великомъ *диванѣ*. И любовь къ нему царя Давида была такъ велика, что послѣдній заботился о немъ, какъ о своей головѣ. Давидъ отдалъ ему въ руки младенца Деметрѐ, чтобы Сёмбатъ усыновилъ его себѣ. Многихъ враговъ государства изъ гордыхъ вельможъ, бывшихъ при царскомъ дворѣ, Сёмбатъ приказалъ убить. Ибо Хулаву до того слушался, что Сёмбатъ по желанію своему располагалъ жизнью и смертью каждаго, ибо Хулаву на все давалъ ему свое согласіе; поэтому всѣ дрожали передъ нимъ и глаза всѣхъ обращены были на него.

Наконецъ царь (Давидъ) пригласилъ Сёмбата въ Тѣпхисъ, желая
18v вознаградить его за услуги богатѣйшими дарами. Онъ спросилъ его: «Какое твое желаніе, (выскажи), чтобы я могъ удовлетворить его великими дарами, ибо все, что ты пожелаешь и что тебѣ угодно въ моемъ государствѣ, отдамъ тебѣ безъ сожалѣнія». Сёмбатъ всталъ на ноги, поклонился ему въ землю и сказалъ: «О, царь, все, что мы имѣемъ, отъ тебя и отъ предковъ твоихъ имѣемъ, и этого намъ достаточно. У меня до тебя только одна просьба, если уже же-

лаешь». Царь говоритъ: «Я поклялся дать тебѣ все, чего бы ты ни просилъ». Говоритъ Сѐмбатъ: «Сыми недобрую память съ предковъ моихъ, оклеветанныхъ предкомъ твоимъ Георгіемъ, приказавшимъ написать и наложить проклятіе (на насъ), запретивши намъ входъ въ наши вотчины: оно хранится въ его казнохранильницѣ—вручи мнѣ это». Изумленный царь началъ поносить своего дѣда (за то), что онъ такихъ мощныхъ и способныхъ мужей удалилъ изъ царскаго дома. Онъ приказалъ служителямъ искать и найдти книгу; они же нашли ее и принесли немедленно. Царь, взявъ ее въ руки, всталъ и сказалъ: «Сѐмбатъ, вотъ возьми эту книгу, которую ты желалъ». Вставъ Сѐмбатъ, билъ ему челомъ и сказалъ: «Царь, такъ какъ ты такъ милостивъ, то окажи мнѣ совершенное благодѣяніе: книга эта написана рукою царскою, прикажи развести передъ тобою огонь и своею рукою брось въ него книгу». Царь тотчасъ приказалъ и зажгли огонь; онъ вынулъ мечъ, изрѣзалъ всѣ листы и, бросивъ въ огонь, сжегъ. Сѐмбатъ сильно обрадованный этимъ, принесъ ему великое благодареніе. Послѣ того царь почтилъ его многими величайшими дарами, царскими одеждами и, облекши въ халатъ, отправилъ его домой. Вотъ такимъ-то образомъ снялъ Сѐмбатъ позоръ съ предковъ своихъ и оставилъ грядущимъ добрую память!

Послѣ него братъ его Тарсаитчъ господствовалъ надъ всѣми его владѣніями. Любимый завоевателями, всѣми (ихъ) вельможами и уважаемый, съ великою блестящею славою управлялъ Тарсаитчъ своими владѣніями и сталъ грозенъ для всѣхъ враговъ. Онъ пользовался такимъ почетомъ у Абахи-хана, что не разъ послѣдній снималъ съ плечъ своихъ царскую свою одежду и одѣвалъ его съ ногъ до головы, опоясавъ его поясомъ изъ чистаго золота, усыпаннымъ многоцѣнными каменьями и жемчугами. И такъ какъ (Тарсаитчъ) былъ мужъ сильный, неустрашимый, войнолюбивый и страшнаго роста, то на всѣхъ сраженіяхъ, на которыя онъ шелъ, оказывалъ вели- 19r
чайшую храбрость и непобѣдимую силу: и въ Хорасанѣ, и въ Шамѣ, и въ Румѣ, и въ Хамсѣ, и въ Хамаѣ (въ войнѣ) съ Мисрцами и въ Дарбандѣ. На девяти сраженіяхъ, веденныхъ имъ лично, онъ являлся побѣдителемъ, за что величайшими дарами онъ награждался отъ царя царей, получивъ золотой балишъ, имѣвшій форму плоскую,

мѣрою въ четверть, вѣсомъ въ одну литру; это была награда за побѣду.

Взявъ съ собою иверійскаго царя Давида, онъ отправился въ домъ (область) Хаченскій, къ сыну великаго князя атабека Джалала и (еще) при жизни первой своей супруги взялъ себѣ въ жены сестру его Мину-Хатунъ, на что не дали своего согласія законы и учители церкви. Приведши ее къ себѣ домой, она родила ему прекраснаго сына, названнаго Джалаломъ, и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшую отдалъ онъ въ жены великому и славному Хаченскому князю Григорію, сыну Хасана, сына Григорія великаго, племянника (по сестрѣ) атабека Иване; другую же, по смерти отца ея, отдали ея братья невѣстою въ домъ иверійскаго царя, въ жены брату царя Давида, Мануэлу, сыну царя Деметре, бывшаго сыномъ царя; онъ скончался въ 719 (1270) году.

Тарсаитчъ построилъ церкви и сдѣлалъ много приношеній монастырямъ: онъ отдалъ Цахац-кáрскому монастырю деревню Гарнакéръ въ Гехакуни и одинъ виноградникъ въ Матчракской долинѣ, написалъ (объ этомъ) въ память свою на (церкви) святого Карапета (Предтечи), назначилъ три (заупокойныя) обѣдни каждогодно, заключилъ подъ страшныя проклятія того, кто бы дотронулся до этого задушевнаго приношенія. Онъ также возобновилъ многія ветхія обрушившіяся церкви.

Въ тѣ дни умираетъ также благочестивая жена его Аруз-хатунъ, которую положили въ могилу у дверей (церкви во имя) святыхъ апостоловъ въ Татевѣ.

19v По (прекращеніи) царствованія Давида, Тарсаитчъ сына его, Деметрé, привелъ въ свой домъ, гдѣ воспитывалъ его по порученію его отца, а въ послѣдствіи большими стараніями и помощью посадилъ на престолъ его отца царемъ иверійскимъ въ 721 (1272) году.

Послѣ Абаха-хана, умершаго въ 731 (1282) году, вступилъ на престолъ Тагудáръ, его племянникъ (по брату), ханомъ всего міра, назвавъ себя Ахмáдомъ; онъ задумалъ уничтожить законъ христіанскій и всѣ народы сдѣлать Мéссéлманами. На третьемъ году своего господства, онъ убилъ въ Муханѣ другого брата Хонхрáтая, румскаго султана Хіат-адина и двухъ сыновей Цагана. Весною съ без-

численнымъ войскомъ пошелъ онъ въ Хорасанъ на Архуна, сына Абахи-хана, чтобы убить наслѣдника царства. Тагударъ, схвативъ его, возвратился къ себѣ.

Но Богъ христіанскій въ ту ночь обратилъ сердца вельможъ къ Архуну, котораго вывели изъ тюремнаго заключенія и воцарили, предавъ мечу всѣхъ враговъ его. Догнавъ Ахмада, они убили его вмѣстѣ съ его единомышленниками Хасанъ-Мангли-Шехомъ, Сахибъ-диваномъ, Алинахомъ и многими другими. Въ числѣ ихъ (вельможъ) находился и царь Деметрé, котораго полюбилъ Архунъ и далъ ему всю страну армянскую, домъ (т.-е. владѣнія) Авага, домъ Шахан-Шаха, Гагеци и сыновей Садунъ-атабека. Архунъ очень любилъ церкви и христіанъ. Съ ними былъ также Тарсаитчъ, которому Архунъ оказалъ большое уваженіе и любовь. Послѣ этого Деметрé возвратился съ великой радостью со всѣми дворянами въ сопровожденіи иверійскихъ и армянскихъ вельможъ. Когда царь прибылъ въ Шаруръ, ему на встрѣчу вышелъ Тарсаитчъ и принялъ его съ величайшей почестью и съ дарами, достойными царя. Деметрé взялъ его, отвезъ съ собою въ землю Авага въ Айраратъ съ большими просьбами заставилъ его стать атабекомъ надъ всѣми своими владѣніями до Тёпхиса, Ани и Карса, поручилъ ему дѣтей своихъ, Давида и Мануэла, воспитать ихъ и хранить.

Съ того времени Тарсаитчъ, принявъ атабекство надъ страною армянскою, сдѣлалъ много облегченія и (оказалъ большое) милосер- 20 r
діе угнетенному народу армянскому. Отправившись въ Тёпхисъ, онъ приказалъ принести къ себѣ царскій диванъ и прочиталъ всѣ дафтари. И такъ какъ въ дафтарѣ записаны были имена армянскихъ монастырей съ тѣмъ, чтобы они находились подъ налогомъ и диваномъ, поэтому онъ приказалъ принести (или привести) тцикнавпара, начальника (?) канцеляріи и измѣнилъ *давтаръ*, исключивъ (изъ него) названія монастырей числомъ слишкомъ 150, а старый (давтаръ) сжегъ въ огнѣ. Такимъ образомъ онъ освободилъ (отъ налоговъ) церкви. Вслѣдствіе человѣколюбія его ко всѣмъ и заботливости, въ деревнѣ Нэтисѣ, что на рѣкѣ Хурастанѣ, воздвигнулъ (въ честь его) крестъ, который и назвали его именемъ.

Онъ созвалъ торжественный соборъ многихъ епископовъ, вардапе-

товъ и монаховъ въ славномъ Нораванкскомъ монастырѣ и приказалъ рукоположить сына своего Степаноса въ священство въ 729 (1270) году. Спустя пять лѣтъ, онъ его отправилъ въ армянское царство въ Киликію къ великому каѳоликосу, владыкѣ Якову, для посвященія его въ епископы. Прибывъ туда, хотя Степаносъ и нашелъ, что каѳоликосъ ужъ скончался, однако царь армянскій, Левонъ, принялъ его съ большими почестями, сильно убѣждая его остаться тамъ и вступить на престолъ армянскимъ каѳоликосомъ. Но такъ какъ Степаносъ не соглашался, то созванъ былъ большой многочисленный соборъ, на которомъ былъ избранъ и поставленъ каѳоликосомъ армянскимъ владыка Константинъ наканунѣ Пасхи. Въ самый же великій день Пасхи Степаносъ былъ рукоположенъ въ митрополиты великой каѳедры сюникской съ подчиненіемъ ему прочихъ епископовъ, бывшихъ тамъ и сямъ или въ Вайоц-дцорѣ, или въ Татевѣ, предварительно снабдившихъ его письменнымъ своимъ согласіемъ и съ дарами отправившихъ его къ каѳоликосу съ цѣлью возстановить (въ лицѣ его) святую каѳедру, въ древней ея славѣ и степени, которыя съ давнихъ поръ уже исчезли по причинѣ разоренія и упадка нашей страны. Обвѣнчавъ, такимъ образомъ, Степаноса со святой и апостольской церковью татевскою, назначили его женихомъ сей каѳедры, написавъ циркулярную грамоту на пер-
ջ. օշ гаментѣ золотыми буквами въ словахъ, исполненныхъ уваженія и выражающихъ твердыя условія относительно возстановленія каѳедры съ митрополичьимъ достоинствомъ. Ему были оказаны безпримѣрныя почести: самъ каѳоликосъ облекъ его въ золототканную святительскую одежду, надѣвъ ему на голову честной вѣнецъ; равнымъ образомъ и царь, по примѣру патріарха, надѣлъ на него изъ царскихъ одеждъ и вторично возложилъ ему на голову честной вѣнецъ, честную шапку изъ цѣльнаго золота, которую они называли митрою; дали также многознаменательный, тройной нараменникъ, регалія митрополитовъ, и шапку златотканную, усѣянную жемчугами вмѣстѣ съ многими другими богатыми дарами. Такимъ образомъ съ величайшей славою отпустили его сюда въ 736 (1287) году.

Возвращеніе его съ радостью было встрѣчено отцомъ его Тарсаитчемъ, его братьями и всею страною. Но немного спустя епископы,

бывшіе въ Татéвѣ, возбуждаемые завистью, отправились къ иноплеменникамъ, посѣявъ много зла и причинивъ церкви много бѣдствій: до самой кончины владыки Хайрапета и владыки Іоаннеса не прекращались вражда и смуты. Владыка Степаносъ, отправившись къ великому міродержцу Архуну и показавъ ему грамату каѳоликоса объяснилъ ему всѣ обстоятельства. Архунъ, сдѣлавъ ему самый почетный пріемъ, изъявилъ ему свое благоволеніе и приказалъ написать для него ярлехъ по ихъ закону, (въ силу котораго) утверждались за владыкою Степ̃аносомъ всѣ церкви, страна и епископы и, давъ ему одного придворнаго мужа и п̃аизу, отпустилъ въ его каѳедру. Возвратившись, онъ завладѣлъ всѣмъ во славу Божію—съ покорностью признали власть его владыка Григорій, родственники владыки Іоаннеса, и владыка Саргисъ, чтò въ Нораванкѣ. Этотъ владыка Саргисъ, оказавъ, какъ мы сказали выше, большія услуги Нораванкскому (монастырю), совершилъ еще одно замѣчательное дѣло: въ деревнѣ Арп̃аѣ черезъ рѣку онъ навелъ дивный мостъ изъ тесанаго камня, высокій, широкій, приводящій въ удивленіе зрителей, стоившій многихъ издержекъ и неимовѣрныхъ трудовъ, по приказанію благочестиваго и славнаго князя Тарсаитча, которому Христосъ да воздастъ сторицею!

Въ это время на два раздѣлилось войско хана Архуна и возникли большія смуты между главными начальниками, пролившими много крови. Архунъ поймалъ великаго военачальника Буху-чинксана, что означаетъ «старшій изъ старшихъ» или «владыка владыкъ», и убилъ 21r
его; ибо онъ замышлялъ измѣну противъ него; съ нимъ вмѣстѣ (Архунъ убилъ) и всѣхъ единомышленниковъ его: тысячниковъ—Хазана, Тухмуха, Аруха, Отчана и многихъ другихъ. Оклеветали также царя иверійскаго Деметрé, взводя на него уголовныя преступленія, и потому отвели его на великую равнину Мовканскую на берегъ рѣки Кура и убили его невиннаго въ 738 (1289) году.—Христолюбивый и всѣми благословляемый князь князей Тарсаитчъ послѣ многихъ благочестивыхъ и славныхъ дѣяній, совершивъ поприще жизни своей, скончался въ своемъ дворцѣ въ Арп̃аѣ. Тѣло его перенесли въ Нораванкъ при многочисленномъ стеченіи народа и положили подлѣ

брата его Сёмбата въ имъ самимъ заготовленной могилѣ въ 739 (1290) году.

Сыновья его начали спорить между собою о владѣніяхъ и власти отца своего. Они отправились къ царскому двору, представились міродержцу Хану-Архуну, которому открыли свои дѣла. Но тотъ, вызвавъ старшаго (изъ нихъ) Еликума, назначилъ его на мѣсто отца и поставилъ его повелителемъ надъ всѣми. Не смотря на то, что Еликумъ получилъ господство надъ всѣми отцевскими наслѣдіями и владѣніями, однако онъ не захотѣлъ лишать своихъ братьевъ при содѣйствіи епископовъ, вардапетовъ и дворянъ онъ раздѣлилъ всѣ наслѣдія и далъ брату Джалалу удѣлъ, который ему приходился, а двоюродному своему брату (по отцу) Липариту удѣлъ ему надлежащій.

Такъ они жили въ согласіи, управляя этою областью со славою и достоинствомъ и сохраняя страну въ мирѣ, а монастырь въ благоустройствѣ, за что завоеватели и ихъ вельможи прославляли ихъ. И такъ какъ въ это время вся страна была раззорена и опустошена, а въ монастыряхъ прекращена всякая служба, то всѣ вообще приходили въ его (Еликума) владѣніе, гдѣ, находя спокойствіе, водворялись; такъ, напр., каѳоликосъ Ахованскій, владыка Степаносъ, прибывъ (сюда), жилъ у владыки Степаноса, брата его (Еликума), и многіе другіе епископы, вардапеты и дворяне. По благодати Божіей сей домъ являлся какъ бы Ноевымъ ковчегомъ посреди мірогубительныхъ волнъ. Господь Богъ да хранитъ его непоколебимымъ ходатайствомъ св. Богородицы и всѣхъ святыхъ до скончанія міра!

21 v Это (согласіе) служило имъ (братьямъ) лучшимъ украшеніемъ, ибо сами они прославлялись властью свѣтскою, а братъ ихъ, владыка Степаносъ, возвеличивался духовною благодатью и высокимъ пастырствомъ—связанные между собою любовью, они жили въ спокойствіи подобно тому, какъ сказано: «о, какъ хорошо и какъ прекрасно, когда братья живутъ вмѣстѣ!» У нихъ были дѣти—благонравные отпрыски: у Еликума два сына, по имени Буртелъ и Бухта, и одна дочь, которую онъ отдалъ замужъ юному, прелестному князю и великому владѣтелю Эачо (? не Хачено ли), сыну Хасана, сына великаго князя Пршша, который былъ сыномъ Васака храбраго и о которомъ мы упомянули выше; у Липарита пять сыновей, изъ кото-

рыхъ старшій Сёмбатъ былъ женатъ на дочери атабека изъ дома Садунивъ и другой сынъ Іоаннесъ, котораго взялъ владыка Степаносъ, выростилъ, воспиталъ и посвятилъ въ священство.

Пусть никто изъ васъ, читатели, не порицаетъ меня за то, что я какъ будто уваженіемъ и почетомъ окружаю свой родъ, и пусть не подумаетъ онъ, что я вплелъ (въ эту исторію) что-нибудь лишнее. Господь свидѣтель, что отъ начала моего разсказа по самый этотъ конецъ мы приводили только то, чему сами были очевидцемъ, выбирая изъ многаго малое и вѣрное послѣ внимательнаго изслѣдованія и разбора. Если я съ такою заботливостью думаю о памяти и генеалогіи чужихъ (родовъ), давно уже прошедшихъ, то тѣмъ болѣе долженъ былъ я заботиться о сохраненіи почти какъ своего рода, такъ и своихъ. Такъ какъ въ этой книгѣ мы привели сказанія о землѣ Сисаканской, гдѣ въ послѣдствіи сыны Орбела стали владыками и повелителями, то поэтому необходимо было намъ разсказать также (исторію) послѣднихъ. И потому прими (читатель, нашъ разсказъ) безъ предубѣжденій и оставь насъ безъ обвиненій.—Слава на вѣки, аминь!

ПРИЛОЖЕНІЕ III-Е.

Глава 69-я изъ Стефана Сюникскаго.

О царяхъ завоевателяхъ, бывшихъ послѣ хана Архуна и о событіяхъ, совершившихся при нихъ.

Изъ племени стрѣльцовъ Хулаву первый воцарился въ нашей землѣ (и царствовалъ) 8 лѣтъ, за нимъ старшій сынъ его Абах'а, а потомъ Арх̆унъ 7 лѣтъ. Виновницею смерти послѣдняго была любимая его наложница, которою онъ былъ отравленъ: онъ умеръ на Мух̆анской равнинѣ въ праздникъ Ѳеодора. По его смерти погибли многіе изъ старѣйшихъ вельможъ, (а именно): Ходжа, бывшій царскимъ казначеемъ, Султанъ, завѣдывавшій царскимъ столомъ и напитками; Чишу и Орду-Ханъ, завѣдывавшіе судебными мѣстами и великимъ судилищемъ и Сададаула, благонравный еврей, завѣдывавшій всею податью, (взимаемою) съ нашей страны. Безмѣрная и богатая казна была расхищена. (Послѣ этого) военачальники и вельможи, раздѣлившись на двѣ партіи, пригласили къ занятію царскаго престола: одни—Байту, сродника Арх̆уна изъ Багдада; другіе Ке'хату, брата Арх̆уна, торопили прибыть изъ румской земли, который прибылъ и вступилъ на царскій престолъ Ханомъ всего государства въ лѣто армянскаго лѣтосчисленія 740-ое (1291). 1r

Кехат'у приказалъ бить монету и рѣзать бумажную деньгу, имѣющую на себѣ письмо и крапинки, съ цѣлью вывести изъ употреб-

*) [Нижеслѣдующая глава переведена Н. О. Эминымъ одновременно съ предыдущей, т. е. въ 1862 г., и представляетъ интересъ по исторіи Монголовъ. Рукопись содержитъ 8 страницъ (1 r—4 v) in 4⁰ почтовой бумаги и соотвѣтствуетъ стр. 342—349 Москов. изданія Исторіи Орбеліана.—*Г. Х.*]

ленія серебряную монету, дабы торговля производилась на бумажныя деньги. (Въ этихъ видахъ) онъ разослалъ строжайшія приказанія во всѣ города.

Послѣ 4-хъ лѣтняго владычества возникали смуты въ самомъ дворцѣ его, ибо онъ сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ нѣкоторыхъ (изъ своихъ приближенныхъ), которые, выведенные изъ терпѣнія гнусными и неразборчивыми его мерзостями, хотѣли перейдти на сторону Байту; вслѣдствіе чего онъ началъ хватать всѣхъ своихъ вельможъ: Эльджидая, завѣдывавшаго надъ охотничьими птицами и животными; Даулатая, завѣдывавшаго (царскимъ) столомъ и напитками; Хонтчибала, командававшаго многочисленными войсками и многихъ другихъ; всѣхъ ихъ, связавъ желѣзными цѣпями, онъ отдалъ (подъ отвѣтственность) главнымъ мужамъ на сохраненіе, и самъ во главѣ своего войска выступилъ и пошелъ на встрѣчу Байт'у. Между тѣмъ узники тайно вступили въ сношеніе съ начальникомъ десятитысячнаго войска по имени Дук'алъ, и съ Эль-даромъ, человѣкомъ царскаго происхожденія, которые, условившись, напали на узниковъ и, освободивъ ихъ, заключили въ темницу державшихъ ихъ подъ своимъ надзоромъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и великій главнокомандующій Хурумчи́, котораго привели въ Татевскій нашъ монастырь, гдѣ онъ содержался у насъ долгое время, пока наконецъ чуднымъ дѣйствіемъ святой церкви получилъ онъ свободу и снова достигъ власти. Ду'калъ и Эль-даръ, перешедъ по сю сторону рѣки Ерасха, сосредоточили свои войска и пошли по слѣдамъ Кехат'у. Войска послѣдняго, узнавъ это, впали въ уныніе, оставили его и разсыпались. Кехат'у, оставшись одинъ, невольно долженъ былъ возвратиться въ свой дворецъ, занятый войсками непокорныхъ. Тогда освобожденные изъ оковъ и съ ними великіе военачальники, Эль-даръиДукалъ, схватили Кехат'у, задушили его, предавъ смерти всѣхъ вообще его единомышленниковъ. Потомъ они пошли на встрѣчу Байту и съ великой радостью поставили его ханомъ и царемъ надъ всей страной на равнинѣ Срав'скомъ.

Байт'у былъ закона христіанскаго, но обольщенный своими военачальниками, принялъ законъ Магомета. Онъ управлялъ своимъ государствомъ слабо, дурно и малодушно, до наступленія осени. Онъ

отправилъ Джалала, сына Тарсайтча вмѣстѣ съ другими Мух'алами въ Амарасъ къ великому престолу Ахованскому, бывшему въ древности каѳедрою каѳоликосовъ Ахованскихъ, съ приказаніемъ принести къ себѣ посохъ святаго Григориса, сына Вардана, сына святаго Гри- 2 г
горія просвѣтителя; ибо, такъ какъ могила Григориса была въ Амарасѣ, поэтому и посохъ его хранился въ тамошней церкви. Съ нимъ вмѣстѣ они унесли и дивный чудотворный крестъ, находившійся тамъ съ древнихъ временъ, сдѣланный изъ цѣльнаго золота и украшенный 36-ю драгоцѣнными каменьями. Это было въ слѣдствіе предательства одного наглаго и неразумнаго іерея изъ того-же жребія. И такъ какъ тамъ (т. е. между Мух'алами) была дочь греческаго императора по имени Деспина, приведенная въ жены Абахѣ-хану и усыновившая и воспитавшая Байт'у, то она мольбами своими выпросила (у него) крестъ и посохъ и отправила ихъ въ царственный городъ Константинополь. Такимъ образомъ земля Ахованская лишилась честнаго и божественнаго Сокровища!

Между тѣмъ съ наступленіемъ осени пришелъ изъ Хорасана Хазанъ, сынъ Арх'уна, сына Абахи, на Байту за отцовскимъ своимъ престоломъ во главѣ всего Хорасанскаго воинства, называемаго *Харавунас*: военачальниками у нихъ были: великій и кроткій Хутмушахъ, что̀ значитъ «благодарный царь», и непобѣдимый на войнахъ и многоумный Новрузъ, что̀ значитъ «навасардъ» — всѣ эти лица вообще оставили свою природную вѣру и вступили подъ законъ Магомета. Новрузъ этотъ былъ сынъ Арх'уна, который, ставъ начальникомъ и басхах'омъ въ нашей землѣ, предательски совершилъ много злодѣйствъ при жизни Арх'уна и сына его Хазана, съ которымъ онъ теперь находился въ дружбѣ. Онъ сильно ненавидѣлъ христіанъ и былъ врагомъ церкви. Во главѣ своей конницы онъ шелъ теперь, какъ бурный вихрь, чтобы ему первому открыть бой, что у нихъ называется *манхлай*. Встрѣтивъ (непріятельское) войско на пути своемъ, онъ нанесъ ему пораженіе; смущеніе, (произведенное этимъ) и молва о томъ вскорѣ дошла до царскаго дворца, гдѣ всѣ (до тѣхъ поръ) были преданы безумной безпечности. 2 д
Т'ачаръ, великій начальникъ десятитысячнаго войска, устрашенный этимъ, перешелъ на сторону Новруза; въ слѣдствіе чего сторонники

Байт'у всѣ вообще съ сокрушеннымъ сердцемъ оставили его и разбѣжались. Тогда и самъ безумный Байт'у, (покинувъ свой дворецъ), явился къ Дук'алу, который съ своимъ войскомъ стоялъ лагеремъ на равнинѣ Нахчаванской, на берегу Ерасха.

При видѣ этого мужество оставило Ду'кала, а въ душѣ военачальниковъ его зародилось недоумѣніе: они взяли Байт'у, обратили его назадъ и отправили къ Х'азану: сами-же разсыпались во всѣ стороны. Дук'алъ ушелъ и скрылся въ преступное мѣсто Иверіи, гдѣ въ послѣдствіи онъ былъ взятъ Бекайемъ, переданъ въ руки Хурумчею, который въ жестокихъ истязаніяхъ умертвилъ его. Равнымъ образомъ и Эль-даръ скрылся въ окрестностяхъ города Карйна: въ послѣдствіи и его нашли у какого-то шейха и убили. Точно также погибли и всѣ вельможи, взятые вообще, въ числѣ ихъ и кротчайшій Эль-джидай, повелитель нашей области, командовавшій 12,000-мъ войскомъ: ихъ всѣхъ привели изъ Гилана и предали жестокой смерти. Такимъ образомъ безъ войны и сраженія они завладѣли всей нашей страной и возвели на царскій отцевскій престолъ Хазана, сына Арх'уна.

Но когда богоненавистникъ Новрузъ пришелъ, прежде всего приказалъ разрушить всѣ вообще церкви, разграбить всѣхъ христіанъ и совершить обрѣзаніе надъ священниками; въ слѣдствіе чего повсюду постигли христіанъ величайшія непостижимыя бѣдствія. Много церквей было разрушено, много священниковъ предано мечу, много христіанъ погибло, а избѣгшія смерти лишились всего своего имущества, женщины и дѣти отведены въ плѣнъ. Въ Багдадѣ, въ Муслѣ, въ Хаміанѣ, въ Даврежѣ, въ Марахѣ, въ Румѣ и въ Месопотаміи были совершены несказанныя злодѣйства. Въ нашихъ-
3 r же областяхъ они предали разграбленію церкви Нахчаванскія, отвели въ плѣнъ священниковъ и вообще причинили много зла: снимали церковныя двери и опрокидывали алтари. Однако начальники ихъ старались препятствовать разрушенію церквей, опасаясь иверійскаго войска. Непріятели пришли и въ великую каѳедру сюникскую, гдѣ хотѣли разрушить церковь, но мы дарами и силою не допустили. Не избѣгли ихъ грабительства также монастыри, что въ нахчаванской области; по милости Божіей уцѣлѣли тѣ только армянскія земли,

черезъ которыя протекаетъ рѣка Ерасхъ. Они взяли сирійскаго каѳоликоса, имѣвшаго свое пребываніе въ Марахѣ, подвергли его пыткамъ, подъ которыми онъ едва не умеръ, и расхитили все его достояніе; взяли также владыку Тирацу, епископа монастыря во имя св. Апостоловъ, наругались надъ нимъ всячески и отняли всѣ его имущества; въ его монастырѣ, гдѣ находилась могила святаго апостола Ѳаддея, все разграбили и, разрушивъ всѣ строенія, превратили ихъ въ развалины.

Въ то время царь армянскій, Хет'умъ, прибылъ къ Байт'у и засталъ именно эту сумятицу; ибо онъ остановился въ церкви Марахской, мѣстопребываніи патріарха,—гдѣ онъ также не избѣгъ непріятностей. Отправившись къ Х'азану, онъ представился ему и тотъ сдѣлалъ царю самый великолѣпный пріемъ. Хетумъ довелъ до свѣдѣнія царя всѣ бѣдствія, перенесенныя христіанами, но царь слагая съ себя всю вину, говорилъ: «я этого ничего не знаю, все это дѣло Новруза». Онъ тутъ-же приказалъ написать грамату и разослать по всей Арменіи, чтобы никто не осмѣлился прикасаться церквей и христіанъ, чтобы (послѣднихъ) оставили жить въ покоѣ, предоставивъ каждому изъ нихъ безпрепятственно (исповѣдывать) свою вѣру и отправлять (божественную) службу. Въ слѣдствіе этого (приказанія) грабежи немного пріутихли. Царь Хетумъ съ великими почестями и съ большою славою пустился въ путь и съ миромъ воз- 3 v
вратился въ свою землю Киликію.

Осенью 744 года (1295) Хазанъ, получивъ ханство, сталъ управлять съ страшною силою, съ ужасной тираніей и съ мощной, вознесенной рукою. Онъ назначилъ начальникомъ надъ всѣми своими войсками и странами Хутлу-Шаха, мужа добраго, могущественнаго и побѣдоноснаго на сраженіяхъ, желающаго добра христіанамъ и помогающаго имъ. Онъ сталъ царю зятемъ, взявъ себѣ сестру его въ жены; благодаря его внушенію водворились миръ и спокойствіе между нами и по всей Арменіи. Но окаянный звѣрь, кровопійца Новрузъ, отправившись въ страны Хорасанскія управлять ими, задумалъ измѣнить Хазану, который, узнавъ это, истребилъ всѣхъ сродниковъ, братьевъ, сыновей и весь родъ Новруза. Когда же Новрузъ узналъ, что измѣна его обнаружилась, убѣжалъ въ самую

глубь Хорасана. Тогда Хутлу-шахъ, собравъ многочисленное войско, пошелъ по слѣдамъ его; и Господь Богъ предалъ въ его руки того окаяннаго, котораго онъ безслѣдно стеръ съ лица земли. Какимъ-то великимъ чудомъ онъ былъ схваченъ въ городѣ Ре́, находящемся за Мавромъ и Ншавуромъ. Съ Хутлу-шахомъ были и князья наши, Липаритъ и Эач'и, которые, плюнувъ въ лице Новрузу, покрывали его поношеніями: «взгляните на возносящійся рогъ церкви, который широко разорвалъ врага ея, какъ онъ отомстилъ за разрушеніе ея! ибо власть его не продолжалась даже годъ; онъ погибъ со всѣмъ своимъ родомъ и имя его исчезло въ этомъ мірѣ. Благодареніе и слава пекущемуся о своей церкви»!

Еще до этого явился нѣкто, по имени Асланъ, человѣкъ царскаго происхожденія, который, привлекши на свою сторону много войска и военачальниковъ на Мух'анской равнинѣ, началъ собираться дѣлать нападеніе на дворецъ хана. Онъ перешелъ по сю сторону
4 г Ерасха, съ цѣлью собрать еще другую новую конницу. Ханъ, узнавъ объ этомъ, послалъ противъ Аслана большое войско подъ начальствомъ полководцевъ Чопа́на и Хурумч'и, которые, отправившись, вступили въ бой съ Асланомъ, нанесли ему пораженіе и обратили въ бѣгство, но послѣ поймали его со всѣми его единомышленниками и всѣхъ вообще истребили. Много было пролито крови; въ слѣдствіе этого самого былъ убитъ въ Хорасанѣ и Сукай, племянникъ (по брату) Абахая. Но довольно объ этомъ.

Юный царь иверійскій Давидъ, сынъ Деметре́, во время нашествія Новруза и разрушенія имъ церквей, приведенный въ ужасъ со всѣми своими нахарарами и свитою изъ дворянъ, отправился въ Метевулетъ, вступилъ въ неприступную крѣпость Мавх'е-нахе, что означаетъ: «приди и виждь», пригласилъ себѣ на помощь Метевуловъ и П'хайевъ и всѣ окрестныя племена: завладѣлъ аланскими вратами, у древнихъ называемыми Даріаломъ, а теперь—Ущельемъ Джасана; отнялъ ущелье Татарское, т. е. проходъ Хазировъ, Алановъ, Осовъ, Хп'чах'овъ и великаго царства сѣверной земли Берк'а́йевъ, у которыхъ теперь былъ ханомъ, Т'от'амангу и Нухай, внуки Бат'у и Сарт'аха. Неоднократно отправляемо было посольство (къ Давиду) съ предложеніемъ ему клятвенныхъ обѣщаній, которымъ

онъ не внималъ и не выходилъ (изъ крѣпости). Послѣ всего этого великій Хут'лу-шахъ во главѣ многочисленнаго войска вступилъ въ Иверію и расположился на Мухранской долинѣ, не въ большомъ разстояніи отъ крѣпости, гдѣ находился царь. Хутлу-шахъ (скоро) узналъ неприступность крѣпости, и потому черезъ посланныхъ сталъ приглашать Давида выйдти, на что этотъ согласился не иначе, какъ когда получитъ заложниковъ. Онъ послалъ къ царю (заложниками) сына своего Шипаучи и еще трехъ изъ почетныхъ вельможъ. Да- 4v
видъ поставилъ надъ ними почетный караулъ, самъ вышелъ къ Хутлу-шаху, которому представился съ большими дарами. Въ свою очередь царь получилъ (отъ Хутлу-шаха) почесть и богатые дары вмѣстѣ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не измѣнить ему. Во всемъ этомъ посредникомъ былъ каѳоликосъ (иверійскій). Такимъ образомъ возвратившись въ свою крѣпость, царь отпустилъ заложниковъ; а Хутлу-шахъ пустился въ обратный путь и вступилъ на равнину Ранскую, для зимовки.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV-е.

Объ Іоаннѣ Цимисхіи *).

(Отрывокъ изъ Матѳея Едесскаго).

...Въ 408 году армянскаго лѣтосчисленія (959 — 960) римскій 1 г
императоръ [1]) Романъ (II), собравъ войско, пошелъ на Татчиковъ [2]). Онъ на корабляхъ направилъ свой путь по обширному океану, къ большому острову Криту и послѣ жестокаго боя отнялъ его у воинства египтянъ [3]), такъ какъ было уже 400 лѣтъ, какъ Арабы владѣли всѣми островами и приморскими странами...

По прошествіи двухъ лѣтъ умеръ римскій царь Романъ, оставивъ двухъ сыновей: Василія и Константина.

Въ 412 году (963—964) воцарился въ Греціи Никифоръ II (Фока), мужъ добрый, боголюбивый, украшенный всѣми добродѣтелями и правдивостью, мужественный и побѣдоносный въ сраженіяхъ, милостивый ко всѣмъ вѣрующимъ въ Христа, пекущійся о вдовахъ и

---

[1]) Армянская средневѣковая, византійскаго періода форма слова-римскій римляне—*хоромъ*.

[2]) *Татчиками* армянскіе историки называютъ аравитянъ. Названіе это встрѣчаемъ въ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому (V в.).

[3]) Подъ названіемъ *египтяне* слѣдуетъ разумѣть африканск. арабовъ.

*) [Нижеслѣдующій переводъ сдѣланъ Н. О. Эминымъ одновременно съ составленіемъ замѣтки объ императорѣ Цимисхіи (см. выше, стр. 165), т. е. въ 1880 г., повидимому, съ рукописнаго списка Исторіи Матѳея, и обнимаетъ стр. 2—36 Іерусалимскаго изданія той же Исторіи (1869 г.),—со значительными, однако, пропусками, не касающимися исторіи Цимисхія. Рукопись перевода содержитъ 13 страницъ (1 *г.* — 7 *г.*) обыкновеннаго формата писчей бумаги.—*Г. Х.*]

плѣнныхъ, кормилецъ сиротъ и убогихъ. Собравъ великое множество (войска), онъ пошелъ сильною войною на Татчиковъ по широко раскинувшемуся морю-океану и, рыкая какъ левъ, вторгнулся въ Киликію и побѣдоносно взялъ извѣстный городъ Тарсъ. Отсюда пошелъ онъ и завладѣлъ Аданою, Мсисомъ (Мопсуестомъ) и замѣчательной Аназарвою, нанесъ ужасное пораженіе Татчикамъ, (преслѣдуя ихъ) до воротъ города Антіохіи.

И возвратился царь Никифоръ съ великой побѣдой и безчисленными плѣнными и большой добычей, и вступилъ въ царственный городъ Константинополь. И онъ держалъ при себѣ во дворцѣ сыновей Романа—Василія и Константина, которые были окружены почестями и великимъ почетомъ.

Въ это время на одномъ островѣ содержался въ заточеніи нѣкій преступникъ, по имени Чмѣшкикъ [4]). Беззаконная и гнусная царица [5]) безъ повелѣнія царя, тайно посылаетъ за нимъ, выводитъ его изъ
1 v острова и безъ вѣдома царя приказываетъ ввести его въ Константинополь. Она тайно условилась съ нимъ умертвить вѣнценосца [6]) Никифора, быть его женою, и возвести его на царскій престолъ. И онъ согласился исполнить повелѣніе царицы.

И (между тѣмъ какъ) вѣнценосецъ Никифоръ, сидя однажды вечеромъ на тронѣ, имѣя передъ собою зажженныя восковыя свѣчи, читалъ книги божественныхъ Завѣтовъ, приходитъ царица, начинаетъ ласкаться къ нему, и крѣпко-на крѣпко спутавъ ремнемъ лежавшій подлѣ него мечъ, выходитъ и отправляется къ свему злоумышленнику. И своими руками она отдаетъ ему смертоносный мечъ на пролитіе крови праведнаго.

И Чмѣшкикъ, пришедъ украдкой, вбѣжалъ въ царскій покой. Увидѣвъ его, вѣнценосецъ сказалъ: „Бѣшеная собака! чего тебѣ надо здѣсь?» и мужествено вскочивъ, схватился за мечъ; но увидѣлъ, что онъ крѣпко спутанъ. Тогда Чмѣшкикъ бросился на вѣнценосца и, какъ звѣрь, безжалостно зарѣзавъ добрѣйшаго царя, разсѣкъ его на три части: облитый собственной кровью (царь) въ горькой и лютой смер-

[4]) Іоаннъ Цимисхій.—5) Теофано.

[6]) Лѣтописецъ не называетъ Никифора императоромъ, а вѣнценосцемъ =тагаворъ, слово, которое мы удержали въ нашемъ переводѣ.

ти отдалъ душу Христу. Тогда увидѣли, что вѣнценосецъ подъ порфирою носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ. Его кровью были обрызганы лица убійцъ человѣка божія. Тѣло его погребено рядомъ (съ тѣлами) святыхъ государей въ могилѣ его достойной.

И вступилъ на престолъ греческаго царства нечестивый Чмёшкикъ. Онъ завладѣлъ Константинополемъ и подчинилъ подъ власть свою всѣ области римской земли. Сыновей царя Романа онъ немедленно отправилъ въ Васакаванъ, что въ Хандцитской провинціи [7]). (Изъ опасенія), чтобы царица не извела ядомъ Василія и Константина, отвезли (ихъ) къ Спрамикъ—матери великаго Мхитара [8]). Вслѣдствіи такого убійства вѣнценосецъ Чмёшкикъ, погруженный въ великую печаль и терзаемый совѣстью, потерялъ покой душевный [9])... Вотъ что совер- 2 г
шилось еще въ 421 (-973) году армянскаго лѣтосчисленія: римскій военачальникъ доместикосъ Млехъ, съ большимъ войскомъ пошелъ на Татчиковъ; во многихъ мѣстахъ при помощи Христовой онъ одержалъ надъ ними верхъ и дошелъ до города Мелитины. Онъ держалъ этотъ городъ въ крѣпкой осадѣ: отвелъ воду и отрѣзалъ доставку въ него хлѣба, чѣмъ и принудилъ его (сдаться). Довольный своими успѣхами, онъ спустился къ городу Тигранакерту, называемому Амит'омъ, на рѣкѣ Дёклатѣ [10]). Войско Татчиковъ выступило на бой съ римскимъ войскомъ, произошла жестокая сѣча передъ воротами города Амит'а—войско Татчиковъ обратило тылъ передъ войскомъ римлянъ и, оставивъ на мѣстѣ множество убитыхъ, спаслось въ городъ. Войско римское стало лагеремъ на берегу рѣки, на мѣстѣ, называемомъ Авсаломъ, на разстояніи двухъ метаній стрѣлъ отъ города. И по прошествіи двухъ дней, съ неба нисшелъ гнѣвъ Божій: поднялся такой сильный

7) Въ Четвертой Арменіи.

8) Объ этой знатной госпожѣ и о сынѣ ея, великомъ Мхитарѣ, упоминается только у нашего Матѳея. Спрамикъ была, вѣроятно, какая нибудь важная довѣренная особа, бывшая въ родственныхъ связяхъ съ Чмёшкикомъ, которой послѣдній рѣшился поручить сыновей Романа.

9) Матѳей едес., какъ духовное лице, съ негодованіемъ смотритъ на злодѣяніе Чмёшкика, жестоко порицая его, хотя и соотечественника своего, и всѣ свои симпатіи переноситъ на Никифора.

10) Арабское названіе рѣки Тигра, по армянски Тигрисъ.

вѣтеръ, что отъ дуновенія его дрожала земля. Силою вѣтра вздымало прахъ, которымъ засыпало христіанское воинство, густою пылью покрывъ и человѣка, и безсловесное животное, и весь скарбъ ихъ снесло въ рѣку. Отъ (густой) пыли все покрылось мракомъ: у человѣка и у животнаго закрылись глаза—они лишились возможности видѣть. И войско римское, застигнутое такимъ образомъ, очутилось въ безвыходномъ положеніи. Тогда воинство иноплеменниковъ, видя такое положеніе христіанъ и, убѣдившись, что противъ послѣднихъ возсталъ самъ Богъ, ударило на нихъ и безпощадно, безжалостно предало ихъ мечу. Ихъ было 50.000 человѣкъ: ушли же отъ пораженія немногіе—большая часть войска легла на мѣстѣ. Военачальникъ
2 v доместикосъ съ прочими полководцами былъ взятъ въ плѣнъ. Съ ними приведены были въ городъ Амитъ сорокъ именитыхъ и славныхъ вождей. Вожди иноплеменниковъ при видѣ гибели войска римскаго пришли въ ужасъ, говоря: «римская кровь, пролитая нами, не простится намъ; ибо придутъ римляне и предадутъ разрушенію дома Татчиковъ; поэтому давайте заключимъ миръ съ главнокомандующимъ и съ вождями римскими; возьмемте съ нихъ клятву и съ миромъ отпустимъ ихъ во свояси.

Между тѣмъ какъ они замышляли это, пришла вѣсть объ убійствѣ римскаго царя Никифора. Вожди иноплеменниковъ отправили сорокъ христіанскихъ вождей къ халифу въ городъ Багдадъ, гдѣ всѣ они умерли. Домистикосъ, написавъ посланіе, отправилъ его въ Константинополь, (посланіе) наполненное горькихъ упрековъ и проклятій. Въ немъ онъ говорилъ: «Мы не удостоились сойти въ могилу, благословенную по христіанскому обряду; намъ досталась въ удѣлъ проклятая земля злодѣевъ [11]). Мы отрекаемся отъ васъ и (не признаемъ того), кто возсѣлъ на престолъ римскаго царства. Если мы не выместимъ свою месть на городѣ Амитѣ за кровь нашу, пролитую у воротъ его, за смерть нашу на чужбинѣ; то Христосъ Богъ нашъ взыщетъ съ тебя въ день суда». Царь Чмѣшкикъ, получивъ это посланіе въ Константинополѣ, запылалъ гнѣвомъ. Въ томъ-же году онъ

---

[11]) т. е. мы будемъ преданы землѣ проклятой и могилѣ злодѣевъ, т. е. мусульманъ.

приказалъ собрать войско по всему Западу и, пылая какъ огонь, въ сильной ярости устремился на Татчиковъ черезъ землю армянскую.

Тогда всѣ царскаго происхожденія князья армянскіе, дворяне, владѣтели и вельможи странъ восточной Арменіи [12]), собрались у Ашота Багратуни, а именно Филиппе́ царь Капа́на, Гурге́нъ царь Ах'уановъ, Абасъ владѣтель Карса, Сенек'еримъ владѣтель Васпурака́на, Гурге́нъ владѣтель Андцевац'ик' и вся страна Саса́на [13]). И стали они лагеремъ въ области Харкъ [14]), въ числѣ 80.000 человѣкъ.

И пришли къ нимъ посланные отъ римскаго царя и увидѣли всѣхъ армянъ въ сборѣ. Возвратились они и разсказали царю Чмёшкику 3 r
(все что они видѣли). Вслѣдъ за римскими посланцами отправились нѣкоторые изъ армянскихъ князей: князь Се́мбатъ Т'орнеци, философъ Леонъ и другіе епископы и вардапеты и заключили миръ между царемъ римскимъ и армянскимъ царемъ Ашотомъ.

И пришелъ царь Чмёшкикъ съ страшнымъ множествомъ (войска) и вступилъ въ Таронскую область Арменіи. Онъ остановился въ Мушѣ передъ крѣпостью Айтцеацъ. Съ первой (же) ночи пѣхота Сасановъ [15]), не давала покоя римскому войску.

Прибыли князья и вардапе́ты армянскіе къ римскому вѣнценосцу и представили ему грамату армянскаго каѳоликоса Вахана, которую принялъ онъ благосклонно, а представившихъ (ее) съ большимъ почетомъ. Онъ заключилъ дружественный союзъ съ армянами, прося Ашо́та дать ему въ помощь войско. Ашотъ далъ ему вооруженное изъ армянъ войско, мужей воителей до 10.000, снабдивъ ихъ, по желанію царя, провіантомъ и всѣмъ необходимымъ. (Послѣ сего царь) отпустилъ Вардапе́та Леона, епископовъ и князей съ большими дарами къ армянскому царю Ашо́ту.

---

12) т. е. Великой Арменіи.

13) Страна Сасана—Персія.

14) Область древней Арменіи, лежавшая на сѣверо-западной сторонѣ Ванскаго озера.

15) Персовъ; [«пѣхота Сасановъ» — нѣтъ въ печатн. спискѣ Матѳея, стр. 21.—*Г. Х.*]

Тогда вѣнценосецъ Чмѣшкикъ, котораго называли (также) Кюръ-Жан'омъ [16]), направился войною на Татчиковъ. Онъ прошелъ побѣдоносно по всей странѣ, покрывая ее кровью и убитыми.

Много городовъ и сильныхъ крѣпостей, числомъ до трехъ сотъ, сравнивъ съ землею, верхъ дномъ поставилъ (вплоть) до предѣловъ города Багдада, но Урх'у (Едессу) онъ не разорилъ во вниманіе къ отшельникамъ, жившимъ въ его окрестностяхъ и на горѣ, число (которыхъ доходило) до 12.000. Отсюда направился онъ къ городу Амит'у въ сильномъ раздраженіи. Городомъ Амит'омъ владѣла женщина, бывшая сестра Хамдун'а, эмира Татчиковъ, съ которой царь былъ нѣкогда въ преступной связи; по этой самой причинѣ онъ не слишкомъ занялся взятіемъ города Амит'а. Женщина (эта) взошла на городскую стѣну и обратила рѣчь къ царю: «Что это! ты идешь войною на женщину и не считаешь это для себя позоромъ?»—И говоритъ царь: «Я далъ себѣ клятву разрушить бастіоны этого города; находящіеся же въ немъ жители останутся свободными».—Говоритъ владѣтельница города: «ступай, разори мостъ, что надъ рѣкою Дѣклатомъ, чѣмъ ты и исполнишь клятву свою».—Царь такъ и сдѣлалъ. И, взявъ много золота и серебра, онъ оставилъ Амит'ъ ради *своей* [17]) женщины и еще потому—что Чмѣшкикъ самъ былъ изъ Хозана, изъ мѣстности, которая нынѣ называется Чмѣшкатц'аг, да и женщина та была изъ тѣхъ-же мѣстъ; ибо въ то время Татчики владѣли уже многими мѣстами.—Греческій царь прошелъ по землѣ Татчиковъ, орошая ее кровью до самыхъ границъ города Багдада. (Отсюда) поворотивъ, проникъ онъ во внутрь страны по направленію къ городу Іерусалиму.

И вѣнценосецъ Чмѣшкикъ написалъ къ армянскому царю Ашоту письмо такого содержанія:

Ашотъ шаханъ-шахъ [18]), Великой Арменіи и чадо души моей! внимай и дивись—какъ много чудеснаго совершилъ Богъ, въ отно-

---

[16]) У армянскихъ лѣтописцевъ этого періода (XI—XIII в.) императоръ Іоаннъ обыкновенно называется Кюр-Жанъ.

[17]) Ради *своей* женщины: такъ стоитъ въ подлинникѣ. Мы намѣренно удержали это характерное *своей*.

[18]) Слова *шаханшахъ* значатъ «царей-царь»—персидскія слова.

шеніи насъ! какія удивительныя побѣды даровалъ Онъ намъ, что служитъ только доказательствомъ непостижимости милосердія и человѣколюбія божія, оказанныхъ имъ своему наслѣдію въ нынѣшнемъ году черезъ наше величество! Мы возъимѣли желаніе, о Ашотъ Багратуни, чадо наше! увѣдомить объ этомъ твою славу и поставить въ извѣстность Тебя, дабы ты, какъ христіанинъ и вѣрный другъ нашего царскаго величества, радовался, прославлялъ страшное величіе Христа Бога нашего и уразумѣлъ, какъ онъ всегда помогаетъ христіанамъ.

«Наложивъ дань на всю восточную половину Персіи, мы вынесли изъ Мёцбина [19]), города Татчиковъ, мощи св. патріарха Якова и, 4 r
взявъ съ нихъ контрибуцію, освободили нашихъ [20]) плѣнниковъ. Эмира-аль Муминина, гордаго и надменнаго повелителя африканцевъ, называемыхъ Махр-арабикъ [21]) напавшаго на насъ во главѣ многочисленнаго войска и на одну минуту поставившаго наше войско въ опасное положеніе—мы побѣдили, нанося ему, при Божьей помощи, сильное пораженіе и принудили его, покрытаго стыдомъ, обратиться вспять, подобно прочимъ нашимъ непріятелямъ. Послѣ этого мы, завладѣвъ внутреннею частью ихъ страны, предали лезвію меча многія области и поспѣшили возвратиться на зимнія квартиры.

«Въ началѣ мѣсяца апрѣля, собравъ всю нашу конницу, мы отправились въ Финикію и Палестину, преслѣдовать скверныхъ Африканцевъ, проникшихъ въ предѣлы Ша́ма [22]). Во главѣ всего нашего

---

[19]) Армянская форма названія города Низибиса.

[20]) Разумѣть слѣдуетъ такъ: «тѣхъ изъ нашихъ воиновъ, которые были взяты въ плѣнъ.

[21]) *Арабикъ*-аравитянинъ. Эта новая форма встрѣчается не только у армянскихъ лѣтописцевъ этого періода, но и у средневѣковыхъ французскихъ путешественниковъ по Востоку, такъ напр. въ Relation du Voyage de frère Bieul мы читаемъ: «Cil arrabic Sarrasin cameliers ne laissierent que il ne feissent leurs oraisons à certaines heures pour ce à leur loy establies de nuit et de jour, et par espécial de matin». Махръ же есть арабское слово въ сокращенной формѣ и значитъ *западный* т. е. арабы западной Африки.

[22]) Шамъ—Сирія.

воинства мы через Антіохію прошли по всѣмъ (бывшимъ) провинціямъ нашего государства и, подчинивъ ихъ нашей власти и взявъ съ нихъ тяжкую контрибуцію и безчисленное множество плѣнниковъ, дошли до Хéмса [23]). Жители этой области, прежде платившіе намъ дань, вышедъ на встрѣчу, сдѣлали намъ подобающій пріемъ. (Такимъ образомъ) мы пришли къ Вадальбеку [24]), называемаго Геліополемъ, т. е. городомъ солнца-(Городъ). - Знаменитый, обширный и богатый, обведенный страшными стѣнами; (жители его) встрѣчали насъ съ оружіемъ въ рукахъ, но многочисленное наше воинство, преслѣдуя ихъ, обратило въ бѣгство, предавая лезвію меча. Черезъ нѣсколько дней мы осадили городъ Солнца [25]), и войска наши захватили въ плѣнъ много юношей и дѣвъ, золота и серебра и множество скота.—Продолжая далѣе свое шествіе, мы подступили къ великому городу Дамаску съ намѣреніемъ осадить его также; но
4 v начальникъ города, мужъ мудрый, украшенный сѣдинами, выслалъ къ намъ (депутатовъ) съ большими дарами, просить о пощадѣ: не отводить жителей въ плѣнъ на рабство и не разорять ихъ области, какъ Боальбекскія. И они доставили (намъ) много почетныхъ приношеній, много замѣчательныхъ коней и муловъ въ прекрасныхъ золотыхъ и серебряныхъ сбруяхъ и 40.000 дахекановъ [26]) аравійскимъ золотомъ. Сами-же они приняли отъ насъ вождей, и дали письменное обѣщаніе соблюсти вѣчную покорность нашему величеству изъ рода въ родъ, изъ племени въ племя. Мы поставили тамъ вождемъ нѣкотораго багдадскаго уроженца, по имени Т'уркъ—мужа славнаго, который во главѣ 500 всадниковъ изъявилъ намъ покорность и который еще прежде того служилъ нашему величеству. Жители Дамаска заключили клятвенный договоръ, безостановочно платить дань, воевать противъ нашихъ непріятелей, при чемъ они провозгласили *здравіе* нашему царскому величеству.—Оттуда мы направили свой путь къ Тиверіадскому морю. гдѣ Господь нашъ Іисусъ

---

[23]) Хемсъ—Эмесса.

[24]) Вадальбекъ—Баальбекъ.

[25]) Городъ Солнца—Геліополь.

[26]) Дахекáн—денарій: названіе золотой и серебряной монеты.

Христосъ съ двумя рыбами совершилъ чудо. Мы готовились было обложить и этотъ городъ, но (жители его) изъявили намъ покорность и принесли множество даровъ по примѣру жителей Дамаска 30.000 дахеќановъ контрибуціи, не говоря о другихъ приношеніяхъ. Они попросили у насъ вождя, дали письменное обязательство въ вѣчной покорности и безостановочномъ платежѣ дани, какъ и жители Дамаска. Мы оставили ихъ свободными отъ плѣненія, не предали разоренію и грабежу ихъ города и области потому, что это было отечество св. апостоловъ. Тоже и въ отношеніи къ Назарету, гдѣ Богородица, св. Дѣва услышала отъ ангела благовѣстіе. Мы посѣтили также гору Ѳаворъ и были на томъ мѣстѣ, гдѣ преобразился Христосъ Богъ нашъ.

Между тѣмъ какъ мы находились на томъ мѣстѣ, пришли къ намъ изъ Рамлы и Іерусалима просить наше величество о милости; просили (также у насъ) вождя, изъявивъ намъ покорность съ обѣщаніемъ платить дань: мы исполнили ихъ желаніе.—У насъ было желаніе освободить св. гробъ Христа Бога нашего отъ гнета Татчиковъ [27]). Мы назначили полководцевъ во всѣхъ *темахъ*, изъявившихъ покорность и обязавшихся платить дань нашему величеству: въ Пенидѣ, Декаполь тожь, въ Геннесаретѣ и въ Акрѣ, называемой Птолемаидой—(жители) письменно обязались платить ежегодно безостановочно дань и служить намъ. Мы дошли до Кесаріи, находящейся на берегу великаго моря—океана, (жители которой тоже) изъявили покорность и признали наше владычество. Еслибы приморскія крѣпости не были заняты обратившимися въ бѣгство скверными африканцами, то мы при Божьей помощи прошли-бы въ св. городъ Іерусалимъ и вознесли-бы наши молитвы въ святыхъ мѣстахъ. Когда мы услыхали, что приморскіе жители обратились въ бѣгство, то мы покорили подъ власть римлянъ верхнюю часть страны, подчинивъ ее себѣ, поставили тамъ вождя; непокорныхъ-же силою оружія заставили признать власть нашу.—По дорогѣ, идущей по морскому берегу, мы прямо направились къ Вритону [28]), городу извѣ-

---

27) Замѣчательна эта мысль и вполнѣ достойная великаго государя.

28) Вритонъ—Бейрутъ.

стному, именитому, сильно укрѣпленному, называемому нынѣ Берутомъ. Послѣ жестокаго боя мы взяли его, захвативъ въ плѣнъ 1000 африканцевъ, вмѣстѣ съ Насерóмъ [29]), военачальникомъ Эмира-аль-Муминина, и другими лучшими вождями.

Мы поставили въ этомъ городѣ вождя и собрались идти на Сидонъ. Жители Сидона услыхавъ (объ этомъ), прислали старѣйшинъ своего города, которые, явившись къ намъ, изъявили покорность и стали умолять наше величество принять ихъ въ число нашихъ дан-
5 v никовъ. Мы вняли ихъ просьбамъ и исполнили ихъ желаніе. По принятіи съ нихъ дани, мы дали имъ вождя.

Оттуда мы направились къ Библону [30]) древней и сильной крѣпости, которую, осадивъ взяли, а жителей отвели въ плѣнъ. Мы прошли черезъ всѣ приморскіе города по тѣснинамъ и труднымъ проходамъ, по которымъ никогда никакая конница не проходила, предавая ихъ грабежу и разоренію. (Мы вездѣ) встрѣчали красивые, цвѣтующіе города и сильныя крѣпости, охраняемыя гарнизономъ Татчиковъ: всѣ онѣ были взяты приступомъ, срыты до основанія, а жители отведены въ плѣнъ.

Не доходя до Траполиса [31]), мы отправили конницу, (состоявшую) изъ Т'емаци и изъ Тошхатамаци [32]), къ ущелію, называемому Карерья, которое, какъ мы слышали, занимали скверные африканцы. Мы приказали устроить засаду, дабы вѣрнѣе погубить ихъ. Какъ приказано, такъ и было сдѣлано. Изъ нихъ 1000 человѣкъ вышли прямо противъ нашихъ воиновъ, которые многихъ изъ нихъ положили на мѣстѣ и многихъ захвативъ въ плѣнъ представили предъ наше величество. Затѣмъ, гдѣ только мы встрѣчались съ ними, обращали ихъ въ бѣгство Мы окончательно разорили всю область траполисскую: съ корнемъ вырывая и истребляя виноградники, оливковые сады и цвѣтники. Находившіеся здѣсь африканцы дерзнули вы-

[29]) Нусри.

[30]) Библонъ—Библосъ.

[31]) Траполь—Триполисъ.

[32]) Это была армянская кавалерія.

ступить противъ насъ въ бой; но мы, напавъ на нихъ, всѣхъ безъ разбора истребили. Засимъ мы взяли большой городъ Тчуель [33]), называемый Габаономъ, Валане́, Сихонъ и самый пресловутый Зурзау [34]), до Рамлы и Кесарiи (не оставалось) ни моря, ни суши, которыя-бы не изъявили покорность нашему величеству. При помощи всемогущаго несотвореннаго Бога мы покорили себѣ все до великаго Вавилона. Въ семь мѣсяцевъ мы прошли всю страну во
главѣ нашего войска, разоряя города и области—и Эмиръ-ель-Му- 6 r
мининъ не дерзнулъ выступить изъ Вавилона противъ насъ, или выслать конницу на помощь своимъ. Еслибы не палящiй зной и безводность прилежащихъ къ Вавилону мѣстностей—какъ то извѣстно твоей славѣ—мы дошли-бы до этого города и самаго (Эмира) преслѣдуя до Египта, покорили-бы окончательно при помощи Бога, насъ вѣнчавшаго.

Теперь и Финикiя, и Палестина, и Сирiя, освободившись отъ рабства Татчиковъ, признали господство Римлянъ; къ тому-же и великая гора Ливанъ покорилась нашей власти. Все огромное множество бывшихъ тамъ Татчиковъ взяты нами въ плѣнъ и розданы нашимъ всадникамъ. Мы отнеслись къ Сирiйцамъ снисходительно и милостиво; вывели оттуда около 20.000 душъ и поселили въ Габаонѣ.

Изъ этого ты узнаешь о побѣдахъ, Богомъ дарованвыхъ христiанамъ, какихъ никогда не бывало.—Въ городѣ Габаонѣ мы нашли священныя сандалiи Христа Бога нашего, въ которыхъ Онъ ходилъ въ мiрѣ, равно какъ образъ Спасителя, который впослѣдствiи Евреи пробили и изъ котораго потекла вода и кровь. (Впрочемъ на образѣ) мы (не) нашли слѣдовъ копья. Въ томъ же городѣ мы нашли честные волосы съ главы Предтечи и Крестителя Iоанна. Взявъ (эти мощи), мы ихъ веземъ съ собою какъ палладiумъ въ богохранимый нашъ городъ.—Такимъ образомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по изволенiю Божiю, мы вывели богоспасаемое наше воинство въ Антiохiю.

---

[33]) Туэль—Джебаль: древнiй Геваль или Габаль.

[34]) Зурзау—Зурзавъ.

Сообщая обо всемъ этомъ твоей славѣ, мы остаемся увѣренными, что велико будетъ твое удивленіе, и ты самъ, (въ свою очередь) воздашь Богу славу за великое его человѣколюбіе, узнавъ сколько
6 v совершено теперь добрыхъ дѣлъ, какъ широко раздвинуты границы господства святаго креста Христова, гдѣ теперь прославляется имя Божіе, и какъ всюду упрочено наше государство, слава его и величіе. —Уста наши прославляютъ могущество Божіе за покореніе подъ власть нашу стольких странъ Да будетъ всегда благословенъ Господь Богъ, и Ему слава во вѣки....

Послѣ многихъ войнъ и побѣдъ, одержанныхъ императоромъ Чмёшкикомъ, страхъ смерти, ужасъ страшнаго суда посѣтили его. Онъ вспомнилъ неповинную смерть праведнаго Никифора и невинную его кровь. И рѣшился онъ на добродѣтельную жизнь, надѣясь черезъ раскаяніе смыть кровь, напрасно имъ пролитую. Было уже пять лѣтъ [32]), какъ онъ занималъ престолъ римскаго государства. Пока онъ вращалъ это въ умѣ своемъ, его посѣтила благая мысль, угодная Богу: онъ отправилъ въ Васакаванъ, Хёндцитской провинціи, и приказалъ привезти оттуда Василія и Константина, сыновей вѣнценосца Романа, которые поспѣшно отправлены были имъ къ Спрамикъ, изъ опасенія, чтобы нечестивая царица, по врожденной злобѣ, не извела ихъ. Кода Василія привезли въ Константинополь, (Чмёшкикъ) созвалъ всѣхъ вельможъ греческихъ—и собрался въ царскомъ дворцѣ ихъ внушительный сонмъ. Тогда Чмёшкикъ своими руками снялъ съ главы своей корону и возложилъ ее на голову Василія, возвелъ его на царскій свой престолъ и поклонился ему въ землю. Возвративъ (такимъ образомъ) Василію отцевскій его престолъ и передавъ ему царскую власть надъ всею Греціей, самъ онъ удалился въ пустыню и, принявъ монашескій чинъ, поселился въ монастырѣ.

И тотъ, кто вчера еще былъ царемъ, сегодня сидитъ съ нищими, принявъ на себя добровольную нищету, въ надеждѣ наслѣдовать блаженство св. Евангелія, платя долгъ за неповиннаго Никифора!

---

[32]) Чмёшкикъ царствовалъ, какъ извѣстно, 6 лѣтъ 6 мѣсяцевъ—съ 969 до 976.

Въ началѣ 424 года армянскаго лѣтосчисленія (975) воцарился 7 r
Василій (II), сынъ Романа Старшаго, внукъ императора Константина (порфирогена). Онъ по добротѣ и милосердію своему былъ отцемъ для всего римскаго народа. Василій, братъ Константина, во время своего царствованія успѣлъ многихъ непокорныхъ заставить признать власть свою. Онъ заслужилъ имя добраго (государя): былъ милосердъ ко вдовымъ и плѣнникамъ и справедливъ къ угнетеннымъ.

УКАЗАТЕЛЬ
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

(Сокращенія: *г* — гора, *гд.* — городъ, *кр.* — крѣпость, *мон.* — монастырь, *обл.* — область, *р.* — рѣка, *с.* — селеніе).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

І.

К.

Л.

M.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
19	10 сверху	Artaxta	Artaxata
27	1 „	Балцер-Хайкъ	Бардцеръ-Хайкъ
28	11 снизу	Багавап	Багаван
40	5 сверху	М. Аоренскій	М. Хоренскій
156	9 „	Брамаисъ	Арамаисъ.
159	4 снизу	Карфагенъ	Карѳагенъ
162	5 „	Тавумъ	Тавушъ
163	5 сверху	Мармашлэнъ	Мармашэнъ
168	13 „	Васокованъ	Васакаванъ
269	21 „	Gaghankaïtouz	Kaghankaïtouz
321	4 снизу	Поликритъ Евагръ	Поликратъ, Евагръ
410	18 сверху	Боальбекскія	Баальбекскія